
1853
ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
№12.
ДЕКАБРЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВТОРАЯ ЖЕНА Повѣсть. *Г. Коржневскаго.*
РУБЕНСОВА ГОЛОВКА Разсказъ *В. В. Толбина.*
СТИХОТВОРЕНІЯ *Н. П. Грекова.*
1. Ты помнишь: надъ ясной рѣкою?
2. Души неразгаданной чада —
3. Довольно, о другъ мой, довольно!

II. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ.
1. Опера до Мейербера.
2. Мейерберъ и его вліяніе.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Говорить о томъ, что всегда одно и тоже?—Общее содержаніе комедій, пословицъ и водевилей Александринскаго театра.—Замѣчательнѣйшія явленія на русской сценѣ.—Максимовъ 1 въ «Гамлетѣ» Шекспира.—Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, а кажется имъ такимъ легкимъ.—Ошибочное мнѣніе Байрона о Кинѣ и Кемблѣ —Первое появленіе Гамлета въ европейскихъ переводахъ.—Первый русскій переводъ. — Прежніе и современные намъ актеры въ роли Гамлета. — Мочаловъ и Каратыгинъ.—Датская легенда объ Амлетѣ, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ.—Гамлетъ не сумасшедшій, не слабодушный и не рѣшительный, словомъ не водевильный герой.—Мнѣніе Гете о Гамлетѣ.—Г. Максимовъ 1.—Новый шагъ въ русскомъ искусствѣ на сценѣ.—Школа натурализма въ трагедіи.—Плохой переводъ Гамлета г. Полеваго и его плохія послѣдствія.

2. РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(*Статья вторая*).

Андромаха.—Расинъ и требованія его вѣка.—Мнѣніе Корнелья.—Мысль пьесы. — Андромаха Эврипида.—Цѣль ея.—Герміона въ *Андромахѣ* и *Орестѣ* Эврипида.— Герміона Расина.—Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера.—Значеніе пьесы и критика Лагарпа.—Разборъ трагедіи —Пирръ.—Любовь à la française —Неумѣстная иронія Герміоны.—Положеніе Андромахи.—Орестъ.—Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедіи.— Враги Андромахи.—Эпиграмы Расина.—*Адріенна Лекуверъ.* — Ея исторія. — Драма Скриба. — Разборъ ея. — Герцогиня Бульонъ. — Шазель. — Появленіе Рашели.—Два голубя.—Двѣ стороны таланта Рашели.—Энергія и нѣжность.—Любовь Адріенны. — Сцена соперницъ. — Монологъ изъ *Федры.* — Пятый актъ.—Смерть Адріенны.—Какъ умираютъ отъ яду.—Рашель въ современной драмѣ и въ трагедіяхъ.

III. СМѢСЬ.

1. **Исторія одной танцорки временъ Людовика IV**. Разсказъ *А. Барте*.
2. **Воспоминанія русскаго туриста. Гавана и Матанзасъ**. Изъ путешествій *А. Г. Ротчева*.
3. **Трехмѣсячный плѣнъ у великановъ**. Статья вторая и послѣдняя.
4. **Кубегуля**. Разсказъ изъ Абхазскихъ нравовъ. *В. И. Савинова*.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузіи. — Литовскія легенды 1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса. 2. Сливочная княжна. — «Ленора» Бюргера на португальскомъ языкѣ. — Основаніе Бухареста *(легенда)*. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ**: Очерки зоологической географіи. — Могутъ ли кометы столкнуться съ землею? — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**; Томасъ Стотгардъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ**: Нарядъ супруги делійскаго султана. — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы. — Вечеръ въ Дамасскѣ. — Вашингтонъ-Ирвингъ. — Музыка и библіотека въ среднихъ вѣкахъ. — Турецкая сабля *(сѣверо-американскій разсказъ)*. — Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*). — Картина Босфора.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ:

«Исторія войны Россіи съ Франціей» въ Царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I, сочиненіе полковника *Милютина*.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ. — Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ. — Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности. — Деревянные геніи, или занятіе отъ нечего дѣлать. — Львица сезона съ ея изображеніями и львы съ чужими зубами и шерстью. — Метаморфоза. — Такса для наема экипажей. — Некрологъ. — Зимній садъ и зимнія литературныя новости.

IV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 12.

СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ извѣстнаго художника **В. Ѳ. ТИММА**. (Съ фотографіи Александровскаго).
2. Музыка **БЛЕСТЯЩІЙ ВАЛЬСЪ**, соч. *Ф. Бургмюллеромъ*, на мотивы новѣйшей оперы Галеви: «**НАБАБЪ**» (*Присланъ изъ Парижа.*)

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

ТОМЪ XII.

ДЕКАБРЬ — КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 26-го 1853.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА М. С. ПОКРОВСКАГО

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВТОРАЯ ЖЕНА.

ПОВѢСТЬ

Г. КОРЖЕНЕВСКАГО.

I.

Между Бѣлой и Люблиномъ, окруженная лѣсами, лежитъ большая и богатая деревня Домбровецъ. Вѣроятно, названье это получила она отъ огромнаго дубоваго лѣса, нѣкогда тамъ зеленѣвшаго, отъ котораго теперь остались одни гигантскіе дубы, украшающіе дворъ и садъ, и во множествѣ разбросанные по плодоноснымъ и хорошо воздѣланнымъ полямъ. На ровномъ и устланномъ зеленымъ дерномъ дворѣ стоялъ обширный старосвѣтскій домъ, съ широкимъ, на четырехъ дубовыхъ колоннахъ, крыльцомъ; отъ большой дороги отдѣлялся онъ деревяннымъ заборомъ; направо былъ флигель, гдѣ помѣщались кухня и службы, а налѣво стояло длинное небѣленое строеніе, заключавшее въ себѣ экипажные сараи и конюшни примѣрной чистоты и порядка. За домомъ тянулся огромный садъ съ фруктовыми деревьями, старосвѣтскими шпалерами и группами дубовъ, о которыхъ сказано вначалѣ. Садъ этотъ примыкалъ

къ небольшой, но полной рѣчкѣ, за которой тутъ же начинался дремучій лѣсъ, состоящій изъ разныхъ породъ деревьевъ, соединяясь съ садомъ нѣсколькими хорошенькими мостиками. Большая деревня, съ деревяннымъ костеломъ по срединѣ, также окруженнымъ высокими дубами, тянулась вдоль рѣки, а на другомъ ея концѣ помѣщалася мыза со всѣми хозяйственными принадлежностями.

На всей деревнѣ виднѣлись слѣды необыкновеннаго порядка и въ каждомъ углу замѣтно было, что хозяйство шло самымъ точнымъ и аккуратнымъ образомъ.

Хозяинъ этого имѣнія, Антонъ Клецкій, нѣкогда служилъ въ русскомъ кавалерійскомъ полку. При полковникѣ дворецкимъ состоялъ отставной вахмистръ того же полка, лихой отчаянный рубака, управлявшій всѣмъ въ эскадронѣ. Въ сраженіи съ турками онъ спасъ жизнь полковнику, вытащивъ его изъ-подъ убитой лошади и отдавъ ему свою, да и теперь былъ готовъ за него на смерть—такъ любилъ онъ своего прежняго начальника! И ветеранъ, усердно присматривая за добромъ полковника, ежедневно повторялъ, что при немъ только хочетъ жить и умереть.

Однако не все въ этотъ домѣ шло какъ по маслу и не все дѣлалось по волѣ полковника, какъ его обыкновенно называли. Въ хозяйствѣ, въ распоряженіяхъ, однимъ словомъ, внѣ границъ дома—каждое слово и приказаніе его имѣли вѣсъ и были чтимы, словно команда во фронтѣ; но въ границахъ дома было иное, болѣе могущественное слово, противъ котораго и полковникъ не смѣлъ возвысить своего мужественнаго голоса, и передъ которымъ склонялся извѣстный уже вахмистръ—лихачъ, небоявшійся ни штыка, ни сабли.

Въ этотъ-то домъ хочу ввести читателей моей повѣсти, основаніе которой взято съ натуры.

Въ іюлѣ 1840 года, между пятымъ и шестымъ часомъ вечера, на крыльцѣ дома въ Домбровцѣ стоялъ мужчина, видъ и осанка котораго изобличали стараго кавалериста. Онъ былъ хорошо сложенъ, средняго роста, лицо имѣлъ свѣжее и веселое, глаза свѣтлые, улыбающіеся, а изъ-подъ развѣсистыхъ усовъ виднѣлись бѣлые и здоровые зубы. Сѣрый казакинъ его съ стоячимъ воротникомъ, старательно застегнутый, отличался чистотой и сидѣлъ на немъ словно вылитый, не мѣшая ловкости и свободѣ движеній. Въ рукѣ онъ держалъ чистыя перчатки, играя ими; а бѣлая фуражка была ловко надвинута на его сѣдоватой и плотно-остриженной головѣ, которую онъ четверть часа приглаживалъ передъ зеркаломъ. Таковъ былъ панъ Вицентій Пуслицкій, нѣкогда лихой вахмистръ и хозяинъ эскадрона. Въ то же время, когда, стоя на крыльцѣ, панъ Пу-

слицкій посматривалъ на ворота, во дворъ влетѣла дорожная коляска, запряженная лихимъ пятерикомъ въ краковскихъ хомутахъ. Въ минуту добрые и измученные, какъ видно, шибкой ѣздой, кони остановились передъ крыльцомъ, звеня кольцами упряжи и взбрасывая опѣненныя морды.

Въ коляскѣ сидѣлъ осанистый старикъ, въ пепельнаго цвѣта лѣтней фуражкѣ, большое донышко которой, опускаясь, защищало глаза его отъ солнца. Онъ былъ въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, въ петлицѣ виднѣлась орденская ленточка. Лицо его было довольно свѣжо, глаза смотрѣли смѣло и спокойно, рука опиралась на трость съ большимъ набалдашникомъ изъ слоновой кости. По всему видно было, что это также старый служака, привыкшій командовать и быстрымъ взглядомъ окидывать молчаливый фронтъ, готовый на каждое его мановеніе.

Пріѣзжій былъ русскій генералъ, нѣкогда командовавшій полкомъ, а теперь жившій въ помѣстьи своемъ въ отставкѣ.

Узнавъ пріѣзжаго, вахмистръ снялъ фуражку, вытянулся и ожидалприказаній.

— Каково поживаешь, Пуслицкій? сказалъ старикъ чистымъ звучнымъ голосомъ.

— Слава Богу, ваше превосходительство,—отвѣчалъ вахмистръ, неъ измѣняя положенія; только въ глазахъ его блеснула радость при видѣ стараго командира, котораго привыкъ онъ уважать еще въ бывалые годы.

— Повидимому поживаешь хорошо и, какъ замѣчаю, еще не сдѣлался бабой,—прибавилъ генералъ, улыбаясь, въ то время, когда слуга отворялъ дверцу.

— Подойди-же ко мнѣ, Пуслицкій, и помоги мнѣ взойти по лѣстницѣ, потому-что я пересидѣлъ ноги.

Словно снятый съ часовъ этими словами, сбѣжалъ вахмистръ съ лѣстницы, въ минуту былъ уже возлѣ коляски и помогъ выйдти старику, который, едва ступивъ на землю, положилъ руку на голову ветерану, наклонилъ ее къ себѣ и поцаловалъ въ лобъ. Выпрямясь послѣ этого привѣтствія и отворотясь немного въ сторону, Пуслицкій отеръ рукавомъ слезу, невольно скатившуюся съ его рѣсницы.

— Ну, ну...—сказалъ генералъ, замѣтивъ это движеніе:—не сты, дись, что любишь меня и радъ моему пріѣзду.

— Видитъ Богъ, какъ радъ, ваше превосходительство!—сказалъ Пуслицкій и, подставивъ дюжее плечо, на которое генералъ облокотился, помогъ ему взойти на ступеньки крыльца.

— Позаботься-же о моихъ лошадяхъ, Пуслицкій,—сказалъ генералъ

остановясь на крыльцѣ и оглядываясь по двору:—они уходились порядкомъ. Такъ спѣшилъ къ вамъ, что сдѣлалъ пять миль въ одну упряжку.

— Сейчасъ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ вахмистръ и исчезъ.

II.

Генералъ вошелъ въ залу, осмотрѣлся вокругъ, нахмурилъ брови и сказалъ съ неудовольствіемъ, кладя на столъ фуражку:

— Что-то у васъ здѣсь не по прежнему. Правда, что я не былъ два года въ этой комнатѣ, но въ это время мебель, которую такъ любила моя покойная племянница, не могла-же испортиться до такой степени, чтобъ ее надо было выбросить. Загородили комнату какими-то штуками, позавѣшивали окны и двери такъ, что все это похоже на лавку. Здѣсь ничего нѣтъ военнаго, Пуслицкій! нѣтъ ни строю, ни ладу, ни одинъ стулъ не знаетъ своего мѣста, а кресты и диваны блуждаютъ словно невыученные рекруты. Что-же это значитъ? Говори-же!

Вытянувшись, Пуслицкій слушалъ генерала и, чувствуя справедливость его замѣчаній, мигалъ только глазами и шевелилъ усомъ, какъ-бы собираясь заплакать: но, не желая скомпрометировать своего полковника и стыдясь нѣсколько за его слабость, не отвѣчалъ ни слова.

— Что-же ты молчишь? Все это перемѣнено по желанію полковника?

— Это полковница приказала,—отвѣчалъ Пуслицкій, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Приказала! приказала! повторилъ генералъ. И полковникъ послушался?

— Точно такъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ дрожащимъ голосомъ.

— Только еще девять мѣсяцевъ, какъ женился во второй разъ, и уже такъ оплошалъ! сказалъ генералъ, садясь въ кресло. Скоро-же онъ позабылъ, чѣмъ была для него моя Машенька, которую воспиталъ я въ страхѣ Божіемъ и которой внушилъ послушаніе и уваженіе къ мужу.

— Покойная полковница—царство ей небесное—была совсѣмъ не такая, какъ нынѣшняя... отвѣчалъ вахмистръ, оглядываясь.

— Не смѣла ни одного слова сказать противъ мужа...

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Полковникъ ни разу не видѣлъ на ея прекрасномъ лицѣ ни одной недовольной мины, ни одной гримасы...

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Она принесла ему приданаго пятьсотъ тысячъ злотыхъ, а была довольна тѣмъ, что̀ давалъ онъ ей иногда даже съ неудовольствіемъ. Что, не правда?

— Правда, правда, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Пуслицкій съ чувствомъ.

— Здоровьемъ и жизнью заплатила она за привязанность къ нему. Узнавъ, что онъ боленъ, она спѣшила день и ночь среди жестокихъ морозовъ. Правда или нѣтъ?

— Правда, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, отирая слезы рукою, которую опустилъ поспѣшно по шву, чтобъ не испортить выправки.

— И теперь, чрезъ четыре года послѣ ея смерти, чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ того, какъ другая, заступивъ ея мѣсто, вошла въ домъ, я не вижу ни одного воспоминанія о прекрасной женщинѣ, которую, впрочемъ любилъ полковникъ.

— Что любилъ, то правда, ваше превосходительство! — сказалъ Пуслицкій громче и смѣлѣе, бывъ доволенъ, что хоть этимъ въ состояніи возвысить своего полковника въ мнѣніи генерала.—Не разъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ полковникъ любилъ покойницу жену, какъ потомъ всегда вспоминалъ о ней... то-есть, покамѣстъ не женился на теперешней госпожѣ полковницѣ.

Генералъ примѣтилъ замѣшательство служиваго. Оправясь немного отъ грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него гостиной новой хозяйки, онъ спросилъ, незамѣтно улыбнувшись:

— А теперь уже не вспоминаетъ?

— Теперь, ваше превосходительство!—отвѣчалъ вахмистръ, подаваясь на шагъ впередъ: — теперь такъ... кажется, никогда.

— Значитъ, не смѣетъ? что?.. спросилъ старикъ, вставая.

— Что-то въ родѣ этого, ваше превосходительство!

— Онъ, такой лихой солдатъ, боится бабы? Однакожъ я не разъ видѣлъ, какъ онъ, съ саблей въ рукѣ, летѣлъ на турецкія батареи.

— Это не штука, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Пуслицкій съ видомъ, что и ему это обстоятельство обыкновенно.—Здѣсь-же,—прибавилъ онъ, выпрямляясь и оглядываясь незамѣтно:—здѣсь дѣло другое...

— Э, любезный, значитъ и ты сдѣлался трусомъ и склонилъ флюгеръ передъ чепчикомъ. Фи! стыдъ! бабство! продолжалъ генералъ, ходя

по комнатѣ и отталкивая стулья и кресла, которыя стояли въ разныхъ направленіяхъ и мѣшали ему ходить, встрѣчаясь вездѣ на дорогѣ.

Въ это время Пуслицкій тяжело вздыхалъ, кусая усы со стыда и опустивъ голову.

— Но, что-же за дьявольщина,—сказалъ наконецъ генералъ останавливаясь:—ко мнѣ никто не выходитъ! Развѣ никого нѣтъ дома, или больны? Гдѣ-же Ядвига?

— Барышня уѣхала съ госпожей полковницей къ сосѣдямъ. Вѣроятно возвратятся, къ вечеру.

— Жаль, хотѣлось-бы увидѣть ее поскорѣе. Должно быть, выросла, похорошѣла, сформировалась.

— Выросла и похорошѣла, ваше превосходительство, точь-въ-точь портретъ маменьки, отвѣчалъ вахмистръ съ улыбкой удовольствія.

— Милое дитя! А вспоминаетъ-ли она иногда дѣдушку? спросилъ генералъ, подходя къ Пуслицкому и взявъ его за пуговицу.

— Со мной ни о чемъ другомъ барышня и не говоритъ, ваше превосходительство.

— Доброе дитя! сказалъ старикъ; потомъ прибавилъ какъ-бы довѣрчиво:—А не хочетъ-ли она замужъ? Что?

— Конечно, ваше превосходительство, барышня, хотя и не говоритъ объ этомъ,—сказалъ смѣшавшись Пуслицкій:—однако-же, какъ мнѣ кажется, то и не прочь-бы,—прибавилъ онъ серьёзно.

— Милое, милое дитя! Пусть и не прочь отъ того; я къ 500,000 материнскихъ... придамъ еще столько-же своихъ, чтобъ вышелъ круглый мильончикъ— а?

— Хорошее дѣло, ваше превосходительство, сказалъ вахмистръ, подумавъ: — все же лучше, чѣмъ ничего.

— Надѣюсь, что лучше, сказалъ генералъ, а потомъ, оглянувшись, спросилъ: — А что, и полковникъ уѣхалъ съ женой?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пуслицкій, шевеля съ безпокойствомъ руками, но удерживая ихъ по швамъ и какъ-бы глотая слово, которое остановилось у него костью въ горлѣ.

Наконецъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ онъ прибавилъ:

— Полковникъ, ваше превосходительство, изволилъ повесть на прогулку собачекъ госпожи полковницы.

Генералъ отскочилъ отъ испуганнаго вахмистра и сказалъ громко:

— Смирно!

Пуслицкій вытянулся въ струнку и смотрѣлъ въ глаза генералу, который продолжалъ:

— Впередъ! маршъ!

Пуслицкій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и когда уже подошелъ на поларшина къ генералу, послѣдній скомандовалъ:

— Стой!

Вахмистръ остановился, какъ вкопанный.

— Послушай, Пуслицкій, знаю, что ты любилъ полковника и съ опасностью жизни выручилъ его изъ бѣды; знаю, что и онъ любитъ тебя, помня эту услугу, а теперь ты на него клевещешь! Знаешь-ли, съ кѣмъ ты говоришь?

Съ уваженьемъ слушалъ Пуслицкій стараго генерала, потомъ отвѣчалъ, покачавъ головой:

— Что правда, то правда, ваше превосходительство; а что касается особы вашего превосходительства, то также знаю, съ кѣмъ говорю и не смѣлъ-бы лгать и чернить своего полковника...

— Такъ онъ повелъ собачекъ на прогулку? сказалъ генералъ съ улыбкою:—онъ, который терпѣть не могъ собакъ и чуть не вышелъ на дуэль съ товарищемъ за то, что ударилъ собаку! А! значитъ свѣтъ перевернулся вверхъ ногами!

— Перевернулся, отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденіемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у васъ происходятъ любопытныя дѣла сказалъ генералъ, садясь. Прикажи-ко, братъ Пуслицкій, подать мнѣ сюда трубку и разскажи, какимъ образомъ вы позволили осѣдлать себя?

— У насъ здѣсь трубки нѣтъ и въ поминѣ, ваше превосходительство, отвѣчалъ пристыженный вахмистръ:—запрещено подъ строжайшею отвѣтственностью..

— Какъ, и полковникъ уже не куритъ?

— Не куритъ, ваше превосходительство.

— Да вѣдь онъ-не могъ обойдтись безъ этого, даже выписывалъ табакъ изъ Одессы?

— Съ тѣхъ поръ, какъ госпожа полковница вошла въ домъ, трубка вышла изъ дому, ваше превосходительство.

— О, какіе же вы олухи! воскликнулъ старикъ. — Ступай къ моему человѣку и прикажи принесть сюда трубку. Что же стоишь? Развѣ не слышалъ?

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ въ сильномъ смущеніи:—кажется, госпожа полковница сейчасъ возвратится... Можетъ быть, было бы безопаснѣе...

— Что? Ужъ не полагаешь-ли, что я ея испугаюсь? Развѣ ваша полковница двадцати фунтовая пушка?

— Знаю, что двадцати фунтовая пушка вздоръ для вашего превосходительства, да и для меня, слава Богу, пустяки, какъ вамъ извѣстно... а госпожа полковница, ваше превосходительство ..

— Страшнѣе, чай, орудія?

— Что-то въ родѣ этого, ваше превосходительство.

— Какія же это у дьявола чары, которыми она васъ опутала? сказалъ старикъ вставая.—Тощая графиня, немолодая, можетъ быть, себѣ и умная по французски; но что же здѣсь необыкновеннаго? Развѣ очень хороша собой? Я ее не видѣлъ. Лучше моей племянницы?

— Гдѣ-же ей до покойницы, ваше превосходительство!—отвѣчалъ ветеранъ, осматриваясь однакожъ, не подслушиваютъ-ли, но потомъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, прибавилъ тише:

— Суха, какъ щепка, высока и пряма, какъ пика, ваше превосходительство; мало говоритъ, никогда не усмѣхнется, а что захочетъ сдѣлать, то поставитъ на-своемъ. Иногда полковникъ и вздумаетъ что-нибудь приказать, да взглянетъ на жену — умолкнетъ, словно рыба, и ни гу-гу! Она ему скажетъ что-то по французски—и счастливо оставаться! сейчасъ уже другое направленіе. Что должно быть бѣлымъ, дѣлается чернымъ,—и баста.

— Гмъ! гмъ! ворчалъ старикъ и ходилъ, встревоженный не на шутку.—Значитъ я въ пору сюда пріѣхалъ. Твой обабившійся полковникъ пожалуй готовъ, безъ моего вѣдома и воли, вытолкать изъ дому мою Ядвигу, еслибы жена приказала. Правда ли, что возлѣ внучки увивается какой-то голышъ—графчикъ, кажется, родственникъ вашей комендантши?

— Что-то на это похоже, ваше превосходительство.

— Чорта лысаго съѣстъ! воскликнулъ старикъ, ударивъ рукой по столу:—не хочу—и баста! пускай полковница держитъ мужа подъ туфлей, если ему это нравится; но брысь! отъ моей внучки и моего имѣнія. Здѣсь должны рѣшать только сердце Ядвиги и я, а не мнѣніе и корысть какого-то диктатора въ юбкѣ. Однако мнѣ надо немного ближе познакомиться съ этими маневрами. Снеси мои вещи въ тѣ комнаты, которыя занималъ я въ послѣдній пріѣздъ. Мнѣ было тамъ хорошо.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ, смѣшавшись Пуслицкій:—именно въ этихъ комнатахъ сложены вещи графа Альфреда, который завтра долженъ пріѣхать.

— И что за имя, Боже праведный! — воскликнулъ старикъ съ досадою.—Альфредъ! точь-въ-точь взято на прокатъ изъ какой-нибудь французской книжки. И я отдалъ-бы ему дѣвушку-золото, единственную дочь безцѣнной моей Машеньки? Нѣтъ, шалишь милльонъ

бомбъ! Хотя бы я долженъ былъ ссориться и даже стрѣляться. Выбросить его вещи, а мои перенесть!

— Ваше превосходительство, госпожа полковница...

— Что мнѣ твоя полковница! не о ней идетъ дѣло, а о Ядвигѣ,— говорилъ генералъ и началъ быстро ходить по комнатѣ.

Однако Пуслицкій не спѣшилъ исполнить приказанія, а генералъ, пройдясь нѣсколько разъ и успокоясь немного, прибавилъ:

— Ну, Богъ съ вами! не хочу васъ подвергать непріятностямъ, когда вы такъ боитесь. Оставь! Наконецъ и не слѣдуетъ буянить въ чужомъ домѣ. Вѣроятно, полковникъ скоро возвратится; онъ самъ найдетъ, гдѣ помѣстить меня. Постарайся только, чтобъ была другая особенная комната, потому-что завтра пріѣдетъ сюда одинъ молодой человѣкъ—понимаешь? Да я желалъ бы, чтобъ онъ былъ хорошо принятъ. Понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ Пуслицкій съ улыбкой, какъ-бы догадываясь въ чемъ дѣло.

Догадливость вѣдь принадлежность военной дисциплины и служитъ пробнымъ камнемъ хорошаго солдата.

III.

Въ это время на дворѣ раздался лай собаченокъ. Пожавъ плечами, генералъ началъ быстрѣе прохаживаться, а Пуслицкій, почти покраснѣвъ при этомъ явномъ доказательствѣ слабости полковника, стоялъ словно на иголкахъ, и когда генералъ оборачивался къ нему спиною, все еще пожимая плечами, вахмистръ вздыхалъ и даже почесалъ затылокъ, такъ однакожъ, чтобъ старый начальникъ не замѣтилъ, что онъ держитъ руки не по швамъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ полковникъ. Не замѣтилъ онъ сразу присутствовавшихъ, потому-что вошелъ бокомъ, держа на рукахъ одну собачку, и, щелкая пальцами, звалъ другую, вѣроятно, за нимъ слѣдовавшую.

Замѣтивъ, что генералъ усѣлся и посматривалъ насмѣшливо, Пуслицкій готовъ былъ провалиться сквозь землю при видѣ этой унизительной сцены; онъ не могъ выдержать долѣе, подошелъ къ полковнику и, показывая знаками, что угрожаетъ опасность, сказалъ:

— Г-нъ полковникъ!...

— А, это ты, Пуслицкій! подай мнѣ Пафчика! Бѣдная собаченка устала и не можетъ поспѣть, а между тѣмъ будетъ завидовать Лолоткѣ за то, что держу ее на рукахъ.

— Но, г. полковникъ!—говорилъ въ отчаяніи вахмистръ:—г. генералъ..

— Какой генералъ?

— Его превосходительство, генералъ Дарскій!—сказалъ Пуслицкій, указывая головою налѣво.

— Что-же? Писалъ? Прислалъ нарочнаго?..

— Здѣсь въ этой комнатѣ и смотритъ на васъ, сказалъ наконецъ Пуслицкій, оставя всѣ маневры предосторожности.

Поворотивъ голову налѣво, полковникъ увидѣлъ серьозное лицо генерала и его быстрые голубые глаза, смотрѣвшіе на него съ насмѣшливымъ выраженіемъ. Сначала онъ смутился; но скоро, прійдя въ себя и желая выдти изъ непріятнаго положенія, сказалъ, отдавая Пуслицкому собачку:

— Возьми собачекъ и отнеси въ дѣвичью; пусть за ними присмотрятъ, пока пріѣдетъ барыня.

Потомъ, выпрямясь, съ веселымъ, привѣтливымъ лицомъ, пошелъ онъ къ своему гостю, который, не вставая съ мѣста и качая ногой, положенной на ногу, пристально смотрѣлъ на приближавшагося полковника.

Это былъ высокій, красивый мужчина, съ лицомъ, исполненнымъ выраженія и мужества. Онъ носилъ длинные волосы, между которыми пробивались уже сѣдины. Одѣтъ онъ былъ старательно и совершенно не по домашнему; на немъ были: франтовское пальто, лакированные сапоги, свѣтлыя перчатки; галстухъ былъ повязанъ щегольски, жилетъ шелковый послѣдней моды; а борода была такъ тщательно выбрита, что даже въ микроскопъ не замѣтили бы на ней ни одного волосочка. Исчезли безъ слѣда и тѣ знаменитые усы, которыми нѣкогда онъ славился, придававшіе ему такой грозный видъ, когда голосъ его гремѣлъ передъ фронтомъ или призывалъ къ отвагѣ въ минуты опасности.

— Какая неожиданная радость!—сказалъ онъ, генералъ у меня въ домѣ.

— Пріѣхалъ—дѣло обыкновенное, только не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ это доставитъ вамъ большую радость,—отвѣчалъ старикъ, довольно хладнокровно и не трогаясь съ мѣста.

— А отчего же?—сказалъ полковникъ, немного смутившись.—Жена моя будетъ очень рада...

— Значитъ, если жена ваша будетъ мнѣ рада, то и вы будете рады; а если полковница сдѣлаетъ гримасу, то и вы послѣдуете ея примѣру,—сказалъ генералъ, вставая.

— Это почему? — вскрикнулъ полковникъ, смѣясь. — Во-первыхъ,

жена моя не сдѣлаетъ гримасы; а еслибы и сдѣлала, развѣ не я господинъ въ этомъ домѣ, гдѣ вы имѣете полное право на всевозможное уваженіе и привязанность.

— Вижу, вижу, что ты здѣсь господинъ,—отвѣчалъ старикъ, поглаживая сѣдые усы:—потому-что и собачекъ няньчишь съ такимъ терпѣніемъ и лицо твое голо, какъ колѣна. Кажется, прежде, панъ полковникъ, ты любилъ и нѣжилъ усы, а собакъ большихъ и малыхъ выталкивалъ за дверь. Должно быть, все чертовски измѣнилось въ этомъ домѣ, котораго ты господинъ.

— Только одно: я женился.

— Развѣ этого мало? да и пословица говоритъ: женишься—перемѣнишься; тѣмъ болѣе, если въ другой разъ.

— Конечно, надо исполнять иныя прихоти жены, которую любишь. Моя жена...

— Твоя жена,—прервалъ генералъ съ удареніемъ:—любитъ собачекъ, и не любитъ усовъ; и вотъ панъ полковникъ, какъ хозяинъ въ домѣ и лихой кавалеристъ, беретъ собачекъ на руки и нянчится, а усы отсылаетъ въ цирюльню. Но это бы еще ничего, еслибы только кончилось на этомъ. Въ прихотяхъ, любезный, а особенно въ женскихъ, нѣтъ предѣловъ. Боюсь, чтобъ не кончилось на мнѣ, а въ особенности на Ядвигѣ.

— О, что это вы говорите, генералъ?—воскликнулъ, немного пристыженный, полковникъ.—Если я снисходительный мужъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ я былъ дурнымъ отцомъ. Должно быть, здѣсь Пуслицкій наболталъ вздору. Однако, генералъ, вы начали съ упрековъ, и я позабылъ спросить: расположились ли вы у меня со всѣмъ привычнымъ комфортомъ. Вы у меня такой дорогой гость. Покорно прошу садиться,—прибавилъ онъ привѣтливо, пожимая руку старику,—а мнѣ позвольте немного похозяйничать.

Генералъ усѣлся, а полковникъ, отворивъ дверь, кликнулъ Пуслицкаго. Когда вахмистръ вошелъ, полковникъ сначала погрозилъ ему незамѣтно, а потомъ спросилъ:

— Приготовилъ ты комнаты для генерала?

— Ихъ превосходительству угодно было занять прежнюю свою квартиру. Но тамъ барыня... изволили... прибавилъ встревоженный дворецкій тише и дрожащимъ голосомъ.

— А, — правда! отвѣчалъ господинъ: — тамъ вещи графа Альфреда,—а онъ завтра долженъ пріѣхать.

— Да и ключи у барыни,—прибавилъ Пуслицкій.

— Да, да,—говорилъ полковникъ, поглядывая на генерала, который улыбался.—Ну, такъ въ угловой зеленой комнатѣ. Тамъ есть передняя, и окны выходятъ въ садъ.

— Тамъ должна остановиться барынина родственница, что на дняхъ ожидаютъ.

— Правда и тамъ нельзя. Она пріѣдетъ не сегодня, такъ завтра.

— И ключъ тоже у барыни, — прибавилъ Пуслицкій, пожимая плечами.

— Такъ снеси вещи въ мою комнату,—сказалъ наконецъ полковникъ мягкимъ голосомъ: — жена скоро пріѣдетъ, и это все уладится.

Пуслицкій подошелъ ужъ къ двери, но полковникъ еще обратился къ нему и сказалъ громко, повелительнымъ голосомъ:

— Гей, Пуслицкій? Присмотрѣть, чтобъ лошадямъ была двойная дача и накормить людей. Экипажъ пусть обмоютъ и поставятъ въ сарай.

Обращаясь къ гостю, онъ прибавилъ:

— Не прикажете-ли чего-нибудь—съ дороги?

— Почему-же и нѣтъ! Пять миль проскакалъ въ одну упряжку.

— Можетъ-быть, стаканъ чаю? говорилъ радушный хозяинъ.

— Хорошо, отвѣчалъ генералъ:—только не зеленаго и не слишкомъ барскаго.

— Пуслицкій! чаю! живо!

Вахмистръ стоялъ, вытянувшись, шевелилъ усами и покашливалъ.

Полковникъ подошелъ къ нему.

— Что-же ты стоишь? чаю!

— Ключи у барыни, — отвѣчалъ тихонько вахмистръ.— Да она же приказала подождать себя.

— Правда, еще не время чай пить, сказалъ полковникъ, дѣлая гримасу и посматривая на часы.—Жена моя завела такой порядокъ, что на все у насъ свое время. Чай будемъ пить попозже; а теперь, дорогой гость не угодно-ли стаканъ вина съ бисквитомъ, это подкрѣпитъ съ дороги.

— Хорошо,—отвѣчалъ старикъ, улыбаясь.—Вѣдь это нашъ старинный напитокъ, только еслибъ венгерскаго и хоть немного подходящаго къ моему возрасту.

— Пуслицкій, прикажи подать намъ бутылку добраго венгерскаго и два стакана, только живо! да не забудь и бисквитовъ!

Но Пуслицкій стоялъ, не двигаясь съ мѣста, шевелилъ усами и по-

давалъ знаки. Видя это, полковникъ подошелъ къ нему и сказалъ съ нетерпѣніемъ:

— Ну, что-же? не понимаешь?

— Понялъ бы, г. полковникъ, еслибъ были ключи, или хотьбы дверь въ погребѣ была не желѣзная... Но барыня...

— Вотъ штука!—сказалъ полковникъ, подходя къ генералу и смѣясь притворнымъ смѣхомъ:—пріидется показаться передъ вами неаккуратнымъ хозяиномъ.—Сегодня жена приказала при себѣ привесть въ порядокъ погребъ, и какъ-то, по разсѣянію, захватила ключи съ собою.

— Значитъ жена твоя разсѣянна,—сказалъ генаралъ, смѣясь въ душѣ надъ замѣшательствомъ и увертками полковника.—Искренно жалѣю о тебѣ. Кто привыкъ быть господиномъ въ домѣ, тому очень непріятно имѣть разсѣянную жену, которая все отъ него запираетъ. Такъ-ли, Пуслицкій?

— Точно такъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ вахмистръ, вытягиваясь.

— И часто съ полковницей случается такая разсѣянность, Пуслицкій?

— Какъ-бы сказать, ваше превосходительство, почти... постоянно.

Нахмуривъ брови, полковникъ далъ знакъ вахмистру выйдти.

— Не уходи еще, Пуслицкій!—сказалъ генералъ съ такой веселой и насмѣшливой миной, какъ бы хотѣлъ нарочно выставить наружу постыдную покорность полковника женѣ и ея капризамъ.—Не смущайся, панъ полковникъ, что, по стеченью обстоятельствъ, не можешь принять меня, какъ-бы тебѣ хотѣлось.

— Мнѣ это, право, такъ непріятно...

— Вѣрю, вѣрю; но развѣ это крайняя необходимость? Вѣдь мы съ тобой старые солдаты, а солдатъ легко переноситъ голодъ и холодъ. Бывало, нечего пить—мы закуриваемъ трубку, нечего ѣсть—мы опять закуриваемъ трубку. И добрая трубка, бывало, замѣняла намъ и венгерское и баранину — такъ-ли, Пуслицкій?

— Истинно такъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденіемъ и выпрямляясь.

— Мы и теперь сдѣлаемъ то же самое, — продолжалъ старикъ, незамѣтно поглядывая на хозяина, вертѣвшагося въ безпокойствѣ.—Закуримъ себѣ по трубочкѣ, сядемъ и побесѣдуемъ, пока не придетъ часъ пить чай и не найдутся ключи отъ погреба.

— Я ужъ не курю—отвѣчалъ полковникъ.—Это безполезная привычка, а между тѣмъ, я замѣтилъ, что отъ трубки начала болѣть грудь... Ну, и бросилъ.

Генералъ улыбнулся и взглянулъ на Пуслицкаго, который моргалъ усами и покашливалъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Поздравляю, полковникъ! У меня не хватаетъ столько силы воли, и я не измѣняю старымъ привычкамъ. Пуслицкій! прикажи моему Семену подать мнѣ трубку. Надѣюсь, позволишь?

— Можно ли спрашивать объ этомъ,—отвѣчалъ хозяинъ и далъ знакъ Пуслицкому исполнить приказаніе.

Вставъ, однакожъ, и незамѣтно отворивъ окно, онъ прибавилъ:

— Не находите-ли вы, генералъ, что здѣсь довольно жарко?

— Жарко бѣдняку!—подумалъ старикъ и громко прибавилъ:—нисколько. Я даже просилъ бы затворить окно, потому-что боюсь сквознаго вѣтра; проклятый ревматизмъ начинаетъ меня сильно безпокоить.

Съ видимымъ замѣшательствомъ полковникъ прислушался, не ѣдетъ ли кто, и усѣлся, покоряясь тяжелой необходимости.

Принесли трубку. Генералъ пускалъ огромные клубы дыма, на которые полковникъ смотрѣлъ съ безпокойствомъ.

— Однако, любезный другъ, заключая изъ всего, что здѣсь вижу, жена твоя должна быть высокаго полета.

— Прекрасно образована, сами увидите; а что за мягкость характера!

— Да, видно, что мягкій характеръ, но при этой мягкости должна быть и крѣпость, какъ въ хорошемъ англійскомъ пивѣ.

— Конечно,—отвѣчалъ, какъ-бышутя, полковникъ:—безъ крѣпости, которой есть немного, эта мягкость была бы непріятна.

— Конечно и крѣпость нужна женщинѣ, если женщина убѣждена, что мужъ голова въ домѣ, а она только рука, послушная его волѣ.

— Безъ сомнѣнія, мужъ долженъ быть головой въ домѣ,—отвѣчалъ полковникъ и два раза махнулъ платкомъ, чтобъ разогнать дымъ, сильно пускаемый генераломъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ старикъ съ улыбкой:—если мужъ въ пустыхъ обстоятельствахъ подчиняется женѣ и исполняетъ маленькіе ея капризы, онъ показываетъ только деликатность. Обязанность мужа—награждать любовь жены и покорность ея въ важныхъ случаяхъ—исполненіемъ небольшихъ прихотей въ мелочахъ жизни.

— Я всегда былъ этой вѣры,—отвѣчалъ полковникъ, снова махая платкомъ:—именно это обязанность мужа, которому судьба послала въ женѣ сокровище.

— И потому, какъ глава дома,—продолжалъ старикъ, быстро смотря

на полковника:—изъ деликатной снисходительности къ прихотямъ второй жены своей, онъ долженъ переродиться и полюбить то, что прежде ненавидѣлъ, а возненавидѣть, что прежде нравилось; обязанъ сдать женѣ управленіе домомъ и не смѣть перемѣнить ни одной іоты въ ея распоряженіяхъ; долженъ удалить изъ комнатъ все, что напомнило бы первую жену, и даже портретъ ея забросить куда-нибудь въ уголъ, чтобъ дочь, позабывъ черты матери, привыкала къ лицу мачихи.

— Вотъ куда вы мѣтили, генералъ!—сказалъ полковникъ, вставая.—Позвольте-же сказать, что упреки ваши незаслужены и несправедливы. Вы обо всемъ судите по наружности. Однако-жъ давно и очень хорошо знаете, имѣлъ ли я силу исполнить то, что мнѣ хотѣлось, или не исполнить того, чего не хотѣлось. Даже теперь упрекаю себя, что, можетъ быть, иногда круто поступалъ съ покойной Мери, которую любилъ истинно и память которой чту болѣе, чѣмъ вы думаете. Портретъ ея виситъ въ комнатѣ дочери, чтобъ, вмѣстѣ съ чертами матери, напечатлѣвались въ сердцѣ Ядвиги и ея прекрасныя качества. А что теперь ввелъ я нѣкоторыя перемѣны въ домѣ, то, смотря на знатность рода моей жены...

— Прошу покорно!—прервалъ генералъ: жена—офицера, которымъ гордилась бы каждая армія, изволитъ помнить о знатности своего рода и желаетъ, чтобъ мужъ у себя въ домѣ сообразовался съ этимъ!

— Не она, но я самъ забочусь объ этомъ, отвѣчалъ полковникъ, снова махнувъ платкомъ.—Деликатность эта предупреждаетъ непріятности. Такую систему принялъ я во всемъ и не раскаяваюсь. Женѣ отдалъ я внутреннее управленіе домомъ — и спокоенъ. Во вздорахъ соображаюсь даже съ ея капризами...

— Съ капризами!...—прервалъ генералъ, пуская огровные клубы дыма.

— У кого же ихъ нѣтъ!—отвѣчалъ полковникъ, старательно разгоняя дымъ.—Но эта мнимая покорность мнѣ очень полезна, потому-что доставляетъ мнѣ спокойствіе.

— А иначе его не было-бы... послѣ девяти мѣсяцевъ супружества!—воскликнулъ генералъ съ улыбкой.—Поздравляю. Но оставимъ это. Тебѣ вѣдь хорошо: покорность обезпечиваетъ домашнее спокойствіе, такъ и покорайся.

— Но я не во всемъ покоряюсь, — прервалъ полковникъ, смѣясь и стараясь снова обратить все въ шутку.—Вѣрьте, генералъ, что далеко отъ этого! Человѣкъ съ моимъ характеромъ...

Здѣсь полковникъ остановился и выглянулъ въ окно не ѣдетъ-ли кто.

— Да, да!—воскликнулъ тогда генералъ, вставая и громко разсмѣявшись.—Если кто, изъ угожденія женѣ, заставляетъ себя дѣлать все наперекоръ своей натурѣ, если тотъ, кто некогда смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти, теперь съ трепетомъ смотритъ въ окно, не ѣдетъ-ли жена, которая поморщится и вымоетъ голову мужу—съ характеромъ, за то, что застанетъ трубочный дымъ въ гостиной—это, безъ сомнѣнія, очень сильное доказательство твердости характера.

И, проговоривъ это, генералъ, какъ-бы нарочно, выпустилъ огромное облако дыму.

— Неужели въ-самомъ-дѣлѣ, генералъ, вы думаете, что я боюсь моей жены?—сказалъ полковникъ, отходя отъ окна.—Неужели?.. но позвольте...—прибавилъ онъ тише и прислушиваясь:—въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, слышенъ стукъ экипажа. Вѣроятно, она.

Вошелъ Пуслицкій и доложилъ, что ѣдетъ полковница.

— Слава—Богу! сказалъ старикъ.—Слушай-же теперь, дружище.

— Что прикажете? отвѣчалъ полковникъ, разгоняя дымъ платкомъ.

— Соглашаюсь на всѣ твои угожденія, это до меня не касается; но говорю тебѣ серьёзно, что исключаю изъ нихъ внучку, и заботы о дальнѣйшей судьбѣ ея.

— Конечно; да развѣ я согласился-бы на это? — отвѣчалъ полковникъ.

Потомъ, отдавая Пуслицкому платокъ и показывая жестомъ, чтобъ вахмистръ разгонялъ дымъ , стоящій въ комнатѣ, онъ обратился къ старику и прибавилъ:

— Право здѣсь жарко, генералъ! позвольте открыть окно, потому-что моя жена...

— Открывай, открывай поскорѣе!—говорилъ старикъ, улыбаясь:—я помогу тебѣ открыть еще другое.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ полковникъ, сжимая ему руку и бросаясь отворять окно.

Улыбаясь, генералъ отворилъ другое, а Пуслицкій между-тѣмъ старательно разгонялъ дымъ.

— Лихо же она его прибрала къ рукамъ!—говорилъ самъ себѣ старикъ, садясь въ кресла:—въ-самомъ-дѣлѣ любопытно взглянуть на эту женщину. Должно-быть, что-нибудь необыкновенное,когда такъ его переработала!

IV.

Между-тѣмъ послышался стукъ экипажа и къ крыльцу подъѣхала

коляска. Пуслицкій остановился у дверей, а полковникъ пошелъ на встрѣчу къ женѣ.

Госпожа Клецкая, урожденная графиня Подбрижская очень походила на портретъ, сдѣланный Пуслицкимъ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, чопорная, высохшая внутри и снаружи. Глаза у ней были хороши и довольно проницательны, носъ довольно красивъ; но узкія, сжатыя губы и острая выдающаяся борода свидѣтельствовали о ея напыщенности, холодномъ прозаическомъ сердцѣ и ариѳметической головѣ, которая расчитывала каждое слово и каждую улыбку. Клецкая происходила изъ древняго, но обѣднѣвшаго рода, который, по мѣрѣ упадка и уменьшенія доходовъ, а вмѣстѣ пропорціональнаго увеличенія долга, облекался воспоминаніями прежняго блеска и значенія, тщеславился графскимъ титломъ, неизвѣстно откуда взявшимся, и выставлялъ кредиторамъ полинялые галуны слугъ, а обогатившейся трудами шляхтѣ — неизмѣримое чванство и презрѣніе. Графиня Клементина Подбрижская была воспитана въ этомъ духѣ и даже не имѣла женской доброты, проливающей отраду на пороки, принадлежащіе извѣстнымъ семействамъ. Она была убѣждена, что, отрекаясь отъ своего будто-бы историческаго имени, она приносила жертву для блага своего семейства; что, принимая обыкновенное имя богатаго дворянина, прославленное только мужествомъ, правотою и отличными заслугами, она дѣлала мужу честь и имѣла право на всевозможную благодарность и угожденія. Она не любила мужа, потому-что выходила за него собственно для того, чтобъ избавиться отъ нужды, возвратиться къ кружевамъ, атласамъ и соболямъ, которые въ семействѣ ея извѣстны были только по преданіямъ и полусгнившимъ реестрамъ. Старая дѣва съ сильною, непреклонной волей, ничѣмъ неублажимой, съ твердымъ намѣреніемъ дуться за малѣйшіе пустяки, цѣдя сквозь сжатыя губы острыя и обидныя выраженія, на другой же день свадьбы начала роль воюющей жены и ни на минуту не выходила изъ этой роли.

Полковникъ, женившись, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, на первыхъ порахъ началъ уступать изъ вѣжливости; черезъ два же мѣсяца онъ уступалъ уже для сохраненія домашняго спокойствія и чтобъ не упрекать себя, что самъ сдѣлалъ непростительную глупость.

Наконецъ постоянство, хладнокровіе и различные шипы, которыми подобныя жены, словно разсерженный ёжъ, колятъ поминутно и съ каждой стороны, до такой степени ослабили энергію стараго солдата, что онъ уже въ совершенной покорности и послушаніи сталъ искать облегченія отъ мелкихъ, но постоянныхъ непріятностей. Стыдился полков-

никъ своего безсилія; скорбѣлъ объ этомъ любящій его Пуслицкій. Но первый скрывалъ свое состояніе даже отъ самого себя, придавая женѣ достоинства, которыхъ она не имѣла, и хвалясь своимъ небывалымъ счастьемъ; а вахмистръ подчинялся ей, какъ барынѣ. Онъ боялся ея, какъ огня, и скрывалъ отъ всѣхъ положеніе полковника, изъ страха потерять мѣсто при любимомъ начальникѣ чрезъ какое-нибудь сопротивленіе, или увеличить и безъ того грустное состояніе полковника. Если же вахмистръ и проговорился генералу, то, во-первыхъ, онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ отчаянія, а во-вторыхъ, въ надеждѣ, что старикъ пособитъ ихъ горю и, какъ бывшій ихъ общій начальникъ, и какъ дѣдъ дочери полковника.

Клецкая вошла въ прекрасной зеленой бархатной мантильѣ, обшитой черными кружевами, съ богатой шалью на рукѣ. Локоны, выбивавшіеся изъ-подъ бѣлой шляпки съ перомъ и осѣнявшіе худощавое лицо ея, придавали ей видъ чопорной и спѣсивой англичанки. Гордо, съ поднятой головой вошла она въ гостиную, ледовитымъ взоромъ взглянула на присутствовавшихъ и, сжавъ губы, сказала недовольнымъ тономъ:

— Fi, quelle détestable odeur! Monsieur Клецкій, кто это осмѣлился превратить мою гостиную въ казарму?

Пуслицкій, стоя у двери, качалъ головой и шевелилъ усами, генералъ улыбался, а полковникъ, не зная, что начать, украдкой взглянулъ на генерала, но замѣтивъ на лицѣ послѣдняго насмѣшливое выраженіе, словно ободрился и, подойдя къ женѣ, смѣло сказалъ, какъ-бы желая ее обезоружить:

— Развѣ не видишь, душа моя, что къ намъ пожаловалъ дорогой гость, генералъ Дарскій.

— А, генералъ!—отвѣчала будто-бы съ удивленіемъ полковница и, поклонясь старику, прибавила:—очень пріятно познакомиться.

Потомъ снова сжала губы, закрывая носъ платкомъ.

— Извините великодушно, что я такъ плохо отрекомендовался на первыхъ порахъ,—сказалъ старикъ съ поклономъ.—Это я, старый солдатъ и неисправимый курильщикъ, закоптилъ вашу гостиную.

— О, ничего, ничего!—отвѣчала полковница, улыбаясь генералу и смотря на мужа съ особеннымъ выраженіемъ.

Замѣтивъ это, старикъ продолжалъ добродушно:

— Во всякомъ случаѣ, могу васъ увѣрить, что полковникъ нисколько не причастенъ моему проступку. У него, бѣдняжки, грудь болитъ отъ трубки. Вся его вина въ томъ, что не запретилъ мнѣ ку-

рить здѣсь. Но будьте такъ добры, не сердитесь на него за это; я настаивалъ, а онъ какъ-то не рѣшился мнѣ противорѣчить, изъ уваженія ли къ моимъ лѣтамъ, или къ прежнимъ нашимъ отношеніямъ.

Полковница поняла иронію, но, не давая этого замѣтить и платя притворной добротой за притворное простодушіе, отвѣчала:

— Мужъ мой господинъ въ домѣ и имѣлъ полное право дозволить вамъ наслажденіе, котораго я хотя и совершенно не понимаю, однако знаю, что оно сдѣлалось необходимою принадлежностью мужчинъ. Еслибы онъ и самъ захотѣлъ курить, это нисколько не было бы мнѣ непріятно, напротивъ, обязанность моя любить то, что онъ любитъ. Но я надѣюсь, генералъ, вы позволите мнѣ оставить васъ на время: надо исполнить нѣкоторыя обязанности по хозяйству.

Все это было проговорено тѣмъ холодно-вѣжливымъ тономъ, которымъ даютъ замѣтить несоблюденіе нѣкоторыхъ свѣтскихъ условій.

— Ну, что, генералъ?..—спросилъ полковникъ, по уходѣ жены и съ безпокойствомъ ожидая отвѣта старика.

— Ничего. Собственными ушами слышалъ, что ты господинъ въ домѣ. Еслибы трубка не вредила твоей груди, ты могъ бы курить въ этой гостиной. Но оставимъ это. Я желалъ бы поскорѣй обнять Ядвигу. Или ей сюда нельзя входить?

— Что за мысль!—отвѣчалъ съ живостью полковникъ.—Пуслицкій! попроси сюда панну Ядвигу.

Не успѣлъ вахмистръ отворить дверь, какъ въ гостиную уже вбѣжала стройная, хорошенькая дѣвушка, съ лицомъ, выражавшимъ рѣшимость и твердую волю, въ бѣломъ платьѣ, съ гладко-причесанными темными волосами, блестѣвшими точно атласъ.

— Видите, генералъ, что нѣтъ запрещенія!—сказалъ полковникъ, торжествуя и какъ-бы съ упрекомъ.

— Дѣдушка!—вскрикнула Ядвига, увидя старика, и однимъ прыжкомъ очутилась у него въ объятіяхъ.

— Милое дитя мое!—отвѣчалъ генералъ, обнимая и цалуя дѣвушку.—Какъ ты выросла, похорошѣла, какъ похожа на мать!

— Добрый дѣдушка! Вотъ неожиданное счастье! А какъ мнѣ было необходимо васъ видѣть!

Но замѣтивъ отца и почувствовавъ, что проговорилась, Ядвига подошла къ нему и сказала, цалуя руку:

— Добрый вечеръ, папа! Нѣсколько часовъ мы не видѣлись.

— Каково вы ѣздили? Застали дома сосѣдокъ? спросилъ полковникъ.

— Застали. Но вы удивились бы, еслибъ узнали, кого еще мы тамъ встрѣтили.

— Любопытно знать.

Но въ эту минуту изъ покоевъ полковницы отворилась дверь и послышался громкій повелительный голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Сію минуту, душа моя!

И не слушая Ядвигу и позабывъ о томъ, что́ желалъ узнать, полковникъ бросился изъ комнаты и прибавилъ, проходя мимо Пуслицкаго:

— Ступай въ дѣвичью, тамъ услышишь остальныя приказанія.

— Чортъ возьми! Кавалерія получаетъ приказанія въ дѣвичьей! Бѣдный мой полковникъ! ворчалъ вахмистръ и, поворотясь налѣво кругомъ, вышелъ.

— Бѣдный папа не имѣлъ даже времени выслушать, что́ я хотѣла разсказать ему,—молвила Ядвига, смотря вслѣдъ отцу.

— По всему видно, что взяли его въ ежовыя рукавицы,—говорилъ старикъ, привлекая къ себѣ дѣвушку. — Въ хорошей ты школѣ; можешь присматриваться и слѣдовать примѣру.

— Нѣтъ, дѣдушка, мой примѣръ у меня въ комнатѣ, виситъ надъ моей кроватью,—отвѣчала Ядвига серьёзно.

— Твоя мать!

— Да, дѣдушка, моя мать — о которой я молюсь ежедневно и которая, безъ сомнѣнія, прислала васъ, чтобъ помочь мнѣ въ бѣдѣ.

— Очень радъ, что попалъ во́-время. Но что-же случилось? Не сердечное ли какое горе? а?

— Кажется сердечное, милый дѣдушка.

— Правда, тебѣ семнадцать лѣтъ,—говорилъ старикъ, лаская румяное личико внучки.

— Извините, семнадцать лѣтъ и три недѣли.

— Конечно, пора испытать сердечное горе.

— Конечно пора,—отвѣчала дѣвушка, краснѣя.

— Значитъ, для этого мое присутствіе было тебѣ такъ необходимо?— сказалъ старикъ, садясь и взявъ за обѣ руки дѣвушку. — Нѣтъ ли еще какой-нибудь тайны? а?

— Конечно есть; и недавно еще положеніе мое казалось до того критическимъ, что я хотѣла подговорить Пуслицкаго къ побѣгу и съ нимъ отправиться къ вамъ, дѣдушка.

— Я принялъ бы тебя не слишкомъ привѣтливо,—отвѣчалъ старикъ, немного встревожившись.

— Что-жъ дѣлать? Все-таки это не значило-бы изъ огня въ полымя,—сказала дѣвушка съ рѣшимостью.—Можетъ-быть, вы и посердились бы немного, но, выслушавъ всѣ доводы, обняли-бы меня и сказали: «сто тысячъ бомбъ! Ты прекрасно сдѣлала».

— Ты однакожъ что-то слишкомъ въ себѣ увѣрена—,сказалъ старикъ, смотря съ удовольствіемъ на хорошенькую и рѣшительную внучку.

— Какъ! развѣ и вы, дѣдушка, хотите выдать меня за графа Альфреда?—спросила она шутливо.

— Прежде онъ съѣстъ пулю! воскликнулъ старикъ.

— Видите, дѣдушка, что я могла быть въ себѣ увѣрена.

— Значитъ, они рѣшительно думаютъ выдать тебя за этого шаркуна?

— Не они, но она,—отвѣчала Ядвига, указывая на комнаты мачихи.—Бѣдный отецъ уже не имѣетъ ни собственныхъ мыслей, ни желаній.

— Пентюхъ!

— Не говорите этого!—сказала Ядвига, цалуя руку старика:—это-то и мучитъ меня. Изъ любви къ отцу, я охотно-бы пожертвовала собою; пошла-бы даже за нелюбимаго человѣка, еслибъ папа приказалъ и приказалъ съ выраженіемъ мужественной воли и характера, которыми обладалъ прежде и обладаетъ теперь вездѣ, куда только не заглядываетъ мачиха. Но для исполненія воли и корыстолюбивыхъ видовъ женщины, которая мучитъ моего отца, выходить за этого истощеннаго франтика, при томъ отвращеніи, какое къ нему чувствую—о, никогда!

— Позволь обнять тебя!—сказалъ весело старый солдатъ, протягивая руки къ дѣвушкѣ.

Ядвига припала къ нему на грудь, и взволнованный старикъ спросилъ, отирая слезу радости:

— И онъ уже объяснялся съ тобою?

— Какъ-бы онъ смѣлъ, видя мое обхожденіе?—отвѣчала дѣвушка съ достоинствомъ.—Ни онъ не смѣлъ объясняться, ни она еще не объявляла мнѣ своей рѣшительной воли: боится меня, дѣдушка.

— Ого! сказалъ старикъ, улыбаясь.

— Да, да, милый дѣдушка. Хотя она и настойчива, однако и я не какой-нибудь камень. Но все это ни къ чему-бы не привело, еслибы не вы, дѣдушка, на васъ полагаю всю мою надежду? Увы! я очень хорошо вижу, что это ея планъ; что она уже начала, или начнетъ вскорѣ мучить папашу этимъ супружествомъ, и онъ, волей, неволей долженъ будетъ согласиться. О! она такъ ловко достигаетъ цѣли своихъ намѣреній, такъ непреклонна въ своей волѣ, что пра-

во я уважала бы ее, еслибъ эти стремленія направлены были къ добру. Вотъ почему, дѣдушка, надо сразу уничтожить ея намѣренія и разрубить этотъ узелъ такъ, чтобъ послѣ нельзя было завязать его.

— Разрубить, напримѣръ, другимъ супружествомъ! сказалъ старикъ, улыбаясь.

— По моему мнѣнію, это самое лучшее средство.

— Ты думаешь?

— Видите ли, милый дѣдушка: это отняло бы у нея всякую надежду, и избавило-бы отца отъ безпрерывныхъ нападеній, которыхъ иначе онъ не избѣгнетъ.

— Да, это недурно и планъ защиты хорошо придуманъ.

— Неправда ли, стратегически?

— Что и говорить!—отвѣчалъ старикъ, покручивая усы.—Жаль только, что нѣтъ жениха, который избавилъ бы и тебя отъ бѣды и отца выручилъ бы изъ хлопотъ.

— Э, милый дѣдушка, стоитъ поискать хорошенько, можетъ быть, и найдется,—отвѣчала Ядвига наивно.

— Не этотъ ли? сказалъ генералъ, вынимая письмо и показывая ей надпись на конвертѣ.

— Дорогой дѣдушка! вскрикнула Ядвига, бросаясь на шею старику: право дальше и искать не надо. Это будетъ превосходный маневръ. Но—тише! кажется, мачиха что-то громко разговариваетъ. Пойдемте въ мою комнату! Вы мнѣ тамъ покажете письмо Станислава, я хорошенько подумаю и, призвавъ на помощь покровительство мамаши, которая тамъ смотритъ на меня постоянно, скажу: да или нѣтъ.

— Хорошо, пойдемъ! сказалъ старикъ, вставая и обнимая дѣвушку: — ты рѣшишь, я благословлю.

— Благословите прежде именемъ мамаши, которая на небѣ, а потомъ именемъ отца.

— Который подъ туфлей.

— Наконецъ, поблагословите отъ себя; вы превосходнѣйшій въ мірѣ дѣдушка и искуснѣйшій генералъ, потому-что поспѣваете съ секурсомъ въ самую критическую минуту.

— Благодарю за комплиментъ, шалунья! ну, пойдемъ же на военный совѣтъ.

Разговоръ этотъ помолодилъ стараго солдата, а энергическому сердцу дѣвушки подалъ сладкую надежду. Они вышли рука объ руку, смотря въ глаза другъ другу.

V.

Какъ умная и смѣтливая женщина, полковница сразу догадалась съ кѣмъ имѣла дѣло. Рѣшась привлечь на свою сторону генерала, записывавшаго все имѣніе свое Ядвигѣ, которую, въ свою очередь, полковница предназначала своему родственнику, имѣвшему одно громкое имя и множество долговъ, она начала съ того, что приказала, какъ можно скорѣе убрать вещи графа Альфреда изъ комнатъ, занимаемыхъ обыкновенно генераломъ, и велѣла помѣстить въ нихъ старика. Этимъ не кончилось: узнавъ обстоятельно отъ Пуслицкаго обо всѣхъ привычкахъ генерала, о любимыхъ его кушаньяхъ, о времени, когда онъ любитъ вставать, ложиться, завтракать, обѣдать, она не упустила изъ виду ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которымъ старики обыкновенно придаютъ такую цѣну.

Въ тотъ-же самый день, послѣ чая, который пили въ гостиной, отворилась дверь на балконъ; генералу подали трубку и полковница убѣдительно упрашивала старика, чтобы онъ не стѣснялся и не садился у окна, потому-что легко могъ простудиться на сквозномъ вѣтрѣ.

Благодаря за вѣжливость, генералъ усмѣхнулся, догадываясь къ чему все это клонится. Полковникъ торжествовалъ и становился веселѣе, по мѣрѣ, какъ жена старалась задобрить дорогаго и милаго ему гостя. Между-тѣмъ, несмотря на всѣ продѣлки пани Клецкой, старикъ не переставалъ донекать полковника, то предлагая ему трубку превосходнаго табаку, недавно полученнаго изъ Одессы, то спрашивая о здоровьи Пафчика и Лолотки, и выхваляя его передъ женою за необыкновенное искусство держать на рукахъ двухъ собачекъ вмѣстѣ; то припоминая разные случаи, когда онъ отказывалъ покойницѣ-женѣ въ томъ или другомъ, чего она хотѣла, а послѣ давалъ ей вещи вдвое цѣннѣе, лишь-бы только не тѣ, которыя она желала, и не тогда, когда ей хотѣлось.

Во время этихъ разговоровъ и измѣнническихъ похвалъ, полковница сочиняла себѣ неподвижную физіономію, изъ которой нельзя было догадаться, какъ на нее дѣйствовали всѣ эти разговоры. Полковникъ отдѣлывался, по возможности, шутками, а Ядвига, разливая чай, смотрѣла на старика умоляющимъ взглядомъ, чтобы не мучилъ отца, а если это не помогало, подкрадывалась сзади и шептала, наклоняясь къ нему:

— Безжалостный дѣдушка! оставьте! а если не послушаетесь, то я такъ холодно приму вашего Станислава, что онъ уѣдетъ за тридевять земель.

Станиславъ Горицкій былъ сосѣдъ генерала по губерніи и сынъ лучшаго его пріятеля. У него была хорошая деревня вблизи Вислы, на плодоносной землѣ и прекрасно содержанная. Станиславу было 27 лѣтъ, съ дѣтства провелъ онъ время въ полезныхъ занятіяхъ. Нѣсколько времени пробылъ онъ за границей, и хотя былъ молодъ, однако воспользовался случаемъ и занимался науками и искусствами. Писалъ онъ по призванію, но исключительно — предавался живописи. Пейзажи его были полны жизни и натуры; но тѣ изъ нихъ на которыхъ представлены были военныя группы имѣли болѣе достоинства. Если онъ изображалъ баталію, схватку или какую-нибудь военную сцену, каждый конь кипѣлъ жизнь, каждое лицо имѣло мысль и выраженіе. Во время долгаго пребыванія въ Дрезденѣ, онъ скопировалъ большую часть картинъ Вувермана и этимъ навыкомъ усвоилъ себѣ мягкость и натуру колорита, естественность въ облакахъ и воздухѣ, окружающемъ сцену, искусство въ групировкѣ разнообразныхъ положеній людей и лошадей, что характеризуетъ произведенія кисти этого знаменитаго живописца. Какъ любитель лошадей и старый солдатъ, проведшій много лѣтъ въ рядахъ войскъ, генералъ былъ почитателемъ таланта артиста-помѣщика, имѣлъ нѣсколько его работъ, а лучшія возилъ съ собою, показывая ихъ сосѣдямъ и пріятелямъ. Видя, что, при занятіи искусствомъ, молодой человѣкъ не терялъ времени; что, сложивъ кисти, принимался за перо и книги, а хозяйство велъ аккуратно своимъ порядкомъ; что молодой помѣщикъ, при своемъ высокомъ образованіи, не фанфаронъ и не педантъ; что, при скромной жизни и при строгости правилъ, онъ не употребляетъ во зло молодости: не пьетъ, не играетъ въ карты, не гоняется за невѣстами съ богатымъ приданымъ, старикъ полюбилъ его и рѣшился, во что бы то ни стало, отдать за него Ядвигу, чтобы она такимъ образомъ сдѣлалась его сосѣдкой и утѣхой на старости. Стремясь къ этой цѣли и никому ее не объявляя, онъ склонилъ Станислава ѣхать на зиму въ Варшаву и провесть тамъ нѣсколько времени. Ядвига писала старику, что и они ѣдутъ на масляницу въ Варшаву.

Приказавъ напечатать на визитныхъ билетахъ née comtesse Podhrzyska и такимъ образомъ размѣстить буквы, чтобъ фамилія мужа была налитографирована самымъ мелкимъ почеркомъ, а ея собственное огромными буквами, бросающимися въ глаза, полковница захотѣла показать столичному обществу свои бархаты, кружева и соболи, до которыхъ достигла цѣною неровнаго брака.

Генералъ послалъ полковнику письмо, рекомендовалъ Станислава и просилъ принять его поласковѣе; а въ особомъ письмѣ къ Ядвигѣ рекомендовалъ молодаго человѣка какъ отличнаго танцора, съ просьбой, на каждомъ

балѣ не отказывать ему хоть въ одной мазуркѣ. Станиславъ рѣдко бывалъ у полковника, потому-что полковница приняла его довольно холодно и рѣшительно ему не понравилась. Но въ другихъ домахъ онъ охотно подходилъ къ полковнику и уважалъ его, какъ заслуженаго офицера и знатока искусства, которому молодой человѣкъ посвятилъ себя. Полковникъ, въ свою очередь, полюбилъ Горицкаго и за умную бесѣду, и за нѣсколько видѣнныхъ эскизовъ, и не только не отдалялся отъ него, а напротивъ, искалъ съ нимъ сближенія. Наружность Ядвиги тотчасъ-же понравилась Станиславу, потомъ начали занимать его ея движенія и энергія; потомъ увлекли ея голосъ и выраженіе глазъ, сопровождавшее каждое слово; потомъ казалось ему, что ни однѣ губки такъ мило не растворялись для произнесенія слова и для улыбки и ни одни глаза въ мірѣ не договаривали того, чего не успѣвали кончить уста и улыбка. Сначала, изъ угожденія дѣдушкѣ, Ядвига, на первыхъ двухъ балахъ, танцовала по одной мазуркѣ съ Станиславомъ; на третьемъ она танцовала съ нимъ мазурку и кадриль, на четвертомъ мазурку, кадриль и вальсъ; потомъ она убѣдилась, что никто не вальсируетъ лучше Станислава, жившаго долго въ Германіи, и что никто лучше его не танцуетъ мазурки. И потому, не по желанію дѣдушки, но ужъ по собственному убѣжденію, Ядвига танцовала съ Станиславомъ всѣ мазурки, сколько ихъ ни было на послѣднихъ балахъ; сколько ни было вальсовъ — всегда ручка ея лежала на плечѣ Станислава; а пролетая съ нимъ по залѣ въ вихрѣ танца, не разъ взоромъ и улыбкой давала она замѣтить своему кавалеру, что ей пріятно вальсировать съ человѣкомъ, который не напрасно жилъ подъ небомъ Канта и Клопштока.

Такимъ образомъ между молодыми людьми завязалось знакомство, и, съ помощью дѣдушкина покровительства и уваженія, оказываемаго молодому человѣку полковникомъ, въ сердцѣ Ядвиги вкралась истинная и безусловная привязанность, а въ душѣ Станислава возникла любовь, которая придавала новыя силы — его вдохновенію, и необыкновенную яркость колориту.

Наконецъ Клецкіе возвратились въ деревню. Весной пріѣхалъ къ нимъ изъ-за границы графъ Альфредъ, истощенный, обремененный долгами и добившій здоровье и остатокъ состоянія. Не имѣя пристанища, потому что послѣдняя деревня была заложена, поселился онъ у родственницы, которая въ то время держала уже въ рукахъ и полковника и весь домъ. Только изрѣдка и то на счетъ мужа своей кузины отправлялся графъ отсюда въ Варшаву, къ ясновельможнымъ роднымъ, чтобы потрубить въ уши о заграничныхъ своихъ похожденіяхъ и наговориться по французски обо всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ имъ,

то въ Тюильри, то въ Нельи, то у маркграфини Р***, съ которой онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, то у виконта Х. или У., съ которыми жилъ, какъ съ родными братьями.

Сейчасъ же по прибытіи своемъ въ Домбровцъ, графъ Альфредъ, отъ скуки и по привычкѣ, обратилъ вниманіе на Марысю, горничную Ядвиги, хорошенькую, румяную шляхтяночку, съ черными глазами, стройной фигуркой и добрымъ сердцемъ. Всѣ въ домѣ любили эту дѣвушку, а въ особенности Пуслицкій, который посматривалъ на нее со вздохомъ и, покручивая сѣдѣющій усъ, говорилъ самъ себѣ: «Поздненько, чортъ возьми! Оставь лучше, братъ Винцентій, чтобы не отрѣзать себѣ отступленія!»

При первомъ разговорѣ графа о любви, Марыся ту же минуту удалилась отъ него. Но парижскій франтъ, узнавъ о приданомъ Ядвиги и о дальнѣйшихъ надеждахъ кузины на этотъ счетъ, перенесъ атаку на Ядвигу конечно, имѣя намѣреніе вступить въ супружество, долженствовавшее поправить его обстоятельства. Средствомъ къ достиженію этого онъ выбралъ скромную и робкую любовь, которую и началъ выражать на самомъ лучшемъ французскомъ языкѣ, довольно деликатными намеками. Все это происходило безъ вѣдома полковника, который смотрѣлъ на все глазами жены; но вслѣдствіе долгихъ и рѣшительныхъ бесѣдъ съ полковницей, которая первая возымѣла мысль передать состояніе падчерицы своему роду, изъ опасенія, чтобы, съ упадкомъ его, не рушился порядокъ въ Европѣ.

Но графъ замѣтилъ вскорѣ, что, несмотря на молодость и веселый нравъ Ядвиги, эта дѣвушка—оса съ ядовитымъ жаломъ, которую трудно заманить въ улей. Видѣла это и полковница; и хотя обладала твердостью воли, постоянствомъ и употребляла средство паука, разставляющаго свои сѣти издали, однако-жъ, убѣдилась, что не такъ скоро справиться съ дочкой, какъ справилась съ отцомъ ея. Припоминая нѣкоторыя обстоятельства изъ баловъ варшавскихъ, на которые она тогда не обращала особеннаго вниманія, потому-что занималась болѣе собой, нежели падчерицей, она догадывалась, что и сердце Ядвиги не должно быть совершенно свободно. И вотъ они съ кузеномъ положили предоставить все времени, но во всякомъ случаѣ, никакъ не отказываться отъ своего намѣренія. Въ этой-то комедіи, имѣвшей главной цѣлью мильонъ приданаго, полковница приняла на себя роль нѣжной и почти безпримѣрной мачихи, а графъ прикинулся робкимъ любовникомъ, страдавшимъ молча и выражавшимъ страсть свою одними печальными взорами.

Проницательная Ядвига постигла эти продѣлки и затворила сердце, какъ для нѣжностей мачихи, такъ и для сладенькихъ любезностей заграничнаго франта. По этому случаю Ядвига, въ письмахъ къ дѣдушкѣ, старалась дать замѣтить старику, какъ пламенно желаетъ его присутствія; а описывая свой образъ жизни, нарочно упоминала о графѣ Альфредѣ, искусно выставляя такія обстоятельства, которыя не компрометировали бы ее въ случаѣ, еслибъ письма попались въ руки мачихи, по изъ которыхъ генералъ могъ догадаться въ чемъ дѣло и серьёзно подумать объ этомъ. А графъ Альфредъ, съ своей стороны, хотя и прикидывался робкимъ и безнадежнымъ вздыхателемъ передъ Ядвигой, однако слишкомъ вѣрилъ въ могущество родственницы, слишкомъ хорошо зналъ слабость и ослѣпленіе ея мужа и потому не сомнѣвался, что не сегодня, такъ завтра будетъ мильонеромъ. Между-тѣмъ, у него не достало ни разсудка, ни скромности, чтобъ въ молчаніи ожидать достиженія цѣли и не похвастать передъ родными. И вотъ онъ началъ, какъ говорится, ловить рыбу впереди невода, и вѣсть о предполагаемомъ супружествѣ разошлась по окрестности. Въ сосѣдствѣ обстоятельство это подтверждалось извѣстнымъ владычествомъ жены надъ мужемъ и постояннымъ пребываніемъ графа въ Домбровцѣ; а дальше вѣсть эту разнесли усердные родственники, разумѣется, съ разнообразными комментаріями, увеличивъ, какъ водится, для чести фамиліи Подбрискихъ, приданое невѣсты и ускоривъ срокъ свадьбы, чтобъ ужъ, знаете, не было никакого сомнѣнія.

Встревоженный этимъ, Станиславъ написалъ письмо къ генералу, которое старикъ показалъ Ядвигѣ и въ которомъ молодой человѣкъ откровенно выразилъ свои чувства и надежды, вспыхнувшія въ его сердцѣ на балахъ варшавскихъ. Станиславъ высказалъ также и свои небезосновательныя опасенія по случаю разныхъ вѣстей, доходившихъ къ нему со всѣхъ сторонъ и, вслѣдствіе которыхъ, онъ рѣшился искать покровительства генерала, прося сдѣлать отъ имени его формальное предложеніе Ядвигѣ и отцу ея, и подкрѣпить эту просьбу силой своего вліянія. Въ противномъ случаѣ, писалъ Станиславъ, дни его пройдутъ въ грусти и отчаяніи, что отниметъ у него охоту къ занятіямъ и возможность быть чѣмъ-нибудь полезнымъ себѣ и ближнимъ.

Серьёзно встревожился старикъ, зная ужъ нѣкоторыя домашнія обстоятельства въ Домбровцѣ. Хотя онъ и не допускалъ, чтобъ дѣло было на той точкѣ на какой находилось въ-самомъ-дѣлѣ, однакожъ, тотчасъ самъ повезъ письмо къ Ядвигѣ, а Станиславу написалъ, чтобы онъ на другой день также явился туда, подъ предлогомъ,

что, проѣзжая къ роднымъ на Полѣсье и узнавъ, что генералъ у зятя, онъ рѣшился въ одно время навѣстить и полковника, и стараго сосѣда.

Въ этомъ положеніи находились интересы лицъ, дѣйствующихъ въ этой комедіи, которую постараемся развить передъ читателями.

VI.

На другой день, часовъ въ десять утра, генералъ сидѣлъ въ той самой гостиной, на которую гнѣвался вчера, и курилъ трубку ужъ у растворенпаго окна, не желая дѣлать непріятностей полковницѣ. Утро было свѣжее и прекрасное. Ночью шелъ дождь, отчего дернъ на дворѣ былъ ярче. Казалось, старикъ съ удовольствіемъ дышалъ чистымъ воздухомъ, который тѣмъ свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ плодороднѣе почва, насыщающая его своими испареніями. Притомъ-же воздухъ этотъ былъ ему родной, потому-что въ этой окрестности жили его родители, и самъ онъ здѣсь провелъ первую молодость. Старикъ былъ веселъ и почти счастливъ. Въ это время вошелъ Пуслицкій.

— Здорово, Пуслицкій! скалалъ онъ вахмистру, одѣтому какъ на смотръ и вытянувшемуся по обычаю. Пришелъ на ординарцы?

— Пришелъ узнать, не прикажете-ли чего, ваше превосходительство.

— Нечего приказывать, любезнѣйшій! У васъ здѣсь идетъ все, какъ по маслу. Полковница ваша отличный комендантъ. Если-бы я командовалъ арміей, назначилъ-бы ее генералъ-квартирмейстромъ.

Шевельнувъ усами, Пуслицкій едва замѣтно улыбнулся, а старикъ продолжалъ:

— Кто ей сказалъ, что я люблю поужинать кусокъ добраго каплуна и облить его рюмкой стараго бургонскаго? Кто сказалъ ей, что я пью не иначе кофе, какъ изъ стакана, и люблю сливки, сваренныя въ маленькихъ глиняныхъ горшечкахъ? И какъ-же я удивился, когда лакей ея принесъ мнѣ вчера каплуна и вино — не въ бутылкѣ, чего я терпѣть не могу, потому-что я не пьяница, но въ стаканѣ и еще моей мѣры; когда сегодня ровно въ пять часовъ, едва я взглянулъ на часы, дверь отворилась и вошелъ тотъ-же самый лакей съ подносомъ, на которомъ стояли стаканъ, кофейникъ и два маленькіе гор-

шечка сливокъ, съ желтыми пѣнками! Удивительно ловкая женщина, ваша полковница, Пуслицкій!

Вахмистръ былъ словно не въ своей тарелкѣ, не зная, шутитъ генералъ, или говоритъ серьёзно.

— Точно такъ, если только захочетъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ.

— То-есть, говорилъ старикъ, улыбаясь:—если захочетъ быть доброй, то добра, а если захочетъ быть злой, то и это ни по-чемъ.

— Ни по-чемъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ Пуслицкій съ увѣренностью.

— Значитъ, умѣетъ прикинуться и козломъ и бараномъ... а?—

— Чаще, ваше превосходительство... какъ будто... козломъ, отвѣчалъ вахмистръ, незамѣтно щелкнувъ пальцами, словно изъ боязни, не проговорился ли преждевременно.

Видя замѣшательство честнаго служаки, генералъ улыбнулся и прибавилъ:

— Должно быть, она вамъ крѣпко насолила, что ты не можешь ей простить! Но вы сами тому причиной: позволили осѣдлать себя—вотъ она теперь и ѣздитъ на васъ.

— Точно такъ; что ѣздитъ, то ѣздитъ, ваше превосходительство.

— Я могу только похвалиться ея привѣтливостью и услужливостью, продолжалъ старикъ, подходя къ вахмистру.—Вчера она сама приказала за чаемъ подать мнѣ трубку, велѣла вынесть изъ моей комнаты наряды своего кузена и такъ помѣстила меня, что мнѣ даже удобнѣе, чѣмъ дома; на ужинъ у меня были каплунъ и вино; мнѣ подавали кофе въ стаканѣ и сливки въ маленькихъ горшечкахъ и притомъ только-что сбитое масло и самыя свѣжія булки. Чего же больше надо? Но вѣдь она сейчасъ поняла, что со мной не шути. Очень вѣжливо, намеками, я далъ понять, что чего мнѣ не дадутъ, то я самъ возьму—и дѣло съ концемъ! Поступай съ нею полковникъ по-моему, и ему бы точно также было хорошо; а мнѣ превосходно. Еслибы гдѣ встрѣтилась другая подобная женщина, я самъ—женился бы.

Пуслицкій началъ громко покашливать, шевелить усами, и хотя генералъ смотрѣлъ на него, однакожъ вахмистръ почесался. Генералъ улыбнулся, а Пуслицкій сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ, вытянувшись въ струнку:

— Все это штуки, ваше превосходительство, то-есть, такъ какъ бы напущено волшебство на глаза, ваше превосходительство, то-есть,

словно развернута нарочно слабая линія, чтобъ заманить непріятеля, а главный корпусъ поставить гдѣ-нибудь въ сторонѣ и ударить нечаянно.

— Значитъ, ты полагаешь, продолжалъ генералъ, едва удерживаясь отъ смѣха:—что радушіе и всѣ эти угожденія—одна хитрость?

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ съ увѣренностью.

— Гдѣ же бы научиться ей этому — у дьявола?

— Эхъ, ваше превосходительство! воскликнулъ съ живостью Пуслицкій: — женщина иногда, не учась, знаетъ все, что относится къ нашей бѣдѣ.

— Значитъ, ты не совѣтуешь мнѣ жениться, еслибъ я встрѣтилъ гдѣ-нибудь другую... этакую полковницу?

— Да сохранитъ васъ Богъ отъ такого несчастья, ваше превосходительство!

— Выходитъ, ты и самъ не женишься, Пуслицкій! А мнѣ вчера казалось, что ты засматривался на черноглазую Марысю.

— То-есть, первый разъ еще можно, а ужъ въ другой ни за что! отвѣчалъ Пуслицкій, улыбаясь и сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Не зарекайся! Изъ твоихъ глазъ вижу, продолжалъ генералъ:—что, еслибъ ты былъ вдовцомъ, а Марыся захотѣла тебя опутать, ты въ другой разъ попробовалъ бы женитьбы. Не потеряй полковникъ прежней твердости, у него жена была бы шелковая. Не правда ли?

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ, уже посмѣлѣе. Съ женщиной надо обходиться, какъ съ лошадью, которая сбиваетъ. Не бить ее, не колоть шпорами, но весть въ шенкеляхъ и поводьяхъ, и она, послушная словно ребенокъ, пойдетъ и шагомъ, и рысью, и какъ только захочетъ ѣздокъ, если онъ лихой кавалеристъ.

— Да, да, ты правъ, Пуслицкій!—сказалъ старикъ, трепля вахмистра по плечу. — Походи-ко около Марыси, а я помогу тебѣ.

— Много благодарны, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ съ радостью во взорахъ:—можетъ-быть, я и подумаю объ этомъ.

— Смѣло, братъ, принимайся, особенно съ такими правилами, какія говорилъ на счетъ трензеля. Но гдѣ же твой полковникъ? Не думаю, чтобъ теперь была пора водить собачекъ на прогулку.

— Собачекъ водятъ гулять между пятымъ и шестымъ часомъ, отвѣчалъ серьёзно Пуслицкій.—Теперь полковникъ поѣхалъ верхомъ по хозяйству.

— Значитъ, это ему не запрещено и жена не мѣшается въ хозяйство? спросилъ генералъ насмѣшливо.

— За домомъ, ваше превосходительство, полковникъ тотъ же, что́ и былъ передъ фронтомъ: прикажетъ—и все повинуется.

— Хорошо еще, что хоть на столько осталось силы у полковника. Зато уже въ домѣ — баста!

— Ни гу-гу, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, оглядываясь на дверь полковницы.—Здѣсь ужъ не наша команда.

— А между-тѣмъ, хотя ты и говоришь, Пуслицкій, что здѣсь не ваша команда, однако пора бы приготовить комнату для гостя, о которомъ я говорилъ вчера, сказалъ генералъ, подходя къ окну и посматривая на часы.—Можетъ быть, онъ здѣсь переночуетъ. Если же это вамъ трудно и вы сами не смѣете, то сходи къ полковницѣ и попроси отъ меня.

— Вчера вечеромъ я уже намекалъ, что это желаніе вашего превосходительства и комната готова.

— Видишь-ли, что́ значитъ умѣть взяться за женщину. Помни же объ этомъ, когда женишься, Пуслицкій, и держись крѣпче, чтобъ не упасть.

— Этого быть не можетъ, ваше превосходительство! Не даромъ человѣкъ двадцать лѣтъ служилъ во фронтѣ и не на одной капризной лошади сидѣлъ, а все же усидѣлъ, ваше превосходительство.

— А теперь... Но вотъ слышенъ стукъ экипажа, кто-то ѣдетъ. Не мой-ли гость? Ступай на крыльцо, Пуслицкій; и если это молодой красивый мужчина, съ черными усиками, попроси его сюда, прямо ко мнѣ, а вещи его прикажи перенесть въ приготовленную комнату; лошадей же вели взять на конюшню.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство! О лошадяхъ не извольте безпокоиться: тамъ ужъ наша команда.

Генералъ съ улыбкой взглянулъ въ окно и издали привѣтствовалъ пріѣзжаго.

— Ступай Пуслицкій, проси скорѣе: это онъ. Потомъ, слушай, сходи въ мою комнату: тамъ есть въ связкѣ двѣ картины; разверни ихъ, только осторожнѣе, и принеси сюда — понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, поворачиваясь налѣво-кругомъ, и вышелъ.

— Молодецъ! сказалъ самъ себѣ генералъ.—Можетъ быть, я не къ

добру ему посовѣтовалъ: не упрекать бы себя въ этомъ дѣлѣ... потому что легче говорить о томъ трензелѣ, чѣмъ удержать его въ рукахъ. Примѣръ передъ глазами. Но и то правда, что это вѣдь вторая жена.

VII.

Старикъ обнялъ Станислава по-отцовски.

— Какъ поживаешь, милый Станиславъ? Ты до того встревожилъ меня своимъ письмомъ, что я, едва успѣвъ дать тебѣ инструкцію, полетѣлъ сюда, чтобъ не сироворили невѣсту изъ-подъ носа. Вотъ почему не ожидалъ я тебя дома: я былъ увѣренъ, прибавилъ онъ съ улыбкой:—что приказъ мой будетъ понятъ и исполненъ.

— Легко понять и исполнить такое милое приказаніе, генералъ. Каждое его выраженіе проникло прямо въ сердце.

— Ну ужъ, братъ, навалялъ по-военному. Каллиграфъ я не знаменитый; къ тому-же еще дрожала рука отъ боязни за внучку и отъ злости за то, что тутъ раскинули сѣти безъ моего вѣдома.

— Однакожъ, я прочелъ сразу и надобно знать, что еще при лунномъ свѣтѣ, сказалъ Станиславъ съ улыбкою.—Письмо ваше я получилъ вечеромъ и мнѣ до того хотѣлось поскорѣе узнать его содержаніе, что пока подали свѣчу—мнѣ услужилъ мѣсяцъ.

— Правда, что почтенный мѣсяцъ—повѣренный всѣхъ влюбленныхъ. Однакожъ, не разсказывай объ этомъ Ядвигѣ, не то посмѣется надъ тобою. Она не романическая дѣвушка; съ нею надо, братъ, осторожнѣе съ нѣжностями.

— Знаю, знаю, говорилъ Станиславъ, осматриваясь и какъ-бы желая спросить: гдѣ-же она? — Съ перваго раза я понялъ, что вся поэзія этой энергической души заключается въ истинѣ—ясной, какъ выраженіе лица панны Ядвиги, свѣтлой, какъ прекрасные глаза ея. Поэтому-то я основалъ все мое будущее на этомъ сердцѣ, въ которомъ нѣтъ ни искры неправды и притворства.

— Надѣюсь, что будущее твое будетъ ясно и свѣтло, сказалъ генералъ, взявъ за руку растроганнаго молодаго человѣка.

— О, генералъ, я написалъ то, чего на словахъ не смѣлъ открыть вамъ.

— Она ужъ это читала, дорогой мой Вуверманъ.

— Уже? И что-же?—воскликнулъ Станиславъ, складывая руки.

— Что? отвѣчалъ старикъ, улыбаясь, — качала головкой, произносила: «гмъ! гмъ! прошу покорно! вотъ какъ!» иной разъ смѣялась... Но не блѣднѣй-же, мой милый художникъ! Кончилось вѣдь тѣмъ, что на подпись твою упала чудная слезинка, словно жемчугъ, а письмо отправилось за корсетъ, къ бьющемуся сердечку.

Станиславъ схватилъ руку генерала и, несмотря на сопротивленіе старика, поцаловалъ ее. Успокоясь немного, онъ сказалъ:

— Я не въ состояніи выразить своего счастья. Но вы здѣсь одни, генералъ?

— Видишь что́. Намъ-бы хотѣлось, чтобъ и она была здѣсь, чтобы сейчасъ поблагодарить и поцаловать хорошенькую ручку, спрятавшую письмо, и заглянуть въ глазки, изъ которыхъ канула слеза. Позвольте, господинъ женихъ, совѣтую быть по терпѣливѣе, притвориться холоднымъ, даже равнодушнымъ, говорить тише, въ особенности избѣгать *оховъ* и *вздоховъ*, потому-что тамъ, — прибавилъ генералъ шутливо, указывая на боковую дверь:—тамъ... тамъ, милый мой, госпожа полковница.

— Значитъ, все, что́ говорятъ съ насмѣшкой о слабости полковника и что́ я самъ замѣтилъ въ Варшавѣ — правда?—спросилъ Станиславъ.

— Больше, нежели правда,—отвѣчалъ старикъ, махнувъ рукою.

— Жаль человѣка достойнаго,—сказалъ Станиславъ.

— Дошло уже, милый, до того, что онъ няньчитъ женинихъ собачекъ.

— Увы! у меня въ карманѣ есть доказательства, какъ обширны планы полковницы и какъ она въ себѣ увѣрена.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?—спросилъ генералъ, смотря въ глаза молодому человѣку.—Но позволь! прибавилъ старикъ, улыбаясь.

На цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери полковницы, послушать, что́ тамъ дѣлается; но тотчасъ возвратился и сѣлъ. На лицѣ его выражалась насмѣшка.

— Непріятель, должно быть, силенъ, когда ужъ и генералъ встревоженъ и поступаетъ съ такой осторожностью, — сказалъ Станиславъ, съ усмѣшкою.

— Въ военное время, любезный, первое условіе — осторожность,

чтобъ непріятель не напалъ въ расплохъ, отвѣчалъ старикъ серьёзно. А я объявилъ ужъ войну этой юбкѣ и хитро веду ее, показывая бабѣ притворное довѣріе, какъ она, въ отношеніи ко мнѣ, показываетъ такую же услужливость. Вотъ я сижу съ утра въ ея гостинной, не давая ей повода подумать, что я замышляю какія-нибудь хитрости. А признаюсь, не хотѣлось-бы мнѣ проиграть: во-первыхъ, проиграть съ женщиной стыдно; во-вторыхъ, здѣсь дѣло идетъ о Ядвигѣ, да и о тебѣ, мой любезный. Дѣвушка-бы увяла.

— А я былъ-бы очень несчастливъ! отвѣчалъ Станиславъ со вздохомъ.

— Садись-же и разскажи, какія у тебя доказательства замысловъ полковницы и ея увѣренности, сказалъ старикъ, указывая возлѣ себя кресло молодому человѣку.—Времени у насъ довольно. Она еще не возвратилась изъ саду, гдѣ, по словамъ Ядвиги, каждый день ботанизируетъ. Это тоже черта ея характера, прибавилъ старикъ съ неудовольствіемъ.—Полковница не любитъ цвѣтовъ, но мучитъ ихъ и засушиваетъ. Такимъ-образомъ, наконецъ, въ послѣдній листъ гербарія положитъ она засушенаго мужа. Но что до этого! Говори скорѣе, гдѣ и какія досталъ ты доказательства? Можетъ-быть, это намъ пригодится.

— Да я полагаю, генералъ. Вотъ какъ дѣло было Вчера заѣхалъ я на ночлегъ въ Островъ. Въ мѣстечкѣ одна только порядочная корчма: скоро завернулъ туда какой-то молодой человѣкъ, по манерамъ котораго сейчасъ было видно, что это какой нибудь офранцузившійся мотъ, надутый и рѣшительно ничѣмъ недовольный. Онъ былъ блѣденъ, тощъ и съ презрѣньемъ посматривалъ на все окружающее. Онъ остановился черезъ стѣну. Оба мы вышли на крыльцо—я съ трубкой, онъ съ сигарой, и говорили о разныхъ разностяхъ. Франтикъ почти постоянно говорилъ по французски, поминутно называлъ разныя мѣста за границей и, сравнивая ихъ съ нашимъ прекраснымъ краемъ, отзывался съ презрѣньемъ объ отечествѣ. Я закусилъ губы и хотѣлъ-было дать ему маленькій урокъ...

— И прекрасно-бы сдѣлалъ, потому-что по-большей части эти господчики того заслуживаютъ,—сказалъ генералъ.

— Случай однакожъ самъ мнѣ представился, и очень скоро.

— Говори, говори! любопытно,—сказалъ генералъ, придвигаясь и смотря съ удовольствіемъ на молодаго человѣка.

— Прошло съ полчаса. Онъ не захотѣлъ знать кто я, и я не спросилъ о его имени. Вдругъпередъ корчмой остановился конный

гонецъ. Онъ подъѣхалъ очень близко къ намъ, замѣтилъ моего собесѣдника, соскочилъ съ лошади и подойдя, снялъ фуражку. «А! это ты, Михайло?» сказалъ франтикъ. — Я, ваше сіятельство, отвѣчалъ посланный.—«Изъ Домбровца?» — Барыня послали меня къ вамъ на встрѣчу.

— А, видишь, какая стратегія! почти вскрикнулъ генералъ, но, быстро оборотясь къ двери полковницы, положилъ палецъ на губы, придвинулся къ Станиславу и прибавилъ тише:—однако продолжай! Дѣло становится очень занимательно.

— Что-же у васъ новаго? спросилъ графъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. — Есть гость, ваше сіятельство, отвѣчалъ слуга: пріѣхалъ генералъ Дарскій, дядя покойной барыни»—«Diable!» вскрикнулъ графъ и спросилъ, нѣтъ-ли письма.—Есть, отвѣчалъ слуга и подалъ конвертъ. Господинъ быстро распечаталъ, началъ читать и, читая безпрестанно повторялъ: «Diable! Diable!» Между-тѣмъ я спросилъ у посланнаго нарочно громко: «Когда-же генералъ пріѣхалъ въ Домбровецъ?»—Сегодня въ пять часовъ послѣ обѣда, отвѣчалъ посланный. — «Слава Богу!» сказалъ я и, взглянувъ на собесѣдника, замѣтилъ, что онъ пересталъ читать, и что его удивили и мой вопросъ и мое восклицаніе. Безъсомнѣнія, что въ пріѣздѣ вашего превосходительства къ полковнику, мы имѣли разные интересы.

— Весьма натурально, сказалъ старикъ, придвигаясь.

— Это заставило насъ присмотрѣться другъ къ другу, продолжалъ Станиславъ.—Прочтя письмо, графъ, видимо смущенный, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы ѣдете въ Домбровецъ?»—«А вы?» спросилъ я. «Я почти живу въ Домбровцѣ.»—«А я теперь ѣду».

— Лихо, лихо! такъ и слѣдовало, сказалъ генералъ, покручивая усы.

— Нечего и говорить, что дорожный товарищъ мой былъ графъ Альфредъ Подбрискій. Услышавъ мою фамилію, онъ сказалъ: «А! я что-то слышалъ. Кажется, вы имѣете виды на панну Ядвигу. Не спорю, это прекрасная партія. Жаль только, что ваши хлопоты напрасны, вамъ даже не поможетъ покровительство генерала».

— Сто тысячъ бомбъ! воскликнулъ старикъ, приподымаясь съ кресла, но вскорѣ, одумавшись и взглянувъ на дверь полковницы, усѣлся и продолжалъ тише:—Оканчивай, пожалуйста; а поможетъ или нѣтъ мое покровительство—увидимъ послѣ.

— Почему же не поможетъ? спросилъ я. «Потому, отвѣчалъ графъ: что рука этой дѣвицы обѣщана мнѣ родителями; а родители, полагаю, имѣютъ больше права, чѣмъ дальніе родственники».

— Дальніе родственники! Я дальній родной—дочери моей племянницы, моей ближайшей наслѣдницѣ, женщинѣ, драгоцѣнной моему сердцу! воскликнулъ старикъ, гнѣваясь серьёзно. Но оставимъ это. Положимъ, я дальній родственникъ. Что-же дальше?

— Не знаю, отвѣчалъ я, чѣмъ вы докажете, что вамъ обѣщана рука Ядвиги и что на это есть воля родителей; а одному вашему слову я не повѣрю». Приказавъ слугѣ удалиться, графъ сказалъ:

«Можно бы обойдтись и безъ доказательствъ, если я говорю; но такъ-какъ вы меня не знаете, то я и не обижаюсь. Желая, однакожъ, избавить васъ отъ напрасныхъ поѣздокъ и отъ визита не во время, который былъ-бы непріятенъ и вамъ, и генералу, протежирующему васъ некстати, и родителямъ дѣвицы, которые не отмѣнятъ своего рѣшенія, совѣтую вамъ прочесть это письмо и, велѣвъ запречь лошадей, возвратиться спокойно къ жнивамъ и посѣву, потому-что, кажется, ужъ пришло время для этого».

Генералъ кряхтѣлъ и съ безпокойствомъ вертѣлся въ креслѣ, а Станиславъ продолжалъ:

— Словно не понимая его, я перенесъ эту шутку, взялъ письмо и прочелъ.

— Что-же тамъ было написано? спросилъ генералъ съ нетерпѣніемъ.

— Письмо было, конечно, по французски и заключало въ себѣ сначала увѣдомленіе о неожиданномъ пріѣздѣ вашего превосходительства; потомъ причины, по которымъ полковница, догадываясь зачѣмъ вы пріѣхали, и боясь, чтобъ кузенъ ея не получилъ какой-нибудь дерзости отъ стараго служаки, qui ne connait pas le monde—извините, что я повторяю это выраженіе...

— Дитя! развѣ это можетъ разсердить меня?

— Полковница проситъ графа повременить пріѣздомъ, а отправиться на нѣсколько дней въ Люблинъ и тамъ ждать отъ нея извѣщенія.

— Умна, чортъ побери! сказалъ генералъ: — вѣдь не ошиблась, что графчику было-бы плохо со мною.

— Дальше пишетъ, что намѣреніе ея неизмѣнно и какъ-бы ужъ исполнено; что графъ можетъ полагаться на ея волю и вліяніе; что хотя Ядвига имѣетъ уже порядочное приданое, но можетъ еще наслѣдовать хорошее состояніе отъ вашего превосходительства; что она старается услужливостью и любезностью заставить васъ плясать по ея дудкѣ, такъ, что и ваше согласіе подкрѣпитъ ея волю.

— Ну, это ужъ слишкомъ! воскликнулъ старикъ, смѣясь: — здѣсь осѣклась, голубушка. Излишество ума превращаетъ его въ глупость—давно извѣстная истина. Прошу покорно! достояніе мое должно поддержать ея братца! Въ-самомъ-дѣлѣ я полагалъ, что она умнѣе.

— Бываетъ, что и не глупые люди сбиваются на этомъ пунктѣ, и отъ этой болѣзни трудно ихъ вылечить.

— Кто знаетъ! отвѣчалъ старикъ. Но продолжай.

— Слѣдуетъ обстоятельство самое любопытное. «Не безпокойся, пишетъ полковница: если бы, по вліянію генерала, Ядвига осмѣлилась упорствовать, въ такомъ случаѣ недѣли черезъ двѣ мы уѣдемъ за границу, куда и ты отправишься; а тамъ, вдали отъ всякаго вліянія и посторонней помощи, она должна будетъ покориться моей волѣ. Считаю лишнимъ прибавлять, что мой мужъ долженъ будетъ сдѣлать все, чего захочу я.

— Превосходно! превосходно! воскликнулъ старикъ, прошелся раза два по комнатѣ, толкнулъ пару стульевъ, попавшихся ему на дорогѣ, потомъ усѣлся и просилъ Станислава кончить.

— Прочтя письмо спокойно, я возвратилъ его графу, который сказалъ надмѣнно, смотря мнѣ въ глаза:

— Видите, что дѣло кончено.

— А мнѣ кажется, что оно еще и не начиналось, отвѣчалъ я. Я не вижу ни желанія дѣвицы, ни воли родителей, какъ вы говорите; вижу только корыстолюбивый планъ мачихи, и за извѣстіе о немъ чрезвычайно вамъ благодаренъ.

— Къ чему же это вамъ послужитъ? спросилъ графъ, измѣнившись въ лицѣ и догадываясь, что сдѣлалъ глупость.

— Кто знаетъ, можетъ быть, къ чему-нибудь и пригодится; если вамъ угодно побезпокоиться зайдти ко мнѣ, я объяснюсь подробнѣе. Пора уже намъ уйти отсюда, потому-что поздно, и дворникъ сбирается запирать ворота.

Но видя, что графъ колеблется, я прибавилъ:

— А если вамъ почему-нибудь не угодно посѣтить меня, я могу пойти къ вамъ.

Графъ смѣшался и вошелъ ко мнѣ.

— Теперь я предлагаю вамъ вопросъ, сказалъ я, когда мы усѣлись: Что вамъ угодно будетъ сдѣлать? Послѣдуете ли вы совѣту кузины, или...

— А какая вамъ надобность до того, что я сдѣлаю? отвѣчалъ онъ высокомѣрно. Поступлю такъ, какъ мнѣ угодно.

— Напротивъ, отвѣчалъ я: вотъ мое мнѣніе. Генералъ предупрежденъ не въ вашу пользу; онъ васъ не любитъ и ни за что не согласится на извѣстныя предложенія. Онъ человѣкъ прямой и притомъ горячій. Свиданіе съ вами могло бы привесть его въ дурное расположеніе духа; открытіе намѣреній вашихъ могло-бы его разсердить; а гнѣвъ его опасенъ, какъ для тѣхъ, на кого онъ гнѣвается, такъ и для него самого, потому-что онъ человѣкъ пожилой и хладнокровный. Уважая и любя генерала, я хочу избавить его отъ всякой непріятности, а потому прошу, чтобъ вы не поступали такъ, какъ вамъ угодно, но чтобъ завтра утромъ ѣхали прямо отсюда въ Люблинъ.

— Лихо! сказалъ обрадованный старикъ, сжимая руку молодому человѣку.—Что-же онъ, согласился?

— Сначала распѣтушился и сказалъ: Не сдѣлаю такъ собственно потому, что это ваше желаніе!

— Жалѣю, что принужденъ повторить мою просьбу, отвѣчалъ я, взявъ со стола пистолетъ и взводя курокъ.

— Что-же это? Вы хотите убить меня! воскликнулъ графъ, вставая и собираясь выдти.

— А! вы хотите уйдти? отвѣчалъ я хладнокровно.

Это его удержало, онъ возвратился и сѣлъ.

— Вотъ другой пистолетъ, продолжалъ я, онъ заряженъ и ручаюсь за вѣрность. Можете его взять и мы поговоримъ.

— Нѣтъ надобности, отвѣчалъ онъ: для этого найдемъ другое рвемя и мѣсто.

— Согласенъ, сказалъ я; но все-таки съ однимъ условіемъ: чтобъ завтра утромъ вы уѣхали въ Люблинъ.

— Хорошо, поѣду.

— Vous êtes charmant, mr. le comte!—сказалъ я по французски и положилъ пистолетъ. Теперь еще одно обстоятельство...

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Вамъ ни къ чему не послужитъ письмо полковницы, а мнѣ будетъ оно очень нужно. Я буду васъ просить о немъ.

— Mais c'est une indignité, monsieur!—воскликнулъ онъ.—Это по секрету.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало его мнѣ показывать. Притомъ же тайна эта неблагородна, потому-что угрожаетъ совѣсти добраго отца, но слабаго мужа, и счастью особы, которую я люблю — понимаете?

— Но вы не покажете письма полковнику? сказалъ графъ, колеблясь и посматривая на спокойно лежавшіе пистолеты. Этимъ-бы поколебалось вліяніе моей кузины и нарушилось домашнее спокойствіе.

— Что касается до вліянія вашей кузины, я не слишкомъ жалѣю о немъ; домашнее же спокойствіе уважаю вездѣ, и по этому даю вамъ слово, что не покажу письма полковнику.

— Значитъ, я имѣю ваше слово, за исполненіе котораго вы отвѣчаете, сказалъ онъ, поспѣшно положивъ письмо на столъ.

— Можете быть увѣрены, сказалъ я, улыбаясь.

— Bon soir, monsieur! сказалъ онъ, уходя, довольный тѣмъ, что дешево отъ меня отдѣлался, между тѣмъ, какъ пистолеты, показанные франту, были не заряжены; съ моей стороны это была только шутка, для испытанія моего соперника.

— И письмо у тебя? воскликнулъ генералъ. Показывай! Это важный документъ.

— Но я вѣдь далъ слово, ваше превосходительство, сказалъ Станиславъ, подавая письмо.

— Не покажу же я его полковнику, развѣ въ чрезвычайно-важномъ случаѣ.

Въ это время Пуслицкій принесъ картины.

— Смотри, братъ Станиславъ: я привезъ съ собою двѣ твои лучшія работы. Полковникъ любитель лошадей и живыхъ, и нарисованныхъ: безъ сомнѣнія, подарокъ этотъ будетъ ему очень пріятенъ.

— Чѣмъ же я заслужилъ такое расположеніе? сказалъ растроганный молодой человѣкъ.

Вмѣсто отвѣта, генералъ обнялъ Станислава.

— Поставь же самъ картины, какъ знаешь, потому-что полковникъ пріѣхалъ, а я желалъ бы, чтобъ онѣ ему понравились. Вѣдь онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ — тебѣ извѣстно.

— О, онъ вѣрно ихъ цѣнитъ! отвѣчалъ Станиславъ, устанавливая картины. Не разъ съ удовольствіемъ разговаривалъ я съ нимъ о живописи.

VIII.

Въ это время вошелъ полковникъ. Замѣтивъ Станислава, онъ удивился немного; но вскорѣ, вызвавъ на лицо привѣтливую улыбку, подалъ ему руку и сказалъ:

— Чрезвычайно обрадовали вы меня своимъ посѣщеніемъ. Безъ сомнѣнія, неожиданностью этой обязанъ я генералу. А что неожиданность эта доставляетъ мнѣ удовольствіе, въ томъ можете быть увѣрены.

— Благодарю васъ, полковникъ, я и не ожидалъ иначе. Увѣренность эта придала мнѣ смѣлость свернуть немного съ дороги, чтобъ доставить себѣ двойное удовольствіе: побывать у васъ и увидѣться съ генераломъ. Я зналъ, что его превосходительство въ Домбровцѣ.

— Надѣюсь, что вы подарите мнѣ сегоднишній день, сказалъ привѣтливо полковникъ. Пуслицкій! вещи и лошадей этого барина...

— Мы ужъ распорядились, и радушная хозяюшка, по моей просьбѣ, всему указала мѣсто,—отозвался генералъ.

— Превосходно !сказалъ полковникъ, видимо обрадованный: словно тяжелый камень свалился съ его сердца.—Значитъ, вы уже видѣли мою жену?

— Нѣтъ, еще не имѣлъ этого счастья, отвѣчалъ Станиславъ.

— Ты, братъ, хозяйничалъ? спросилъ старикъ полковника, наводя разговоръ на другой предметъ.

— Обязанности хозяина важны и обширны, отвѣчалъ полковникъ.— Но могу похвалиться, у меня все идетъ хорошо, приказанія коротки и ясны, а исполненіе быстро и отчетливо. Терпѣть не могу многословія, надъ чѣмъ иные господа тратятъ много времени. Я приказываю коротко и вразумительно, и увѣренъ, что все, мною приказанное, будетъ исполнено. Это доставляетъ мнѣ спокойствіе и сберегаетъ время, которое могу посвятить другимъ занятіямъ, болѣе пріятнымъ для ума и сердца.

— Поздравляю, полковникъ, что твои такъ слушаютъ тебя и понимаютъ, сказалъ генералъ съ улыбкою.

— Они знаютъ, что́ если я что приказываю, то такъ быть должно; знаютъ, что если чего потребую сегодня, то потребую завтра и послѣзавтра, и знаютъ въ этомъ случаѣ мой характеръ, сбивающійся немного на женское упрямство.

— Чудное качество въ мужчинѣ, да еще и въ солдатѣ! сказалъ генералъ насмѣшливо.

— Притомъ-же я подобралъ себѣ отставныхъ солдатъ, говорилъ полковникъ съ какой-то гордостью и самодовольствіемъ:—ничего нѣтъ лучше военной службы, по-моему. Вамъ очень хорошо извѣстно, ге-

нералъ, что это превосходная школа для изученія каждой обязанности, потому-что тамъ все зависитъ отъ быстроты исполненія.

— Отрадно мнѣ слушать отъ тебя эти рѣчи! воскликнулъ генералъ.

Полковникъ, однакожъ, разсудилъ, что бесѣда принимаетъ оборотъ, могущій довесть его до печальной истины: что не всегда онъ поступаетъ такъ, какъ говоритъ, и, быстро оборотясь къ Станиславу, спросилъ:

— Каково идетъ ваша поэзія? А главное, не отдыхаютъ ли ваши кисти? Читалъ я ваши «Бесѣды у камина». Мило, исполнено истины и жизни. Я полюбилъ васъ за это прекрасное созданіе.

Въ сердцѣ молодаго человѣка отозвалась надежда на эти ободрительныя слова, сказанныя отцомъ его возлюбленной. Генералъ, улыбаясь, молчалъ и въ глазахъ его блистала радость.

— Не случалось мнѣ видѣть вашихъ картинъ масляными красками, продолжалъ полковникъ:—и потому не могу судить о колоритѣ; но рисунки ваши, дѣланные карандашемъ и тушью, чрезвычайно мнѣ нравятся. Рука у васъ вѣрная, а группировка превосходна, въ особенности, гдѣ на сценѣ кавалерія. У меня даже есть двѣ ваши работы въ портфелѣ.

— Право, я не знаю, какъ выразить мою благодарность за такія лестныя похвалы.

— Самымъ простымъ образомъ: не оставлять пріятнаго и полезнаго занятія,—отвѣчалъ полковникъ, взявъ за руку молодаго человѣка.

— А вѣдь знатокъ! сказалъ генералъ, обращаясь къ Станиславу.

— Я давно знаю полковника въ этомъ отношеніи и признаю въ немъ превосходство надъ многими любителями.

— Ну, а какъ понравятся тебѣ эти картины, которыя я привезъ тебѣ, какъ знатоку, для оцѣнки?—спросилъ генералъ.

Подходя къ картинамъ, полковникъ присматривался издали, потомъ вблизи, потомъ, отойдя, снова смотрѣлъ и наконецъ сказалъ:

— Прекрасныя, дорогія картины! такъ, что я охотно-бы повѣсилъ ихъ у себя въ кабинетѣ. Что за облака! Какой туманъ окружаетъ эту отдаленную мельницу! Что за вражда въ лицахъ этихъ людей, цѣлящихъ другъ въ друга! Что за злость въ глазахъ этихъ ло-

шадей, которыя, кажется, раздѣляютъ ненависть своихъ всадниковъ! Въ этой картинѣ больше эффекта, хотя въ другой больше отчетливости. Эти деревья я отодвинулъ-бы подальше. Слишкомъ ужъ выразительно опредѣляютъ они разстояніе предметовъ. Эта рука немного слабо держитъ саблю. Но это все мелочи. Зато, какъ хорошъ прыжокъ этой лошади! Какъ она осматривается на другую! По лошадямъ вижу, что это ваша работа, г. Горицкій! Поздравляю! вы мастерски владѣете кистью. Поздравляю и васъ, генералъ, съ пріобрѣтеніемъ подобной картины; но мнѣ хотѣлось-бы показать ее женѣ. Пуслицкій!

— Полковница не возвратилась еще изъ саду, отвѣчалъ вахмистръ.

— Пока радушная наша хозяюшка разложитъ сегоднишнюю свою ботаническую добычу (видишь, полковникъ, что мнѣ и это извѣстно), Станиславъ успѣетъ переодѣться послѣ дороги, чтобъ представиться дамамъ въ приличномъ костюмѣ и въ желтыхъ перчаткахъ, какъ это теперь водится, говорилъ генералъ, подавая знакъ Станиславу.

Потомъ прибавилъ, обращаясь къ вахмистру:

— Пуслицкій! проводи г. Горицкаго въ его комнату и позаботься, чтобъ ни въ чемъ не было недостатка.

Понявъ знакъ генерала, незамѣченный полковникомъ, разсматривавшимъ картины, Станиславъ вышелъ въ сопровожденіи вахмистра. Тогда старикъ подошелъ къ полковнику и, взявъ его дружески за руку, сказалъ ему съ чувствомъ:

— Благодарю за ласковый пріемъ, оказанный моему молодому сосѣду. Это человѣкъ съ душою, подающій большія надежды.

— Что-же тутъ удивительнаго? отвѣчалъ полковникъ:—такой человѣкъ имѣетъ полное право на уваженіе благомыслящихъ людей. Я имѣлъ случай узнать его образованность въ Варшавѣ. Я не играю въ карты, а потому не разъ мнѣ случалось бесѣдовать съ нимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Талантъ его я цѣню высоко.

— А я, какъ ближайшій сосѣдъ, знаю его образъ жизни и характеръ. Молодой человѣкъ этотъ вполнѣ достоинъ уваженія; я цѣню его еще за то, что онъ дѣятельно занимается имѣніемъ, стоящимъ тысячъ двѣсти злотыхъ, и страсть къ литературѣ и живописи умѣетъ соединить съ любовью къ хозяйству. Притомъ-же онъ сынъ моего лучшаго друга и я люблю его также, какъ любилъ покойника. Послушай! оба мы солдаты, знаемъ мы другъ друга давно: зачѣмъ намъ прибѣгать къ увертками? Онъ любитъ Ядвигу — выдай ее за него.

— Но... генералъ, отвѣчалъ полковникъ, застигнутый въ расплохъ: моя жена...

— Что-же твоя жена можетъ сказать въ этомъ случаѣ? Развѣ ты не въ правѣ располагать судьбою своей дочери согласно съ своимъ убѣжденіемъ и ея счастьемъ?—прервалъ старикъ, не бывъ въ состояніи преодолѣть нетерпѣніе.

— Слова нѣтъ, я отдаю полную справедливость достоинствамъ этого молодаго человѣка; можетъ-быть, это по душѣ и Ядвигѣ, особенно, если она видитъ мое согласіе и ваше желаніе; но моя жена... моя жена любитъ ее не меньше моего и, подобно мнѣ, только желаетъ ея счастья.

— Очень можетъ-быть, отвѣчалъ генералъ, явно превозмогая себя:—что жена твоя не похожа на другихъ мачихъ, потому-что нѣтъ правила безъ исключенія; тѣмъ болѣе я не вижу причины отказа съ ея стороны, если она въ-самомъ-дѣлѣ желаетъ счастья твоей дочери. А я тебѣ говорю, что Ядвига будетъ счастлива, потому-что и она любитъ Станислава.

— Замѣтилъ я еще въ Варшавѣ, что она охотно съ нимъ танцовала и разговаривала; наконецъ не удивляюсь, если онъ ей и понравился; но моя жена...

— Хочетъ выдать ее за кого-нибудь другаго? Что? спросилъ генералъ довольно быстро.

— Я этого не говорю, отвѣчалъ смутившійся полковникъ. Еслибы у нея были какіе-нибудь планы на этотъ счетъ, то мнѣ было-бы извѣстно; но, видите ли, ужъ одна деликатность заставляетъ меня поговорить съ ней объ этомъ и ближе познакомить ее съ человѣкомъ, котораго она знаетъ очень мало. Вотъ почему я прошу васъ не принимать этого такъ горячо къ сердцу. Ядвига еще очень молода, можетъ и подождать немного; а между-тѣмъ пусть Горицкій бываетъ у насъ почаще, и увидите, что все устроится по вашему, то-есть, по нашему желанію. Жена моя очень умная женщина. она скоро оцѣнитъ его душу и сердце. А если еще она узнаетъ, что въ любви молодыхъ людей принимаете участье вы, то, безъ всякаго сомнѣнія, и не подумаетъ противиться, потому-что вы сразу овладѣли ею: я замѣтилъ, что она даже кокетничаетъ, чтобъ только вамъ понравиться.

— Благодарю, что ты хоть этакъ принимаешь мое ходатайство.

— Надѣюсь, генералъ, вы вѣрите, что ваше ходатайство важнѣе для меня всякаго другаго. Вы вѣрно не обидите меня сомнѣніемъ, что я позабылъ, чѣмъ были вы для меня, что вы теперь и чѣмъ можете быть для моей дочери.

— Думаю,—отвѣчалъ генералъ, дергая усъ, какъ-бы хотѣлъ вырвать его съ корнемъ:—что по-крайней-мѣрѣ помнишь о послѣднемъ. Но предоставимъ все это времени.

— Самое лучшее, генералъ. Моя жена...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ старикъ:—ужъ я съ ней не стану говорить объ этомъ.

— Безъ сомнѣнія, это моя обязанность, и скоро я выберу самую удобную минуту.

Пожавъ плечами, генералъ взглянулъ на полковника съ сожалѣніемъ, а въ это время отворилась дверь и вошла полковница.

IX.

Полковница одѣта была какъ одѣваются для прогулки, и вошла со шляпкой, висѣвшей на рукѣ и наполненной различными растеніями. Лицо ея выражало привѣтливость и какъ-будто улыбалось, по всему видно было, что она хотѣла быть любезной.

— Здравствуйте, генералъ,—сказала она почти кокетливо.—Каково провели ночь? Я безпокоилась, все ли исполнено по вашему желанію.

— Очень, очень благодаренъ, отвѣчалъ старикъ:—я имѣлъ всевозможныя удобства, мнѣ было лучше, чѣмъ дома. Я даже удивлялся: откуда вы узнали мелкія привычки и прихоти старика, придающаго имъ особенную важность.

— Развѣ это не обязанность хозяйки, особенно въ отношеніи къ такому гостю, какъ вы? отвѣчала полковница, откусывая листокъ какого-то цвѣтка, скрывшій ея насмѣшливую улыбку.

Полковникъ чрезвычайно обрадовался этимъ обоюднымъ любезностямъ.

— Только женщина, сказалъ онъ: — и притомъ такая женщина можетъ обладать подобной предупредительностью, она видитъ то, что ни одному изъ насъ не пришло-бы въ голову. Благодарю тебя, жизнь моя, сказалъ онъ цалуя руку жены:—что ты позаботилась за себя и за меня.

— О чемъ это вы, господа, бесѣдовали?—проговорила, садясь, полковница.

— Къ намъ, душа моя, пріѣхалъ гость, сосѣдъ генерала г. Ста-

нислав Горицкій, который, проѣзжая близко, сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ.

— А! такъ это Горицкій? сказала полковница тономъ, не выражавшимъ ни непріятности, ни удовольствія, ни удивленія, и только чрезъ минуту прибавила:—вчера Пуслицкій говорилъ мнѣ, что ожидаютъ гостя.

— И я очень благодаренъ, что вы позаботились о его помѣщеніи, сказалъ старикъ:—это мой сосѣдъ и сынъ моего лучшаго друга.

— Припоминаю теперь:—я видѣла его раза два въ Варшавѣ и у себя въ домѣ... Прекрасно танцуетъ.

— Это одно изъ послѣднихъ его достоинствъ, отвѣчалъ генералъ, крутя усы и нахмуривъ брови.

— Онъ очень уменъ и съ большими талантами, отозвался полковникъ: — литераторъ и художникъ въ полномъ смыслѣ слова. Посмотри, душа моя! прибавилъ онъ, опираясь одною рукою о кресло жены, а другою указывая на картины: — эти два оригинальные эскиза привезъ мнѣ генералъ, чтобъ показать манеру и колоритъ художника. Я зналъ его карандашъ еще прежде; но не могу налюбоваться искусствомъ, съ какимъ онъ владѣетъ красками, набрасываетъ свѣтъ и тѣни и достигаетъ дивныхъ эффектовъ. Зная любовь мою къ живописи, въ особенности къ этому роду, припоминающему мнѣ военную жизнь, генералъ сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе, показавъ эти картины.

— А чтобъ доставить еще большее удовольствіе, сказадъ старикъ: —я привезъ тебѣ ихъ въ подарокъ.

— О, я уже не знаю, какъ благодарить васъ, генералъ! Подойди, душа моя, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ:—присмотрись, что́ за мастерство! Это стоитъ того, чтобъ посмотрѣть ближе.

— Вижу и отсюда, отвѣчала полковница, закрывая губы; и взглянувъ небрежно въ лорнетъ, отворотилась отъ картинъ съ тѣмъ мраморнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ никто ничего прочесть не въ состояніи.

Замѣтивъ это, генералъ началъ крутить и дергать усы, полковникъ видимо смѣшался, а полковница встала и, не смотря больше на картины и не спросивъ о ихъ авторѣ, прибавила:

— Мнѣ еще надобно уложить свою сегоднишнюю жатву. Черезъ часъ ожидаю васъ, господа, въ столовой. Чрезвычайно мнѣ будетъ пріятно, если завтракъ прійдется генералу по вкусу.

И полковница ушла въ свои комнаты.

Генералъ молчалъ, крутя сѣдые усы; полковникъ отеръ лобъ и, взглянувъ на картины Станислава, быстро отъ нихъ отворотился и посмотрѣлъ на дверь жениныхъ комнатъ.

Тягостное это молчаніе продолжалось съ полминуты.

— Какъ я вижу, твоей женѣ не слишкомъ понравились картины, сказалъ генералъ.

Не отвѣчая ни слова, полковникъ еще разъ отеръ лобъ платкомъ.

— Видно, что жена твоя небольшая любительница живописи, а предпочитаетъ натуру, которую засушиваетъ, продолжалъ старикъ, ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Напротивъ, отвѣчалъ полковникъ, незамѣтно посматривая на дверь жениныхъ комнатъ:—жена моя очень любитъ живопись, но любитъ только мастерскія произведенія кисти.

— А это мазилки, что-ли? вскрикнулъ старикъ, едва удерживая гнѣвъ и нетерпѣніе.

— Этого я не говорю, отвѣчалъ полковникъ, снова отирая лобъ.—Но картины—такъ себѣ, недурны для начинающаго таланта, который можетъ уйдти далеко, если его не уничтожитъ лѣнь, или не собьетъ съ толку излишнее самолюбіе, потому-что у насъ не рѣдкость и то, и другое.

Быстро приподнялся генералъ съ своего мѣста.

— Мужчина ты, или нѣтъ?.. воскликнулъ онъ, смотря пристально въ глаза полковнику, который не могъ выдержать этого взгляда.

— Что́ за вопросъ, генералъ! отвѣчалъ полковникъ съ принужденнымъ смѣхомъ и желая обратить все это въ шутку.

— Ты же недавно не находилъ словъ для похвалы этихъ картинъ, ты видѣлъ въ нихъ оконченность, жизнь, талантъ, геніальность... И потому только, что жена твоя холодно посмотрѣла на нихъ, не похвалила, вѣроятно, имѣя надобность не похвалить ихъ: ты въ одинъ мигъ перемѣнилъ мнѣніе, отрекся отъ познанія въ искусствѣ, и то́, что́ называлъ мастерскимъ произведеніемъ, называешь теперь недурной работой рождающагося таланта! Вѣрь мнѣ... Но лучше прикусить языкъ, потому-что боюсь наговорить глупостей.

Полковникъ продолжалъ смѣяться, хотя и видно было, что смѣхъ этотъ принужденный.

— Ахъ, генералъ, развѣ можно упрекать меня въ подобной слабости и непостоянствѣ сужденій! Если я расхвалилъ эти картины при художникѣ, то, конечно, для того, что не хотѣлъ сконфузить его; теперь же, присмотрѣвшись, говорю по убѣжденію. Что-же касается до жены моей...

Въ это время отворилась дверь изъ комнатъ полковницы и оттуда послышался суровый голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя! отвѣчалъ полковникъ и вышелъ, не кончивъ начатой фразы.

Генералъ усѣлся въ ближнемъ креслѣ, положилъ обѣ руки на колѣна, и въ такомъ положеніи сидѣлъ молча, словно прикованный къ своему мѣсту.

Вошелъ Пуслицкій и остановился, вытянувшись по обычаю; но, видя, что генералъ не измѣняетъ положенія, кашлянулъ и подвинулся впередъ шага на два. Это, однакожъ, не вывело старика изъ задумчивости и вахмистръ приблизился еще, вытянулся и сказалъ:

— Ваше превосходительство! осмѣливаюсь...

Генералъ быстро приподнялся, грозно взглянулъ на вахмистра, подавшагося назадъ отъ этого взора, и словно довольный тѣмъ, что есть надъ кѣмъ излить досаду, сказалъ громкимъ голосомъ:

— Сволочь! бабы! тряпки! позволили себя осѣдлать, словно клячи водовозныя, которыя никогда пороху не нюхали! Хорошо, что не носите уже ни сабли, ни кивера; чепцы, веретено, юбки—вотъ ваша амуниція!..

Проговоривъ это, старикъ началъ быстро ходить по комнатѣ, переставляя съ силой стулья и кресла и ворча:

— Это неслыхано! это безстыдно!

Все это время удивленный Пуслицкій стоялъ словно вкопанный, безъ движенія, изрѣдка только мигая или сжимая вѣки. Наконецъ онъ не могъ удержаться и слезы покатились по лицу его.

Старикъ это замѣтилъ, подошелъ къ нему и сказалъ, положивъ ему руку на плечо:

— Что это? ты плачешь, бѣдняга? Знаю, знаю, что ты чувствуешь его униженье. Все, что я говорилъ, относится, конечно, не къ тебѣ. Извини, братъ, Пуслицкій! но меня это очень огорчило.

Схвативъ руку генерала, Пуслицкій поцаловалъ ее, потомъ смѣлѣе уже отеръ слезы и на лицо его снова возвратилось выраженіе спокойнаго ожиданія приказа.

Въ это время дверь отворилась и изъ за ней показалось веселое, лукавое и блистающее счастьемъ личико Ядвиги.

— Можно войти, дѣдушка? послышался ея голосокъ.

— Просимъ покорно,—отвѣчалъ старикъ, прохаживаясь.

— Что же это, дѣдушка: вы въ дурномъ расположеніи духа? спро-

сила Ядвига, облокотясь на руку генерала и прохаживаясь съ нимъ вмѣстѣ по комнатѣ.

— Въ самомъ дурномъ.

— Не смотря на то, что Станиславъ пріѣхалъ ..

— Не спорю, что пріѣздъ его можетъ привесть въ пріятное расположеніе духа тебя; но со мною случилось напротивъ.

— Если сказать правду, милый дѣдушка,—проговорила Ядвига, какъ бы съ неудовольствіемъ:—то и я не слишкомъ радуюсь его пріѣзду, когда онъ изволитъ одѣваться цѣлые три часа.

— Смѣю доложить, сударыня,—отозвался Пуслицкій,—что гость давно ужъ одѣтъ и спрашиваетъ позволенія, можно-ли войти.

— Онъ? сюда? зачѣмъ? не для того-ли чтобъ и ему полковница сдѣлала такую-же гримасу, какъ его картинамъ? Не надо!—сказалъ старикъ.—Ступай, прикажи скорѣй запрягать лошадей гостю, а его попроси, чтобъ сейчасъ пришелъ въ мою комнату.

— Что-же это значитъ, дѣдушка?—спрашивала Ядвига, блѣднѣя.—Какъ, онъ сейчасъ ѣдетъ?

— Сію минуту: нечего ему здѣсь оставаться. И мнѣ лошади чтобъ сейчасъ были готовы! Я тоже ѣду.

— Но, дѣдушка! скажите, Бога-ради, что здѣсь случилось?

— То, что я здѣсь лишній! Возьми и это, Пуслицкій! прибавилъ старикъ, указывая на картины: отнеси ко мнѣ и уложи, какъ было.

Когда Пуслицкій вынесъ картины, Ядвига достала письмо Станислава и, показывая его генералу, спросила серьёзно и рѣшительно:

— А это все развѣ шутка?

— Нѣтъ, милая, я умру, а составлю ваше счастье.

— О, теперь понимаю! сказала обрадованная Ядвига, цалуя руку старика.—Надѣюсь, дѣдушка, что вы позволите мнѣ придти къ вамъ, когда у васъ будетъ Станиславъ? Но я приду какъ-будто ненарочно.

— Хорошо, хорошо, я ему скажу, что ты придешь какъ-будто ненарочно.

— Дѣдушка! зачѣмъ-же говорить? онъ и самъ догадается, зачѣмъ я пришла.

— Хорошо, до свиданья! сказалъ старикъ, идя къ двери.

— Такъ черезъ четверть часа?

— Хорошо.

— А можетъ быть, лучше черезъ десять минутъ? сказала Ядвига, подбѣжавъ къ старику и обнимая его.

— Ну, приходи и черезъ десять минутъ.

— А гдѣ папаша?

— Эхъ, твой папаша, милая, мокрая курица, настоящая баба! сказалъ старикъ, освобождаясь изъ объятій внучки, и вышелъ.

— Бѣдный папа! проговорила дѣвушка, останавливаясь и смотря на дверь полковницы.—О, еслибъ я была мужчиной! прибавила она, топнувъ ножкой.—Вотъ, однакожъ, желаніе! Что жъ бы я выиграла отъ этого? Легко могло бы случиться, что и сама попала бы въ руки подобной госпожи... Благодарю! нѣтъ ужъ лучше оставаться при своемъ. Однакожъ, продолжала она: Станиславъ пошелъ ужъ къ дѣдушкѣ. Черезъ десять минутъ какъ-будто случайно являюсь туда и вскрикну: — Ахъ, извините, дѣдушка, можетъ быть, я помѣшала! — Ни сколько! войди! говоритъ неоцѣненный покровитель!—Ахъ! воскликнетъ Станиславъ... — Ахъ! отвѣчу я, опуская глаза, и такъ далѣе. А между тѣмъ, вѣроятно, уже прошло десять минутъ. Надо идти. Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ, однакожъ, не хочется! прибавила она съ лукавой улыбкой и, поцаловавъ украдкой письмо Станислава, побѣжала въ комнату дѣдушки.

X.

Черезъ часъ Станиславъ выѣхалъ. Его немного безпокоило то, что за него генералъ получилъ непріятность, но пріемъ Ядвиги обрадовалъ его-Уѣзжая, онъ оставилъ полковнику письмо, въ которомъ поблагодарилъ его за привѣтливость и за лестный отзывъ о его произведеніи.

Со слезами на глазахъ стояла Ядвига у окна знакомой намъ гостиной, и смотрѣла на дворъ, по которому прокатился экипажъ, увозившій ея милаго. Въ гостиную вошелъ отецъ съ письмомъ Станислава въ рукѣ. Лицо полковника выражало заботу и неудовольствіе. Бросивъ письмо на столъ, онъ, молча, усѣлся въ креслѣ и, смотря на дочь, которая его не примѣтила и изрѣдка отирала платкомъ глаза, сказалъ съ досадой:

— Это что за новости! ты плачешь?

Ядвига быстро оборотилась и съ спокойнымъ лицомъ, но безъ обычной улыбки, отвѣчала:

— Нѣтъ, папа, не плачу, хотя, можетъ быть, и имѣла бы на это причину.

— Не потому ли, что этотъ г. Станиславъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и Богъ знаетъ зачѣмъ убрался?

— Не скрою, папа̀, это меня очень огорчаетъ, — отвѣчала она рѣшительно и съ выраженіемъ сильной воли:—потому-что этотъ молодой человѣкъ заслуживаетъ уваженіе. Но я не такъ малодушна, чтобы оплакивать то, что̀ можно еще возвратить терпѣньемъ и постоянствомъ. Я плакала бы о томъ, чего ужъ нельзя поправить,—прибавила она, цалуя съ чувствомъ руку отца.

Съ живостью полковникъ отнялъ руку и, пройдясь раза два по комнатѣ, сказалъ:

— Не набивай себѣ голову пустяками! Ты слишкомъ еще молода, чтобъ располагать собою и хлопотать о другихъ. Есть кому заботиться о тебѣ, и другіе лучше тебя знаютъ, что̀ необходимо для твоего счастья, не спрашивая ни чьего совѣта.

Послѣднія слова были произнесены съ особеннымъ выраженіемъ, какъ-бы давая знать, что слова Ядвиги были поняты.

— Ахъ, папа̀, дѣвушка все же должна думать о себѣ и о своемъ будущемъ, когда у нея нѣтъ матери.

— Ядвига! ты оскорбляешь особу, ко̀торая тебя любитъ и заботятся о твоемъ счастьи, сказалъ полковникъ съ упрекомъ.

— Я убѣждена, папа, что она меня не любитъ; а если ласкаетъ, и даже льститъ иногда, такъ для того только, чтобъ вы это видѣли, и для извѣстнаго плана...

— Ничего не знаю и мать твоя не говорила мнѣ ни о какихъ планахъ, сказалъ полковникъ.

— Мать моя на небѣ, — отвѣчала Ядвига. — А если другая мать ничего еще не говорила вамъ о своихъ намѣреніяхъ на мой счетъ, то это уже доказываетъ, что вы бы на нихъ не согласились. За существованіе этихъ намѣреній ручаюсь; но также увѣрена и въ томъ, что вы ихъ отвергнете, и потому прошу васъ, папа, скажите ей, чтобъ она напрасно не безпокоилась, потому-что изъ всѣхъ ея заботъ о моемъ счастьи рѣшительно ничего не выйдетъ. Есть у меня вы, милый папа, и безцѣнный дѣдушка. Вы обязаны заботиться о моемъ счастьи, и только изъ вашихъ рукъ приму я свое будущее, больше ни изъ чьихъ... клянусь вамъ.

Во взглядѣ, которымъ полковникъ посмотрѣлъ на дочь, блеснула радость, при видѣ энергіи и откровенности, съ какими произнесены были послѣднія слова. По лицу его видно было, что онъ одобрялъ

все, что̀ говорила Ядвига, и что сердце его гордилось отголоскомъ собственнаго его характера и энергіи, которые онъ передалъ молодой душѣ ея; но въ ту же минуту онъ словно вздрогнулъ и оборотился къ дверямъ жениныхъ комнатъ. Дверь эта была притворена, но ее только-что затворила полковница, которая, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы, стояла за ней съ половины сцены и, невидимая сильно-занятыми актерами, все слышала многое. Стукъ двери и догадка, что жена хотѣла войти, но раздумала, не желая прервать рѣшительнаго разговора, измѣнили мысли полковника и нахмурили его брови. Онъ строго взглянулъ на Ядвигу.

— Прекрасно, дитя мое, что ты полагаешься на меня и на заботливость генерала; но не менѣе того, ты обязана уважать и любить жену мою, которая имѣетъ право на твою привязанность. А между тѣмъ, хоть и невольно, ты огорчила ее.

— Я, папа? чѣмъ-же это? спросила удивленная Ядвига. Никогда. Я слишкомъ люблю васъ, чтобъ рѣшиться на это.

— Не ты,—отвѣчалъ полковникъ, стараясь придать мягкость своему голосу:—но изъ-за тебя и изъ-за любви къ тебѣ Станиславъ.

— Станиславъ? Какимъ-же образомъ, если онъ съ ней не видѣлся?

— Тѣмъ, что надѣлалъ буйства, къ которому я не считалъ его способнымъ.

— Какъ Станиславъ буянъ? Ахъ, папа! простите, но быть не можетъ, чтобъ вы это серьёзно думали. Что-же онъ сдѣлалъ? Разскажите, папа, потому-что меня огорчила-бы и тѣнь правды въ томъ, что̀ вамъ говорили.

— Подробностей не знаю,—отвѣчалъ полковникъ, немного смѣшавшись:—потому-что жена не хочетъ сказать о нихъ, изъ деликатности ко мнѣ и изъ уваженія къ генералу, который любитъ Станислава. Довольно того, что, съѣхавшись вчера на ночлегѣ съ графомъ Альфредомъ, который спѣшилъ къ намъ, г. Горицкій обошелся съ нимъ очень грубо.

— Очень грубо! Какимъ образомъ?—спросила Ядвига, недовѣрчиво качая головкой.

— Развѣ я знаю, какимъ образомъ?—отвѣчалъ полковникъ:—между прочимъ, извѣстно то, что онъ принудилъ графа Альфреда не ѣхать къ намъ и возвратиться.

— И графъ Альфредъ послушался его? — спросила весело дѣвушка.

— Должно быть, потому-что его нѣтъ до-сихъ-поръ,—отвѣчалъ полковникъ, пожимая плечами.

— И вы, папа, сказала дѣвушка съ блистающимъ взоромъ, и вы допустили-бы свою дочь быть женой человѣка, который позволилъ принудить себя не ѣхать туда, куда хотѣлъ и рѣшился?

— Ядвига! дочь моя! воскликнулъ со слезами полковникъ и протянулъ руки.

Дѣвушка бросилась въ его объятія, а онъ говорилъ, цалуя ее:

— Никогда, никогда не соглашусь на это!

— Благодарю васъ, папа, сказала она, ласкаясь,—только этого мнѣ и надобно, а объ остальномъ я не безпокоюсь.

— Только тише! прибавилъ полковникъ, полушутя, полусерьёзно, лаская Ядвигу.

Въ это время послышался стукъ экипажа.

— Кто это еще пріѣхалъ? спросилъ полковникъ и глаза его невольно обратились къ дверямъ жены, что́ привыкъ онъ дѣлать въ каждомъ важномъ обстоятельствѣ, потому-что онъ входилъ въ комнату жены за совѣтомъ и рѣшеніемъ.

— Это экипажъ дѣдушки,—отвѣчала Ядвига, отирая слезы, выступившія при видѣ доказательства отцовской любви.

— Какъ! и генералъ уѣзжаетъ? сказалъ полковникъ и видимо смѣшался.

— Уѣзжаетъ, папа, и сію минуту.

— О, я этого не позволю!—сказалъ полковникъ и быстро пошелъ къ двери, вѣроятно, намѣреваясь отправиться къ генералу.

Но вдругъ онъ остановился въ нерѣшимости, опустилъ голову и отправился къ женѣ.

Въ это время вошелъ генералъ, одѣтый по-дорожному. На немъ былъ сюртукъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, застегнутый на всѣ пуговицы, съ ленточкой въ петлицѣ; въ одной рукѣ была у него фуражка, въ другой палка съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, на которую онъ опирался. Замѣтивъ, что дѣвушка смотрѣла на него съ гордостью и съ удовольствіемъ, онъ словно выросъ и выпрямился, чувствуя себя подъ вліяніемъ взгляда молодаго существа, котораго благородную душу онъ зналъ и къ которому привязался, какъ къ послѣдней звѣздочкѣ, долженствовавшей озарить заходящую жизнь его.

— Значитъ вы уже уѣзжаете? сказала Ядвига, когда старикъ молча приблизился къ ней и поцаловалъ ее въ голову.

— Ѣду, потому-что мнѣ здѣсь худо, отвѣчалъ генералъ.—Все здѣсь не попрежнему, все вверхъ дномъ; каждая вещь огорчаетъ и сердитъ меня; каждая минута напоминаетъ, что нѣтъ твоей матери. И мнѣ все представляется, что я слышу вздохъ покойницы съ неба, откуда она видитъ, что здѣсь дѣлается. Но не плачь, дитя мое! прибавилъ старикъ, судорожно сжимая дѣвушку въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! зачѣмъ вы говорите все это? сказала наконецъ Ядвига, успокоившись немного. — А меня вамъ не жаль?

— Жаль, жаль, ненаглядная моя! отвѣчалъ старикъ, отирая слезу, невольно навернувшуюся ему на глаза.—Для того-то я и пріѣзжалъ, чтобъ убѣдиться во всемъ собственными глазами.

— А теперь, убѣдившись, вы оставляете меня! сказала Ядвига, складывая на груди руки.

— Оставляю? о, напротивъ! У меня даже была мысль теперь... сейчасъ-же... Но тише! послѣ объ этомъ, прибавилъ старикъ, замѣтивъ, что дверь отворилась и полковница съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ исчезло всякое выраженіе, вошла въ гостиную.

XI.

Молча, опираясь на трость, какъ нѣкогда на саблю, стоялъ генералъ, смотрѣлъ на приближавшуюся хозяйку и выжидалъ, что она скажетъ.

— Что слышу, генералъ, вы уѣзжаете такъ неожиданно? сказала она.

— Уѣзжаю и пришелъ проститься, сказалъ старикъ, слегка поклонившись. Извините стараго солдата, что является въ дорожномъ костюмѣ.

— Полагаю, отвѣчала полковница съ достоинствомъ:—что я не заслужила подобнаго упрека отъ человѣка, которому извѣстно, что съ моимъ образованіемъ, я знаю чего и отъ кого должно требовать.

— Извините,—сказалъ генералъ, немного затронутый и чувствовавшій нѣкоторую справедливость послѣднихъ словъ:—можетъ-быть я и ошибся, но увѣряю, что на этотъ разъ я не хотѣлъ оскорбить васъ.

— На этотъ разъ! повторила полковница съ странной и быстро мелькнувшей улыбкой.

Лицо ея снова приняло серьёзное выраженіе, она сжала губы; потомъ, взглянувъ на Ядвигу, слушавшую разговоръ этотъ со вниманіемъ, сказала:

— Оставь насъ на минуту!

Генералъ кашлянулъ и улыбнулся... Ядвига подошла къ нему, подставила головку, которую старикъ поцаловалъ, и спокойно вышла.

— Неугодно-ли присѣсть, генералъ.

Старикъ усѣлся. Полковница приняла самую ласковую физіономію.

— Не думаю, генералъ,—сказала она,—чтобъ пріемъ нашъ былъ причиной такого неожиданнаго отъѣзда. Кажется все, что касается до меня, какъ до хозяйки дома...

— О, въ этомъ случаѣ, отдавая вамъ полную справедливость, приношу мою чувствительнѣйшую благодарность! прервалъ старикъ.—Вы сдѣлали даже больше, чѣмъ я ожидалъ. Но меня нисколько не удивляетъ это предупредительное радушіе. И хотя воспитанъ на бивакахъ, и не знаю свѣта,—прибавилъ онъ, ударяя на эти слова и покручивая усы: однако—зналъ, что если образованіе научило васъ, чего и отъ кого должно требовать, то научило и воздавать всѣмъ, что и кому слѣдуетъ.

Видя, что трудно воевать съ старымъ солдатомъ, который поражалъ ее собственнымъ-же ея оружіемъ, полковница закусила губы. Она измѣнила планъ нападенія и, не утруждая себя ролью притворной ласковости, несродной ея натурѣ, но съ которою она была освоена въ хорошей школѣ, сказала уже съ аристократическимъ выраженіемъ:

— Не удивляйтесь, что молодой человѣкъ, пріѣхавшій сюда такъ неожиданно, еще неожиданнѣе уѣхалъ. Сколько я слышала, онъ не такъ простъ, чтобъ не понимать, что онъ былъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

— Такой человѣкъ, какъ Горицкій, на своемъ мѣстѣ вездѣ, гдѣ только умѣютъ цѣнить умъ, талантъ и образованіе. Здѣсь-же онъ былъ на своемъ мѣстѣ уже потому, что онъ сынъ лучшаго моего друга, и, не смотря на молодость, умѣлъ снискать мою пріязнь и уваженіе.

— О, зачѣмъ-же, генералъ, вы принимаете слова мои такъ близко къ сердцу! Могу и я увѣрить, что на этотъ разъ я не хотѣла огорчить васъ, а сказала это по другой причинѣ.

Здѣсь генералъ, въ свою очередь, закусилъ губы и подумалъ: «нашла коса на камень!»

— Въ такомъ случаѣ прошу извиненія за мою вспыльчивость,—сказалъ онъ, поправляясь въ креслѣ, на которомъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.—Но я привыкъ защищать горячо и открыто своихъ друзей, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ. Мнѣ-же казалось, что слова ваши были несправедливы.

— Не я, генералъ, оскорбила словами моими г. Горицкаго, но онъ самъ поступкомъ своимъ, въ отношеніи моего кузена, оскорбилъ меня и мою фамилію. Вотъ почему я выразилась, что онъ здѣсь былъ не на своемъ мѣстѣ.

— А, это другое дѣло!—отвѣчалъ генералъ, притворяясь, что ничего не знаетъ о случившемся. Придвинувшись ближе, онъ спросилъ полковницу:

— Позвольте узнать, какъ-же онъ поступилъ въ отношеніи вашего кузена, что могъ оскорбить и васъ.

— Удивляюсь, генералъ, что вы меня объ этомъ спрашиваете! отвѣчала полковница тономъ оскорбленнаго самолюбія.—Неужели вы считаете меня на столько простоватой, чтобъ я могла допустить, что вамъ это не извѣстно?

Отодвинувъ кресло на прежнее мѣсто и, смотря на серьёзное, холодное лицо женщины, въ чертахъ которой отражался умъ, а въ прекрасныхъ глазахъ острая проницательность, генералъ подумалъ: «Бѣдный полковникъ! неудивительно, что она его прибрала къ рукамъ.»

— Конечно, я знаю въ подробности встрѣчу Горицкаго съ вашимъ кузеномъ и, говоря откровенно, все одобряю, — сказалъ онъ тономъ искренности, безъ малѣйшаго гнѣва и иронiи.

— Одобряете? спросила съ удивленіемъ полковница.

— Каждый шагъ, каждое слово, отвѣчалъ старикъ рѣшительно. — Кузенъ вашъ, недоучившійся или переучившійся франтъ, насмѣхается надо всѣмъ отечественнымъ и увѣренъ, что ему только стоитъ надѣть фракъ, сшитый въ Парижѣ, такъ онъ ужъ и возьметъ верхъ надъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ. Ему дали урокъ, котораго онъ заслуживалъ.

— Не ожидала я, генералъ, отъ человѣка, подобнаго вамъ и подъ этой кровлей услышать такое мнѣніе,—сказала, вставая, полковница.

— Потрудитесь присѣсть! Я еще не кончилъ и на этотъ разъ не васъ хотѣлъ оскорбить,—сказалъ генералъ съ достоинствомъ:—я вамъ скажу то, чего вы, конечно, не знаете.

Полковница сѣла, улыбаясь насмѣшливо.

— Кузенъ вашъ поступилъ неосмотрительно въ двухъ отношеніяхъ, продолжалъ старикъ.—Во-первыхъ, не зная человѣка, онъ началъ съ

презрѣніемъ отзываться о своемъ отечествѣ; во-вторыхъ, узнавъ, кто его собесѣдникъ, началъ хвастать, что увѣренъ въ обладаніи моей внучкой и тѣмъ оскорбилъ его другую, равно глубокую любовь, на которую послѣдній имѣетъ право, основанное на взаимности Ядвиги, на уваженіи ея отца и на моей пріязни.

Старикъ замолчалъ. Полковница сидѣла неподвижно, но лицо ея еще больше поблѣднѣло и губы сжались такъ сильно, что едва замѣтна была одна только искривленная линія. Генералъ примѣтилъ, что начинаетъ брать верхъ. Честь однако-же не позволяла ему идти впередъ и пользоваться своимъ превосходствомъ, потому-что противникомъ его была женщина. И хотя ему не было жаль полковницу, однако, желая залечить нанесенную ей рану, онъ рѣшился отдать ей столько справедливости, сколько она ея заслуживала, по его убѣжденію.

— Видите ли,—продолжалъ онъ,—что ни чуть не странно мое одобреніе поступка молодаго человѣка, котораго люблю, въ отношеніи къ неосмотрительному юношѣ, возмечтавшему о какихъ-то правахъ на руку дѣвушки, которая о немъ не думаетъ и которой онъ не получитъ, пока я буду живъ. Скажу еще болѣе, что, еслибъ кузенъ вашъ описалъ случившееся такъ, какъ оно было, я увѣренъ, что и вы были-бы лучшаго мнѣнія о Горицкомъ. Видите-ли, хотя я и не одобряю васъ во всемъ, какъ супругу; хотя—простите за солдатскую откровенность—хотя я бросилъ-бы васъ, если-бы по какому-нибудь случаю вы были моей женою, и хотѣли быть моей повелительницей! однако, сколько знаю васъ, цѣню высоко вашъ умъ и силу вашего характера. Если-бы вы были мужчина, я первый подалъ-бы вамъ дружески руку, хотя я гораздо васъ старѣе.

— Позолотили вы пилюлю, какъ могли,—отвѣчала полковница, скоро придя въ себя по обыкновенію.—Если въ-самомъ-дѣлѣ такъ случилось, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Не одобряю слабости и высокомѣрія моего кузена, хотя и не во всемъ согласна съ г-номъ Горицкимъ. Во всякомъ случаѣ, генералъ, чрезвычайно вамъ благодарна за извѣстіе о происшествіи, о которомъ я была совершенно другаго мнѣнія.

Лицо генерала прояснилось. Онъ былъ доволенъ, что напалъ на удобное средство и высказалъ, что́ хотѣлъ, не употребивъ во зло правъ старика и мужчины въ отношеніи умной и образованной женщины.

Замѣтила это полковница и въ глазахъ ея блеснула мысль, что на этомъ пути вѣжливости и уступчивости, она, можетъ быть, приберетъ

и старика, точно такъ же, какъ прибрала и опутала мужа на другомъ, и, съ улыбкой, въ которой виднѣлись упрекъ и прощеніе, сказала, придвигая кресло:

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Въ первый разъ въ жизни жалѣю, что не родилась мужчиной. Надѣюсь, однакожъ, что достигну своей цѣли и безъ этого невозможнаго чуда. Но для этого, генералъ, мнѣ необходимо время, необходимо, чтобъ вы узнали меня, какъ женщину, которой—увы! мнѣ надо оставаться; а въ особенности какъ супругу, о которой, какъ кажется вы имѣете какія-то странныя понятія. Неужели, генералъ, мнѣ не удастся упросить васъ остаться съ нами?

Замѣчая выраженіе кокетства на лицѣ полковницы, генералъ припомнилъ, какъ говорилъ Пуслицкій. что это блестки и какъ-бы напущеніе волшебства, отодвинулся незамѣтно и отвѣчалъ серьёзно:

— Благодарю за ласковое приглашеніе. Но я уже рѣшилъ, а у меня—что́ сказано, то и сдѣлано. Вы лучше другихъ должны уважать это достоинство и не вводить меня въ искушеніе: согрѣшить противъ характера и достоинства мужчины.

Поняла намекъ полковница; стало досадно и ей, что она унизилась до ласкъ и предупредительности съ человѣкомъ, который отдѣлался отъ нея коротко и ясно и уничтожилъ покушенія, дорого ей стоившія. Подумавъ съ минуту, она встала съ достоинствомъ и сказала довольно гордо:

— Жалѣю, что просьба моя осталась безъ успѣха, хотя и легко ее выполнить. Тѣмъ болѣе грустно, что, кажется, мы надолго будемъ лишены удовольствія видѣть васъ снова. Здоровье мое требуетъ леченія, мужу тоже надо отдохнуть и разсѣяться, а Ядвига уже въ такомъ возрастѣ, что ей необходимо взглянуть на свѣтъ Божій. Все это заставляетъ насъ вскорѣ ѣхать за границу, гдѣ мы пробудемъ до поздней осени, а можетъ-быть, останемся и на зиму. По этому случаю, генералъ, рѣшаюсь повторить мою просьбу, останьтесь, погостите у насъ, прибавила она, примѣтивъ, что слова ея подѣйствовали на старика.

— Обстоятельство это такого рода, что именно требуетъ моего поспѣшнѣйшаго отъѣзда.

— Если такъ, то не смѣю удерживать и желаю вамъ всевозможнаго счастья,—отвѣчала полковница, не бывъ въ состояніи удержать нетерпѣнія.

Она поклонилась старику и ушла въ свою комнату.

— Прощайте! говорилъ генералъ вслѣдъ уходящей.

Но полковница врядъ ли слышала это, потому-что дверь за ней быстро захлопнулась.

Снова довольный тѣмъ, что выдержалъ такую сильную атаку, генералъ улыбнулся, посмотрѣлъ на дверь съ минуту, какъ-бы говоря: «а что? напала на своего?» и, приподнявъ голову, началъ расхаживать, посвистывая. Но вдругъ, припомнивъ послѣдній пунктъ разговора, остановился, нахмурилъ брови, одной рукой началъ теребить усъ, а другой такъ сильно стукнулъ тростью по полу, что она чуть не разлетѣлась въ дребезги.

«За границу, сто мильоновъ бомбъ!—закричалъ онъ громко:—и до поздней осени, а можетъ-быть и на цѣлую зиму и еще съ Ядвигой, которой нужно посмотрѣть на бѣлый свѣтъ! Нѣтъ, напрасно безпокоитесь, сударыня! Поѣзжайте сами, хоть на всѣ четыре стороны, можете взять, мужа хоть надѣвайте на него чепчикъ — это въ вашей волѣ; но внучки прошу не трогать, мильонъ зарядовъ! иначе я могу позабыть учтивость. Не нужно ей разсматривать чужаго свѣта; довольно и своего. Пускай узнаетъ и полюбитъ родину: это будетъ необходимо и для нея, и для дѣтей. Но что-же это! обо мнѣ всѣ позабыли, а я хотѣлъ-бы ужъ, какъ можно по скорѣе, вырваться отсюда! Здѣсь у меня бушуетъ кровь и бьетъ въ голову.

Занятый этимъ монологомъ, проговореннымъ почти вслухъ, онъ шелъ уже къ двери, какъ встрѣтился съ полковникомъ. На лицѣ послѣдняго отражалась чувство, отчего оно сдѣлалось красивѣе и серьёзнѣе. Онъ шелъ прямо къ генералу, который остановился, и, подавая руку старику, сказалъ:

— Вы такъ неожиданно уѣзжаете отъ меня, генералъ, словно изъ чужаго дома. Грустно мнѣ, что вы къ намъ такъ несправедливы. Неужели жена моя не умѣла удержать и упросить васъ?

— Развѣ тебѣ не извѣстно, что я отказалъ ей, хотя и очень благодаренъ за радушіе. Я полагалъ, что ты сей-часъ отъ жены, которая сообщила тебѣ предметъ нашего разговора.

— Нѣтъ, я былъ у Ядвиги и утѣшалъ ее въ двойномъ горѣ: о вашемъ отъѣздѣ и объ отъѣздѣ избраннаго ея сердцемъ. Возвращаюсь отъ нея съ гордостью и удовольствіемъ. Каждый отецъ позавидовалъ бы такой дочери. Наружностью она совершенно походитъ на покойницу-мать; а душой и энергіей похожа, какъ двѣ капли воды, на меня.

— На тебя? воскликнулъ генералъ, отступая шага на два, потомъ, одумавшись прибавилъ: — Да, на тебя, какимъ ты былъ прежде. И

я очень радъ, что ты понялъ и оцѣнилъ дочь въ этомъ отношеніи. Теперь тѣмъ съ большей заботливостью будешь бодрствовать надъ нею и не допустишь, чтобъ огорчали ея душу. Видишь ли, братъ: слабое сердце—слабо во всемъ, и при счастьи, и во-время страданій. Никогда не возвысится оно подъ вліяніемъ перваго и раболѣпно сгибается подъ тяжестью втораго. Но сердце такое, какъ у Ядвиги—сталь. Сильно напряжется оно въ счастьи, но можетъ лопнуть въ горѣ. Помни объ этомъ и прощай, прощай надолго,—прибавилъ старикъ съ улыбкой и смотря въ глаза полковнику: — на долго, потому-что ты ѣдешь съ женой за границу, значитъ, мы не скоро увидимся.

— Я ѣду за границу? спросилъ удивленный полковникъ:—Съ чего вы это взяли? По-крайней-мѣрѣ, я и не думалъ объ этомъ.

— Поѣдешь, братъ, поѣдешь и останешься тамъ до глубокой осени, а можетъ-быть и на зиму, говорилъ генералъ, смотря лукаво на полковника, который взглянулъ на дверь жены.

— Нѣтъ, генералъ, это невозможно по многимъ причинамъ, отвѣчалъ онъ.—Во первыхъ, мы не имѣемъ никакой надобности: я, слава Богу здоровъ и насмотрѣлся на чужіе краи, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ бы хотѣлось; жена моя также здорова и бывала за границей; а главное, что это рѣшительно не кстати Ядвигѣ. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что надо беречь отъ заграничнаго воздуха наши молодыя головы, въ особенности головы молодыхъ женщинъ, какъ берегутъ лица ихъ отъ оспы, которая портитъ ихъ и уродуетъ. Лучшая жена и мать выходитъ изъ той дѣвушки, которая воспитывалась подъ родной кровлей и у которой грудь окрѣпнетъ подъ отечественнымъ воздухомъ.

— Вотъ, что дѣло, то дѣло, братъ, сказалъ генералъ, смотря на него съ удовольствіемъ и удивленіемъ: — право, мнѣ очень пріятно тебя слушать.

— Развѣ вамъ не извѣстно, что это давнишнее мое убѣжденіе?

Въ это время дверь полковницы отворилась и оттуда послышался голосъ, громче обыкновеннаго:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя, отвѣчалъ полковникъ, на лицѣ котораго явилось уже другое выраженіе, и, обращаясь къ генералу, прибавилъ: оставляю васъ на одну минуту.

— Ступай, ступай, бѣдняга! — сказалъ генералъ тише и улыбаясь.

Но полковникъ не ожидалъ позволенія гостя и быстро вошелъ къ женѣ, затворивъ за собою дверь.

XII.

Почти въ то же самое время, въ противоположной двери показалась блистающая отъ радости Ядвига. Замѣтивъ, что генералъ одинъ въ комнатѣ и, стоя въ воинственной позѣ, смотритъ насмѣшливо въ ту сторону, куда скрылся полковникъ, она вбѣжала въ гостиную.

— Вы одни, дѣдушка?

— Одинъ, душа моя.

— И прекрасно, потому-что я хочу сообщить вамъ тайну, сказала Ядвига, опуская глаза.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Говори скорѣе.

— Тайна моя очень интересна. Видите-ли: сегодня я много разговаривала съ папашей и здѣсь, и тамъ, въ присутствіи мама. Милый, добрый папа! какъ онъ обнималъ меня, какая прекрасная слеза блеснула въ глазахъ его, когда, цалуя меня, онъ смотрѣлъ на портретъ маменьки. Никогда я не была такъ счастлива, потому-что въ эту минуту я видѣла его такимъ, какимъ всегда хотѣла-бы видѣть. А потомъ... Здѣсь Ядвига остановилась и опустила глаза.

— Теперь слѣдуетъ тайна,—сказалъ старикъ, смотря съ любовью на внучку.

— Да, милый дѣдушка, потому-что я увѣрена въ согласіи папа.

— На что-же онъ согласенъ? спросилъ старикъ простодушно.

— Скажите только Станиславу что онъ согласенъ а онъ какъ-нибудь догадается.

— Ты увѣрена?

— Увѣрена, отвѣчала дѣвушка, обнимая генерала:—развѣ вы не согласитесь.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ старикъ, лаская внучку.

Въ это время вошелъ Пуслицкій и остановился у двери, вытянувшись. Улыбнулся ветеранъ, при видѣ цвѣтущаго молодостью личика, пріютившагося подъ сѣдые усы старика, исполненнаго силы и мужества.

— Что, Пуслицкій, все готово? спросилъ ласково генералъ.

— Все, ваше превосходительство.

Но, шевеля усами и жмуря глаза, что дѣлалъ обыкновенно вах-

мистръ, когда хотѣлъ побѣдить внутреннее волненіе, мѣшающее стоять смирно, онъ прибавилъ:

— Смѣю только доложить, что ваше превосходительство изволите выѣзжать такъ неожиданно.

— Что-же дѣлать, Пуслицкій! такъ выходитъ,—сказалъ старикъ.

— Послушай, душенька!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ядвигѣ:— хорошая дѣвушка, твоя Марыся? Мнѣ хотѣлось-бы сосватать ее для этого служаки. Такъ ли, Пуслицкій?

— Истинно такъ, ваше превосходительство! сказалъ вахмистръ, и на лицѣ его отразилось радостное чувство.

— Можете смѣло хлопотать, дѣдушка,—сказала Ядвига и прибавила, смотря съ улыбкой на Пуслицкаго:—ручаюсь, что она будетъ хорошей женой, если захочетъ за него выдти.

— Это уже его дѣло, сказалъ генералъ.

— Это уже мое дѣло, сударыня, сказалъ вахмистръ, вытягиваясь.

— Что-же касается до обезпеченія ихъ въ будущемъ, мы подумаемъ объ этомъ вмѣстѣ съ полковникомъ.

— И я тоже позабочусь, дѣдушка!—сказала Ядвига, улыбаясь ветерану и кивнувъ ему головкой.

— Благодаримъ покорно, ваше превосходительство, и васъ, прекрасная барышня! сказалъ растроганный Пуслицкій, и двѣ слезы покатились по лицу его.

На эту сцену вышелъ полковникъ изъ комнаты жены и, отирая лобъ платкомъ, тихо приближался къ генералу и Ядвигѣ, стоявшимъ у окна.

— Ну, пора мнѣ въ путь!—сказалъ старикъ.—Прощайте!

— Прощайте, генералъ, вѣроятно мы долѣе не увидимся, чѣмъ я полагалъ,—говорилъ полковникъ, протягивая ему руку.

— Какимъ образомъ?—спросилъ старикъ, отступая.

— Хотѣлось-бы немного разсѣяться и отдохнуть отъ хлопотъ по хозяйству, которыя меня измучили.

— И конечно поѣдешь за границу? А? спросилъ генералъ сурово. Услышавъ это, Ядвига поблѣднѣла.

— Жена моя страдаетъ нервными припадками и такъ жестоко, что невозможно смотрѣть на это равнодушно. Не могу-же я отказать ей въ этой поѣздкѣ, необходимой для ея здоровья.

— Но ты недавно говорилъ,—сказалъ старикъ, отступая снова:—что ты насмотрѣлся ужъ на чужіе краи, и что жена твоя здорова.

— Но сію минуту она ужасно страдала,—такъ, что почти измѣнилась,—говорилъ полковникъ мягкимъ голосомъ.—Главная-же моя цѣль, а въ особенности цѣль жены — доставить Ядвигѣ возможность увидѣть свѣтъ...

— Что? жена твоя хочетъ взять и Ядвигу?—воскликнулъ генералъ, ударяя тростью о землю.—А позабылъ ты, что́ говорилъ полчаса тому назадъ съ такимъ благороднымъ убѣжденіемъ? Ядвига не поѣдетъ, сто тысячъ мильоновъ бомбъ? потому-что я не хочу; да и тебя не допущу сдѣлаться дурнымъ отцомъ и взять на свою совѣсть несчастье дочери.

— Но, генералъ!. сказалъ полковникъ, подымая голову.

— Что тамъ генералъ, генералъ! воскликнулъ старикъ въ запальчивости.—Говорю тебѣ, что ты не знаешь, зачѣмъ жена твоя хочетъ ѣхать за границу и беретъ съ собою Ядвигу. Но пока я живъ, этого не будетъ.

Проговоривъ это, старикъ схватилъ внучку за руку и прибавилъ:

— Садись со мной, въ чемъ стоишь, милая, и ѣдемъ! Я не позволю никому тебя обидѣть.

— О, съ охотой, дѣдушка!—сказала обрадованная Ядвига и, обнимая отца, говорила:—папа̀, помните-ли, что́ сказали вы, когда смотрѣли на портретъ мамаши? Я помню и потому уѣзжаю. Прощайте, папа̀, и не беспокойтесь обо мнѣ.

— Но остановитесь-же, ради Бога!—говорилъ въ замѣшательствѣ полковникъ.

А въ это время отворилась извѣстная дверь и изъ нея послышался суровый голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя! отвѣчалъ полковникъ, отирая лобъ и не зная, что́ дѣлать.

— Ступай, ступай! сказалъ генералъ.—Хотя я и далъ слово доброму молодому человѣку не показывать тебѣ этого, однако нужда измѣняетъ законъ. Возьми, прибавилъ онъ, вынимая изъ фуражки и подавая письмо полковницы:—прочти и убѣдишься, что ты не мужчина, не солдатъ, а настоящій филинъ!

Проговоривъ это, генералъ взялъ за руку Ядвигу и они вышли. Полковникъ слѣдовалъ за ними, восклицая:—но, генералъ!.. Ядвига!..

Между-тѣмъ изъ дверей жены послышался голосъ суровѣе обыкновеннаго.

— Monsieur Клецкій!..

— Иду, жизнь моя! отвѣчалъ полковникъ, обращаясь къ двери жены, а самъ, услышавъ стукъ экипажа, бѣжалъ къ окну и говорилъ, ломая руки:

— Это не шутка! Они въ самомъ дѣлѣ уѣхали! Смотри, Пуслицкій!..

Подошелъ Пуслицкій, посмотрѣлъ въ окно и воскликнулъ:

— И Марыся съ ними—просто бѣда!

— Что это значитъ? Развѣ уже дошло до того, что когда я больна и прошу тебя, такъ ты и не слышишь!

— Видишь ли, душа моя, я былъ въ сильномъ безпокойствѣ: уѣзжалъ генералъ, а что хуже, и Ядвига сѣла съ нимъ вмѣстѣ.

— Какъ! и поѣхала?—спросила полковница, выпрямляясь и закусывая губы.

— И поѣхала.

— И ты допустилъ?

— Не позволялъ и не могъ запретить; все это сдѣлалось такъ неожиданно,—продолжалъ полковникъ, махнувъ рукою.—Полагаясь на свои лѣта и званіе, генералъ поступилъ, какъ горячка. Ядвига охотно за нимъ послѣдовала; ты меня звала, и прежде, чѣмъ я опомнился, они были уже въ экипажѣ и выѣзжали со двора.

— Прекрасно! сказала полковница, качая головой и смотря на мужа съ презрительной улыбкой. — Стыдно, стыдно, сударь, мужчинѣ не умѣть поддержать правъ отца, правъ хозяина дома! Какую-же ты играешь роль, когда позволилъ у себя самоуправствовать чужому человѣку?—Какія-бы ни были ваши прежнія отношенія, но какъ позволить ему взять у тебя изъ-подъ носу твою-же дочь и располагать ея судьбою, безъ твоего согласія? Фи! чтобъ допустить такую непростительную слабость, надо быть настоящимъ филиномъ!

Бросивъ этотъ упрекъ въ глаза мужу, полковница со злостью и презрѣньемъ отворотилась и захлопнула дверь за собою.

Полковникъ поднялъ голову, отеръ лобъ и сказалъ Пуслицкому, который блѣднѣлъ, грызъ усы и жмурилъ глаза:

— Поди сюда, Пуслицкій!

Вахмистръ подошелъ.

— Ты слышалъ?

— Слышалъ, ваше высокоблагородіе!

— И это уже въ другой разъ сегодня такъ меня называютъ.

— Въ другой разъ, господинъ полковникъ. Прежде слово это изволили сказать ихъ превосходительство, а теперь госпожа полковница. Но,—прибавилъ вахмистръ тономъ увѣренности:—если генералъ это сказалъ, то было какъ-то сноснѣе—знаете, онъ и старше и имѣлъ резонъ. Пол-

ковницѣ-же не слѣдовало говорить такъ, потому-что, если, даже Боже сохрани, это правда, такъ госпожа полковница сама же виновата.

— Покойница жена этого-бы мнѣ не сказала, говорилъ полковникъ, выслушавъ первое доказательство Пуслицкаго.

— Никогда, никогда, отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденіемъ. — Та любила и уважала васъ, потому-что, правду сказать, вы и заслуживали этого: вы, хоть и любили ее, однакожъ, держали какъ-то въ рукахъ, что и Богъ велѣлъ мужу, который не олухъ. А теперь...

— Довольно! прервалъ полковникъ, видя, что Пуслицкій слишкомъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и, утѣшая его, лѣпитъ ему въ глаза непріятныя истины.

Онъ взглянулъ на письмо, которое держалъ въ рукѣ, и сказалъ самъ себѣ:—Жаль, а надо будетъ поговорить инымъ тономъ. Я зашелъ далеко. Что-же это генералъ всунулъ мнѣ въ руку? А! это письмо жены къ графу Альфреду. Къ чему-же все это?

И онъ развернулъ письмо. Но едва прочелъ нѣсколько строкъ, какъ уже брови его нахмурились и лицо приняло мужественное и грозное выраженіе. Окончивъ чтеніе, онъ бросилъ письмо на столъ, ударилъ по немъ рукой и, обращаясь къ Пуслицкому, сказалъ громко:

— Пуслицкій! ступай, попроси ко мнѣ жену.

— Слушаю, ваше в-діе!—отвѣчалъ вахмистръ, оживленный этимъ голосомъ.

— И проси, чтобъ пришла сію минуту.

— А, такъ вотъ какіе были планы! Очень, очень радъ, что Ядвига уѣхала! сказалъ онъ самъ себѣ.

Черезъ нѣсколько времени вошла полковница поспѣшно, чопорно, но съ лицомъ нахмуреннымъ, на которомъ выражалось неожиданное удивленіе.

— Что это значитъ? Кажется, уже вы присылаете мнѣ приказанія?— спросила она мужа, смотря на него проницательно и съ презрѣньемъ.— Не думаете-ли вы поставить и меня на военную ногу?

— Не ошибаешься,—отвѣчалъ полковникъ серьёзно и безъ гнѣва.— Точно хочу привесть весь домъ въ естественный порядокъ, чтобъ каждый зналъ, кто долженъ приказывать, и кто повиноваться. Что же принуждаетъ меня къ такому перевороту, узнаешь изъ этого письма. У тебя будетъ довольно времени прочесть его со вниманіемъ, потому-что я уѣзжаю изъ дома на двѣ недѣли.

Отдавъ письмо женѣ, смѣшавшейся отъ неожиданной перемѣны, полковникъ сказалъ вахмистру:

— Пойдемъ, Пуслицкій! перенесемъ ко мнѣ въ кабинетъ портретъ

покойной жены изъ комнаты барышни. Потомъ вели заложить мнѣ коляску четверкою лошадей. Черезъ часъ хотѣлось-бы выѣхать; можетъ-быть, догонимъ генерала.

— Ура, полковникъ!— сказалъ потихоньку вахмистръ.

И они вышли.

Нѣсколько минутъ простояла полковница, задумавшись; потомъ, взглянувъ на письмо, смяла его въ рукѣ.

— Этотъ дуракъ, позволивъ даже отнять у себя письмо, испортилъ все, надъ чѣмъ я такъ долго хлопотала,—сказала она самой себѣ. — Конечно, я тутъ сама виновата: дѣйствовала слишкомъ круто. Но дѣлать нечего. Впрочемъ, время не ушло... что можно исправить — исправимъ, было-бы только терпѣнье. А терпѣнье — альфа и омега въ азбукѣ женщины.

XIII.

Черезъ три недѣли въ залѣ генерала собирались приглашенные гости, а на дворѣ ежеминутно слышался стукъ вновь подъѣзжавшихъ экипажей. Генералъ принималъ всѣхъ съ обычной привѣтливостью. На лицѣ его выражалась радость, а въ свѣтлыхъ глазахъ, изрѣдка отуманенныхъ слезою, блисталъ лучъ надежды, что онъ долго еще будетъ наслаждаться счастьемъ любимой внучки, которую сегодня выдавалъ за ея избранника.

И полковникъ встрѣчалъ гостей привѣтливо, представлялся незнакомымъ, а дочь свою поручалъ расположенію новыхъ ея сосѣдокъ. И онъ былъ счастливъ, а лицо его выражало свободу, съ души его спала угнетавшая ее тяжесть. Изрѣдка только онъ хмурился и то на минуту, если кто изъ дамъ спрашивалъ его о женѣ:

— Она больна и не можетъ быть по свадьбѣ дочери, отвѣчалъ, онъ тогда, принуждая себя къ маленькой, невинной лжи.

Вскорѣ показался Станиславъ, одѣтый къ вѣнцу и счастливый а за нимъ вошелъ Пуслицкій въ новомъ темно-зеленомъ казакинѣ, съ расчесанными усами и лицомъ, на которомъ сіяла необыкновенная радость. Марыся *почти* приняла его предложеніе, и генералъ съ полковникомъ рѣшили въ одинъ день съ Ядвигой обвѣнчать и стараго товарища по оружію.

Все уже было готово, гости и экипажи, и священникъ ожидалъ въ

костелѣ. Недоставало только невѣстъ. Онѣ одѣвались обѣ вмѣстѣ; а молодыя барыни, присутствуя при туалетѣ, мѣшались въ распоряженія и, своими безполезными совѣтами, замедляли только выходъ дѣвушекъ.

Вдругъ послышался стукъ экипажа. Полковникъ поблѣднѣлъ, выглянувъ въ окошко. Замѣтивъ это, Пуслицкій выглянулъ въ свою очередь и, закусивъ усъ, щелкнулъ пальцами, какъ-бы желая сказать:— вотъ тебѣ и разъ! Это былъ экипажъ полковницы, которая, въ бѣломъ шелковомъ платьи, въ красивой шляпкѣ, съ веселымъ лицомъ и съ привѣтливой улыбкой вошла въ залу.

Въ продолженіе долговременной службы, привыкнувъ къ неожиданному появленію непріятеля, генералъ не потерялъ присутствія духа; улыбаясь, взглянулъ только онъ на полковника и, подойдя поспѣшно къ вошедшей полковницѣ, съ любезностью взялъ протянутую руку.

— Вотъ сюрпризъ!—сказалъ онъ съ улыбкой, понятной полковницѣ: — только васъ не доставало къ совершенному счастью и радости! Благодарю, искренно благодарю, что вы побѣдили свои нервы и исполнили убѣдительныя просьбы мужа, Ядвиги и мои.

— Не могла выдержать, чтобы не присутствовать при счастьи Ядвиги и не раздѣлить радости мужа.

Говоря это, она подала руку мужу, и когда тотъ наклонился и прижалъ ее къ губамъ своимъ, она поцаловала его въ голову.

— Выѣхавъ изъ дома, я чувствовала себя очень нехорошо, продолжала она: но свѣжій воздухъ и сила воли превозмогли слабость тѣла; а теперь, видя эти приготовленія, я чувствую себя совершенно здоровой.

— Очень пріятно,—отвѣчалъ генералъ и, приблизясь къ полковницѣ, прибавилъ:—въ особенности радуетъ меня то, что воля ваша беретъ такое направленіе.

Легкій румянецъ выступилъ на лицѣ полковницы, но скоро исчезъ и разговоръ принялъ другой оборотъ.

Полковникъ представилъ жену нѣкоторымъ дамамъ, иныя знакомыя сами подходили къ ней, и все пошло обычнымъ порядкомъ.

При видѣ Ядвиги, блиставшей красотой, молодостью и скромнымъ нарядомъ, взоры всѣхъ обратились на нее, а также и на ея спутницу, также очень хорошенькую которую героиня наша держала за руку. Прежде всего Ядвига взглянула на Станислава: и въ этомъ взглядѣ заключался искренній обѣтъ, что она приготовилась уже пройдти съ нимъ, рука объ руку, поле жизни, черезъ всѣ ея цвѣты и тернія. Потомъ,

кивнувъ головкой, улыбнулась она генералу, но вдругъ поблѣднѣла и опечалилась, взглянувъ на отца и увидѣвъ неожиданно возлѣ него мачиху. Замѣтивъ это, генералъ хотѣлъ согнать и эту небольшую тучку съ горизонта такого давно-желаемаго дня. Онъ подошелъ къ Ядвигѣ, поцаловалъ ее и шепнулъ:

— Не показывай удивленія и будь съ ней ласкова, если только любишь меня. Все идетъ хорошо. Она одумалась и мы ее исправимъ.

Сжавъ руку дѣда, въ знакъ послушанія, Ядвига подошла къ отцу, поцаловала его руку, и когда полковница съ превосходно-сыгранной нѣжностью протянула къ ней и свою, когда полковникъ смотрѣлъ на дочь со страхомъ и безспокойствомъ, Ядвига, не думая ни мало, прижала къ губамъ руку мачихи и сказала громко:

— Благодарю васъ, милая мама, что пріѣхали. Я знала, что хотя вы и нездоровы, однако обрадуете насъ своимъ присутствіемъ.

Довольный полковникъ съ чувствомъ обнялъ находчивую дѣвушку, которая избавила его отъ хлопотъ и лишнихъ объясненій.

Послѣ обычныхъ церемоній, всѣ отправились въ костелъ, гдѣ обѣ пары были обвѣнчаны. Всѣ возвратились домой и сидѣли за столъ; а потомъ торжество это отпраздновали трехдневнымъ пиромъ по обычаю.

Наконецъ гости разъѣхались. Генералъ и родители проводили молодыхъ. Отецъ радовался, найдя въ зятѣ благороднаго, умнаго человѣка, любящаго Ядвигу и оказывающаго ему уваженіе; генералъ утѣшался, что сбылось все по его желанію, какъ онъ просилъ у Бога. Полковница тоже показывала необыкновенную радость — была любезна, покорна мужу, и такъ искусно обходилась съ Ядвигой, что молодая женщина благодарила въ душѣ Бога за эту перемѣну и за будущее счастье отца. Генералъ-же говорилъ себѣ:—одумалась, поправится; это уже не блестки, не напущенье на глаза волшебства.

Наконецъ, погостивъ у молодыхъ, и генералъ и полковникъ съ женою разъѣхались по домамъ. Пуслицкій не хотѣлъ оставить своего командира; и хотя Марыся желала остаться при прежней своей госпожѣ, однако Ядвига сама уговорила ее не противиться волѣ мужа. Такимъ образомъ, Пуслицкій попрежнему остался quasi дворецкимъ, а жена его получила чистенькую комнату во флигелѣ, куда сама полковница приказала перенесть кое-какія украшенія.

Какъ, уже и конецъ разсказанной комедіи?

Кажется, что слѣдовало-бы здѣсь кончить. Однакожъ, чтобъ быть вѣрными натурѣ, законы которой непреложны, мы должны еще прибавить нѣсколько словъ.

На другой годъ, въ концѣ мая, часу въ шестомъ вечера, пріѣхали въ Домбровецъ генералъ, Станиславъ и Ядвига, которую мужъ съ дѣдушкой весьма осторожно высаживали изъ экипажа. День былъ прекрасный, и Пуслицкій, какъ при началѣ этой комедіи, стоялъ на крыльцѣ и вытянулся, завидя генерала.

Когда всѣ взошли на крыльцо, старикъ подозвалъ вахмистра къ себѣ и спросилъ, потрепавъ по плечу:

— Ну, что́ у васъ новаго, Пуслицкій?

— Все по-старому, ваше превосходительство.

— Какъ по-старому? спросилъ генералъ, смотря въ лицо ветерану: значитъ полковница...

— Барыня уѣхала къ сосѣдямъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ.

— А полковникъ?—спросилъ генералъ съ безпокойствомъ.

— Полковникъ, отвѣчалъ Пуслицкій, махнувъ рукой:—повелъ прогуляться—женинныхъ собачекъ.

РУБЕНСОВА ГОЛОВКА.

(Достовѣрное сказаніе, какимъ случаемъ была она найдена и по какому утрачена для потомства.)

—

I.

О ТОМЪ, КАКЪ ГУЛЯЛИ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ И ДО ЧЕГО ДОГУЛЯЛИСЬ; КУДА НАМѢРЕВАЛИСЬ ѢХАТЬ И КУДА, МЕЖДУ-ТѢМЪ, ПОПАЛИ.

Наступала полночь перваго мая—котораго года, все равно для читателя. Отъ Нарвской заставы, по набережнымъ и проспектамъ, не исключая всѣхъ сортовъ Подъяческихъ, тянулись разновидные экипажи и двигалась густая толпа пѣшеходовъ, наглотавшаяся до-сыта праздничной екатерингофской пыли. Каждый спѣшилъ во-свояси не потому, что постигъ, наконецъ, суету-суетъ всѣхъ возможныхъ гуляній, но болѣе потому, что всѣмъ, и измучившимъ покорныхъ животныхъ и измучившимъ самихъ себя, угрожала петербургская весна. Погода, бывшая до той поры благосклонною и щедро расточавшая самые жаркіе солнечные лучи, вдругъ раскапризничалась, какъ хорошенькая женщина, избалованная общимъ восторгомъ, и посыпала, совсѣмъ неожиданно, такою осеннею изморозью, что самые отчаянные гуляки, ёжась въ лѣтнихъ пальто, восклицали съ самымъ сильнымъ негодованіемъ

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!..

Къ такимъ восклицаньямъ примѣшивались и иностранныя въ родѣ: Corbleu!.. Donner Wetter!.. но только не такъ громко, вѣроятно, потому, что финскій май, обдавъ произносившихъ ихъ вдругъ холодомъ, какъ варомъ, притупилъ всѣ ихъ гортанныя способности. Но отчегобы то ни происходило, извѣстіе о такомъ вешнемъ происшествіи справедливо и никакимъ хронометрическимъ сомнѣніямъ не подлежитъ. Всякій, кому только извѣстна наша старинная климатическая пословица, рекомендующая до половины лѣта не снимать шубы, согласится, что въ этомъ ни клеветы, ни какого-нибудь для краснаго словца поэтическаго вымысла даже на волосъ быть не можетъ.

И такъ погода, сильнѣе всѣхъ прочихъ побудительныхъ мѣръ, напоминала гуляющимъ, что всѣмъ имъ пора, по добру да по здорову, разъѣзжаться и расходиться по домамъ.

Между торопившимися укрыться, кто куда могъ и кто куда зналъ, находились Иванъ Ивановичъ Ивановъ и Макаръ Макаровичъ Макаровъ, молодые люди, преисполненные самыхъ блестящихъ надеждъ, оба нарядные «какъ бабочки лѣтомъ» и оба способные приходить въ восторгъ даже отъ екатерингофской природы и пятаго и десятаго, безъ чего-бы, вѣроятно, не выгнала ихъ изъ квартиры никакая нелегкая сила.

Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ были художники, жили въ одной квартирѣ и питали къ дарованію одинъ другаго взаимное удивленіе. Чтобъ сколько-нибудь вознаградить себя за свои слишкомъ календарныя фамиліи и дважды, одно и то же повторенное имя, Макаръ Макаровичъ именовалъ Ивана Ивановича въ домашнемъ кругу, ласкательно, Тиціаномъ, а Иванъ Ивановичъ Макара Макаровича, снисходительно—Вернетомъ, и оба они оставались вполнѣ довольны такими названіями, въ полной увѣренности, что современемъ упрочатъ ихъ за собою, хотя до настоящей минуты ничего для этого не сдѣлали, кромѣ нѣсколькихъ живописныхъ произведеній, отличавшихся уже черезчуръ бойкою кистью и артистическою небрежностью. Но дѣло совершенно не въ этомъ, а въ томъ, что и Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ пришли, въ тотъ достовѣрный вечеръ, въ совершенное отчаяніе и имѣли на то самую основательную, никакими утѣшеніями неизгладимую причину: оба они были разукрашены для екатерингофскаго праздника за цѣну своего пота и своихъ способностей. Иванъ Ивановичъ принарядился, благодаря портрету, списанному имъ съ одной дамы Эсмеральды Карловны, а Макара Макаровича убрала, какъ куколку, картина, которую онъ, за небытіемъ въ то время художественной выставки, выставилъ просто

Толкучій рынокъ, предоставивъ купцу право пользоваться его произведеніемъ, какъ онъ заблагоразсудитъ.

Ночное небо нахмуривалось все болѣе и болѣе; дождь, смѣшанный съ мелкою изморозью, началъ падать большими снѣжными хлопьями, обращавшимися тотчасъ-же въ крупныя водяныя капли, а до квартиры обоихъ художниковъ, отъ Обводнаго канала, который только они перешли, было еще такъ далеко, что, случись это непріятное происшествіе подъ итальянскимъ небомъ, они-бы успѣли очень удовлетворительно высохнуть при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ. Лица всѣхъ, подверженныхъ атмосферическому гнѣву, приняли самое непріятное выраженіе, всѣ ускорили шаги и только одни шарманщики, наигрывая, какъ-будто ничего не ощущали и не видали, самыя веселыя польки, да ихъ обезьяны, беззаботно кувыркавшіяся на крышкахъ инструментовъ, оставались равнодушными среди общаго безпокойства

— Плохо... не поздоровится нашимъ платьямъ!—проговорилъ глухо, сквозь зубы Макаръ Макаровичъ, дѣлая изъ фуляра надежный чахолъ на свою глянцевитую шляпу, на днѣ которой онъ не преминулъ съ сожаленіемъ осмотрѣть два, напечатанныя золотомъ, пѣтушиныя крыла съ надписью подъ ними смѣшанными русскими и французскими письменами: «Fabrik Kykicheff».

— Да, таки-очень непріятный случай,—подтвердилъ Иванъ Ивановичъ, приподнимая воротникъ своего пальто такъ, что носъ его началъ выглядывать между двухъ половинокъ, какъ маленькій единорогъ изъ крѣпостной амбразуры.—И изъ-за чего должно все это терпѣть? просто изъ одной деликатности... ни Теленковой, ни Мелкопищиковыхъ, ни Прядипряхиной—рѣшительно никого не было. Поди... угождай послѣ этого дамамъ!..

Пустынность мѣста и отсутствіе, какъ-будто на зло, въ ту минуту извощиковъ еще болѣе усилили неудовольствіе Макара Макаровича. Онъ быстро обвелъ кругомъ взгляды, чтобъ посмотрѣть нельзя ли будетъ пріютиться хоть гдѣ-нибудь подъ воротами, но тотчасъ-же проговорилъ съ самымъ сокрушительнымъ вздохомъ:

— И объ этомъ, кажется, нужно будетъ отложить всякое помышленіе! Посмотри, Ванюша, сколько вездѣ противнаго прекраснаго пола понабилось. Такъ сгрупировались, что, кажется, иглы ни гдѣ нельзя просунуть. Эхъ вы! Зачѣмъ вы-то, пѣшкомъ, въ Екатерингофъ тащились? Провалился-бы, что ли, онъ безъ васъ!.. Мухи вы этакія! вездѣ готовы лишнуть, гдѣ и не спрашиваютъ.

Иванъ Ивановичъ осмотрѣлся въ свою очередь и долженъ былъ согласиться въ душѣ, что въ такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ

находился Макаръ Макаровичъ, человѣку позволительно имѣть нѣкоторую основательную причину сдѣлаться немного жолчнымъ, чтобъ отзываться такъ неблагосклонно о лучшей половинѣ человѣческаго рода. Всѣ углубленія домовъ, всѣ крыльца, съ навѣсами и безъ навѣсовъ, всѣ подворотья и входы мелочныхъ лавокъ были набиты биткомъ дамами, путешествовавшими, по выраженію Макара Макаровича, пѣшкомъ. Позабывъ неумѣстныя, по обстоятельствамъ, условія моды, прекрасный полъ отбросилъ въ сторону всякое кокетство и, накрывъ нижними оконечностями своихъ праздничныхъ салоповъ воздушныя шляпки, выглядывалъ изъ полныхъ складокъ своихъ верхнихъ одеждъ, какъ моллюски изъ раковинъ.

Иванъ Ивановичъ поднесъ къ глазу висѣвшее у него на пальто стеклышко и началъ водить головою то вправо, то влѣво, какъ тѣ гипсовыя кошки, которыхъ разносятъ уличные скульпторы-итальянцы.

— Да ужь полно тебѣ франтить! время ли теперь къ этакому занятію? Пойдемъ лучше поскорѣе, сказалъ Макаръ Макаровичъ, видя, что Иванъ Ивановичъ пріостановился и совершенно перенесъ свой носъ изъ амбразуры на парапетъ воротника.

— Постой, дай высмотрѣть мѣстечко,—отозвался Иванъ Ивановичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Что высматривать, ничего не высмотришь! Пиши пропало! вровздыхалъ Макаръ Макаровичъ.

— Отчего же вдругъ и пропало? А не попробовать-ли намъ потѣсниться вотъ у тѣхъ воротъ, гдѣ желѣзный крендель качается?—подалъ совѣтъ Иванъ Ивановичъ.—Посмотри какой тамъ разноколерный цвѣтникъ образовался. Можетъ быть, удастся подмѣтить въ срединѣ его какой-нибудь античный носикъ, или Тиціановскій бюстикъ. Да вотъ, смотри, какъ нарочно! какой у этой бабы теплый и яркій колоритъ. А у другой, которая преобразовала салопъ свой въ зонтикъ, торсъ-то какой Гомерическій! Эй, Макаръ, пріостановимся на минуту; согласись, вѣдь мы не сахарные, совершенно не размокнемъ! добавилъ Иванъ Ивановичъ.

Но не смотря на такія, интересныя во всякое другое время, открытія и логическое замѣчаніе Ивана Ивановича о непромокаемомъ свойствѣ ихъ натуры, Макаръ Макаровичъ рѣшительно объявилъ, что, въ настоящую минуту, его новое пальто и шляпа не только дороже ему сѣхъ возможныхъ носовъ, торсовъ и колоритовъ въ мірѣ, но даже и самой громкой художественной славы, и сталъ еще прилежнѣе искать пугливымъ взоромъ какого-нибудь не такъ наполненнаго временнаго пристанища. Всѣ надежды и ожиданія были напрасны. Кромѣ сторожевой будки, иного удобнаго пристанища вблизи не оказывалось. Будка точно

была убѣжище вѣрное и никакихъ расходовъ нетребующее, но и въ ту, разсудокъ очень громко говорилъ Макару Макаровичу, что въ такое веселое время попасть было трудно, мало того, невозможно. Находясь, какъ говорится, на самомъ юру, сторожка обратилась въ тотъ вечеръ въ пріютъ самый недоступный и открывала свои гостепріимныя объятія только тѣмъ, которые не могли ужь различать ни вёдра, ни ненастья.

Сообразивъ все это обстоятельно, Макаръ Макаровичъ удвоилъ шаги и началъ кликать извощика, но такимъ голосомъ, что Иванъ Ивановичъ, уже забывшій объ общемъ злоключеніи и грезившій безсознательно о подмѣченныхъ имъ бюстѣ, торсѣ и колоритѣ, вдругъ вздрогнулъ, приподнялъ голову и посиѣшилъ догнать Макара Макаровича, потому-что кликъ его сильно сбивался на отчаянный вопль одинокаго въ лѣсу путешественника: батюшки грабятъ!

На всѣ представленія Ивана Ивановича о неумѣстности подобныхъ завываній въ благоустроенномъ городѣ и о невыгодномъ мнѣніи, которое они могутъ возбудить у прохожихъ объ умѣренности и здравомыслящемъ состояніи, Макаръ Макаровичъ отвѣчалъ:

— Пусть что хотятъ, то и думаютъ! Хорошо тебѣ говорить: «полно» ты не я: тебѣ хоть трава кругомъ не расти. Ты, тяпъ да ляпъ, глядишь — и готово! и за другимъ портретомъ сидишь; а я—другое дѣло. Мнѣ, прежде чѣмъ написать что-нибудь, нужно разъ десять всю голову, отъ фундамента до кровли, переломать; при такихъ условіяхъ я ни какого «полно» слушать не намѣренъ; ты лучше ужь и не распространяйся и не ораторствуй!..

И Макаръ Макаровичъ началъ снова голосить еще громче и отчаяннѣе, но ужь совершенно напрасно: вокругъ него собралось вдругъ столько извощиковъ: и на бурыхъ, и на чалыхъ, и на саврасыхъ, что онъ нѣкоторымъ образомъ уподобился въ ту минуту, въ микроскопическомъ видѣ, театральному разъѣзднему крыльцу.

Вслѣдъ за этимъ наплывомъ дрожекъ разныхъ видовъ и формъ, уши Макара Макаровича огласились разнородными восклицаніями.

— Куда прикажете, ваше сіятельство?

— Сюда, сюда, хозяинъ, пожалуйте!

— Со мной, со мной, молодецъ!

— Землякъ, а землякъ, садись, по дорогѣ подешевле свезу. Право дешевле меня никто не возьметъ.

На всѣ эти предложенія Макаръ Макаровичъ отозвался густымъ басомъ:

— Въ двадцатую линію, на Малый проспектъ.

— Полтора цѣлковыхъ!.. Пять четвертаковъ!.. Угодно будетъ рублик пожаловать? раздались отвѣты.

— Не надобно!—заглушилъ весь этотъ нестройный гулъ Макаръ Макаровичъ, взвѣсивъ умственно все неблагородство такой корыстолюбивой черты. Къ этому онъ прибавилъ еще такое неудобоисполнимое предложеніе, а именно:—тысячи рублей не хотите ли еще, что́ большая часть извощиковъ, понявъ изъ этихъ словъ, что онъ человѣкъ-кремень и ничего болѣе къ первоначально сказанному не прибавитъ, отъѣхали къ другимъ нуждающимся пѣшеходамъ и только немногіе, съ характеромъ болѣе настойчивымъ, не переставали торговаться и, перегоняя другъ друга:

— Да ужъ положите, такъ и быть, трехрублевый, господинъ честной!.. Уже ли семи гривенъ для такого дня не пожалуете... не пожалѣйте шести гривенъ, графчикъ, повѣрьте, что обижаться не будете.

Но Макаръ Макаровичъ оставался безотвѣтенъ, какъ статуя, и, приявъ рѣшительныя мѣры, засучивъ брюки, принимался уже за самые исполинскіе шаги, когда подоспѣлъ къ нему Иванъ Ивановичъ, испуганный за свои силы, при видѣ такой спартанской рѣшимости. Желая избѣгнуть необходимости слѣдовать крупною рысью за торопливымъ своимъ товарищемъ, Иванъ Ивановичъ пожертвовалъ для Макара Макаровича шестью гривнами. Макаръ Макаровичъ подымалъ-было уже ногу на дрожечную подножку, какъ вдругъ взглядъ его устремился нечаянно на противоположный уголъ улицы. Макаръ Макаровичъ пріостановился; лицо его просвѣтлѣло и онъ поспѣшно спросилъ у Ивана Ивановича:

— Послушай, Ванюша, такъ ты рѣшительно положилъ пожертвовать шестью гривнами?

— Ты, кажется, видишь... что́ сто разъ толковать! Садись!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужь въ такомъ случаѣ не садись, а слѣзай-ка лучше и ты. Мы истратимъ деньги поблагоразумнѣе, прервалъ Макаръ Макаровичъ. — Слѣзай, Ванюша!

— Зачѣмъ? спросилъ удивленный Иванъ Ивановичъ, стараясь освободить обшлагъ своего пальто изъ могучей руки Макара Макаровича.

— Сперва слѣзь, тогда скажу, а то, вѣдь, ты изъ горяченькихъ: сейчасъ стречка и одинъ дашь—только тебя и видѣли, отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ и очень ловко сдвинулъ Ивана Ивановича на тротуаръ, предложивъ извощику отъѣзжать, откуда онъ прибылъ.

— Ну что? ну что? какая еще блажь пришла тебѣ въ голову?— довольно сердито спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— А вотъ какая,—отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ:—чувствуешь ли

ты, что дождь еще сильнѣе пошелъ, и потому, вмѣсто того, чтобы ѣхать подъ нимъ такую даль, пойдемъ лучше отогрѣемся и переждемъ погоду.

— Гдѣ-же, гдѣ?—вскричалъ Иванъ Ивановичъ.—Ты, мнѣ кажется, немного помѣшался съ отчаянія за свою дрянную шляпу.

— Нисколько,—прервалъ серьёзнымъ тономъ Макаръ Макаровичъ.—Я знаю, что говорю. Посмотри—вотъ заведеніе... ты только посмотри и увидишь, что я правъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, аршина два надъ троттуаромъ, красовалась въ темнотѣ какая-то вывѣска, а подъ нею мелькала тонкая полоска свѣта изъ неплотно притворенной двери.

— Это, кажется, какая-то харчевня, — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ:—я не привыкъ посѣщать подобныя мѣста.—Слуга покорный!

И Иванъ Ивановичъ началъ было снова звать извощика.

— Полно тебѣ горланить-то, удержалъ его Макаръ Макаровичъ.—Какъ тебѣ не стыдно разбирать въ подобную непогоду, что харчевня и что не харчевня; главное теперь въ томъ, чтобъ былъ надъ нами какой-нибудь потолокъ. Не упрямься, будь благоразуменъ и разсудителенъ, Ванюша. Что за охота тебѣ вѣчно разыгрывать какого-то фонъ-фона?

— Не пойду; поищемъ лучше кондитерской,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ такъ рѣшительно, что хоть кого привелъ-бы въ отчаяніе.

— Хорошо тебѣ отыскивать кондитерскія въ своемъ ваточномъ пальто, жалобно проговорилъ Макаръ Макаровичъ:—а я весь отъ холода лазоревый сталъ. Ты хоть меня пожалѣй; немного нужно, чтобъ человѣку умереть.

— Не пойду,—повторилъ опять, но уже не съ такимъ упрямствомъ, Иванъ Ивановичъ, понявъ, что въ послѣднихъ словахъ Макара Макаровича есть много логическаго.—Собственно для меня, конечно, неслишкомъ неблагородно, по необходимости, войдти куда-бы то ни было; но меня могутъ увидать кто-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ дамъ и подумать очень невыгодно о моихъ привычкахъ.

— Если твои дамы—кошки, такъ только въ такомъ случаѣ могутъ увидать тебя въ такую темень,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ.

И съ этою истиной Макаръ Макаровичъ принатужился и началъ подталкивать упирающагося Ивана Ивановича, все ближе и ближе къ желанной цѣли.

— Право, Макаръ, у тебя нѣтъ никакой амбиціи,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, сжалясь наконецъ надъ плачевнымъ и точно промокшимъ состояніемъ своего товарища, и не-хотя входя въ трактиръ. При этомъ Иванъ Ивановичъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, будто рѣшаясь на что-нибудь слишкомъ его недостойное.

II.

ЛЕГКІЙ АБРИСЪ ЛИЧНОСТЕЙ—КАКЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА, ТАКЪ И МАКАРА МАКАРОВИЧА.

Чтобъ не показалось кому-нибудь слишкомъ страннымъ такое сильное презрѣніе къ одному изъ самыхъ необходимыхъ общественныхъ мѣстъ, въ одномъ изъ молодыхъ художниковъ, людяхъ вообще очень неприхотливыхъ и ничѣмъ не пренебрегающихъ, даже подъ-часъ простой тряпкой, если она оказывается имъ нужною для полноты исполненія ихъ произведеній, поспѣшимъ объяснить, что такая разборчивость была развита въ Иванѣ Ивановичѣ нѣкоторыми неожиданными обстоятельствами, нисколько непринадлежащими къ привычкамъ чистой художнической натуры. Мы уже сказали, что Иванъ Ивановичъ былъ живописецъ портретный; прибавимъ теперь къ этому еще то, что онъ по преимуществу былъ дамскій живописецъ, слѣдовательно міръ, въ которомъ приходилось ему всегда вращаться, былъ міръ всегда для него умытый, причесанный, разукрашенный и даже самъ себя иногда предварительно, очень тщательно расписывавшій надиво художнику, принимавшемуся за работу съ сугубой любовью, ради удивительнаго колорита оригинала. Постоянныя сношенія съ этимъ душистымъ, деликатнымъ міромъ, отвлекли Ивана Ивановича отъ многихъ обыкновенныхъ привычекъ художнической жизни. Счастіе еще болѣе способствовало развитію его требовательнаго вкуса. Арабы вѣрятъ, что счастіе есть ничто иное, какъ слѣпая богиня, потерявшая еще отъ начала временъ своего роднаго сына, и потому хватающая за вихоръ всякаго перваго, случайно попавшагося ей на дорогѣ. Желая удостовѣриться въ своей находкѣ, она возноситъ пойманнаго, прилежно ощупывая его, высоко, высоко, пока не убѣдится, что ошиблась въ надеждѣ. Тогда она, безъ всякаго состраданія, бросаетъ возвеличеннаго снова внизъ. Это преданіе сбылось, кажется, надъ Иваномъ Ивановичемъ. Миновавъ людей болѣе достойныхъ и болѣе талантливыхъ, счастье толкнуло его съ самой первой поры, съ его палитрой и кистями, въ достаточный кругъ. Нѣкоторыя коломенскія и песковскія дамы пришли тотчасъ-же въ восторгъ отъ Ивана Ивановича, потому-что онъ никогда не позабывалъ прибавлять къ ихъ самобытнымъ, неподдѣльнымъ прелестямъ всегда еще и отъ себя кое-чего классическаго, римскаго или греческаго, для эффекта. Благосклонная его кисть облекала всѣхъ не иначе, какъ въ шолкъ да въ бархатъ, или въ ткань прозрачную, какъ весенній туманъ, отдѣляющійся отъ

свѣжей нивы, и не щадила вокругъ изображаемыхъ имъ милыхъ созданій, какихъ бы онѣ ни были лѣтъ, ни розъ, ни лилій, ни золота, ни мрамора. Замѣчая въ Иванѣ Ивановичѣ такую снисходительную наклонность воспроизводить все въ видѣ совершеннѣйшемъ и быть не только вѣрнымъ природѣ, но даже всегда и благосклонѣе ея, дамы старались помогать его благому намѣренію всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Онѣ принимали предъ нимъ такія сладостныя позы, придавали губамъ своимъ такія многозначительныя улыбки, насиловали глаза взирать такъ томно во что-то неопредѣленное, что Иванъ Ивановичъ, нисколько не подозрѣвая въ такомъ измѣненіи ихъ будничной физіономіи, кокетливаго умысла обмануть на-время преобразованными силою воли и искусства чертами, если не современниковъ, такъ, во всякомъ случаѣ, будущее потомство, приписывалъ все своимъ личнымъ достоинствамъ. Такому самолюбивому заблужденію еще болѣе способствовала тонкая разсчетливость нѣкоторыхъ коломенскихъ и песковскихъ дамъ.

Желая выпросить, за какую-нибудь чашку чаю, поданную ему вмѣстѣ съ прочими гостями на вечерѣ, гдѣ все вниманіе больше всего обращалось на восемь въ червяхъ и четыре онёра, кромѣ портрета, еще что-нибудь художественное, или рисунокъ узора, дамы наперерывъ приглашали къ себѣ Ивана Ивановача и громко называли его милымъ и интереснымъ молодымъ человѣкомъ; у иныхъ вырывалось даже въ экстазѣ слово геній, при которомъ Иванъ Ивановичъ, изъ скромности, молчалъ, улыбаясь самодовольно. Подобные отзывы такъ часто раздавались въ ушахъ Ивана Ивановича, что онъ наконецъ началъ полагать, что быть, собственно говоря, художникомъ —не прямое его назначеніе, но что онъ рожденъ быть лишь интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Мало-по-малу, все болѣе и болѣе предаваясь такому личному убѣжденію, Иванъ Ивановичъ занесся мечтами чуть не за самыя облака и старался всѣми зависящими отъ него способами достойно поддержать это назначеніе. Скромный, неприхотливый бытъ прочихъ добивающихся лишь славы молодыхъ художниковъ, ихъ обыкновенныя привычки, жаркія бесѣды объ искусствѣ, прохлаждаемыя чаемъ, среди аромата дешевыхъ, туземныхъ trabucos и regalia, чуть-ли не изъ махорки, и ихъ вечернія прогулки по разнымъ линіямъ съ артистическою цѣлью подмѣтить что-нибудь изящное въ живой или бездушной природѣ, начали казаться мелкими и безцвѣтными Ивану Ивановичу. Онъ избѣгалъ общества товарищей, смотрѣлъ на нихъ свысока и жаловалъ только одного Макара Макаровича, и то потому, что простодушный Макаровъ, озадаченный громкими словами Ивана Ивановича и громкими коломенскими и песковскими именами: Арины Марковны Мелкопищиковой,

Раисы Терентьевны Теленковой, Харитины Авдѣевны Прядипряхиной и многими другими, гремѣвшими въ тѣхъ округахъ, отдалъ себя Ивану Ивановичу въ какую-то кабалу. Макаровъ былъ для Ивана Ивановича какъ-бы счастливымъ пополненіемъ собственнаго его несовершеннаго существа; онъ ему подмалевывалъ, чистилъ ему палитру и кисти и даже иногда оканчивалъ портреты, нисколько и не подозрѣвая, что онъ исполняетъ ни болѣе, ни менѣе какъ должность слуги; полагалъ, что это была одна должная дань таланту Ивана Ивановича, всегда одобрявшаго среди этихъ трудовъ утѣшительными словами, произносимыми тономъ какого-то покровительства:

— Трудись, трудись, Макаръ: изъ тебя современемъ, можетъ-быть, кое-что и будетъ!

— Да,—подтверждалъ тогда Макаръ Макаровичъ, принимаясь иногда, изъ лишней услужливости, даже за простую щотку, чтобъ вычистить, въ отсутствіе кухарки, фракъ или сюртукъ лѣнивому Ивану Ивановичу: я надѣюсь—мы, лѣтъ черезъ десять, все-таки хоть кое-какъ, а таки покажемъ себя—то-то тогда заживемъ мы, Ваня!

— Тогда заживемъ, заживемъ,—подтверждалъ Иванъ Ивановичъ:—а пока я буду стараться у Мелкопищиковой, у Прядипряхиной, Теленковой и у прочихъ, чтобы ты получалъ кой-какіе заказы, знаешь, чтобъ ты могъ скопить лишнюю копѣйку на черный день. И Макаръ Макаровичъ продолжалъ такъ трудиться и за себя и за своего товарища въ потѣ лица, оставаясь въ убѣжденіи, что если Иванъ Ивановичъ и несовсѣмъ, даже далеко несовсѣмъ Тиціанъ, какъ онъ иногда величалъ его, то ужъ во всякомъ случаѣ человѣкъ случайный и, что называется, счастливецъ, родившійся въ сорочкѣ. Иногда въ душу Макара Макаровича закрадывалась даже зависть къ успѣхамъ и средствамъ Ивана Ивановича, но онъ всегда спѣшилъ тотчасъ-же подавить въ себѣ это неблагородное чувство, и чтобъ не испытывать его снова, прилежно отдувался на всѣ стороны и оплевывался.

Прочіе товарищи называли Ивана Ивановича магнатомъ; извощики двадцатой линіи всѣ знали Ивана Ивановича и почтительно ему кланялись, особенно когда приходили за полученіемъ кое-какого должка; у портныхъ, сапожниковъ онъ также пользовался кредитомъ, а между-тѣмъ, не смотря на такую наружную удовлетворительную обстановку, Ивановъ рѣдко былъ доволенъ своей настоящей судьбой: какъ ни бросалъ онъ щедро и ловко карминъ, лазурь и кремширвейсъ, ему многаго иногда не доставало, чтобъ выказать себя, какъ ему желалось, на раутахъ у Мелкопищиковой, гдѣ очень умно и очень остро болѣе всего разсуждали о преимуществѣ виста-преферанса надъ простымъ и тотчасъ-же

потомъ садились это доказывать, заплативъ хозяйкѣ за карты самые лихвенные проценты. Онъ также бывалъ иногда не на первомъ планѣ на пикникахъ Прядипряхиной, обыкновенно происходившихъ въ воксалѣ Екатерингофа во время общаго тамъ веселья, всѣ расходы которыхъ падали на однихъ участвовавшихъ въ нихъ кавалеровъ и притомъ нерѣдко сопровождались самыми очаровательными гримасами явнаго дамскаго неудовольствія за разныя увеселительныя неаккуратности и несовершенство наружной обстановки какъ поѣзда, такъ и угощенія. Чаще прочихъ слышать разныя замѣчанія, и отъ кузинъ Арины Марковны и отъ кузинъ Раисы Терентьевны и Харитины Авдѣевны доставалось Ивану Ивановичу. Въ этомъ отношеніи, все, что какъ-то счастливо и незамѣчено сходило съ рукъ другимъ, падало всею своею тягостью на Ивана Ивановича, какъ на бѣднаго, извѣстнаго въ старинной пословицѣ, Макара еловыя шишки.

— Что это, Иванъ Иванычъ, восклицала чаще и громче другихъ дамъ, одна изъ кузинъ Раисы Терентьевны:—какихъ вы, право, себѣ клячъ наняли! Съ вами, просто, и подумать срамъ ѣхать! Пусть плетется съ вами, какъ знаетъ и вѣдаетъ, Глаша Шишова, а я помчусь съ мусье Цыпленковымъ. Посмотрите, каковъ у него *ателяжъ*!

И Иванъ Ивановичъ долженъ былъ мгновенно краснѣть и провожать Глашу Шишову, дѣвицу непригожую, и никакого свѣтскаго образованія, кромѣ знанія *бонъ журъ*, *кеске-се*. *же ву ремерси*, неимѣющую, хотя, впрочемъ, и удивительно танцовавшую польку и даже русскія національныя пляски. Такія замѣчанія были тѣмъ непріятнѣе Ивану Ивановичу, что онъ нашелъ себѣ на Пескахъ идеалъ, образъ котораго поминутно носился въ его воображеніи. Идеалъ этотъ была именно самая эта (одна изъ кузинъ Раисы Терентьевны) дѣвица блѣдная, какъ водяная лилія, называвшаяся всѣми знакомыми дамами и подругами, какъ старыми, такъ и молодыми не иначѣ, какъ Ундиночкой, хотя настоящее ея имя было не болѣе какъ Матрёша. Ослѣпленный И ъ Ивановичъ находилъ ее писаннымъ совершенствомъ съ головы до ногъ, и особенно плѣнялся ея выговоромъ, главная прелесть котораго заключалась въ томъ, что она такъ кокетливо и очаровательно произносила букву *р*, какъ-будто наполнивъ свой алый ротикъ маленькими камешками, полоскала ими себѣ гортань, или выбивала внутри ея по бархату сигналъ тревоги. Матрена Петровна не могла не замѣтить вліянія, произведеннаго надъ Иваномъ Ивановичемъ ея томными чертами, шелковистыми, съ золотымъ отливомъ, кудрями, всегда сильно благоухающими ароматомъ оранжерейныхъ гвоздикъ и въ особенности голосомъ дребезжащимъ, какъ голосъ канарейки, когда она оглашала

пространство маленькой залы пѣсней: «Въ селѣ маломъ Ванька жилъ», въ которой чудное, трелямъ барабана подражающее, устройство горла Матрены Петровны придавало особенно невыразимый эффектъ припѣву— *бррр!* Повторимъ: она не могла не замѣтить этого и, желая пользоваться своею, какъ слѣдуетъ, властью, мучила и томила бѣднаго Иванова, какъ мучитъ и томитъ кошка пойманнаго ею въ расплохъ мышонка. Напрасно старался намекать ей Иванъ Ивановичъ о счастіи семейной жизни; напрасно, въ одушевленіи страсти, краснорѣчиво излагалъ онъ предъ кокетливой Ундиночкой блаженство двухъ любящихся душъ въ отдаленіи отъ свѣта и его шума и причудливыхъ, чаще всего ни къ чему неслужащихъ требованій; напрасно желалъ онъ ей объяснить всю суету богатства безъ любви, этого совершенно безкорыстнаго чувства, забывающаго про относительную важность благородныхъ металловъ въ общественной сферѣ, выразительно распѣвая романсъ:

Что мнѣ, что твои палаты!
Съ милымъ любо въ шалашѣ...

Матрена Петровна какъ-будто вдругъ глупѣла въ такія минуты и замѣчала Ивану Ивановичу:

— Ахъ, охота-же вамъ пѣть такой нелѣпый романсъ! Съ перваго слова въ немъ никакого смысла нѣтъ. Ну какъ можетъ быть, кому-бы то ни было, любо въ шалашѣ? По всему видно, что это старый!..

Приведенный въ отчаяніе марморною безчувственностью Матрены Петровны, Иванъ Ивановичъ рѣшался иногда, не намеками, а довольно такъ ясно признаваться ей въ сокрушающемъ его чувствѣ, но Матрена Петровна, вмѣсто того, чтобъ успокоить его трепещущее сердце какою-нибудь, хоть шаткою, надеждой, спѣшила закрыть лицо платкомъ, заткнуть уши и замѣтить Ивану Ивановичу:

— Ахъ, мусье Ивановъ, какъ вамъ не совѣстно говорить такія низости! *Се тре мове!*

— Какія низости? Восклицалъ озадаченный и удивленный Иванъ Ивановичъ.

— Вы сами должны знать какія; у меня языкъ не повернется повторить то, что́ вы сію минуту напѣвали мнѣ въ уши... Нѣтъ, нѣтъ, вы не *жантиль!*

— Я говорилъ про любовь—это слово печатно вездѣ позволено безъ всякаго затрудненія произносить, не только-что изустно,—спѣшилъ оправдаться Иванъ Ивановичъ:—что́ же въ немъ дурнаго? Что́ находите вы въ немъ *мове*...

— По вашему ничего, по-моему очень много. Барышни не должны понимать любовь. *Компрене?*

— Но вникните только въ настоящее значеніе этого чистаго чувства; прошу васъ только постичь всю чистоту думъ моихъ — и вы сознаетесь, что все сказанное мною только *бонъ, тре бонъ*, упрашивалъ Иванъ Ивановичъ свою Ундину.

Но Матрена Петровна ни во что́ не хотѣла вникнуть, принималась плѣнительно мычать, какъ-будто вдругъ изъ какой-нибудь Ундины обратилась въ какую-нибудь миѳологическую телку Кліо, снова затыкала уши и, потрясая золотистой головкой, повелительно произносила:

— Пожалуйста, перестанемъ разыгрывать водевиль; поговоримъ лучше о другомъ. Скажите, какъ вамъ нравится, напримѣръ, Крендельковъ? Не правда-ли, что этому человѣку можетъ позавидовать не одинъ мужчина?

— Въ чемъ?— восклицалъ удивленный Иванъ Ивановичъ:—въ томъ, что онъ старъ, некрасивъ, не уменъ? Не знаю въ чемъ ему можно завидовать!..

— Зато у него денегъ много, возражала чистосердечно Матрена Петровна.

— И даже вамъ, дѣвицѣ, съ такимъ возвышеннымъ вкусомъ онъ нравится?—спрашивалъ Ивановъ.

— Почему-же не нравиться? чѣмъ-же онъ не человѣкъ, какъ другіе? отвѣчала Матрена Петро́вна.

— Но сердце, чувство!—восклицалъ восторженно Иванъ Ивановичъ, растопыривъ пальцы и потрясая ими.

Матрена Петровна опять спѣшила охладить одушевленіе молодаго художника.

— Иванъ Ивановичъ,—произносила она строго:—вы, кажется, опять налаживаете на прежній тонъ. Я уже вамъ разъ и навсегда замѣтила, что подобный разговоръ неприличенъ. Я не пастушка, и вы не пастушокъ аркадскій какой-нибудь, чтобъ у насъ на языкѣ вертѣлось все ваше глупое чувство да сердце; я вовсе про нихъ знать не хочу; съ ними одними на свѣтѣ не наживешь. Отчего Крендельковъ не заставляетъ меня никогда краснѣть такъ, какъ вы заставляете? По всему видно, что онъ человѣкъ солидный—вотъ мужъ, такъ мужъ!

— И неужели, еслибъ онъ повергъ къ ногамъ вашимъ свое сердце, вы рѣшились-бы раздѣлить съ нимъ время жизни и, какъ юный плющъ, обвивать своею зеленью эту погребальную сосну, покрытую мохомъ древности?—спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, желая хоть всею силою возможнаго ему краснорѣчія и реторическими красотами, почерпнутыми въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, поколебать такую убійственную

для него мысль о Кренделькове въ головѣ Матрены Петровны. Слухъ его, вмѣсто отраднаго отвѣта, поражался рѣчами самыми положительными.

— Еще-бы! что я за дура, чтобъ отказать! Кренделькова можетъ хоть кому доставить счастіе. У меня довольно еще ума, чтобъ понять, что мнѣ, можетъ-быть, и не одинъ только день придется жить на свѣтѣ, отвѣчала Матрена Петровна.

Иванъ Ивановичъ опускалъ, съ отчаяннымъ видомъ, на грудь голову и, стараясь придать своему голосу, сколько можно болѣе, страдальческаго выраженія, восклицалъ, судорожно ломая руки, подставивъ ихъ чуть-ли не подъ самый носъ Матрены Петровны:

— Нѣтъ это не возможно! Это говорятъ только лишь одни ваши уста, а не сердце! Вы только желаете бѣсить меня, мадемуазель!

— Б-ѣ-сить?—протягивала Матрена Петровна.—Кто-же вамъ далъ право почитать меня такою неделикатною и невоспитанною? да я и свою Амишку никогда, изъ одного удовольствія, никогда не дразню...

— Но если я... я буду въ состояніи когда-нибудь доставить вамъ такое-же счастіе, какъ Кренделькова?—продолжалъ неотвязчивый Иванъ Ивановичъ:—если прихотливая судьба вздумаетъ взглянуть на меня нечаянно съ благосклонностью...

— Ну, тогда, можетъ-быть, и разговоръ другой пойдетъ; а то, право, Иванъ Иванычъ, у васъ ужъ слишкомъ много поэзіи,—доканчивала Матрена Петровна, подсовывая подъ руку Иванова альбомъ, чтобы прекратить дальнѣйшія объясненія, и прося нарисовать ей или черкесское око, на память видѣннаго ею въ маскарадѣ красиваго лезгина, или какой-нибудь узоръ, или, наконецъ, ея маленькаго котенка, котораго она очень любила и, нѣжно цѣлуя, называла фамильярно «Жано», поглядывая въ то-же самое время изподлобья, какъ-то особенно на Ивана Ивановича, что доставляло ему удовольствіе неописанное и вмѣстѣ тягостную зависть, почему онъ, полный Иванъ Ивановичъ, не можетъ занять мѣсто четвероногаго Жано.

Иванъ Ивановичъ бралъ, вздыхая, карандашъ вмѣсто требуемаго, рука его обыкновенно начинала чертить какую-нибудь стрѣлу Амура, но онъ тотчасъ-же и останавливался, потому-что Матрена Петровна вскрикивала:

— Пожалуйста, что-нибудь безъ стрѣлъ, не такъ чувствительное. Къ чему поведутъ всѣ эти ваши вздохи, слова и рисунки? ровно ни къ чему. Къ несчастію, ни мнѣ вами, ни вамъ мною не суждено очаровываться для этого: у обоихъ насъ не достаетъ многаго... Я говорю вамъ это по дружбѣ, Иванъ Иванычъ!..

Какъ ни былъ ослѣпленъ Иванъ Ивановичъ, какъ крѣпко не завязалъ Амуръ ему глаза, однако онъ наконецъ догадался, что въ его идеалѣ элегическихъ началъ очень мало, и рѣшился, не заботясь слишкомъ о славѣ, хлопотать лишь о пріобрѣтеніи средствъ, которыя-бы дали ему право заказать визитные билетики съ надписью. «Иванъ Ивановичъ и Матрена Петровна Ивановы»... Но счастье, въ этомъ случаѣ, было къ нему совершенно невнимательно. Онъ пробовалъ удачи въ лотереяхъ—и ничего не выигрывалъ. Онъ бросился наконецъ въ игру, забирая иногда, по предразсудку, у Макара Макаровича послѣднія его деньги на счастье, и между-тѣмъ возвращался всегда угрюмымъ, нерадостнымъ, и на искренній, полный участія вопросъ Макарова»—Ну что, Ванюша, удалось-ли что тебѣ клюнуть?» отвѣчалъ постоянно техническими словами игорнаго языка:

— Проюрдюнился! профершпилился! Не удалось оттасоваться! По-прежнему заколодило!..

Иногда западала ему въ голову безумная мысль плыть за матеріальнымъ счастьемъ въ Калифорнію, но ея значительная отдаленность отъ Песковъ, гдѣ такъ глубоко бросило якорь его сердце, разсѣявала такую рѣшимость; а между-тѣмъ время все шло да шло; капиталъ Ивана Ивановича еще далеко не доходилъ до той цифры, которую-бы можно было ему отстранить Кренделькова отъ супружескихъ на него помысловъ Матрены Петровны. Въ день перваго мая Иванъ Ивановичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Наканунѣ Крендельковъ рѣшительно восторжествовалъ надъ нимъ и говорилъ о коляскахъ и каретахъ для екатерингофскаго гулянья такъ легко, свободно и соблазнительно для дамъ, съ тономъ человѣка, которому стоитъ только мигнуть, чтобъ все это тотчасъ явилось къ полнымъ его услугамъ, что Ивана Ивановича бросало въ жаръ и въхолодъ отъ зависти; не смотря на всю свою готовность, онъ видѣлъ, что ему нужно по неволѣ воздерживаться отъ подобныхъ рѣчей; за неимѣніемъ денегъ, въ умѣ его въ этотъ день вертѣлась упорно одна мысль: о средствахъ добыть ихъ, какими-бы то ни ни было пожертвованіями. Но довольно объ Ивановѣ, обратимся къ Макарову.

Макаръ Макаровичъ былъ совершеннымъ контрастомъ Ивана Ивановича какъ по роду живописи, такъ по наклонностямъ и характеру. Какъ Ивану Ивановичу нуженъ былъ для успѣха и извѣстности бархатъ, мраморъ, розы и золото и кругъ его коломенскихъ и песковскихъ знакомыхъ, такъ Макару Макаровичу сермяга, мѣдь, желѣзо, бурьянъ. Онъ не нуждался ни въ тонкости чертъ, ни въ нѣжности письма; ему, напротивъ, необходимо было все рѣзкое: грубо обозначенные желваки мускуловъ, лица суровыя, мужественныя, знакомыя съ зноемъ и вью-

гами. Онъ былъ живописецъ сценъ народныхъ, и потому искалъ своихъ идеаловъ въ мѣстахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ порхалъ мотылькомъ Иванъ Ивановичъ. Тѣнь, бросаемая свѣчей, отблескъ пламени горящаго среди поля, подъ чугуннымъ котломъ— были для него занимательнѣе всякаго и бальнаго газоваго освѣщенія. Макаръ Макаровичъ былъ нелюдимъ и рѣдко покидалъ свою комнату. Онъ занимался въ ней, съ утра до вечера, изученіемъ избраннаго имъ художества и болѣе всего натуры. Для этого Макаръ Макаровичъ ничѣмъ не пренебрегалъ. Онъ дорожилъ дружбою дворника, который иногда, за приличную порцію водки и чай, распитый въ харчевнѣ, простиралъ до того свое снисхожденіе, что, почесавъ предварительно затылокъ и поохавъ немного, съ словами:

— Охъ! такъ ужъ и быть, развѣ только–что баринъ–то вы хорошій, соглашался сдѣлаться на нѣкоторое время или Александромъ Македонскимъ, или Ромуломъ, Макаръ Макаровичъ сильно заискивалъ также расположеніе кухарки, съ которой, успѣвъ побѣдить разными посильными дарами ея стыдливость, списывалъ амазонокъ, закаленныхъ въ долговременныхъ битвахъ, весталокъ хранительницъ вѣчнаго огня, и даже подъ–часъ, замѣнивъ силою воображенія, дряхлыя черты натурщицы чертами юными Клеопатру, посягающую на самоубійство (причемъ кухарка, за неимѣніемъ натуральнаго аспида, обязана была уязвлять себя обыкновенно отрывкомъ веревки или шейнымъ платкомъ Макара Макаровича, довольно искусно свитымъ подъ форму эхидны) и прочихъ лицъ женскаго пола.

Макаръ Макаровичъ, даже на улицѣ, не упускалъ случая изучать натуру, и примѣтивъ какую-нибудь часть тѣла, поразившую его любознательный взглядъ, тотчасъ-же начиналъ слѣдить за идущей незнакомой ему *натурой* (такъ почти всегда любилъ онъ называть всякую человѣческую индивидуальность), стараясь запомнить ея особенность прилежнымъ и долговременнымъ наблюденіемъ. Если натура проходящаго того заслуживала, Макару Макаровичу было ни почемъ никакое пространство. Скосивъ неловко на бокъ голову, онъ часто, самъ того не замѣчая, выйдя только гулять по Малому Проспекту Васильевскаго острова, останавливался и выходилъ изъ самозабвенія чуть-ли иной разъ не подъ самымъ Невскимъ монастыремъ. Самая его врожденная робость и застѣнчивость пропадали, когда дѣло касалось искусства и его изученія. Нерѣдко, видя, что наблюдаемыя имъ анатомическія совершенства и особенности принадлежатъ людямъ простаго класса, Макаръ Макаровичъ, прослѣдивъ за ними нѣкоторое время въ нѣмомъ созерцаніи, поощривъ свою рѣшимость многократнымъ покашливаньемъ,

приступалъ къ разговору очень вѣжливому и вмѣстѣ замѣчательному тонкою дипломаціей.

— А что, голубчикъ,—спрашивалъ онъ,—ты куда-нибудь по дѣлу? или, можетъ-быть, такъ только, гуляешь?

— По дѣлу.

— Если не поспѣшному, такъ не хочешь-ли со мной *чаевать* зайдти на минуту? Славный ты мнѣ человѣкъ кажешься; видишь-ли ты, дорогой мой, я маленькими этакими рисуночками занимаюсь, такъ мнѣ-бы хотѣлось у тебя кое-что, около головки поосмотрѣть, да позаимствоваться этимъ. Сдѣлай одолженье не обижайся, я изучу только у тебя вотъ этотъ мускульчикъ да загарецъ твой позапомню, и очень буду тебѣ благодаренъ. Можетъ-быть, ты пропустить что-нибудь въ горлышко захочешь,—что-жъ и это можно, если только тебѣ невредно будетъ.

Иногда, когда и такихъ натурщиковъ не случалось и не было никакихъ средствъ достать натурщиковъ привилегированныхъ, Макаръ Макаровичъ и въ такомъ затруднительномъ случаѣ не упадалъ духомъ. Онъ самъ дѣлался для себя натурщикомъ. Одрапировавшись полными складками простыни, смотря по требованіямъ задуманнаго имъ сюжета, онъ самъ принималъ различныя положенія, вытягивался въ струну или изгибался предъ зеркаломъ впередъ и назадъ, и придавалъ своему лицу самыя разнообразныя выраженія, трудясь такъ по цѣлымъ часамъ, пока все удавалось ему исполнить, какъ слѣдуетъ. Чтобъ быть какъ можно вѣрнѣе природѣ, Макаровъ, въ случаѣ крайней необходимости, самъ, съ самоотверженіемъ билъ, кололъ, щипалъ себя, и находя результаты истязанія благопріятными, тотчасъ-же начиналъ шептать, хваля самого себя:

— Вотъ теперь такъ! Вотъ теперь, кажется, прекрасно! Молодецъ, Макарушка!»

Потомъ, продолжая смотрѣться въ зеркало и съ переди и съ боковъ и съ зади, Макаръ Макаровичъ принимался чертить, перечерчивать, размахивать неистово кистью и спѣшилъ подмалевать поскорѣе какой-нибудь счастливый поворотъ тѣла, доставшійся ему такими трудами. Поработавъ до крупнаго пота, Макаръ Макаровичъ отодвигался отъ своего произведенія, превращалъ ротъ въ форму буквы *О*, что всегда означало самое сосредоточенное вниманіе, и принимался осматривать и просто, и выпучивъ глаза и наконецъ прищуривъ ихъ и приставивъ къ нимъ кулакъ, въ видѣ зрительной трубки. Зрѣніе сопровождалось у него движеніемъ; онъ то присѣдалъ къ полу, чтобъ полюбоваться написаннымъ имъ—снизу, то подымался на цыпочки, чтобъ подивиться эффекту,

производимому сверху. Оставшись довольнымъ какою-нибудь хорошо выполненною частью, Макаръ Макаровичъ впадалъ въ какое-то нѣжное расположеніе, принимался слегка будто ржать, что-то нашептывать и посылать своей картинѣ, по воздуху, поцѣлуи.

Самый восторгъ Макара Макаровича былъ оригинальнымъ восторгомъ, непохожимъ на восторгъ прочихъ. Всегда нѣжный въ выраженіяхъ, говорящій всегда словами уменьшительными и умѣренный въ движеніяхъ, Макаръ Макаровичъ, совершенно перемѣнялся. Онъ принималъ самое суровое выраженіе, сильно хмурилъ брови, судорожно кривилъ ротъ и начиналъ выдѣлывать такія эволюціи кулакомъ, какъ-будто намѣревался хватить имъ кого-нибудь самымъ добрымъ порядкомъ. Изъ губъ его, въ подобныя минуты, вырывались одни лаконическія восклицанія въ родѣ:

«Шельмовская поза! Злодѣй раккурсъ! Отчаянный колоритъ! Варварское освѣщеніе!

И при этомъ онъ сильно постукивалъ кулакомъ по столу, по стулу, по чемъ попало и, въ добавокъ, притопывалъ еще ногою и трясъ головой.

Иванъ Ивановичъ былъ франтъ; Макаръ Макаровичъ, напротивъ, рѣшительно не занимался собою. Волосы у Ивана Ивановича были всегда умаслены самою сильной душистой помадой, тщательно приглажены и завиты; у Макара Макаровича, напротивъ, каждый волосъ торчалъ на головѣ врознь, то прямо, то въ бокъ, то какъ-то совершенно навыворотъ, какъ-будто находился съ прочими въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Иванъ Ивановичъ употреблялъ всегда при умываньи разныя благовонныя мыла; Макаръ Макаровичъ иной день и вовсе не умывался. Лицо и руки его были часто раскрашены самыми разноцвѣтными колерами, и онъ иногда, по разсѣянности, забывъ стереть или смыть ихъ, не только пускался въ тотъ же домъ къ товарищамъ, но даже нерѣдко выходилъ на улицу, нисколько не догадываясь, что преслѣдующая толпа мальчишекъ дивуется единственно его собственной разукрашенной персонѣ. Будничное его платье никогда не ощущало пріятнаго прикосновенія щетины и вѣника, и только одно праздничное, по какой-то странной противоположности, хранилось съ такимъ уваженіемъ и такъ лелѣялось, какъ-будто было соткано изъ однихъ алмазовъ; но и то Макаръ Макаровичъ не заказывалъ, какъ Иванъ Ивановичъ, (разъ десять предварительно примѣрившій каждую вещь своего туалета) портному, а покупалъ или у кого-нибудь, по случаю коловратностей судьбы, прямо съ плеча, или пріобрѣталъ себѣ необходимый костюмъ въ тѣхъ открытыхъ солнцу, и дождю, и вѣтру мѣстахъ Апрак-

сина двора, гдѣ торговцы, въ полномъ смыслѣ этого слова, продаютъ покупателямъ свой товаръ лицомъ, подсовывая его нуждающимся франтамъ чуть-ли не подъ самый носъ. Шляпъ также Макаръ Макаровичъ не покупалъ (чтобъ точнѣе выразиться) «нарочно», а всегда мѣнялъ или картузъ на шляпу, или шляпу на картузъ, съ маленькою придачей, причемъ ему было все равно, оказывался-ли его головной уборъ немного великъ, или немного малъ. Если онъ видѣлъ, при новой покупкѣ, какую-нибудь маленькую матеріальную выгоду, онъ какъ-то ухитрялся красоваться въ немъ очень пристойно. Такой туалетный обычай Макара Макаровича имѣлъ и свою пользу и свои непріятности, и очень часто случалось, что сюртукъ или пальто, купленные имъ какого-нибудь завѣдомо положительнаго цвѣта—темно-коричневаго, темно-зеленаго, темно-синяго или чернаго, вдругъ дѣлались, чрезъ нѣсколько времени, настоящими хамелеонами, начинали, отъ разныхъ температурныхъ причинъ, линять и обращались въ цвѣта самые неожиданные и различные на разныхъ частяхъ. На одномъ рукавѣ, напримѣръ, преобразовывались въ дымчатый, а на другомъ въ золотисто-сѣроватый, такъ-что хоть снова все перекрашивай. При видѣ такой негармонической пестроты, Макаръ Макаровичъ начиналъ сперва сердиться, произносилъ на модныхъ торговцевъ угрозы, собирался тотчасъ-же отправиться и уличить ихъ въ недобросовѣстности, рѣшительно даже иногда одѣвался и надѣвалъ шляпу и калоши, но потомъ скоро опять успокоивался, и утѣшая себя тѣмъ, что этихъ особенностей его костюма не замѣтитъ и половина Петербурга, продолжалъ щеголять въ разноколерномъ одѣяніи до износа, какъ-будто ничего не бывало.

Такое презрѣніе и равнодушіе къ внѣшности и затворничество Макара Макаровича, можетъ-быть, также покажется нѣсколько страннымъ и неестественнымъ, и потому поспѣшимъ объяснить ихъ. Макаръ Макаровичъ, какъ и Иванъ Ивановичъ, имѣлъ также свою слабую сторону. Иванъ Ивановичъ жертвовалъ своими деньгами и временемъ знакомству съ Мелкопищиковой, Прядипряхиной и другими коломенскими и песковскими дамами; Макаръ Макаровичъ томилъ себя и голодомъ, и жаждою, и холодомъ, и жадно прислушивался къ звукамъ падавшихъ, одинъ за другимъ, пятачковъ, гривенниковъ, рублей и даже иногда депозитокъ въ жестяную кружку, служившую ему сберегательной кассой, изъ-за мечты, давно запавшей въ грудь его, которую онъ лелѣялъ, какъ мать своего первенца. Мечта эта, заставлявшая его жадно прибавлять копѣйку къ копѣйкѣ, работать до истощенія силъ и во всемъ себѣ отказывать—была надежда и намѣреніе побывать въ Италіи. Сидя передъ маленькимъ окномъ своей комнаты, откуда онъ могъ видѣть только маленькій клокъ сѣраго

неба, и перемолывая между челюстями черный хлѣбъ, Макаръ Макаровичъ сладостно мечталъ объ иномъ, синемъ, прозрачномъ небѣ, о стройныхъ лаврахъ и тополяхъ, подъ могущественнымъ вліяніемъ грезъ, его убаюкивавшихъ; ему чудилось, что на него вѣяло ихъ ароматомъ; голову его уже жгло южное солнце и онъ, казалось ему, бродилъ уже по улицамъ Рима и прислушивался, въ Неаполѣ, къ всплеску адріатическихъ волнъ. Явственно вставали и рисовались тогда передъ нимъ, благодаря вычитанному въ книгахъ и разсказамъ бывшихъ въ томъ краю художниковъ, къ которымъ онъ жадно всегда прислушивался, высокія колокольни и церкви изъ разноцвѣтнаго мрамора; вились узенькія, мощеныя плитами, улицы, окаймленныя до того огромными домами, что небо казалось надъ ними на противоположномъ концѣ, какъ-будто какою-то растянутою надъ ихъ крышами неширокою голубою лентой. Террасы, съ разными статуями, древніе памятники пережившіе вѣка и своихъ строителей, палацы, площади, Piazza del Popolo, Ponte Molle, Monte Pincio, Корсо, наполненныя толпою говорливыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ, прикрытыхъ кружевными покрывалами; граненый куполъ святаго Петра, Пантеонъ, Капитолій и всѣ лучшія архитектурныя созданія Буонаротти, Сангалло, Виньолы, Борромини, Деллапорта и другія — все, все это неслось, одно за другимъ, въ воображеніи Макара Макаровича. Всѣмъ готовъ былъ жертвовать Макаръ Макаровичъ для осуществленія своего намѣренья, и никакія честныя средства не казались ему неприличными. Онъ старался болѣе и болѣе увеличивать свой капиталецъ, который съ каждымъ днемъ, хоть только большею частью и мысленно, все ближе и ближе на нѣсколько верстъ подвигалъ его къ Риму. Трудолюбія у Макара Макаровича было много, на способности онъ также не могъ слишкомъ жаловаться; ему недоставало только немного того, въ чемъ уже нисколько не былъ виноватъ ни онъ самъ, ни его родители, а лишь одно не всѣмъ равно покровительствующее счастіе. Макаръ Макаровичъ, какъ говорится, долженъ былъ, прошибая лбомъ стѣну, добывать себѣ каждый рубль, и потому онъ былъ очень разсчетливъ, жилъ съ Иваномъ Ивановичемъ во всемъ на половинныхъ издержзахъ, платилъ свою часть съ аккуратностью замѣчательною и всегда, въ концѣ мѣсяца, долженъ былъ съ глубокимъ вздохомъ писать еще мѣломъ на стѣнкѣ задолженныя ему Иваномъ Ивановичемъ суммы, несмотря на большія его средства, что̀ заставляло его сильно негодовать въ душѣ и копилось все болѣе и болѣе до перваго непріязненнаго случая. Таковы были Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ, за которыми, по праву повѣствователя, необходимо послѣдовать въ харчевню, неимѣвшую еще, по своему ни-

чтожеству, никакого названія, придуманнаго находчивымъ ярославскимъ воображеніемъ.

III.

О ТОМЪ, КАКЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ ВОШЛИ ВЪ ХАРЧЕВНЮ И ЧТО ВЪ НЕЙ ВИДѢЛИ И СЛЫШАЛИ И ЧТО, НАКОНЕЦЪ, КЪ УДИВЛЕНІЮ СВОЕМУ, ВЪ НЕЙ НАШЛИ.

Харчевня, въ которую такъ неохотно подавался Иванъ Ивановичъ, была тѣсна и наполнена такимъ густымъ табачнымъ дымомъ, что лица ея многолюдныхъ гостей, освѣщенныя нагорѣлыми свѣчами, мелькали неясно, будто сквозь туманъ. Со всѣхъ слышалось постукиваніе чашекъ о блюдечки, сопровождаемое скромнымъ требованіемъ сахару или кипятку; раздавалась вдругъ изъ угла пѣсня и, не оканчиваясь, смѣнялась другою.

Переступивъ порогъ, Иванъ Ивановичъ пріостановился и отозвался объ заведеніи такъ презрительно, такъ громко что одинъ изъ наслаждавшихся, поблизости дверей, употребленіемъ кипятка, утвердивъ блюдечко очень прочно на пяти палечныхъ подставкахъ, любопытствуя повернуть поскорѣй голову, поперхнулся и до того былъ пораженъ важной наружностью Ивана Ивановича, что тотчасъ-же поспѣшилъ произнести: «просимъ прощенья!» какъ-будто въ самомъ дѣлѣ оказался въ чемъ-нибудь предъ нимъ виноватъ.

Половой въ ту минуту проходилъ мимо, колыхая на рукѣ поднось, какъ волны лодку, съ такимъ акробатическимъ искусствомъ, что изъ полнаго не сочилось ни одной капли.

— Просимъ покорно, есть благородная половина, пожалуйте хоть полюбопытствовать, ни копѣйки за это съ вашей милости не возьмемъ!— поспѣшилъ произнести половой, понявъ, что отъ малѣйшаго недоумѣнія можетъ произойти разница въ двухъ лишнихъ устахъ.

— Слышишь-ли, есть благородная, что ворочаться, подкрѣпилъ Макаръ Макаровичъ и при этомъ, чтобы еще чѣмъ-нибудь расположить Ивана Ивановича къ этому пріюту, употребилъ даже маленькую хитрость: ухвативъ Ивана Ивановича за обшлагъ пальто, Макаръ Макаровичъ произнесъ радостно, въ свою очередь:

— Посмотри-ка, Ванюша, какъ, тамъ въ углу, эффектно освѣщенъ старикъ, какая на него свѣто-тѣнь падаетъ... отчаянная свѣто-тѣнь;

нескоро такую другую можно подмѣтить... хоть въ нее, по-крайней-мѣрѣ, хорошенько всмотримся для общей пользы!

Но Иванъ Ивановичъ вѣроятно, оставилъ бы безъ всякаго вниманія открытіе Макара Макаровича, какъ оставилъ, за нѣсколько минутъ, и онъ его находку, еслибъ не былъ пріостановленъ звукомъ, возбудившимъ его собственный интересъ.

Изъ отдаленныхъ комнатъ послышался едва внятный, нѣжный возгласъ, совершенно отличный отъ общей массы раздававшихся голосовъ.

Иванъ Ивановичъ опустилъ руку, уже сжавшую скобку стеклянной двери.

— Что это? никакъ что-то женское? обратился онъ съ вопросомъ къ половому.

— Точно такъ-съ; есть отчасти немного дамскаго, подтвердилъ съ нѣкоторою гордостью половой.

— Что же это такое?—продолжалъ съ видомъ пренебреженія Иванъ Ивановичъ.

— Какіе-то хозяева съ супругами и своею компаніею, по случаю погоды, изъ-за костюмовъ завернули: одежа хорошая, а непогода не свой братъ, иной бы разъ и въ кануру отъ ней спрятался.

— Какой-нибудь лабазъ, или мелочная? замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Должно полагать, что нужно будетъ повыше забирать! отозвался половой: — свои экипажи, дрожки, какъ можетъ быть изволили замѣтить у входа.

— Замѣтилъ, замѣтилъ! поспѣшилъ вмѣшаться Макаръ Макаровичъ, здоровенная лошадиница! и тутъ же, чтобы еще болѣе подстрекнуть любопытство Ивана Ивановича, прибавилъ:

— А что, чай раскокетились для гулянья, какъ павы; все, чай, канифасъ да бурмицкія зерна?..

— Можно будетъ какъ-нибудь полюбопытствовать, если угодно, сдѣлалъ предложеніе половой и также прибавилъ:

— Сдобныя такія-съ! хлѣба, видно, не жалѣли-съ.

— А что,—шепнулъ Макаръ Макаровичъ Ивану Ивановичу:—можетъ-быть, тебѣ удастся что-нибудь подмѣтить для сюжета какой-нибудь головки. Рѣшайся, Ванюша, вѣдь на улицѣ еще хуже.

— Гм!—презрительно улыбнулся Иванъ Ивановичъ, а между-тѣмъ, разслушавъ вторичный женскій говоръ, произнесъ довольно благосклонно:

— Такъ и быть, посмотримъ твою благородную половину!..

Благородная половина не очень многимъ отличалась отъ простона-

родной. Стѣны ея были такъ-же мѣстами вылакированы спиною алкающей и жаждущей публики до самаго яркаго глянца, такъ-что казались полированными самымъ лучшимъ лакомъ. Изъ прочихъ предметовъ, показывавшихъ неотъемлемое превосходство этого отдѣленія передъ чернымъ, можно было замѣтить только одинъ органъ; но и тотъ служилъ болѣе какъ украшеніе, чѣмъ какъ музыкалькое орудіе, потому-что, при усиленномъ поворотѣ ручки, сперва начиналъ шипѣть, какъ змѣй, потомъ сапѣть и далѣе уже никакихъ гармоническихъ звуковъ не производилъ, какія бы надъ нимъ ни производили истязанія. Правда, на серединѣ потолка висѣла еще люстра съ остатками кое-какихъ длинныхъ хрустальныхъ леденцовъ, но они особеннаго эффекта благородной половинѣ уже никакъ сообщить не могли.

— Пфуй! произнесъ Иванъ Ивановичъ, не снимая шляпы и окидывая взоромъ окружавшее его общество, занятое, смотря по своимъ гастрономическимъ наклонностямъ, разными произведеніями харчевеннаго повара.

— Есть особенныя помѣщенія,—поспѣшилъ объясниться половой, указывая на тонкія перегородки, немного, развѣ, превосходящія пространствомъ обыкновенные домашніе чуланчики.

— Такъ давай-же особенную, что это такое?—произнесъ запальчиво Иванъ Ивановичъ.

— Сейчасъ-съ! Неугодно-ли будетъ немного потѣсниться въ общей; нужно будетъ маненько распорядиться,—отвѣчалъ половой и съ этимъ словомъ шмыгнулъ за перегородку, и между нимъ и бывшими въ каморкѣ посѣтителями произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Господа! позвольте попросить васъ побезпокоиться...

— Was sagt er? послышался вопросъ.

— Перемѣститься неугодно-ли? Въ комнатѣ необходимость приключилась: гостямъ нужно.

— А ми не гость?.. Ми кто есть? послѣдовалъ вторичный вопросъ, относившійся прямо къ половому, шаркавшему, какъ можно было слышать, очень вѣжливо.

— Оно конечно-съ... оно точно всеконечно! отвѣчалъ половой: — противъ этого спорить никто не посмѣетъ; вы точно, тоже особы...

— Ну и такъ! такъ и коди впередъ назадъ!

— Это, тоже, вы разсуждаете, по всей справедливости, только, ужъ сдѣлайте ваше такое одолженіе, будьте великодушны: гости дожидаются...

— Ми тоже гость, самъ сказалъ, ходи прочь!..

— Помилуйте, наши гости тѣ, которые, кромѣ своей политики, на-

шимъ чѣмъ-нибудь занимаются,—возразилъ настойчиво половой.—Сами изволите знать, наша торговля не на однихъ разсужденіяхъ основана. Если угодно будетъ къ буфету пожаловать тамъ, насчетъ разной бесѣды, очень свободно.

За этимъ послышалось новое шарканье, потомъ легкій переговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ котораго, пропустивъ съ почтительнымъ поклономъ, троихъ бесѣдовавшихъ, половой отворилъ Ивану Ивановичу настежъ дверь въ особенное помѣщеніе и спросилъ, размахнувъ салфеткой:

— Чѣмъ прикажете подчивать?

Иванъ Ивановичъ не успѣлъ еще ничего обдумать и отвѣчать на сдѣланное предложеніе, занявшись съ Макаромъ Макаровичемъ отряхиваньемъ мокрыхъ шляпъ, какъ черезъ комнату раздался залпъ вылетѣвшей пробки и вслѣдъ затѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ довольно-внятное замѣчаніе...

— Это Широбоковъ Екатерингофъ чествуетъ... палитъ изъ единорога-съ!..

— Малый, а малый нельзя-ли сюда на пару словъ?..

— Сію секунду! отозвался половой, отвѣчая на спросъ Ивана Ивановича: — куда же ты летишь, рыжій скворецъ? тоже «сію секунду-съ», перебѣгая на голосъ называвшій его «*малымъ*», что нисколько не должно было относиться къ нему, потому-что онъ былъ и довольно немолодъ и довольно объемистъ для такого названія.

— Что тамъ, въ лаковомъ ряду? послѣдовалъ вопросъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Сейчасъ узнаю-съ!

— Живо!.. на почтовыхъ-съ!..

Перешептавшись съ другимъ прислужникомъ, половой возвратился съ отвѣтомъ:

— Изволили бутылку донскаго потребовать?

— Только-то! Двѣ намъ-съ!

— Ахъ, Киръ Ивановичъ! что это вы, на кого такъ много?—вмѣшался въ это приказаніе женскій голосъ.

— Олёна Мироновна! — прервалъ Киръ Ивановичъ: — вамъ не безъизвѣстно, что это мое дѣло..

— Двѣ, какъ сказано!—повторилъ онъ половому.

И Киръ Ивановичъ произвелъ съ своей компаніей, тотчасъ-же послѣ этого требованія, два самые удовлетворительные залпа.

— Молодецъ! — раздалось изъ третьей комнаты.

— Сію секунду! отозвался половой и побѣжалъ въ третью комнату.

— Малый!—крикнулъ Киръ Ивановичъ, когда половой, побывавъ у Широбокова, бѣжалъ обратно мимо его двери: — малый! заглянь сюда на словечко: какъ тамъ дѣла?..

— Четыре приказано!

— Вотъ какъ-съ! четверней щеголяютъ!.. Такъ что-жъ? а мы цугомъ... Полдюжины сюда! платимъ чистыя...

— Киръ Ивановичъ... начала было опять Елена Мироновна и тутъ же пріумолкла, потому-что Киръ Ивановичъ перебилъ ее.

— Олёна Мироновна,—замѣтилъ онъ: — прочтено уже вамъ было: предоставьте намъ хозяйничать; у васъ еще борода не отрасла.

— Да кто же пить-то будетъ?— спросила Елена Мироновна.

— Вы себѣ ручки вымоете-съ, а себя не уронимъ. Полъ подотру, а ужъ верху держать не позволю,—отвѣчалъ Киръ Ивановичъ и, обратясь къ половому, прибавилъ подтвердительно:

— Присусѣдить, какъ сказано!..

Иванъ Ивановичъ понялъ, что между его сосѣдями рѣшается вопросъ о превосходствѣ и первенствѣ, и потому, въ настоящую минуту, удивить ихъ ни чѣмъ нельзя, а между-тѣмъ, все-таки желая дать замѣтить, что и онъ тоже человѣкъ, привыкшій довольствоваться не однѣми какими-нибудь крохами, докликавшись наконецъ половаго, сказалъ громко и съ большимъ достоинствомъ:

— Подай маіонезу!

— Какъ изволили назвать? переспросилъ половой, оглушенный неизвѣстнымъ ему словомъ.

— Маіонезу!

— Маіонезу-съ? опять повторилъ вопросительно половой.

— Ну да, развѣ у васъ даже и по слуху о немъ не знаютъ?— спросилъ Иванъ Ивановичъ: — есть онъ у васъ?

— Маіонезъ?—повторилъ половой, склонивъ на секунду, въ недоумѣніи, голову и потомъ тотчасъ же отвѣтилъ утвердительно:—какъ не быть, есть-съ, самый лучшій сортъ!..

— Малый! что́ господа у тебя спрашивали?—не преминулъ полюбопытствовать Киръ Ивановичъ.

— Маіонезъ-съ! .

— Это что-жъ такое? горячее, соусы или тамъ что другое?—спросилъ Киръ Ивановичъ.

— Всяко можно приготовить, отозвался половой, надѣясь въ этомъ случаѣ ужъ вполнѣ на вдохновеніе повара.

— Такъ и этого намъ пожаловать!

— Полноте, что это вы? Кажется, теперь цѣлаго свѣту вдругъ

захотѣли; можетъ-быть, вы этого блюда и кушать еще не умѣете,—возвысила снова голосъ Елена Мироновна.

— Возьмите платочекъ, Олёна Мироновна, и закройте имъ свою мудрость для ребятишекъ; будете прекословить, пол-Петербурга куплю... Пусть Широбоковъ-то съ нами потягается... Постигли теперь уложеніе? — заключилъ Киръ Ивановичъ.

— О-го!—подумалъ Макаръ Макаровичъ,—вотъ оно что значитъ самолюбіе!

Размышленія Макара Макаровича прерваны были явившимся съ извиненіями половымъ.

Маіонезу по справкамъ не оказалось, и вмѣсто него предложенъ былъ винегретъ, который Киръ Ивановичъ принялъ съ словами: тащи его сюда, этотъ будетъ намъ попонятнѣе; а Иванъ Ивановичъ, пожелавъ половому подавиться имъ самому, ограничился наконецъ выборомъ простой телятины, которую онъ приказалъ себѣ подать ужъ обыкновеннымъ голосомъ. Что-же касается до Макара Макаровича, то, приведенный такимъ перекрестнымъ огнемъ истинно для него Лукулловскихъ требованій, въ непонятную робость и замѣшательство, сдѣлавъ изъ своей ладони предъ ухомъ половаго ширму, онъ спросилъ своего любимаго поросенка и чего-нибудь, рябиноваго или березоваго, такъ тихо и такъ таинственно, какъ-будто требовалъ чего-нибудь, совершенно недостойнаго никакого человѣческаго желудка.

Послѣ этого только они могли порядочно осмотрѣть свое помѣщеніе.

Иванъ Ивановичъ тотчасъ-же обратилъ вниманіе на тонкую перегородку, отдѣлявшую отъ него сосѣдей, стараясь отыскать въ ней щель, чтобъ полюбоваться на фигуры Кира Ивановича и Елены Мироновны, а Макаръ Макаровичъ занялся обозрѣніемъ собственно комнаты, опробовавъ предварительно пальцемъ стѣны, чтобъ узнать, достаточно или недостаточно положено въ охру клею, для охраненія надлежащаго вида его спины, если ему пожелается прислониться. Когда пропорція оказалась вполнѣ удовлетворительною, Макаръ Макаровичъ поднялъ глаза на потолокъ и, подивившись немного изображеннымъ на немъ невиданнымъ птицамъ, взялъ со стола свѣчу и началъ круговой обходъ.

На стѣнахъ каморки были развѣшены кое-какія картинки: какой-то французскій маршалъ, дѣлающій подъ ногами вставшей на дыбы лошади осаду крѣпости, причемъ на гравюрѣ происходила такая жестокая пушечная пальба, что отъ изображенныхъ на ней крошечныхъ воиновъ, виднѣлись только кончики ихъ головъ и ногъ, потомъ изображеніе греческой героини Бобелины, нарисованной въ самыхъ широчайшихъ шаль-

варахъ на всемъ Востокѣ и, нѣсколько другихъ эстамповъ. Всѣ эти эстампы заставили Макара Макаровича только презрительно выпятить губы. Онъ ужъ хотѣлъ поставить обратно свѣчку на столъ и послѣдовать примѣру Ивана Ивановича, когда взглядъ его упалъ въ самый задній уголъ, осѣненный густымъ полумракомъ отъ выдавшейся треугольникомъ печки. Близъ самой печки что-то чернѣлось. Макаръ Макаровичъ подошелъ и увидѣлъ картину, писанную масляными красками, въ рамѣ, съ которой давно сошла позолота и виднѣлся только слой мѣлу, совершенно коричневаго отъ временй.

Полотно картины было покороблено сыростью, углы задней рамки разошлись и образовали выпуклости, на которыхъ грунтъ фона отсталъ. Вся она была такъ покрыта копотью и пылью, что съ перваго взгляда трудно было порядочно разсмотрѣть, что́ она изображала?

Макаръ Макаровичъ отеръ ее платкомъ, приподнялся на цыпочки и, заслонивъ предъ собою свѣчу рукой такъ, чтобы вся масса свѣта падала на нее, началъ внимательно ее разсматривать, превративъ ротъ въ букву О, что́, какъ мы уже объяснили, всегда означало у него самое сосредоточенное вниманіе. По мѣрѣ, какъ взглядъ его переходилъ отъ одной части картины на другую, добродушныя черты его начали измѣняться, брови сильно наморщились, кулакъ заходилъ съ живостью, какъ-будто онъ приготовлялся ратовать съ кѣмъ-нибудь невидимымъ, ставшимъ вдругъ между нимъ и осматриваемымъ имъ предметомъ, и вдругъ онъ не вскликнулъ, а просто какъ-то заржалъ такъ громко и такъ неистово, что Иванъ Ивановичъ, отыскавшій наконецъ отверзтіе для своихъ наблюденій и плотно къ нему прильнувшій, быстро оберпулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Макарова.

— Что ты? что съ тобой?—спросилъ онъ Макара Макаровича, который, не жалѣя лучшаго своего фуляра, съ необыкновенною живостью началъ стирать пыль и копоть съ темнаго полотна.

— Ваня, Ванюша, Ваничка... твердилъ Макаръ Макаровичъ, прерывистымъ голосомъ, продолжая все быстрѣе и быстрѣе свою работу.

— Ну, что́ Ваничка?—передразнилъ Макара Макаровича Иванъ Ивановичъ.

— Посмотри-ка братъ, здѣсь, кажется, просто чудеса совершаются: кажется, оригиналъ, братецъ.

— Только-то!—произнесъ презрительно Иванъ Ивановичъ! — Такъ ты изъ этого-то бѣснуешься. Поздравляю тебя!

— Самъ ты забѣснуешься, подойди да посмотри только.

— Какая-нибудь малёвина, повторилъ прежнимъ тономъ Иванъ Ивановичъ и хотѣлъ снова прильнуть къ перегородкѣ, но Макаръ

Макаровичъ кончилъ ужь свое реставрированіе платкомъ и, крѣпко схвативъ Иванова за руку, началъ пренеистово потрясать кулакомъ, повторяя съ упрекомъ:

— Малёвина, малёвина! Самъ ты, послѣ этого, малёвина! На-ка смотри, много-ли ты видѣлъ такихъ малёвинъ! Прошу тебя, посмотри только.

Съ этими словами Макаровъ насильно втеръ свѣчу въ руку Ивана Ивановича и, отступивъ на нѣсколько шаговъ, сложилъ на груди руки съ видомъ человѣка, приготовляющагося быть свидѣтелемъ самаго неожиданнаго удивленія. Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами и разсѣянно поднесъ свѣчу. Вдругъ онъ тоже слегка вздрогнулъ и тоже, прищуривъ глаза, началъ внимательно всматриваться, прикрывъ, какъ навѣсомъ, рукою глаза: предъ нимъ точно висѣла картина великаго художника — какъ, какимъ путемъ заброшенная въ такое захолустье, могъ, развѣ, объяснить только случай, бросающій иногда самыя драгоцѣнныя сокровища въ какую-нибудь неизвѣстную глушь. На всей картинѣ отпечатлевалась геніальная кисть. Въ самыхъ малѣйшихъ ея мелочахъ видна была совершенная оконченность; каждая черта проникнута была жизнью, выражала глубокое изученіе человѣческой природы. То была женская, бѣлокурая головка, задумчиво склонившаяся, глядѣвшая немного изподлобья, какъ-будто къ чему-то прислушивающаяся, приложивъ палецъ къ щекѣ. Окружающій ее воздухъ сквозилъ и алѣлъ роскошнымъ фосфорическимъ отблескомъ пробуждающейся южной зари. Несмотря на копоть, наложенную на нее временемъ, табачнымъ и печнымъ дымомъ и на темноту угла, въ который бросила ее невѣжественная рука, глаза ея будто сверкали и двигались; полуоткрытыя губки, казалось, подергивались легкой улыбкой и такъ рельефно выдавались изъ полотна, что можно было усомниться и подумать издали, не помѣстилась-ли въ прорѣзанной въ стѣнѣ четвероугольникъ, завѣшенный пыльнымъ флеромъ, какая-нибудь причудливая красавица-плутовка, желавшая, изъ женскаго любопытства, тайкомъ посмотрѣть на сцены, происходившія во внутренности харчевни. Картина эта была-бы совершенствомъ искусства, если-бы подобіе какого-то довольно-большаго лишая, произведеннаго годами и сыростью, не безобразили одну изъ пухленькихъ щечекъ головки.

— Да,—протянулъ Иванъ Ивановичъ, неумѣвшій скрыть въ первую минуту овладѣвшаго имъ чувства восторга и удивленія, и, нагнувшись немного впередъ, размахнулъ руками въ видѣ распростертыхъ крыльевъ.

— Да,—передразнилъ Ивана Ивановича Макаръ Макаровичъ, и тоже нагнувшись впередъ и размахнувъ также руками, въ знакъ глу-

бокой насмѣшки, прибавилъ:—вотъ теперь стой такъ, да и дакай! Ну что? малёвина?.. а?..

Въ такомъ странно-картинномъ положеніи засталъ ихъ половой, принесшій Ивану Ивановичу телятину, а Макару Макаровичу поросенка, обложеннаго застывшимъ своимъ сокомъ, какъ кусками необдѣланнаго прозрачнаго янтаря, по краямъ которыхъ возвышались маленькими ломтиками хрѣнныя стружки.

— Изволите забавляться скуки ради?—произнесъ половой, чтобъ сказать что-нибудь приличное, при видѣ такой непонятной для него позы, и принимая ее не иначе, какъ за оригинальное препровожденіе времени, или какую-нибудь неизвѣстную ему игру.

— Чья это картина?—быстро спросилъ Иванъ Ивановичъ, пропустивъ мимо ушей эту ярославскую остроту, на которую, во всякое другое время, не преминулъ-бы надѣлать много колкихъ замѣчаній о ея неумѣстности.

— Которая-съ?

— Да вотъ, вотъ что въ углу!

— А!.. карявая-то! Да до-сихъ-поръ была хозяйская, покуда не достанется въ полную собственность мышамъ и мухамъ, отвѣчалъ, самодовольно улыбнувшись своему отвѣту, половой.

— Откуда она ему досталась?—поспѣшилъ спросить, въ свою очередь Макаръ Макаровичъ.

— Да, должно быть, отъ родителя перешла съ разною дрянью. Хозяйскій тятенька, въ старые годы, разнымъ завалящимъ мусоромъ на Апраксиномъ торговалъ.

— А что, дорого цѣнитъ хозяинъ эту картину, не извѣстно-ли тебѣ? сдѣлалъ вдругъ вопросъ Иванъ Ивановичъ.

— Неизвѣстно-съ, дѣло торговое, должно полагать, что немножко поменѣе алтына цѣнитъ,—отвѣчалъ половой, продолжая отличаться ярославскимъ остроуміемъ.

— Гм!—значительно крякнулъ Иванъ Ивановичъ и замолкъ.

— А что... хозяинъ здѣсь живетъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? спросилъ Макаръ Макаровичъ.

— Зачѣмъ-же ему въ другомъ мѣстѣ жить, не безъ глазъ же коммерцію оставлять, когда только лишь ее началъ, отвѣчалъ половой.

— А... началъ было продолжать Макаръ Макаровичъ и остановился, потому-что почувствовалъ нѣсколько послѣдовательныхъ сильныхъ толчковъ Ивана Ивановича, всегда означавшихъ, что онъ дѣлаетъ какую-нибудь огромную глупость.

— Чего-съ?.. произнесъ половой.

— Ничего, ступай, любезный, досказалъ вмѣсто Макара Макаровича Иванъ Ивановичъ.

— Ну, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, Ванюша? спросилъ Иванова Макаръ Макаровичъ.

— А то, что ты и въ харчевнѣ не умѣешь порядочно себя вести,— произнесъ Иванъ Ивановичъ:—ну, что тебѣ за охота со всякимъ въ разговоры вступать—какая надобность?

— Какъ, какая надобность?—возразилъ Макаръ Макаровичъ:—почему знать, можетъ-быть, хозяинъ нисколько не подозрѣваетъ, что у него такая драгоцѣнность.

— Какая?—спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Иванъ Ивановичъ, уже составившій въ головѣ своей кое-какіе планы.

— А картина! Вѣдь это, долженъ быть, Тиціанъ, Веронезъ, или покрайней-мѣрѣ тому подобное.

— Да,—подтвердилъ Иванъ Ивановичъ:—только какой-нибудь Тиціанъ Сидорычъ—и больше никто! Ты готовъ, кажется, Тиціанами да Рубенсами какъ соромъ сорить.

— Какъ-же это такъ?—вскричалъ тоже съ удивленіемъ Макаръ Макаровичъ:—вѣдь самъ-же ты смотрѣлъ и невольно вскричалъ: да!

— Мало-ли чего нельзя сдѣлать тебѣ на-смѣхъ,—пресерьёзно замѣтилъ Иванъ Ивановичъ:—пошутить надъ тобою захотѣлось—вотъ и все. Подумай самъ: уцѣлѣло-ли бы что-нибудь порядочное въ этой трущобѣ, еслибъ точно имѣло какую-нибудь цѣну? Вспомни, вѣдь это Петербургъ. Ты бываешь иногда куда какимъ дуракомъ, Макаръ, съ своимъ востор гомъ.

Макаръ Макаровичъ сомнительно покачалъ головой и, приподнявшись со стула, протянулъ руку къ свѣчѣ.

— Зачѣмъ тебѣ свѣча понадобилась? спросилъ Иванъ Ивановичъ, повелительно наложивъ руку на подсвѣчникъ.

— Да хотѣлъ было опять осмотрѣть повнимательнѣе головку, отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ.

— Послушай, Макаръ Макарычъ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ:—мнѣ здѣсь изъ-за тебя не ночевать; смотри, сколько хочешь, твою прелесть одинъ, завтра, послѣзавтра, когда угодно, но если ты не будешь кончать закуски и заниматься разными мозаиками, я сейчасъ удаляюсь домой, бросая и оставляя тебя. Извольте раздѣлываться сами, какъ знаете. Если вамъ угодно сумасшествовать и всякую подмалёвку почитать за великое произведеніе, вы можете, повторяю вамъ, и завтра это сдѣлать. Ваше золото отъ васъ никогда не уйдетъ. Когда уже столько лѣтъ на вашего Тиціана никто и взглянуть не хотѣлъ, такъ въ какой-

нибудь одинъ день его у васъ не похитятъ — вотъ мое рѣшительное слово!

— Ну, хорошо, хорошо! согласился Макаръ Макаровичъ, зная всегда рѣшительный, въ отношеніи къ нему характеръ, ничѣмъ неумолимаго Ивана Ивановича.

— А право, Ванюша, началъ-было снова Макаръ Макаровичъ:— право ты ошибаешься, или не хотѣлъ разсмотрѣть, или въ чемъ-нибудь хитришь и опять былъ остановленъ словами:

— Ну, ошибаюсь такъ ошибаюсь, хитрю такъ хитрю — тебѣ-же лучше. Берите вашу шляпу, Макаръ Макарычъ, и не угодно-ли вамъ будетъ проститься съ этой вашей Тиціановской галереей.

IV.

ВЪ КОТОРОЙ КРАТКО ОПИСЫВАЕТСЯ НЕОЖИДАННАЯ РАЗМОЛВКА МАКАРА МАКАРОВИЧА СЪ ИВАНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ, ОСТАТОКЪ ПРОВЕДЕННОЙ ИМИ НОЧИ И КАКЪ РАСПОРЯДИЛИСЬ ОНИ СЛѢДУЮЩИМЪ ДНЕМЪ.

Когда Макаръ Макаровичъ и Иванъ Ивановичъ оставили свое минутное прибѣжище, небо, благодаря сильному морскому вѣтру, очистилось мѣстами отъ тучъ и луна, свѣтившая въ новомъ мѣсяцѣ, еще по старому, переходя полнымъ дискомъ изъ лужъ въ лужи, обращала ихъ, по своей прихоти, въ настоящія зеркала, такъ-что все, лежащее предъ ними пространство было будто устлано огромными серебристыми ихъ осколками.

Бѣлыя и желтоватыя стѣны домовъ, отцвѣченныя нѣжнымъ луннымъ сіяніемъ, утратили свои грубыя дневныя формы и казались обтянутыми атласомъ. Съ распускавшихся древесныхъ листьевъ, сверкая, на лету, блестящими каплями, падали тающіе охлопки снѣга. Все было торжественно, тихо, и ночное безмолвіе нарушалось только протяжнымъ окликомъ часовыхъ, да гуломъ экипажей, уносившихъ изъ Екатерингофа послѣднюю, запоздавшую партію гулякъ; словомъ: тогдашняя майская ночь была такъ величественна и прекрасна, какъ только позволяли ея мѣстныя средства, но ни Макаръ Макаровичъ, ни Иванъ Ивановичъ не замѣчали ничего происходившаго ни надъ ними, ни подъ ними, ни кругомъ ихъ. Оба товарища шли молча, погруженные въ глубокое размышленіе.

Руки Макара Макаровича, обратясь въ какіе-то два огромные маят-

ника, ходили взадъ и впередъ такъ быстро и такъ отчетисто, какъ-будто онъ отсчитывалъ ими секунды; а Иванъ Ивановичъ, углубившись совершенно въ воротникъ пальто, тоже быстро кивалъ головою и разсѣкалъ указательнымъ пальцемъ воздухъ, что̀ всегда означало, что умъ его занятъ чѣмъ-нибудь очень важнымъ.

Мечтаніе художниковъ было прервано только предложеніемъ стоявшаго на одномъ изъ перекрестковъ извощика. Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ ему разсѣянно: «подавай!» и сѣлъ, не торгуясь. Объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ не стоило-бы даже и говорить, еслибъ не сѣлъ на него, также не торгуясь, и Макаръ Макаровичъ; но онъ также, кажется, позабылъ въ ту минуту обо всемъ внѣшнемъ, окружавшемъ его мірѣ: его также занимала какая-то глубокая мысль.

Безмолвныя разсужденія продолжались всю дорогу. Подъѣхавъ къ воротамъ дома, гдѣ находилась ихъ квартира, Иванъ Ивановичъ, безъ всякаго возраженія, отдалъ потребованный полтинникъ и изъ устъ Макара Макаровича не вырвалось при этомъ никакого возгласа; онъ какъ-будто или оглохъ и ослѣпъ, или такая монета, какъ полтинникъ, казалась ему въ то время не болѣе какъ ничтожнымъ прахомъ и тлѣніемъ.

Раздѣваясь, Макаръ Макаровичъ, позабылъ даже тщательно осмотрѣть свою новую шляпу и привести ее въ надлежащій видъ; онъ не пожелалъ даже, по обыкновенію, покойной ночи Ивану Ивановичу, и легъ, глубоко вздыхая, на свой клеенчатый диванчикъ, свернувшись подъ шерстянымъ одѣяломъ такимъ плотнымъ клубкомъ, что какому-нибудь вошедшему постороннему человѣку очень трудно было рѣшить, что̀ лежитъ на этомъ диванчикѣ: человѣкъ-ли, обладающій такою гибкостью членовъ, или какое-нибудь бѣлье, стянутое въ огромный узелъ?

Иванъ Ивановичъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая кивать головой и дѣлать пальцемъ какіе-то странные знаки, и потомъ ударялъ пальцемъ о палецъ, какъ-будто что-то считалъ. Наконецъ и онъ улегся и только одинъ сильный скрипъ кровати и диванчика, долгое время показывали, что оба художника не спали и сильно повертывались.

Макаръ Макаровичъ первый прервалъ окружавшую ихъ ночную тишину, тревожимую только ходомъ стѣнныхъ часовъ.

— Ваня,—началъ онъ, высунувъ изъ-подъ своего шерстянаго чахла голову: — Ваня, спишь ты, или нѣтъ?

— Нѣтъ, а что?

— Да такъ спросилъ. Представь себѣ, вѣдь и я тоже не сплю — не правда ли, что это странно?

Проговоривъ это, Макаръ Макаровичъ снова замолкъ и потомъ опять возвысилъ чрезъ нѣсколько минутъ голосъ:

— Ваня, а Ваня! а знаешь-ли ты отчего мнѣ не спится?

— Ахъ, отстань пожалуйста, не мѣшай! почемъ я знаю? отозвался съ сердцемъ Иванъ Ивановичъ.

— Ужъ развѣ признаться тебѣ,—продолжалъ Макаръ Макаровичъ:—такъ ужъ и быть, признаюсь; вотъ отчего: вѣдь головку-то можно будетъ купить за безцѣнокъ, потому-что ей настоящей цѣны ужъ, навѣрное, не знаютъ, за какіе-нибудь десять рублей, ну хоть-бы даже и за пятнадцать. А? умное дѣло?

— Гм! гм! откашлялся только Иванъ Ивановичъ.

— Такъ вотъ, видишь-ли, я и думаю встать пораньше завтра, отправиться и обдѣлать все похитрѣе. Важная будетъ афера!

— Только врядъ эта афера тебѣ удастся,—возразилъ Иванъ Ивановичъ, сильно повернувшись на кровати и прищелкнувъ языкомъ, для бо́льшаго удостовѣренія въ истинѣ сказаннаго.

— А почему-же и не удастся по-твоему?

— Потому-что я самъ намѣренъ ее купить.

— Какъ такъ?—вскричалъ Макаръ Макаровичъ, вскочивъ на колѣна на своемъ диванчикѣ.

— Да такъ, очень обыкновенно: поѣду тоже завтра въ харчевню да и куплю—вотъ и вся недолга!..

— Нѣтъ, извини, это ужъ будетъ: атанде! возразилъ Макаръ Макаровичъ.

— А на какомъ основаніи: атанде по-твоему?

— А на томъ,—отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ, совершенно покидая свое ложе и зажигая свѣчку:—что я первый ее увидалъ; ты бы ее, вѣрно, не замѣтилъ и не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Вотъ какое важное право! Что я, глаза-то развѣ дома забылъ?

— Дома не дома, но я ее первый увидалъ, слѣдовательно и имѣю на нее полное право, слѣдовательно она и не твоя. Отопрись-ка, что не я тебѣ ее показалъ?

— Впередъ не показывай!

— Удержаться не могъ, а то бы, вѣрно, не показалъ.

— Будь впередъ умнѣе—удерживайся; самъ на себя послѣ этого долженъ будешь пѣнять, отозвался съ холоднымъ себялюбіемъ Иванъ Ивановичъ.

— Однакожъ,—прервалъ Макаръ Макаровичъ:—не знаю, какъ называется подобный поступокъ по-твоему, а по-моему, такъ онъ...

Иванъ Ивановичъ не далъ ему кончить.

— Что толковать!—прервалъ онъ:—какъ такой поступокъ по-моему называется и какъ по-твоему! Я знаю только одно, что всякому своя сорочка должна быть къ тѣлу ближе. До завтраго, Макаръ: утро вечера мудренѣе; у кого окажется возможность купить, такъ тотъ и купитъ.

— Ну, тогда головка будетъ моя,—произнесъ съ самоувѣренностью Макаръ Макаровичъ.

— Полно, полно, Макаръ,—прервалъ насмѣшливо Иванъ Ивановичъ:—что хвастать? Ну, можно-ли тебѣ будетъ тягаться, когда я выложу какую-нибудь двадцати-пяти-рублевую.

— Такъ чтожь, возразилъ Макаръ Макаровичъ:—вотъ чѣмъ думалъ испугать! Видали мы эти виды!

— Только видали! Недалеко, пріятель, на такомъ спектаклѣ уѣдешь,—продолжалъ насмѣшливо Иванъ Ивановичъ.—Да и зачѣмъ тебѣ эта картина? что́ ты, эрмитажъ, что-ли въ своемъ углу хочешь заводить?

— Нѣтъ, я съумѣю получше распорядиться,—отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ:—я на эту картину могу въ Италію съѣздить.

Иванъ Ивановичъ громко захохоталъ.

— Не твоему носу рябину клевать—она ягода нѣжная, добавилъ онъ.

— Почему-же не моему? Что-жъ тутъ можетъ быть удивительнаго?

— То, что еслибъ всякая мазилка задумывала ѣхать въ Италію, въ ней-бы не достало мѣста,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—Вспомни пословицу: «знай сверчокъ свой шестокъ».

— Это меня ты такъ величаешь?—спросилъ обидчиво Макаръ Макаровичъ, услыхавъ это обидное для художника названіе, которому-бы онъ охотно предпочелъ всякое другое, самое обиднѣйшее.

— Разумѣется, не Карпа и не Сидора.

— Такъ я, по-твоему, мазилка?.. Ахъ ты маляришка!

— Ого, вотъ какъ!—произнесъ, улыбаясь, Иванъ Ивановичъ, нисколько не сомнѣваясь въ своемъ достоинствѣ.

— Нечего говорить: ого! разумѣется, маляръ; ты только самъ о себѣ много думаешь да чужими руками жаръ любишь загребать,—продолжалъ Макаръ Макаровичъ.

—Твоими что-ли?—отозвался презрительно Иванъ Ивановичъ:—Ѳеклу, что-ли какую, или Фетинью просилъ помочь написать? Ахъ ты, мазилка!

Это окончательно вывело изъ себя уже разгоряченнаго Макара Макаровича.

— Мазилка!—повторилъ Макаръ Макаровичъ:—пусть такъ, а ты

воръ, побирушка. . Ты, братъ, у меня не важничай: я тебя выведу на свѣжую воду; я тебя раскритикую передъ всѣми. Руки у перваго твоего портрета кто писалъ — не бось ты? Экспрессію въ харѣ твоей Клариссы, Ларисы, Ундины—кто ее знаетъ — не бось ваша милость придавала? а?..

Иванъ Ивановичъ, удивленный такою неожиданною выходкою Макара Макаровича, также приподнялся, сѣлъ, сложивъ по-турецки ноги, на своей кровати, и тоже, задѣтый за живое такими упреками, важно произнесъ, приподнявъ гордо голову:

— Что-о? Что т-а-кое?

— Ничего, телѣга проѣхала, вотъ что!—отвѣтилъ Макаръ Макаровичъ. Что не бось, теперь глухъ сталъ, когда правду въ уши пропѣли?

— Еще что́, господинъ Макаровъ?

— Все-съ!

— И больше ничего?

— Да, къ вашимъ услугамъ!

— Грошъ за мной!..

Не скажи Иванъ Ивановичъ этого послѣдняго выраженія, быть-можетъ, Макаръ Макаровичъ и позабылъ-бы всю причину размолвки и уступилъ-бы всѣ предполагаемыя отъ покупки картины выгоды Ивану Ивановичу; но это слово, показавшееся ему прямымъ, самымъ сильнымъ намекомъ на какое-то его ничтожество, уничтожило всякій возможный благородный порывъ.

— Г-ро-ошъ?—протянулъ Макаръ Макаровичъ.—Да какое имѣете вы право мнѣ гроши су ить? Вы давно мнѣ вашими невидимыми грошами уши прожужжали, милліонами такъ языкомъ и ворочаете, а между тѣмъ, на дѣлѣ, такъ и въ бездѣлицѣ не можете расплатиться; цѣлый мѣсяцъ почти на мой счетъ живете; и за сахаръ за вами, и за чай за вами, и за мѣсяцъ квартиры за вами...

— Марѳа!—закричалъ Иванъ Ивановичъ прислуживавшей имъ старухѣ, не отвѣчая ни слова Макару Макаровичу:—чей нынче идетъ чай?

— Вашъ, Иванъ Иванычъ,—отвѣчала изъ кухни Марѳа.

— А вчера чей?

— Не знаю чей изъ васъ; только вы мнѣ деньги вчера давали.

— А свѣча нынче чья, Филатьевна?

— Ваша, батюшка, ваша.

— Хорошо! Такъ плюнь на Макара Макарыча и скажи ему, что онъ лгунъ и хвастунишка, однимъ словомъ: такое неблагодарное животное, которому-бы не съ порядочными людьми жить, а въ какой-нибудь закутѣ. Господинъ Макаровъ:—добавилъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ

*

Макару Макаровичу:—квартира на мое имя. Завтра ваши гроши, которыми вы такъ важничаете, что они за мной, я вамъ отдамъ и прошу васъ убираться съ ними, куда вамъ угодно. Такого неотесаннаго мужика, какъ вы, я терпѣть больше не намѣренъ. А картины вамъ не видать, какъ своихъ ушей—слышали?

И съ этимъ словомъ разгоряченный Иванъ Ивановичъ, взглянувъ нечаянно на стоявшее близъ его кровати кресло, увидѣлъ на немъ лежащее пальто Макара Макаровича. Онъ взялъ его очень небрежно и быстро сбросилъ на полъ, замѣтивъ:

— Прошу васъ своими лохмотьями моего сафьяннаго кресла не марать; можете ихъ себѣ на носъ вѣшать, а не на мою мебель.

При видѣ такого явнаго къ нему презрѣнія, изъ губъ Макара Макаровича вырвался какой-то шипъ.

— А! если такъ,—проговорилъ онъ:—такъ теперь совсѣмъ другое дѣло пойдетъ. Я уже рѣшался уступить тебѣ все—Богъ-бы съ тобой, пусть-бы ты пользовался чужою находкой, но теперь, теперь я отдамъ все, что имѣю, и ужъ тебѣ, а не мнѣ, не видать картины, какъ своихъ ушей!

— Фью! просвисталъ Иванъ Ивановичъ.

— Свисти, свисти, карастель,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ:—а ужъ что я сказалъ, то и сдѣлаю—куплю!

— Ха, ха!—засмѣялся Иванъ Ивановичъ. На свою полинялую одежду, что-ли, надѣетесь пріобрѣсти?

— Не важничайте, и побольше хламиды кое-что найдется; это у васъ только, не смотря на самохвальство, карманы-то вѣткомъ всегда бываютъ подбиты,—перебилъ съ какою-то самоувѣренностью Макаръ Макаровичъ:—а у насъ есть-таки кое-что. Вотъ они: не думайте, что лжемъ...

И съ этимъ словомъ Макаръ Макаровичъ открылъ огромный сундукъ, въ которомъ хранилось принадлежавшее ему имущество, и досталъ изъ него свою завѣтную жестяную кружку.

— Слышите! слышите,—повторялъ онъ, потрясая ее надъ своимъ ухомъ:—тутъ есть на что расходиться!

— Алтынъ съ четвертью,—презрительно отозвался Иванъ Ивановичъ. Я-бы совѣтовалъ вамъ, для пополненія вашего капитала, еще немного по улицамъ походить, авось еще-бы кое-что набрали.

— Алтынъ съ четвертью!—возразилъ Макаръ Макаровичъ.—Охъ ужъ куда не шло! вотъ я покажу вамъ какіе у меня алтыны.

И Макаръ Макаровичъ распечаталъ свое казнохранилище и съ усиліемъ отперъ ржавый замокъ.

— Что, это по-вашему алтынъ съ четвертью, что-ли?—спросилъ онъ, потрясая за уголокъ пятирублевую депозитку:—а это тоже, не бось, алтынъ?—продолжалъ онъ, расправляя десятирублевую:—и это тоже алтынъ... и это тоже... и это?

Такъ перетресъ онъ весь свой капиталъ, оказавшійся довольно значительнымъ и котораго Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ предполагать въ его распоряженіи.

— Не только какую-нибудь картину, васъ куплю, протянулъ насмѣшливо Макаръ Макаровичъ; а потомъ, какъ-бы обезсиленный такимъ продолжительнымъ разгорячennымъ состояніемъ и устыдясь своего увлеченія, онъ продолжалъ тише и спокойнѣе:

— И изъ чего, послѣ этого было тебѣ такъ задирать кверху носъ, Ваня—изъ какой-нибудь ничтожности, въ которой можно-бъ было условиться по пріятельски: я не прочь былъ-бы подѣлиться выгодами—я не торгашъ...

Этотъ оборотъ рѣчи видимо показывалъ, что Макаръ Макаровичъ ужъ простылъ и готовъ былъ рѣшительно все забыть и остаться прежнимъ Макаромъ Макаровичемъ съ одною своею мечтою и утѣшительною надеждою въ будущемъ на чудесное *авось*, когда новая выходка Ивана Ивановича уничтожила всякую возможность примиренія.

— Господинъ Ротшильдъ,—произнесъ Иванъ Ивановичъ:—если вы не дадите мнѣ покоя, я велю позвать дворника,—и съ этимъ словомъ онъ задулъ свѣчу, оставя Макара Макаровича въ потьмахъ собирать свое серебро и ассигнаціи.

Макаръ Макаровичъ только крикнулъ и, не возражая ни слова, улегся на свой диванчикъ. Досада душила его и отгоняла отъ него сонъ; наконецъ онъ началъ забываться; ему стало ужъ что-то грезится: предъ нимъ потянулась какая-то миртовая роща, заструилась рѣка, забѣлѣлся рядъ мраморныхъ статуй. Видъ этотъ смѣнился какимъ-то чуднымъ, необозримымъ городомъ, какъ вдругъ сильный стукъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Шумъ этотъ произвелъ Иванъ Ивановичъ, открывая комодъ. Высунувъ немного голову изъ-подъ своего одѣяла, Макаръ Макаровичъ началъ вглядываться и замѣчать, что онъ дѣлаетъ, и вдругъ волосы его стали дыбомъ. Иванъ Ивановичъ вынулъ изъ ящика портфель, открылъ его и началъ пересчитывать деньги. Радужныя сторублевыя ассигнаціи такъ и мелькали между его пальцами.

«Ого,—подумалъ Макаръ Макаровичъ, каковъ человѣчекъ?—Мнѣ какихъ-нибудь десяти рублей не можетъ отдать, а у самого чуть-ли не тысячи. Надо будетъ торопиться и предупредить его, а то въ-самомъ-дѣлѣ мнѣ точно не видать картины, какъ своихъ ушей».

Иванъ Ивановичъ пересчиталъ деньги, положилъ ихъ опять въ комодъ и, замѣтивъ на немъ переброшенное пальто Макара Макаровича, бережно сложилъ его, завернулъ въ свой самый лучшій сюртукъ и припряталъ въ уголъ за стоявшія въ немъ рамы, натянутыя полотномъ, такъ-что Макаръ Макаровичъ, не будучи тайнымъ зрителемъ, никакъ-бы не могъ догадаться, куда дѣвалась эта его одежда, безъ которой ему нельзя было никакъ выйдти, потому-что на дворѣ слышались сильные порывы вѣтра и шумъ крупно падающаго дождя.

Макаръ Макаровичъ хотѣлъ было ужъ вскочить и какъ слѣдуетъ обойдтись съ Иваномъ Ивановичемъ за подобный поступокъ, какъ вдругъ лучезарная мысль освѣтила его.

— Зачѣмъ было Ивану Ивановичу такъ бережно свертывать и завертывать мое пальто въ свой новый сюртукъ, еслибъ онъ намѣревался сдѣлать мнѣ новую непріятность?—подумалъ онъ.—Нѣтъ, тутъ долженъ быть другой умыселъ: онъ, вѣрно, хотетъ выйдти прежде меня и заставить меня промѣшкать за поисками. Нѣтъ, голубчикъ, этого тебѣ не удастся, я самъ не промахъ. Посмотримъ, кто кого перехитритъ и что будетъ дальше?

И Макаръ Макаровичъ продолжалъ выглядывать изъ-подъ своего одѣяла, производя, чтобъ обмануть Ивана Ивановича, самое сильное храпѣнье.

Спрятавъ пальто, Иванъ Ивановичъ постоялъ немного въ раздумьи и, подойдя къ дивану, тихонько потрясъ Макара Макаровича за плечо. Макаръ Макаровичъ не двигался и продолжалъ храпѣть.

— Спитъ,—проговорилъ Иванъ Ивановичъ,—теперь можно! И съ этимъ словомъ онъ снова подошелъ къ комоду, вынулъ опять портфель, положилъ его въ карманъ сюртука и началъ одѣваться. Часы пробили пять.

— Ого, съ какихъ позаранковъ!—подумалъ Макаръ Макаровичъ.— Нѣтъ, братъ, шалишь, посмотримъ, уйдешь-ли ты безъ меня; положимъ, что при тѣхъ деньгахъ, которыя у тебя, картины мнѣ не купить, но за то она не достанется тебѣ за какую-нибудь ничтожную цѣну: я ее набью. Картина эта тебѣ сокомъ придется.

И съ этимъ намѣреніемъ Макаръ Макаровичъ хотѣлъ приподняться и не могъ: ни руки, ни ноги его не двигались, какъ-будто его разбилъ мгновенный параличъ. Макаръ Макаровичъ хотѣлъ вскрикнуть, губы его не открывались: страшныя судороги свели и ихъ, а между-тѣмъ Иванъ Ивановичъ совершенно одѣлся и взялся ужъ за шляпу, но, взглянувъ на часы, опять положилъ ее на столъ, прошептавъ въ полголоса.

— Что я за глупецъ? ну могутъ-ли почесть меня за порядочнаго человѣка, когда я явлюсь въ такой часъ? да и трактиръ теперь запертъ.

— Да! для тебя запертъ только, можетъ-быть,—подумалъ Макаръ Макаровичъ;—много-же ты знаешь, когда трактиры отпираются; ахъ ты фертикъ!

Иванъ Ивановичъ снялъ сюртукъ и погасивъ свѣчу, снова прилегъ на кровать.

— Что еслибъ онъ заснулъ,—подумалъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что члены его начинаютъ получать движеніе,—я-бы не сталъ дожидаться; я-бы такого стречка далъ, что только держи.

Чрезъ нѣсколько минутъ Иванъ Ивановичъ точно уснулъ.

— Ну, теперь наша очередь,—прошепталъ Макаръ Макаровичъ, одѣваясь поспѣшно. Онъ досталъ свое пальто и уже подходилъ къ двери, когда Иванъ Ивановичъ перевернулся и кашлянулъ. Макаръ Макаровичъ приросъ къ мѣсту.

— Кто тамъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

Макаръ Макаровичъ притаилъ дыханіе и слыша, что Иванъ Ивановичъ старается сыскать спичку, легче тѣни возвратился на свое ложе и опять прилегъ. Долго лежалъ онъ; дремота опять начала смыкать глаза его, но онъ встряхнулъ головой и всталъ. Въ комнатѣ было темно, хоть выколи глазъ. Не обращая болѣе никакого вниманія на своего товарища, онъ вышелъ вонъ и почти бѣгомъ дошелъ до той харчевни, въ которой они были вчера. Харчевня была ярко освѣщена.

— Долго изволили замѣшкаться,—сказалъ ему половой,—а васъ здѣсь ждали, ждали, очень пѣняли, что вы не акуратны.

— Кто ждалъ меня? вскричалъ удивленный Макаровъ.

— Да вашъ товарищъ!

— Не можетъ быть,—возразилъ Макаръ Макаровичъ:—какъ, Иванъ Ивановичъ былъ здѣсь? это невозможно!

— Были и ужъ ушли?

— Давно?

— Съ часъ будетъ,—отвѣчалъ половой.

— Странно, прошепталъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что сердце его сильно забилось,—Неужели, едва сомкнувъ глаза, я проспалъ вторично такъ долго и проспалъ одѣтый? Комнатка свободна?—добавилъ онъ.

— Свободна. Въ ней приказано приготовить вамъ завтракъ...

Все болѣе и болѣе удивленный, Макаръ Макаровичъ поспѣшилъ въ каморку и первый взглядъ его упалъ на то самое мѣсто, гдѣ стояла

картина. Ее не было за печкой. У бѣднаго Макара Макаровича подкосились ноги! Столько усилій, столько торопливости—и быть такъ обманутому въ своихъ ожиданіяхъ!

— Гдѣ-же ваша головка?—спросилъ прерывистымъ голосомъ Макаръ Макаровичъ у половаго.

— Перенесена въ другое мѣсто. Товарищъ вашъ приказалъ перенести ее въ кухню, они купили ее, купили за десять рублей и...

— И?.. повторилъ безсознательно Макаровъ.

— И всю изрѣзали, такъ-таки всю, въ мелкіе клочки.

— Не можетъ-быть!—вскричалъ Макаръ Макаровичъ, не понимая самъ, какъ кажется, не сдѣлавъ даже шагу, онъ, вмѣсто каморки, стоитъ въ харчевенной кухнѣ передъ картиной, которая, въ-самомъ-дѣлѣ находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Иванъ Ивановичъ точно изрѣзалъ ее. Какъ-будто освобожденные какимъ-нибудь волшебствомъ отъ сажи и копоти всѣ части картины отличались своею первоначальною свѣжестью. Тоны такъ какъ-то чудно сливались между собою, что можно было подумать, не живые-ли куски человѣческаго тѣла, разрѣзанные безжалостнымъ хирургическимъ ножомъ, трепетали предъ нимъ послѣдними усиліями жизни? Изъ груди Макара Макаровича вырвался какой-то дикій, отчаянный крикъ. Онъ рванулся впередъ, приподнялъ рамку надъ своей головою, желая разсмотрѣть, нельзя-ли будетъ какъ-нибудь исправить подобное разрушеніе, но руки его такъ дрожали, такъ судорожно хватались за бока рамки, что она распалась на части и сильно ударила его по головѣ. Макаръ Макаровичъ вскрикнулъ, закрылъ глаза и снова открылъ ихъ. Онъ лежалъ на своемъ диванчикѣ, совершенно раздѣтый; въ окно ярко пробивались солнечные лучи; часовая стрѣлка показывала девять часовъ. Иванъ Ивановичъ лежалъ на постели и спалъ глубокимъ сномъ!

— Такъ это только мнѣ грезилось! прошепталъ, отдуваясь, Макаръ Макаровичъ, такъ тяжело, какъ человѣкъ, вынырнувшій изъ воды. «Однакожь, сонъ этотъ долженъ быть не даромъ; онъ можетъ осуществиться. Отъ Ивана Ивановича теперь все можетъ статься. Если картина въ-самомъ-дѣлѣ можетъ достаться ему рублей за десять, онъ въ состояніи посягнуть на такое злодѣяніе, чтобъ только она не доставалась ни ему, ни мнѣ: нужно поторопиться!»

Когда Макаръ Макаровичъ немного прошелся, чувство негодованія къ Ивану Ивановичу нѣсколько охладѣло и онъ былъ ужъ способенъ разсуждать здраво, на что онъ рѣшался.

— Что если,—думалъ онъ:—я вчера какъ-нибудь увлекся и мнѣ въ темнотѣ показалось то хорошимъ, чего, можетъ-быть, нѣтъ въ сущности

и картина эта окажется неоригинальною, а копіею? Положимъ, что ее, можетъ-быть, и удастся купить дешевой цѣной, но на что она мнѣ пригодится? Копія, и притомъ такъ попорченная, кому нужна? Нужно будетъ зайдти къ *дѣду*, вытащить его съ собою и показать ему головку: дѣдъ не обманется, дѣдъ знатокъ!

И Макаръ Макаровичъ вернулся обратно и, ускоривъ шагъ дошелъ до Малаго проспекта семнадцатой линіи, отворилъ калитку у одного деревяннаго ветхаго домика; по скрипучей узкой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ и позвонилъ у клеенчатой оборванной двери, на которой красовалась большая мѣдная дощечка съ надписью: «Дмитрій Александровичъ Ларскій». Его-то называли между собою художники дѣдомъ, не потому, чтобъ онъ по лѣтамъ заслуживалъ это названіе, но потому, что Ларскій много видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку. Художественное поприще Ларскаго начиналось блистательно. Никто безкорыстнѣе его не былъ преданъ искусству, никто лучше не постигалъ его чудныхъ тайнъ и неуловимыхъ условій. Поѣздка въ Италію не была для Ларскаго мечтою, какъ для Макара Макаровича; онъ ужъ готовился оставить Петербургъ и ѣхать изучать высокія произведенія старой римской школы, неизуродованной корыстолюбивыми копистами въ Италіи.

Въ огромномъ домѣ, въ которомъ помѣщался въ скромной комнаткѣ Дмитрій Александровичъ, нанимала въ одномъ съ нимъ этажѣ и на одной лѣстницѣ квартиру одна вдова, больная и хилая. У бѣдной женщины, кромѣ шестнадцати-лѣтней дочери и двухъ малолѣтныхъ мальчиковъ, не было никакого существеннаго достоянія, на которое бы можно было ей разсчитывать, чтобъ оградить себя отъ нуждъ, которыя постоянно просились въ ея окна и двери.

У Ларскаго разрывалось на части сердце, когда къ хозяйкѣ его приходила, время отъ времени, сама больная, призанять нѣсколько полѣнъ дровъ, чтобъ вытопить остывшую комнату, или когда онъ замѣчалъ истомленное, безсонными трудовыми ночами, личико ея дочери. Личико это не было ни прекрасно, ни правильно, но печать безмолвной покорности своей участи придавала ему въ глазахъ Ларскаго типъ какой-то необъяснимой красоты. Они часто встрѣчались на лѣстницѣ и оба проходили мимо, не рѣшаясь поднять другъ на друга глазъ. Ларскій жилъ болѣе полугода, не рѣшаясь познакомиться съ своими сосѣдками и не находя къ нему ни малѣйшаго предлога. Правда, онъ былъ хорошо знакомъ съ маленькими братьями молодой цвѣточницы, которые за булки и гостинцы называли его дядею, правда, что иногда онъ, на послѣднія свои деньги, чтобъ доставить мальчикамъ средство къ дневному существованію, покупалъ у нихъ какой-нибудь ненужный ему ка-

ленкоровый розанъ; но тѣмъ и ограничивались всѣ его отношенія къ семейству вдовы. Наступало время выставки, на которой въ послѣдній разъ должно было явиться произведеніе Дмитрія Александровича; онъ долженъ былъ написать Измаила въ пустынѣ; исхудалые, блѣдные малютки, хорошенькіе собой, не могли быть лучшими моделями для Ларскаго. Вооружась всей своей рѣшимостью, онъ отправился къ своей сосѣдкѣ и, запинаясь, объявилъ свою просьбу.

— Ахъ, батюшка!—вскричала мать:—очень вамъ благодарна; но только признаться сказать: не въ чѣмъ имъ списываться-то порядочно; рубашонокъ приличныхъ сдѣлать еще не собьюсь. Что хорошаго, когда вы представите передъ публикой моего Ванюшу, или Петрушу, какимъ нибудь нищимъ?

— И нищимъ очень хорошо можно представить,—отвѣчалъ простодушно Дмитрій Александровичъ. Вотъ, напримѣръ, нищій Мурилло—загляденье! что за нищій!

— Нѣтъ, батюшка, отозвалась рѣшительно вдова:—благодарю васъ. Какъ мы ни недостаточны, а я не хочу выставлять на позоръ наши нужды; мы, слава Богу, ни къ кому еще руки не протягивали.

Ларскій насилу могъ втолковать гордой матери, въ чемъ заключается все дѣло. Насилу она согласилась, и привыкла понимать слово *натурщикъ* не въ такомъ недостойномъ ея званія значеніи, какъ она его понимала. Общее знакомство скоро завязалось и недостаточная вдова сильно полюбила Ларскаго за его добрый, скромный и степенный характеръ. Часто, долго глядя на него и на дочь, она глубоко вздыхала.

— О чемъ это вы изволите такъ вздыхать, Марья Петровна? спрашивалъ Дмитрій Александровичъ.

— Ни о чемъ; одна несбыточная мысль въ голову пришла—вотъ и грустно стало, отвѣчала вдова.

— Какая же? можно будетъ полюбопытствовать?

— Нѣтъ ужъ лучше не любопытствуйте: дурой и сумасшедшей, можетъ быть, меня назовете.

— Помилуйте! какъ я смѣю даже подумать это? возражалъ Ларскій: почему знать? горе горю рознь, можетъ-быть, и помочь ему можно будетъ.

— Нѣтъ, не поможете! да впрочемъ, въ этой мысли я о васъ только съ самой хорошей стороны думала. Я думала: Господи! отчего мы не богаты; я бы тогда, зажмурясь, выдала дочь съ большимъ приданымъ: ужь лучшаго и добрѣйшаго мужа не было бы для нея на свѣтѣ.

— Что-жъ, отвѣчалъ, замипаясь, Дмитрій Александровичъ:—развѣ безъ этого обстоятельства нельзя привести въ исполненіе этой мысли, если вы полагаете меня достойнымъ?

— Нельзя,—отвѣчала съ новымъ вздохомъ сосѣдка:—это значило бы нужду на нужду множить.

— Не полагайте, Марья Петровна, я несовсѣмъ бѣднякъ: у меня много есть кое-что для существованія и для того, чтобъ поддержать себя и семейство,—возразилъ Дмитрій Александровичъ.

— Ахъ, голубчикъ, что-же? извините меня и не обидьтесь.

— Все-съ! Десять ручныхъ пальцевъ, два глаза и, что́ еще больше, сметливый *нюхъ*,—пресерьёзно отвѣчалъ Ларскій.

— Нюхъ? это что́-же такое, батюшка? извините, не понимаю.

— Носъ-съ!

— Носъ-то какъ же можетъ въ чемъ-нибудь, въ семейномъ благополучіи, помощь принесть? право въ толкъ не могу взять,—вскричала съ удивленіемъ вдова, всматриваясь пристально въ Дмитрія Александровича и стараясь замѣтить, не смѣется ли онъ надъ нею; но выраженіе лица Ларскаго было серьёзно, тонъ его отвѣта отзывался самоувѣренностью.

— Носъ-съ, Марья Петровна,—отвѣчалъ онъ:—я принимаю въ этомъ отношеніи не настоящій носъ-съ — это художническое-съ выраженіе. Это значитъ, что я всегда могу найдтись, всегда окончить задуманное такъ, какъ слѣдуетъ: ни одной сильной тѣни, лишней не положить-съ, ни одного неприличнаго блика-съ, для какого-нибудь вычурнаго эффекта не сдѣлать-съ. Вотъ что́ значитъ, носъ-съ слѣдовательно, съ этакимъ качествомъ и деньги всегда можно будетъ имѣть.

— Такъ! можетъ-быть, это и такъ; но все это только одно авось, а на немъ не далеко уѣдешь,—возражала сосѣдка.

И разговоры объ этомъ предметѣ замолкали, и Дмитрій Александровичъ самъ чувствовалъ, что однихъ надеждъ и твердаго намѣренія трудиться, какъ слѣдуетъ, и какъ только онъ въ состояніи, недостаточно для существенности. Разсудокъ началъ скоро заглушать говоръ сердца; образъ молодой дѣвушки сталъ блѣднѣть въ его воображеніи; онъ началъ сбираться въ Италію и съ восторгомъ говорилъ о томъ, какія чудеса искусства будутъ служить ему моделями. Глаза молодой сосѣдки стали какъ-то въ это послѣднее время краснѣе, каленкоровые цвѣты, которые выходили такими свѣжими и натуральными, изъ-подъ руки ея, показались Ларскому какъ-будто хуже.

Оставалось не болѣе двухъ недѣль до конечнаго срока отъѣзда, когда въ семействѣ сосѣдей началась разыгрываться печальная драма.

Мать троихъ сиротъ лежала при смерти, безъ всякой надежды. Стоя у изголовья умирающей, Ларскій понималъ, что все ужь кончено и что, черезъ день, черезъ два, и дѣвушка и мальчики останутся безъ всякаго покровителя; напрасно искалъ онъ какого-нибудь слова утѣшенія, и не находилъ.

— Кто-то будетъ теперь беречь, заботиться о васъ? стонала больная, прижимая плачущихъ дѣтей къ своей исхудалой груди:—ни родныхъ, ни близкихъ у васъ нѣтъ, кромѣ Бога.

— Успокойтесь, Марья Петровна, есть,—сказалъ вдругъ Дмитрій Александровичъ.

— Кто-же, голубчикъ?

— Я-съ!

— Вы, изъ-за тридевять земель—какъ это можетъ быть?

— Я не поѣду! Будьте покойны, говорю вамъ.

— А ваша будущность?

— Ну ее, будущность!

— А выгоды-то, а содержаніе-то, голубчикъ мой—зачѣмъ такъ безумствовать? Благодарю васъ, хоть за доброе слово. Кто могъ нашептать вамъ такое намѣреніе, если только оно искренно?

— Чувство, Марья Петровна, и Богъ! Я самъ сирота и знаю, какъ это состояніе жутко и круто, проговорилъ рѣшительно Ларскій.

И Ларскій остался! Что ни говорили ему товарищи, онъ отвѣчалъ упорно только одно:

— Что разъ сказано, то сдѣлано!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дмитрій Александровичъ сдѣлался отцомъ и покровителемъ чужаго семейства. Новыя нужды, новыя потребности посыпались ему, какъ снѣгъ, на голову. И, какъ нарочно, идеи самыя величественныя, самыя смѣлыя, композиціи самыя граціозныя и полныя изящества, которыя бы могли составить его славу, вертѣлись въ головѣ Дмитрія Александровича. Онъ покупалъ огромный холстъ на послѣднія свои деньги, принимался чертить и писать фигуры; группы начинали появляться и оживать подъ его кистью, полныя чудной естественности; колоритъ обманывалъ зрѣніе. Для полноты совершенства не доставало только одного: кончить этотъ трудъ, чтобъ стать на ряду съ великими художниками нашей школы—и что-же? Ларскій долженъ былъ бросать недоконченнымъ свое произведеніе! Голодъ, холодъ поселялись въ его квартирѣ въ то время, когда восторженное воображеніе находило новыя силы, отыскивало новыя розмахи кисти, чтобъ придать написанному бо́льшую жизнь, бо́льшее правдоподобіе. Дмитрій Александровичъ долженъ былъ все бросать и дѣлаться

ничтожнымъ поденщикомъ; долженъ былъ писать наскоро, чтобъ заработать импровизированной семьѣ своей средства къ дневному пропитанію, не зная и не вѣдая, чѣмъ будетъ существовать оно на другое утро. Самою выгодною работой казались ему копіи съ древнихъ художниковъ: онъ постигъ всѣ особенности ихъ манеры, работалъ неутомимо и быстро, и тотчасъ же сбывалъ съ рукъ одному смышленому торговцу, который какъ-то искусно коптилъ произведенія Дмитрія Александровича и потомъ путешествовалъ съ ними по ярмаркамъ, украшая самодѣльными Сальваторами-Роза, Тиціанами, Рембрандтами картинныя провинціальныя галереи.

Когда Макаръ Макаровичъ вошелъ къ Ларскому, тотъ, завернувшись въ женинъ салопъ, преприлежно трудился надъ окончаніемъ изображенія чьей-то болонки. Много недоконченныхъ и едва начатыхъ картинъ, свидѣтельствовавшихъ, что онъ можетъ сдѣлать многое для искусства, висѣли по стѣнамъ.

— Славная вещь!—началъ Макаръ Макаровичъ, послѣ обычнаго привѣтствія, чтобъ начать разговоръ:—копія съ чего-нибудь, дѣдушка?

— Оригиналъ-портретъ, лаконически отвѣчалъ Ларскій.

— Выгодная работа?

— Десять рублей; четвертую ужь пеку. Хорошо бы можно было отдѣлать; пройдти немного, поокруглить кое-что, перчику кое-гдѣ задать, да некогда, кончить надо.

— А я, къ тебѣ съ просьбой, дѣдъ: хочу тебя стащить кое-куда.

— Гм! Куда же?

— Картиночку одну удалось подмѣтить, такъ хотѣлось-бы знать какого она мастера; долженъ-быть, оригиналецъ. Пойдемъ вмѣстѣ, посмотримъ, дѣдъ—очень одолжишь.

— Гм! у тебя обѣдъ нынѣче есть?—спросилъ, вмѣсто отвѣта, Ларскій.

— Есть, а что?

То-то и хорошо тебѣ разгуливать, а мы ужь другой день все только картофельничаемъ. Видишь лапка-то совершенно дрянь вышла, да такъ и останется: желудокъ говоритъ, что кончать надо.

— Подѣлимся, дѣдъ, обѣдомъ, пойдемъ только.

— Гм! вотъ это другое дѣло, тогда, пожалуй, пойдемъ, а сколько можешь подѣлиться?

— Да рублика три, дѣдъ, могу тебѣ одолжить.

— Вотъ что Bon, то Bon! проговорилъ Дмитрій Александровичъ и потомъ закричалъ женѣ:

— Катенька *Александрычъ*!

Быть можетъ, читателю покажется страннымъ такое соединеніе женскаго имени съ мужскимъ окончаніемъ, и потому поспѣшимъ объяснить и эту особенность. Такое оригинальное названіе было придумано Ларскимъ въ знакъ того, что жена его, за неимѣніемъ прислуги, исполняла въ домѣ всѣ возможныя обязанности и была въ этомъ отношеніи очень похожа на патагонскую женщину. Она ходила на рынокъ, готовила кушанье, чистила платье Дмитрію Александровичу, ходила, по его порученіямъ, съ письмами, случалось даже, что чинила искусно шелкомъ лопнувшіе сапоги и мужа и братьевъ и отыскивала работу и себѣ и Ларскому; самъ же онъ только лѣниво принимался за заказныя ему картины,—ничтожныя, нетребовавшія ни вкуса, ни опытности, ни дарованія произведенія—и, получивъ какую-нибудь плату, производилъ совершенно восточный кейфъ, не заботясь нисколько объ окружающемъ его дѣйствительномъ мірѣ. Забота о будущемъ днѣ ни мало не обезпокоивала его; онъ жилъ только настоящимъ, повторяя пословицу: «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и деньги». Дмитрій Александровичъ любилъ жену и глубоко сознавалъ ея безропотную къ нему преданность, и потому, при первыхъ возможныхъ средствахъ, всегда старался, чтобы она, хоть на минуту, видя вокругъ себя вдругъ достатокъ, позабыла о неблагопріятной для нея существенности — о недостаткахъ, которые она испытывала, о будущихъ долгихъ лишеніяхъ, которыя ясно представлялись ей,—ей, думавшей не о себѣ собственно, но болѣе о мужѣ и мальчикахъ-братьяхъ. Твердо и положительно зная, когда сама она можетъ получить деньги за многія безсонныя ночи, проведенныя за неблагодарною работой, Катерина Александрычъ, которую привыкли такъ называть и всѣ пріятели Ларскаго, всегда узнавала, не спрашивая его даже, надѣется-ли онъ получить какую-нибудь работу или деньги, потому-что онъ измѣнялся уже съ ранняго утра. Онъ начиналъ все прилежно осматривать, замѣчалъ, что не глянцовитъ крашеный полъ, снималъ со стола ветхую скатерть и приказывалъ ее припрятать куда-нибудь въ кухню, и, обращаясь къ женѣ, говорилъ:

— Что это ты, Катенька, въ такомъ засаленномъ платьѣ ходишь? пора бы тебѣ его сжечь; надѣнь новое, смотрѣть непріятно! да у тебя, кажется, и помады нѣтъ? какъ же это не позаботиться? нужно было мнѣ сказать. Нѣтъ, я вижу, ты не хозяйка, мнѣ самому надо будетъ распорядиться. Погоди, погоди, впередъ всѣмъ буду распоряжаться я самъ.

И съ этимъ словомъ, Дмитрій Александровичъ, начиналъ одѣваться, скидалъ съ плечъ свой халатъ-салопъ, перетягивалъ, за неимѣніемъ по-

мочей, женинымъ шнуркомъ станъ свой и отправлялся къ двери съ видомъ очень озабоченнымъ и мрачнымъ.

— Нѣтъ-ли у тебя, Митя, сколько-нибудь мелочи на провизію? останавливала его жена.

— Нѣтъ; а что? спрашивалъ Ларскій.

— Какъ, что? прійдется цѣлый день безъ куска хлѣба голодать; вчера еще послѣдніе остатки вышли.

— Гм!—отвѣчалъ равнодушно Дмитрій Александровичъ:—что жъ, развѣ первый разъ случается? вѣдь до-сихъ-поръ не умерли же.—Если суждено голодать, такъ и поголодаемъ, а можетъ-быть, и не то будетъ; утро вечера мудренѣе.

И безъ дальнихъ распоряженій Дмитрій Александровичъ удалялся и пропадалъ иногда до вечеренъ. Громкій оглушительный звонъ колокольчика, при которомъ очень часто рвалась веревка, возвѣщалъ о его возвращеніи и онъ появлялся, нагруженный, какъ мулъ, всякой всячиной. Съ нимъ были и разные фрукты и разные сыры и разныя горчицы, помады, духи, чепчики, шляпки, игрушки для дѣтей и какой-нибудь новый дорогой платокъ на шеѣ у него самого. Платокъ бывалъ всегда самыхъ пестрыхъ радужныхъ цвѣтовъ и завязанъ самымъ огромнымъ, причудливымъ бантомъ, который нисколько не гармонировалъ съ истертымъ сюртукомъ и выношеннымъ бархатнымъ жилетомъ, купленнымъ когда-то тоже очень дорого, но въ настоящее время замаслянымъ и неимѣвшимъ многихъ пуговицъ, хотя заботливая рука Катерины Александровны и старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, исправлять ущербъ, произведенный безпечностью Дмитрія Александровича.

— Катенька,—говорилъ онъ женѣ:—принимай: вотъ тебѣ шляпка, во-первыхъ; посмотри, какая хорошая!

— Да куда мнѣ ходить въ этой шляпкѣ, развѣ на рынокъ? отзывалась Катерина Александровна.

— Ну такъ что-жъ? и ходи на него, на-здоровье. На вотъ, кстати, помаду и духи; понюхай, каковы духи?

— Когда-жъ я буду имѣть нужду ими душиться?

— Нынче! я ложу въ театръ взялъ. А посмотри, каковъ я себѣ платокъ пріобрѣлъ, пять рублей заплатилъ...

— Какъ у тебя изъ-подъ жилета грязная тесемка болтается... А помочи-то какой-нибудь полтинникъ стоятъ... Вотъ ты бы, вмѣсто дорогаго платка, лучше помочи себѣ купилъ...

— Помочи?—повторялъ Дмитрій Александровичъ, припрятывая болтающуюся тесемку:—ну объ этомъ, признаться, не догадался; да впрочемъ, и на что-жъ? полгода ходилъ безъ помочей, такъ какую-нибудь не-

дѣлю можно и въ этой сбруѣ пощеголять. А теперь, *Александрычъ*, вотъ тебѣ пять рублей и готовь обѣдъ, хорошій обѣдъ, чтобы можно и сыръ, и горчицу, и фрукты при немъ употребить, однимъ словомъ: чтобъ все было деликатно.

— Сперва еще дровъ нужно будетъ купить, замѣчала Ларскому Катерина Александровна.

— Ну, такъ и купи!

— Да въ лавку нужно заплатить: въ долгъ ужь не вѣрятъ; каждый день нѣсколько разъ приходятъ— просто стыдно!

— И заплати; кто тебѣ что́ противъ этого говоритъ?

— Такъ денегъ этихъ и не хватитъ; нужно еще будетъ добавить. Митя, дай мнѣ еще сколько-нибудь.

— А гдѣ мнѣ ихъ больше взять, у турецкаго султана, что-ли занять? отзывался Ларскій.

— Такъ на что́-жъ ты, послѣ этого, деньги то на такія причуды тратилъ, Дмитрій Александрычъ?

— Что-жъ мнѣ, въ прокъ, что-ли, нужно было ихъ солить? оправдывался Ларскій.—Вотъ тебѣ и спасибо! желалъ угодить, а вмѣсто того упрекъ заслужилъ. Ну, за что ты, Катенька Александрычъ, головой на меня киваешь? за что? Ахъ ты капризница этакая! Мужъ съ утра бьется, бѣгаетъ повсюду, все закупаетъ, крошки во рту не видалъ, а его за это чуть-ли за волосы не дерутъ! Эхъ Катенька, нехорошо, право нехорошо!

— Да какъ же тебя не упрекнуть, Митя,—прерывала его жалобы Катерина Александровна: — ты бы хоть о послѣзавтра подумалъ: что́ мы послѣзавтра будемъ дѣлать—сообразилъ ты это?

— Ну, послѣзавтра опять на картофель съѣдемъ,—отвѣчалъ равнодушно Дмитрій Александровичъ: да того не будетъ; за шляпку я двѣнадцать цѣлковыхъ заплатилъ, можно будетъ за половинную цѣну заложить; глядишь шесть рублей неожиданныхъ и есть...

— Чтобы потомъ все пропало, какъ и всегда случалось по нашей безпечности,—замѣчала Катерина Александровна.

— Экая бѣда! будутъ деньги, новую куплю. И чтобы прекратить непріятныя для него замѣчанія, Дмитрій Александровичъ добавлялъ:—не сердись, голубчикъ, Александрычъ, вѣдь ты у меня вѣрный слуга, только не сердись, впередъ, никогда этого не сдѣлаю Ну что, перестала сердиться? Нѣтъ, кажется, все еще губы надуты. Докажи, что ты не сердишься: надѣнь свою новую шляпку и поѣзжай съ дѣтьми прокатиться на пролеткахъ; посмотри, какія у меня славныя пролетки; барыней на нихъ по улицамъ полетишь!

— Такъ ты еще и пролетки взялъ! Къ чему жъ пролетки-то ты нанималъ?

— Эхъ, Катя!—возражалъ съ сердцемъ Дмитрій Александровичъ—какой ты дѣлаешь глупый вопросъ! какъ не промѣнять, если есть возможность, дурное на хорошее? На пролеткахъ не такъ трясетъ да и видъ ихъ гораздо лучше. Вѣдь мы съ тобою художники, неужели намъ не должно нравиться все, что только красиво и серьёзно? Надѣвай, надѣвай шляпку и ступай: ты знаешь, какъ мнѣ пріятно видѣть, когда ты весела и довольна.

— Мнѣ бы было пріятнѣй, когда ты не дѣлалъ-бы глупостей Митя; вспомни, что уже тебѣ скоро тридцать пять лѣтъ,—замѣчала Катерина Александровна.—Ну, что мнѣ твои пролетки? не хочу я ѣхать, отпусти ихъ, пусть лучше какой-нибудь полтинникъ у тебя въ карманѣ останется...

— Не хочу ничего слушать. Не трогаютъ тебя просьбы, то приказываю тебѣ кататься, возражалъ упрямо Дмитрій Александровичъ. И Катерина Александровна съ глубокимъ вздохомъ исполняла желаніе Ларскаго, одѣвалась и выѣзжала. Дмитрій Александровичъ долго любовался шляпкой и повертывался въ разныя стороны; самъ даже красовался въ ней передъ зеркаломъ, драпируясь въ салопѣ, и потомъ выходилъ даже на улицу и долго, съ великимъ удовольствіемъ, смотрѣлъ какъ лихой извощикъ мчалъ его Катерину Александровича и ея маленькихъ братьевъ.

Въ такой день, счастливый для его сердца и желудка, Ларскаго не могли соблазнить никакіе мелкіе, хотя и выгодные заказы. Среди избытка онъ гордо сознавалъ, все болѣе и болѣе блѣднѣющее, пламя своего прежняго таланта и въ головѣ его, одна за другою, толпились идеи о планахъ огромныхъ картинъ, которыя бы могли навсегда обезпечить его существованіе.

Проходилъ день, другой, и Ларскій прилежно чертилъ эскизы, очищалъ старое полотно, чтобы начать глубокообдуманный предметъ, но продолженія не слѣдовало, исчезала сперва шляпка, появлялся снова на сцену спасительный картофель; потомъ и отъ него оставались только одни обрѣзки и Дмитрій Александровичъ снова принимался или за какой-нибудь ландшафтъ, или за какую-нибудь кошку, моську и тому подобное, и писалъ съ плеча, чтобы поскорѣе доставить своей Катеринѣ Александровичу новую обнову. Она только молча вздыхала.

Таковы были Дмитрій Александровичъ и Катерина Александровна. Но возвратимся къ прерванному разсказу и къ Макару Макаровичу, котораго мы оставили въ такомъ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Катерина Александрычъ,—повторилъ опять Ларскій,:—подавай поскорѣе одѣваться, тащи сапоги, сюртукъ и прочее, да живѣе; неповоротливый ты этакій камердинеръ!

— Куда это ты?—сдѣлала вопросъ Катерина Александровна:—вѣдь ты, кажется, собачку нынѣче намѣревался дописать...

— Ну ее, противную! она мнѣ душу всю поворачиваетъ: чрезъ нее я такой чудный сюжетъ долженъ былъ бросить, что другой разъ подобный никогда и въ голову не придетъ.

— А вѣдь денегъ-то у насъ опять ни копѣйки нѣтъ!

— То-то и есть что имѣются. Вотъ тебѣ три цѣлковыхъ: возьми и распорядись, какъ слѣдуетъ; телятинки хорошей купи, да арбузецъ я видѣлъ, прекрасный арбузецъ, приторгуйся и къ нему... Да что это у тебя за тряпка такая на шеѣ, Катя, виситъ... Купи ты себѣ новый платокъ—нынѣче-жъ купи, чтобъ я, вернувшись и не видалъ у тебя этой тряпки, а то, право, разсержусь и никогда не кончу этого завитаго пса. Ну, что стоишь? маршируй! попируемъ!..

— Ты, кажется, опять за прежнее, Митя,—замѣтила Катерина Александровна: — а твое слово?

— Ну, ну, дѣлай что́ просятъ, дѣлай въ послѣдній разъ только, и впередъ ужъ, какъ знаешь, такъ и поступай,—докончилъ Дмитрій Александровичъ, опоясывая свой станъ уже извѣстной читателю тесемкой, съ которою ему будто тяжело было разстаться. Одѣвшись, Ларскій снова закричалъ женѣ:

— Катинька Александрычъ, подай-ка мнѣ духи.

— На что тебѣ? вѣдь не на балъ ты идешь,—возразила на это требованіе Катерина Александровна.

— Что не на балъ, то не на балъ, разумную рѣчь пріятно и слушать,—согласился Дмитрій Александровичъ, — а все-таки почему не надушиться, когда они есть...

— А когда истинная необходимость придетъ, тогда ихъ, можетъ-быть и не будетъ. Что напрасно тратить?

— Ну, тогда обойдемся и безъ духовъ, а теперь подавай да не разговаривай, не ты покупала. И Дмитрій Александровичъ надушился и произнесъ съ самодовольствіемъ:

— Ну вотъ, какая разница: совсѣмъ другой человѣкъ! Ароматъ-то какой!

— Ну, нанимай, братъ, извощика!—сказалъ Дмитрій Александровичъ Макару Макаровичу, когда они вышли на улицу.

— Полно, въ такую прекрасную погоду!.. отозвался разсчетливый Макаръ Макаровичъ:—посмотри какое солнце-то.

— Для меня прекрасной погоды и непрекрасной также, при средствахъ, не существуетъ, прервалъ Ларскій:—я тогда только помню о своихъ ногахъ... Вѣдь денегъ-то у тебя сколько-нибудь осталось? Ты, я знаю, себѣ на умѣ: всѣхъ не отдашь!

— Есть маленько,—отвѣчалъ уклончиво Макаръ Макаровичъ, инстинктивно прикрывъ боковой карманъ.

— Ну такъ и нанимай! Я, изъ-за тебя, ни нынче, ни завтра, можетъ-быть, тридцати рублей не получу, такъ скаредничать не слѣдуетъ. Распоряжайся, побарствуемъ!

Макаръ Макаровичъ нанялъ извощика и они поѣхали. По дорогѣ мелькнула предъ ними вывѣска кондитерской.

— Зайдемъ, Макарычъ, пирожковъ перехватить,—сдѣлалъ предложеніе Дмитрій Александровичъ.

— Некогда, право некогда, дѣло спѣшное, отозвался съ умоляющимъ видомъ Макаръ Макаровичъ. Ты выслушай только въ чемъ вся сущность, и ты согласишься, что нужно намъ поспѣшать, а не то, все дѣло дрянь будетъ.

— Тебѣ нужно спѣшить, а не мнѣ, я не могу; я нынче ничего не ѣлъ; я припряталъ себѣ въ карманъ тридцать копѣекъ и хочу купить на нихъ пирожковъ.

— Да я угощу тебя всѣмъ, чѣмъ ты хочешь въ ресторацiи, упрашивалъ Макаръ Макаровичъ.

— Изъ трактира я какого-нибудь твоего поросенка въ карманѣ унести не могу, а я хочу одинъ пирожокъ съѣсть, а остальные женѣ въ гостинецъ принесу; она на меня теперь сердится, сильно сердится, я это знаю—и подѣломъ: я точно самый безалаберный человѣкъ. Сѣчьбы меня да сѣчь. Просто, трачу деньги на дымъ... Нѣтъ, нынче было въ послѣдній разъ...

И Макаръ Макаровичъ, кусая съ досады губы, долженъ былъ исполнить желаніе Дмитрія Александровича. Ларскій съѣлъ одинъ пирожокъ, приказалъ остальные завернуть въ бумагу, и вмѣсто того, чтобъ подойти къ двери, какъ Макаръ Макаровичъ, началъ внимательно разсматривать всѣ полки и ящики.

— Ну, пойдемъ-же, кажется теперь все,—произнесъ Макаръ Макаровичъ, притянувъ къ себѣ руку своего спутника.

— Нѣтъ еще не все, посмотри сколько тутъ хорошихъ вещей! Это что у васъ за бархатная коробка, стоитъ на полкѣ? спросилъ Дмитрій Александровичъ у трактирщика.

— Бомбоньеръ!

— Покажите-ка ее?

— Что попустому смотрѣть, вѣдь ты ее теперь не купишь! замѣтилъ Макаръ Макаровичъ, прижавъ довольно сильно руку Дмитрію Александровичу и потомъ довольно ловко обхвативъ другою рукой его талію.

— Отчего не посмотрѣть хорошую вещь, если есть возможность? возразилъ Дмитрій Александровичъ.

— А что́ стоитъ? спросилъ онъ потомъ у прикащика, повертывая въ разныхъ направленіяхъ бонбоньерку.

— Шесть рубль!

— Какая дорогая цѣна! и за что? Бархату тутъ четверть аршина, еще и меньше, ну положимъ рубль, картону на десять копѣекъ, бордюръ на четвертакъ, да за работу, положимъ, хоть тоже рубль, слѣдовательно всего-на-всего эта ваша пирамида стоитъ два рубля тридцать пять копѣекъ,—разсчиталъ очень аккуратно и очень дѣльно Дмитрій Александровичъ.

— За фасонъ,—произнесъ значительно прикащикъ:—и за хорошій конфектъ, добавилъ онъ, сдунувъ съ бомбоньерки невидимую пыль и тоже внимательно осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ.

— А! вотъ оно что! Въ такомъ случаѣ оно, можетъ-быть, недорого. Отложите-ка мнѣ ее.

— Да гдѣ же у тебя деньги? проговорилъ въ полголоса Макаръ Макаровичъ, размахнувъ руками.

— Молчи, не твое дѣло! возразилъ Дмитрій Александровичъ... А это что́ у васъ за букетъ такой? добавилъ онъ, показывая на каленкоровые цвѣты въ картонной вазѣ.

— Для свадьба!

— А! хорошая вещь; покажите-ка ее. А что цѣна?

— Три рубль! Нѣмецка работъ.

— Дорого, очень дорого, недобросовѣстно дорого!.. безъ цвѣтовъ, цвѣтовъ мнѣ не нужно, что́ будетъ стоить одна ваза? Мнѣ она только потому нужна, что можно будетъ куда-нибудь на столъ поставить — одно украшеніе и больше ничего!..

— Два рубль, тоже нѣмецка работъ.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! вскричалъ Дмитрій Александровичъ; точно хорошая, но только дорога; да что-же, что нѣмецкая работа? что она, по-вашему? у нѣмцевъ двадцать пальцевъ, что-ли на рукахъ, что они лучше могутъ сдѣлать? не самъ же хозяинъ, нѣмецъ, надъ работой торчалъ; все, вѣдь, нашъ братъ, русскій дѣлаетъ, а вашъ братъ только чужими руками жаръ загребаетъ, пиво пьетъ да въ коляскахъ, за розданные гроши, за которые онъ рублями гребетъ, разъѣзжаетъ... Это не

модель, согласитесь, мейнъ либеръ, что это истинно не модель! Ну что въ ней драгоцѣннаго, въ этой вазѣ? вся-то она алтынъ стоитъ, алтынъ, откуда ни посмотри: картона на гривну, марморной бумаги на двѣ, да развѣ только, что вы красное вино, вмѣсто кваса, употребляете, можно, изъ совѣсти, какую-нибудь полтину лишнюю накинуть. (Дмитрій Александровичъ бывалъ всегда логиченъ въ своихъ сужденіяхъ). Хотите рубль? самая красная цѣна.

Нѣмецъ скривилъ презрительно губы, потрясъ головой и произнесъ:

— Не можно...

— Ну, полтора?

— Да на что тебѣ ее? вмѣшался снова Макаръ Макаровичъ и тотчасъ же былъ остановленъ тѣмъ же отвѣтомъ: «молчи, не твое дѣло!»

Дмитрій Александровичъ пересмотрѣлъ еще нѣсколько вещей, обсудивъ предварительно очень здраво ихъ настоящую цѣнность и потомъ, набравъ довольно-много, сказалъ:

«Отложите мнѣ, пожалуйста, все это въ сторону, чтобъ кто не купилъ у васъ ихъ. Хоть все это дорого, но я возьму. Я завтра долженъ получить тридцать рублей серебромъ—понимаете? дрейцигъ рубль зильберъ, ферштейенъ-зи? Ихъ махе хундъ—ферштейен-зи? и какъ получу за нихъ деньги, то тотчасъ-же и возьму... Жену хочется—ферштейен-зи? утѣшить: она у меня такая добрая, безотвѣтная; такъ отложите, завтра непремѣнно возьму; а за такое одолженіе я съ васъ фигуръ срисую, даромъ, я, надо вамъ знать, художникъ — ферштейен-зи?

— А что ты недавно, то-есть даже за минуту, дѣдушка, говорилъ? напомнилъ Макаръ Макаровичъ.

— Что я говорилъ? Мало-ли что я говорю; какъ мнѣ помнить? отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ.

— А то, за что ты желалъ, чтобъ тебя высѣкли—вотъ что! Теперь понимаешь?

— Правда, правда! согласился Дмитрій Александровичъ:—но ужъ это, даю честное слово, въ послѣдній разъ.

Дорогой еще Дмитрій Александровичъ старался было убѣдить Макара Макаровича остановиться и посмотрѣть развѣшенный на окнѣ какого-то магазина дамскій платокъ, но Макаръ Макаровичъ оказался неумолимымъ, какъ смерть. Онъ съ такимъ плачевнымъ видомъ представилъ Ларскому всю необходимость поспѣшить, объяснилъ ему все такъ откровенно, что Дмитрій Александровичъ убѣдился и отвѣчалъ:

— Да, это, разумѣется, другое дѣло, и благодарю, что ты во мнѣ не сомнѣвался: я точно готовъ скорѣе съ шарманкой идти, чѣмъ перебить дорогу къ выгодамъ. Посмотримъ, посмотримъ твою картину. Я

тебѣ про нея откровенно все выскажу; я лукавить и подкапываться ни подъ кого не намѣренъ...

Макаръ Макаровичъ ничего не отвѣчалъ и только понукалъ извощика, хоть конь его и скакалъ самымъ правильнымъ курцъ-галопомъ. Наконецъ они подъѣхали къ харчевнѣ. Макаръ Макаровичъ спрыгнулъ легко еще на ѣздѣ, какъ сильфида, и торопливо вошелъ въ заведеніе, таща за собою Дмитрія Александровича, и такъ торопилъ его перейдти въ благородную половину, какъ-будто до нея оставалось нѣсколько верстъ, и отъ каждой лишней минуты зависитъ все его земное благополучіе. Сердце его сильно забилось какимъ-то безотчетнымъ трепетомъ, когда онъ, увидя драгоцѣнную для него каморку, долженъ былъ спросить у половаго: есть-ли въ ней кто; ему такъ и казалось, что онъ увидитъ въ ней Ивана Ивановича, торжествующаго, обладающаго уже картиной. Макаръ Макаровичъ радостно отдулся, когда половой отвѣтилъ ему съ низкимъ поклономъ.

— Пожалуйте, можете распоряжаться.

Макаръ Макаровичъ жадно устремилъ глаза въ уголъ печки— и кулакъ его быстро заходилъ предъ лицомъ Дмитрія Александровича.

— Жива, жива, канашка! проговорилъ онъ въ полномъ восторгѣ и подвелъ Ларскаго къ почернѣлому полотну.

Между-тѣмъ, по уходѣ Макара Макаровича, вскорѣ проснулся и Иванъ Ивановичъ первымъ порывомъ его было взглянуть на клѣтчатый диванчикъ; на немъ лежало лишь шерстяное одѣяло. Иванъ Ивановичъ перенесъ взглядъ на то мѣсто, гдѣ находилось пальто и шляпа Макара Макаровича— ихъ также не оказывалось. Противъ своего обыкновенія, не потягиваясь, Иванъ Ивановичъ быстро вскочилъ и закричалъ сердито кухаркѣ, позабывъ обычное присвоенное ей названіе Филатьевны:

— Марѳушка, Марѳушка! гдѣ Макаровъ?

— Ушелъ-съ!

— А отчего ты не разбудила, когда онъ ушелъ? Что мнѣ, будильникъ, что-ли, нужно было ставить? самому цѣлую ночь не спать да караулить...

— Вы ничего не приказывали, отвѣчала оробѣвшая старуха, видя, что Иванъ Ивановичъ совершенно выходитъ изъ себя, позабывъ всѣ всегда имъ строго соблюдаемыя приличія.

— Молчи, продажная душа! Сама должна была догадаться: чай, разговоръ-то ты вчерашній слышала... Врешь, все врешь!.. За гривну какую-нибудь его, какъ вора, безъ всякаго шума, на цыпочкахъ, выпустила. Подавай сапоги, подавай все платье—скорѣй, алтынница!..

И Иванъ Ивановичъ одѣлся очень живо, не подумавъ даже о при-

стойномъ видѣ своихъ кудрей, даже, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни не умылся и уже торопливо отворялъ дверь, чтобъ взять въ кредитъ извощика, когда вопросъ, сдѣланный Филатьевной немного замедлилъ уходъ его.

— А галстухъ, развѣ вы нынѣче, Иванъ Ивановичъ, не надѣнете? спросила Филатьевна.

— Какой галстухъ?

— Да какой-нибудь: вѣдь шея-то у васъ голая.

Иванъ Ивановичъ схватился за шею, ощупалъ и увидѣлъ, что онъ точно былъ безъ галстуха, позабывъ, въ-торопяхъ, надѣть его. Онъ оплюнулся, повязалъ кое-какъ поскорѣе платокъ и опять уже повернулся къ двери, какъ былъ пріостановленъ вторичнымъ замѣчаніемъ:

— Да вѣдь я полагаю, что и безъ шляпы, также, какъ и безъ галстуха, вы не пойдете съ квартиры; вѣдь нынѣче не святки, чтобъ вамъ туркомъ на улицу выходить.

Иванъ Ивановичъ снова отплюнулся, увидавъ, что на головѣ его надѣта въ-самомъ-дѣлѣ красная суконная феска — постоянный его ночной калпакъ, для сбереженія правильнаго извива длинныхъ волосъ, которую онъ долженъ былъ замѣтить, еслибъ не былъ такъ озабоченъ и взволнованъ, потому-что длинная шелковая ея кисть довольно сильно била его уши, падая чуть-ли не на самое плечо.

— Ну, осмотри меня, еще нѣтъ-ли чего? сказалъ онъ глухо кухаркѣ, не довѣряя уже ни самому себѣ, ни своему зрѣнію.

— Все теперь, кажется, на мѣстѣ и какъ слѣдуетъ, отвѣчала Филатьевна:—только лицо-то у васъ, батюшка...

— Ну, что лицо?

— Какъ будто-бы не свое, а чужое...

— Не твое дѣло замѣчать, какое у меня лицо,—докончилъ грозно Иванъ Ивановичъ, хлопнувъ дверью, чувствуя самъ, что, въ настоящемъ его положеніи, въ той досадѣ, непонятной ненависти въ ту минуту къ Макару Макаровичу и оскорбленномъ самолюбіи его, довольно пріятныя черты точно должны были утратить нѣсколько свой видъ.

Не смотря на скорость ѣзды, Иванъ Ивановичъ значительно опоздалъ передъ Макаромъ Макаровичемъ: тотъ уже успѣлъ увѣриться, что онъ не ошибся и сердце его готово было выскочить отъ радости изъ груди, когда Дмитрій Александровичъ, послѣ долгаго внимательнаго осмотра, въ-продолженіе котораго ни одна черта холоднаго лица его не измѣнилась, произнесъ продолжительно:

— Это Рубенсъ!

— Шутишь?—проговорилъ Макаръ Макаровичъ чувствуя, что голосъ его дрожитъ.

— Чистѣйшій Рубенсъ, что шутить!—подтвердилъ снова Дмитрій Александровичъ.

— Такъ ты, дѣдушка, точно не шутишь? вторично спросилъ Макаръ Макаровичъ, какъ-будто полагая, что онъ ослышался.

Вмѣсто отвѣта Дмитрій Александровичъ только съ досадою отвѣчалъ:

— Послѣ этого ты, Макаръ Макарычъ, дуракъ!

— Спасибо, спасибо, дѣдъ, проговорилъ Макаръ Макаровичъ, стараясь облобызать Ларскаго, и вдругъ внезапно остановился на полупути отъ щеки отраднаго вѣстника. Этому изліянію признательности помѣшало появленіе половаго.

Восторгъ, сіяющая радость и самодовольствіе мгновенно исчезли съ лица Макара Макаровича; оно стало вдругъ холодно, какъ мраморъ и даже какъ-будто немного безсмысленно и тупоумно. Макаръ Макаровичъ тоже бывалъ подъ-часъ лукавъ и себѣ на умѣ. Причиной такого видоизмѣненія было появленіе половаго, предъ которымъ Макаръ Макаровичъ не хотѣлъ показать, какимъ хозяинъ его обладаетъ сокровищемъ; онъ прехладнокровно приказалъ подать себѣ чаю и, какъ-бы, между прочимъ, указывая на картину, шутя спросилъ:

— А что, братецъ, это украшеніе завѣтное, что-ли у васъ, что такъ за печкой коптится?

— Да что-жъ, пусть ее коптится, вѣдь хлѣба не проситъ, отвѣчалъ половой.

— Не хочетъ-ли твой хозяинъ сбыть ее?—продолжалъ Макаръ Макаровичъ, стараясь насмѣшливо улыбнуться.

— Кому этакое добро можетъ понадобиться?

— Да хоть-бы мнѣ: ребятишки у меня знакомые есть, могу имъ подарить: пусть ею тѣшаться...

И тутъ, Макаръ Макаровичъ очень тонко и очень ловко освѣдомился о мѣстѣ жительства хозяина заведенія, которое оказалось въ томъ-же домѣ, но только совершенно въ противоположномъ полюсѣ. Чтобъ добраться до хозяина, Макару Макаровичу нужно было подняться изъподъ земли больше, чѣмъ на семьдесятъ ступеней къ небу.

— Чай и сахаръ,—произнесъ Макаръ Макаровичъ, знавшій этикетъ, видя, что хозяинъ упражнялся въ уничтоженіи чая:—я къ вамъ съ маленькою просьбою: не продадите-ли вы мнѣ одну картинку?... Позвольте спросить васъ объ имени?

— Былъ Трифономъ!

— А батюшка-съ?

— Михайлой именовали.

— Итакъ, Трифонъ Михайлычъ, не хотите-ли вы мнѣ картинку продать?

Освѣдомившись, какую Макаръ Макаровичъ желалъ купить картину, Трифонъ Михайловичъ внимательно оглядѣлъ художника съ ногъ до головы, чтобъ разсмотрѣть, не хмѣленъ ли онъ, и потомъ произнесъ:

— Отчего-жъ не продать, дѣло торговое; иной разъ какая вещь не потребуется, всяко случается. А что вы, примѣрно, пожалуете?

— Картинка-то совсѣмъ старая,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ, желая купить головку, какъ можно дешевле.

— Битая посуда два вѣка живетъ,—проговорилъ глубокомысленно Трифонъ Михайловичъ:—ужь что съ этимъ *ланшафтомъ* не приключалось, а все живетъ-себѣ да живетъ. Рамку-то изволили замѣтить? нѣмецкой работы!

— За рамку-то почти одну и можно дать,—подтвердилъ Макаръ Макаровичъ, и потому хотите десять рубликовъ?

— Маловато,—произнесъ Трифонъ Михайловичъ, который отдалъ-бы свое достояніе даже и за пять, но, по коммерческому правилу, хотѣлъ все-таки поторговаться, чтобъ попытать, не можно-ли пріобрѣсти какъ-нибудь еще нѣсколько неожиданныхъ рублей.

— Еслибъ не было у ней на щекѣ изъяну,—сказалъ Макаръ Макаровичъ, лишившійся на мгновеніе принятой имъ осторожности, можно-бъ было и гораздо больше дать, а теперь желаете получить пятнадцать?

— Маловато...—произнесъ опять Трифонъ Михайловичъ, и ужь отдѣлилъ отъ бороды свою руку и приподнялъ надъ головой, вѣроятно, чтобъ ударить его по ладони Макара Макаровича и произнести отрадное: «извольте», какъ вдругъ въ другой комнатѣ раздался вопросъ: «Здѣсь живетъ хозяинъ?» и вслѣдъ за этимъ, въ комнату вошелъ Иванъ Ивановичъ, запыхавшійся, немного растрепанный, но все-таки между-тѣмъ сохранившій, сравнительно съ Макаромъ Макаровичемъ, видъ франта. Макаръ Макаровичъ окаменѣлъ и только страшно заморгалъ глазами.

— У васъ внизу есть старая картина,—произнесъ Иванъ Ивановичъ, приступая прямо къ дѣлу:—хотите получить за нее пятьдесятъ рублей—сейчасъ и деньги на-лицо?

— Даю шестьдесятъ,—возвысилъ цѣну Макаръ Макаровичъ, полагавшій, что, можетъ-быть, Ивану Ивановичу въ-самомъ-дѣлѣ удалось перехватить гдѣ-нибудь денегъ.

— Семьдесятъ пять, если ужь на то пошло!—перебилъ Иванъ Ивановичъ.

— Восемьдесятъ! проговорилъ дрожащимъ голосомъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что ужь дальше этой цѣны ему нельзя идти, по неимѣнію наличнаго капитала, и при этомъ взглянулъ на Ивана Ивановича съ какимъ-то торжествующимъ видомъ.

— Даю двѣсти! вскричалъ Иванъ Ивановичъ, не разсуждая, что въ настоящую минуту у него не было даже и двадцатой доли этой суммы, и въ то же время значительно всунулъ руку въ пустой боковой карманъ.

— Да и двѣсти можно-бъ было дать, еслибъ она не была попорчена, серьёзно, съ видомъ самаго искренняго убѣжденія подтвердилъ Дмитрій Александровичъ.

Трифонъ Михайловичъ смотрѣлъ на художниковъ въ какомъ-то удивленіи, и потомъ лицо его приняло выраженіе глубокой озабоченности.

— И такъ желаете двѣсти? повторилъ Иванъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ же торопиться, возразилъ Трифонъ Михайловичъ,—отческое наслѣдіе! нужно-бъ съ хозяйкой посовѣтоваться. Картина нѣмецкой работы: пообмыть ее, такъ она такихъ-ли денегъ стоитъ; некогда было только ею заняться...

И Трифонъ Михайловичъ упорно стоялъ на своемъ словѣ и только обнадежилъ покупщиковъ при прощаніи слѣдующимъ отвѣтомъ...

— Милости просимъ черезъ денекъ, или черезъ два: тамъ увидимъ и потолкуемъ.

V.

РАЗСКАЗЪ КАКЪ НАЧИНАЮТЪ ДѢЙСТВОВАТЬ ТРИФОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ И ТЕРЕНТЬИЧЪ, И КАКУЮ ТЕРЕНТЬИЧЪ ОКАЗАЛЪ УСЛУГУ ТРИФОНУ МИХАЙЛОВИЧУ, И КАКЪ ТОТЪ ОСТАЛСЯ ЭТИМЪ ДОВОЛЕНЪ.

По уходѣ Ивана Ивановича и Макара Макаровича, Трифонъ Михайловичъ глубоко задумался. Наперерывъ, одинъ передъ другимъ, возвышаемая художниками цѣна заставила его сильно почесывать затылокъ и даже жалѣть, что онъ отпустилъ такихъ горячихъ охотниковъ. Неужели въ-самомъ-дѣлѣ картина стоила сто рублей и даже могла стоить больше, еслибъ время и сырость пощадили ея щеку? Это казалось Трифону Михайловичу невѣроятнымъ. Онъ приказалъ снять головку со стѣны, перенести въ свою квартиру и начиналъ внимательно осма-

тривать со всѣхъ сторонъ. Картина, какъ мы уже сказали выше, была черна и грязна; чтобъ получше судить, что въ ней особенно замѣчательнаго находили наши художники, Трифонъ Михайловичъ потребовалъ кипятку и мыло, и кухарка его сдѣлала ей мочалкой приличное обмываніе, при которомъ онъ самъ присутствовалъ, отдавъ слѣдующее приказаніе:

— Да ты песочку, песочку мелкаго немного, дура, въ мыло подпусти, только, смотри, дѣйствуй повѣжливѣе, чтобъ шкуру не содрать.

Трифонъ Михайловичъ опять внимательно оглядѣлъ головку, перенесъ съ нея взоръ на свое собственое изображеніе, написанное цвѣтно, ярко и отчетисто, въ самомъ сильномъ свѣтѣ и окончательно пожалъ плечами отъ удивленія и недоумѣнія.

— Бываютъ же дураки на свѣтѣ: пробормоталъ онъ, позарятся же вѣдь на такую дрянь! Впрочемъ, въ-самомъ-дѣлѣ въ ней есть что-нибудь особенное; у всякаго свой вкусъ, отчего же, примѣрно и не задѣлать пятна? Изъянъ, какой бы онъ ни былъ, всякому товару цѣну сбавляетъ, тѣмъ болѣе въ картинѣ и на такомъ мѣстѣ; да и стóить, можетъ, самая лучшая поправка, очень недорого, гривна какая-нибудь—и больше ничего, и онъ возвысилъ голосъ:

— Капитолина! а Капитолина! закричалъ онъ; — подь-ка ты ко мнѣ, молодица; добѣги-ка до Терентьича да скажи ему, чтобъ онъ пришелъ сюда: работа, молъ, есть маленькая.

Терентьичъ былъ лицо замѣчательное въ своемъ родѣ. Съ молоду артистическое его поприще началось треніемъ на камнѣ бѣлилъ, охры, сажи и мѣдянки, замазываньемъ стеколъ и расписку оконъ, заборовъ, стѣнъ и крышъ. Съ лѣтами, когда природныя его дарованія начали замѣтно развиваться, онъ перешелъ отъ этихъ грубыхъ занятій къ болѣе нѣжнымъ и началъ расписывать фресками потолки тѣхъ квартиръ, которыхъ жильцы до того непритязательны, что имъ все равно, какія у нихъ изображенія надъ головами, только бы что-нибудь да пестрѣло. Набивъ достаточно руку надъ трафаретами, райскими птицами и плодами самыми невиданными, Терентьичъ пошелъ еще выше и нарисовалъ на своемъ вѣку столько арбузовъ, кренделей, сапоговъ, чайниковъ, курящихъ турокъ, разряженныхъ франтовъ, полунамыленныхъ и полузавитыхъ и дамскихъ румяныхъ лицъ, которыхъ колоритъ несильны были смыть ни снѣгъ, ни дождь—что еслибъ пришлось ему пересчитывать поодиночно всѣ свои произведенія, онъ бы рѣшительно сталъ въ тупикъ; а потому Терентьичъ, желая похвалиться своимъ трудолюбіемъ, искусствомъ и извѣстностью, вмѣсто своихъ твореній, всегда именовалъ лишь тѣ лица, которыя имѣли удовольствіе имѣть ихъ своею собственностью. Такъ, напримѣръ, Терентьичъ говорилъ:

— Ивана Мироныча я ублаготворилъ: Шумлу я возобновилъ; на Парижѣ моя рука побывала; въ Пекинъ кто не бось—я заглядывалъ... Кому Европа должна спасибо сказать? — мнѣ!

Вмѣстѣ съ искусствомъ и опытностью Терентьичъ соединялъ еще въ себѣ и то отличительное достоинство, что могъ въ своихъ произведеніяхъ измѣняться какъ хамелеонъ и проявлять различныя степени совершенства своего таланта, смотря по величинѣ вознагражденія и бо́льшаго или меньшаго интереса. Заказывалъ-ли ему кто работу, сильно прежде поторговавшись, за два рубля—талантъ Терентьича, самый пристрастный и снисходительный оцѣнщикъ, не оцѣнилъ бы даже выше грошемъ; подряжался ли онъ что-нибудь воспроизвести за пять или за десять рублей—геній Терентьича сіялъ всѣмъ своимъ пятирублевымъ или десятирублевымъ величіемъ.

— Да ужь вы не торгуйтесь, вы ужь пожалуйста не торгуйтесь изъ-за какого-нибудь лишняго рубля,—говорилъ Терентьичъ желавшимъ имѣть какое-нибудь произведеніе его работы:—рубль лишній въ живописи—важное дѣло; и листочекъ, глядишь, можно будетъ лишній поставить и крючечекъ какой-нибудь курьёзный завернуть, финтифлюшку какую-нибудь—знаете, воспроизвести по всѣмъ правиламъ и резонамъ. А то что? пожалуй, вамъ кто-нибудь другой и скинетъ рубль, да проку-то мало въ этомъ будетъ: форсу никакого не произведетъ; а ужь я такую, то-есть, лазурь наведу, что мое, почтеніе: однимъ словомъ, фронтисписъ—и больше ничего!..

Терентьичъ рисовалъ также и портреты, которыми всѣ оставались довольны, потому-что лица самыхъ геморроидальныхъ и лихорадочныхъ оригиналовъ, одарялись Терентьичемъ самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и имѣли все еще то художественное достоинство, что, поставленные вмѣстѣ, рядомъ, являли какъ-бы рядъ какой-нибудь фамильной галереи, по сходству чертъ и выраженія физіономій.

Вотъ къ какому лицу обратился Трифонъ Михайловичъ въ надеждѣ отъ услугъ его пріобрѣсти себѣ еще бо́льшій барышъ.

Наконецъ Капитолина возвратилась.

— Ну что,—спросилъ Трифонъ Михайловичъ:—застала Терентьича? дома онъ?

— Гдѣ-жъ ему, окаянному, быть больше какъ не дома.?

— Звала его?

— Дозовется теперь его кто! намирволился и рыломъ не ведетъ; «знать, говоритъ, никого не хочу; въ золотыя палаты, говоритъ, теперь работать не пойду, поработалъ, говоритъ, на своемъ вѣку — пора и честь знать!»

— Ишь его когда нелёгкая угораздила! проговорилъ съ досадою Трифонъ Михайловичъ и тутъ же значительно прищелкнулъ пальцемъ, добавивъ:

— А все-таки нѣтъ худа безъ добра! Подай-ка мнѣ, лебедка, шапку: схожу я за нимъ самъ, авось порастрясу.

Для полнаго очертанія личности Терентьича, необходимо добавить къ ней еще нѣсколько штриховъ. Служа усердно, по мѣрѣ силъ и способностей, Аполлону, Терентьичъ служилъ съ неменьшимъ рвеніемъ и Бахусу и почиталъ, какъ-бы даже обязанностью всегда дѣлать продолжительные отдыхи послѣ трудовъ своихъ, покуда полученная имъ за работу плата не переходила, до послѣдней копѣйки, въ другія руки. Тогда только Терентьичъ умѣрялъ свои порывы къ развлеченію, дѣлался необыкновенно угрюмъ, запрашивалъ вдвое и рѣдко когда сбавлялъ опредѣленную имъ цѣну, принимая при ней въ разсчетъ прогуленное имъ и желая его наверстать. Съ Терентьичемъ, въ здравомъ его состояніи, трудно было сладить, между-тѣмъ, какъ въ веселомъ расположеніи духа онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Правда, что въ такія минуты онъ хоть и заламывалъ цѣны еще огромнѣе, почти неслыханныя, но зато тотчасъ же и спускалъ ихъ чуть-ли не до самой ничтожной суммы. Въ такія минуты Терентьичъ брался за все и за какую угодно цѣну, исполнялъ заказанное очень скоро и, по какому-то странному закону опытности, или по привычкѣ, исполнялъ нисколько не хуже и не лучше всего имъ когда-либо произведеннаго. Съ Терентьичемъ въ подобныя минуты было еще тѣмъ пріятнѣе имѣть дѣло, что онъ бывалъ очень вѣжливъ и нѣженъ, лѣзъ каждый мигъ со всѣми цѣловаться, увѣрялъ въ своей преданности и даже, въ порывѣ какого-то великодушія, подновлялъ, поправлялъ и замалевывалъ даже то, о чемъ не торговались и за что онъ въ другое время потребовалъ бы особенной платы.

Когда Трифонъ Михайловичъ пришелъ къ Терентьичу, Терентьичъ лежалъ на постели и, держа въ рукахъ пойманнаго имъ таракана, по случаю своего одиночества, велъ съ нимъ разговоръ, доказывавшій, что онъ былъ въ самомъ хорошемъ и добромъ расположеніи.

— Ты у меня, пріятель, зачѣмъ по столу бѣгаешь да хлѣбъ мой кусаешь? говорилъ Терентьичъ:—нахлѣбникъ что-ли ты мой, работникъ, что-ли? что я кормить тебя долженъ—а?

И при этомъ Терентьичъ сильно грозилъ пальцемъ. Приходъ Трифона Михайловича прервалъ этотъ монологъ.

— А, благодѣтель! воскликнулъ Терентьичъ, подымаясь съ своего ложа и выпустивъ таракана, которому онъ прибавилъ:

— Ступай, бестія, такъ ужъ и быть, ступай; благодари Трифона Михайлыча, а не то бы я тебѣ свернулъ шею...

— Бѣжитъ, вѣдь бѣжитъ,—докончилъ онъ,—стало-быть, и у этихъ звѣрей въ головѣ есть мозгъ, началъ онъ, переходя съ рѣчью къ Трифону Михайловичу, который, желая обойдтись съ Терентьичемъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости, отвѣчалъ:

— Оно всеконечно, должно полагать, что есть: коли у насъ съ тобою, Терентьичъ, мозгъ въ головѣ есть, такъ почему же его и у другихъ не быть — дѣло вѣдомое!

— А вотъ, право какъ книга, вы говорите, Трифонъ Михайлычъ, вскричалъ Терентьичъ.—Позвольте за это поцѣловать васъ.

И Терентьичъ, утеревъ себѣ предварительно губы, запечатлѣлъ нѣсколько медленныхъ поцѣлуевъ на полныхъ щекахъ Трифона Михайловича.

— Довольны, много довольны, Терентьичъ, за пріятельство, произнесъ наконецъ Трифонъ Михайловичъ, видя, что рядъ поцѣлуевъ еще продолжается.

— Анъ вотъ и не то слово сказали,—возразилъ Терентьичъ:—чтобъ мнѣ васъ не цѣловать; да кого-же послѣ этого? Нѣтъ это вы совсѣмъ не то произносите. Ручку пожалуйте, пожалуйте мнѣ, скотинѣ, вашу ручку; скотина я предъ вами, предъ всѣми скотина: веду себя не такъ, какъ слѣдуетъ...

И Терентьичъ, несмотря на все сопротивленіе Трифона Михайловича, началъ кружиться вокругъ его туловища и ловить руку, которую тотъ отдергивалъ, повторяя:

— Да полно, Терентьичъ, зачѣмъ такія церемоніи соблюдать? мы не дамскаго происхожденія...

— Да ужь поймаю, поймаю,—твердилъ Терентьичъ.

— Довольно, Терентьичъ, произнесъ Трифонъ Михайловичъ, когда, наконецъ, Терентьичъ добился до своего желанія и вскричалъ самодовольно:

— Что́, чья взяла?

Тутъ Терентьичъ усѣлся снова на кровать, покачалъ сильно головою и проговорилъ:

— Да! нехорошо, совсѣмъ нехорошо!

— Что́ нехорошо, Терентьичъ? спросилъ Трифонъ Михайловичъ.

— А то, что я закувыркался, матинька моя. Охъ, еслибъ кто меня приколотилъ, ужъ вотъ, кажется, какое-бы спасибо сказалъ! «Бей, сказалъ-бы, дурака, бей: зачѣмъ работу оставилъ, зачѣмъ гуляешь».

— Поправимся, поправимся, Терентьичъ, перебилъ Трифонъ Ми-

хайловичъ: кто Богу не грѣшенъ? Вотъ и я къ тебѣ съ заказомъ пришелъ; правда дѣльцо совершенно дрянное, но все-таки ребятишкамъ на молочишко можешь выработать.

— Что-жъ, готовъ, ублаготворю, право ублаготворю! отозвался Терентьичъ.—Рококо какое-нибудь?.. Можно, все можно; для кого другаго нельзя, а для васъ все, Трифонъ Михайлычъ. Позвольте васъ поцѣловать.

И Терентьичъ снова утеръ себѣ губы и снова облобызался.

— У меня есть одна мордочка, продолжалъ Трифонъ Михайловичъ (называя такъ унизительно свою картину, чтобъ сторговаться съ Терентьичемъ какъ можно посходнѣе) совершенно старье да давно въ домѣ, такъ и хотѣлось-бы немножко ее того...

— Можно того, все можно! подтвердилъ Терентьичъ.

— На щекѣ маленько краска поотпала, такъ зачинить, зашпаклевать требуется.

— Можно.

— Ну, а что этакое обстоятельство, примѣрно по-твоему стоить можетъ, Терентьичъ; только-бы, знаешь, было, что называется, чистота въ отдѣлкѣ?..

— Какое обстоятельство и какая чистота, произнесъ Терентьичъ:— разные выходятъ случаи; можетъ-быть, карминъ потребуется... Нужно посмотрѣть, смекнуть... за глаза нельзя.

— Такъ пойдемъ!

— Гм! ухмыльнулся Терентьичъ. Вотъ у васъ сейчасъ ужь и закипѣло, будто-бы такъ больно къ спѣху! время мнѣ теперь нѣтъ: дѣла много; что изъ-за маленькой работы попустому изъ дому бѣгать? Время дорого; имъ какъ пескомъ бросать не слѣдуетъ.

— Полно, полно кобениться, Терентьичъ,—прервалъ Трифонъ Михайловичъ:—пойдемъ, посмотримъ, сторгуемся, а потомъ позакусимъ. Хочется пріятелю подарить къ одному экстренному случаю, такъ надо поспѣшить. Скупиться не буду, право нѣтъ.

— Чтожъ, пожалуй, подти можно; да вѣдь я дешево взять не могу,—заключилъ Терентьичъ, слѣдуя за Трифономъ Михайловичемъ:— хлопотъ полонъ ротъ; дешево не возьму, не тѣ часы.

Возвратясь домой, Трифонъ Михайловичъ приказалъ предварительно немного угостить Терентьича и потомъ поставилъ передъ нимъ картину.

— Ну вотъ,—сказалъ онъ, указывая на пятно, находившееся на щекѣ:—только и всего; единственно изъ одного каприза желательно по-

править, а то-бы и такъ обошлось. Хороша-ли картина, какъ по-твоему, Терентьичъ?

Терентьичъ посмотрѣлъ картину прямо, потомъ перевернулъ ее, постукалъ рукою по полотну и произнесъ:

— Живетъ-себѣ! Бываетъ, что и хуже поправляютъ...

— Чт-о? протянулъ Трифонъ Михайловичъ:—ахъ ты чистая душа въ потемкахъ! да знаешь ли ты, что эта картина-то заграничная и даже не простая, нѣмецкая, а подымай выше.

— Рафаила, небось? важно произнесъ Терентьичъ.

— Какого Рафаила?

— Какого? Извѣстно какого, одинъ только Рафаилъ и былъ, отвѣчалъ Терентьичъ:—набольшаго, головы, однимъ словомъ: заграничнаго цеха, того, который выдумалъ зеленую и голубую краску—вотъ какого!

Дальнѣйшихъ и болѣе точныхъ свѣдѣній о Рафаэлѣ Терентьичъ сообщить Трифону Михайловичу не могъ...

— Нѣтъ, не его, а какого-то другаго—отвѣчалъ трактирщикъ, а только тоже видно такого, который не лѣвой ногой себѣ носъ утираетъ... Люди такіе, братецъ, говорили, которые всѣ степени произошли...

— Да кромѣ Рафаила, кто-же по ихъ словамъ, не лѣвой-то ногой еще утираетъ,—произнесъ съ увѣренностью Терентьичъ;—не Рафаила, такъ и значитъ, что немногаго стоитъ. Вѣдь вотъ смотрите, точно ее всю кто сажей ощекатурилъ... Только одни черви, чай, еще не пробовали... А поправить можно, поотбѣлить, форсу кое-гдѣ задать... однимъ словомъ: лазурь, гдѣ слѣдуетъ, навести...

— И аккуратно можешь ты это сдѣлать, Терентьичъ?

— Еще-бы! Вѣдь я тоже, кажется, давно всѣ степени самъ происхожу, отвѣчалъ съ самоувѣренностью Терентьичъ.—Карпа Петровича не изволили знать? Вотъ ужъ былъ мастеръ, такъ мастеръ!.. Куда противъ него кому написать! да, и съ тѣмъ я вмѣстѣ работалъ. Бывало, ножки да складочки, да вѣнчики-то дописываетъ кто—Терентьичъ! Кто бордюрчики у него обводитъ—Терентьичъ! Да, мастеръ былъ!. а это не Рафаилова работа... ее всю почти переписывать нужно: стара больно... дѣло совсѣмъ вонъ изъ рукъ выходитъ.

— Ну, а что будетъ стоить, устроить все, какъ слѣдуетъ?—спросилъ Трифонъ Михайловичъ Терентьича, который снова началъ постукивать рукою по полотну и держалъ картину противъ свѣта.

— Трудно съ перваго раза сказать. Можно и за три рубля исправить, можно и до пятнадцати натянуть: какія употребятся краски. Бѣ-

лила обыкновенныя тутъ не годятся, нужно будетъ *крымъ шифервейсъ* употребить; и баканъ не годится, нужно будетъ карминцу подпустить.

— Да, да, чтобъ было все въ акуратъ,—подтвердилъ трактирщикъ.

— Рубликовъ десять, зажмурясь, можно потребовать!

— Эва!

— Меньше нельзя, много работы,—рѣшительно произнесъ Терентьичъ.

— Да какая-же? Лишай только замазать? Какая тутъ работа? Рублика полтора—по истинѣ будетъ безъ обиды...

— Нельзя! Нужно всю сажу, всѣ черныя мѣста поотбѣлить снова,—рѣшительно отозвался Терентьичъ.—Вотъ смотрите сами: что это, подъ носомъ за табакъ такой? словно кто чернилами мазнулъ... ради стараго знакомства, рубля два могу уступить, а ужъ больше невозможно, самому въ убытокъ будетъ.

— Ну, два рубли, Богъ ужъ съ тобой! малый-то ты серебряный!

— Семь—послѣднее слово! Нынче все дорого. Охра-то, не бось теперь поди сунься ее купить, такъ и отъѣдешь съ чѣмъ пріѣхалъ... а къ берлинской лазури лучше и рукъ не протягивай—такъ и обожжетъ... Семь рублей настоящая цѣна...

— Ну такъ и быть, три—и больше ни слова, произнесъ Трифонъ Михайловичъ, схвативъ руку Терентьича и ударяя сильно своею по его ладони.

— Чего нельзя того нельзя, повторилъ Терентьичъ:—сказалъ шесть съ полтиной, такъ ужъ и цѣлый вѣкъ буду твердить...

— Эй, три рублика, самая барская цѣна; полно все твердить одно и то же, какъ сорока про Якова...

— Нѣтъ, Трифонъ Михайловичъ, я человѣкъ прямой!..

— Послушай, да ты только послушай—экая ты голова неразумная, твердилъ Трифонъ Михайловичъ:—вѣдь три рубли не голышъ какой; ихъ ты на улицѣ не обрѣтешь; въ руку ихъ тебѣ никто, въ знакъ почтенія, не положитъ... Хуже будетъ, когда плюну на тебя, да на картину...

— Зачѣмъ плевать: она вещь, таки-такъ себѣ, всегда своихъ денегъ стоить будетъ, прервалъ Терентьичъ... Вотъ мое послѣднее слово: четыре... и меньше ни на волосокъ не могу...

— Развѣ ужь у вывѣски кое-что поправишь...

— Можно, все можно, отвѣчалъ Терентьичъ.

Торгъ былъ оконченъ. Терентьичъ въ тотъ-же день взялъ картину

и принялся за ея реставрированье. На прощанье, Трифонъ Михайловичъ несовсѣмъ увѣренный въ его художествѣ, не преминулъ, впрочемъ, замѣтить ему:

— Ты только смотри, братецъ, восторги-то свои поокорачивай; не слишкомъ своимъ рукамъ волю давай!

— Знаемъ это, знаемъ, отвѣчалъ на это Терентьичъ:—ужъ ублаготворю; а вотъ за десять-то бы рублей еще больше ублаготворилъ...

Чрезъ три дня Терентьичъ, сдѣлавшійся совершеннымъ безсребренникомъ и потому прилежнымъ до крайности, возвратилъ картину по принадлежности. Онъ поставилъ ее передъ свѣтомъ и началъ объяснять то, что было имъ исправлено.

— Дурными красками была написана,—замѣтилъ Терентьичъ, оттого и почернѣла; а я поправилъ теперь по чистой совѣсти, пензой сперва всѣ неровности счистилъ, да простыхъ бѣлилъ не клалъ, а все *крымъ шифервейсъ*—это такой голубчикъ, что никогда не пожелтѣетъ. Вотъ теперь картина и вышла хоть куда!

Трифонъ Михайловичъ оглядѣлъ ее и, стараясь скрыть радостную улыбку, произнесъ:

— Да, кажется, теперь живетъ-таки себѣ кое-какъ!

— Какой кое-какъ! совсѣмъ-таки живетъ,—возразилъ Терентьичъ:—красокъ-то на сколько окаянная съѣла; все однимъ карминомъ щеки ей пичкалъ, бакану хоть-бы на волосъ было. Фронтиспись — хоть кому хочешь покажи.

— Важнительно, важнительно! согласился Трифонъ Михайловичъ:—а все-таки слово-то свое не позабудь: вывѣску все-таки поправь...

И Трифонъ Михайловичъ тщательно завернулъ картину, въ ожиданіи случая сбыть ее за самую удовлетворительную цѣну.

Вечеромъ Трифонъ Михайловичъ снова открылъ картину и долго любовался ею при свѣчахъ. Густо покрытая лакомъ, она блестѣла точно зеркальная. Трифонъ Михайловичъ потеръ руки и проговорилъ:

— Да, теперь-таки можно будетъ завести другую рѣчь.

Между-тѣмъ ни Макаръ Макаровичъ, ни Иванъ Ивановичъ не дремали и дѣйствовали со всею энергіею, какую могло только внушить имъ желаніе восторжествовать надъ усиліями одинъ другаго.

Надлавъ такую значительную цѣну, Иванъ Ивановичъ разсчитывалъ, на одного человѣка, котораго онъ часто видывалъ у нѣкоторыхъ знакомыхъ ему дамъ. То былъ нѣкто Иванъ Тимоѳеевичъ Бобриковъ, холостякъ, лѣтъ пятидесяти, неимѣвшій во всю свою жизнь, кажется, ни

одной слабости, кромѣ маленькой страсти къ любостяжанію. Когда Иванъ Ивановичъ явился къ Бобрикову, тотъ сидѣлъ за чтеніемъ одной нравственной книги, и толстыя лоснящіяся черты его выражали какое-то умиленіе; на одномъ изъ его оловянныхъ глазъ сверкало даже нѣчто въ родѣ слезинки.

— Ахъ, маменька вы моя,—вскричалъ Иванъ Тимоѳеевичъ, касаясь толстыми своими губами щеки Ивана Ивановича:—сколько лѣтъ, сколько зимъ! По какому счастливому случаю?

— Да дѣло есть до васъ, да очень порядочное дѣло!

— Вотъ какъ! Что-жъ, мы отъ дѣлъ не бѣгаемъ; просимъ милости.

— Помощь ваша будетъ нужна, голубушка моя!

— Радъ помочь добрымъ людямъ! отвѣчалъ Иванъ Тимоѳеевичъ:—тѣмъ болѣе, что я вамъ скажу, кто прочтетъ эту книгу, тотъ ужъ, съ позволенія сказать, готовъ сдѣлаться рабомъ всему человѣчеству.

Тутъ Бобриковъ значительно похлопалъ по открытой предъ нимъ страницѣ.

— Душеспасительная эссенція, располагающая къ добру!—добавилъ онъ:—представьте себѣ: въ этомъ интересномъ предметѣ изображенъ здѣсь одинъ старецъ:—ну такъ бы его и расцѣловалъ! всѣмъ жертвуетъ для ближнихъ, рубашку свою послѣднюю отдаетъ неимущему безъ всякаго возмездія.

И Иванъ Тимоѳеевичъ съ чувствомъ потрясъ воротникъ своего халата и изъ его сѣрыхъ глазъ выкатилось нѣсколько слезъ. Успокоившись отъ минутнаго волненія, Бобриковъ спросилъ у Ивана Ивановича:

— А какого рода помощь: финансовая, что ли?

— Финансовая!

— Что-жъ, можно; не прочь служить ближнему; послѣ такого назидательнаго примѣра нужно быть каменнымъ, чтобъ, такъ сказать, не внять какому-нибудь этакому вонлю.

— Иванъ Тимоѳеевичъ, произнесъ Иванъ Ивановичъ:—хотите вы нажить на рубль три?

Бобриковъ посмотрѣлъ внимательно на Ивана Ивановича.

— Хе, хе! засмѣялся онъ потомъ:—какой вы дѣлаете странный

вопросъ! Ну кто жъ этого не хочетъ? разумѣется, давайте, давайте сюда этотъ случай...

— Только съ условіемъ.

— Магарычи, что ли? отчего же не такъ, если дѣло точно окажется выгодное: вѣдь я, согласитесь, человѣкъ.

— Нѣтъ, не магарычи, а все пополамъ, отвѣчалъ съ рѣшительнымъ видомъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ какъ вы нынѣче высоко летаете, Иванъ Ивановичъ! пожалуй, говорите въ чемъ же и штука?

— Извольте, скажу, только сперва сдѣлаемте письменное условьице, что весь барышъ пополамъ.

— Къ чему жь условіе-то между благородными людьми? возразилъ съ достоинствомъ Бобриковъ.

— Да такъ, все лучше-бъ!

— Гм! Почему же вы полагаете, что лучше, а можетъ-быть и не лучше, продолжалъ Бобриковъ:—неугодно ли вамъ прочесть кое-что въ этой книжечкѣ, такъ вы и узнаете, что бумагу попросту марать не слѣдуетъ. Честность, довѣренность, безкорыстіе душевное, преданность къ ближнему — вотъ въ чемъ все главное. Такъ въ чемъ же состоитъ ваше предложеніе?

— Картину вмѣстѣ купить — вотъ какое...

Бобриковъ съ изумленіемъ отступилъ отъ Ивана Ивановича и снова засмѣялся:

— Да полно здоровы ли вы, позвольте вамъ пульсъ пощупать, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ онъ.—Такъ на подобную-то дрянь и цѣнность вы хотите рубль на рубль и болѣе нажить? Нѣтъ-слуга покорный, мнѣ и даромъ такихъ преметовъ не нужно. Вотъ если бы серебро и золото, камешки какіе-нибудь, по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ пріобрѣсть—я не прочь, а всѣ эти искусства, науки и художества ничего для меня не стоютъ. А что, картина большая?

— Нѣтъ, маленькая.

— Въ какой нибудь драгоцѣнной рамѣ?

— Въ самой старой, обыкновенной.

— Еще лучше! Нѣтъ, родной, не съ руки!

Что ни говорилъ Иванъ Ивановичъ Бобрикову, какъ ни объяснялъ ему рѣдкость и цѣнность картины, Иванъ Тимоѳеевичъ твердилъ упрямо только одно:

— Я въ вашемъ предметѣ ни аза не смыслю Вы люди молодые, вамъ и ворона за сокола иногда покажется, а мы старые воробьи; что̀ и деньги даромъ проѣзжать! Съ серебромъ, съ золотомъ, съ камешками, милости просимъ.

Иванъ Ивановичъ удалился отъ Бобрикова, пылая на него самымъ сильнымъ гнѣвомъ. Иванъ Ивановичъ рѣшился даже обратиться съ займомъ къ ненавистному Крендельковy. Крендельковъ принялъ его ласково, наговорилъ ему очень много лестнаго о его талантѣ, о будущности, которая ждетъ его, но въ деньгахъ рѣшительно отказалъ словами самыми вѣжливыми и полными участія. Собравъ всю свою движимость, Иванъ Ивановичъ опять явился къ Бобрикову. Онъ разложилъ предъ нимъ свою шинель съ бобровымъ воротникомъ, свое зеркало въ черепаховой оправѣ, свои сигарочницы прекрасной французской бронзы, однимъ словомъ: все, что̀ только могло имѣть цѣнность. Изъ благородныхъ металловъ оказался только одинъ складной гребешокъ, да чайная и столовая ложки. Иванъ Тимоѳеевичъ, нечитавшій въ то время никакой назидательной книги, осмотрѣлъ все разложенное предъ нимъ съ величайшимъ вниманіемъ и произнесъ:

— Прекрасныя вещи, превосходнѣйшія! Я полагаю, что вы не одну сотню на нихъ убили, Иванъ Иванычъ.

— Одинъ боберъ полтораста рублей стоитъ,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вспомнивъ пословицу, что языкъ безъ костей, и не стѣсняясь въ количествѣ цѣны.

— Вѣрю, вѣрю,—подтвердилъ Бобриковъ:—какъ не сто̀итъ въ настоящее время и больше стоитъ; нынѣче мѣха куда какъ вздорожали!

— А суконце-то каково? замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, подставляя къ лицу Бобрикова капюшонъ.

— Деликатесъ сукно! подтвердилъ Бобриковъ. — Что же вы съ этимъ всѣмъ желаете дѣлать?

— Да хотѣлъ бы у васъ подъ это позаимствовать.

— Пожалуй; а сколько угодно?

— Двѣсти рублей.

— Иванъ Ивановичъ, голубушка моя! возразилъ Иванъ Тимоѳеевичъ: — что̀ вы!..

— Да вы сами же сказали, что одинъ боберъ болѣе полутораста рублей стоитъ, возразилъ Ивановъ.

— Ну что жъ, не отпираюсь, сказалъ,—отвѣчалъ Иванъ Тимоѳее-

вичъ. — Да вы сообразите, что̀ такое боберъ, хоть бы онъ и тысячу стоилъ—памятникъ, что ли, какой гранитный, пирамида египетская? Прахъ, тлѣніе. Случись пожаръ, или наводненіе — вотъ и адьё монъ плезиръ?

Насилу Иванъ Ивановичъ выманилъ у него двадцать пять рублей, но не совсѣмъ еще отчаялся:—въ головѣ его мелькнула надежда, хотя и шаткая.

— Отправлюсь нынѣче въ клубъ,—подумалъ Иванъ Ивановичъ:—и рискну поиграть въ карты: авось вывезетъ», и съ этой утѣшительной мыслью онъ началъ нетерпѣливо дожидаться вечера. Усталый отъ хлопотъ, Иванъ Ивановичъ прилегъ немного отдохнуть послѣ обѣда, приказавъ старухѣ разбудить себя въ назначенный часъ.

Было уже совершенно темно, когда проснулся онъ самъ, отъ волненія ли, отъ другаго ли чего; всѣ предметы представлялись ему неясно и принимали громадные размѣры. Онъ наскоро одѣлся, поѣхалъ и игралъ и выигралъ; кипа депозитокъ шелестилась въ его боковомъ карманѣ. Полный самаго радостнаго чувства, онъ не могъ спать и, дожидаясь другаго утра, бродилъ безъ цѣли по какимъ-то неизвѣстнымъ ему улицамъ.

Едва пробило только девять часовъ, сгарая отъ нетерпѣнія, позабывъ о приличіяхъ, Иванъ Ивановитъ, былъ уже въ квартирѣ Матрены Петровны.

— Куда вы? остановила его горничная:—барышня еще почиваетъ; вчера очень поздно сидѣла съ Крендельковымъ.

— Надѣюсь, что сидѣла въ послѣдній разъ, пробормоталъ Иванъ Ивановичъ и потомъ добавилъ громко:

— Нужды нѣтъ, разбуди! Есть очень важное дѣло; ты только скажи барышнѣ, что, молъ, Иванъ Ивановичъ пришелъ?

Сказавъ это, не помня совершенно, что̀ онъ дѣлаетъ, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ спальнѣ Матрены Петровны.

— Что вамъ угодно?—спросила Матрена Петровна.

— Пришелъ вамъ сказать, что мы теперь можемъ быть счастливы, произнесъ восторженно Иванъ Ивановичъ—Я богатъ! скажите: любите вы теперь Крендельков?

— Ненавижу!

— А меня?

— Люблю безъ памяти!

— Такъ пожалуйте, просуньте мнѣ вашу ручку,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, позвольте поцѣловать ее.

И Иванъ Ивановичъ готовился уже исполнить свое желаніе, когда чья-то тяжелая рука упала ему на плечо и вслѣдъ за этимъ раздался голосъ:

— Куда, куда? далеко кулику до Петрова дня!

Иванъ Ивановичъ обернулся; предъ нимъ стоялъ ненавистный Макаръ Макаровичъ. Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и проснулся. На плечѣ его точно лежала рука, но только кухарки. Богатство и благополучіе ему только грезились.

Иванъ Ивановичъ поѣхалъ въ клубъ, чтобы доѣхать скорѣе, на прекрасномъ извощикѣ; онъ игралъ; клубъ кончился; съ неба опять падалъ снѣгъ и дождь, но онъ возвратился домой уже пѣшкомъ.

Макаръ Макаровичъ дѣйствовалъ успѣшнѣе. Онъ объѣздилъ и обѣгалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ художниковъ и нехудожниковъ и, забывъ всю свою застѣнчивость и совѣстливость, съ такимъ отчаяннымъ видомъ просилъ у всѣхъ въ займы денегъ, какъ-будто ему пришлось хоть въ петлю лѣзть. Покрытый потомъ, съ всклокоченными волосами, едва переводя дыханіе отъ усталости, переходилъ онъ изъ дома въ домъ, подымался иногда до самыхъ крышъ, иногда спускался чутъ-ли не въ самые подвалы, и наконецъ успѣлъ увеличить основный свой капиталъ тридцатью рублями. До цѣны, предложенной Иваномъ Ивановичемъ, было еще очень далеко, но Макаръ Макаровичъ не унывалъ, въ умѣ его вертѣлась мысль переписать картины для всего Гостинаго ряда, во всѣхъ возможныхъ родахъ; онъ готовъ былъ даже красить крыши и стѣны, чтобъ только заработать остальную сумму; онъ чувствовалъ въ себѣ для этого, въ ту минуту, необыкновенныя силы и дѣятельность.

Макару Макаровичу было извѣстно, что Иванъ Ивановичъ не могъ еще купить картины, потому-что хоть они тотчасъ же и разстались и между ними посѣлилась открытая вражда, однакожъ, тайное наблюденіе за поступками другъ друга продолжалось очень дѣятельно. Макаръ Макаровичъ находилъ всегда случай столкнуться нѣсколько разъ въ день съ кухаркой Ивана Ивановича и спрашивалъ ее:

— Ну, что твой маляришка?

— Въ пальцы свиститъ.

— Право?—радостно переспрашивалъ Макаръ Макаровичъ и потомъ, невполнѣ еще увѣренный въ справедливости сказаннаго, не лѣнился

пройдти и мимо знакомыхъ Ивану Ивановичу извощиковъ, чтобъ спросить также и у нихъ: въ какія улицы ѣздилъ Иванъ Ивановичъ и платилъ-ли имъ наличными или оставался должнымъ. Справки оказались самыми благопріятными, тѣмъ-болѣе, что пѣшеходное возвращеніе Ивана Ивановича изъ клуба домой было передано кухаркою Макару Макаровичу съ выраженіемъ непритворнаго участія ея къ новому платью, и въ особенности къ новымъ сапогамъ бывшаго его пріятеля, а между-тѣмъ Макаровъ не былъ еще покоенъ вполнѣ. Иванъ Ивановичъ имѣлъ многочисленное знакомство и очень легко могъ кого-нибудь подбить, изъ зависти, на покупку головки. Сердце Макара Макаровича сильно билось, когда онъ, снабженный почти-что полною суммою, радостно выходилъ изъ дома, чтобъ сдѣлаться окончательно обладателемъ картины. Мысль эта, смѣшиваясь съ возможностью побывать въ Италіи, такъ занимала его и такъ онъ былъ ею весь проникнутъ, что нѣсколько разъ, замѣчая проѣзжающаго мимо извощика, онъ вскрикивалъ, въ разсѣянности:

— Извощикъ! въ Римъ.

— Въ Неаполь, развѣ, баринъ, на такую-то улицу, поправлялъ Макара Макаровича иной извощикъ, имѣвшій тоже кой-какія свѣдѣнія въ замѣчательныхъ географическихъ мѣстностяхъ.

Макаръ Макаровичъ приходилъ въ себя и еще быстрѣе продолжалъ идти впередъ, чтобъ завернуть въ разныя стороны, къ нѣкоторымъ товарищамъ, пригласить ихъ на свое торжество и даже угостить, какъ слѣдуетъ, на радости. Онъ зашелъ сперва къ одному своему хорошему пріятелю, котораго нѣжно звалъ Подмалёвочкой и, не объясняя ему прямо въ чемъ дѣло, съ таинственнымъ видомъ звалъ на пиръ. Человѣкъ пять набралъ такъ Макаръ Макаровичъ и, въ сопровожденіи всей толпы, слышавшей отъ него цѣлую дорогу только одинъ отвѣтъ: «увидите, увидите, и тогда вамъ небо съ овчинку покажется» дошелъ до скромнаго ресторана Трифона Михайловича.

— Что, хозяинъ дома? спросилъ онъ у половаго.

— Вышедши!

Самъ не зная почему, Макаръ Макаровичъ почувствовалъ, что сердце его вздрогнуло отъ этого очень обыкновеннаго и ничего важнаго въ себѣ незаключающаго вопроса.

— Мнѣ бы желалось поговорить на счетъ картины, началъ онъ опять нетвердымъ голосомъ.

— Можно-съ,—отвѣчалъ половой:—теперь она у насъ въ настоящемъ видѣ, умыта-съ, причесана-съ, извольте только любоваться...

— Право?—проговорилъ Макаръ Макаровичъ и тутъ-же прибавилъ: —а что, господинъ, который со мной былъ, не приходилъ къ вамъ?

— Не приходилъ.

Пугливое сердце Макара Макаровича совершенно успокоилось; ему чудилось уже, что картина въ его рукахъ, онъ ужъ любовался ею заранѣе, и приказавъ, тотчасъ-же его увѣдомить, когда вернется хозяинъ, распорядился на славу.

Потирая съ самодовольствіемъ руки, Макаръ Макаровичъ показалъ въ тотъ день щедрость необыкновенную, и поминутно кричалъ половому, чтобы онъ сбѣгалъ и справился: не пришелъ-ли хозяинъ? Наконецъ утѣшительный отвѣтъ произнесенъ! Макаръ Макаровичъ всталъ и, съ новымъ біеніемъ сердца, отправился къ Трифону Михайловичу.

— А я къ вамъ, все за тѣмъ же, произнесъ онъ.—Ну что, пообдумали-ли? желаете-ли продать картину?

— Продать, отъ чегожъ не продать!—отвѣчалъ Трифонъ Михайловичъ:—только теперь опять долженъ другой толкъ идти.

— Какой же другой?—спросилъ Макаръ Макаровичъ; больше двухъ сотъ рублей вамъ никто за нее не дастъ; спросите у кого хотите. Картина попорчена.

— То-то что не испорчена,—самодовольно возразилъ Трифонъ Михайловичъ; не угодно-ли полюбоваться, какъ мы ее пріумыли.

И, съ этимъ словомъ, Трифонъ Михайловичъ бережно снялъ полотно, которымъ была покрыта картина, реставрированная Терентьичемъ.

— Какова механика! произнесъ онъ: теперь за двѣсти-то рублей мы и ухомъ не поведемъ.

Макаръ Макаровичъ пригнулся и изъ губъ его вылетѣлъ такой звукъ, который заставилъ вздрогнуть не только Трифона Михайловича, но и всѣхъ присутствующихъ!

— Злодѣй! вскричалъ онъ; душегубецъ!

— За что же это-съ? — проговорилъ удивленный Трифонъ Михайловичъ.

— Такъ это-то твой хваленый оригиналъ!—спросили съ громкимъ смѣхомъ товарищи, приведенные несчастнымъ Макаромъ Макаровичемъ.

Не отвѣчая ни слова на этотъ насмѣшливый возгласъ, Макаръ Макаровичъ потупилъ голову и судорожно сжалъ руки. Какое тятостное чувство волновало его въ ту минуту; скорбь ли объ утраченномъ, для искус-

ства, прекрасномъ произведеніи, досада ли что онъ, такъ напрасно, не предвидя послѣдствій, поссорился съ Иваномъ Ивановичемъ, жалость ли что истратилъ столько денегъ и сдѣлался посмѣшищемъ товарищей? Неизвѣстно, только лицо его приняло такое страдальческое выраженіе что, кажется самому Трифону Михайловичу стало совѣстно за запрошенную слишкомъ уже высокую цѣну. У самаго его изобразился на лицѣ какой-то страхъ.

— Извольте ужъ такъ и быть, выкладывайте на чемъ порѣшили, согласился, помолчавъ немного, Трифонъ Михайловичъ, предчувствуя, что Терентьичъ, въ самомъ-дѣлѣ, могъ сдѣлать какую-нибудь маленькую ошибку.

— Съ тебя самого за нее ста цѣлковыхъ теперь не возьму, — отвѣчалъ на это раздосадованный Макаръ Макаровичъ.

— Такъ что-же, по вашему, стоитъ вещь? Ну, такъ и быть, угодно полтораста?

— Грошъ! произнесъ презрительно Макаръ Макаровичъ, захлопывая за собою дверь.

— Господинъ, получайте за сто! — прокричалъ вслѣдъ Трифонъ Михайловичъ, но Макаръ Макаровичъ не отвѣчалъ ни слова и бѣжалъ, сопровождаемый смѣхомъ пировавшихъ съ нимъ пріятелей.

Трифонъ Михайловичъ справился въ магазинахъ, въ Гостиномъ ряду, ему вездѣ отвѣчали:

— Картина не стоитъ теперь ничего!

— А прежде, когда она была старенькой? спрашивалъ Трифонъ Михайловичъ.

— Можно было-бъ и тысячу дать, на охотника.

— А! такъ стало быть, во всемъ, виноватъ Терентьичъ, проговорилъ Трифонъ Михайловичъ; примемся же за Терентьича! Докажу же я ему дружбу, голубчику! Будетъ онъ у меня помнить какъ неумытыми руками хлѣбъ соль брать!

И между Трифономъ Михайловичемъ и Терентьичемъ, какъ и между Иваномъ Ивановичемъ и Макаромъ Макаровичемъ, началась непримиримая вражда, хотя картина и была поставлена опять, не только на прежнее мѣсто, но, даже, въ залу, и даже возбуждала удивленіе, нѣкоторыхъ посѣтителей, румяностію своихъ щекъ и бѣлизною лица.

Примирятся ли, когда нибудь, враждующія партіи — неизвѣстно, только Терентьичъ утверждаетъ что онъ совершенно правъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. П. ГРЕКОВА.

I.

Ты помнишь: надъ ясной рѣкою
Стояли мы долго съ тобою?
Тѣснилась мнѣ въ душу печаль.
Ты взоромъ и грустной мечтою
Слѣдила за каждой волною,
А волны катилися въ даль.
Надъ берегомъ чайка носилась.
Ужъ солнце давно закатилось,

Заря погасала вдали...
Ты, молча, цвѣтокъ обрывала
И листики въ волны бросала,
И волны ихъ быстро несли.
И долго мы плакали оба.
Увы! разлучила насъ злоба
На много, на много годовъ,
За-то, что мы свято любили,
И правомъ страданья купили,
Здѣсь нѣсколько свѣтлыхъ часовъ.

—

II.

Души неразгаданной чада —
Волшебные звуки изъ сада
Несутся съ дыханіемъ розъ.
Но что-же вы значите, звуки?
Вы вѣстники-ль пламенной муки?
Вы вѣстники-ль сладостныхъ грёзъ?
Иль рветесь вы роемъ созвучій —
Глашатые жизни кипучей —
Изъ моря глубокаго слёзъ?
Какъ жизнь, вы всѣ полны загадкой:
Отъ васъ и заплакать такъ сладко,
И въ сладости вашей такъ много тоски!
Въ васъ все, что душа здѣсь любила,

Въ васъ слиты и жизнь и могила;
Вы всѣ, какъ душа, глубоки.
Но вотъ ужъ подъ сѣнями сада,
Души неразгаданной чада,
Вы, звуки, замолкли вдали!
Не долго вы здѣсь прозвучали,
Но много про жизнь мнѣ сказали
И въ душу глубоко легли.

—

III.

Довольно, о другъ мой, довольно!
Ни слова о прежнемъ, ни слова!
Я знаю: и грустно, и больно —
Но намъ не вернуть его снова.
Что счастье? пролетная птичка:
Мелькнетъ, обольститъ и промчится.
Утѣшься! есть въ жизни привычка!
А съ нею душа усмирится.
Зачѣмъ-же такъ бѣлая ручка
Трепещетъ въ рукѣ моей жаркой?
Смотри: вонъ, несется тамъ тучка,
Лучами облитая ярко...
Но мигъ — и сіянье исчезнетъ,
Оставя ей сумракъ ненастья!
Такъ въ жизни: не разъ въ ней воскреснетъ
И горе, и свѣтлое счастье.

Мы сами всѣ создали муки,
Приблизили день разставанья:
Простимся-жъ! За грустью разлуки,
Быть можетъ, таится свиданье.
А если... ну, что-же? Невольно
Мы жизни закону послушны:
Къ тому, что́ теперь намъ такъ больно,
Мы будемъ, повѣрь, равнодушны.

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ.

—

I.

ОПЕРА ДО МЕЙЕРБЕРА.

Прежде чѣмъ мы разсмотримъ произведенія великихъ композиторовъ, прославившихъ французскую сцену, взглянемъ на перевороты, которымъ подвергалась французская опера прежде, чѣмъ дошла до нынѣшней степени совершенства. Сколько было написано объ этомъ предметѣ! Можно съ достовѣрностью заключить, что музыка составляетъ такой предметъ споровъ, въ которомъ всего труднѣе согласиться.

Кто теперь помнитъ имена Перрена, вводителя посланниковъ при дворѣ Людовика XIII, и Камбера, директора музыки Анны австрійской, и однакожъ, они были истинными основателями французской оперы, потому-что нельзя называть операми уродливыя попытки Balet comique de la Royne въ 1582 году, данной въ царствованіе Генриха III при бракѣ герцога Жойёза съ дѣвицею Водемонъ. Въ этомъ представленіи участвовали Олимпъ, Главкъ, Цирцея, сатиры, тритоны, до-

бродѣтели, Меркурій, одѣтый въ свѣтлоалое атласное платье съ золотымъ позументомъ и съ парчевою мантіею фіолетоваго цвѣта. Сцены не имѣютъ никакой связи между собою, а музыка представляетъ сборъ чудовищныхъ мелодій.

Перренъ и Камберъ составили, кажется, компанію въ 1647 году для сочиненія французскихъ лирическихъ драмъ, по примѣру римскаго и венеціянскаго театра*. Первою ихъ пьесою была: La Pastorale, premiére comedie en musique, игранная въ Исси въ 1647 году. *Аріана* и *Адонисъ* не были представлены. Наконецъ въ 1669 родилась опера въ домѣ частнаго человѣка въ Исси; это была пастораль *Помона*, сочиненія Перрена и Камбера. Изъ этого видно, что дебюты оперы были скромны; но вскорѣ Людовикъ XIV поднялъ ее, создавъ *Королевскую музыкальную Академію*.

Изъ партитуръ Камбера остались только *Помона* и Peines et plaisirs de l'Amour, но, къ сожалѣнію, не цѣлыя По отрывкамъ видно, однако, что это былъ не геніальный человѣкъ, а подражатель итальянцевъ. Поэзія же Перрена не богата ни рѳмами, ни смысломъ, слѣдственно труды ихъ незначущи для исторіи искусства; но они доказали, что и французскій языкъ можетъ покоряться требованіямъ музыкальной драмы.

Сочиненія Камбера удостоились одобренія Людовика XIV и, вѣроятно, поприще его ознаменовалось бы успѣхомъ, еслибъ нѣкто Люлли, флорентинскій дворянинъ (какъ онъ самъ себя называлъ), поварёнокъ, композиторъ, скрипачъ, акробатъ, въ случаѣ нужды, не похитилъ у бѣднаго Камбера все: идеи, протекторовъ, скрипачей и привилегію. Послѣ этого Камберъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ умеръ съ отчаянія.

Люлли обязанъ былъ большею частью своихъ успѣховъ сотрудничеству Кино. Конечно, Кино не заслуживаетъ преувеличенныхъ похвалъ Вольтера, но стихи у него гармоническіе, хотя и слабые; сюжеты пьесъ его хорошо придуманы; часто у него проявляется истинная поэзія, такъ-что можно его и теперь читать, тогда-какъ *Армида* и *Атисъ*, вѣрно, насмѣшатъ при представленіи. Коротенькія аріи Люлли, длинные рѳчитативы, вѣчный звукъ басовъ съ неискусною инструментовкою флейтъ, скрипокъ, трубъ и литавръ теперь очень бы не понравились самому снисходительному судьѣ. Только музыка нѣкоторыхъ минуэтовъ, бурре, шаконнъ, съ меланхолическихъ оттѣнкомъ, одна сохранила свѣжесть и пріятность. Иногда, между этими неправильностями,

* Первая итальянская опера, данная во Франціи, была: La festa teatrale della finta pazza въ 1645 году, выписанная кардиналомъ Мазарини.

однообразными кадансами, утомительными повтореніями, являются проблески истиннаго генія, но это только на минуту. Прекрасный монологъ Армиды: enfin il est en ma puissance, арія Харона: il faut passer dans ma barque съ отвѣтомъ блуждающихъ тѣней: Caron, passe moi, и пѣснь Прозерпины составляютъ высокія внушенія, въ которыхъ Люлли сбросилъ съ себя избитыя традиціи старинной итальянской школы.

Какъ ни слаба музыка Люлли, но современники восхищались ею. Дворъ Людовика XIV, столь утонченный и просвѣщенный, плакалъ при плохомъ пѣніи г–жъ Лерошуа и Демастенъ, гг. Дюна и Дюмениля, какъ теперь плачутъ надъ мелодіями Россини и Мейербера. Г–жа Севинье превозноситъ въ своихъ письмахъ Люлли: «Была минута, когда всѣ плакали, говоритъ она. Не думаю, чтобъ можно было написать что-нибудь выше и прелестнѣе».

Потомство не подтвердило этой похвалы; оно отдало справедливость поэту, но не одобрило композитора. Современники восхищались, потому-что опера только-что начиналась и, какъ новость, была привлекательна. Наше время счастливѣе въ этомъ отношеніи: теперь основныя правила музыкальнаго искусства опредѣлены; и еслибъ успѣхи композиторовъ равнялись понятливости слушателей, искусство это достигло бы своего апогея.

Люлли написалъ болѣе двадцати оперъ, изъ которыхъ главныя: Армида (лучшее его сочиненіе), Альцеста, Изида, Амадисъ, Фаэтонъ, Тезей. Онъ также писалъ музыку для пьесъ Мольера: «Пурсоньякъ», «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», «Амуръ–врачъ», «Мнимый больной», также для многихъ балетовъ. Балетъ «Торжество любви» былъ прекраснымъ нововведеніемъ. При дворѣ танцовали его придворные дамы и кавалеры. Это смѣшеніе обоихъ половъ было такъ привлекательно, что когда дали этотъ балетъ въ Парижѣ на Оперномъ театрѣ, то ввели въ него и танцовщицъ, чего до тѣхъ поръ не было. Съ того времени танцовщицы составляютъ блистательнѣйшую часть балета.

Пройдя всѣ степени своего искусства, даже танцуя комическія роли, Люлли умеръ пятидесяти двухъ лѣтъ, достигнувъ высшей точки славы и счастія. Преемниками его школы остались два бѣдняка: Ламратъ и Коласъ, которые писали только партіи трубъ и литавръ.

По смерти Люлли, множество посредственныхъ поэтовъ: Данше, Руа, Каюзакъ, Фюзелье, соединились съ такими же посредственными композиторами: Детушемъ, Муре, Сенклеромъ, Мондонвилемъ, которые рабски продолжали подражать Люлли. Въ продолженіе четверти вѣка успѣхи музыки остановились, и однако же, въ это время было написано множество оперъ и оперъ–балетовъ. «L'Europe Galante» можетъ назваться ти-

помъ этого рода зрѣлищъ, который такъ нравился тогда. Балетъ этотъ раздѣленъ на *выходы*, неимѣющіе между собою связи. Сперва является на сцену Франція, потомъ приходятъ Испанія, Италія, Турція. Вмѣстѣ съ танцами поютъ онѣ небольшія аріи. Французы, испанцы, итальянцы поютъ по-французски, одни турки имѣютъ право пѣть по-итальянски. Балетъ Les Elémens состоитъ изъ четырехъ сценъ: воздуха, земли, огня, воды. Les sens основаны на подобномъ же подраздѣленіи. Сюжеты были всегда миѳологическіе. Боги Олимпа всегда напудрены и въ мушкахъ, въ робронахъ и фижмахъ. Вестрисъ танцовалъ Аполлона въ рыжемъ парикѣ, причесанномъ въ видѣ солнца, и съ мѣднымъ позолоченнымъ солнцемъ на груди.

Рамо былъ первымъ французскимъ композиторомъ, который дѣйствительно заслуживалъ это названіе. Онъ сперва написалъ оперу *Самсонъ*, на слова Вольтера, которую не приняли на театръ. Послѣ многихъ просьбъ, далъ ему аббатъ Пеллегренъ либретто: *Ипполитъ и Арисія* за 500 ливровъ, разсчитывая на паденіе оперы. Она была сыграна въ 1732 году, и всѣ поняли, что это сочиненіе выше Люлли.

Второю оперою Рамо была: *Касторъ и Поллуксъ*, игранная въ 1737 году. Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ ней зародышъ всѣхъ новѣйшихъ нововведеній. Были цѣлые нумера, гдѣ правила искусства уже угаданы, особливо въ аріяхъ. Дуэтъ былъ тогда высшимъ предѣломъ музыки. Квартетовъ, квинтетовъ и финаловъ не было. При сочиненіи хоровъ, партіи постоянно слѣдуютъ своей формулѣ. Фуга еще не была извѣстна. Рамо написалъ нѣсколько прекрасныхъ хоровъ въ Касторѣ и Поллуксѣ и въ Дарданѣ; но это то же, что танцовальные мотивы, только съ словами.

Рамо началъ писать уже пятидесяти лѣтъ, проведя всю молодость въ изученіи теоріи музыки. Онъ написалъ много оперъ, но всѣ онѣ какъ-то усыпительны, и ноты партитуръ похожи на таблицы логариѳмовъ. Одинъ писатель, разсердясь на всѣ эти ученыя теоріи, сказалъ однажды: «Рамо не тронется ни смертью жены, ни дѣтей, лишь бы струны вѣрно отзывались *двѣнадцатою* и *семнадцатою* нотою».*

Рамо умеръ восьмидесяти лѣтъ, въ 1764 году, за десять лѣтъ до перваго представленія *Ифигеніи* Глюкка, съ которой началась новая музыкальная эпоха.

Когда Рамо началъ писать оперы, пріѣхала въ Парижъ итальянская

* По законамъ звучащаго тѣла, струна на фортепьяно издаетъ ясный отголосокъ двѣнадцатой, потомъ семнадцатой ноты, а для тонкаго уха даже двадцать первой въ минорномъ тонѣ.

труппа, и король позволилъ ей чередоваться въ представленіяхъ съ французскою оперою. Два года давали маленькія оперы, или комическія интермедіи тогдашнихъ итальянскихъ композиторовъ: I Viaggiatori Лео, Il Giocatore Орландини, La Zingara Ринальдо да Капуа, Il maestro di musica, Перголезе, La scaltra Gavernatrice, Traccoldo и прочее. Труппа была довольно посредственная; но новость, пріятность языка, прелесть нѣкоторыхъ мелодій, хорошая метода пѣнія увлекли всѣхъ парижанъ. Возобновились всѣ музыкальныя и литературныя ссоры. Гриммъ и Руссо были предводителями партій французской музыки и итальянской. Литература была наводнена брошюрами, и обѣ партіи, отыскивая въ противникахъ всѣ недостатки, не видѣли, что каждая труппа имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства.

Въ 1754 году королевскій эдиктъ прекратилъ эти ссоры распущеніемъ итальянской труппы. Французская отъ этого не выиграла, потому что приверженцы итальянской музыки перестали ходить въ оперу. Чтобъ заманить ихъ и поддѣлаться подъ ихъ вкусъ, нѣкоторые композиторы вздумали написать комическія оперы въ подражаніе итальянскимъ. Такимъ образомъ Довернь написалъ Les troqueurs и la coquete trompée а Филидоръ Le sorcier и Le maréchal.

Вотъ начало комической оперы. Вдохновеніе ея было удачнѣе для французскихъ композиторовъ. Они всегда отличались болѣе вѣрностью сюжета, нежели музыкальными мыслями. Гретри, естественностью своихъ мелодій и изображеніемъ характеровъ заслужившій имя музыкальнаго Мольера, былъ вовсе неученый композиторъ. Хотя онъ нѣсколько лѣтъ и изучалъ теорію музыки въ Италіи, но въ немъ не было генія музыкальныхъ комбинацій, который дается природою, а не пріобрѣтается ученіемъ; оркестровка его неправильна, несвязна, дурна, и однакожь, въ *Люсили*, *Сильвенъ*, *Говорящей Картинѣ*, *Ричардѣ* какая свѣжесть мелодій, какая истина въ пѣніи! И теперь еще слушаешь ихъ съ удовольствіемъ, а тогда, послѣ блѣдныхъ композицій Дюни и Доверна, они имѣли самый блистательный успѣхъ.

Гретри былъ противникъ французской музыки. Въ трехактной своей операѣ *Судъ Мидаса* Аполлонъ поетъ на манеръ итальянцевъ, Марсіасъ и Мидасъ на французскій; а чтобъ актеры вѣрнѣе исполнили его намѣреніе, онъ написалъ имъ инструкцію, какъ выражать послѣдній родъ пѣнія: первый долженъ пѣть арію медленнымъ темпомъ; второй, дѣлать длинные кадансы, гдѣ только можно; третій, шевротировать рулады; четвертый, продолжительно отколачивать (marteller) ноты; сверхъ этого, имѣть всегда улыбающуюся физіономію, даже въ печальныхъ аріяхъ, выражать чув-

ство нижнею челюстью, выдвинувъ ее впередъ — вотъ настоящее старинное французское пѣніе временъ Ребеля и Франкера.

Впрочемъ, эта метода относилась болѣе къ временамъ Люлли. При Рамо уже не пѣли такимъ смѣшнымъ образомъ.

Монсиньи и Далейракъ оставили въ комической оперѣ образцы наивной прелести и тихой чувствительности. Какъ инстинктивные музыканты, они всегда имѣли успѣхъ, какъ скоро природа внушала имъ идеи, но претерпѣвали неудачу, когда искали успѣха въ комбинаціяхъ искусства. *Дезертеръ*, *Камила* занимаютъ равное мѣсто съ *Земирою* и *Ричардомъ*. Эти три композитора, вмѣстѣ съ Филидоромъ, поддерживали комическую оперу до конца XVIII вѣка. Можетъ быть, это была блистательнѣйшая ея эпоха.

Въ то время, какъ комическая опера развивалась въ простотѣ, приличной скромному ея началу, большая опера развилась великолѣпно. Великій композиторъ, уже престарѣлый, геній котораго возрасталъ въ тѣ годы, когда у обыкновенныхъ людей онъ потухаетъ, перенесъ на французскую сцену музыкальное направленіе Германіи. Самъ Глюкъ сперва не понималъ своего назначенія; онъ написалъ множество оперъ въ чисто-итальянскомъ вкусѣ. Artaserse, Ipermneestre, Demetrio, Aristeo, Telemaco представляютъ самыя посредственныя сочиненія, потому-что у Глюкка не было легкой итальянской мелодіи, обворажающей слухъ, за неимѣніемъ драматическаго интереса. Ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ постигъ всю силу драматической музыки, внушившей ему столько превосходныхъ твореній.

Альцеста была первымъ его произведеніемъ на этомъ поприщѣ въ 1761 году. Она была дана въ первый разъ въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ Орфеемъ (съ итальянскимъ либретто). Это уже было не одна простая мелодія, равно примѣняемая ко всѣмъ словамъ, это была драма со всѣми ея чувствами и колоссальными размѣрами.

Глюкку очень хотѣлось написать оперу на французскія слова. Нѣкто Ролле, жившій въ Вѣнѣ, выбралъ ему сюжетъ *Ифигеніи* Расина. Исказивъ стихи, Ролле приноровилъ, однакожь, очень удачно сцены для музыки. Оперу сыграли въ Парижѣ въ 1774; потомъ даны Альцеста и Орфей (въ переводѣ); потомъ *Ифигенія въ Тавридѣ*, самое драматическое произведеніе Глюкка.

Не будемъ входить въ разборъ этихъ образцовыхъ произведеній, въ которыхъ Глюкъ больше поэтъ, нежели музыкантъ. Гайднъ и Моцартъ, конечно, выше его въ художественной отдѣлкѣ, въ богатствѣ модуляцій, въ ритмическихъ комбинаціяхъ, но онъ превосходитъ ихъ всѣхъ, когда надобно выразить сильную страсть.

Въ талантѣ Глюкка инструментовка кажется самою слабою стороною; даже знаменитая его увертюра *Ифигеніи* далеко уступаетъ гармоническому генію Гайдна и Моцарта; но оркестровка Глюкка всегда подкрѣпляется выразительнымъ пѣніемъ. Ноты одного гобоя достаточны ему для выраженія чувства Альцесты, возвращающейся къ жизни, но грозное *тремоло* скрипокъ сопровождаетъ слова оракула; ужасный отвѣтъ фурій въ Орфеѣ усиливается тромбонами unisono, а рѣзкіе звуки терцъ-флейты съ глухимъ громомъ литавръ сопровождаютъ хоръ Ифигеніи въ Тавридѣ. Эти вдохновенія инструментовки принадлежатъ внушенію генія; теоретики никогда не найдутъ ихъ.

И теперь можно было бы возобновить Глюкка; но, вопервыхъ, надобно, чтобъ вкусъ публики измѣнился и чтобъ въ оркестровкѣ его введены были усовершенствованія новѣйшаго механизма.

Въ это же время усовершенствовалась и итальянская музыка. Оперетты Лео и Аулетты успѣшно боролись съ сочиненіями Рамо, но уступали первенство Глюкку. Пиччини, Сэккини, а за ними Сальери старались возвысить итальянскую школу. *Дидона* Пиччини и *Эдипъ въ Колонѣ* Саккини могутъ быть названы образцовыми твореніями. Пиччини удачно вывелъ въ Дидонѣ драматическія ситуаціи, неизвѣстныя дотолѣ итальянцамъ. Въ *Эдипѣ* драматическій элементъ еще сильнѣе. Роли Эдипа и Антигоны могутъ почесться изъ лучшихъ на сценѣ. Хоры этой оперы также величественны.

Достоинство этихъ двухъ твореній именно состоитъ въ томъ, что они писаны по системѣ Глюкка; но тогдашніе слушатели не поняли этого и начали опять знаменитую борьбу Глюкистовъ и Пиччинистовъ, къ которой приверженцы Люлли и Рамо соединились съ первымъ противу итальянской музыки. Статьи, куплеты, брошюры сыпались отовсюду. Еслибъ пристрастіе и въ наше время не ослѣпляло часто критиковъ, можно было бы даже удивиться злости и несправедливости приговоровъ. Напримѣръ, Лагарпъ говоритъ объ *Альцестѣ*: «что въ Ифигеніи, то и въ Альцестѣ: скучно и шумно, то есть пѣніе скучно, а оркестровка шумна; лучше бы они не пѣли и не играли».

Вотъ куплетъ объ *Армидѣ*:

Pauvre Armide, ton sort m'étonne,
J'ai beau te voir est écouter,
Ton partage fut d'enchantér
Et tu n'enchante personne.

(Бѣдная Армида! участь твоя удивляетъ меня. Напрасно я стараюсь видѣть тебя и слышать. Ты предназначена была всѣхъ обворожать, а никого не восхищаешь).

А вотъ и объ Орфеѣ:

... Mais Gluck au chantre de la Thrace
Donne un arme plus efficace,
Car pour tirer de chez les morts
Plus surement son Euridice,
Il lui prête ses froids accords
Afin d'endormir leur milice.

(Но Глюкъ придаетъ оракійскому пѣвцу сильнѣйшее оружіе; чтобъ вѣрнѣе похитить Эвридику изъ царства мертвыхъ, онъ ему внушаетъ свои холодные аккорды, чтобъ усыпить всѣхъ стражей).

И это сказано о прекрасной сценѣ Орфея въ аду!

Нѣкто Флоке, сочинившій въ это же время оперу Lunion de l'amour es des arts, имѣлъ величайшій успѣхъ. При первомъ представленіи вызвали композитора и всѣхъ актеровъ. Это былъ еще первый примѣръ такой почести.

Ни въ чемъ успѣхъ и слава не распредѣляются такъ неравномѣрно, какъ въ музыкѣ. Потомство съ трудомъ можетъ иногда догадаться: почему такое-то сочиненіе упало, а другое имѣло большой успѣхъ. Въ пыли библіотекъ лежатъ образцовыя произведенія, которымъ обстоятельства не благопріятствовали. И чтобъ открыть ихъ и возстановить, надобно имѣть геніальнаго, трудолюбиваго и безпристрастнаго человѣка. Нашъ вѣкъ виновнѣе всѣхъ: онъ съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ судитъ о всей старинѣ.

Настали грозныя времена 1789 года и музыка Глюкка и Пичини исчезла; явились Катель, Госсекъ, Мегюль и Лесюеръ. И по странному случаю, когда всѣ искусства неизбѣжно падали, одна французская музыка удержалась, и даже сдѣлала нѣкоторые успѣхи.

Зато итальянская совершенно исчезла. Въ 1791 году пріѣхала-было въ Парижъ итальянская труппа, но 10 августа ее прогнали.

Въ томъ же году явилась на театрѣ комической оперы *Павелъ и Виргинія* Крейцера, прелестная музыкальная идиллія, столь же замѣчательная въ своемъ родѣ, какъ и романъ Бернардена де-Сен-Піера.

При возстановленіи порядка, во времена имперіи, развилась и музыка.

Къ Мегюлю, Кателю и Лесюеру присоединились Бертонъ, Керубини, Гретри, Далейракъ, Монсиньи.

Мегюль, можетъ быть, величайшій *французскій* композиторъ: одинъ, развѣ, Лесюеръ можетъ стать съ нимъ наравнѣ. *Іосифъ*—превосходное твореніе. *Эфрозина* и *Кароденъ* тоже наполнены первоклассными красотами.

Крейцеръ замѣчателенъ смѣлостью хоровъ. Не имѣя нѣжности Мегюля, онъ блистательнѣе его. *Павелъ и Виргинія* и *Смерть Авеля*, дали ему случай обнаружить совершенно новую сторону музыкальнаго дарованія. Въ партитурѣ его *Франциска I*, замѣтно уже гораздо болѣе теоретическихъ познаній, которыми онъ мало занимался въ молодости.

Бертонъ отличался познаніемъ сцены, вѣрнымъ выраженіемъ и характеристическимъ колоритомъ ситуацій. *Монтано и Стефаніо*, *Изступленный*, *Алина* останутся всегда образцовыми произведеніями. Къ сожалѣнію, во многихъ его операхъ видна небрежность.

Со времени Палестрины существовала въ Италіи большая духовная школа, строгая хранительница древнихъ преданій. Послѣднимъ представителемъ ея былъ въ то время Сарти, и у него-то учился Керубини. На шестнадцатомъ году онъ зналъ уже всѣ тайны контрапункта и фуги; для него было игрушкою провести мелодію сквозь композицію въ восемь партій. Эта глубокая наука доставляетъ печать безсмертія музыкальнымъ произведеніямъ. Чувства и страсти могутъ иначе выражаться въ разныя историческія эпохи, но искусство и законы, управляющіе имъ, остаются неизмѣнными. Величайшій геній въ этомъ родѣ Себастіанъ Бахъ, котораго творенія съ каждымъ годомъ дѣлаются свѣжѣе и моложе.

Партитуры *Водовоза*, *Фаниски*, *Элизы* составляютъ прекрасною инструментовкою и комбинаціями вокальныхъ массъ продолженіе Моцарта. Бетховенъ почиталъ Керубини величайшимъ драматическимъ композиторомъ своего времени; но въ Керубини не было жару, увлекательности; Керубини можетъ быть названъ музыкантомъ ума, а Мегюль—сердца.

Лесюеръ, писалъ большія комическія оперы. *Разбойничья пещера* и *Барды* имѣли большой успѣхъ. Наполеонъ любилъ музыку Лесюера: энергія ея сходствовала съ его натурою.

Въ 1807 году дана была *Весталка* и прославила Спонтини; но сколько затрудненій долженъ онъ былъ преодолѣть, чтобъ добиться до этого представленія! Будучи итальянцемъ, онъ въ *Весталкѣ* и *Фернандѣ Кортесѣ* болѣе былъ германцемъ, нежели Моцартъ въ Донъ

Жуанѣ; истина и драматическое величіе, царствующія въ *Весталкѣ* и *Фернандѣ Кортесѣ* извиняютъ Спонтини въ нѣкоторыхъ ошибкахъ противъ правилъ. Но эти слова не должны служить оправданіемъ посредственности. Передъ геніемъ молчитъ анализъ; но гдѣ нѣтъ генія, правила сохраняютъ свои права.

Третьею его оперою была Олимпія, которую только два раза дали въ Парижѣ безъ особеннаго успѣха, и однакоже, въ партитурѣ ея много достоинства какъ въ оркестровкѣ, такъ и въ хорахъ; никогда еще не возвышались до такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи Спонтини былъ предшественникомъ *Роберта* Мейербера.

Буалдьё и Герольдъ до-сихъ-поръ еще живутъ на сценѣ. У обоихъ мелодіи прелестны, но гармонія слаба Они правы были, что посвятили свои дарованія Комической оперѣ. Первые ихъ сочиненія принадлежатъ къ французской школѣ съ тою разницею, что Боальдьё слѣдовалъ по стопамъ Гретри, а Герольдъ—Бертона и Мегюля; но вліяніе Россини послужило къ появленію Prè aux Clercs и La dame Blanche; ихъ можно было упрекнуть, что они теряли свою оригинальность; но чтобъ бороться со вкусомъ публики и спасти школу, клонившуюся къ паденію, надобно быть геніемъ.

Въ первые годы реставраціи, Французская опера продовольствовалась старымъ репертуаромъ. Вдругъ явился Россини и, сведя съ ума всю Италію, пришелъ требовать во Францію той же дани удивленія.

II.

МЕЙЕРБЕРЪ И ЕГО ВЛІЯНІЕ.

Біографіи великихъ артистовъ, въ особенности композиторовъ, состоятъ всѣ въ ихъ сочиненіяхъ. Безпрестанно занимаясь своимъ искусствомъ, имъ некогда участвовать въ другихъ событіяхъ. Себастьянъ Бахъ написалъ цѣлые томы партитуръ, и во всей его жизни не случилось съ нимъ ничего замѣчательнаго. Она протекла за органами и за нотною бумагой. У Бетховена были одни домашніе эпизоды съ непокорнымъ племянникомъ; Веберъ провелъ также самую прозаическую жизнь, и только смерть его въ отдаленной странѣ, безъ друзей и родныхъ, набрасываетъ поэтически-печальный колоритъ на жизнь его.

Поприще Мейербера было нѣсколько богаче происшествіями, но музыкальное искусство было всегда первою пружиною его жизни. Главныя ея происшествія были: Робертъ, Гвельфы, Осада Гента.

Мейерберъ родился въ Берлинѣ, 5 сентября 1794 года. Отецъ его былъ одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Пруссіи. У людей ограниченнаго ума перспектива богатства служитъ къ лѣности и бездѣйствію. Людей съ возвышенными характерами богатство заставляетъ стремиться къ благороднѣйшимъ цѣлямъ. Обезпеченное существованіе артиста дозволяетъ ему идти къ предположенной цѣли, не принуждая его къ уступкамъ, часто возлагаемымъ своенравіемъ публики, отъ которой зависитъ матеріяльное его благосостояніе.

Любовь къ искуствамъ и художествамъ преобладала въ семействѣ Мейера-Бера. Два брата его Вильгельмъ Беръ и Михаилъ Беръ составили себѣ извѣстность: первый въ наукахъ, второй въ литературѣ.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Мейерберъ страстно любилъ музыку, и отецъ развивалъ въ немъ это расположеніе. У нѣмцевъ музыкальное воспитаніе начинается очень рано. Фортепьяно составляетъ первую игрушку ребенка. Азбука и солфеджи начинаются въ одно время. Сперва молодой Мейерберъ учился у Лауски, потомъ у Клементи. Шести лѣтъ отъ роду онъ уже игралъ въ концертахъ. Въ Лейпцигской газетѣ 1805 г. расхваливаютъ его чистую и блистательную игру при исполненіи концерта Моцарта и тріо Гуммеля.

Аббатъ Фоглеръ содержалъ тогда въ Дармштадтѣ музыкальное училище, изъ котораго вышли величайшіе музыкальные таланты Германіи. Онъ услышалъ игру Мейербера, угадалъ въ немъ будущаго генія и принялъ его въ свою школу.

Тутъ Мейерберъ мужественно принялся за трудное изученіе музыки

и привыкъ къ этой строгой жизни, единственно посвященной искусству. Профессоръ ежедневно задавалъ ученикамъ своимъ музыкальныя темы, и въ пять вечеровъ всѣ они были исполняемы и критически обсуждены. Контрапунктъ и фуга, столь скучныя для нѣкоторой части публики, но необходимыя для музыканта, составляли единственное занятіе Мейербера. Въ воскресенье часто между учителемъ, играющимъ на одномъ органѣ и ученикомъ, игравшемъ на другомъ, завязывалось академическое соперничество. Профессоръ импровизировалъ тему, ученикъ подхватывалъ ее, разработывалъ; учитель снова принималъ ее и довершалъ. Когда эти бурныя импровизаціи развивались съ пылкостью воображенія, перекрещиваясь въ ритмахъ, въ своевольныхъ модуляціяхъ, Фоглеръ останавливался съ удивленіемъ, неузнавая своихъ учениковъ. Онъ не бранилъ ихъ, а сознавался, что они пойдутъ дальше его и развинутъ область искусства.

Въ этихъ борьбахъ состязались часто и ученики, и главнѣйшимъ соперникомъ Мейербера былъ въ нихъ Веберъ. Соперничество это подружило обоихъ на всю жизнь. Между бумагами Вебера найдена кантата съ надписью: Кантата на день рожденія Фоглера, сочиненія Вебера, положенная на музыку Мейерберомъ и Гансбахеромъ, 10 іюня 1810 года. Стихи прекрасны и доказываютъ, что Веберъ былъ бы столь же хорошимъ поэтомъ, какъ композиторомъ. Мейерберъ написалъ къ этой кантатѣ хоры и тріо, а Гансбахеръ всѣ соло.

Музыкальный языкъ таинственъ, сложенъ и наполненъ гіероглифами, требующими многолѣтняго ученія для чтенія ихъ. Сколько труда стоитъ композитору освободить свои идеи изъ тысячи грамматическихъ правилъ и столькихъ же исключеній, соблюдая однакоже до возможности эти правила, потому что безъ нихъ музыка превратится въ хаосъ безпорядка. Сколько трудолюбія нужно, чтобъ изучить всѣ инструменты, оцѣнить музыкальныя качества и эфектъ каждаго, отгадать его дѣйствіе внутреннимъ слухомъ въ тишинѣ и размышленіяхъ! Всѣ эти познанія Мейерберъ пріобрѣлъ уже въ двадцать лѣтъ. Исторія музыки свидѣтельствуетъ, что Себастіанъ Бахъ, Гендель, Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ, Мендельсонъ достигли тоже въ эти лѣта полнаго изученія своего искусства—это доказываетъ, что у всѣхъ этихъ людей не было молодости. Посвятить себя музыкѣ, значитъ отказаться отъ всякихъ легкомысленныхъ занятій жизни.

Во время пребыванія своего у Фоглера, Мейерберъ написалъ много сочиненій для фортепьянъ, не отказавшись еще отъ званія фортепьяниста.

Въ 1811 году написалъ онъ первую ораторію: *Богъ и природа*

(Gott und die Natur), но это была слишкомъ трудная задача, особенно для семнадцати-лѣтняго юноши. Однакоже въ Дармштадтѣ принята она съ большимъ успѣхомъ и заслужила автору званіе придворнаго композитора.

Въ слѣдующемъ году дано было въ Мюнхенѣ первое его драматическое произведеніе: *Обѣтъ Іевфая*. Вскорѣ потомъ въ Вѣнѣ данъ былъ *Абимелехъ или два Калифа*, (въ 1818 году). Но какъ въ обоихъ этихъ городахъ была тогда въ модѣ итальянская музыка, то сочиненія Мейербера и не имѣли большаго успѣха. Сальери, бывшій тогда придворнымъ капельмейстеромъ, утѣшалъ его и убѣдилъ отправиться въ Римъ и Венецію. Для всѣхъ молодыхъ умовъ, слишкомъ награжденныхъ фугами и контрапунктомъ, вояжъ въ Италію лучшее лекарство.

Италія блистала тогда яркимъ блескомъ художествъ. Молодой двадцати-лѣтній композиторъ наслѣдовалъ Паэзіелло и Чимарозѣ, и обворожалъ непостоянную публику. Отъ Рима до Неаполя, отъ Милана до Венеціи славились тогда первѣйшіе музыкальные таланты: Велути Кривелли, Давидъ, Паста, Басси, Марколини, Монбелли, Колобрингъ и другіе восхищали всѣхъ дилеттантовъ; слава Россини перешла за Альпы, и Мейерберъ рѣшился ѣхать въ Италію, чтобъ почерпнуть тамъ новыя вдохновенія.

Въ Венеціи услышалъ онъ въ первый разъ Танкреда, и былъ въ восторгѣ. Мудрено ли, что въ тогдашнихъ его сочиненіяхъ отразилось вліяніе этого впечатлѣнія?

Romilda e Constanzia, Emma di Resburgo, Esule di Granato, Margareta d'Angiu, Crociate обнаруживали всѣ временную жертву Мейербера, приносимую итальянской школѣ. Въ Германіи, когда товарищи его узнали объ этомъ изступленіи, то сильно взволновались. Веберъ болѣе всѣхъ огорчился этою перемѣною.

«Въ прошедшую пятницу (писалъ Веберъ), былъ цѣлый день у меня нашъ Мейерберъ. Какъ мы всѣ обрадовались! Это было повтореніе нашихъ веселыхъ мангеймскихъ сходокъ. Онъ ѣдетъ теперь въ Тріестъ, чтобъ ставить вамъ своихъ Crociate. Въ концѣ года воротится въ Берлинъ и напишетъ нѣмецкую оперу. Дай-то Богъ! я долго усовѣщевалъ его, но онъ сдѣлался чистымъ итальянцемъ. Куда дѣвались наши прекрасныя мечты!»

Въ Дрезденѣ была тогда одна итальянская и одна нѣмецкая опера: Морлакки дирижировалъ первою, Веберъ второю; Морлакки выбралъ для открытія своего театра оперу Emma di Renburgo, а Веберъ *Абимелеха*. Первая имѣла блистательный успѣхъ, вторая почти упала. Король Саксонскій и весь дворъ всегда бывали въ итальянской оперѣ.

*

И въ Италіи Мейерберъ имѣлъ побѣдные успѣхи. Въ 1822 году дана была въ Миланѣ *Маргарита Анжуйская*, и была обставлена лучшими артистами. Шестнадцать представленій сряду прославили имя автора.

Въ 1825 далъ онъ въ Венеціи, на театрѣ Фениче, своихъ Crociate, въ которыхъ пѣли Лаблашъ, Велути и Меликъ-Лаландъ. Опера имѣла огромный успѣхъ, и обошла всѣ театры Италіи. Въ этомъ же году эта опера дана была въ Лондонѣ, и представленіе было тѣмъ замѣчательно, что въ немъ дебютировала семнадцати-лѣтняя пѣвица, едва осмѣлившаяся появиться вмѣстѣ съ Велути и другими знаменитыми артистами — это была Гарсіа-Молибранъ.

Съ этой минуты дѣятельность Мейербера перенеслась въ Парижъ. Что тогда дѣлалось въ Парижѣ? Послѣ Весталки и Фернанда Кортеса французская большая опера прозябала. Россини увлекъ послѣднихъ слушателей въ итальянскій театръ. Чтобъ удержать публику, нашлись люди, которые осмѣлились *передѣлывать* оперы не итальянскихъ композиторовъ. Уже Морель исказилъ *Волшебную флейту* Моцарта, подъ названіемъ Mystères d'Isis (ихъ прозвали misères d'Isis). Другіе послѣдовали варварскому примѣру, передѣлали и Маргариту Анжуйскую, прибавя къ ней нѣсколько нумеровъ изъ *Эммы Рендсбургъ*. Она имѣла значительный успѣхъ.

Забавнѣе всѣхъ была парижская передѣлка *Фрейшюца*, въ которомъ оставили только три нумера музыки: увертюру, вальсъ и хоръ охотниковъ; все остальное выброшено, и сохранена проза и либретто. Разумѣется, пьеса упала, и имя Вебера сдѣлалось въ Парижѣ посмѣшищемъ. Впрочемъ тамъ и о Россини судили самымъ страннымъ образомъ. Напримѣръ, *Семирамида* почиталась у пирижанъ почти *нѣмецкою* оперою. Газеты рѣшили тогда, что «Россини то же нѣмецкій композиторъ, только не такой скучный.»

Впрочемъ подобныя сужденія встрѣчались и у итальянцевъ, когда данъ былъ Карлъ Смѣлый Россини; они вообразили себѣ, что это сочиненіе какого-то нѣмецкаго капельмейстера, а не Россини, и когда молва дошла до того, кому приписывали эту оперу, тотъ съ гнѣвомъ, опровергъ эту клевету.

Crociate даны были въ Парижѣ въ 1826 году, и Паста, игравшая Арманду, вполнѣ была достойна своей славы; опера выдержала въ тотъ годъ множество представленій. Черезъ три года потомъ возобновили ее, и она упала отъ одного забавнаго эпизода. Въ прекрасномъ квартетѣ втораго акта участвуетъ ребенокъ (нѣмая роль), сынъ Пальмиды, котораго мать представляетъ султану, чтобъ смягчить его жестокость. По несчастію ребенокъ этотъ не любилъ музыки и не занимался сценою.

Было уже поздно, и ребенку хотѣлось спать. Онъ зѣвнулъ, и публика улыбнулась. Пѣвица продолжала: frema e lagrime, ребенокъ опять раскрылъ ротъ и потянулся. Наконецъ пѣвица запѣла: consolati sapro, и ребенокъ зѣвнулъ въ третій разъ. Тутъ вся зала разразилась хохотомъ... Принуждены были опустить завѣсу, и съ тѣхъ поръ нельзя уже было давать пьесы.

Мейерберъ задумывалъ въ это время создать новую оперу, которая бы отличалась большею вѣрностью и занимательностью, нежели итальянскія. Онъ видѣлъ, что для итальянскаго пѣвца и для тамошней публики все равно въ тюрбанѣ ли дѣйствующее лицо, или въ шлемѣ въ среднихъ ли вѣкахъ поэма, или въ новѣйшихъ—главное дѣло въ музыкѣ, а сюжетъ самая второстепенная вещь. Это сценическое равнодушіе приводило его въ негодованіе. Онъ хотѣлъ, чтобъ музыка оперъ выражала мысли и чувства дѣйствующихъ лицъ, а не одно самовольное внушеніе композитора. Онъ обратился къ Скрибу и просилъ у него сюжета. Тому попала подъ руку *Исторія объ ужасномъ Робертѣ, который потомъ обратился къ добру*, легендѣ XVI вѣка. Скрибъ принялся за нее, и написалъ оперу.

Мейерберъ принялся съ такимъ же жаромъ за сочиненіе музыки, и въ концѣ 1828 года была она готова. Но цѣлые два года тянулись приготовленія къ постановкѣ. Вражды то явныя, то скрытныя останавливали ее. Послѣ 1830 года, антрепренеръ Большой оперы боялся монтировки Роберта. Расходы были чрезвычайные; музыканты находили нѣкоторыя красоты въ музыкѣ, но сомнѣвались въ успѣхѣ. Одинъ Фетисъ, тогдашній ученый теоретикъ, успокоивалъ антрепренера и обѣщалъ ему полный успѣхъ, говоря, что Робертъ обойдетъ всю Европу. Предсказаніе это сбылось.

Насталъ день перваго представленія. Все казалось вооружилось противъ оперы. Упадшія облака едва не раздавили Левасера Нури, г-жу Даморо и Дорю. Люки преждевременно открывались подъ ногами испуганныхъ актеровъ, и пр. Но не смотря на все это, опера имѣла самый блистательный успѣхъ, который возросталъ потомъ при каждомъ представленіи. *

Партитура этой превосходной оперы всѣмъ извѣстна, и разобрана въ подробности многими критиками. Но мы обязаны разсказать о первоначальномъ составѣ пьесы. Напримѣръ, финалъ втораго акта былъ сдѣланъ слѣдующимъ образомъ. Гренадскій принцъ вызвалъ Роберта на бой въ турнирѣ. Всѣ удаляются на турниръ, остается одинъ Робертъ.

* 6 іюня 1853 года давали въ Парижѣ 343-е представленіе Роберта; 20 іюня того же года было 232-е Гвельфовъ, а 24-го числа 114-е представленіе Осада Гента.

Волшебный сонъ одолеваетъ его. Бертрамъ издали велитъ ему спать, и онъ засыпаетъ. Декорація переменяется. Театръ горизонтально раздѣленъ на двѣ половины. Внизу остался спящій Робертъ вверху видитъ онъ себя во снѣ въ фантастическомъ бою, въ концѣ котораго побѣждаетъ своего противника, приставляетъ къ горлу его кинжалъ... Въ эту минуту онъ просыпается... о, ужасъ! время турнира прошло, а онъ спалъ!.. При пробужденіи верхняя декорація изчезаетъ. Является гренадскій принцъ и ведетъ Изабеллу, которой руку получилъ на турнирѣ. Проходя мимо Роберта, говоритъ онъ ему нѣсколько презрительныхъ словъ. Онъ бѣжалъ отъ вызова, онъ потерялъ руку Изабеллы, и какъ громомъ пораженный падаетъ безъ чувствъ.

Неизвѣстно какой бы эфектъ произвела музыка этого финала. Въ партитурѣ нѣтъ теперь его, но участвовавшіе при репетиціяхъ помнятъ эту музыку. Основою ея была энергическая музыкальная фраза, оставшаяся въ нынѣшней партитурѣ и выраженная четырьмя литаврами. Около этой геніяльной фразы группировались выраженія фантастическаго боя. Отъ всего этого огромнаго финала остались небольшія обрывки, и въ созданномъ имъ турнирѣ Мейерберъ былъ побѣжденъ машинистомъ, затруднившимся въ исполненіи его.

Въ четвертомъ актѣ тоже была перемѣна. Хористы не удалялись по заказу спать въ кулисахъ, а покорясь волшебной вѣтви Роберта, оставались тутъ же на сценѣ въ разныхъ группахъ. При пробужденіи былъ хоръ, выражавшій этотъ полусонъ, но французскимъ судьямъ показался этотъ нумеръ слишкомъ шекспировскимъ.

Не разъ уже случалось, что композиторъ, написавши превосходную оперу, истощалъ въ ней весь свой геній, и минута торжества его была минутою ослабленія. Это всегда почти бываетъ съ дарованіями, которыя слишкомъ скоро развились, не подкрѣпя себя основательно наукою. Но Мейерберъ былъ не таковъ: наука и постоянство составляли главную основу его дарованія. Онъ не могъ остановиться на Робертѣ.

Партитура *Гвельфовъ* черезъ шесть лѣтъ потомъ торжественно доказала, что источникъ музыкальныхъ эфектовъ вовсе не истощился. Успѣхъ Роберта былъ, можетъ быть, болѣе популярный, нежели Гвельфовъ, но самая эта популярность заслужена отчасти ошибками, которыхъ уже нѣтъ въ Гвельфахъ.

Поэма Гвельфовъ не такъ занимательна, какъ Роберта. Народныя междоусобія не пріятны на сценѣ. За то сценическій элементъ любви, почти второстепенный въ Робертѣ, рельефно выставленъ въ Гвельфахъ. Страсть Рауля и Валентины составляетъ самую драматическую завязку.

Теперь нигдѣ почти не играется увертюра Гвельфовъ; это очень жаль. Она составлена превосходно, раздѣляясь на три части. Изъ первой части сдѣлана теперь интродукція. Это тема Лютерова хорала. Вторая часть составляетъ allegro furioso, выражающее дикія страсти фанатиковъ и стоны жертвы. Въ началѣ третьей части является опять хоралъ, но уже истерзанный убійствомъ, и очищаясь мало по малу, восходитъ и разражается свѣтлою, торжественною молитвой.

Не будемъ повторять разбора Гвельфовъ: эта партитура тоже вездѣ разобрана. Но и въ ней были первоначально измѣненія. Въ третьемъ актѣ передъ дуэтомъ Марселя съ Валентиною, Марсель ждетъ ночью Рауля въ Пре-о-Клеркъ и поетъ большую арію, которой начало взято изъ извѣстнаго хорала въ Германіи: wer nun den lieben Gott lässt walten; потомъ упрекаетъ его за привязанность къ Далиламъ и дружбу къ врагамъ. Наконецъ безпокойство возрастаетъ. Онъ проливаетъ слезы по любимомъ своемъ питомцѣ Раулѣ. Однимъ словомъ, Мейерберъ изобразилъ тутъ всего Марселя.

Въ четвертомъ актѣ совѣтъ католиковъ былъ тоже первоначально подъ предсѣдательствомъ Екатерины Медичи (которую прекрасно играла г-жа Мери). И кто бы повѣрилъ: знаменитый дуэтъ, оканчивающій нынѣ этотъ актъ такимъ драматическимъ и патетическимъ образомъ, не существовалъ первоначально, а вмѣсто его все кончалось сильною stretta. Мысль была эфектная. Но великій пѣвецъ Нурри всякій разъ при репетиціи покачивалъ головою.»

«Все это прекрасно говорилъ онъ, но не то, что надобно. Тутъ нуженъ дуэтъ страстный, патетическій, который бы приготовилъ къ смертному браку пятаго акта.»

Онъ представилъ свои замѣчанія Мейерберу, и тотъ понялъ всю справедливость ихъ; это дѣлаетъ честь обоимъ.

Извѣстно, что Гвельфы имѣли огромнѣйшій успѣхъ въ Парижѣ, но въ чужихъ краяхъ не столь блистательный, какъ Робертъ.

Между Гвельфами и Осадою Гента прошло много времени; но Мейерберъ написалъ въ это время *сорокъ* мелодій, съ акомпаниментомъ одного фортепьяно, Какъ ни мала рама подобныхъ сочиненій, но и въ нихъ видна рука мастера. Въ нихъ, конечно, нѣтъ нѣжности Шуберта, ни кроткой наивности Мендельсона; но это счастливое соединеніе италіянской мелодіи съ нѣмецкою. *Воспоминаніе*, *Мина*, *Сицилійская Серенада*, кажется написаны подъ вліяніемъ свѣтлаго утра на берегахъ Сорренто. Задумчивая же муза Германіи является въ *Воскресномъ пѣніи*, *пѣснь Траписта* въ *фантазіи*, въ *гробницѣ Бетховена*. Даже французская муза видна въ la mère-grand, ma barque

légére le chant des moissonneurs. Всѣ мелодіи Мейербера — носятъ отпечатокъ эклектизма. Они болѣе созданы для головы, а не для сердца; ихъ надобно анализировать. На театрѣ композиторъ выигрываетъ эклектизмомъ, но въ домашнемъ кругу теряетъ. Есть однакоже и у него нѣсколько задушевныхъ нумеровъ. *Умирающій поэтъ*, слова Мильвуа; *пѣснь Фло*; *Она и я*; *Рахиль и Нефтали* и *Майская пѣснь*, составляющая лучшій нумеръ всего собранія.

Послѣ тринадцатилѣтняго молчанія явилась *Осада Гента*, въ апрѣлѣ 1849 года. Изъ всѣхъ сюжетовъ Мейерберовскихъ оперъ это былъ самый трудный. Характеръ Іоанна почти невозможенъ на сценѣ. Онъ самъ себѣ, конечно, невѣритъ — и потому вдохновеніе его фальшиво, а характеръ музыки сходенъ съ словами поэмы, не съ положеніемъ главнаго лица. Впрочемъ, кромѣ одной аріи и финала, авторъ вездѣ старался выставить его въ частныхъ чувствахъ сына и любовника.

Партитура этой оперы слишкомъ нова, чтобъ не подвергнуть ее анализу.

Увертюра основана на четырехъ главныхъ темахъ, на хорѣ o Roi des cieux c'est ta victoire; на воззваніи: Roi du ciel; на мелодіи изъ марша коронаціи; на отрывкѣ хора: que Judas succombe! Композиторъ прибавилъ къ этому нѣсколько второстепенныхъ фразъ, которыя потомъ чрезвычайно важны для развитія. (Изученіе этой партитуры будетъ драгоцѣнно для спеціальныхъ людей, доказавъ какъ важны эти второстепенныя фразы и какъ онѣ поддерживаютъ все изложеніе). Къ сожалѣнію, въ Парижѣ не играютъ этой увертюры, которая страннымъ своимъ колоритомъ составляетъ прекрасный контрастъ съ хоромъ интродукціи.

Романсъ въ видѣ дуэта Берты и Фидесъ лучшій нумеръ перваго акта. Но и тутъ требованія пѣвицъ, игравшихъ эти роли, преодолѣли строгія правила композитора. Когда Берта на колѣняхъ униженно проситъ у господина своего позволенія жениться, то тутъ не время руладиться, и однако же это снисхожденіе пало на отвѣтственность Мейербера.

Во второмъ актѣ уже гораздо болѣе мелодическихъ богатствъ. Фраза Берты: ah! d'effroi je tremble encore, самая развитая и проникнутая вдохновеніемъ, какія встрѣчалъ геній композитора. Тріо старшинъ и Іоанна сохранило всю историческую характеристику этихъ кровожадныхъ лицъ. Но два перла свѣтятся посреди этого мрачнаго колорита. Романсъ Іоанна: pour Berthe, ma fiancée, съ прелестнымъ акомпаниментомъ арфъ и волторнъ и Arioso Фидесъ, гдѣ прекраснѣйшій эфектъ гармоніи выражаетъ ея материнское благословеніе.—Сонъ Іоанна— одна изъ лучшихъ страницъ Мейербера: въ немъ весь геній инстру-

ментовки его. Послушайте эти скрипки, эти литавры, эти флейты, составляющія настоящую мелодію привидѣній. Прислушайтесь къ этимъ печальнымъ аккордамъ валторнъ съ тромбонами: они приближаются, усиливаются; оркестръ готовъ разорвать свои оковы. Вдругъ рѣзкій звукъ мѣдныхъ инструментовъ падаетъ какъ ударъ топора, развивается прелестная модуляція, какъ мистическій цвѣтокъ на стихѣ:

Une vois s'élevait, qui répétait clémence.

И съ какою истиною голосъ постепенно понижается при словахъ: d'épouvante et d'horreur. Невольно чувствуешь этотъ неопредѣленный ужасъ, преслѣдующій человѣка послѣ страшнаго сна.

Третій актъ начинается сильнымъ хоромъ: du sang! du sang! Звучность тона si mineur увеличиваетъ еще силу хора. Композиторы всегда имъ пользуются для выраженія самыхъ изступленныхъ и безжалостныхъ чувствъ. Послѣ хора арія Захаріи (которую уже не поютъ), недостойна славы Мейербера. Музыка танцевъ блистательна и оригинальна: вальсъ редова отличается новизною ритма и мелодіи; начало галопа образцовое произведеніе; кадриль на конькахъ, гдѣ терцъ-флейты подражаютъ быстрому катанью по льду—весьма замѣчательный нумеръ. Три большіе нумера оканчиваютъ этотъ актъ: комическое тріо Обертона и двухъ старшинъ и гимнъ при восходящемъ солнцѣ.

При послѣднихъ репетиціяхъ въ Парижѣ, первая часть четвертаго акта была уничтожена. Другіе нумера также были уничтожены по причинѣ чрезвычайной долготы оперы. Мейерберъ не можетъ удержать своего пера. Онъ охотно потомъ убавляетъ—и въ картинахъ его вѣрно найдется еще цѣлая партитура для новыхъ Роберта, Гвельфовъ и Осады Гента,

Отъ всего прежняго огромнаго четвертаго акта остались теперь хоръ гражданъ, трогательный романсъ Фидесъ: donnez, donnez pour une pauvre ame, дуэтъ Фидесъ и Берты и наконецъ большая сцена коронаціи съ знаменитымъ маршемъ и финаломъ, где композиторъ умѣлъ превосходно заставить каждую группу дѣйствующихъ лицъ сохранить характеръ своей ситуаціи. Въ этомъ отношеніи финалъ удивителенъ.

Въ пятомъ актѣ арія Фидесъ кажется принесена на жертву требованіямъ руладъ для пѣвицъ. Дуэтъ Фидесъ и Іоанна, слѣдующее затѣмъ тріо изобилуютъ драматическими эфектами. Проклятіе Берты предъ смертью полно мрачными, неумолимыми красотами. Но какимъ образомъ посреди этихъ ужасныхъ сценъ попала маленькая нактурна Iamajeur вовсе несоотвѣтствующая ситуаціи?

Вторая часть пятаго акта въ сценѣ оргіи представляетъ поразительные контрасты. Композиторъ удивительно придалъ голосамъ отголосокъ мрачный и зловѣщій. Вакхическая пѣснь: versez, versez! того же свой-

ства: оркестръ гремитъ и блеститъ, но голосъ пѣвца уже полуразбитъ близкою казнію.

Послѣ колоссальнаго успѣха этой оперы, Мейерберъ написалъ тринадцать нумеровъ музыки для трагедіи брата своего, Михаила Беера— *Струэнзе,* а именно: увертюру, маршъ и хоръ, балъ, деревенская харчевня, сонъ, погребальный маршъ, и для нѣсколькихъ сценъ инструментальный акомпаниментъ. Пьеса дана была въ Берлинѣ въ 1846 году. Партитура эта мало извѣстна.

Разсматривая вообще сочиненія Мейербера, можно удостовѣриться, что чѣмъ онъ независимѣе отъ сюжета и публики, тѣмъ мысли его возвышеннѣе. Въ Робертѣ, Гвельфахъ и Осадѣ Гента сценическія требованія Парижской Большой Оперы, своенравіе пѣвцовъ и даже, можетъ быть, желаніе пріобрѣсть аплодисменты массы, заставили его употребить эффекты, которыхъ изящный музыкальный вкусъ не допустилъ бы. Въ сочиненіяхъ же, писанныхъ для Германіи, гдѣ онъ знаетъ класицизмъ публики, пестрота эта исчезаетъ.

Силезскій лагерь былъ написанъ для открытія Берлинскаго новаго театра въ 1844 году. Опера эта претерпѣла столько перемѣнъ, что до сихъ поръ неизвѣстно, какую партитуру композиторъ признаетъ за окончательную. Увертюра въ ней считается выше всѣхъ по эффекту.

Кромѣ театральныхъ пьесъ, Мейерберъ написалъ для Германіи нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ сочиненій *Празднество при Феррарскомъ дворѣ* сочинена для праздника, данная королемъ Прусскимъ. *Пляски при факелахъ,* симфонія для мѣдныхъ инструментовъ, написана по случаю бракосочетанія Баварскаго короля съ принцессою Вильгельминою. *Большая кантата* на четыре голоса съ хоромъ, которой стихи сочинены королемъ Баварскимъ. *Ода скульптору Рауху* для одного голоса, хора и оркестра, написана для открытія памятника Фридриху Великому. *Праздничный гимнъ,* въ четыре голоса съ хоромъ— на двадцати-пяти-лѣтіе брака Прусскаго короля. *Эвмениды,* трагедія Эсхила съ хорами и интермедіями для оркестра. — Семь духовныхъ гимновъ на слова Клопштока; Stabat Mater, Miserere, Te Deum и двѣнадцать псалмовъ съ двойнымъ хоромъ.

Замѣчательнѣе всего: *Девяносто первый псаломъ Давида,* на восемь голосовъ и соло.

Извѣстно, что Палестрина основалъ въ Италіи школу духовнаго пѣнія. Аллегро, Томази-Баи и Лео достойно поддерживали его въ этомъ высокомъ дѣлѣ. Школа эта считала, что для духовной музыки приличны одни человѣческіе голоса, и что никакой мѣдный или деревянный инструментъ недолженъ быть посредникомъ въ молитвѣ. Она уничто-

жила даже органы — и старалась достигнуть музыкальныхъ эфектовъ разнообразіемъ человѣческихъ голосовъ. Періоды музыкальные широки, модуляціи просты и не выходятъ изъ главной гаммы, и не смотря на это, композиторы этой школы умѣли глубоко трогать сердце, въ особенности Палестрина. Въ этомъ-то родѣ хотѣлъ написать Мейерберъ свой 91-й псаломъ. Онъ принялъ въ основаніе хоральныя массы и простыя, но широкія мелодіи. Успѣлъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ? Сомнѣваемся. Перо его иногда видимо сбивается. Начавъ фразу, которой контуры напоминаютъ времена отдаленныя, онъ оканчиваетъ совершенно въ новѣйшемъ стилѣ. Отъ этого происходятъ столкновенія въ стилѣ, которыя изящный вкусъ отвергаетъ. И однако же, въ этомъ нумерѣ видѣнъ высокій талантъ композитора, и всякій слушатель невольно желаетъ, чтобъ онъ посвятилъ свой геній на возстановленіе школы Палестрины.

Разбирая подробнѣе этотъ нумеръ, мы найдемъ, что мелодіи его повсюду прекрасны, хотя съ легкими оттѣнками архаизма, особливо въ партіи тенора. Не смотря на чрезвычайную трудность этого рода сочиненій, фундаментальныя темы безъ усилія сливаются въ этихъ восьми партіяхъ, переходя отъ одного хора къ другому, модуляціи помогаютъ эфекту. Арабески, обвивающіяся около главныхъ фразъ, начертаны съ самымъ изящнымъ вкусомъ. Что же касается до финальной фуги (alla breve), одинъ хоръ сохраняетъ классическую форму, тогда какъ другой написанъ, кажется, по требованіямъ новѣйшей музыки. Эта новая и оригинальная комбинація въ первый разъ приведена въ исполненіе. Это можетъ быть своеврльство, но своевольство генія. Композиторы, не слыхавшіе увлекательнаго хора придворныхъ пѣвчихъ въ С. Петербургѣ и нѣсколько слабѣйшаго въ Берлинѣ, удивятся басовымъ партіямъ этой партитуры. Въ нихъ есть mi, re и даже contre-ut Эти ноты придаютъ прекраснѣйшій эфектъ произведенію.

До сихъ поръ говорили мы объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Мейербера. Теперь возьмемъ совокупность ихъ. Никакого артиста не должно судить по одному произведенію, хотя бы образцовому. Музыкальное искусство управляется четырьмя главными предметами: мелодіею, гармоніею, ритмомъ, звучностью. Каждая изъ этихъ частей имѣла свое время. У полуобразованныхъ народовъ все основывалось на звучности, потомъ перешло въ ритму. Около 1450 года начался періодъ гармоніи. Слава композиторовъ состояла въ томъ, чтобы составить себѣ множество партій, переплетать ихъ, добровольно создавать себѣ затрудненія, чтобъ утомляться разрѣшеніемъ ихъ; задавать другъ другу ребусы и загадки. Мелодіи тогда не было, но не смотря на весь этотъ неблагодарный трудъ, тогдашніе композиторы оказали много услугъ искусству, доказавъ

что посредствомъ гармоническихъ комбинацій можно производить большіе эфекты.

Нынѣшняя мелодія произошла изъ Аравіи, гдѣ въ XII вѣкѣ было отечество художествъ, Veni Creator и Te Deum, привезенныя ко двору Карла Великаго изъ Италіи, были только образчиками амвросіанской музыки, переданной греками. Но настоящая мелодія привезена крестоносцами и сохранялась сперва у трубадуровъ. Будучи поэтами и музыкантами вмѣстѣ, они воспѣвали свои мелодіи, вывезенныя изъ Палестины. Вскорѣ распространились они по Франціи, Англіи и Шотландіи. Вѣроятно, что шотландскія національныя пѣсни не что иное, какъ арабскія мелодіи, измѣненныя нравами и климатами. Съ другой стороны гармонія царствовала въ бельгійскихъ, французскихъ и италіянскихъ школахъ, нисколько не соединяясь съ мелодіею.

Въ началѣ XVIII вѣка Италія утомилась отъ этого безобразнаго стиля, въ которомъ подъ видомъ науки — не было идей. Музыкальная драма или опера, рожденная въ Римѣ около 1595 года, сперва нисколько не разнилась отъ духовной музыки. Мелодическій инстинктъ овладѣлъ Италіею; акомпаниментъ сдѣлался проще, и въ продолженіе столѣтія превратился въ ничто. Дошло до того, что иногда весь оркестръ игралъ одну партію. Композиторы сочиняли общее пѣніе, предоставляя ученикамъ распредѣлять его по голосамъ и инструментамъ. Иногда партіи даже не писались, а импровизировались. Въ ритмахъ небыло уже идей, были три-четыре формулы, которыми облекали всякаго рода мелодіи.

Характеръ нынѣшней музыки состоитъ въ томъ, чтобъ возвратить всѣмъ четыремъ элементамъ свои права. Послѣ Гайдна, Моцарта Бетговена и Россини, Мейерберъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ изобрѣтателей новыхъ музыкальныхъ идей и эфектовъ. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ важнѣйшія услуги искусству.

Нѣкоторые критики отказываютъ Мейерберу въ дарѣ мелодіи. Она бы могла быть обильнѣе, нѣжнѣе, бархатнѣе, однимъ словомъ болѣе италіянскаго колорита. Но во-первыхъ надобно знать соотвѣтствовали ли его сюжеты этой музыкѣ, а потомъ должно рѣшить: составляетъ ли мелодія чистое вдохновеніе, или она тоже подвергается правиламъ и исчисленіямъ? и не раждается ли эфектъ мелодій отъ комбинацій, заранѣе обдуманныхъ. Гамма имѣетъ въ себѣ интервалы, пріятные уху, и композиторъ, умѣющій употреблять ихъ, произведетъ всегда на слушателя пріятное ощущеніе. Для проницательнаго музыканта подобная мелодія будетъ расчетомъ, а иная гармонія, напротивъ того, будетъ вдохновеніемъ. Не будемъ же предоставлять право вдохновенія одной мелодіи. Оно преобладаетъ въ ней, это правда, но одушевляетъ и гармонію.

Для итальянской музыки всякая поэма равна. Она какъ по канвѣ широко вышиваетъ всякіе, самые пестрые узоры, какъ на китайскихъ и японскихъ издѣліяхъ. Мейерберу нужна была мелодія сильнѣе, выразительнѣе. Въ его системѣ исчезаютъ рулады и фіоритуры. Мелодія Мейербера сливается съ словами и одушевляется ими. Тутъ нѣтъ горловыхъ экзерцицій и концертныхъ каскадовъ, которые очень пріятны въ концертѣ, но которые мы, по здравому смыслу, должны отвергать на сценѣ. Между сценическою и концертною музыкою большая разница: первая должна говорить уму и сердцу, вторая одному слуху. Посредствомъ хорошей методы, чистоты голоса и стиля, пѣвица восхититъ васъ въ концертѣ. Перенесите ея арію на сцену посреди интересной ситуаціи, и мы съ досадою спросимъ: «да скоро ли это кончится?» Напримѣръ, арія Изабеллы во 2 актѣ Роберта, Принцесы Наварской во 2 актѣ Гвельфовъ милы и прелестны. Дуэтъ же Валентины и Марселя въ 3 актѣ — *тяжелъ*, какъ говорятъ итальянцы. Но выбросьте первые два изъ партитуры, и слава автора ни на волосъ неупадетъ. Такія аріи напишетъ вамъ любой композиторъ; но для глубокаго созданія дуэта нуженъ композиторъ равный Мейерберу.

Музыка—самое младшее изъ искусствъ. Когда теорія ея окончательно будетъ опредѣлена, ей должно будетъ дѣйствовать осторожно при созданіи новыхъ эфектовъ. Мейерберъ много изобрѣлъ для нея новыхъ путей. Въ гармоніи онъ познакомилъ насъ съ глубокими аккордами, составленными иногда изъ противорѣчащихъ тоновъ. Эти ангармоническія модуляціи доведены иногда до излишества, но онѣ чрезвычайно способствуютъ выраженію страстей. Энгармоническая нота составляетъ узелъ модуляціи. Чѣмъ болѣе гамма усѣяна бемолями, тѣмъ она болѣе передаетъ мрачныхъ идей. Съ діэзами возвращаются блистательныя выраженія. *Фа-діезъ*, превращенный въ *соль-бемоль*, тотчасъ покажетъ вамъ измѣненіе въ чувствахъ. Но музыкантъ долженъ быть скупъ на эти переходы, какъ живописецъ на всѣтлыя краски.

Ритмъ въ среднихъ вѣкахъ никогда не служилъ для выраженія музыкальной мысли. Комбинація ритма составлялась случайно, какъ потомъ сочиняли музыку изъ отрывокъ аккордовъ, соединенныхъ въ партіи. Ритмъ не что иное какъ маятникъ мелодіи. Въ старину онъ былъ слишкомъ строгъ и останавливалъ порывы идей. Мейербергъ часто дѣлаетъ неправильные ритмы, но эта неправильность скорѣе существуетъ въ членахъ музыкальнаго періода, а не въ порядкѣ самихъ періодовъ. Только великіе музыканты имѣютъ право вводить подобныя новости. Не надобно забывать, что ритмъ и звучность составляютъ матеріальные агенты искусствъ, которымъ не надобно придавать слишкомъ большой важности.

У насъ теперь часто для самыхъ мелкихъ произведеній употребляютъ большой барабанъ, литавры, и пр. Мейерберъ тоже до преувеличенія пользовался силами оркестра. Органы въ Робертѣ, басовые кларнеты въ Гвельфахъ, саксофоны въ Осадѣ Генты чрезвычайно усилили эфектъ оркестра.

Въ расположеніи хоральныхъ и инструментальныхъ массъ, Мейерберъ часто нарушаетъ древніе обычаи. У композиторовъ прошлаго столѣтія разные разряды инструментовъ дѣйствовали отдѣльными массами, каждый въ своемъ кругу. Мейерберъ разстраиваетъ иногда эту симетрію. У него инструменты перекрещиваются какъ бы на-удачу, но такъ искусно распредѣлены, что производятъ требуемый эфектъ.

Послѣдователь Баха, Гайдна, Моцарта Бетховена и Вебера, Мейерберъ выше ихъ проникъ въ источникъ чистѣйшихъ красотъ музыки, отъ которыхъ чаще ихъ и удалялся. Поприще его еще не кончено, и потомство будетъ о немъ судить еще по послѣднимъ его твореніямъ.

Вотъ подробный списокъ всѣхъ сочиненій его въ хронологическомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ городовъ и годовъ, гдѣ и когда были исполнены.

1811 года. Берлинъ.—Богъ и природа, араторія, нѣмецкія слова Алоиса Шрейбера.

1812. — Мюнхенъ. — Обѣтъ Іевфая, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, нѣмецкія слова Шрейбера.

1813.—*Вѣна.*—На придворномъ театрѣ: Абимелехъ, или два калифа, опера въ двухъ дѣйствіяхъ (тотъ же сюжетъ, что Wirth und Gast соч. Вольбрюка).

1818 (19 іюня).—*Падуа.*—На новомъ театрѣ: Romild ae Constanza, опера семи-серіа, слова италіянскія. Пѣли: Риччи, пѣвицы: Пизарони, Липпарини.

1819. — *Туринъ.* (Къ карнавалу). На королевскомъ театрѣ. Semiramide reconosciuta, опера-серіа, слова Метастазіа. Пѣвецъ Бенольди. Пѣвицы: Басси, Минна, Дальманъ-Нарди.

1819.—*Вѣна.*—Emma di Resburgo, опера-серіа, слова италіянскія. Пѣвцы Геліодоръ и Луціанъ Біанки. Пѣвицы: Морани, Кортези, Каралани. (Въ Германіи опера эта извѣстна подъ названіемъ: Эмма Лейчестеръ).

1820 (14 ноября). — *Миланъ.* — На театрѣ Ла Скала, Esule di Grinade, опера-серіа, слова Романи, Пѣвцы: Лаблашъ, Винтеръ, Сиберъ. Пѣвицы: Аделаида Този, Тезарони.

1822. — Альмансоръ, опера-серіа, слова Росси. Пѣвица Басси,

Манна. (Эта опера не была представлена по случаю болѣзни Мейербера).

1823.—Бранденбургскія ворота, въ одномъ актѣ. Нѣмецкія слова. (Не была представлена).

1824.—*Венеція.*—(Для карнавала). На театрѣ Фениче. Il crociato in Egitto, опера-серіа, слова Росси. Пѣвцы: Венутти, Кривелли, Луціанъ Біанки. Пѣвицы: Меликъ-Лаландъ, Ларенцони.

1831 (21 ноября). — *Парижъ*: — Въ королевской академіи. Робертъ, слова Скриба и Делавиня. Пѣвцы: Нурри, Левассеръ, Прево, Алексисъ Дюпонъ, Миссоль. Пѣвицы: Даморо-Чинти, Дорю-Гра.

1836 (29 февраля). — *Парижъ.* — Королевская Академія. Гвельфы, слова Скриба. Пѣвцы: Нурри, Левассеръ, Дериви, Дюпонъ, Вартель, Массоль, Прево. Пѣвицы: Фальконъ, Дорю-Гра, Флеше.

1844 (7 декабря). — *Берлинъ.* — Королевскій театръ: Силезскій лагерь, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, нѣмецкія слова Рельштаба. Пѣвцы: Манціусъ Беттихеръ, Цице. Пѣвица Женни-Линдъ.

1846 (29 сентября).—*Берлинъ.*— Струэнзе; индермедіи, пѣніе и оркестръ къ трагедіи брата его Михаила Беера.

1849 (16 апрѣля).—Осада Гента, слова Скриба. Пѣвцы: Роже, Левассеръ, Эзе, Гемаръ. Пѣвицы: Віардо-Гарсіа, Кастелланъ.

КАНТАТЫ, ИНТЕРМЕДІИ и пр.

1813.—*Мюнхенъ.* — Любовь Теодолинды, мелодрама для сопрано, хора, и кларнетъ obligato въ кулисѣ. Пѣвицы: Гарласъ, кларнетистъ Берманъ.

— Семь духовныхъ пѣсенъ Клопштока въ четыре голоса безъ аккомпанимента.

Богъ—гимнъ Губица на четыре голоса.

Геній музыки надъ громомъ Бетговена, соло съ хоромъ.

Кантата въ четыре голоса съ хоромъ, для открытія статуи Гуттенберга въ Майцѣ.

Антрактъ (въ re-majeur) для двухъ скрипокъ, альта, флейты, гобоевъ, кларнета, фаготовъ, волторнъ и контрбаса. Это тэма на три ноты.

1843. — *Берлинъ.* — Празднество при феррарскомъ дворѣ, большая кантата съ живыми картинами, сочинена для праздника, даннаго королемъ прусскимъ.

1844. — *Берлинъ.* — Пляска при факелахъ (Fackeltanz) сочинена для бракосочетанія прусской принцесы Шарлоты.

1850. — *Берлинъ.* — Другая пляска при факелахъ, для мѣдныхъ

инструментовъ, сочинена для бракосочетанія короля баварскаго съ прусскою принцессою Вильгельминою.

1853 (27 мая), — Третій танецъ при факелахъ для бракосочетанія принцессы Анны прусской.

Берлинъ. — Маршъ баварскихъ стрѣлковъ, большая кантана на четыре голоса и хоръ съ акомпаниментомъ мѣдныхъ инструментовъ, слова короля баварскаго.

1851. — *Берлинъ.* — Ода скульптору Рауху, соло, хоръ и оркестръ, для открытія памятника Фридриху Великому.

Праздничный гимнъ на четыре голоса и хоръ (a capella) на двадцатипятилѣтіе короля прусскаго.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА (*ненапечатанная*).

Stabat Mater. — Miserere. — Te Deum. — Двѣнадцать псалмовъ съ двойнымъ хоромъ и съ акомпаниментомъ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ КОМНАТНОЙ МУЗЫКИ.

Фантазія. — Майская пѣснь. — Умирающій поэтъ. — Песня Мейстера Фло. — Воскресная кантата. — Ranz des vaches на два голоса. — Кантата трапписта для баса. — Кающійся. — Дѣтская молитва, для трехъ женскихъ голосовъ. — Дочь воздуха. — Воспоминанія. — Зюлейка — Сирокко. — Первая любовь. — Она и я Сициліянка. — Молодой матери. — Нелла. — Скрытая весна. — Легкая лодка. — Бабушка, на два голоса. — Баллада королевы Маргариты де Валуа.—Обѣтъ во время бури —Листокъ розы.— Безумная.— Рахиль и Нефтали. — Цвѣтокъ поэта. — Серенада. — На балконѣ.— Невидимка, на два голоса.—Пѣснь вандейскихъ жнецовъ.—Изступленіе.—Одинъ. — Это она. — Держи къ берегу свою лодку. — Садъ сердца. — Мина.—Марія. — Кантата на три голоса съ хоромъ и съ акомпаниментомъ піано — Liederbothe.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ.

Эвмениды, трагедіи Эсхила, съ хорами и интермедіями оркестра. *Африканка*, опера.—*Люби меня.* — Скрытая весна. — Восьмнадцать канцонеттъ Метастазія.—Двадцать мелодій для романа: Schwarzwalden dorf Geschichten. Разныя сочиненія вокальной музыки.

Множество нумеровъ въ альбомахъ.

Нѣсколько сочиненій для фортепьяно, когда Мейерберу было еще 14 лѣтъ, во время перваго его путешествія въ Вѣну.

Дѣтская пѣснь на три голоса.

(*Печатается:*)

91-й псаломъ; на два хора и соло, сочиненъ для хора берлинскаго собора.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Говорить о томъ, что всегда одно и тоже?—Общее содержаніе комедій, пословицъ и водевилей Александринскаго театра.—Замѣчательнѣйшія явленія на русской сценѣ.—Максимовъ 1 въ «Гамлетѣ» Шекспира. — Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, а кажется имъ такимъ легкимъ.—Ошибочное мнѣніе Байрона о Кинѣ и Кемблѣ.—Первое появленіе Гамлета въ европейскихъ переводахъ.—Первый русскій переводъ. — Прежніе и современные намъ актеры въ роли Гамлета —Мочаловъ и Каратыгинъ.—Датская легенда объ Амлетѣ, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ.—Гамлетъ не сумасшедшій, не слабодушный и не рѣшительный, словомъ не водевильный герой.—Мнѣніе Гёте о Гамлетѣ.—Г. Максимовъ 1.—Новый шагъ на русскомъ искусствѣ на сценѣ.—Школа натурализма въ трагедіи.—Плохой переводъ Гамлета г. Полеваго и его плохія послѣдствія.

—

Съ открытія театровъ, послѣ лѣтняго поста, начался рядъ бенефисовъ, ведущихъ за собою цѣлую вереницу новыхъ пьесъ, новыхъ — по названію и весьма старыхъ—по содержанію, вымыслу, формѣ изложенія. Все тѣ же пословицы, гдѣ мужья ссорятся съ женами изъ-за пустяковъ тѣ же водевили, гдѣ молоденькую дѣвушку хотятъ выдать замужъ за какого-нибудь урода, тогда-какъ она любитъ коломенскаго Адониса, и гдѣ уродъ или надѣлаетъ глупостей, или напивается пьянъ подъ конецъ пьесы, къ общему благополучію влюбленныхъ; тѣ же комедіи—безъ интриги и характеровъ; тѣ же драмы, безъ основной мысли и цѣли! Поговоривъ о такихъ произведеніяхъ разъ, право, не стóитъ распространяться о ихъ стереотипномъ основаніи, когда они опять появ-

ляются еженедѣльно и ежемѣсячно въ новыхъ изданіяхъ, значительно умноженныхъ или убавленныхъ, съ новыми прибаутками, или съ старыми погудками на новый ладъ, и, по-большей-части, со смысломъ въ отпуску. Все, что въ эти шесть-семь бенефисовъ появилось мало-мальски порядочнаго «Репертуаръ Русской сцены» поднесъ читателямъ на своихъ страницахъ; а потому не станемъ останавливаться на мелочахъ, а перейдемъ прямо къ значительнымъ явленіямъ нашей русской сцены, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія и вызываютъ на размышленіе.

Къ такимъ замѣчательнымъ явленіямъ относится, безъ всякаго сомнѣнія:

1. Появленіе г. Максимова 1 въ роли «Гамлета»,
2. «Любовь и предразсудокъ», комедія Мельвиля.
3. «Подвигъ Марина», современная быль г. Григорьева 2.
4. «Бѣдная невѣста», комедія г. Островскаго.
5. «Женихъ изъ Ножевой линіи», комедія г. Красовскаго, и нѣсколько мелочей, болѣе или менѣе, заслуживающихъ упоминовенія.

Начнемъ же съ важнѣйшаго:

МАКСИМОВЪ ВЪ ГАМЛЕТѢ.

«Гамлетъ», по моему мнѣнію, самая совершеннѣйшая изъ драмъ Шекспира въ сценическомъ отношеніи, и въ то же время самая глубокая, по основной идеи и по множеству философскихъ мыслей, въ ней заключающихся. По этому, характеры ея сценическимъ артистамъ гораздо труднѣе усвоить и передать, чѣмъ въ каждой другой драмѣ Шекспира. Байронъ, говоря объ игрѣ Кина и Кембля, ставитъ перваго чрезвычайно высоко за исполненіе роли Ричарда III, сознаваясь, въ тоже время, что Кембль *превосходенъ* въ Гамлетѣ. «Но *Гамлетъ—не природа*», присовокупляетъ онъ; «*Ричардъ—человѣкъ, и Кинъ-Ричардъ*». Правда, Гамлетъ дѣйствительно идея, облеченная въ человѣческую форму, но въ такую простую, общепонятную, вѣрную дѣйствительности форму, что сочетаніе ея съ идеальной основою характера должно всегда составлять трудную задачу для актера. Поэтому актеръ, который *превосходенъ* въ Гамлетѣ, всегда будетъ и долженъ быть выше артиста, отлично выполняющаго Ричарда, и именно потому, что Ричардъ только человѣкъ—одна осязательная натура, безъ затаенной философской идеи.

Несмотря на трудность роли Гамлета, по двойственному ея значенію—идеальному и человѣческому, бо́льшая часть актеровъ, играющихъ драматическія роли, преимущественно за нее хватаются, какъ за пробный камень для дебютовъ, полагая, что ничего не можетъ быть эффект-

нѣе и легче, какъ изобразить несчастнаго датскаго принца. Къ этому способствуютъ и разныя другія причины: «Гамлетъ» и «Ромео и Юлія» первыя трагедіи Шекспира, съ которыми познакомился материкъ Европы. Онѣ были перекроены и перешиты на французскій фасонъ господиномъ Дюси, который изъ чужихъ лоскутьевъ составилъ себѣ во Франціи славу еще въ то время, когда классическая французская трагедія занимала весь міръ, когда стихи изъ нея учили въ школахъ наизустъ, какъ образцы высокой поэзіи, когда Тальма и Дюшенуа приводили въ ней въ восторгъ парижанъ, считавшихся представителями вкуса и тонкаго артистическаго такта. Въ Германіи, которая меньше подчинялась обаянію французской драматической школы, хотя величайшій поэтъ ея, Шиллеръ, и переводилъ Расина, Гамлетъ явился въ болѣе близкомъ къ подлиннику переводѣ, но понятый только со стороны наиболѣе доступной нѣмцамъ, именно, со стороны идеальной, подалъ драматическимъ представителямъ поводъ къ излишней экзальтаціи и выспренности. У насъ, въ Россіи, Гамлетъ былъ переведенъ въ эпоху полнаго владычества французскихъ классическихъ ходуль на сценѣ, и былъ переведенъ человѣкомъ, который, можетъ-быть, въ ту эпоху понималъ Шекспира лучше всѣхъ европейскихъ писателей, * именно, А. П. Сумароковымъ; но переводъ Сумарокова появился на сценѣ въ героическомъ, декламаціонномъ видѣ тогдашней французской трагедіи. Онъ удержался на репертуарѣ, благодаря обилію прекрасныхъ мыслей и занимательности своего содержанія. Съ перваго своего представленія, въ 1750 году, Гамлетъ не сходилъ съ нашей сцены донынѣ, кромѣ маленькаго промежутка, между смертью трагика Яковлева и появленіемъ новаго перевода Н. А. Полеваго. Изображеніе характера Гамлета переходило, по преданію, отъ одного актера къ другому, и началомъ этого преданія былъ умнѣйшій актеръ своего времени — Дмитревскій, который однакожь, несмотря на свой умъ, не могъ съ себя сбросить веригъ декламаціи, криковъ, изысканныхъ позъ, размашистыхъ жестовъ и героической походки, составлявшихъ въ классическую эпоху вершину сценическаго искусства. Отъ этихъ преданій отступили нѣсколько въ изображеніи Гамлета два актера—Каратыгинъ, который составлялъ переходное звѣно отъ классической школы на сценѣ къ романтической, и П. С. Мочаловъ, который былъ прямымъ представителемъ романтической школы. У перваго преобладала внѣшняя отдѣлка роли, у втораго—чувство; первый былъ эффектенъ въ сильныхъ мѣстахъ, второй—трогателенъ; но оба понимали характеръ Гамлета ложно: они выдвигали его изъ рамы; они дѣлали изъ

* Что видно изъ его предисловія къ переводу Гамлета.

него героя, выставляли его пылкимъ безумцемъ, болѣе или менѣе дѣйствовавшимъ безсознательно, или по-крайней-мѣрѣ не послѣдовательно. Бо́льшая часть актеровъ принимали Гамлета за сумасшедшаго, а сумасшедшаго, какъ ни сыграй, только было-бы эффектно—и зритель удовлетворенъ. Но Шекспиръ, создавая своего Гамлета, олицетворяя въ немъ душу человѣка въ роковую минуту жизни, въ минуту, когда долженъ рѣшиться вопросъ, «быть или не быть», хотѣлъ въ то же время остаться вѣрнымъ исторіи и сохранить подлинныя черты характера настоящаго Амлета, каковъ онъ былъ, или какимъ его создала сага. Сага о Гамлетѣ, или *Амлетъ*, отыскана знаменитымъ датскимъ поэтомъ Адамомъ Элленшлегеромъ въ 1840 году, и въ апрѣлѣ 1842 года была мною напечатана въ переводѣ. Чтобъ лучше понимать характеръ Шекспирова Гамлета и видѣть, какъ онъ воспользовался историческимъ даннымъ, попавшимъ ему въ руки, не мѣшаетъ и читателю и актеру ознакомиться съ подлиннымъ сказаніемъ о Гамлетѣ.

«Въ царствованіе лейрскаго * короля Рёрика, умеръ Гевендель, подвластный ему конунгъ въ Ютландѣ. Два сына его, Гардвендель и Фенге, вступили въ управленіе королевствомъ на мѣсто своего отца. Гардвендель предпринялъ походъ противъ Викинговъ, привезъ королю Рёрику огромную добычу и посватался на его дочери, Гиритѣ. Отецъ выдалъ ее за него и она родила ему сына Амлета. Но Фенге, изъ ненависти, тайно убилъ своего брата и женился на его вдовѣ.

Амлетъ, возмужавъ, боялся убійцы отца своего и, чтобъ спасти собственную жизнь, началъ говорить и дѣйствовать, какъ помѣшанный. Всѣ вопросы и отвѣты его были смѣшны и безсмысленны; всѣ дѣйствія ребячески-глупы. Онъ болѣе походилъ на пугало, чѣмъ на человѣка. Иногда онъ садился у огня въ золу и раскидывалъ уголья во всѣ стороны; иногда дѣлалъ деревянные крючки, обжигалъ ихъ на огнѣ и сгибалъ ихъ, какъ удочки, чтобъ они крѣпче зацѣплялись за то, на что́ были бросаемы. Когда его спрашивали, что́ онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «Я острю концы копій, чтобъ отмстить за смерть отца!» Нѣкоторые придворные, глубже вникавшіе въ его поступки, подозрѣвали, что онъ не такъ безуменъ, какъ кажется, и подъ хитрою личиною скрываетъ умъ зоркій и обширный. Наконецъ рѣшились испытать его посредствомъ хорошенькой женщины (хорошенькія женщины были вѣчнымъ искушеніемъ мужчинъ, даже и въ древности!). Она должна была пріобрѣсти

* Лейръ былъ столицею датчанъ во времена языческія, какъ Рёскильде въ первую и Копенгагенъ во вторую половину христіанскаго періода. Говорятъ, что эти города были такъ-же велики, какъ нынѣшній Копенгагенъ. Теперь городокъ Рёскильде имѣетъ только 4000 жителей, а Лейръ — деревня, въ-двухъ миляхъ отъ него. *Прим. перевод.*

его любовь и довѣренность. Амлетъ хотѣлъ итти прогуляться съ нею по лѣсу; но одинъ изъ друзей, слѣдившій за нимъ, подалъ ему знакъ, чтобъ онъ остерегался. Амлетъ замѣтилъ знакъ; и когда подвели имъ лошадей, сѣлъ на лошадь лицомъ къ хвосту, прикрѣпивъ къ нему узду. Странно было видѣть, какъ шла лошадь и какъ сѣдокъ управлялъ ею, держа ее за хвостъ. Подъѣхавъ къ лѣсу, они завидѣли волка. Амлетъ спросилъ: что это за звѣрь? Ему сказали: «жеребенокъ». Онъ отвѣчалъ: «Такихъ жеребятъ много при дворѣ Фенге». Этой шуткою онъ уже обозначилъ наказаніе своего отчима, какъ-будто волки и кровожадные звѣри отомстятъ за смерть отца. Но онъ хитро умѣлъ расположить слова свои, такъ, что, говоря иронически правду, не могъ быть изобличенъ въ дурномъ замыслѣ. Потомъ они подъѣхали къ морскому берегу, на которомъ лежалъ руль отъ корабля, разбитаго бурею. «Посмотри» сказали придворные: «какой тутъ лежитъ широкій ножъ». — Этотъ ножъ долженъ прорѣзывать широкій окорокъ! отвѣчалъ Амлетъ. Они показали на прибрежный песокъ и сказали: «какая прекрасная бѣлая мука!» Онъ отвѣчалъ: «Она смолота вѣтряными мельницами, да пѣнистыми волнами моря». Въ лѣсу придворные отъѣхали въ сторону, чтобъ оставить его наединѣ съ красавицею. Другъ опять подалъ ему знакъ, поймавъ осу и проткнувъ соломенкою. Увидя это, Амлетъ догадался, что ему угрожаетъ измѣна; но онъ не показалъ подозрѣнія и, оставшись одинъ, попросилъ, чтобъ дѣвушка его поцѣловала. Она знала его съ дѣтства, любила и потому охотно согласилась. Позже, его спрашивали, цѣловалъли онъ эту дѣвушку.—«Да» отвѣчалъ онъ: «на соломенкѣ съ крыши, на конскомъ копытѣ и пѣтушьемъ гребешкѣ». Всѣ эти вещи и у него были въ карманѣ и онъ положилъ ихъ подъ ноги прежде, чѣмъ поцѣловалъ ее. Эта рѣчь ничего не объяснила лазутчикамъ, а дѣвушка, разумѣется, не выдала его. Одинъ изъ приверженцевъ Фенге совѣтовалъ королю спрятать кого-нибудь въ комнатѣ, чтобъ подслушать Амлета, когда онъ будетъ говорить наединѣ съ матерью. Совѣтникъ даже самъ вызвался быть лазутчикомъ. Амлетъ вскорѣ послѣ того пришелъ къ Гиритѣ; онъ замѣтилъ, что его подслушиваютъ, вдругъ забѣгалъ по комнатѣ, захлопалъ въ ладоши, замахалъ руками, какъ крыльями и запѣлъ пѣтухомъ. Потомъ вскочилъ на связку соломы, подъ которой спрятался подслушивавшій и, ощупавъ что-то твердое, прокололъ его мечемъ, вытащилъ изъподъ соломы, разсѣкъ на куски и бросилъ свиньямъ. Кончивъ это, онъ возвратился къ матери и сказалъ: «Преступница! ты обнимаешь убійцу своего мужа и любишь того, кто сдѣлалъ сиротою твоего единственнаго сына! Говорю тебѣ, я не безъ причины надѣлъ личину безумія: кто убилъ роднаго брата, не пощадитъ и племянника. Смерть отца моего

не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Дай только придти времени и случаю, я отомщу за него! Но чтобъ поймать сильнаго злодѣя, надо много хитрости и лукавства. Не плачь о моемъ безуміи, а лучше оплакивай свой позоръ и посрамленіе нашего дома!» Такими строгими словами онъ обратилъ легкомысліе матери къ раскаянію и исправленію.

У Амлета спросили, куда дѣвался подслушивавшій. Онъ, смѣясь, отвѣчалъ: «Свиньи его съѣли!» Онъ не хотѣлъ солгать. Фенге охотно убилъ-бы Амлета, но боялся его дѣда и Гириты, поэтому онъ отправилъ его къ королю бретландскому (британскому, англійскому). Отъѣзжая, Амлетъ просилъ мать свою объявить черезъ годъ со днемъ, что ее извѣстили о его смерти, и потомъ обить залу коврами, какъ-бы для похороннаго торжества. Въ самое это время онъ хотѣлъ возвратиться. Съ нимъ поѣхали въ Бретландію два проводника, съ руническими тростями, на которыхъ была изображена просьба, чтобъ бретландскій король повелѣлъ убить Амлета. Однажды, ночью, на пути, Амлетъ нашелъ эти трости и перемѣнилъ на нихъ руны такъ, что вышло, будто Фенге проситъ бретлантскаго короля повѣсить провожатыхъ пасынка, а за послѣдняго выдать дочь свою.

Король ласково принялъ Амлета; но онъ не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить того, что ему предлагали. Король приказалъ развѣдать причину этого; Амлетъ сказалъ свитѣ: хлѣбъ вашъ имѣетъ вкусъ крови, пиво— желѣза, а окорокъ — трупа. Услышавъ это, король сказалъ: «Этотъ человѣкъ или большой мудрецъ «или очень глупъ». Онъ тотчасъ приказалъ позвать своего управляющаго, который разсказалъ, что колосья расли на полѣ битвы. Король спросилъ насчетъ окорока. Онъ былъ взятъ отъ свиньи, которая нечаянно поѣла отъ трупа казненнаго разбойника. Колодецъ, изъ котораго была почерпнута вода для пива, былъ изслѣдованъ и на днѣ его нашли заржавые мечи.

Король, увидя, что Амлетъ правъ, похвалилъ великій разумъ Амлета и выдалъ за него дочь свою. Провожатыхъ, согласно просьбѣ Фенге, приказалъ онъ повѣсить. Амлетъ показалъ видъ, будто разгнѣвался за это, и король далъ ему большую сумму денегъ въ выкупъ за убійство. Амлетъ растопилъ это золото и наполнилъ имъ двѣ выдолбленныя палки, которыя взялъ съ собою, когда, годъ спустя, отправился въ Данію. Прибывъ въ Ютландъ, онъ снялъ хорошее платье и надѣлъ лохмотья. При дворѣ Фенге всѣ были веселы и радостны. Онъ вошелъ въ залу, гдѣ въ это самое время праздновали по немъ тризну. Его спросили о провожатыхъ. Онъ вытащилъ двѣ палки и сказалъ: «вотъ они оба!» Потомъ Амлетъ принялъ на себя должность мундшенка и вызвался разносить гостямъ медъ. Какъ-будто не желая, чтобъ разодранный плащъ

мѣшалъ ему ходить свободно, онъ опоясался мечемъ; но гости не хотѣли, чтобъ онъ такъ часто вынималъ мечъ и пробовалъ остроту его объ ногти пальцевъ, и потому пробили мечъ и ножны гвоздемъ. Амлетъ не переставалъ подчивать гостей, пока всѣ они свалились безъ памяти со скамеекъ. Тогда Амлетъ накрылъ ихъ всѣми коврами, которыми была увѣшана зала, и скрѣпилъ ковры крючками, которые надѣлалъ въ дѣтствѣ, такъ, что ни одинъ изъ придворныхъ не могъ выпутаться и уйти; потомъ онъ зажегъ домъ и вскорѣ весь дворецъ былъ объятъ пламенемъ. Амлетъ побѣжалъ въ комнату, куда слуги отнесли соннаго Фенге, снялъ со стѣны его мечъ и на мѣсто его повѣсилъ свой собственный, разбудилъ короля и сказалъ: «Фенге! твои храбрые товарищи сгорѣли, а передъ тобою стоитъ Амлетъ съ своими крючьями, чтобъ мстить за смерть отца!» Фенге вскочилъ; но пока онъ протягивалъ руку къ загвожденному мечу, Амлетъ закололъ его.

Амлетъ позже изобразилъ всѣ свои дѣянія на своемъ щитѣ.—Шотландская королева прельстила его и онъ обѣщался жениться на ней; на это разгнѣвался его тесть, король бретландскій. Дѣло дошло до войны. Первый день былъ неудаченъ для Амлета и онъ потерялъ-бы сраженіе, если-бъ его не спасла хитрость. Онъ приказалъ привязать стойма тѣла убитыхъ датчанъ на полѣ сраженія къ палкамъ и камнямъ. Тогда ужасъ овладѣлъ британами: они подумали, что къ непріятелю подошло свѣжее войско, побѣжали, а Амлетъ съ большою добычею возвратился въ Данію.

Но король Рёрикъ умеръ въ это время и на мѣсто его взошелъ на престолъ Виглетъ, который укорялъ Амлета, что онъ обманомъ пріобрѣлъ королевство, и началъ съ нимъ войну. Амлетъ былъ убитъ въ сраженіи, а Виглетъ женился на его вдовѣ, шотландской королевѣ Герметрудѣ. Поле, на которомъ онъ погребенъ, до-сихъ-поръ именуется Амлетовымъ *.»

Вотъ откуда Шекспиръ почерпнулъ свою великую трагедію.

Изъ этого разсказа всякій усмотритъ, что Шекспиръ, въ изображеніи характера своего героя, остался вѣрнымъ главной его исторической чертѣ, хитрости, и что сумасшествіе его Гамлета вовсе не душевная болѣзнь, а искусное притворство. Это притворство проведено во всей роли; но есть и мѣста свѣтлыя, сознательныя, которыя актеръ непремѣнно долженъ постигать, оттѣнять и передавать совершенно другимъ тономъ, чтобы зритель тотчасъ понималъ, что все его сумасшествіе—одно притворство. Шекспиръ далъ своему герою другую душевную бо-

* Село Амелгеде, въ милѣ съ небольшимъ къ востоку отъ Рандерса. *Прим. перев.*

лѣзнь — борьбу съ самимъ собою, съ своею человѣческою натурою Поэтъ поставилъ рядомъ съ нимъ привидѣніе отца, понуждающее его къ дѣйствію—и сомнѣніе въ возможности преступленія матери, останавливающее дѣйствіе; духъ варварскаго обычая, который нашептываетъ о кровомщеніи, и духъ христіанской любви, который требуетъ примиренія. Гамлетъ образованъ, онъ учился въ университетѣ, поэтому, слѣдуя нравамъ страны, еще неотставшей отъ обычаевъ, завѣщанныхъ ей язычествомъ, онъ съ твердой волей покориться завѣту предковъ, не имѣетъ достаточно силы свершить наказаніе въ самыя рѣшительныя минуты, потому-что убѣжденъ, что наказаніе это лежитъ внѣ правъ человѣческихъ. Напрасно многіе критики находятъ Гамлета слабодушнымъ, безхарактернымъ; напротивъ, въ душѣ его совершается борьба великая, борьба глубокаго христіанскаго убѣжденія съ глубокой печалью и невыносимымъ оскорбленіемъ. Въ этомъ именно и заключается вся тайна, почему эта великая драма—драма чисто-философская, такъ обаятельно дѣйствуетъ на всѣхъ зрителей: и на мыслителя, и на простыя натуры, которымъ, можетъ-быть, непонятна идеальная сторона драмы, но которымъ доступно чувство, ее согрѣвающее. Надо быть слишкомъ невнимательнымъ, чтобъ не замѣтить, что весь характеръ Гамлета проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Оно проявляется въ сценѣ съ тѣнью, и въ сценѣ, когда онъ застаетъ короля молящимся, и въ главной сценѣ съ Офеліей, и въ сценѣ съ матерью, наконецъ, въ самомъ основномъ монологѣ драмы: to be, or not to be. У Полеваго этотъ монологъ переведенъ невѣрно и не довольно-ясно выраженъ; но возьмемъ его изъ перевода Вронченки, и вы увидите, справедливо-ли наше заключеніе:

Кто въ ярмѣ ходилъ-бы,
Стенялъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда-бы страхъ грядущаго по смерти —
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата—*не тревожилъ воли*,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней?
Такъ *робкими* творитъ всегда насъ *совѣсть;*
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ *свой препоны* уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ.

И такъ, по моему мнѣнію, Гамлетъ не слабодушный, еще менѣе сумасшедшій и ужь ни въ какомъ случаѣ не *герой трагическій*. Онъ

человѣкъ мыслящій и религіозно чувствующій, поставленный между необходимостью мстить за смерть отца и позоромъ, который месть эта должна нанести матери, между долгомъ истиннаго ярла и долгомъ истиннаго христіанина, между обычаемъ страны, обратившимся въ законъ, и убѣжденіемъ сердца, обратившимся въ натуру. Вотъ внутренная драма Гамлета: ее-то всего труднѣе постичь и передать на сценѣ. Внѣшняя драма вытекаетъ уже сама собою изъ внутренней и состоитъ въ столкновеніи Гамлета съ Клавдіемъ, котораго онъ ненавидитъ и предъ которымъ долженъ покориться; въ разрушеніи первой, чистой, юношеской любви его къ Офеліи; въ разрывѣ узъ дружбы съ товарищами, въ честь которыхъ онъ вѣровалъ и въ которыхъ встрѣтилъ предательство; въ невинномъ убійствѣ глупаго старика Полонія; въ горькихъ упрекахъ виновной матери, которой вину хотѣлъ-бы искупить цѣною всего своего сердца; въ вызовѣ ненависти благороднаго Лаэрта; наконецъ, въ самомъ своемъ притворствѣ. Во всемъ этомъ столько эффектныхъ сценическихъ сторонъ, что актеръ, даже безъ особенно-замѣчательнаго дарованія, извлечетъ изъ нихъ для себя сотню выгодныхъ положеній. Но соединить въ игрѣ внутреннюю и внѣшнюю драму—вотъ въ чемъ важная задача, вотъ гдѣ камень преткновенія бо̀льшей части актеровъ, бравшихся за исполненіе Гамлета. Гёте въ этомъ отношеніи прекрасно опредѣлилъ Гамлета въ своемъ «Вильгельмѣ-мейстерѣ.» — «Гамлетъ Шекспира», говоритъ онъ», цѣлое дерево, со всѣми его вѣтвями, листьями, сучьями, распуколками, цвѣтами и плодами.» Но онъ-же далѣе говоритъ, что цѣлаго дерева нельзя подать на столъ, и что актеръ долженъ подносить гостямъ своимъ «*золотые плоды его на серебряномъ блюдѣ*».

Не обращаясь къ сценической старинѣ, которую мы не можемъ провѣрить иначе, какъ вѣрою на слово людямъ прошлыхъ поколѣній, смотрѣвшихъ на искусство совершенно съ другой точки, чѣмъ на него теперь смотрятъ, мы можемъ указать только на двухъ современныхъ намъ представителей Гамлета на сценѣ, на П. С. Мочалова и В. А. Каратыгина. Оба они смотрѣли на характеръ Гамлета односторонним взглядомъ: одинъ хотѣлъ выразить только внутреннюю драму, другой гнался за одною внѣшнею; одинъ подавалъ золодой плодъ—безъ блюда, другой подавалъ блюдо—безъ плода. Лучшія сцены Мочалова были тѣ, гдѣ прорывалось чувство наружу: сцена съ Офеліей, сцена съ матерью; лучшія сцены Каратыгина были сцены съ привидѣніемъ, сцена театра, сцена надъ гробомъ Офеліи, сцена дуэли. Въ какой степени эти сцены были вѣрны—это другой вопросъ; мы говоримъ только, что сцены эти были эффектны и производили впечатлѣніе. Но оба актера дѣлали изъ Гамлета трагическаго героя, который у Мочалова безпре-

станно выходилъ изъ себя, у Каратыгина то и дѣло становился на ходули. Отъ односторонности воспріятія (концепціи) характера Гамлета и тѣмъ и другимъ артистомъ, оба передавали его ложно и во многихъ мѣстахъ даже совершенно противно намѣреніямъ Шекспира: у Каратыгина Гамлетъ являлся часто сумасшедшимъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать трезво; у Мочалова онъ былъ трезвъ тамъ, гдѣ надо было казаться сумасшедшимъ. Иронической тонъ, приданный Шекспиромъ большей части рѣчей Гамлета, и глубоко-философской смыслъ другихъ тирадъ, сбивали съ толку актеровъ и производили эту перетасовку; несмотря на то, оба актера — великіе артисты, добросовѣстные художники, хотя одаренные совершенно противоположными талантами—знали цѣну созданія Шекспира и дѣло свое исполняли сознательно, каждый по мѣрѣ своего разумѣнія. Кромѣ Мочалова и Каратыгина, мы видѣли на нашей нѣмецкой сценѣ въ роли Гамлета двѣ знаменитости Германіи: гг. Кунста и Эмиля Девріена. О Кунстѣ распространяться нечего: это актеръ *подражательный*, то-есть, человѣкъ несознательный, который самъ не воспринимаетъ и не создаетъ характеровъ, а подражаетъ другимъ актерамъ въ лучшихъ, эффектнѣйшихъ мѣстахъ, словомъ: qui prend son bien ou il le trouve, у одного одну сцену, у другаго—другую, у третьяго—третью. Можно себѣ вообразить, что̀ за арлекинада должна выдти изъ подобнаго подбора лоскутьевъ! Этотъ Кунстъ, играя роль Карла Морла (Шиллера), во второмъ актѣ выѣхалъ на сцену верхомъ на лошади и упалъ вмѣстѣ съ нею. Это подало тогда поводъ сказать о немъ, что онъ на сценѣ Кунстъ-рейтеръ (Kunstreiter, наѣздникъ). И такъ Кунста мимо. Эмиль Девріень знаменитѣйшій изъ современныхъ трагическихъ актеровъ Германіи, артистъ съ глубокимъ постиженіемъ и творческимъ талантомъ. Никто еще не создавалъ такъ сознательно роли Гамлета, никто не изучалъ такъ строго Шекспира на сценѣ, какъ онъ; и рѣдко случается встрѣтить актера, въ которомъ сторона внутренняя искусства была-бы такъ тѣсно и гармонически слита съ внѣшнею, въ которомъ чувство, энергія, пластика, обаятельный органъ являлись-бы въ такомъ строгомъ сочетаніи, какъ у Девріеня. Но... Это несчастное *но* все портитъ! Но онъ сохранилъ въ себѣ еще довольно-яркіе признаки нѣмецкой сценической школы; ея музыкально-монотонной декламаціи, вмѣсто простаго разговора, ея жестикуляціи, подчасъ слишкомъ размашистой и всегда рѣзкой, ея *красованій* на сценѣ, посредствомъ самыхъ изысканныхъ, картинныхъ, но вовсе неестественныхъ позъ Странно, какъ нѣмцы, которые такъ глубоко проникаютъ въ натуру каждой вещи, могли создать такое дикое искусство, подъ эгидою своихъ

безчисленныхъ эстетиковъ, и еще страннѣе, что Эмиль Девріень, артистъ современный, образованный и чрезвычайно умный, могъ поддаться обаянію такого ложнаго искусства! Но дѣло въ томъ, что и онъ принесъ ему дань, хотя слабую, сравнительно съ своими предшественниками—но все-таки принесъ, и въ этомъ состоитъ единственный, но довольно-важный упрекъ, который можно ему сдѣлать въ выполненіи роли Гамлета. Изъ этой методы игры проистекала у него какая-то приторная сантиментальность, нѣмецкая Schwärmerei, которая ужь никакъ нейдетъ къ характеру, сосредоточенному въ самомъ себѣ и болѣе мрачному, Гамлета.

По смерти Мочалова и Каратыгина роль Гамлета на русской сценѣ можно было считать упраздненною. Правда, являлись разные герои, которые брались отхватить датскаго принца на славу; но подобныя попытки никакъ нельзя было назвать *выполненіемъ* Гамлета и еще менѣе эстетическимъ явленіемъ на сценѣ. Наконецъ, нынѣшней осенью афиша объявила, что роль Гамлета исполнитъ г. Максимовъ 1-й. Подобное объявленіе было принято одними съ ироніею, другими—за шутку, и всѣми—съ сомнѣніемъ. Признаемся откровенно, мы принадлежали къ числу послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли: изъ Странной ночи» г. Жемчужникова попасть въ странную ночь характера Гамлета, изъ «Ложи 1-го яруса» г. Каратыгина въ самое глубокое созданіе поэзіи Шекспира!

Съ перваго же представленія театръ переполнился любопытными, которые раздѣлились на нѣсколько партій: на недовольныхъ, которымъ появленіе г. Максимова въ главной роли покойнаго Каратыгина казалось преступленіемъ;—на строгихъ судей, которые этотъ подвигъ называли болѣе, чѣмъ смѣлостью;—на недоброжелателей и завистниковъ, которые заранѣе радовались паденію артиста. Но взвился занавѣсъ, Максимовъ явился, сыгралъ первый актъ—и всѣ мнѣнія слились въ одинъ общій, одобрительный гулъ рукоплесканій! Такова сила истиннаго постиженія, натуры и правды на сценѣ! Она покоряетъ всѣ предубѣжденія и пробуждаетъ въ массѣ тотъ скрытый инстинктъ истины и красоты, который иногда заглушается ложнымъ направленіемъ вкуса и привычкою къ принятымъ преданіямъ искусства.

Г. Максимовъ взялъ роль Гамлета не съ идеальной, а съ человѣческой ея стороны; онъ вдвинулъ его въ общую раму картины и не допускалъ крикливо выскакивать впередъ, а между-тѣмъ все-таки умѣлъ ему придать значеніе главнаго лица пьесы. Это первая и важнѣйшая его заслуга. Всего труднѣе въ творческихъ искусствахъ быть простымъ и естественнымъ; но это еще вдвое труд-

нѣе въ искусствѣ сценическомъ, особенно, когда матеріалъ, изъ котораго долженъ творить актеръ, довольно упругъ для простыхъ формъ, то есть, когда роль его написана языкомъ нѣсколько фигуральнымъ и напыщеннымъ. Г. Максимовъ языку и всему бытію Гамлета придалъ такую поразительную простоту, столько общечеловѣческихъ чертъ, столько убѣдительной истины, что такого рода олицетвореніе трагическаго характера можно почти назвать новымъ шагомъ въ искусствѣ, и шагомъ весьма важнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ взглядамъ современной эстетики. Новое поколѣніе отъ театральнаго зрѣлища прежде всего требуетъ *правды* и *натуры*—и оно справедливо: безъ правды и натуры не можетъ существовать на сценѣ иллюзіи, то есть, обаятельнаго обмана чувствъ; а безъ этого обмана, безъ увлеченія воображенія зрителя изъ міра существеннаго въ тотъ міръ, который раскрываетъ передъ нимъ поэтъ, невозможно и сочувствіе къ дѣйствію и лицамъ, передъ нимъ проходящимъ. Представьте мнѣ на сценѣ *героя*: онъ будетъ *выше* меня и возбудитъ только удивленіе; представьте обыкновеннаго человѣка, но съ высокимъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства—и онъ расшевелитъ во мнѣ все, что только въ душѣ моей есть съ нимъ общечеловѣческаго, пробудитъ тѣ чувства, которыя въ ней спали въ зернѣ, или которыя она смутно предощущала, и непремѣнно овладѣетъ всѣмъ моимъ сочувствіемъ. Être naturel dans les arts c'est être sincere (*быть естественнымъ въ искусствѣ значитъ быть искреннимъ*) сказалъ Сентъ-Бёвъ—и это великая истина. Г. Максимовъ понялъ, что можно быть героемъ, не переставая быть обыкновеннымъ человѣкомъ, не храбрясь, не бѣснуясь, не размахивая руками. Наполеонъ и Суворовъ были самые простые люди въ рѣчахъ и обращеніи, но когда первый, скрестя на груди руки и надвинувъ шляпу, при Маренго и передъ пирамидами, а второй при переходѣ черезъ Альпы, говорили своимъ солдатамъ языкомъ простымъ, но искреннимъ; они воспламеняли массы—и были героями. Артистъ понялъ, что по слѣдамъ В. А. Каратыгина ему итти нельзя, да и не слѣдовало: нельзя—потому-что всѣ преимущества внѣшней представительности и внѣшняго искусства на сторонѣ нашего знаменитаго трагика; не слѣдовало—потому-что Каратыгинъ самъ составлялъ переходную ступень отъ школы классической къ школѣ романтической на сценѣ. Надлежало сдѣлать новый шагъ впередъ—и Максимовъ его сдѣлалъ: шагъ смѣлый и важный, шагъ, *къ натурализму* шагъ къ тому, что составляетъ задачу современнаго искусства, — къ тому, что такъ хорошо выразилъ Рюкердъ въ своемъ четверостишіи:

Der Künstler sei ein Bildner, kein Traumbilderer,
Kein Sinnverwirrer, Phantasieverwilderer,

Ein Zähmer des Affeckt's, Gefühlesmilderer,
Selbst in sich klar, und aller Klarheit Schilderer.

То-есть: «Художникъ долженъ быть творцомъ, а не фантазёромъ, не мутителемъ разума; онъ не долженъ заглушать воображеніе, а, напротивъ, обязанъ укрощать аффектацію, умилять чувство и, ясный самъ себѣ, быть представителемъ всякой ясности.»

Но гдѣ-же г. Максимовъ почерпалъ уроки этой ясности постиженія и передачи, этой простоты и искренности? Въ самомъ Шекспирѣ. Тотъ-же самый Гамлетъ, котораго онъ передаетъ такъ просто, такъ человѣчно, выучилъ его всему, что́ нужно для такого исполненія. И въ-самомъ-дѣлѣ, не странно-ли, что до Максимова, всѣ эти господа, которые ставили Гамлета на ходули паѳоса и декламаціи, не обратили вниманія на чудный урокъ искусства, который этотъ Гамлетъ даетъ актеру во второмъ явленіи третьяго дѣйствія. Полевой весьма напрасно выпустилъ изъ него добрую половину, для краткости. Вотъ это образцовое наставленіе, которое каждый истинный артистъ долженъ вытвердить наизустъ.

«Произноси стихи, какъ я тебѣ читалъ ихъ: просто и безъ натя-«жекъ. Если же ты станешь ихъ распѣвать на всѣ голоса, подобно «многимъ актерамъ, то, по-мнѣ, лучше слышать ихъ изъ устъ ночнаго «сторожа. Не рѣжь изо всей силы руками воздуха, но соблюдай во «всемъ приличіе и умѣренность: она возвышаетъ каждую страсть въ «самомъ ея разгарѣ, въ самомъ вихрѣ, въ самой бурѣ. О! какъ мнѣ «досадно слушать, когда иной дюжій парень (a robustions periwig-pated «fellow), запрятавъ голову подъ парикъ, начинаетъ кромсать страсть на «части, раздирать на клочки, чтобъ утѣшить уши черни, способной «только восхищаться неестественнымъ кривляньемъ и крикомъ...

«Не будь также слишкомъ робокъ: пусть собственное благоразуміе «будетъ твоимъ наставникомъ. Соглашай движенія (то-есть, внѣшнія) «со словами и слова съ движеніями (то есть, внутренними). Особенно «старайся не преступать границъ натуральной простоты: все, что́ пре-«увеличено — несообразно съ цѣлью представленія, которая, первона-«чально, какъ и теперь, была и есть — представить вѣрное зеркало «природы, придать добру и злу точныя ихъ черты, явить каждому со-«словію и возрасту вѣрный ихъ отпечатокъ и подобіе. Картина слиш-«комъ рѣзкая или черезчуръ слабая, способна разсмѣшить невѣждъ, «но она оскорбитъ вкусъ людей умныхъ; а голосъ одного изъ нихъ «долженъ быть для васъ дороже криковъ цѣлой толпы безсмысленныхъ. «О! есть актеры — я видалъ игру ихъ и слышалъ имъ даже громкія

«похвалы—актеры, которые, стыдно сказать, не владѣя ни языкомъ, и «видомъ тѣхъ, кого представляли, и даже просто языкомъ и видомъ чело «вѣческими, коверкались и ревѣли, и безчеловѣчно подражали они че «ловѣку.

«Сверхъ того, внуши всѣмъ, играющимъ у васъ потѣшниковъ, «чтобъ они отъ себя не прибавляли ни одного слова, котораго нѣтъ въ «пьесѣ: многіе изъ нихъ хохочуть сами, чтобъ разсмѣшить самыхъ «плосколобыхъ изъ зрителей, между-тѣмъ, какъ въ эту минуту совер «шается на сценѣ дѣйствіе, необходимое для поясненія цѣлой пьесы. «Такія выходки низки; онѣ показываютъ только, какъ жалко честолю «біе тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ».

Вотъ наставленіе Шекспира, которое прямо указываетъ, какъ надо играть его Гамлета. Забавнѣе всего то, что всѣ трагики во второй сценѣ втораго дѣйствія, гдѣ самъ Гамлетъ читаетъ актеру «Разсказъ Энея Дидонѣ», страшно его *декламировали*, тогда-какъ, по окончаніи монолога, Полоній говоритъ довольно-ясно Гамлету: «По чести, принцъ, вы читаете прекрасно: *просто* и *выразительно*». Впрочемъ, тутъ отчасти виноватъ и переводчикъ, который заставилъ Полонія чуть-чуть не повторить стихъ изъ «Горе отъ ума» *съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой*. У него Полоній говоритъ: «Превосходно, принцъ! Прочитано мастерски: *съ удареніемъ, съ чувствомъ*!» (Fore God, my lord, well spoken; with good accent, and good discretion). Но послѣ приведеннаго выше наставленія, этотъ промахъ перевода не можетъ служить оправданіемъ актеру сознательному. Ошибки такого рода показываютъ только, какъ мало тѣ, которые брались за Гамлета, проникались духомъ Шекспира, и какъ поверхностно изучали самый характеръ представляемаго лица.

И такъ, простота и естественность игры—вторая заслуга г. Максимова. Третья заслуга состоитъ въ томъ, что онъ влилъ много здраваго смысла въ тѣ сцены, которыя прежде него или совсѣмъ пропадали, или оставались темными загадками для зрителей, некоротко знакомыхъ съ подлинникомъ Шекспира. Такъ, напримѣръ, въ сценѣ съ тѣнью отца онъ показалъ много благоговѣнія къ загробному явленію и много глубокаго чувства. Стихи:

Помнить о тебѣ! отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помнить о тебѣ... да я изглажу
Изъ памяти моей все, что я помнилъ,

Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья, и ничто во-вѣки
Не съединится съ ними!..

были произнесены имъ съ умиляющимъ вдохновеньемъ Слова: «Прощай, прощай, прощай и помни обо мнѣ»! отзывались внутренними слезами. Сцена клятвы надъ мечемъ ведена г. Максимовымъ чрезвычайно разумно: видно, что онъ для этого руководствовался не одною своей ролью, но просмотрѣлъ и другіе переводы Гамлета. У Полеваго онъ говоритъ:

А! онъ здѣсь; *пріятель, здѣсь—что-жь, выходи!*
Вы слышали его: клянитесь!

а при повтореніи голоса подъ землею:

Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто!

въ третій же разъ—онъ говоритъ:

Хорошо, *подземный* кротъ! ты *роешь славно*
И подъ землею такъ и бытаешь, сюда,
Подальше отъ него, друзья.

У Шекспира совсѣмъ не то. Въ первый разъ онъ говоритъ:

А! чистый духъ! * И ты велишь! Ты здѣсь надежный другъ **.
Подойдите: вы слышите пріятеля тамъ въ склепѣ.
Клянитесь-же.

Во второй разъ онъ говоритъ:

Hic et ubique! Здѣсь и повсюду! Перейдемте дальше!

а въ третій:

Прекрасно, старый кротъ! Ужель такъ скоро
Ты можешь землю рыть? Безцѣнный рудокопъ! ***
Сюда, друзья! На мечъ кладите руки.

* Воу—*младенецъ, ребенокъ*, здѣсь употреблено поэтомъ въ смыслѣ чистоты безплотной.

** True-penny — вѣрная копейка; по-англійски употребляется въ смыслѣ надежнаго друга.

*** Worthy pioneer.

Гамлетъ у Шекспира явно уважаетъ тѣнь отца, и на голосъ ея призываетъ своихъ друзей, какъ на голосъ покровительствующій клятвѣ, которую онъ отъ нихъ требуетъ. У Полеваго выходитъ напротивъ: «*подальше отъ него, друзья!*» Притомъ полушуточныя выраженія, вовсе несродныя съ этой торжественной сцецою, въ родѣ: «*пріятель здѣсь*»! «*Что жь—выходи!*» «*Подземный кротъ, ты подъ землею такъ и бѣгаешь,*» и проч. всегда дѣлали это явленіе не только непонятнымъ, но даже нелѣпымъ на сценѣ. Это показываетъ, что Шекспира *поправлять* нельзя безнаказанно. Г. Максимовъ, какъ я ужь сказалъ, осмыслилъ это мѣсто и велъ его прекрасно.

Трудно было-бы прослѣдить всю роль въ игрѣ нашего артиста въ журнальной статьѣ; но мы укажемъ только на важнѣйшія сцены, которыя особенно хорошо вылились у г. Максимова. Превосходна у него сцена съ Офеліей въ III дѣйствіи. Онъ даже расположилъ ее иначе, и расположилъ очень умно и эффектно. Офелія сидитъ за работою, на балконѣ, въ глубинѣ сцены. Это даетъ ему полную свободу высказать свой монологъ: «Быть или не быть» наединѣ. Въ концѣ монолога онъ ее замѣчаетъ и обращается къ ней со всею нѣжностью истинной любви. Но въ минуту, когда онъ начинаетъ подозрѣвать, что и она подсажена тутъ въ видѣ шпіона, онъ вдругъ быстро отъ нея отскакиваетъ; лицо, движенія, голосъ—все принимаетъ другое выраженіе: это левъ, уязвленный въ самое сердце. Всѣ остальныя рѣчи высказываетъ онъ ей съ упрекомъ, болѣе отзывающимся душевною грустью, чѣмъ ѣдкой ироніею. Просто и вѣрно! Эта сцена—минута вѣчнаго разрыва любви Офеліи и Гамлета, не можетъ быть иначе понята и сыграна. Сцена эта одна изъ важнѣйшихъ въ цѣлой драмѣ: здѣсь порывается послѣдняя струна, связывавшая еще Гамлета съ людьми: его вѣра въ невинность и любовь Офеліи; здѣсь наносится этой бѣдной жертвѣ интригъ первый смертоносный ударъ, отъ котораго происходятъ всѣ ея послѣдующія страданія.

Слѣдуетъ превосходная сцена представленія. Пьеса приходитъ къ развязкѣ: Король встревоженъ; онъ поспѣшно оставляетъ залу; за нимъ въ безпорядкѣ толпится весь дворъ. Гамлетъ достигъ цѣли: онъ узналъ истину; привидѣніе не обмануло его. Это явленіе было всегда любимымъ мѣстомъ всѣхъ сценическихъ Гамлетовъ: тутъ было гдѣ развернуться, неистово покричать, похохотать адскимъ смѣхомъ, побушевать руками. У Мочалова она была страшна, онъ хохоталъ и трясся; у Каратыгина — въ высшей степени эффектна, онъ кричалъ и ползъ по сценѣ. Правда, трудно актеру по роли понять, что̀ ему именно надо дѣлать въ эту минуту, потому–что переводчикъ вложилъ ему въ уста стихи, рѣшительно безъ всякаго смысла:

Оленя ранили стрѣлой; —
Тотъ охаетъ, *другой смѣется*;
Одинъ *хохочетъ*, плачь—другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется.

У Вронченко эти стихи переданы вѣрно съ подлинникомъ:

Пусть страждетъ лань, пронзенная стрѣлой,
Олень нераненый играетъ;
Когда одинъ хлопочетъ, спитъ другой:
Такъ все на свѣтѣ здѣсь бываетъ.

Но какъ-бы ни были нелѣпы фразы, данныя въ роли актеру, онъ изъ психическаго анализа положенія лица въ эту минуту можетъ и долженъ почерпать краски для вѣрнаго изображенія его душевнаго состоянія. У г. Максимова въ этой сценѣ нѣтъ криковъ и бѣснованій: его радостный смѣхъ надъ удачею придуманной хитрости заглушается стономъ изъ глубины души надъ подтвержденіемъ страшной истины. Онъ не ужасенъ, онъ не величественъ; онъ жалокъ въ эту минуту— и это вѣрно. Сынъ, узнавшій о преступленіи матери, не можетъ ни торжествовать, ни прыгать: его должна убить эта новость въ первую минуту, и только, когда онъ опомнится, ярость противъ Клавдія придаетъ ему силы для послѣдующей сцены, гдѣ мщеніе заставляетъ его забыть на время свое горе. Слѣдующая за тѣмъ сцена флейты съ Гильденстерномъ ведена г. Максимовымъ прекрасно, именно такъ, какъ слѣдуетъ ее вести. Всѣ актеры обыкновенно произносили просьбу Гамлета сыграть на флейтѣ и монологъ его саркастически, съ ироніей, возбуждавшей смѣхъ. Г. Максимовъ произноситъ его съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ. Гильденстернъ былъ другъ его сердца и теперь является предателемъ: это новое разочарованіе, которое не можетъ вылиться иначе, какъ со скорбью. «Теперь суди самъ: за кого-же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже на этой дудкѣ? Считай меня чѣмъ тебѣ угодно, ты можешь мучить меня, но не играть мною». Воля ваша, только въ этомъ монологѣ нѣтъ ни капли смѣха, а есть жгучія слезы. Наконецъ главная сцена — съ матерью, также довольно-удовлетворительна: много жара, много чувства и ничѣмъ не пожертвовано эффекту.

Нѣкоторые стихи произнесены прекрасно; такъ, напримѣръ:

Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что-жь юности осталось? Страшно!

или:

И для чего ты поддалась пороку,
Любви искала—въ безднѣ преступленья?

или обращеніе къ тѣни.

Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально,
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить—слезами!

Сцена прощанія съ матерью ведена превосходно, тепла и истинна.

Наконецъ, въ послѣднемъ актѣ превосходно высказаны двѣ фразы надъ могилою Офеліи:

Онъ хочетъ удивить меня печалью!
Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ
Любить не могутъ!

—

и

Да, я на все готовъ, на все, на все!
Получше брата я ее любилъ.

Г. Максимовъ, исполнивъ такъ Гамлета, сдѣлалъ подвигъ, за который достоинъ названія истиннаго художника и котораго русское искусство не забудетъ на страницахъ своей лѣтописи, потому–что онъ служитъ началомъ новой артистической школы на нашей сценѣ. Я не скажу, чтобъ г. Максимовъ былъ непогрѣшимъ во всей роли Гамлета; напротивъ, есть и у него мѣста слабыя, есть погрѣшности, на которыя указать можно, напримѣръ, хоть на монологъ «Быть или не быть», который читается имъ слишкомъ скоро; на монологъ съ черепомъ, въ которомъ чувствителенъ недостатокъ мрачной думы о ничтожествѣ человѣческомъ, которая его внушаетъ. Полнаго совершенства нѣтъ на землѣ, но въ цѣломъ г. Максимовъ оставляетъ далеко за собою своихъ предшественниковъ и даже современниковъ—и этого ужь очень много. Я люблю актера, когда о немъ можно сказать то же, что Гвидо–Рени сказалъ о Рубенсѣ: «онъ подмѣшиваетъ кровь къ своимъ краскамъ:» г. Максимовъ въ Гамлетѣ именно таковъ; онъ даетъ своему олицетворенію кровь и плоть; его Гамлетъ становится живымъ человѣкомъ и актеръ исчезаетъ, а это главная задача сценическаго искусства. Многіе возстаютъ противъ личности г. Максимова въ этой роли: «Онъ такой тощій, поджарый—что онъ загерой!» Но эти гг. судьи забываютъ, что Гамлетъ, во–первыхъ, не герой, во–вторыхъ, что отъ сильныхъ ду–

шевныхъ страданій человѣкъ въ тѣло не входитъ, и наконецъ, въ-третьихъ, что самъ Гамлетъ говоритъ о себѣ въ первомъ дѣйствіи:

.... Она супруга дяди,
Который такъ походитъ на отца,
Великаго Гамлета короля, *какъ—я на Геркулеса.*

И физіономія, принятая г. Максимовымъ, и костюмъ его—какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ идеалу Гамлета. Самъ Шекспиръ не велитъ ему быть ни Голіаѳомъ, ни Стенторомъ. Тутъ кстати припомнить старинное четверостишіе Писарева:

Кто дѣлать лишь добро старался цѣлый вѣкъ,
Въ несчастіи былъ твердъ, а въ счастьи не гордился,
Тотъ истинно *великій человѣкъ*,
Хотя бы и въ *наборѣ рекрутскій* не годился.

На сценѣ дѣло не въ ростѣ и дородствѣ: величайшіе актеры были и невелики и неплечисты — доказательство: Тальма, Кинъ, Девріень старшій, Мочаловъ, Фредерикъ Лемэтръ, Буффе. Главное дѣло въ умѣньи владѣть и располагать своими душевными силами. Въ этомъ отношеніи, по-мнѣ, великій актеръ не тотъ, кто свою душу ставитъ вмѣсто чужой, а тотъ, кто чужою душою умѣетъ замѣнить свою.

Объ остальныхъ новостяхъ побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

Ѳ. КОНИ.

—

II.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУГѢ.

(*статья вторая*)

Андромаха.—Расинъ и требованія его вѣка.—Мнѣніе Корнеля.—Мысль пьесы.—Андромаха Эврипида.—Цѣль ея.—Герміона въ *Андромахѣ* и *Орестѣ* Эврипида.—Герміона Расина.—Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера.—Значеніе пьесы и критика Лагарпа.—Разборъ трагедіи.—Пирръ.—Любовь à la française.—Неумѣстная ироніи Герміоны.—Положеніе Андромахи.—Орестъ.—Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедіи.—Враги Андромахи.—Эпиграмы Расина.—*Адріенна Лекувреръ.* — Ея исторія. — Драма Скриба.— Разборъ ея.—Герцогиня Бульонъ. — Шазель. — Появленіе Рашели. — Два голубя.—Двѣ стороны таланта Рашели.—Энергія и нѣжность —Любовь Адріенны.—Сцена соперницъ.—Монологъ изъ *Федры.*—Пятый актъ.—Смерть Адріенны.—Какъ умираютъ отъ яда.—Рашель въ современной драмѣ и въ трагедіяхъ.

Десятаго ноября 1667-го года была играна въ Парижѣ въ первый разъ Андромаха Расина. Ровно черезъ сто-восемьдесятъ-шесть лѣтъ

того-же числа, увидѣли мы эту трагедію въ Петербургѣ. Современники Расина были въ восторгѣ отъ Андромахи. Съ этой минуты началась извѣстность молодаго поэта (ему было 28 лѣтъ въ это время). До-тѣхъ-поръ онъ написалъ только *Ѳиваиду* и *Александра*, двѣ очень плохія пьесы. *Александръ* былъ игранъ годомъ раньше Андромахи и упалъ на театрѣ Пале-Ройяля. Корнель, которому Расинъ читалъ свою пьесу, сказалъ ему: «Въ васъ большой талантъ для поэзіи, но не для трагедіи». Расина упрекали въ томъ, что онъ представилъ Александра страстнымъ, влюбленнымъ юношей, что̀ несогласно съ исторіей. Поэтъ соглашался съ этимъ, но оправдывалъ себя тѣмъ, что зрители любятъ видѣть, чтобъ на сценѣ герои любили какъ французы, а не какъ Македоняне (notre public tient aux amours à la française). Слѣдуя этой-же системѣ—выставлять на сценѣ любовь à la française, Расинъ написалъ и Андромаху. Онъ угадалъ вкусъ современниковъ, и Андромаха доставила ему громкую извѣстность, вопреки мнѣнію старика Корнеля, который съ-тѣхъ-поръ уступилъ мѣсто на театрѣ своему счастливому сопернику. Авторъ *Гораціевъ* въ этомъ-же году поставилъ *Аттилу*, неимѣвшаго никакого успѣха и упавшаго при громкомъ смѣхѣ, которымъ сопровождалась острота Шапелля: «Въ трагедіи Аттила уже слишкомъ много натуры: всѣ стихи гуннскіе или визиготскіе».

Въ предисловіи ко второму изданію Андромахи Расинъ говоритъ, что идею его піесы подали ему шестнадцать стиховъ изъ третьей пѣсни Энеиды.

Solemnes tum forte dapes et tristia dona
Libabat cineri Andromache, Manesque vocabat
Hectorem ad tumulum и проч.

Въ этихъ стихахъ Виргилій заставляетъ Андромаху, приносящую жертву тѣни Гектора, сожалѣть объ участи Поликсены и говорить, что она должна была отдаться Пирру, который бросилъ ее потомъ, чтобы соединиться съ Герміоною. Но Орестъ, которому Герміона была назначена въ супруги, въ бѣшенствѣ, убилъ у алтаря своего соперника, заставъ его въ храмѣ.

Далѣе, въ этомъ-же предисловіи, Расинъ, упоминая объ *Андромахѣ*, трагедіи Эврипида, говоритъ, что онъ заимствовалъ изъ нея только одну ревность Герміоны. Посмотримъ ближе на пьесу греческаго трагика, чтобъ видѣть всю разницу между нимъ и Расиномъ.

Дѣйствіе пьесы Эврипида происходитъ во Ѳтіи, эпирскомъ городѣ. Пирръ въ отсутствіи и, пользуясь этимъ, жена его, Герміона, поддерживаемая своимъ отцомъ, Менелаемъ, осуждаетъ на смерть Андромаху,

свою соперницу, и ея сына Молосса, прижитаго ею съ Пирромъ. Мать и сынъ ищуть убѣжища у алтарей Ѳетиды (точно такое-же положеніе Эврипидъ уже вывелъ на сцену въ своей трагедіи *Геркулесъ въ ярости*). Герміона, не имѣя дѣтей отъ Пирра, мучится злобой и ревностью; она не хочетъ допустить, чтобъ сынъ рабыни наслѣдовалъ, нѣкогда сыну Ахиллеса. Ея споръ съ Андромахой, защищающейся благородно и умно, очень эфектенъ и составляетъ прекрасную сцену. Потомъ начинаютъ спорить Менелай съ Пелеемъ: одинъ вступается за свою дочь, другой—за свою внуку. Пелей, вмѣсто того, чтобъ упрашивать Менелая, оскорбляетъ ее самою нецеремонною бранью. Всѣ эти споры наполняютъ три акта трагедіи. Въ четвертомъ, Герміона, вмѣсто злобной и мстительной, является вдругъ въ отчаяніи, испуганной, трепещущей. Она боится, чтобъ Пирръ, вернувшись, не наказалъ ее за все зло, какое она хотѣла сдѣлать Андромахѣ. Не смотря на то, что о возвращеніи Пирра нѣтъ никакого слуха, Герміона хочетъ убить себя и успокоивается только при видѣ Ореста, являющагося неизвѣстно откуда. Орестъ любитъ Герміону и, пользуясь отсутствіемъ Пирра, хочетъ ее похитить; Герміона бросается къ ногамъ его и проситъ, чтобъ онъ защитилъ ее отъ гнѣва мужа, обѣщая повсюду слѣдовать за Орестомъ. Онъ прямо объявляетъ ей, что отправляется въ Дельфы и убьетъ тамъ Пирра. Герміона не возражаетъ на это ни слова. Въ пятомъ актѣ посланный изъ Дельфъ возвѣщаетъ Пелею объ убійствѣ Пирра, потомъ приносятъ на сцену трупъ его. Пьеса оканчивается появленіемъ Ѳетиды, пришедшей утѣшить Пелея и обѣщающей ему, что потомки Молосса, послѣдняя отрасль Эакидовъ, будетъ царствовать въ Ѳессаліи. Объ Андромахѣ нѣтъ больше и помину въ трагедіи.

Считаемъ излишнемъ указывать на всѣ несообразности подобной піэсы Цѣль ея была политическая. Эврипидъ хотѣлъ склонить къ союзу съ аѳинянами народъ, находившійся подъ управленіемъ царей изъ рода Эакидовъ, и возбудить ихъ противъ Спарты, царь которой преслѣдовалъ нѣкогда главу этой династіи; это не мѣшаетъ, однакожь, пьесѣ быть нелѣпой. Эврипидъ былъ, конечно, писатель съ дарованіемъ; но у него есть и такія трагедіи, восхищаться которыми могутъ, развѣ, одни присяжные эллинофилы. Что за лицо у него, напримѣръ, эта Герміона? Есть-ли въ ней хоть одно истинное чувство? Съ чего, послѣ трехъ актовъ гоненій на Андромаху, ей вздумалось вдругъ вспомнить о мужѣ и испугаться его? И потомъ, можно-ли чему нибудь извинить ея поведеніе въ отношеніи къ Оресту? Замѣчательно, что въ одной изъ первыхъ пьесъ Эврипида въ *Орестѣ*, онъ выводитъ тоже на сцену Герміону, только совершенно въ другомъ видѣ. Въ той трагедіи она пріѣзжаетъ въ Аргосъ вмѣстѣ

со своимъ отцомъ и матерью, чтобы овладѣть этою страною, потому-что Аргосцы осудили на смерть Ореста и Электру за убійство Клитемнестры. Но Оресту помогаетъ Пиладъ, совѣтующій ему убить Елену и захвативъ въ плѣнъ ея дочь, Герміону, и остановить этимъ враждебные замыслы Менелая. Неизвѣстно, какимъ образомъ Орестъ, Электра и Пиладъ являются во дворцѣ, зажигаютъ его и Орестъ является сквозь пламя съ мечомъ, поднятымъ надъ Герміоною, готовый пронзить ее, если Менелай не отмѣнитъ смертнаго приговора противъ дѣтей Агамемнона. Это чрезвычайно эффектная, хотя и ничѣмъ неоправданная сцена, оканчивается явленіемъ Аполлона, который, въ свою очередь, объявляетъ, что онъ спасъ Елену въ то время, когда ее хотѣли убить, и перенесъ на нѣбо. Показавъ Менелаю эту новую богиню во всемъ ея блескѣ, Аполлонъ приказываетъ Пиладу жениться на Электрѣ, а Оресту —на Герміонѣ. Этими странными свадьбами оканчивается тоже порядочно-странная пьеса, въ которой Герміона играетъ если и второстепенную, то по-крайней-мѣрѣ естественную роль.

Герміона Расина не похожа, по счастью, на Герміонъ Эврипида; она настоящая героиня пьесы, которую слѣдовало-бы назвать ея именемъ. Въ этой роли много огня, жара и чувства. Вольтеръ, проходившій однажды эту роль съ молодой актрисой, старался внушить ей, съ какимъ увлеченіемъ надобно играть Герміону. «Но если я буду играть ее такимъ образомъ, подумаютъ, что я бѣснуюсь (on me croirait le diable au corps), сказала актриса». «Именно-то этого я и требую отъ васъ», отвѣчалъ Вольтеръ. «Чтобъ играть и писать трагедіи, надо бѣсноваться! (pour jouer la tragédie et pour la faire il faut avoir le diable au corps)». И Рашель дѣйствительно почти такимъ образомъ играетъ Герміону.

Но, кромѣ этой роли, хорошо задуманной, весьма эфектной, имѣетъ ли какое-нибудь достоинство вся пьеса Расина? Отвѣчаемъ рѣшительно: ровно никакого! Французскіе критики раздѣляютъ объ этой пьесѣ мнѣніе ея современниковъ, съ которымъ мы никакъ не можемъ согласиться. Лагарпъ, напримѣръ, говоритъ, что одной Андромахи довольно для полноты славы Расина и что въ этой пьесѣ онъ сталъ выше своего вѣка, еще не вполнѣ оцѣнившаго и понявшаго писателя. Въ особенности Лагарпъ хвалитъ его за то, что онъ понялъ требованія зрителей: видѣть въ герояхъ трагедіи свои чувства, желанія, чтобъ ихъ лучше трогали, чѣмъ удивляли; что удивленіе скоро притупляется и не можетъ поддержать интереса цѣлой пьесы; слезы скоро высыхаютъ, но что состраданіе сильнѣе дѣйствуетъ на сердце. Стало-быть, Андромаха имѣла успѣхъ, потому-что трогала зрителей, находившихъ въ ней сходства съ своими собственными чувствами, возбуждала въ нихъ состраданіе.

Таковы были требованія современниковъ Расина. Наши требованія въ этомъ случаѣ совершенно другія. Мы хотимъ, чтобъ историческое лицо, выводимое на сцену, было прежде всего вѣрно преданіямъ и характеру его эпохи, а не нашимъ современнымъ чувствамъ; чтобъ прежде всего мы были убѣждены въ возможности поступковъ, въ истинѣ чувствъ героя, потомъ уже мы будемъ трогаться, или восхищаться; и эти послѣднія чувства никакъ не поднимутся въ нашемъ сердцѣ, если умъ нашъ будетъ пораженъ неестественностью сюжета трагедіи и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. И это послѣднее чувство мы испытываемъ, видя Андромаху.

Прослѣдимъ за ходомъ пьесы, чтобъ видѣть, до какой степени она слаба и неестественна.

Первый актъ начинается разговоромъ Ореста съ Пиладомъ. Орестъ говоритъ стихи, вошедшіе въ поговорку:

Oui, puisque je retrouve un ami si fidèle,
Ma fortune va prendre une face nouvelle.

Онъ объявляетъ Пиладу, что отправленъ посломъ къ Пирру, отъ имени всей Греціи, требовать выдачи Астіанакса, сына Гектора, котораго Пирръ не умертвилъ еще, по просьбѣ его матери, Андромахи, доставшейся ему вмѣстѣ съ Астіанаксомъ при раздѣлѣ плѣнныхъ, послѣ взятія Трои. Вмѣстѣ съ тѣмъ Орестъ сообщаетъ, что онъ влюбленъ въ Герміону, невѣсту Пирра, которая живетъ во дворцѣ его, въ ожиданіи, пока, онъ на ней женится, и смотритъ какъ онъ, не торопясь сочетаться бракомъ, ухаживаетъ за своей рабыней Андромахой.

J'aime, je viens chercher Hermione en ces lieux,
La flechir, l'enlever ou mourir à ses yeux!

Прибавляетъ Орестъ. Пиладъ замѣчаетъ ему очень плохими стихами:

Quoi! Votre âme à l'amour en esclave asservie
Se repose sur lui du soin de votre vie?..
... Hermione elle même a vu plus de cent fois
Cet amant irrité (Pyrrhus) revenir sous ses lois,
Et, de ses voeux troublés lui rapportant l'hommage,
Soupirer à ses pieds moins d'amour que de rage.

Какъ все это похоже на Пирра, спокойно зарѣзавшаго у алтаря старика Пріама,—на Андромаху, у которой было три сына отъ Пирра: Молоссъ, Піелъ и Пергамъ,—на Герміону, жену Пирра,—на грековъ троянской войны, ихъ нравы и обычаи!.. Расинъ находитъ все это очень правдоподобнымъ, и въ предисловіи, о которомъ мы ужь говори-

ли, извиняется только, что онъ заставилъ жить при дворѣ Пирра Астіанакса, котораго въ глазахъ Андромахи сбросили съ башни при осадѣ Трои. По его словамъ, это единственная licentia poetica его пьесы. Вольно же нашему времени видѣть эти поэтическія вольности въ каждомъ характерѣ, каждомъ стихѣ трагедіи!..

Является Пирръ. Орестъ излагаетъ ему предметъ своего посольства. Пирръ отказывается исполнить желаніе грековъ, и посылаетъ его къ Герміонѣ. По уходѣ Ореста, Фениксъ, *гувернеръ* Ахилла и потомъ Пирра (gouverneur d'Achille et ensuite de Pyrrhus), справедливо замѣчаетъ своему воспитаннику:

Ainsi vous l'envoyez aux pieds de sa maitresse?

На что Пирръ отвѣчаетъ:

On dit qu'il a longtems brulé pour la princesse.

Входитъ Андромаха. Пирръ сообщаетъ ей о требованіяхъ и опасеніи грековъ. Андромаха отвѣчаетъ хорошими стихами:

... Digne objet de leur crainte!
Un enfant malheureux, qui ne sait pas encor
Que Pyrrhus est son maître et qu'il est fils d'Hector!

Несмотря на это, Пирръ продолжаетъ приставать къ ней съ своей любовью:

Mais, parmi ces périls où je cours pour vous plaire,
Me refuserez-vous un regard moins sevère?
Haï de tous les Grecs, pressé de tous cotés,
Me faudrat-il combattre encore vos cruautés?..
... En combattant pour vous me sera-t-il permis
De ne vous point compter parmi mes ennemis?..
... Mais que vos yeux sur moi se sont bien exercés!
Qu'il m'ont vendu bien cher les pleurs qu'ils ont versés!
De combien de remords m'ont ils rendu la proie!
Je souffre tous les maux que j'ai fait devant Troie.
Vaincu, chargé de fers, de regrets consumé
Brulé de plus de feux, que je n'en allumai.

И подобные стихи выдавали намъ за образецъ совершенства! И это говоритъ Пирръ своей рабынѣ, которая считалась у грековъ вещью! И это гомерическая Грецiя! Вотъ, когда было кстати сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: o tempora! o mores! Андромаха отвѣчаетъ на эти приторныя любезности, что она хочетъ остаться вѣрною тѣни Гектора. Пирръ уходитъ, угрожая выдать Астіанакса.

Второй актъ начинается выходомъ Гермiоны. Она бесѣдуетъ съ

своей наперсницей Клеоной и соглашается видѣть Ореста. Онъ является, сильно качаясь и размахивая руками, говоритъ à la Пирръ:

. . Je viens à vous et je me vois reduit
A chercher dans vos yeux une mort qui me fuit.
Voilà depuis un an le seul soin qui m'anime.
Madame, c'est à vous de prendre une victime
Que les Scythes avaient dérobés à vos coups,
Si j'en avais trouvé d'aussi cruels que vous.

Герміона отвѣчаетъ ему также весьма плохими стихами въ родѣ:

Seigneur, je le vois bien, votre âme prevenue
Répond sur mes discours le venin qui la tue.

и уходитъ, поручая Оресту еще разъ требовать, чтобъ Пирръ выбралъ между нею и троянкою. Тотъ является самъ и говоритъ Оресту, что передумалъ и выдаетъ Астіанакса. Орестъ уходитъ, въ отчаяніи, еще болѣе качаясь и еще болѣе размахивая руками. Пирръ, оставшись съ своимъ гувернеромъ-Фениксомъ, или со своимъ Фениксомъ-гувернеромъ, осыпаетъ Андромаху упреками за ея жестокость и хочетъ все-таки видѣть ее, чтобъ высказать ей все, что̀ онъ такъ хорошо говоритъ самому себѣ. Фениксъ изъ гувернеровъ замѣчаетъ, что пора, наконецъ, перестать колебаться и что, наконецъ, стыдно быть до такой степени. Пирръ соглашается съ этимъ и уходитъ къ Герміонѣ.

Третій актъ начинается вторичнымъ разговоромъ Ореста съ Пиладомъ. Первый сердится, второй успокоиваетъ его.

Mon innocence enfin commence à me peser

говоритъ Орестъ:

... Allons, seigneur, envelons Hermione!

отвѣчаетъ Пиладъ. Является Герміона. Она очень рада, что разнесся слухъ о приготовленіяхъ къ ея браку съ Пирромъ, но адресуетъ къ Оресту нѣсколько нѣжностей, въ родѣ :

.... Je veux croire
Que mes yeux sur votre âme étaient plus absolus...
.... Vous avez pu voir
Combien je relâchais pour vous de mon devoir.

Орестъ, хотя въ сильномъ негодованіи, но смиряетъ свой гнѣвъ и размахиваніи руками и уходитъ. Андромаха, въ слезахъ, бросается къ ногамъ своей соперницы и умоляетъ выпросить у Пирра пощаду ея сыну. Она напоминаетъ ей, что нѣкогда трояне, изнуренные десятилѣтними страданіями, угрожали ея матери и Гекторъ защитилъ ее. На эту

просьбу Герміона отвѣчаетъ словами, полными ироніи, неблагодарности и неестественности:

S'il faut fléchir Pyrrhus—qui le peut mieux que vous?

Этотъ отвѣтъ неестественъ потому, что Герміонѣ не слѣдуетъ еще разъ допускать свою соперницу къ Пирру, и гораздо благороднѣе и благоразумнѣе было-бы ей самой попросить Пирра о пощадѣ Астіанакса. По уходѣ Герміоны является Пирръ. Андромаха обращается къ нему съ просьбою, выраженною очень хорошими стихами. Приведемъ ихъ тѣмъ-болѣе, что до-сихъ-поръ намъ приходилось цитировать только дурные.

Seigneur, voyez l'état où vous me reduisez.
J'ai vu mon père mort et nos murs embrasés;
J'ai vu trancher les jours de ma famille entière
Et mon epoux sanglant trainé dans la poussière,
Son fils seul avec moi réservé pour les fers.
Mais que ne peut un fils! je respire, je sers;
J'ai fait plus; je me suis quelquefois consolée,
Qu'ici plutôt qu'ailleurs le sort m'eut exillée;
Qu'heureux dans ses malheurs le fils de tant de rois,
Puisqu'il devait servir, fut tombé sous vos lois;
J'ai cru que son prison deviendrait son asile.
Jadis Priam soumis fut respecté d'Achille:
J'attendais de son fils encore plus de bonté,—
Pardonne, cher Hector! à ma crédulité!..

Замѣчательно, что вообще во всей пьесѣ роль Андромахи выдержана лучше прочихъ и написана очень хорошими стихами. Пирръ уходитъ, въ послѣдній разъ предложивъ ей на выборъ, или выйдти за него замужъ, или потерять сына; а наперсница ея, Цефиза, уговариваетъ ее выйдти за Пирра.

Андромаха отправляется на гробницу Гектора, спрашивать его, что́ ей надо дѣлать (гробница Гектора въ Бутротѣ, въ эпирскомъ городѣ!!) и возвращается въ четвертомъ актѣ, говоря, что соглашается выйдти за Пирра, чтобъ спасти сына, но тотчасъ же убьетъ себя по совершеніи обряда. Цефиза, конечно, по заведенному порядку, восклицаетъ:

Ah! ne prétendez pas que jé puisse survivre!

Андромаха приказываетъ ей жить, чтобъ смотрѣть за ея сыномъ, и уходитъ, видя Герміону. Та является, взбѣшенная измѣною Пирра. Приходитъ Орестъ, за которымъ она посылала, и Герміона съ первыхъ словъ предлагаетъ ему зарѣзать Пирра, отвѣчая на всѣ отговорки Ореста:

Ne vous suffit il pas que je l'ai condamné!..
... Que je le hais, enfin, seigneur, que je l'aimai!..
... Tant qu'il vivra craignez que je ne lui pardonne,
Doutez jusqu'à sa mort d'un courroux incertain.
S'il ne meurt aujourd'hui je puis l'aimer demain.

Рашель читаетъ эти стихи превосходно. Не производя большаго впечатлѣнія во второмъ актѣ и въ третьемъ, здѣсь она вырываетъ у зрителей невольные аплодисменты. Орестъ съ самыми сильными качаньями и размахиваніями отправляется убить Пирра. Является самъ Пирръ, и въ этой сценѣ Рашель неподражаема. Пирръ говоритъ ей приторные стихи. Герміона отвѣчаетъ ему холодно, спокойно и первые стихи ея монолога производятъ неописанное впечатлѣніе на зрителей:

Seigneur, dans cet aveu depouillé d'artifice
J'aime à voir que du moins vous vous rendez justice
Et que voulant bien rompre un noeud si sollenel,
Vous vous abandonnez au crime en crimenel.

Въ послѣднемъ стихѣ, сдѣлавъ паузу на словѣ au crime, Рашель произноситъ его съ такою ужасающею ироніею, что невольно чувствуешь холодъ въ жилахъ. Мы не понимаемъ только, съ какой стати въ концѣ этого монолога Расинъ заставилъ Герміону упрекать Пирра въ томъ, что онъ убилъ Пріама и Поликсену. Эти слова были бы понятны въ устахъ Андромахи, но Гермона, дочь Елены. Послѣдніе стихи этой сцены, превосходно выраженые великой артисткой, заставляютъ, однакожь забыть обо всемъ. Невозможно передать, съ какимъ глубокимъ чувствомъ говорила она:

Je ne t'ai point aimé, cruel! qu'ai-je donc fait?
J'ai dédaigné pour toi les voeux de tous nos princes:
Je t'ai cherché moi-même au fond de tes provinces:
... Je t'aimais inconstant qu'aurais-je fois fidèle? *
Et même en ce moment où ta bouche cruelle
Vient si tranquillement annoncer le trépas, —
Ingrat je doute encore, si je ne t'aime pas.

и наконецъ эти два стиха, оканчивающіе сцену:

Porte aux pieds des autels ce coeur qui m'abandonne:
Va, cours, mais crains encore y trouver Hermoine!..

* Слишкомъ смѣлое и весьма дурнаго вкуса сокращеніе, которое напрасно расхваливаютъ французы.

Надо слышать ихъ, чтобъ понять, сколько мести, угрозы, отчаянія можно вложить въ одинъ стихъ очень простой, очень обыкновенный. Вотъ въ какихъ случаяхъ актеры становятся выше автора, созданіе выше своего создателя.

Пятый актъ начинается выходомъ Герміоны. Опять первые четыре стиха Рашели верхъ совершенства:

Où suis-je, qu'ai-je fait? que dois-je faire encore?
Quel transport me saisit? quel chagrin me dévore?
Errante et sans dessein je cours dans ce palais...
Ah! ne puis-je savoir si j'aime ou si je hais?

Клеона приходитъ и разсказываетъ, что въ храмѣ совершается бракъ Пирра съ Андромахой и Орестъ не рѣшается поразить Пирра. Съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ Герміона произноситъ:

Le lâche craint la mort et ce tout ce qu'il craint.

Она хочетъ сама идти наказать измѣнника, но является Орестъ и разсказываетъ, что, въ минуту признанія Астіанакса троянскимъ царемъ, Греки окружили Пирра и убили его, такъ-что Орестъ самъ не нашелъ мѣста гдѣ поразить его. При этомъ извѣстіи Герміона приходитъ въ отчаяніе и осыпаетъ Ореста упреками: Она говоритъ:

Barbare, qu'as tu fait? avec quelle furie
As-tu tranché le cours d'une si belle vie?..
... Mais parle, de son sort qui t'a rendu l'arbitre?
Pourquoi l'assassiner? qu-a-t-il fait? à qule titre?
Qui te l'a dit?

Послѣднее полустишіе возбуждаетъ всегда громкіе аплодисменты; но намъ кажется, что здѣсь Рашель напрасно прибѣгаетъ къ эфекту пониженія голоса, дѣйствительно поразительному, но ни чѣмъ не оправдываемому. Высказавъ еще нѣсколько упрековъ Оресту, Герміона убѣгаетъ, а съ нею вмѣстѣ поднимается вся публика и оканчивается трагедія, хотя за этимъ еще слѣдуетъ разсказъ Пилада о томъ, какъ Герміона заколола себя на трупѣ Пирра, и бѣшенство Ореста, видящаго Эвменидъ, которые стремятся наказать его. Послѣдній монологъ Ореста могъ быть дѣйствительно вѣнцомъ всей пьесы, когда его читалъ Тальма, приводившій, по преданіямъ, въ ужасъ всѣхъ зрителей однимъ стихомъ:

Pour qui sont ses serpents qui sifflent sur vos têtes?..

Но монологъ этотъ сдѣлался очень неинтереснымъ, когда его читалъ г-нъ Шери старшій, не смотря на взмахиванья руками и раскачи-

ванья всѣмъ тѣломъ, доведенныя до послѣдней степени гимнастическихъ упражненій. Г. Шери, какъ мы уже замѣчали, артистъ добросовѣстный, но роль Ореста вовсе не по его средствамъ, и онъ очень хорошо дѣлалъ, что въ послѣдующихъ представленіяхъ не читалъ своего монолога. Пьеса оканчивалась съ уходомъ Рашели; правду сказать она и была интересна только, пока Рашель была на сценѣ.

Мы разобрали подробно Андромаху, какъ разбирали и будемъ разбирать всѣ классическія пьесы. Онѣ стоятъ этого разбора, потому-что играли еще неочень давно важную роль въ литературѣ и будутъ всегда играть очень важную въ ея исторіи. Если бы мы стали разсказывать переводной прозой содержаніе этихъ трагедій, монологи и діалоги ея героевъ, читателю, можетъ-быть, не разъ пришлось бы улыбаться тамъ, гдѣ теперь, благодаря гармоніи стиховъ, онъ съ терпѣніемъ читаетъ цитаты. Они, притомъ, говорятъ сами за себя. Приводя ихъ, разсказывая трагедіи, сцена за сценой, мы думаемъ даже, что они будутъ новы для читателей. Они такъ давно знали эти пьесы, что легко могли забыть ихъ, а перечитывать теперь ихъ вполнѣ—рѣшится не всякій. Мы уже замѣчали, что и на сценѣ ихъ слушаютъ только когда Рашель читаетъ ихъ.

Говорить о недостаткахъ пьесы, послѣ нашего разбора — было бы излишнимъ. Не думаемъ, чтобъ кто-нибудь, кромѣ закоснѣлыхъ классиковъ, могъ восхищаться этой плохой пьесой, въ которой три лица играютъ два часа сряду въ любишь-не-любишь. И когда эти три лица называются Пирромъ, Андромахой, Герміоной — невольно повторяешь съ поэтомъ:

Все это было-бы смѣшно,
Когда-бы не было такъ глупо.

Сужденіе наше можетъ показаться слишкомъ строгимъ; но вспомнимъ, что даже во времена Лагарпа, восторгавшагося Андромахой, благоразумные критики излагали о ней вотъ какое мнѣніе: «Эта трагедія была бы удивительна, еслибы нерѣшимость Пирра, отчаяніе Ореста, ярость Герміоны не помрачали ея красоты». Другими словами: пьеса была бы хороша, еслибы въ ней не было того, что составляетъ самую пьесу. И это мнѣніе было высказано въ книгѣ серьёзной, въ «Историчечкомъ Словарѣ»; даже многіе изъ современниковъ Расина не признавали достоинства его пьесы. Сюблиньи, адвокатъ парижскаго Парламента, написалъ противъ Андромахи комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, подъ названіемъ *Нелѣпый споръ* (La folle querelle). Пьеса имѣла большой успѣхъ на театрѣ Пале-Рояля, напечатана въ 1668 съ ум-

нымъ и длиннымъ предисловіемъ и посвящена маршалу Л'Опиталь, противнику Андромахи. Великій-Конде былъ недоволенъ характеромъ Пирра. Маршалъ де-Креки находилъ, что Орестъ плохой дипломатъ, а Пирръ очень пылокъ. Графъ Д'Олоннь обвинялъ Андромаху въ томъ, что она уже слишкомъ вѣрна тѣни своего мужа. На двухъ послѣднихъ Расинъ написалъ эпиграмму, намекая на то, что де-Креки не любилъ женщинъ, а жена д'Олоннь была уже очень любезна. Первые, четыре стиха этой эпиграмы не дурны.

Le vraisemblable est peu dans cette pièce,
Si l'on en crois et d'Olonne et de Créqui:
Celui dit que Pyrrhus aime trop sa maitresse,
D'Olonne qu'Andromaque aime trop son marî.

Вообще Расинъ былъ очень раздражителенъ и писалъ много эпиграммъ, хотя онѣ и не очень удавались ему. Онъ написалъ даже эпиграмму на Шапелена, своего наставника и перваго руководителя на литературномъ поприщѣ, за то только, что тотъ упрекнулъ Расина въ томъ, что онъ дурно читаетъ стихи. Лучшая эпиграма его на трагедію своего врага Прадона—*Германикъ*.

Que je plains le destin du grand Germanicus!
Quel fut le prix de ses rares vertus!
Persécuté par le cruel Tibère,
Empoisonné par le traître Pison,
Il ne lui restait plus pour dernière misère,
Que d'être chanté par Pradon.

Отъ Расина и его Андромахи мы должны перейдти къ Скрибу и одной изъ самыхъ послѣднихъ пьесъ его *Адріенна Лекувреръ*. Рашель дѣлаетъ очень хорошо, что, послѣ классическихъ произведеній, даетъ зрителямъ возможность отдохнуть на пьесахъ современнаго репертуара. Успѣхъ подобныхъ пьесъ лучше всего объясняетъ, какой родъ зрѣлищъ лучше, естественнѣе, ближе къ намъ и, наконецъ, даже въ какихъ пьесахъ Рашель больше нравится.

Адріенна Лекуврeръ лице историческое. Она была знаменитою актрисою своего времени, но умерла очень рано для сцены, на которой играла первую роль. Неожиданную и внезапную смерть ея приписали отравленію. Въ самомъ-дѣлѣ, умереть тридцати семи лѣтъ, въ полномъ блескѣ славы и таланта, казалось невозможнымъ ея современникамъ. Она родилась въ Шампаніи, въ маленькомъ местечкѣ Фимѣ (Fismes) въ 1693 и умерла въ Парижѣ въ 1730. Она извѣстна своею привязанностью къ Морицу саксонскому, казавшеюся странною ея вѣтренному вѣку. Въ-самомъ-дѣлѣ, немногія дамы того времени рѣшились бы

пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, продать всѣ свои брильянты для того, чтобы заплатить долги своего поклонника. У нея была дочь отъ Морица, сынъ которой, Доде де Жоссанъ, игралъ такую важную роль въ извѣстномъ процесѣ Корнмана и Бергаса противъ Бомарше. Современники Лекуврёръ удивлялись больше всего въ ея игрѣ—энергіи, страсти и восхищались ея голосомъ, нѣсколько глухимъ и печальнымъ, но полнымъ чувства. Любопытно, что эти же качества составляютъ отличительныя достоинства Рашели.

Вотъ все, что́ мы знаемъ о Лекуврёръ. Скрибъ, какъ искусный драматургъ, воспользовался этими немногими данными о ея жизни, и составилъ прекрасную пьесу, названную имъ *комедіею-драмою* и представленною въ первый разъ въ Парижѣ 14-го апрѣля 1849 года. Пьеса имѣла огромный успѣхъ, не смотря на то, что идея ея не нова, что въ сотнѣ другихъ пьесъ выводили актрисъ въ борьбѣ съ условіями свѣта и дамами высшаго круга. Въ пьесѣ Гюго *Анджело*, играемой и у насъ, почти то же положеніе двухъ соперницъ; точно такъ же страдаетъ актриса и умираетъ жертвою своей любви. При разборѣ пьесы Гюго, въ которой также играла Рашель, мы увидимъ ближе это сходство двухъ драмъ, а теперь разскажемъ ходъ пьесы Скриба, имѣвшей огромный успѣхъ на нашей сценѣ.

Герцогиня Бульонъ оканчиваетъ свой туалетъ. Шазель присутствуетъ при этомъ важномъ занятіи дамъ временъ регентства. Онъ говоритъ прямо, что его должность состоитъ въ собираніи новостей и разглашеніи ихъ.

По своей обязанности, Шазель разсказываетъ о новостяхъ, о борьбѣ двухъ актрисъ французской комедіи: Лекуврёръ и Дюкло, изъ которыхъ первая играетъ роли въ трагедіяхъ просто и естественно, а вторая распѣваетъ ихъ по классическимъ традиціямъ. Въ числѣ другихъ новостей, Шазель сообщаетъ, что Дюкло покровительствуетъ въ особенности герцогъ Бульонъ; но герцогиня давно уже знаетъ это также, какъ и то, что Дюкло подаренъ маленькій домикъ въ предмѣстьи Парижа. Изъ разговора герцогини мы узнаёмъ также, что герцогъ занимается химіею для того, чтобъ походить на регента, но что она не жалуется потому, что жена, у которой мужъ постоянно занятъ, имѣетъ сама болѣе свободнаго времени. Входитъ герцогъ Бульонъ съ Атенаисою, герцогинею д'Омонъ. Онъ разсказываетъ, что кардиналъ-министръ поручилъ ему, какъ химику, разложить и изслѣдовать сильный ядъ, прозванный *порошкомъ наслѣдства* и привезенный во Францію при Людовикѣ XIV. Извѣстныя отравительницы Бренвильеръ и Лавуазенъ, съ ихъ сообщниками, Сент-Круа и шевалье д'Эффіа, употребляли этотъ порошокъ, и

теперь въ этомъ же обвиняютъ племянницу д'Эффіа. Одна щепотка этого порошка, по словамъ герцога, насыпанная въ перчатки, или на цвѣтокъ, производитъ сначала легкое головокруженіе, потомъ раздраженіе въ мозгу и наконецъ странный бредъ, за которымъ слѣдуетъ смерть. Послѣ этой химической диссертаціи (совершенно несогласной, однакожь, съ законами химической токсикологіи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи), герцогъ даритъ своей женѣ богатый браслетъ, осыпанный брильянтами, а герцогиня говоритъ Атенаисѣ, что завтра у нея въ домѣ знаменитая Лекуврёръ будетъ читать стихи. При этомъ показываютъ письмо актрисы съ извѣстною фразою о различіи актрисъ отъ свѣтскихъ дамъ (первыя играютъ комедію только вечеромъ—а вторыя, цѣлый день), и анекдотомъ о коадъюторѣ, привезшемъ Лекувреръ въ своей каретѣ. И сравненіе и акекдоты историческіе, но не относятся къ Лекувреръ и напрасно приписаны ей Скрибомъ. Атенаиса разсказываетъ потомъ, что въ Парижъ вернулся извѣстный герой и авантюристъ Морицъ саксонскій, сынъ Августа, курфирста саксонскаго, короля польскаго и графини Авроры Кенигсмаркъ. Разсказываютъ нѣсколько истинныхъ и сомнительныхъ подвиговъ молодаго героя, между прочимъ, что онъ долженъ одному шведу, графу Калькрейцу, семдесятъ тысячъ ливровъ. Является самъ Морицъ и съ первыхъ словъ разсказываетъ анекдотъ, неподтвержденный исторіею, о томъ, какъ онъ съ шестидесятью сражающимися выдержалъ осаду непріятеля, у котораго было тысяча восемьсотъ солдатъ. Морицъ пріѣхалъ въ Парижъ просить два полка гусаръ, чтобъ завоевать свое герцогство. Атенаиса уходитъ; герцогъ отправляется читать Шазелю трактатъ о химіи. Морицъ и герцогиня остаются одни. Зритель узнаетъ, что въ прежнее время Морицъ любилъ герцогиню, и она также любитъ его. Теперь она обѣщаетъ ему хлопотать о его дѣлѣ и сообщить о ходѣ его въ маленькомъ домикѣ, принадлежащемъ Дюкло. Ее все также занимаетъ Морицъ, и она спрашиваетъ: гдѣ онъ былъ утромъ. «У министра»,—отвѣчаетъ тотъ разсѣянно.—«Вѣрно не министръ подарилъ вамъ этотъ букетъ?» спрашиваетъ она, видя цвѣты въ его петлицѣ. Морицъ говоритъ, что купилъ ихъ у цвѣточницы... «Чтобы предложить мнѣ?» спрашиваетъ герцогиня, и Морицъ, въ смущеніи, отдаетъ ей букетъ. Такъ сказано въ пьесѣ, и мы не видимъ причины, почему г-жа Вольнисъ сама выдергиваетъ цвѣты изъ петлицы Морица. Это не совсѣмъ идетъ къ герцогинѣ. Возвращеніе заставляетъ Морица удалиться Герцогиня требуетъ, чтобъ Шазель узналъ, кого любить теперь Морицъ; Шазель не можетъ отказать ей и, по уходѣ герцогини начинаетъ думать, какія причины заставляютъ ее открыть тайну Морица. Его выводитъ изъ затрудненія герцогъ, открывающій ему, что

недавно слышалъ, какъ Дюкло говорила о томъ, что знаетъ одну даму, которая любитъ Морица. Они отправляются въ театръ узнать объ этомъ.

Второй актъ переноситъ зрителя въ фойе французской комедіи. Играютъ Баязета. Актеры и актрисы расхаживаютъ, отдыхаютъ, сплетничаютъ въ ожиданіи ихъ выхода. Режиссёръ Мишонне хлопочетъ около нихъ. Актрисы толкуютъ о томъ, что на Адріеннѣ, въ костюмѣ Роксаны, надѣты удивительные брильянты — королевскій подарокъ. Приходятъ Шазель и герцогъ Бульонъ, потомъ Лекуврёръ въ костюмѣ Роксаны того времени: на фижмахъ, со шлейфомъ, въ пудренномъ парикѣ; она учитъ роль. Герцогъ хвалитъ ея талантъ, ея костюмъ и говоритъ, что за ея брильянты онъ готовъ всегда дать шестьдесятъ тысячъ ливровъ. «Вы вѣчно изучаете! (говоритъ онъ Адріеннѣ).—Чего вы ищете?»

— «Истины!» отвѣчаетъ она и благодаритъ Мишонне за совѣты, которыя онъ ей давалъ не разъ во многихъ случаяхъ. Бѣдный режиссёръ, давно ужь влюбленный въ Адріенну, въ восторгѣ отъ этого. Одна изъ актрисъ говоритъ герцогу, что Дюкло писала какую-то записку, которую поручила своей горничной передать втайнѣ по адресу. Герцогъ отправляется узнать, къ кому эта записка; актеры расходятся; Мишонне сбирается сдѣлать признаніе Адріеннѣ и просить ея руки, но та объявляетъ, что любитъ одного молодаго офицера, спасшаго ее однажды отъ преслѣдованій пьяной молодежи. Офицеръ этотъ, въ свитѣ Морица саксонскаго, только сегодня вернулся въ Парижъ и будетъ въ театрѣ. Мишонне, при этомъ извѣстіи, принужденъ скрыть свою любовь и свое признаніе. Онъ уходитъ въ отчаяніи. Является Морицъ. Влюбленные говорятъ о своей страсти. Морицъ, хоть и не хорошо еще знаетъ французскій языкъ, училъ напзустъ въ лагерѣ сцены Корнеля. Когда онъ уѣзжалъ, Адріенна подарила ему на память басни Лафонтена, но онъ не читалъ ихъ, потому-что это *басни*. Тогда Адріенна открываетъ книгу и читаетъ ему отрывокъ изъ басни *Два Голубя*. Морицъ въ восторгѣ отъ этой басни, и публика совершенно съ нимъ согласна, потому-что Рашель читаетъ эту басню удивительно-хорошо. Очевидно, что басня вовсе не нужна для хода пьесы и даже несовсѣмъ кстати было заставить Лекуврёръ читать Лафонтена—и еще въ какую минуту! но публика извиняетъ эту сценическую несообразность за артистическое чтеніе басни.

Но Адріеннѣ пора выходить на сцену и она откладываетъ бесѣду съ Морицомъ до окончанія спектакля. Они расходятся; является герцогъ Бульонъ: у него въ рукахъ записка Дюкло къ Морицу, въ коот-

рой его приглашаютъ, сегодня же, послѣ театра, на свиданіе съ однимъ извѣстнымъ ему лицомъ, для переговоровъ по политическому дѣлу. Отославъ записку по адресу, герцогъ встрѣчается съ Шазелемъ и тотъ совѣтуетъ ему нарушить эти политическіе переговоры, пригласивъ на ужинъ къ Дюкло всѣхъ актеровъ и актрисъ французской комедіи. Герцогъ согласенъ и уходитъ съ Шазелемъ аплодировать Лекувреръ. Вбѣгаетъ Мишонне, отыскивающій письмо, которое въ Баязетѣ Фатима должна подать Роксанѣ; вслѣдъ за нимъ входитъ Морицъ, получившій записку Дюкло, и понявшій, что это герцогиня Бульонъ приглашаетъ его для переговоровъ о его дѣлѣ по найму двухъ полковъ. Но въ то же время онъ не знаетъ какъ дать знать объ этомъ Адріеннѣ, съ которою онъ также обѣщалъ видѣться послѣ театра. Найдя письмо, оставленное режиссёромъ, онъ приписываетъ къ нему нѣсколько словъ карандашомъ и уходитъ. Вскорѣ является Адріенна, печальная отъ извѣстія, что Морицъ не придетъ на свиданіе. Герцогъ Бульонъ приглашаетъ ее вмѣстѣ со всею труппою на ужинъ. Она сначала отказывается, но, узнавъ, что на ужинѣ будетъ и Морицъ саксонскій, соглашается, думая попросить у него покровительства офицеру, котораго она любитъ. Герцогъ даетъ ей ключъ отъ домика Дюкло.

Въ третьемъ актѣ зритель переносится въ этотъ домикъ. Герцогиня Бульонъ ждетъ Морица. Онъ запоздалъ потому, что за нимъ слѣдили, вѣроятно, его кредиторы. Герцогиня объясняетъ ему, что кардиналъ-министръ позволилъ ему набрать два полка волонтеровъ, и хоть у Морица нѣтъ денегъ, но онъ надѣется, что французскіе солдаты согласятся, чтобъ имъ заплатили послѣ побѣды. Кромѣ того, герцогиня сообщаетъ Морицу, что враги его отыскиваютъ вездѣ графа Калькрейца, чтобъ перекупить у него заемное письмо Морица и посадитъ его въ тюрьму. Онъ благодаритъ ее за старанія о немъ и разсказываетъ, что думаетъ уѣхать изъ Парижа, тѣмъ болѣе, что любитъ одну особу. Разговоръ ихъ прерываетъ стукъ кареты — это герцогъ. Герцогиня скрывается въ ближайшую комнату. Герцогъ, видѣвшій бѣлое платье, подозрѣваетъ Дюкло и поздравляетъ Морица съ побѣдой, говоря, что нисколько на него не сердится. Шазель вводитъ Адріенну, которая съ изумленіемъ узнаетъ въ героѣ своего поклонника. Оставшись одна, она высказываетъ все свое удивленіе къ нему, всю свою любовь; она въ восторгѣ отъ него; она даже кокетничаетъ съ нимъ, говоря, что пришла на ужинъ съ тѣмъ, чтобы плѣнить Морица саксонскаго и не отказывается отъ своего намѣренія, и что Морицъ единственный человѣкъ въ мірѣ, для котораго она могла-бы позабыть бѣднаго офицера, котораго полюбила. Эта сцена удивительно хороша по страсти и граціи,

разлитой въ каждомъ словѣ Адріенны; но мы сознаемся, что въ эти минуты Рашель невполнѣ удовлетворила насъ своею игрою.

Мы уже говорили, что съ самыхъ первыхъ дебютовъ знаменитой артистки критика, удивляясь ея таланту, восхищаясь въ ней выраженію ревности, мщенія, гордости, презрѣнія—всѣхъ сильныхъ страстей, находила въ то же время, что она слабѣе выражаетъ нѣжныя чувства: тихую, стыдливую любовь, женственную грацію, наивность, кокетство. *Адріенна Лекувреръ* была написана съ цѣлью—дать Рашели возможность выказать и эту сторону таланта, въ соединеніи съ тою, которая составила ея славу. Но, по общему мнѣнію, эта вторая сторона все-таки осталась слѣбѣе въ артисткѣ. Привыкнувъ выражать строгіе, величавые, рѣзкіе типы класическихъ трагедій, Рашель остается все тою-же героиней и въ тѣ минуты, когда надобно быть женщиной. Мы не упрекаемъ ее въ этомъ нисколько. И въ жизни встрѣчаются подобныя женщины, въ которыхъ преобладаетъ одно господствующее направленіе характера, которыя дарятъ любовью какъ милостью, говорятъ: «люблю!» съ энергіей, съ гордостью, съ величіемъ. Можетъ быть, даже мужчина несправедливо требуетъ отъ выраженія этого слова нѣжности, покорности, увлеченія. Подобное соединеніе совершенно противоположныхъ качествъ даже невозможно въ женщинѣ. Мы требуемъ его отъ актрисы только потому, что она играетъ различныя роли, въ которыхъ преобладаетъ попеременно тотъ или другой характеръ. Мы можемъ желать, чтобы оба эти характера были выражены въ одинаковомъ совершенствѣ; но осуждать актрису за то, что она не само совершенство во всѣхъ роляхъ и характерахъ—было-бы несправедливо. Легко можетъ быть, что Рашель, продолжая такъ же неутомимо трудиться на своемъ поприщѣ, какъ это она дѣлала до сихъ-поръ, вскорѣ дойдетъ до того, что будетъ всегда и во всемъ удовлетворять самыхъ придирчивыхъ критиковъ, къ разряду которыхъ мы относимъ и самихъ себя, оправдывая наши замѣчанія любовью къ исскуству вообще и уваженіемъ къ дарованію Рашели. Мы все думаемъ, что оно можетъ быть еще выше и разнообразнѣе.

Обратимся опять къ разбору пьесы. Приходъ Шазеля и Мишонне прерываютъ бесѣду влюбленныхъ. Мишонне въ безпокойствѣ. По болѣзни одной актрисы, онъ долженъ перемѣнить завтрашній спектакль и отыскиваетъ вездѣ Дюкло. Шазель указываетъ на сосѣднюю комнату, говоря, что онъ найдетъ тамъ актрису, которая, нѣсколько минутъ тому назадъ, была здѣсь съ Морицомъ. Эти слова поражаютъ Адріенну, и пока Мишонне незамѣтно уходитъ въ сосѣднюю комнату, Морицъ въ нѣсколькихъ словахъ объясняетъ Адріеннѣ, что особа, спрятанная въ домѣ, приходила къ нему по политическимъ причинамъ; что онъ не лю-

битъ ее и что въ то время, какъ онъ пойдетъ отыскивать средства, чтобъ выпустить ее изъ дому, Адріенна должна стараться, чтобъ никто не видѣлъ эту женщину. Адріенна вѣритъ ему, успокоиваетъ его и, по уходѣ его, не впускаетъ туда Шазеля, который всѣми силами хочетъ узнать, кто эта незнакомка, особенно когда Мишонне, выйдя изъ той комнаты, объявляетъ, что это не Дюкло. Адріеннѣ удается выпроводить Шазеля. Она отсылаетъ Мишонне, съ намѣреніемъ выпустить эту женщину, гаситъ всѣ свѣчи (помня просьбу Морица: чтобъ никто не видѣлъ этой женщины), вызываетъ герцогиню и отдаетъ ей ключъ, полученный отъ герцога и посредствомъ котораго она можетъ незамѣтно выйдти изъ дома. Эта сцена одна изъ лучшихъ въ пьесѣ. Соперницы встрѣчаются въ потьмахъ. Обѣ хотѣли-бы видѣть другъ друга, въ особенности герцогиня, занятая одною мыслью о мщеніи; но она должна уйдти, потому-что слышенъ шумъ приближенія всѣхъ приглашенныхъ. Мишонне разсказываетъ тихо Адріеннѣ, что эта женщина встрѣтилась въ саду съ Морицомъ и онъ пошелъ провожать ее, но уронила браслетъ, который онъ нашелъ. Адріенна беретъ браслетъ, не зная вѣрить-ли ей любви Морица. Занавѣсъ падаетъ.

Четвертый актъ происходитъ у герцогини. Адріенна, узнавъ о томъ, что Морица посадили въ тюрьму за долги, посылаетъ Мишонне къ герцогу Бульону продать свои брильянты и сама идетъ вслѣдъ за нимъ, чтобъ узнать объ успѣхѣ порученія. Встрѣтясь съ нимъ въ комнатахъ; герцогини (что, замѣтимъ мимоходомъ, весьма неестественно); она узнаетъ, что герцогъ купилъ брильянты и что Мишонне приложилъ къ суммѣ недостававшія еще десять тысячь ливровъ—все свое состояніе. Адріенна тронута такимъ доказательствомъ привязанности режиссёра. Приходъ болтуна-Шазеля прерываетъ разговоръ. Онъ говоритъ о заключеніи Морица въ тюрьму какою-то знатной дамою. По уходѣ его, Адріенна, увѣренная, что Морицъ не любитъ ее, все-таки рѣшается всѣмъ пожертвовать для его спасенія.

— Ты не понимаешь, говоритъ она режиссеру, что можно любить, не желая этого, и даже противъ своей волп, стараясь скрыть это отъ всѣхъ и отъ самой себя, краснѣя отъ стыда, который тоже любовь... Я узнаю, кто моя соперница, для того, чтобы сказать ей: «Вы заключили его въ тюрьму, а я дала ему свободу, свободу видѣть васъ и любить васъ и измѣнить мнѣ».

Потомъ, сказавъ, какъ необходима Морицу свобода для дальнѣйшихъ его подвиговъ и завоеваній, она прибавляетъ:

— Какъ-бы то ни было, онъ не можетъ забыть меня. Если не

любовь, то слава и могущество его будутъ ему говорить обо мнѣ. Теперь ты понимаешь, въ чемъ будетъ состоять мое мщеніе?

И она приводитъ стихъ Корнеля, немножко изысканный.

Comblé de mes bienfaits je veux l'en accabler!

— О мой старый Корнель, приди ко мнѣ на помощь! Приди подкрѣпить мою твердость, наполнить сердце мое этими великодушными порывами, этими высокими чувствами, которыя ты столько разъ влагалъ въ мои уста. Докажи имъ всѣмъ, что мы, передающія твои благородныя мысли, можемъ не только хорошо выражать ихъ, но сочувствовать имъ, примѣнять ихъ къ случаямъ жизни. Все, что ты говорилъ, я сдѣлаю.

Этотъ монологъ былъ превосходно высказанъ Рашелью.

По уходѣ Адріенны и Мишонне, является герцогиня. Она все думаетъ о своей непріятельницѣ, голосъ которой кажется ей знакомъ. Аббатъ наводитъ ее на мысль, что это была Атенаиса. Она пріѣзжаетъ въ то же время, и слова ея наводятъ на нее нѣкоторое подозрѣніе. Сбираются гости. Герцогъ сообщаетъ извѣстіе, что Морицъ свободенъ. Является Адріенна; голосъ ея поражаетъ герцогиню; она хочетъ окончательно убѣдиться и разсказываетъ, что Морицъ дрался на дуэли и раненъ опасно. Адріенѣ дѣлается дурно. Въ это время докладываютъ о немъ, и она и герцогиня взглядываютъ другъ на друга; изъ груди обѣихъ вырывается удивительное восклицаніе. Въ этомъ взглядѣ, въ этомъ восклицаніи цѣлая драма страстн, цѣлая поэма чувствъ. Морицъ, думая, что одолженъ освобожденіемъ своимъ герцогинѣ, съ жаромъ благодаритъ ее. Адріенна все видитъ. Герцогиня, чтобъ еще болѣе поразить ее, и видя, что Морицъ ушелъ съ герцогомъ въ другія комнаты, вдругъ начинаетъ говорить окружающимъ ее дамамъ, что, по городскимъ слухамъ, Морицъ страстно влюбленъ, и госпожа Лекувреръ, вѣроятно, знаетъ даже въ кого именно.

— Я? спрашиваетъ Адріенна, пораженная этими словами.

ГЕРЦОГИНЯ. Конечно, въ свѣтѣ говорятъ, что предметъ этой страстн—театральная героиня.

АДРІЕННА. Странно, а въ театрѣ, напротивъ, говорили, что она свѣтская дама.

ШАЗЕЛЬ. Это вѣрнѣе.

ГЕРЦОГИНЯ. Моя хроника говоритъ о какой-то встрѣчѣ ночью...

АДРІЕННА. А моя—о свиданіи въ маленькомъ домикѣ.

ГЕРЦОГИНЯ. Утверждаютъ, что актрису застала тамъ ревнивая соперница.

АДРІЕННА. Говорятъ, что дама принуждена была скрыться оттуда во время прихода мужа.

— Какъ вы обѣ хорошо знаете эту исторію! говоритъ Атенаиса.

Въ доказательство справедливости своихъ словъ, герцогиня говоритъ о букетѣ, а Адріенна—узнавъ по описанію сиурка, которымъ были завязаны цвѣты, что это ея букетъ—показываетъ найденный ею браслетъ. Сцена эта ведена чрезвычайно ловко и превосходно разыгрывается. Подошедшій герцогъ узнаетъ браслетъ, и Адріенна не сомнѣвается ужь болѣе въ томъ, кто ея соперница. Герцогиня проситъ ее прочесть какую-нибудь сцену изъ трагедіи, хоть монологъ, покинутой Аріаны. Атенаиса проситъ *Федру*. Оскорбленная Адріенна читаетъ знаменитый монологъ Федры, начинающійся стихами:

Juste ciel!.. qu'ai-je fait aujourd'hui?

Послѣдніе стихи произноситъ она, сначала обращаясь къ Морицу, потомъ къ герцогинѣ:

Pourra-t-il contenir l'horreur qu'il a pour moi?
Il se tairait en vain!.. Je sais ses perfidies,
Oenone, et ne suis pas de ses femmes hardies,
Qui gouttant dans le crime une honteuse paix
Ont su se faire un front qui ne rougit jamais.

Браво! удивительно! кричитъ герцогиня, и весь театръ повторяетъ эти слова. Сцена эта, лучшая въ пьесѣ — верхъ торжества Рашели. Въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ ея голоса видны всѣ страсти, волнующія ея сердце: отчаяніе обманутой любви, оскорбленная гордость, мщеніе... Отъѣздъ Адріенны, тотчасъ послѣ чтенія стиховъ, оканчиваетъ актъ.

Пятый актъ происходитъ у Адріенны. Она больна; Мишонне приходитъ навѣстить ее и выговариваетъ ей за сцену изъ Федры, предостерегая ее отъ мщенія. Вошедшая женщина приноситъ ящичекъ, говоря, что онъ присланъ отъ графа Морица саксонскаго. Адріенна отпираетъ ящичекъ, чувствуя при этомъ какое-то болѣзненное ощущеніе. Въ ящикѣ ея букетъ, который она сама наканунѣ дала Морицу. Бѣдная женщина считаетъ присылку этого букета знакомъ того, что между нею и Морицомъ все кончено, что онъ не любитъ ее. Мишонне утверждаетъ, что ящикъ не отъ Морица; что его заставила прислать букетъ эта дама.

— Развѣ онъ долженъ былъ ее послушаться? говоритъ Адріенна, развѣ онъ долженъ былъ оскорблять ту, которую любилъ? И бѣдняжка обливаетъ этотъ букетъ своими слезами, осыпаетъ жаркими поцѣлуями, прижимаетъ къ губамъ... Ей дѣлается дурно. Является Морицъ. Онъ увѣряетъ ее въ своей любви. Мишонне открываетъ ему, что она продала свои брильянты, чтобъ освободить его изъ тюрьмы, и самъ остав-

ляетъ влюбленныхъ. Морицъ предлагаетъ Адріеннѣ свою руку и имя, которое она помогаетъ ему прославить.

— Кто развилъ мой умъ?—ты! говоритъ онъ. Кто возвысилъ мои чувства, сдѣлалъ ихъ чище, благороднѣе? — ты. Кто влилъ мнѣ въ грудь геній великихъ людей, который ты передавала съ такимъ искусствомъ?—ты—все ты, одна ты!..

Адріенна внѣ себя отъ восторга; но она дрожитъ, слабѣетъ... Она вспоминаетъ о букетѣ... Морицъ и не думалъ присылать его; букетъ оставался у герцогини... Адріенной овладѣваетъ странный бредъ. Она не узнаетъ Морица, не видитъ его передъ собою. Ей представляется театръ, зрители; она на сценѣ; она читаетъ послѣдніе стихи Герміоны къ Пирру. Она страшно страдаетъ. Прибѣгаетъ Мишонне. Онъ угадываетъ истину и говоритъ, что Адріенна отравлена...

— Я не хочу умирать! Я еще такъ молода! кричитъ Адріенна. Жить! жить!.. Напрасныя мольбы—смерть близка! Силы меня оставляютъ... Морицъ, не покидай меня... Скоро я перестану видѣть тебя. Рука моя перестанетъ сжимать твою руку... О, сценическія торжества! сердце мое не будетъ больше биться отъ вашихъ пламенныхъ ощущеній!.. А вы, долгія изученія искусства, которое я такъ любила, ничего не останется отъ васъ послѣ меня... Ничего не остается отъ насъ на землѣ, ничего кромѣ воспоминанія... вашего—не правда ли?.. Прощай, Морицъ, прощайте, друзья мои!»

Адріенна умираетъ съ этими словами. Пьеса оканчивается словами Морица, обѣщающаго, что въ потомствѣ имя его будетъ неразлучно съ именемъ Адріенны Лекуврёръ. Но имя маршала Морица саксонскаго извѣстно въ исторіи; а кто помнилъ о Лекуврёръ до пьесы Скриба?..

Весь этотъ актъ—трудная задача для исполненія роли Лекуврёръ, Рашель исполнила ее добросовѣстно, съ честью. Умирать на сценѣ въ продолженіе получаса, умирать отъ яда и вмѣстѣ съ тѣмъ не произвести на зрителей невольнаго отвращенія—было очень трудно. Тяжелое чувство, конечно, остается въ зрителяхъ, но оно возбуждается пьесою, а не актрисою. Публика находила, напротивъ, что Рашель умирала очень эфектно, почти граціозно. Нѣкоторыя лица увѣряли даже, что Рашель изучала въ натурѣ, какъ умираютъ, чтобы умереть на сценѣ какъ можно правдоподобнѣе. Мы рѣшительно не вѣримъ этому, уже и потому, что смерть Адріенны все-таки ненатуральна. Конечно, не было никакой возможности заставить умереть на сценѣ Адріенну такъ, какъ дѣйствительно умираютъ въ жизни отравленные, но Скрибъ могъ-бы хоть нѣсколько приблизиться къ истинѣ, еслибъ ему для эфекта не былъ нуженъ бредъ героини. Дѣйствія *порошка наслѣдства* (poudre

de succession) намъ очень хорошо извѣстны по судебнымъ изслѣдованіямъ особой коммиссіи, учрежденной Людовикомъ XIV (Chambre ardente). Ни этотъ ядъ, ни другой какой-либо, подобный ему, не производитъ бреда и не дѣйствуетъ на голову; всѣ, напротивъ, дѣйствуютъ на желудокъ, на кровь, если не убиваютъ мгновенно, или не повергаютъ въ состояніе безчувственнаго отупѣнія, изъ котораго человѣкъ ужь не выходитъ. Химія и токсикологія подверждаютъ намъ это; и надо быть очень плохимъ естествоиспытателемъ, чтобъ заставить умереть Лекуврёръ такъ, какъ это сдѣлалъ Скрибъ.

Вина автора не падаетъ однако-же на артистку и не мѣшаетъ ей превосходно сыграть послѣдній актъ, какъ и вообще всю пьесу, вообще обставленную прекрасно. Всего пріятнѣе было нашей публикѣ видѣть въ роли герцогини Бульонъ ея любимицу и лучшую актрису нашу—госпожу Вольнисъ. Это была достойная соперница Рашели. Истинное дарованіе никогда не завидуетъ другому, если оно и выше его, а напротивъ, старается стать съ нимъ рядомъ, чтобъ самому блеснуть въ его свѣтѣ и заимствовать отъ него, что можно. Только мелочное самолюбіе и односторонность артистическаго исполненія ролей почитаютъ себя выше всего на свѣтѣ, считаютъ униженіемъ явиться на второмъ планѣ, хотя бы даже и занимали первый, только за ненмѣніемъ лучшихъ актрисъ. Мы чрезвычайно благодарны госпожѣ Вольнисъ за исполненіе роли герцогини, которую она сыграла превосходно, кромѣ нѣкоторыхъ, немного рѣзкихъ движеній и поворотовъ головы, несовмѣстныхъ съ этою ролью. Гг. Тиронъ, Шери (старшій) Рафаэль и Латушъ были также очень недурны въ своихъ роляхъ. Г-жа Мила, взявъ на себя роль совершенно незначительную, умѣла и въ ней понравиться публикѣ и заслужить ея благодарность.

Повторяемъ еще разъ: успѣхъ Рашели въ *Адріенѣ Лекуврёръ* былъ огромный, вполнѣ заслуженный, хотя ни проза Скриба, ни французскій костюмъ XVIII вѣка не шли къ ней такъ, какъ классическіе стихи и древній пеплумъ, или тога. Въ Парижѣ Рашель даже не рѣшилась одѣть пудреннаго парика и играла Адріенну въ локонахъ. Сознаемся, что и намъ она больше нравится въ ея античной прическѣ, въ широкомъ костюмѣ древней Греціи, облегающемъ такими правильными складками ея станъ и плечи. И теперь сквозь черты Адріенны, все видѣлась намъ Федра, Герміона, и бѣглая, умная проза Скриба, казалось, такъ и порывалась улечься въ нѣжный, шестистопный ямбъ Расиновскихъ трагедій...

СМѢСЬ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ТАНЦОРКИ ВРЕМЕНЪ ЛЮДОВИКА XV.

Разсказъ А. Барте. *

—

I.

Оливье облокотился на изголовье и мечталъ въ полуснѣ, какъ мечтаютъ всегда въ двадцать-три года. Свѣтлый лучъ солнца пробивался въ комнату сквозь желтыя занавѣски окна; старикъ Бенуа два раза подходилъ къ своему барину и говорилъ ему:

— Вставайте, скоро восемь часовъ. Вотъ вашъ халатъ и туфли; шоколадъ вашъ простынетъ.

Наконецъ Оливье, вздохнувъ, рѣшился опустить одну ногу на коверъ, но въ эту минуту мечты его представляли ему такую плѣнительную картину, что онъ спряталъ опять ногу подъ одѣяло, закрылъ глаза и опустилъ голову на подушку.

Бенуа пришелъ въ третій разъ.

— Девять часовъ било: вы не успѣете одѣться и позавтракать... и опоздаете къ вашему адвокату.

* Revue de Paris 1852.

— Что́ за бѣда, мой добрый Бенуа?

— Хорошо, что васъ не слышитъ вашъ батюшка, г. президентъ, который приказалъ вамъ прилежно заниматься дѣломъ, а мнѣ—смотрѣть за вами.

Въ эту минуту пронеслась въ воздухѣ серебристая гамма свѣжаго, молодаго голоса и совершенно разбудила Оливье. Онъ вскочилъ съ постели, проворно одѣлся и подбѣжалъ къ окошку. Старикъ не понималъ, что́ сдѣлалось съ его господиномъ и хотѣлъ полюбопытствовать, на что́ онъ смотритъ въ окно; но молодой человѣкъ опустилъ занавѣску и сказалъ:

— Разогрѣй мой шоколадъ, Бенуа, и послѣ приди меня причесать... только когда я тебя позову.

Старый дядька не успѣлъ затворить за собой дверей, какъ Оливье опять прильнулъ къ окошку. Напротивъ его квартиры, въ улицѣ Сенъ-Жанъ-Латранъ, хорошенькая молодая дѣвушка играла у открытаго окна съ красивой кошкой, гладила ее и пѣла ей пѣсни. Скоро, однако, она сказала своей подругѣ:

— Перестань играть, Минета: вѣдь ты знаешь, что мнѣ некогда: г. маркизъ ждетъ свой камзолъ, г-жа баронесса—свой носовой платокъ, а г. аббатъ—свои манжеты; и смѣю ли я, бѣдная швея, заставлять дожидаться такихъ важныхъ особъ!

Говоря это, молодая дѣвушка положила Минету на табуретъ, придвинула стулъ къ пяльцамъ и сѣла за работу, напѣвая какой-то мотивъ. Въ этомъ положеніи, освѣщенная лучомъ майскаго солнца, молоденькая швея была прелестна. Ненапудренные волосы ея, приподнятые на вискахъ, свернуты были на затылкѣ и прикрѣплены стальною гребенкой; черныя брови и такіе же глаза, свѣжій цвѣтъ лица и коралловыя губки, которыя поминутно улыбались и показывали рядъ жемчужныхъ зубковъ—все это составляло чудную картину, съ которой Оливье не сводилъ глазъ, забывъ и про шоколадъ, и про адвоката, и про старика Бенуа; но вдругъ шумъ у дверей заставилъ его оглянуться и онъ увидѣлъ своего друга, Гектора Верфонтена, который былъ почти однихъ лѣтъ съ Оливье; только это былъ вѣтренный и богатый повѣса, старавшійся подражать во всемъ шалунамъ временъ регентства.

— Что съ тобой Оливье? спросилъ Гекторъ своего друга, немного растерявшагося.—Что́ ты дѣлаешь у окошка?

— Я?.. ничего!

— И ты еще въ халатѣ и туфляхъ въ десять часовъ—ты, котораго считаютъ образцомъ, фениксомъ молодыхъ людей! Не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, здоровъ.

— Что ты смотришь все на свою желтую занавѣску? сказалъ Гекторъ.

— Тебѣ показалось ..

— Совсѣмъ не показалось; вотъ ты и теперь со вздохомъ оторвалъ глаза отъ окошка.

— Перестань шутить, Гекторъ...

— Это еще что́ за новости! Разскажи мнѣ все, или я самъ все узнаю.

— Гекторъ, прошу тебя...

— Слушай, Оливье: я приказываю тебѣ именемъ г. барона Прелакомбъ, твоего отца, президента анжуйскаго суда, суроваго какъ трапистъ и твердаго какъ дубъ, разсказать мнѣ твою тайну, или я надѣлаю шума и разобью окошко...

— Пожалуйста не шуми!

— Понимаю... ты влюбленъ?

— Кажется.

— Поздравляю. Оливье влюбленъ! Благоразумный мой другъ влюбленъ въ мѣщанку улицы Сенъ-Жанъ-Латранъ. Послѣ этого не будутъ ставить тебя въ примѣръ... Я поразскажу о твоихъ похожденіяхъ... или, нѣтъ; обѣщаю тебѣ молчать, только возьми меня въ повѣренные и опиши мнѣ красоту твоей мѣщанской Венеры.

— Она не мѣщанка.

— Неужели какая-нибудь знатная дама рѣшилась, изъ любви къ тебѣ, поселиться въ этой улицѣ, чтобъ вздыхать между горшками резеды?

— Она не знатная дама.

— Несчастный! Неужели ты влюбленъ въ кухарку?

— О, нѣтъ.

— Такъ въ гризетку?

— Можетъ быть.

— Прекрасно! И вы гуляете вмѣстѣ, бываете на маленькихъ балахъ, въ маленькихъ театрахъ?..

— Я еще не говорилъ съ нею ни слова...

— Что́?

— Я не смѣлъ еще объясниться съ нею.

— Да это что-то похоже на золотой вѣкъ и сказочныя времена.

— Какъ она хороша, Гекторъ!..

— Воображаю.

— Какъ мила, невинна, наивна...

— Дафнисъ и Хлоя! Какая идиллія! А гдѣ у васъ барашки?

— Какіе барашки?

— Барашки Хлои; безъ этого не бываютъ пастушескія идилліи... Необходимы еще ленты, посошокъ, стихи и прочее.

— Ты смѣешься, какъ всѣ люди, безъ сердца; ты не понимаешь истинной любви.

— А ты пускаешься въ философическія тирады. Это въ модѣ, но очень скучно. Я отплачу тебѣ за откровенность откровенностью. Я самъ влюбленъ, влюбленъ до безумія въ одну богиню...

— То-есть въ женщину...

— Я тебѣ говорю безъ иперболъ. Я люблю богиню!

— Не луну ли?

— Ты правъ: она играетъ Діану и другихъ богинь... Никогда еще миѳологическія богини не были такъ хороши. Еслибъ ты видѣлъ ее, Оливье!

— Я не сбираюсь на Олимпъ.

— Я сведу тебя туда. Сегодня же даютъ *Похищеніе Прозерпины*, она играетъ нимфу и восхищаетъ всѣхъ.

— Бѣдный Гекторъ! ты влюбленъ въ танцовщицу. Я жалѣю тебя.

— По какому случаю?

— Потому-что черезъ годъ ты разоришься.

— Стóитъ объ этомъ говорить! Ты увидишь, что она смотритъ только на меня, улыбается мнѣ. О, какъ я счастливъ!

— Спустись съ твоего Олимпа на землю, любезный Гекторъ. Мнѣ поручили сдѣлать тебѣ строгій выговоръ. Отчего ты давно не былъ у г-жи Дюбельё?

— Оттого, что я не люблю ни бостона, ни старухъ. Эта г-жа Дюбельё воображаетъ, что въ ея лѣта позволено обращаться съ молодыми людьми, какъ съ мальчиками. Я уважаю ее, но не буду ходить къ ней.

Бенуа вошелъ въ эту минуту и спросилъ Оливье: будетъ ли онъ завтракать.

— Ты еще не завтракалъ, вскричалъ Гекторъ: бѣдняжка! Вотъ что́ значитъ любовь.

— Молчи! сказалъ ему тихо Оливье, показывая на испуганную физіономію старика.

— Шевалье не будетъ сегодня завтракать дома, сказалъ повѣса дядькѣ и потомъ, обращаясь къ своему другу, продолжалъ:—одѣвайся поскорѣе и какъ можно лучше; не забудь пудры и красныхъ каблуковъ: мы пойдемъ въ хорошее общество.

— Куда ты меня хочешь вести?

— Въ трактиръ. Это теперь въ модѣ; потомъ въ аллею Тюльери и наконецъ, какъ мы сговорились, въ оперу.

Бенуа онѣмѣлъ отъ удивленія. Ужь годъ, какъ онъ жилъ съ молодымъ барономъ въ Парижѣ и въ первый разъ услышалъ про страшныя мѣста, гдѣ губятъ себя молодые люди, и еще въ тотъ самый день, когда Оливье всталъ поздно и не завтракалъ. Причесывая молодаго человѣка, онъ попробовалъ сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній; но Гекторъ отвѣчалъ на нихъ эпиграммами; наконецъ старикъ напомнилъ, что г-жа Дюбельё будетъ его ждать цѣлый день, но видя, что и это не производитъ на него никакого дѣйствія, долженъ былъ прибѣгнуть къ имени президента.

Тутъ только Оливье немного смутился и съ нерѣшительностью посмотрѣлъ на друга. Г. Прелакомбъ воспитывалъ сына въ строгихъ правилахъ, какъ самъ былъ воспитанъ своимъ отцомъ, и былъ въ своемъ семействѣ такъ же суровъ, холоденъ и непреклоненъ, какъ въ Парламентѣ. Въ день отъѣзда Оливье въ Парижъ, онъ сказалъ ему, подавая книгу:

— Вотъ Corpus juris, по которому я учился. На каждой страницѣ ты найдешь мои замѣчанія и наставленія. Слѣдуй имъ и ты: современемъ будешь порядочнымъ человѣкомъ и честнымъ судьею. Но такъ-какъ въ твои годы необходимы развлеченія, то вотъ письмо къ г-жѣ Дюбельё, которую ты зналъ въ дѣтствѣ. Она въ Парижѣ принимаетъ отборное общество, и ты можешь ходить къ ней два раза въ недѣлю, что будетъ для тебя пріятно и полезно.

Объ оперѣ и трактирахъ президентъ даже не упомянулъ, а сыну и въ голову не приходило искать подобныхъ развлеченій.

Бенуа былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ слугъ, которые родятся въ домѣ господъ и тамъ же умираютъ, которые гордятся своею ливреею, которые привязаны къ своимъ господамъ до того, что рѣшаются дѣлить съ ними послѣднее и кормить ихъ своими трудами, только бы не оставить ихъ въ несчастіи. Для Бенуа президентъ былъ священною особою и ослушаться его считалъ онъ преступленіемъ.

Гекторъ тоже почувствовалъ смущеніе, но тотчасъ же взялся успокоить всѣхъ.

— Что за бѣда, сказалъ онъ, что мы немного повеселимся въ Парижѣ? И что мы будемъ дѣлать въ провинціи, если не накопимъ здѣсь воспоминаній. Да притомъ же опера не разбойничья пещера, и тѣ, которые туда ходятъ, всегда возвращаются домой. Да и кто разскажетъ объ этомъ г. президенту?

— У стѣнъ есть уши... отвѣчалъ печально Бенуа.

— И у людей тоже. Вотъ почему я хочу, чтобъ Оливье послушалъ превосходную музыку.

— Хорошо, если бы вы слушали только музыку...

— Да чтожь намъ еще дѣлать? сказалъ Оливье. Успокойся, мой добрый Бенуа: въ цѣлый годъ я никуда не ходилъ, кромѣ г–жи Дюбельё, и сегодня поутру не думалъ итти въ оперу; но если мой другъ, Виконтъ Верфонтенъ, приглашаетъ меня, то я не хочу отказаться, чтобъ не оскорбить его, и притомъ же хочу посмотрѣть на парижское общество. Я рѣшился, не отговаривай меня и давай поскорѣе одѣваться.

Старикъ повиновался со вздохомъ, и Оливье скоро былъ готовъ. Онъ хотѣлъ бы еще разъ взглянуть на хорошенькую сосѣдку, но боялся, что Гекторъ будетъ смѣяться, и потому, не оглядываясь, сбѣжалъ съ лѣстницы и пошелъ подъ–руку съ другомъ по улицѣ Сенъ–Жанъ–Латранъ.

II.

Гекторъ привелъ Оливье въ улицу Генего, въ трактиръ, подъ вывѣскою Генриха IV, который тогда вошелъ въ моду. Обѣдъ прошелъ очень весело и Гекторъ, послѣ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ вина, началъ разсказывать о своихъ побѣдахъ и давалъ Оливье наставленіе, какъ вести себя съ женщинами и какъ объясняться въ любви.

— Я, мой другъ, старше тебя годомъ, говорилъ онъ, стало–быть, опытнѣе тебя; притомъ же я, какъ совершеннолѣтній, пользуюсь наслѣдствомъ послѣ моей матери и бываю въ лучшемъ обществѣ, то есть, въ самомъ модномъ. Я бываю у герцога Бретеля, у Лонгвиля и могу быть твоимъ ментором. Во мнѣ военная кровь, и рано или поздно, а я буду офицеромъ.

— Какая счастливая будущность! Только нужны покровители и большое состояніе.

— У меня теперь четырнадцать тысячъ ливровъ дохода и будетъ еще втрое больше. Рѣшено: я покупаю чинъ поручика... Я офицеръ... Слава, война—вотъ моя будущность! Можетъ быть, случай сдѣлаетъ изъ меня героя, но это не необходимо... А главное-то, Оливье, мундиръ, эполеты, шпага... шпага съ бантомъ отъ любимой женщины—вотъ отчего всѣ женщины безъ ума отъ военныхъ. Прошлую зиму въ Версали я познакомился со всѣми офицерами Лонгвильскаго полка, и они не знали, что дѣлать съ своими многочисленными побѣдами. Отчего ты не послѣдуешь моему примѣру?

— Ты богатъ, а я бѣденъ.

— Что за бѣда! Я сдѣлаю тебя прапорщикомъ.

— А мой отецъ?

— Я и забылъ о немъ... Поговоримъ о твоей гризеткѣ, въ которую ты влюбленъ. Кто она? лавочница?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ хуже. Случай былъ бы прекрасный объясниться, примѣряя перчатки, или духи, и спрыскивая вышитый платокъ.

— Вышитый платокъ! Она вышиваетъ...

— Какое счастіе! Поскорѣе купи батисту и снеси ей вышивать... Разсказывай ей объ узорѣ какъ можно дольше и приходи чаще узнавать, готовы ли платки.

Говори ясно, вѣдь ты любишь ее?

— Люблю...

— Въ такомъ случаѣ женись на ней. Что-то скажетъ только на это нашъ президентъ, баронъ Прелакомбъ, гордый, суровый и непреклонный? Посмотрю я, какою рукою онъ подпишетъ твой свадебный контрактъ съ швеею.

И Гекторъ хохоталъ отъ всей души; но на Оливье шампанское подѣйствовало совсѣмъ иначе; онъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ. Безнадежная любовь приводила его въ отчаяніе, и онъ хотѣлъ ужь оставить своего друга за десертомъ и итти къ старой г-жѣ Дюбельё, но подумалъ, что тамъ замѣтятъ его невоздержность, и потому послѣдовалъ за Гекторомъ въ Тюльери, гдѣ они важно гуляли, лорнируя всѣхъ женщинъ и разсуждая громко. Потомъ они пошли къ Палеройялю, и у дверей Оперы Гекторъ купилъ огромный букетъ, чтобъ бросить его къ ногамъ прекрасной Зефирины. Зефирина была танцорка корифея, замѣчательная не по таланту, а по хорошенькому лицу, прекраснымъ плечамъ и особенно по развязности и остроумію въ обществахъ, и г. виконтъ Верфонтенъ сдѣлалъ ей честь своимъ выборомъ.

При входѣ въ залу, Оливье былъ пораженъ блескомъ позолоты и освѣщенія. Въ ложахъ, на сценѣ, въ галереяхъ—вездѣ бархатъ, блонды, брильянты, вездѣ прекрасныя женщины и красивые мужчины. Бѣдный затворникъ думалъ, что передъ нимъ открылась сказка изъ *Тысячи и одной ночи*.

Въ то время Опера была, съ небольшими перемѣнами, та же, что̀ и въ наше время, то есть тамъ пѣли, танцовали и перемѣняли декораціи. Только костюмы, которые теперь подходятъ болѣе къ историческимъ, были въ то время такіе же, какъ носили при дворѣ, то есть

Юпитеръ и Роландъ были покрыты бантами и кружевами, а Флора и Ифигенія напудрены и носили фижмы.

При первомъ выходѣ, Зефирина пробѣжала глазами всю залу и остановилась противъ Гектора, посылая ему нѣжныя улыбки.

— Она меня ищетъ... она смотритъ на меня, шепталъ повѣса своему другу:—она улыбается мнѣ.

— Кто это?

— Зефирина, о которой я тебѣ говорилъ... Вотъ она, вторая съ лѣвой стороны, та, у которой въ волосахъ золотая звѣзда; она опять смотритъ на меня... Браво, Зефирина, браво! закричалъ онъ громко и зааплодировалъ, несмотря на то, что это было совсѣмъ неумѣстно.

Танцовщица не спускала глазъ съ того мѣста, гдѣ сидѣли наши друзья; Гекторъ, въ восторгѣ, написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько строчекъ, спряталъ въ букетъ и при первомъ выходѣ бросилъ его, какъ бомбу, къ ногамъ Зефирины, что было очень некстати, и даже смѣшно, но Гекторъ не занимался такими глупостями. Сердце его билось, голова горѣла и онъ ожидалъ, какой успѣхъ будетъ имѣть его посланіе. Какъ описать его восторгъ, когда Зефирина скоро вышла съ его букетомъ, пришпиленнымъ къ корсажу!

Гекторъ отъ радости обнялъ своего друга и сказалъ ему:

— Прощай, Оливье, дивертисментъ скоро кончится и она будетъ меня ждать. Слѣдуй моему примѣру и будь смѣлѣе... бери приступомъ и будешь счастливъ.

Онъ убѣжалъ какъ сумасшедшій за кулисы, и въ то время какъ Оливье входилъ въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ, Гекторъ, съ помощью кошелька, отыскалъ уборную Зефирины. Увы! это была не великолѣпная уборная первой танцовщицы, похожая на модный будуаръ, въ которомъ помѣщались многочисленные почитатели таланта. Танцорки, въ родѣ Зефирины, помѣщались въ какихъ-то уголкахъ, и когда нашъ виконтъ отворилъ дверь, уборная была уже полна, хотя въ ней было только три посѣтителя. Зеленыя ширмы перерѣзывали эту маленькую комнатку и за ними одѣвалась нимфа.

Гекторъ остановился у ширмъ.

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ.

— Виконтъ Гекторъ Верфонтенъ, отвѣчалъ весело молодой человѣкъ.

Зефирина посмотрѣла на него въ скважину ширмъ и громко засмѣялась. Ея горничная послѣдовала ея примѣру, трое молодыхъ людей не могли также удержаться и составили веселый хоръ.

Этотъ неожиданный пріемъ удивилъ Гектора. Онъ покраснѣлъ, смѣ-

шался и хотѣлъ что-то сказать, но, не находя словъ, запнулся, что еще болѣе возбудило веселость присутствующихъ.

Виконтъ замолчалъ, ожидая конца оскорбительнаго смѣха, но рука его невольно сжимала рукоятку шпаги.

— Ха, ха, ха! продолжала Зефирина. Бѣдный молодой человѣкъ! онъ вѣрно пришелъ за букетомъ... Мартонъ, отдай ему его прекрасные цвѣты... Извините Виконтъ де..?

— Верфонтенъ, сказалъ Гекторъ оправясь отъ смущенія.

— Виконтъ де Верфонтенъ, я не замѣтила вашего письма, и только сейчасъ нашла его въ цвѣтахъ... Я смѣюсь надъ моей ошибкой и прошу извинить мою вѣтренность.

Горничная подала Гектору его букетъ и письмо. Онъ поблѣднѣлъ отъ досады, бросилъ цвѣты на полъ и сказалъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я во всемъ этомъ понимаю только то, что надо мною смѣялись; а я не намѣренъ сносить насмѣшекъ. Письмо мое подписано именемъ дворянина; и если кто изъ васъ недоволенъ моимъ поведеніемъ, то можетъ объясниться благородно.

Одинъ изъ трехъ посѣтителей Зефирины всталъ и подошелъ къ Гектору.

— Поступокъ Зефирины необдуманъ и она уже извинилась въ немъ, стало-быть, нѣтъ причины требовать этого глупаго удовлетворенія.

— Нѣтъ причины! закричалъ Гекторъ. Посмотрѣлъ бы я, что-бъ вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ.

Эта наивность опять всѣхъ разсмѣшила.

— Я жду вашего отвѣта, господа, сказалъ Гекторъ съ нетерпѣніемъ.

— Я готовъ удовлетворить васъ, отвѣчалъ тотъ же молодой человѣкъ. Меня зовутъ графъ де ла-Френе.

— Угодно ли графу де ла-Френе назначить мнѣ свиданіе?

— Извините, виконтъ Верфонтенъ, что я не могу быть къ вашимъ услугамъ завтра раньше двухъ часовъ. Я васъ буду ждать въ Версали у фонтана, если вы этого желаете.

— Завтра въ два часа я буду въ Версали у фонтана.

Гекторъ и молодые люди раскланялись вѣжливо и нашъ герой скрылся за дверью.

— Онъ еще очень молодъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Послушай ла-Френе, побереги этого повѣсу... Онъ очень неду-ренъ собою, не правда ли Зефирина?

Танцовщица окончила свой туалетъ и вышла изъ-за ширмъ, рас-правляя кружева и ленты.

— Я не успѣла разсмотрѣть его отъ смѣха. Вотъ смѣшное при-ключеніе!

Друзья графа хотѣли уйдти.

— Постойте! сказалъ онъ:—мнѣ нуженъ секундантъ. Монлюссакъ, ты мнѣ не откажешь?

— Съ удовольствіемъ, любезный графъ. Прощайте же, шевалье, сказалъ онъ третьему гостю Зефирины. Завтра вечеромъ я вамъ разскажу все происшествіе.

— Я васъ буду ждать. До свиданья, прелестная нимфа.

Монлюсакъ сѣлъ съ графомъ въ каретy и поѣхали ужинать въ Вер-саль.

Теперь надо разсказать причину всего недоразумѣнія. Когда Гек-торъ приходилъ въ оперу, онъ садился всегда на одно мѣсто и туда же привелъ друга своего, Оливье. Случилось же, что это мѣсто было пе-редъ самою ложею графа ла-Френе, а графъ былъ любителемъ сцени-ческаго таланта хорошенькой танцовщицы, которая была отъ него безъ ума, что̀ очень вѣроятно, потому-что ла-Френе былъ прекрасный молодой человѣкъ, богатый и, сверхъ того, поручикъ въ Красномъ коро-левскомъ полку, стало-быть, между ложей графа и сценой происходили безпрестанные знаки, улыбки, нѣжности; и Гекторъ, находясь на дорогѣ, принималъ на свой счетъ всѣ любезности нимфы и отвѣчалъ ей тѣмъ же. Въ этотъ вечеръ графъ и его друзья замѣтили восторгъ молодаго человѣка и нашли восторженное письмо въ его букетѣ—вотъ почему его встрѣтилъ смѣхъ и оскорбленіе, когда онъ думалъ найти легкую побѣду.

Между тѣмъ Оливье тихо шелъ домой по улицѣ Сенъ-Жанъ-Лат-ранъ, думая немного объ оперѣ, но больше о Генріеттѣ и о послѣд-нихъ словахъ Гектора. «Въ любви надобно быть смѣлымъ». Подойдя къ своему дому, онъ подналъ глаза вверхъ и увидѣлъ огонь въ окошкѣ Генріеты. Собравшись съ духомъ, Оливье поднялся на лѣстницу и вооб-ражая, что въ эту минуту его другъ находится у ногъ хорошенькой тан-цорки, рѣшился быть такъ же смѣлымъ и счастливымъ. Однако въ темнотѣ ему трудно было найдти дверь молодой сосѣдки и онъ хотѣлъ уже отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ сквозь замочную скважину и, наклонясь, началъ смотрѣть въ комнату хорошень-кой швеи.

III.

Генріета стояла передъ маленькимъ зеркаломъ и собирала свои густые волосы, чтобъ покрыть ихъ маленькимъ вышитымъ чепчикомъ; потомъ она подошла къ окошку, приподняла немного занавѣску и прошептала печально: «Его еще нѣтъ... онъ не приходилъ съ утра!» И она долго смотрѣла на другую сторону улицы.

Въ это время Оливье слѣдовалъ глазами за всѣми движеніями молоденькой дѣвушки и слышалъ даже ея слова: «Неужели и она меня любитъ?» подумалъ онъ, и эта мысль произвела въ немъ такое волненіе, что голова его закружилась; онъ хотѣлъ бѣжать, но прислонился къ двери, чтобъ оправиться отъ волненія,... дверь тихо скрипнула и отворилась. Генріетта испугалась и вскрикнула; Оливье испугался еще больше и очутился, самъ не зная какъ, въ комнатѣ сосѣдки.

— Кто вы? что вамъ надобно? закричала дѣвушка.

— Я Оливье... вашъ сосѣдъ... черезъ улицу... Не пугайтесь, я вамъ ничего не сдѣлаю, напротивъ, я готовъ все сдѣлать для вашего счастія...

— А, это вы, г. Оливье! сказала Генріетта:—а я такъ испугалась... Я не ожидала... Но какъ вы сюда попали?

— Самъ не знаю. Я увидѣлъ свѣтъ въ вашемъ окошкѣ и вошелъ на лѣстницу. Отъ волненія я почувствовалъ слабость и прислонился къ вашей двери; она отворилась, я хотѣлъ бѣжать домой, но очутился у васъ. Чего же я хочу, я тоже не знаю... Только я провожу всѣ дни, любуясь вами, а ночи—мечтая о васъ. Это значитъ, что я васъ люблю и хочу, чтобъ вы меня любили.

— Вы меня любите? проговорила Генріетта съ смущеніемъ.

— Я виноватъ, сказалъ робко молодой человѣкъ, не смѣя поднять глазъ на сосѣдку:—я раскаяваюсь въ моей смѣлости и прошу прощенія.

Генріетта не отвѣчала отъ волненія и отъ радости.

— Прогоните меня, продолжалъ Оливье:—я испугалъ васъ, я оскорбилъ васъ, но увѣряю, что все это безъ намѣренія. Развѣ можно приказывать сердцу?.. Развѣ я виноватъ, что вы такъ прекрасны и что я полюбилъ васъ?..

Двѣ слезы выкатились изъ глазъ Оливье.

Генріетта увидѣла эти слезы и сама заплакала.

— Я тоже люблю васъ, сказала она, закрывъ лицо руками:—но къ чему это поведетъ? вы богаты, знатны, а я бѣдная сирота, безъ имени, безъ надеждъ... Я живу только моею работою...

— Вы любите меня! Возможно ли? закричалъ Оливье, падая на колѣна передъ плачущей дѣвушкою и цѣлуя ея руки.

Въ любви двухъ молодыхъ и невинныхъ сердецъ столько энтузіазма и довѣренности, столько наивности и радости, что безъ словъ, безъ клятвъ и кокетства они понимаютъ другъ друга; они ничего не требуютъ и не защищаются; они счастливы любовью, молодостью, красотою, не предвидя, что кто-нибудь можетъ помѣшать ихъ любви и невиннымъ ласкамъ.

Когда Оливье вернулся домой, его встрѣтилъ Бенуа, который провелъ большую часть ночи на креслѣ, ожидая барина, и спросилъ его со вздохомъ:

— Откуда вы, г. Оливье?

Молодой человѣкъ не предвидѣлъ этого вопроса и отвѣчалъ не подумавъ:

— Не знаю.

— Не знаете! проговорилъ старикъ, съ удивленіемъ смотря на него.

— Не сердись, Бенуа. Ты побранишь меня въ другой разъ. Дай мнѣ поскорѣе ужинать.

— Сейчасъ, сударь. Только если объ этомъ узнаетъ вашъ батюшка г. президентъ...

— Не узнаетъ онъ ничего. Ступай!

Оливье поужиналъ съ аппетитомъ, потому-что въ двадцать два года любовь не отнимаетъ аппетита.

Когда Бенуа вошелъ поутру въ комнату Оливье, то нашелъ его въ креслѣ въ томъ же самомъ костюмѣ, въ которомъ оставилъ вчера.

— О чемъ онъ сегодня думаетъ? ворчалъ Бенуа, подавая ему другое платье... И все этотъ повѣса, виконтъ Верфонтенъ. Куда онъ водилъ г. Оливье, что онъ вернулся какимъ-то потеряннымъ?

— Благодарю, Бенуа, сказалъ молодой человѣкъ, взявъ у него шляпу и пошелъ къ дверямъ.

— Вы забыли взять ваши бумаги, сударь.

— Въ самомъ дѣлѣ я сегодня очень разсѣянъ. Прощай, старикъ.

Бенуа печально покачалъ головою и пошелъ отворить барину дверь, но она съ шумомъ растворилась и въ комнату вошелъ виконтъ Верфонтенъ въ блистательнѣйшемъ нарядѣ, съ длинною шпагою.

— Это еще что́ значитъ? сказалъ Бенуа съ отчаяніемъ, предвидя что-то недоброе.

— Ты сбираешься куда-то идти, сказалъ Гекторъ.—Какъ я радъ, что засталъ тебя! Скорѣй, любезный другъ, брось темное платье;

одѣнься получше и поѣдемъ въ Версаль. У меня тамъ важное дѣло и я разсчитывалъ, что ты не откажешься проводить меня.

Гекторъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ *важное дѣло*, Бенуа тотчасъ же понялъ его и сказалъ съ ужасомъ:

— Заклинаю васъ именемъ вашего батюшки: не смѣйте идти драться на дуэли.

— Кто тебѣ говоритъ, что онъ будетъ драться? замѣтилъ Гекторъ съ досадой.

— Я понимаю все, продолжалъ старикъ. Боже мой!.. Боже мой! Что́ съ вами будетъ! Вы не дѣлаете визитовъ г-жѣ Дюбельё, ходите въ Оперу, ссоритесь, деретесь и...

Во время этой тирады, Гекторъ въ двухъ словахъ объяснилъ Оливье въ чемъ дѣло, и тотъ прервалъ жалобы старика приказаніемъ давать одѣваться.

— Виконтъ Верфонтенъ—мой другъ, прибавилъ онъ: и я обязанъ быть его секундантомъ въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ его честь.

Бенуа понялъ, что его не послушаютъ болѣе, и потому по неволѣ повиновался.

Друзья вышли вмѣстѣ, а старикъ, съ отчаянія, вырвалъ себѣ клокъ сѣдыхъ волосъ и сказалъ:

«Пойду къ баронессѣ и разскажу ей все. По-крайней-мѣрѣ не я буду отвѣчать. Она рѣшитъ, что́ дѣлать.

IV.

Бенуа вышелъ вслѣдъ за друзьями, которые сѣли въ карету и поѣхали въ Версаль, а онъ пошелъ къ г-жѣ Дюбельё, жившей на Королевской площади... Эту почтенную даму посѣщали только старые друзья и сослуживцы г-на Дюбельё, ея покойнаго брата, бывшаго совѣтникомъ въ парижскомъ Парламентѣ.

Стало-быть, этотъ домъ былъ довольно скученъ, но, несмотря на это, Оливье посѣщалъ его два раза въ недѣлю; его молодость, наивность и красота разогрѣвали суровыхъ стариковъ, напоминали имъ прошедшее, молодили ихъ. Вотъ почему отсутствіе молодаго человѣка было замѣчено и г-жа Дюбельё, любившая Оливье какъ сына, хотя обходилась съ нимъ всегда холодно, начала безпокоиться. Оливье же, съ своей стороны, чувствовалъ къ ней одно почтеніе, боялся ее такъ же какъ своего отца, котораго не смѣлъ ослушаться, и ходилъ по его приказанію скучать въ большую темную залу, увѣшенную такими же старыми и строгими портретами, какъ и живые ея посѣтители.

Когда доложили о Бенуа, баронесса была одна въ своей молельнѣ и приказала тотчасъ же впустить его, чтобъ узнать поскорѣе причину отсутствія Оливье.

— Что случилось съ твоимъ молодымъ бариномъ? спросила она старика, раскланившагося съ ней почтительно:—Не боленъ ли онъ?

— Шевалье никогда не былъ такъ здоровъ.

— Отчего же онъ не былъ вчера у меня?

— Я не знаю, какъ вамъ сказать, сударыня. У насъ со вчерашняго дня происходятъ странныя вещи.

— Что такое? Ты меня пугаешь...

— Я не говорю, что случилось несчастіе; но до-сихъ-поръ я, по приказанію г. президента, наблюдалъ за его сыномъ, и онъ велъ себя какъ молоденькая дѣвушка. Вчера былъ у него его любезный другъ виконтъ Верфонтенъ...

— Гекторъ Верфонтенъ... Я запретила Оливье дружиться съ этимъ повѣсой.

— Онъ повелъ моего барина завтракать въ трактиръ, а потомъ они пошли въ Оперу.

— Въ Оперу? Возможно ли!

— Это еще не все... шевалье поздно пришелъ домой...

— Гдѣ же онъ былъ?

— Не знаю; да и самъ онъ сказалъ мнѣ поутру, что не знаетъ гдѣ былъ. Я думалъ, что этимъ все кончится и сбирался сдѣлать барину приличное наставленіе, какъ вдругъ, часъ тому назадъ, влетѣлъ этотъ бѣшеный виконтъ и безъ церемоніи позвалъ г. Оливье, чтобъ быть его секундантомъ на дуэли.

— И Оливье, безъ сомнѣнія, отказался...

— Напротивъ, онъ согласился, и вотъ что заставило меня прибѣжать къ вамъ, просить у васъ совѣта.

— И ты хорошо сдѣлалъ Бенуа, потому-что нашъ Оливье въ большой опасности. Я подумаю обо всемъ. Я не хочу, чтобъ сынъ моего стариннаго друга сдѣлался повѣсой, когда ему назначаютъ мѣсто судьи. Президентъ очень строгъ и я не буду безпокоить его непріятными новостями, но надѣюсь, что зло еще не такъ велико и не успѣло пустить корней. Ступай же домой, любезный Бенуа, и когда твой баринъ вернется, скажи ему, что я его жду у себя. Я увѣрена, что мои убѣжденія подѣйствуютъ на него сильнѣе всего, и онъ опять сдѣлается кроткимъ, скромнымъ и почтительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Благодарю васъ, сударыня. Вы успокоили меня. Вѣдь до-сихъ-поръ шевалье былъ такъ добръ, скроменъ... О! васъ онъ послушаетъ...

А я испугался, не спалъ всю ночь. Вѣдь это въ первый разъ съ нимъ случилось...

— И въ послѣдній, надѣюсь. Ступай же, старикъ, и пошли мнѣ поскорѣе Оливье.

— Бѣгу, сударыня, бѣгу.

И Бенуа, довольный тѣмъ, что сложилъ съ себя отвѣтственность, весело шелъ опять въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ. Разумѣется, его немного безпокоило то, что Оливье будетъ сердиться за его доносъ; но онъ зналъ доброе сердце своего барина и былъ увѣренъ, что онъ самъ будетъ благодарить его за то, что онъ спасъ его отъ *погибели*.

Въ то время, какъ заботились о его спасеніи, Оливье и Гекторъ завтракали въ Версали и потомъ побѣжали въ садъ, ожидая часа свиданія у большаго фонтана.

Оливье занятъ былъ своими мечтами и пламенными воспоминаніями; онъ незамѣтно отсталъ отъ своего друга и бродилъ между цвѣтовъ, любуясь голубымъ небомъ, свѣтлыми облаками, свѣжею зеленью и твердя имя Генріетты.

Генріетта! Какъ онъ любилъ ее! Любилъ въ первый разъ чистою, любовью и былъ любимъ такъ же.

Его мечтанія были прерваны голосомъ Гектора, который звалъ его изо всѣхъ силъ, потому-что приближался часъ его глупости, т. е. дуэли. Когда Оливье подошелъ къ нему, тотъ шелъ подъ-руку съ знакомымъ поручикомъ Дофинова полка, котораго встрѣтилъ нечаянно въ Версали и котораго просилъ быть вторымъ секундантомъ въ своемъ первомъ поединкѣ. Гекторъ готовъ былъ пригласить въ свидѣтели весь полкъ.

— Рекомендую тебѣ моего друга д'Ормеля, сказалъ онъ Оливье.— Пойдемте же скорѣе къ фонтану, я не хочу опоздать ни одной минутой.

Однако, несмотря на всю поспѣшность молодыхъ людей, графъ де ла-Френе и Монлюсакъ были уже у фонтана и ждали противниковъ. Гекторъ началъ извиняться, но графъ сказалъ ему, смотря на часы.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, виконтъ: это мы слишкомъ поторопились. Но что́ я вижу? мой другъ д'Ормель будетъ вашимъ секундантомъ.

— Точно такъ, графъ, отвѣчалъ поручикъ.—Признаюсь я не ожидалъ, что встрѣчу тебя здѣсь. За что́ вы поссорились?

— За бездѣлицу.

— Такъ помиритесь. Мнѣ очень прискорбно, что мой молодой другъ виконтъ Верфонтенъ будетъ драться съ моимъ старымъ товарищемъ, съ которымъ мы воевали во Фландріи.

Графъ улыбнулся, но Гекторъ съ досадою сдвинулъ брови; д'Ормель понялъ неудовольствіе молодаго человѣка.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ:—мой пріятель дерется въ первый разъ и не откажется отъ поединка даже за чинъ полковника. Только жаль, что вы не въ военной службѣ.

— Я хочу быть военнымъ и поступлю въ полкъ, какъ только буду свободенъ располагать собою.

— И прекрасно! Мой полкъ отправляется въ Германію, и если вы хотите, я представлю васъ товарищамъ.

Гекторъ пожалъ руку офицеру и всѣ они пошли дальше, въ паркъ, чтобъ отыскать удобное мѣсто. Наконецъ дошли до маленькаго луга, окруженнаго яблонями, и д'Ормель сказалъ:

— Зачѣмъ идти дальше? вотъ прекрасная фехтовальная зала. Какъ ты думаешь, графъ?

— Я думаю какъ ты. Распоряжайся же и кончимъ поскорѣе.

Д'Ормель зналъ, что графъ фехтовалъ превосходно, а Гекторъ былъ неочень искусенъ и потому, подойдя къ первому, сказалъ:

— Если между вами не было ничего важнаго, то можно окончить все царапиной. Мнѣ нравится этотъ молодой человѣкъ и я не хочу, чтобъ ты его убилъ или изуродовалъ.

— Будь покоенъ. Я дерусь только для смѣшнаго удовольствія этого ребенка.

— Приготовьтесь же, господа, сказалъ поручикъ, громко осматривая мѣсто и утаптывая траву.

Секунданты смѣрили шпаги и подали ихъ противникамъ. Графъ де ла-Френе сталъ въ позицію съ улыбкой и какъ-бы играя. Гекторъ былъ въ большомъ волненіи; сердце его билось, глаза блистали какъ молнія.

— Начинайте! сказалъ д'Ормель, хлопая въ ладони.

Бой былъ отчаянный. Гекторъ горячился и графъ де ла-Френе долженъ былъ удерживаться, чтобъ не отвѣчать на дерзкія его нападенія. Наконецъ графъ задѣлъ своего противника по рукѣ и на рубашкѣ показалась кровь.

— Довольно, перестаньте! сказалъ д'Ормель.

— Нѣтъ это царапина! отвѣчалъ Гекторъ:—и она не мѣшаетъ держать шпагу.

— Успѣете еще послѣ, мой молодой другъ, а теперь протяните графу руку, обнимитесь и займемте у первой встрѣчной крестьянки лоскутокъ, чтобъ обвязать вашу рану. Я приглашаю васъ обѣдать со мною. Пойдемте графъ, Монлюсакъ и...

Оливье извинился и отказался. Присутствіе поручика сдѣлало его роль маловажною и онъ торопился въ Парижъ, куда его влекло ужь давно и гдѣ онъ уже былъ въ воображеніи. Вотъ почему онъ простился съ молодыми людьми и пошелъ къ большой дорогѣ, тогда-какъ они спѣшили къ маленькому домику съ красною крышею, который видѣнъ былъ изъ-за деревьевъ.

Было уже темно, когда Оливье входилъ въ свою улицу. Генріетта смотрѣла въ окно и ждала его съ утра. Ихъ взгляды встрѣтились, и молодая дѣвушка поняла, что онъ будетъ скоро у нея, а то, бѣдняжка, думала, что она ужь забыта.

Бенуа тоже стоялъ у окна почти цѣлый день и смотрѣлъ на оба конца улицы. Старикъ былъ въ волненіи: ему представлялись печальныя картины. Онъ уже видѣлъ въ воображеніи, что Оливье раненъ, можетъ быть, убитъ, что его несутъ на кровавыхъ носилкахъ. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, когда увидѣлъ, что Оливье весело идетъ домой; но, вспомня свою роль ментора, Бенуа приготовлялъ уже рѣчь, наставленіе и совѣты, а главное, приглашеніе къ немедленному визиту къ г-жѣ Дюбельё. Онъ отворилъ дверь, чтобъ встрѣтить барина и принялъ серьёзный, строгій видъ.

И чтожь, прошло пять минутъ, десять, четверть часа... Оливье не было. Бенуа поглядѣлъ въ окно — на улицѣ никого; онъ сошелъ съ лѣстницы и опять взошелъ — все-таки нѣтъ никого.

«Кажется, я хорошо видѣлъ, говорилъ онъ запыхавшись: — я самъ видѣлъ его, я не могу ошибиться... куда же онъ дѣвался?

И Бенуа подошелъ опять къ окошку и сталъ смотрѣть машинально на противоположную сторону улицы. Вдругъ онъ поднялъ руки кверху, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и представилъ изъ себя карикатурную статую удивленія. И было изъ чего. Прямо передъ нимъ, почти въ пяти шагахъ, онъ увидѣлъ Оливье у ногъ молодой дѣвушки, которая улыбалась ему, позволяла брать свои ручки, цѣловать ихъ и даже сама наклонила свою хорошенькую головку къ плечу шевалье.

Бѣдный Бенуа почти безъ чувствъ упалъ на стулъ.

V.

«Какой ужасъ! закричалъ Бенуа, пришедъ въ себя. — Кто бы могъ подумать! Она казалась такою скромною!... А Оливье! Онъ никогда не смѣлъ прямо смотрѣть на женщину, не зналъ ничего, кромѣ дѣлъ у адвоката, отцовскаго дома и гостиной г-жи Дюбельё; а

теперь... въ двои сутки онъ былъ въ Оперѣ, въ трактирахъ, на дуэли... а теперь онъ у ногъ гризетки!... Боже мой! Что, если объ этомъ узнаетъ г. президентъ?

Воспоминаніе о президентѣ, который спроситъ отчетъ въ поведеніи сына, совершенно разстроило бѣднаго старика. Онъ слышалъ уже упреки строгаго судьи и приказаніе оставить навсегда домъ его.

Вдругъ нѣжное и молодое пѣніе развлекло грустныя мысли Бенуа. Это пѣла хорошенькая сосѣдка простые и наивные куплеты, въ которыхъ любовь сравнивалась съ ласточкой, которая прилетаетъ ненадолго, а потомъ улетаетъ навсегда.

Генріетта окончила пѣсню грустнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Неправда! сказалъ Оливье:—надобно перемѣнить слова твоей пѣсни. Я не хочу, чтобъ она оканчивалась такъ грустно.

— Развѣ ты будешь любить меня долго? спросила дѣвушка.

— До конца моей жизни. Моя любовь не ласточка: она не улетитъ отъ тебя; она будетъ вѣчно съ тобою.

И Бенуа слышалъ все это, видѣлъ каждый жестъ, каждую ласку молодыхъ людей, и все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Поутру онъ побѣжалъ опять на Королевскую площадь и явился къ г-жѣ Дюбельё съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что та испугалась.

— Что́ такое случилось съ Оливье? спросила она.—Говори поскорѣе.

— Ахъ, сударыня, сказалъ старикъ мрачнымъ голосомъ:—шевалье погибъ совершенно.

— Неужели онъ тяжело раненъ на этой дуэли?.. Не убитъ ли онъ?

— О нѣтъ, сударыня, онъ живъ и здоровъ; вчера вечеромъ я видѣлъ его... то есть издали... онъ опять не надолго приходилъ домой.

— Возможно ли! Но увѣренъ ли ты, что Оливье не дрался на дуэли и что онъ не раненъ?

— Я ничего не знаю о дуэли, но увѣренъ, что онъ живъ и здоровъ... Лучше бы онъ захворалъ, неочень опасно: мы бы полечили его и онъ по-крайней-мѣрѣ оставался бы дома, а то... Кто бы могъ подумать, что шевалье...

— Понимаю, мой добрый Бенуа: Оливье вѣрно влюбился.

— Какъ вы говорите объ этомъ хладнокровно, сударыня! Если узнаетъ г. президентъ...

— Зачѣмъ ему говорить объ этомъ? Онъ ничего не узнаетъ, а любовь Оливье не можетъ быть продолжительна, и я ручаюсь что уговорю его.

— Да вѣдь она очень хороша собою.

— Неужели? Стало-быть, это будетъ труднѣе, нежели я думала.

— Ей всего восьмнадцать лѣтъ, и она всегда была скромна и невинна, такъ-что удивляла своимъ поведеніемъ весь кварталъ.

— Развѣ ты знаешь ее?

— Она живетъ противъ насъ.

— Одна?

— Она швея.

— Я тебя спрашиваю: есть ли у ней родные?

— Нѣтъ никого. А какой у ней голосъ! Вчера она пѣла стихи такъ пріятно и нѣжно, что даже я расчувствовался, въ мои лѣта. Чтожь послѣ этого г. Оливье...

— Мнѣ любопытно видѣть это чудо. Ты сказалъ, что она живетъ напротивъ вашей квартиры?

— Да-съ. Отъ этого-то и произошли всѣ несчастія. А я еще самъ нанималъ квартиру и не подумалъ объ этомъ.

— Полно печалиться, старикъ: несчастіе совсѣмъ не такъ велико; можно еще все уладить. Вели подать мою карету и ступай домой. Если Оливье воротился, то не говори ему, что я сдѣлаю ему визитъ.

— Какъ, сударыня, вы сами хотите быть такъ добры и привести опять шевалье на путь истины? Благодарю васъ. О! я увѣренъ, что онъ васъ послушается. Онъ вѣдь очень добръ, тихъ и скроменъ; и если бы не проклятый виконтъ Верфонтенъ...

— Такъ ты думаешь, что виконтъ всему причиною.

— Я увѣренъ, что это онъ испортилъ нашего образцоваго молодаго человѣка.

— Надѣюсь, что онъ больше его не увидитъ. Прощай, Бенуа.

Старикъ пришелъ домой и увѣрился, что Оливье былъ опять у сосѣдки. Скоро въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ въѣхала богатая карета и всѣ жильцы бросились къ окошкамъ, посмотрѣть кто пріѣхалъ. Генріетта тоже полюбопытствовала и сказала:

— Оливье, карета остановилась у вашего подъѣзда.

— Вѣрно, это повѣса Гекторъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, выходитъ пожилая дама. Кто это, Оливье?

Оливье тоже посмотрѣлъ, но только-что узналъ ливрею г-жи Дюбельё, какъ бросился съ лѣстницы, не простившись даже съ Генріеттой.

Молодая дѣвушка не понимала, что сдѣлалось съ ея другомъ, и чтобъ узнать что-нибудь подошла къ окошку и начала смотрѣть въ комнату Оливье.

Первый взглядъ баронессы Дюбельё былъ на окна сосѣдки, которая

въ это время отворила окно и высунулась, чтобъ проводить глазами Оливье.

— Недурна, очень недурна! проговорила покровительница шевалье, осматривая молодую швею.

— Онъ опять ушелъ къ ней, сказалъ со вздохомъ Бенуа, дѣлая трагическій жестъ. — Что за времена! что за нравы!

Въ эту минуту дверь отворилась и Оливье вошелъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Здравствуйте, шевалье, сказала г-жа Дюбельё ласково: — я думала, что вы больны и навѣстила васъ. Вы перестали посѣщать меня...

— Извините, сударыня, отвѣчалъ Оливье, смущаясь еще болѣе:—я сбирался... я только-что хотѣлъ идти къ вамъ...

— Полноте извиняться, мой молодой другъ, перебила баронесса, сжалясь надъ нимъ:—вы здоровы, а это главное. Я хотѣла поговорить съ вами и прошу васъ выслушать меня со вниманіемъ.

Она сдѣлала знакъ Бенуа, который подвинулъ ей кресло и ушелъ, потомъ показала мѣсто Оливье и молча нѣсколько разъ взглянула черезъ окно на Генріетту, потомъ на Оливье, который смѣшался и покраснѣлъ.

— Я получила письмо изъ Анжу, сказала она наконецъ. Вашъ батюшка зоветъ васъ къ себѣ.

Оливье былъ такъ пораженъ, что не зналъ что сказать.

— Вы не ожидали этой радости? продолжала г-жа Дюбельё.

— Признаюсь, я былъ далекъ отъ этой мысли; притомъ же мнѣ надобно быть въ Парижѣ.

— Давно ли вы здѣсь?

— Скоро годъ.

— Вамъ этого очень довольно. Собирайтесь же.

— Когда же?

— Бенуа черезъ часъ приготовитъ ваши чемоданы.

— Какъ это можно такъ скоро! У меня есть пріятели, съ которыми я долженъ проститься... есть дѣла...

— Сколько вамъ надобно времени, чтобъ окончить ваши дѣла?

— Мнѣ кажется, что черезъ мѣсяцъ я могу собраться.

— Я вамъ даю одинъ часъ.

— Къ чему такая поспѣшность? Боже мой! спросилъ Оливье съ испугомъ: не случилось ли чего съ батюшкой?

— Г. президентъ здоровъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, напишите ему и постарайтесь, чтобъ онъ отмѣнилъ свое приказаніе. Я тоже напишу ему, что не окончилъ моихъ дѣлъ. Я еще молодъ, я еще успѣю заняться службой.

— Приказанія вашего батюшки не отмѣняются. Я тоже ѣду въ Анжу и беру васъ съ собою.

Возраженія были безполезны, и Оливье не зналъ, гдѣ искать защиты и силы; вдругъ онъ встрѣтилъ глаза Генріетты, полныя слезъ и ожиданія, и сказалъ рѣшительно:

— Я не могу съ вами ѣхать, я не поѣду.

Г-жа Дюбельё не отвѣчала ни слова, но она тоже посмотрѣла на молодую сосѣдку и молча показала на нее Оливье.

— Да́, сударыня, отвѣчалъ онъ на ея безмолвный вопросъ:—я не знаю, какъ вы объ этомъ узнали, но не буду оправдываться... Я люблю ее, люблю страстно и буду любить всегда...

— Послушайте меня, Оливье: я хотѣла только испытать васъ. Я не получала писемъ отъ вашего батюшки, но не радуйтесь. Вы все-таки должны уѣхать отсюда, чтобъ прекратить эту невозможную интригу, только не въ Анжу, а въ мой загородный домъ, въ Рюэль. Во время вашего отсутствія мы постараемся устроить вашу сосѣдку, и тогда вамъ можно будетъ вернуться въ Парижъ, не подвергаясь опасности...

— Что́ вы хотите дѣлать? вскричалъ Оливье —Бѣдная Генріетта!..

— А! ее зовутъ Генріетта?

— Вы хотите наказать ее за мою любовь, какъ за преступленіе. Вы будете преслѣдовать ее... О! я ни за что́ не соглашусь разстаться съ нею...

— Кто вамъ говоритъ о преслѣдованіяхъ? Только ваше упорство можетъ надѣлать ей непріятности. Полноте ребячиться, Оливье, будьте покойнѣе и отвѣчайте мнѣ правду: эта молодая дѣвушка — швея?

— Швея.

— Я не спрашиваю васъ о вашихъ взаимныхъ чувствахъ, но эта связь можетъ повредить вашей репутаціи, вашей будущности, и потому надобно прекратить ее какъ можно скорѣе. Я предлагаю вамъ ѣхать со мною въ Рюэль на недѣлю: въ это время ваша Генріетта будетъ переведена въ другой кварталъ и забудетъ о васъ. Если вы откажетесь отъ моего предложенія, я дамъ знать о вашемъ поведеніи вашему батюшкѣ. Надѣюсь, что вы не посмѣете противиться г. президенту, когда онъ самъ пріѣдетъ за вами, а мамзель Генріетта будетъ мечтать о васъ въ другомъ мѣстѣ. Послушайтесь меня, Оливье. Меня трогаютъ ваши страданія и я даю вамъ время до завтра, чтобъ вы хорошенько подумали о своемъ положеніи. Я вѣрю, что вы любите другъ друга и что Генріетта сто́итъ вашей любви. Я позволяю вамъ написать ей письмо: это васъ утѣшитъ немного и ее также. Только вы

не увидитесь. Если вы истинно любите ее, то будете повиноваться мнѣ во всемъ. Не забывайте, что мнѣ извѣстенъ будетъ каждый шагъ вашъ и что ваше непослушаніе сдѣлаетъ Генріетту несчастною. До свиданія.

Г-жа Дюбельё, вышла изъ комнаты, сошла съ лѣстницы и уѣхала, а Оливье оставался безъ движенія, пораженный страшными словами старой своей покровительницы, которая хорошо знала человѣческую натуру и дала молодому человѣку время одуматься и размыслить. Заставя его тотчасъ же рѣшиться на разлуку съ Генріеттой, она должна была ожидать благороднаго отказа; но давъ ему нѣсколько часовъ на размышленіе, она уничтожала всѣ его планы и сопротивленія, потому-что страсть всегда должна уступить разсудку.

Бенуа предчувствовалъ бурю и вошелъ, потупя голову и приготовляясь выслушать строгій выговоръ.

Оливье подалъ ему руку и сказалъ:

— Я тебя прощаю, старикъ, хотя ты мнѣ сдѣлалъ много зла.

Тронутый до слезъ, Бенуа бросился къ ногамъ своего молодаго господина.

— Простите, простите меня! Я въ отчаяніи, что причинилъ вамъ горе; но вы знаете, какъ строго приказывалъ мнѣ вашъ батюшка наблюдать за вами. И еслибъ онъ послѣ узналъ отъ другихъ, онъ бы прогналъ меня, а я бы не пережилъ такого несчастія.

— Встань, Бенуа, и оставь меня одного.

Бенуа тихо пошелъ къ двери, но, проходя мимо окна, затворилъ его, будто-бы ненарочно; стукъ задвижки поразилъ сердце Оливье какъ кинжаломъ. Это запертое окно было непреодолимою преградою между нимъ и Генріеттой.

Бѣдная Генріетта! бѣдный Оливье!

Потомъ онъ вспомнилъ, что ему позволено было написать ей письмо, и бѣдный молодой человѣкъ взялъ бумагу, перо и чернила, но долго еще слезы туманили его глаза и онъ не могъ писать.

VI.

ПИСЬМО ОЛИВЬЕ КЪ ГЕНРІЕТТѢ.

«Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, Генріетта — вы это знаете и вы такъ же любите меня. Эта любовь составляла наше счастье и оно запрещено намъ какъ преступленіе. Я не долженъ больше видѣться съ вами, не смѣю идти къ вамъ.

«Не видѣть васъ — ужасно сказать, но еще ужаснѣе повиноваться. Вы будете плакать, но ваши слезы упадутъ на то мѣсто, гдѣ упали мои и встрѣтятся на этой бумагѣ.

«Боже мой! Любить женщину въ первый разъ, открыть ей сердце, быть счастливымъ два дня — и вдругъ потерять все блаженство...

«Я хотѣлъ противиться, но мнѣ сказали, что вы однѣ пострадаете за мое сопротивленіе и что вѣчное несчастіе будетъ вашею наградою за любовь ко мнѣ. Передъ этою угрозою я долженъ былъ согласиться на все.

«Жертва принесена. Я далъ слово... мы больше не увидимся.

«А между-тѣмъ я чувствую, что сердце мое разрывается и я не могу располагать собою. Счастье такъ близко—и я долженъ отказаться отъ него! Но пусть насъ разлучаютъ, Генріетта, я буду все-таки любить тебя, любить одну тебя. Они сдѣлаютъ меня несчастнымъ, заставятъ тебя плакать и страдать, но не могутъ запретить мнѣ любить тебя.

«Бѣдная моя комнатка, гдѣ я думалъ о тебѣ и любовался тобою!.. кто теперь будетъ смотрѣть на тебя? кому ты будешь пѣть твою пѣсню о ласточкѣ.

«Прощай, Генріетта. Слезы мѣшаютъ мнѣ писать и стираютъ то, что́ я написалъ. Прощай. Люби меня.

«Меня зовутъ Оливье Прелакомбъ. Можетъ быть, настанетъ время, когда я буду свободенъ располагать собою. Вспомни тогда о женщинѣ улицы Сенъ-Жанъ-Латранъ, какъ я вспомню о швеѣ Генріеттѣ—и мы опять будемъ счастливы. Посылаю тебѣ мой кошелекъ, въ которомъ нѣсколько луидоровъ; не отказывайся отъ этого ничтожнаго подарка и сохрани кошелекъ на память обо мнѣ.

«Тебя заставятъ перейдти въ другую квартиру; не сопротивляйся имъ: они сильны и могутъ тебя заставить; но мы молоды, мы можемъ ждать; можетъ быть, мы дождемся своего счастія.

«Прощай еще разъ, Генріетта. Я страдаю, но меня утѣшаетъ одна мысль, что ты меня любишь и что я буду любить тебя всегда,

«Оливье».

Окончивъ письмо, Оливье зарыдалъ какъ ребенокъ и только черезъ полчаса сложилъ письмо и рѣшился идти на Королевскую площадь.

Но его шляпа лежала на окошкѣ и онъ не могъ удержаться, чтобъ не посмотрѣть насупротивъ. Генріетта стояла у окна блѣдная и встревоженная и часто вытирала слезы, катившіяся по щекамъ ея. Глаза ихъ

встрѣтились, Оливье прочелъ въ глазахъ Генріетты столько горя и отчаянія, что вскрикнулъ, въ одну минуту перебѣжалъ улицу и былъ въ объятіяхъ молодой швеи.

Въ любви ненадобно много словъ. Оливье ничего еще не сказалъ, но Генріетта поняла все.

— Насъ хотятъ разлучить, сказала она со слезами.

— Да, Генріетта, мнѣ запретили видѣть тебя; я хотѣлъ сопротивляться, но не могъ. Вотъ, прочти мое прощаніе, сказалъ онъ, подавая ей письмо и кошелекъ:—я не въ силахъ объяснить тебѣ...

Генріетта протянула руку, взяла письмо и прочла его скоро, хотя оно было довольно длинно. Окончивъ письмо, она посмотрѣла на Оливье, но, увидя, что онъ еще блѣднѣе и разстроеннѣе ея, она, казалось, забыла о себѣ и старалась утѣшить только своего несчастнаго друга.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ наконецъ съ рѣшимостью:—я не разстанусь съ тобою! Убѣжимъ изъ Парижа, будемъ жить гдѣ-нибудь въ глуши, но только вмѣстѣ.

Генріетта была моложе Оливье, но она лучше его понимала жизнь, потому-что давно уже работала и переносила лишенія, тогда-какъ Оливье жилъ всегда въ довольствѣ.

— Бѣжать вмѣстѣ! сказала она: зачѣмъ? это невозможно!

— Кто намъ можетъ помѣшать?

— Бѣдность. У васъ еще нѣтъ ничего, а я, можетъ быть, не найду работы тамъ, гдѣ мы скроемся. Но еслибы даже Богъ помогъ намъ не умереть съ голоду, все-таки этотъ поступокъ можетъ погубить васъ; я же не хочу купить нѣсколько минутъ блаженства несчастіемъ всей вашей жизни.

— Ты права: у насъ нѣтъ главнаго — денегъ. Но... какая мысль! Я займу у Гектора: онъ богатъ и не откажетъ мнѣ. Пойдемъ же вмѣстѣ, Генріетта, я не хочу оставить тебя здѣсь, потому-что могутъ воспользоваться моимъ отсутствіемъ, чтобъ оскорбить тебя. Собирайся поскорѣе, минуты дороги.

— И ты для меня отказываешься отъ твоихъ надеждъ, отъ блестящей будущности, ты жертвуешь мнѣ всѣмъ!..

— Я не могу отказаться только отъ твоей любви.

— Такъ ты любишь меня... О! чего же намъ не достаетъ? Я хотѣла отказаться отъ побѣга, но теперь это невозможно. Мы не можемъ жить другъ безъ друга, мы уничтожимъ всѣ препятствія и будемъ счастливы. Не такъ ли, мой другъ?

Радостная улыбка освѣтила лица молодыхъ мечтателей и они взялись за руки, чтобъ идти труднымъ путемъ, но вмѣстѣ; въ эту ми-

нуту дверь комнатки тихо растворилась и на порогѣ показалась печальная фигура честнаго Бенуа.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? закричалъ Оливье. Тебѣ мало, что черезъ твои доносы ты выгоняешь меня изъ Парижа... ты хочешь совсѣмъ довести меня до отчаянія?

— Вы хотите бѣжать изъ Парижа г. Оливье! Боже мой, что́ вы дѣлаете! Подумайте хорошенько ..

— Повторяю тебѣ, что ты доведешь меня до несчастія, до погибели. .

— О, еслибы я зналъ это! Проклятый мой языкъ! Лучше бы я промолчалъ о вашихъ интригахъ, и вы бы не уѣхали Богъ знаетъ куда и на сколько времени... Но вы не уѣдете изъ Парижа, шевалье, это невозможно... Г-жа Дюбельё...

— Если она вздумаетъ помѣшать намъ, закричалъ Оливье съ гнѣвомъ: — то клянусь честью, я рѣшусь поднять на себя руки.

Старикъ упалъ на колѣни.

— Убейте лучше меня, г. Оливье, я ужь старъ; да и какъ я безъ васъ приду къ вашему батюшкѣ и что́ скажу ему, когда онъ спроситъ меня о сынѣ, котораго поручилъ моему надзору!

При видѣ этой неподдѣльной горести и вспомня объ отцѣ, рѣшеніе Оливье поколебалось и Генріетта, вся въ слезахъ, бросилась въ его объятія.

— Прощай, мой Оливье! говорила она рыдая.—Слушайся тѣхъ, которые приказываютъ тебѣ именемъ отца. Я не хочу быть причиною несчастія всего семейства... Прощай. Не требуй, чтобъ я бѣжала съ тобою... ты видишь, что я не въ силахъ...

И бѣдная дѣвушка упала на стулъ, стараясь удержать свои слезы.

— Вы добры и умны, мамзель Генріетта, сказалъ Бенуа съ чувствомъ. — Зачѣмъ только вы бѣдны и безъ имени? Зачѣмъ вы такъ прекрасны и такъ сильно полюбили шевалье? Успокойтесь же: г-жа Дюбелье добрая женщина и наградитъ васъ за то, что вы спасете нашего Оливье.

— Генріетта, не слушай его, говорилъ ей молодой человѣкъ: не оставляй меня, не забывай нашу любовь.

— Нѣтъ, Оливье, надобно разстаться, отвѣчала она Я страдаю больше тебя. Я не перенесу преслѣдованій и упрековъ. Прощай... думай иногда обо мнѣ и знай, что покуда будетъ биться сердце мое, я буду любить одного тебя и молиться за тебя.

Оливье не могъ отвѣчать, онъ крѣпко сжалъ руку Генріетты и, удерживая рыданіе, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Г. Оливье, шевалье! кричалъ ему вслѣдъ Бенуа:—остановитесь, прошу васъ... Но старые его ноги не могли догнать молодаго человѣка, который скоро скрылся изъ виду.

Старикъ, видя, что Оливье побѣжалъ къ набережной, боялся, чтобъ онъ, съ отчаянья, не бросился въ Сену и проклиналъ свою болтливость. Между тѣмъ Оливье бѣжалъ по улицамъ Парижа безъ шляпы, и блѣдный и отчаянный бросился въ комнату г-жи Дюбельё.

— Все кончено! сказалъ онъ. Я написалъ письмо... видѣлся съ Генріеттою и хотѣлъ бѣжать съ ней, но благородная дѣвушка отказалась, чтобъ не навлечь на меня проклятія отца... Дѣлайте изъ меня что хотите, только ради Бога не говорите мнѣ ничего... Я уже довольно страдалъ сегодня и больше не могу выдержать...

Г-жа Дюбельё поняла положеніе бѣднаго Оливье, не говоря ему ни слова, вышла изъ комнаты и послала за Бенуа, чтобъ приготовить все къ отъѣзду.

Въ это время Генріетта сидѣла въ томъ же положеніи, какъ оставилъ ее Оливье, и не думая ни о чемъ, забывъ свое горе и разлуку, машинально смотрѣла на слезу, которую Оливье уронилъ на ея руку, мысли ея были далеко... Бѣдная дѣвушка не могла еще повѣрить своему несчастію.

VII.

Въ началѣ улицы Бакъ, недалеко отъ моста, былъ небольшой, скромный магазинъ, который привлекалъ много покупателей. Тамъ продавались перчатки, кружева, ленты и другія мелочи, и хотя надъ крошечнымъ магазиномъ не было вывѣски, но весь околотокъ называлъ его магазиномъ *Прекрасной швеи* и всѣ молодые люди бѣжали къ ней, чтобъ купить манжеты и галстухи и посмотрѣть на хорошенькую хозяйку, нашу знакомую Генріетту.

Послѣ отъѣзда Оливье, управитель г-жи Дюбельё пришелъ къ молодой швеѣ и засталъ ее на колѣнахъ и въ слезахъ.

Старикъ послонился ей вѣжливо, но Генріетта будто бы не замѣтила его прихода и продолжала смотрѣть въ ту сторону, гдѣ скрылся Оливье.

— Сударыня, сказалъ управитель, я присланъ отъ имени г-жи Дюбельё.

Генріетта молчала.

— Отъ имени г-на Оливье...

Генріетта посмотрѣла на старика такъ печально, что тотъ смутился и продолжалъ:

— Г.-на Оливье Прелакомба. Для его спокойствія вы должны перемѣнить квартиру.

— Оставить эту комнату! сказала молодая дѣвушка, совершенно очнувшись: здѣсь я увидѣла Оливье, полюбила его... можетъ быть, онъ опять придетъ, а меня не будетъ... нѣтъ, я не хочу уходить отсюда, не пойду!

— Однако это необходимо, потому-что я получилъ строгое приказаніе. Впрочемъ, вамъ не изъ чего плакать; вамъ будетъ гораздо лучше: вмѣсто вашей тѣсной, бѣдной комнатки, вамъ дадутъ маленькій магазинъ въ нижнемъ этажѣ, вы не будете портить ваши хорошенькіе глазки надъ вышиваньемъ, и ваша красота привлечетъ къ вамъ множество покупателей.

Напрасно старикъ расточалъ свое краснорѣчіе: Генріетта опять впала въ безчувственность и не отвѣчала ничего. Тогда управитель позвалъ двухъ своихъ служителей, которые стояли передъ домомъ съ телегою, и приказалъ имъ укладывать маленькое имѣніе молодой швеи, что было исполнено въ десять минутъ.

Когда же Генріетта опять очнулась и увидѣла себя въ пустой комнатѣ, слезы полились по щекамъ ея; но она поняла, что сопротивленіе невозможно и потому удерживала рыданія. Она подошла къ окошку, долго смотрѣла на пустую комнату Оливье, потомъ оборвала всѣ свои цвѣты и связала изъ нихъ букетъ.

Сколько мыслей и воспоминаній было соединено съ этими простыми цвѣтами! Каждое утро, поливая ихъ, молодая дѣвушка искала глазами своего сосѣда. Вчера еще Оливье любовался ими, смотрѣлъ какъ они цвѣтутъ, и теперь цвѣты еще не завяли, а онъ ужь далеко и она не смѣетъ думать о любви его...

Ее свели въ улицу Бакъ, въ хорошенькую комнатку и положили на постель, чтобъ она успокоилась и забылась послѣ столькихъ страданій.

На другой день Генріетта проснулась, по обыкновенію, рано, и съ удивленіемъ посмотрѣла вокругъ себя. У окна стояли пяльцы ея; маленькое зеркало висѣло надъ ея старымъ комодомъ, и даже на низенькомъ табуретѣ спала, свернувшись, ея бѣленькая кошечка, Минета. Генріетта подумала, что все случившееся вчера было сонъ и, вско-

чивъ съ постели, подбѣжала къ окну, но напротивъ ея не было знакомаго дома, не было окошка, въ которое смотрѣлъ на нее Оливье.

Она тяжело вздохнула и прошла въ магазинъ, котораго еще не видала. Тамъ все было убрано такъ мило, товары были свѣжи и подобраны со вкусомъ, и бѣдная дѣвушка, никогда невидавшая такого богатства, начала разсматривать все съ любопытствомъ и осушила свои слезы.

На каминѣ своей комнаты она нашла мѣшечекъ съ нѣсколькими сотнями экю и вспомнила о кошелькѣ и письмѣ Оливье. Она отыскала это письмо, поцѣловала его нѣсколько разъ, прочла прощаніе своего друга, сосчитала деньги, подаренныя Оливье, опять спрятала ихъ, радуясь, что не будетъ имѣть надобности тратить ихъ, а будетъ беречь какъ сокровище.

Г-жа Дюбельё поступила великодушно; но Генріетта съ радостью отдала бы все богатство за свою прежнюю комнатку, гдѣ любила и была счастлива.

Прошелъ годъ, но чувства молодой дѣвушки не измѣнились; она обѣщала своимъ покровителямъ не стараться видѣться съ Оливье, но не могла удержаться и пошла разъ въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ, но билеты на дверяхъ и окнахъ Оливье доказывали, что и его заставили перемѣнить квартиру, а можетъ быть, увезли изъ Парижа.

И Генріетту съ-тѣхъ-поръ заняла одна постоянная мысль: увидѣть Оливье, узнать, помнитъ ли онъ о ней. Она не смѣла освѣдомляться о немъ, но надѣялась, что если онъ въ Парижѣ, такъ можетъ случайно пройдти по улицѣ Бакъ, и потому стояла по цѣлымъ днямъ у дверей своего магазина; но Оливье не проходилъ мимо.

Съ ея красотою и молодостью она не долго ждала обожателей. Письма и мадригалы сыпались на нее со всѣхъ сторонъ, но она не трогалась ни стихами, ни прозою, и всѣ удивлялись такой необыкновенной гордости и отыскивали причины ея отказовъ. Нѣкоторые, однако, догадались и, послѣ предложеній одной любви, начали предлагать ей руку и имя. Между претендентами были выгодныя, и даже почетныя партіи для бѣдной швеи, но она хладнокровно отказывала всѣмъ и не обращала вниманія на толки и сплетни жителей улицы Бакъ, которые распускали про нее самые нелѣпые и неосновательные слухи.

Но, несмотря на все это, магазинъ всегда былъ полонъ. Генріетта была такъ хороша, и никогда еще молодежь квартала не помадилась и не душилась такъ отчаяно, и не бросала столько денегъ на туалетныя украшавшія прилавокъ хорошенькой магазинщицы, заслужившей названіе *неприступной*.

Случалось также, что, кромѣ прикащиковъ и негоціантовъ, заходилъ къ ней иногда и знатный дворянинъ, чтобъ перемѣнить разорванную манжетку или запачканную перчатку. И кто въ первый разъ заходилъ нечаянно, тотъ продолжалъ приходить съ намѣреніемъ, такъ-что часто скромная дверь магазина была застановлена золочеными носилками или огромной каретой съ ливрейными лакеями.

Однажды вошелъ въ ея магазинъ блистательный маркизъ и не спускалъ съ нея глазъ, покуда она примѣривала ему перчатки и прыскала платокъ духами. Уходя, онъ проговорилъ въ полголоса:

«Какой фуроръ произвело бы это личико на театрѣ!»

Генріетта задумалась при этомъ словѣ. Она все еще любила Оливье и, занимаясь своею торговлею, слушая объясненія и предложенія своихъ поклонниковъ, думала только о немъ, шептала только его имя.

«Я люблю его, говорила она, и увѣрена, что онъ такъ же любитъ меня. Насъ разлучили и запретили намъ видѣться, но вѣдь можетъ же быть, что я случайно встрѣчусь съ нимъ, особенно если онъ въ Парижѣ. Напримѣръ, онъ пойдетъ гулять въ Тюльери... я тоже... на поворотѣ аллеи мы встрѣтимся... и я надолго буду счастлива, если только увижу его издали...»

И посреди этихъ мечтаній она услышала слово *театръ*, сказанное вельможею. Она продумала цѣлую ночь. «Всѣ ходятъ въ театръ, говорила она сама себѣ: и если Оливье въ Парижѣ, то и онъ пойдетъ туда, чтобъ разсѣяться. Еслибы я была актриса, онъ бы увидѣлъ меня на сценѣ и узналъ, и я бы узнала, любитъ ли онъ меня...»

На другой день молодая магазинщица отыскала учителей танцевъ и пѣнія, и просила ихъ даватъ ей уроки. Она хотѣла попробовать къ чему она болѣе способна, и черезъ мѣсяцъ бросила музыку, потому-что несмотря на свой хорошенькій голосъ, увидѣла, что надобно очень много времени, чтобъ сдѣлаться пѣвицею. Въ танцахъ же она сдѣлала большіе успѣхи и проводила цѣлые дни въ своей комнатѣ, дѣлая батманы и пируэты. Черезъ шесть мѣсяцевъ учитель объявилъ ей, что она можетъ соперничать съ первыми театральными танцорками.

Въ это время маркизъ опять пришелъ за бантомъ къ шпагѣ, и въ то время, какъ маленькія ручки Генріетты складывали ленты, онъ опять не спускалъ съ нея глазъ и бормоталъ сквозь зубы:

— Какая свѣжесть! какіе глаза, какое личико!..

— Такое, которое можетъ имѣть успѣхъ на театрѣ, не такъ-ли г. маркизъ? отвѣчала Генріетта, рѣшаясь на важное дѣло.

— Что вы говорите, моя красавица? спросилъ вельможа съ удивленіемъ.

— Что я желала бы поступить на сцену.

— Неужели дитя мое? Но что же вы умѣете дѣлать?.. Есть ли у васъ голосъ?

— Я не знаю музыки.

— Современемъ можно научиться, если у васъ есть охота.

— Я бы хотѣла быть танцоркой. Я люблю танцовать.

— Вы танцуете на загородныхъ балахъ, куда васъ водитъ вашъ любезный, но этого мало....

— У меня нѣтъ любезнаго и я танцую какъ на сценѣ.

— Можетъ ли быть то и другое?

— И никогда не будетъ возлюбленнаго, хотя я и буду танцовать въ операѣ.

— Посмотримъ, посмотримъ, моя нимфа. Продолжайте учиться и вы скоро опять увидите вашего покорнаго слугу, маркиза де-Ланже.

И незнакомецъ вышелъ изъ магазина.

Черезъ нѣсколько дней маркизъ вернулся и привелъ съ собою незнакомца въ черномъ платьѣ, который шелъ, выворачивая ноги и держалъ подъ-мышкой маленькую скрипку.

Генріетта покраснѣла и смѣшалась; она поняла, что дѣло идетъ объ экзаменѣ, который можетъ перемѣнить ея жизнь; но она уже твердо рѣшилась вступить на сцену, несмотря ни на какія препятствія, и старалась скрыть свое смущеніе.

Она пригласила своихъ гостей въ комнату, и маркизъ все еще былъ увѣренъ, что увидитъ неловкую прыгунью, которой надобно будетъ много учиться; но такъ-какъ она хороша собою, то всегда будетъ имѣть успѣхъ, потому-что красота всегда составляла и будетъ составлять половину таланта танцовщицы.

Каково же было его удивленіе, когда она приняла граціозную позу и начала выдѣлывать трудныя па, пируэты и всѣ тонкости хореграфическаго искусства съ такою легкостью, чистотою и увѣренностью, что даже черный незнакомецъ остановился въ изумленіи. Маркизъ невольно закричалъ браво, и черезъ недѣлю Генріетта получила приказаніе дебютировать въ новомъ миѳологическомъ балетѣ.

VIII.

Мы видѣли, что Гекторъ не былъ расположенъ къ наслѣдственному званію фамиліи Верфонтенъ. Когда смерть отца сдѣлала его совершенно свободнымъ, онъ написалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ: *графъ*

вмѣсто *виконтъ*, вступилъ поручикомъ въ драгунскій полкъ и отправился воевать въ Германію.

Какъ счастливъ былъ молодой человѣкъ, когда бросилъ свой судейскій костюмъ и надѣлъ блестящій мундиръ! какъ билось его сердце подъ оранжевыми отворотами! какъ горѣла голова въ свѣтлой каскѣ!

Въ Германіи онъ началъ тѣмъ, что въ то время, какъ онъ принималъ приказанія отъ маршала де Броли, прусское ядро убило подъ нимъ лошадь, на другой же день, въ бергенскомъ сраженіи пуля задѣла ему горло и осталась въ складкахъ его галстуха.

Гекторъ былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ происшествій, потому-что они возвышали его въ глазахъ товарищей. Скоро наконецъ его полкъ напалъ на улановъ герцога брауншвейгскаго и дѣйствовалъ такъ храбро, что остановилъ непріятеля, хотя оставилъ на мѣстѣ своего начальника. Гекторъ былъ произведенъ капитаномъ и считался однимъ изъ храбрыхъ офицеровъ французской арміи.

Когда войско отправилось на зимнія квартиры, всѣ офицеры вскочили на коней съ крикомъ: «Парижъ, Версаль!» Гекторъ изъ первыхъ вернулся во Францію и первый визитъ его былъ въ Оперу, къ которой онъ сохранилъ прежнее расположеніе. Ему успѣли ужь разсказать какую-то невѣроятную исторію о хорошенькой дебютанткѣ Жуанѣ, которая танцовала отлично, но была самаго страннаго характера для танцорки. Онъ увидѣлъ Жуану и былъ ею очарованъ.

Возможно-ли, чтобъ маркизъ де-Ланже, который представилъ ее на сцену и покровительствовалъ ей, получилъ въ благодарность только низкій реверансъ? Она отказалась отъ чести быть его женою. Вѣроятно-ли, чтобъ блестящіе маркизы, графы и даже герцоги не могли покорить ея сердца? Это просто чудо!

Какое счастіе побѣдить тамъ, гдѣ всѣ должны были отступить! Самолюбіе подстрекало Гектора; притомъ же онъ смѣло могъ надѣяться на успѣхъ: онъ былъ капитаномъ въ двадцать пять лѣтъ; храбрость его пугала соперниковъ, а карманы его были полны золотомъ; притомъ же онъ былъ хорошъ, ловокъ и предпріимчивъ—чего же недоставало ему, чтобъ внушить сильную страсть всякой женщинѣ?

Однако, несмотря на все это, Гекторъ былъ несовершенно увѣренъ въ успѣхѣ, и сердце его билось сильно, когда онъ собирался въ театръ. Прежде всего надобно было обратить на себя вниманіе Жуаны, и онъ аплодировалъ и кричалъ браво при каждомъ появленіи ея на сцену. Но всѣ дѣлали то же и его крики терялись во множествѣ. Онъ купилъ пирамиду букетовъ и бросалъ ихъ поминутно къ ногамъ танцовщицы; но

цвѣты сыпались на нее со всѣхъ сторонъ и она не могла даже замѣтить кто ихъ бросалъ.

Гекторъ вышелъ изъ театра, нисколько не подвинувъ впередъ свои дѣла, но самъ онъ чувствовалъ, что Жуана сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Онъ всю ночь продумалъ только о ней и составлялъ планы, какъ бы заставить полюбить его.

«О какая слава, говорилъ онъ, если я буду побѣдителемъ прекрасной Жуаны! Всѣ будутъ говорить объ этомъ.»

На другой же день Гекторъ началъ развѣдывать о Жуанѣ и узналъ, что она живетъ въ улицѣ Буле, близъ Палеройяля. Онъ пошелъ въ домъ, гдѣ жила танцорка, и встрѣтился съ какой-то старухой.

— Вы живете здѣсь? спросилъ вѣжливо молодой человѣкъ.

— Точно такъ.

— Стало-быть, вы знаете Жуану?

— Комедіантку?

— Нѣтъ, танцорку.

— Это все равно. Какъ не знать тѣхъ, которые живутъ въ одномъ домѣ. Впрочемъ, вы не первый справляетесь о мамзель Жуанѣ.

Гекторъ сдѣлалъ невольное движеніе.

— И не вы первый, продолжала старуха: — постоите только у ея двери. Господи Боже мой, сколько ужь я провожала шитыхъ кафтановъ, бѣлыхъ плюмажей и золотыхъ эполетъ!

— Такъ она не принимаетъ никого, эта комедіантка?

— Рѣшительно никого.

— Какая добродѣтель!

— Вы думаете? Правда, что она отвергаетъ любовь знатныхъ и богатыхъ вельможъ но...

— Но что же?

— Но тутъ что-нибудь да не такъ. Она молода, живетъ одна; у ней блестящія глазки и она танцуетъ на сценѣ — можно ли тутъ быть добродѣтельной? Впрочемъ, какое мнѣ дѣло...

Гекторъ хотѣлъ уже уйдти, потому-что старуха начала говорить вздоръ, но потомъ, подумавъ, что можетъ нечаянно узнать что-нибудь замѣчательное, далъ ей золотую монету и продолжалъ разспрашивать.

— Вы говорите... то есть вы думаете, что Жуана не добродѣтельная дѣвушка?

— Добродѣтельныя дѣвушки не танцуютъ въ коротенькихъ платьяхъ передъ мужчинами.

— Это не доказательство, отвѣчалъ Гекторъ съ досадою.

— Если это не доказательство, такъ что вы скажете о той дѣвушкѣ, которая не всегда ночуетъ дома.

— Что вы говорите!

— Сущую правду. Только это не такъ часто. Девять разъ изъ десяти она приходитъ домой всегда одна и запирается. Она даже не говоритъ ни съ кѣмъ и не замѣчаетъ никого. Я сама не слыхала даже ея голоса... А все-таки она не всегда ночуетъ дома. Что она дѣлаетъ и гдѣ бываетъ—я не могу вамъ сказать, потому-что сама не знаю, но...

— До свиданія, сказалъ Гекторъ, благодарю васъ. И онъ хотѣлъ выйдти на улицу, но вдругъ послышался шелестъ платья и онъ увидѣлъ Жуану, которая, вѣроятно, поняла о чемъ молодой человѣкъ разговариваетъ съ старухой, и улыбнулась такъ мило, что Гекторъ смѣшался, покраснѣлъ и едва могъ поклониться хорошенькой танцовщицѣ.

— Какая непростительная глупость! говорилъ онъ, уходя домой. Она застала меня съ старой болтуньей и отгадала, что я разспрашивалъ о ней... Впрочемъ, мое любопытство доказываетъ любовь... Эта неприступная Лукреція смѣется надъ маркизомъ Ланже и всѣми придворными... Однако она любитъ какого-то счастливца. О! я узнаю, кого она предпочитаетъ всѣмъ намъ, и гордая красавица должна будетъ сдаться.

Чтобъ узнать что-нибудь о ночныхъ путешествіяхъ Жуаны, Гекторъ началъ слѣдить за ней; но въ первый день, провожая ее изъ театра и боясь выпустить изъ виду, онъ упалъ въ канавку и вышелъ изъ нея весь мокрый; на другой день онъ поссорился съ прохожимъ, котораго нечаянно толкнулъ; на третій день былъ проливной дождь, на четвертый воры ограбили его, на пятый онъ добѣжалъ до улицы Булé и увидѣлъ только, какъ Жуана заперла свою дверь на замокъ.

Притомъ же она танцовала не всякій день, и Гекторъ потерялъ двѣ недѣли и не узналъ ничего новаго; отпуску же его оставался только мѣсяцъ, потомъ онъ долженъ былъ явиться въ полкъ.

Стало-быть, нельзя было терять времени, и Гекторъ, боясь пропустить что-нибудь, нанялъ людей, чтобъ слѣдить за танцоркой, и черезъ два дни ему донесли, что Жуана наканунѣ пошла въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ и ночевала въ одномъ домѣ.

— Наконецъ-то, сказалъ молодой человѣкъ;—я узнаю тайну и воспользуюсь ею!

Склонность Гектора къ Жуанѣ превратилась въ страсть, потому-что препятствія раздражали его, самолюбіе его страдало и онъ рѣшился пожертвовать остаткомъ отпуска; онъ пожертвовалъ бы здоровьемъ и всѣмъ состояніемъ, только бы заставить дебютантку полюбить его.

Онъ разставилъ своихъ шпіоновъ, чтобъ они слѣдили за каждымъ шагомъ молодой артистки, а самъ пошелъ разсѣяться къ своимъ друзьямъ: графу Лафрене, Монлюсаку д'Ормёлю и другимъ офицерамъ рейнской арміи.

Какую веселую и счастливую жизнь вели офицеры во время отпуска! Большую часть дня они проводили за столомъ, потомъ дѣлали визиты, торопились въ театръ, потомъ играли въ карты. Гекторъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ страсть къ Жуанѣ не мучила его.

Къ несчастію, имя танцорки встрѣчалось вездѣ и не было возможности забыть ее. Необыкновенное поведеніе Жуаны было предметомъ всѣхъ разговоровъ и, не зная настоящей ея жизни, всѣ выдумывали про нея самыя странныя и невѣроятныя исторіи. То говорили, что она цыганка, которая, прежде появленія на сценѣ, показывала фокусы на ярмаркахъ; другой увѣрялъ, что она поетъ какъ соловей, но одинъ богатый старикъ платитъ ей груды золота, чтобъ она пѣла только для него; увѣряли еще, что видѣли ее въ маленькомъ домикѣ маршала саксонскаго, и что если она ходитъ пѣшкомъ и живетъ скромно, то это оттого что она скупа, какъ Гарпагонъ.

— Вы ничего не знаете про нея, сказалъ Гекторъ своимъ друзьямъ. Всѣ эти нелѣпости только глупы; и хоть многіе изъ васъ видѣли дебюты Жуаны и не выѣзжали изъ Парижа, но я знаю больше васъ всѣхъ, хоть недавно пріѣхалъ изъ Силезіи.

— Браво Верфонтенъ! Ты пьянъ и начинаешь бредить.

— Нѣтъ, онъ не пьянъ, а влюбленъ въ Жуану и вздыхаетъ по ночамъ подъ ея окошками.

— Если я пьянъ или влюбленъ, то до этого никому нѣтъ дѣла. Я дѣлаю что хочу. Все-таки повторяю вамъ, что вы ничего не знаете настоящаго о Жуанѣ; а я черезъ недѣлю узнаю кто она, откуда явилась и кого любитъ. Даю вамъ въ этомъ честное слово.

— Полно хвастать, любезный, это невозможно.

— Хочешь держать пари, Монлюссакъ?

— Хочу.

— И я.

— И я тоже.

Всѣ хотѣли держать пари противъ Гектора.

— Держу двѣсти луидоровъ, сказалъ онъ.

— Пожалуй; но насъ десять человѣкъ, замѣтилъ Монлюссакъ:—и не стоитъ того дѣлить выигрышъ; хочешь пятсотъ луидоровъ?

— Держу тысячу.

— Идетъ!

Послѣ этого друзья разстались и Гекторъ увидѣлъ, что ему уже не было никакой возможности отказаться отъ побѣды надъ Жуаною.

На другое утро одинъ изъ шпіоновъ донесъ ему, что прекрасная танцовщица отправилась въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ.

— Какое счастіе! вскричалъ молодой человѣкъ —теперь-то я узнаю все и, можетъ быть, выиграю пари.

Черезъ четверть часа онъ былъ уже въ улицѣ Сенъ-Жанъ-Латранъ.

IX.

«Что это мнѣ кажется эта улица знакомою?» говорилъ себѣ Гекторъ, подходя къ дому, въ которомъ, по донесенію, скрывалась Жуана. «Ахъ да, тутъ жилъ мой добрый Оливье, только въ противоположномъ домѣ. Что же мнѣ дѣлать? Надобно разспросить кого-нибудь о мамзель Жуанѣ и о ея возлюбленномъ. Теперь я увѣренъ, что ея возлюбленный какой-нибудь бѣдный молодой человѣкъ. Какія странныя прихоти у женщинъ! Но впередъ! я хочу посмотрѣть на этого счастливца».

Гекторъ вошелъ и спросилъ у привратницы:

— Въ которомъ этажѣ живетъ Жуана?

— Какая Жуана?

— Танцорка, которая приходитъ сюда иногда. Не живетъ ли у васъ молодой человѣкъ...

— Здѣсь всѣ мужчины въ нашемъ домѣ женатые и люди пожилые.

— Но Жуана здѣсь?

— Вы ошибаетесь. Спросите напротивъ, или у сосѣдей.

— Я увѣренъ, что, часъ тому назадъ пришла въ этотъ домъ молодая женщина, что она приходитъ сюда часто и ночуетъ здѣсь.

— Танцорка Жуана?

— Ну да, комедіантка, если хотите.

— Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь.

Гекторъ вышелъ и позвалъ своего шпіона.

— Ты, кажется, намѣренъ дурачить меня, бездѣльникъ, сказалъ онъ ему. — Какъ ты смѣлъ обмануть меня?

— Я не понимаю васъ, ваше сіятельство.

— Въ этомъ домѣ нѣтъ Жуаны.

— Васъ обманули, потому-что я сейчасъ самъ видѣлъ ее.

— Гдѣ?

— У окна четвертаго этажа... Вонъ, гдѣ видна рѣшетка и сухіе цвѣты.

Гекторъ опять вошелъ въ домъ и обратился къ той же старухѣ.

— Позвольте спросить имя жильца четвертаго этажа?

— Въ четвертомъ этажѣ много жильцовъ.

— Кто живетъ въ комнатѣ, гдѣ окно съ рѣшеткою?

— А! понимаю, вы говорите о мамзель Генріеттѣ.

Гекторъ удивился; но, рѣшась узнать еще болѣе, онъ всунулъ въ руку старухи нѣсколько луидоровъ и сказалъ ей:

— Разскажите мнѣ все, что дѣлаетъ и кого принимаетъ мамзель Генріетта и я буду вамъ благодаренъ.

— Мамзель Генріетта здѣсь въ своей квартирѣ и она не принимаетъ рѣшительно никого.

— Возможно ли!

— Зачѣмъ мнѣ обманывать васъ?

— Такъ она живетъ въ четвертомъ этажѣ?

— Вторая дверь налѣво.

— Благодарю васъ.

И Гекторъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и постучалъ въ маленькую дверь.

— Кто тамъ? спросилъ голосъ изъ комнаты.

— Человѣкъ, которому необходимо поговорить съ мамзель Генріеттой.

Молодая дѣвушка отворила дверь, но отступила съ удивленіемъ, увидя на порогѣ блистательнаго офицера, который поклонился ей почтительно.

Комната Генріетты была все та же, какъ и въ началѣ нашего разсказа. Маленькая кровать, пяльцы и комодъ составляли всю мебель. На окнѣ цвѣты; но такъ-какъ это было въ началѣ зимы, то по решеткѣ вились только поблеклые листья.

Съ тѣхъ поръ, какъ Генріетта промѣняла свой магазинъ на театръ, она принуждена была вмѣстѣ съ именемъ перемѣнить и квартиру; но, вѣрная воспоминанію первой любви, она наняла свою прежнюю комнатку; она приходила въ нее въ свободные часы и, какъ прежде, садилась у окна и поглядывала на противоположную сторону. Она даже старалась запѣть пѣсню о ласточкѣ, но глаза ея наполнились слезами и она зарыдала... Она не перемѣнилась нисколько; но въ другомъ окнѣ нѣтъ уже широкихъ желтыхъ занавѣсокъ, изъ-за которыхъ являлся прекрасный молодой человѣкъ, или старый Бенуа, котораго Генріетта боялась, но все-таки любила за его честность и приверженность къ Оливье.

— Я не должна... не буду больше никогда пѣть, сказала молодая дѣвушка, отирая слезы. Прошло мое лѣто... улетѣла ласточка—любовь... Оливье, Оливье! еслибъ зналъ ты, какъ я люблю тебя! Гдѣ ты теперь? Когда я тебя увижу? Мнѣ надоѣло тебя ждать и я пошла на сцену, чтобъ только встрѣтиться съ тобою—но все напрасно! Два года ожиданій и страданій за два дни блаженства! Боже мой, Боже мой! Неужели этого мало? неужели ты не сжалишься надо мною?..

Когда Гекторъ вошелъ, Генріета такъ удивилась и смѣшалась, что не нашла что́ сказать.

— Мое почтеніе, прекрасная Терпсихора, сказалъ капитанъ:—если только можно назвать васъ этимъ именемъ въ убѣжищѣ, гдѣ не знаютъ вашего званія, таланта...

— Что́ вамъ надобно, милостивый государь? спросила молодая дѣвушка съ досадою:—что́ значитъ ваше посѣщеніе?

— Выслушайте меня. Я только три недѣли въ Парижѣ, стало-быть, знаю васъ еще недавно, но успѣлъ полюбить васъ такъ сильно, что потерялъ разсудокъ, сонъ и аппетитъ. Не пугайтесь, сударыня, прибавилъ онъ, видя испугъ Генріетты:—я дворянинъ, графъ Верфонтенъ, и если осмѣлился слѣдовать за вами въ ваше тайное жилище, то мнѣ можетъ служить извиненіемъ моя страстная любовь и желаніе узнать моего соперника, чтобъ увидѣть, хорошъ ли вашъ вкусъ и для кого вы отвергаете всѣхъ вашихъ поклонниковъ.

— Позвольте вамъ сказать, графъ, что я не привыкла даже за кулисами къ такому обращенію. Я свободна и никто не имѣетъ права оскорблять меня. Вы же, какъ дворянинъ, должны бы стыдиться преслѣдовать молодую дѣвушку, которая васъ не знаетъ. Знайте, что вы первый мужчина вошли въ эту комнату. Прошу васъ оставить меня.

— Извините, сударыня, но вы танцовщица и публика аплодируетъ вамъ отчаянно... Вы прекрасны; но зачѣмъ же вы дичитесь всѣхъ, пренебрегаете самыми блестящими предложеніями и работаете на чердакѣ улицы Сенъ-Жанъ Латранъ? Повторяю вамъ, это смѣшно.

И Гекторъ захохоталъ; но Генріетта посмотрѣла на него съ такимъ достоинствомъ, что онъ остановился.

— Я не знаю, графъ, сказала она:—позволяютъ ли мои подруги обращаться съ ними такъ дерзко; я же никому не позволю забыться предо мною; и чтобъ избѣжать впредь подобныхъ дерзостей, я лучше оставлю сцену и сдѣлаюсь опять швеей.

И молодая дѣвушка поклонилась холодно, но Гекторъ не хотѣлъ уйдти ни съ чѣмъ и продолжалъ почтительно:

— Простите мою ошибку, сударыня. Мы не привыкли встрѣчать строгости въ актрисахъ, и потому мое поведеніе извинительно. Но оставимъ театръ. Вы были швеей... Теперь я живо помню то время, когда я бывалъ вмѣстѣ съ другомъ моимъ Оливье, который жилъ въ этой же улицѣ, и даже напротивъ вашего дома...

При этихъ словахъ Генріетта покраснѣла и готова была повторить имя Оливье, но, по счастью, удержалась и проговорила тихо:

— У васъ былъ другъ?

— Да, прекрасный и добрый молодой человѣкъ, Оливье Прелакомбъ. Я думалъ, что онъ послѣдуетъ моему примѣру и пойдетъ въ военную службу, но отецъ его, президентъ Парламента въ Анжу, до того строгъ и неумолимъ, что бѣдный мой другъ не смѣлъ даже противорѣчить ему.

— Гдѣ же... теперь... вашъ другъ? спросила Генріетта, старясь скрыть свое смущеніе.

— Онъ скучаетъ въ Анжу, гдѣ скоро будетъ совѣтникомъ, а потомъ президентомъ, какъ его отецъ, его дѣдъ, прадѣдъ и всѣ Прелакомбы, съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ есть Парламенты.

— Но онъ... бываетъ въ Парижѣ?

— Никогда. Парижъ, это Вавилонъ, который ведетъ прямо въ адъ — это мнѣніе президента. Оливье женится, будетъ въ свою очередь президентомъ и у него будетъ сынъ, такой же послушный и умный, какъ онъ, который впослѣдствіи тоже будетъ президентомъ Парламента. Это такъ заведено съ незапамятныхъ временъ; и когда землетрясеніе или громъ разрушитъ анжуйскій Парламентъ, то подъ развалинами его найдутъ непремѣнно президента Прелакомбъ. Однако, какъ я глупъ, что разсказываю вамъ то, что до насъ не касается. Я пришелъ затѣмъ, чтобъ положить къ вашимъ ногамъ мое сердце.

— Графъ Верфонтенъ, если вы начнете вашъ первый разговоръ, я попрошу васъ выйдти.

— Стало-быть, вы рѣшительно не хотите слышать ни о любви, ни о богатствѣ...

— Рѣшительно.

— Вы хотите уморить всѣхъ бабочекъ, которыя сожгли свои крылья на огнѣ вашихъ прекрасныхъ глазъ.

— Можетъ быть, изъ состраданія къ нимъ, я оставлю сцену.

— Неужели вы хотите покинуть Оперу?

— Да; эта мысль пришла мнѣ недавно въ голову и я подумаю..

— Остановитесь, я рѣшительно не позволяю вамъ оставить сцену. Посудите сами: у меня всегда была страсть къ актрисамъ и танцор-

камъ. Теперь я встрѣтилъ первую, которая достойна любви—и она хочетъ удалиться со сцены!.. Еще остался мѣсяцъ до конца моего отпуска, и я прошу васъ, танцуйте хоть это время.

— Но этого можетъ требовать только тотъ, кто давно меня знаетъ, а васъ, графъ, я вижу въ первый разъ.

— Прошу васъ еще: позвольте мнѣ посѣщать васъ здѣсь.

— Согласна, только съ условіемъ...

— Принимаю всѣ условія.

— Вы не будете говорить мнѣ о вашей любви.

— Это очень трудно.

— Вы можете говорить мнѣ о томъ времени, когда были въ этой улицѣ и навѣщали вашего друга... г. Оливье...

— Оливье Прелакомбъ...

— Теперь же прощайте, г. Верфонтенъ, до свиданья.

— До вечера, прелестная Жуана. Я буду аплодировать вамъ какъ сумасшедшій.

X.

Послѣ этого перваго труднаго шага къ знакомству, Гекторъ надѣялся, что дѣла его пойдутъ отлично; но онъ жестоко ошибался. Напрасно онъ цѣлую недѣлю хлопоталъ о новомъ свиданіи: онъ видѣлъ Генріетту только на сценѣ, какъ и всѣ зрители.

Наконецъ, на восьмой день она пошла въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ, и Гекторъ вошелъ вслѣдъ за нею. Во время разговора, молодой капитанъ старался заговаривать о своей любви, но Генріетта перебивала его и напоминала объ условіи.

— Вы такъ прекрасны, говорилъ Гекторъ, я васъ люблю...

— Не забывайте вашего обѣщанья, графъ. Скажите лучше... не сбирается ли жениться вашъ другъ... Вы что-то упоминали объ этомъ въ первое наше свиданье.

— Если Оливье соберется жениться, то увѣдомитъ меня.

— Скажите же мнѣ, какую жизнь вели вы съ вашимъ другомъ въ Парижѣ? Я хочу знать всѣ подробности.

— Я былъ рожденъ для жизни военной, полной шума, приключеній и нечаянностей.

— А Оливье?

— О! онъ былъ до того скроменъ и благоразуменъ, что проводилъ

всѣ дни у себя дома, не подозрѣвая даже, что можно проводить время гораздо пріятнѣе.

— Возможно ли?

— Однако, не заключайте изъ этого, что Оливье некрасивъ, или глупъ, напротивъ, онъ очень хорошъ собою и любезенъ; но за нимъ наблюдалъ дядька, старый Бенуа, который не выпускалъ его изъ виду, такъ-что я произвелъ почти суматоху, когда, однажды, увелъ его въ Оперу. Вообразите, что онъ не могъ не краснѣя взглянуть ни на одну женщину.

— Стало-быть, онъ никогда не любилъ?

— Не могу поручиться, однако, потому-что въ этотъ самый день мы покутили въ трактирѣ и онъ за шампанскимъ объявилъ мнѣ за тайну, что влюбленъ.

— Въ кого же?

— Кажется, въ какую-то гризетку; но я держу пари, какое угодно, что онъ не смѣлъ объясниться съ нею и что бѣдная дѣвушка слышала отъ него одни вздохи.

— Какой необыкновенный характеръ!

— Оливье, какъ и я, понималъ только любовь въ супружествѣ; и если онъ рѣшился сдѣлать объясненіе своей возлюбленной, то, вѣрно, сказалъ ей: «сударыня, я васъ люблю и прошу вашей руки».

— И вы думаете, что онъ женился бы на... гризеткѣ.

— Что вы! это невозможно, потому-что при первомъ извѣстіи о неровномъ бракѣ, президентъ послалъ бы своему сыну проклятіе. Впрочемъ, Оливье не смѣлъ и подумать объ этомъ.

— А я думаю, графъ, что молодыя дѣвушки глупо дѣлаютъ, вѣря льстивымъ обѣщаньямъ и не требуя болѣе прочнаго за пожертвованіе своей красоты и молодости. Вы берете насъ, какъ модную игрушку и потомъ бросаете, когда она вамъ надоѣстъ.

— Развѣ можно требовать, чтобъ бракъ всегда былъ заключаемъ по любви? Повѣрьте, что намъ бываютъ благодарны, когда мы беремъ назадъ свое сердце, и что продолжительная связь гораздо тяжелѣе для васъ, нежели для насъ.

— Я по крайней мѣрѣ не того мнѣнія; и хотя до сихъ поръ говорила на всѣ предложенія любви «нѣтъ», теперь перемѣню мой отвѣтъ и буду говорить: женитесь на мнѣ.

— Какъ? вы скажете это первому встрѣчному?

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ мужъ мой мнѣ нравился.

— Вѣрно, вы выберете какого-нибудь маркиза.

— Можетъ-быть.

— Богача, который покроетъ васъ брильянтами.

— Богатство не лишнее.

— Молодаго, красиваго...

— Разумѣется.

— Словомъ: феникса, которому подобнаго нѣтъ на свѣтѣ.

— Нѣтъ, я не такъ взыскательна. Я хочу, чтобъ мужъ мой былъ честный человѣкъ, который бы составилъ мое счастіе и котораго я могла бы уважать.

— Я право не понимаю васъ.

— То есть, вы не хотите понять г. Верфонтенъ. Прежде я не хотѣла слышать о любви, теперь я согласна позволить любить меня только тому, кто будетъ моимъ мужемъ это мое послѣднее рѣшеніе.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ... то есть одно предположеніе...

— Что́ же это такое?

— Если я осмѣлюсь сдѣлать вамъ предложеніе, что́ вы мнѣ отвѣтите?

— Я соглашусь быть вашею женою.

— Но я говорю серьёзно...

— Просите серьёзно моей руки и я буду отвѣчать вамъ такъ же.

И Гекторъ, простился съ Генріеттой и пошелъ домой, размышляя о своемъ положеніи. Однако мысли его скоро должны были разсѣяться. Войдя въ свою квартиру, онъ услышалъ оглушительный шумъ голосовъ, звонъ сабель и шпоръ и понялъ, что безъ него друзья его распоряжаются по-своему.

— Вотъ онъ самъ! Вотъ онъ наконецъ! закричали всѣ при входѣ Гектора. Приготовилъ ли ты тысячу луидоровъ, Верфонтенъ? Кто выигралъ пари? Кто проигралъ?

Гекторъ не вдругъ понялъ, чего отъ него хотятъ крикуны, и только услышавъ слово пари, вспомнилъ, что онъ далъ слово разузнать все о Жуанѣ.

— Друзья мои, сказалъ онъ, когда волненіе немного пріутихло:—я не отказываюсь отъ пари, но требую вашего вниманія и терпѣнія.

— Онъ проигралъ, бѣдняжка! Онъ хочетъ выиграть время, говорили между собою молодые офицеры:—посмотримъ, чего ты отъ насъ требуешь, графъ?

— Я прошу отложить рѣшеніе пари до окончанія спектакля. Потомъ мы поужинаемъ вмѣстѣ. За десертомъ, послѣ тоста въ честь

прекрасной Жуаны, вы допросите меня и выигравшій пари платитъ за ужинъ. Согласны ли вы?

— Согласны, согласны! Только ты, кажется, хочешь выиграть хоть ужинъ.

— Вечеромъ увидимъ, чѣмъ все это кончится. Во всякомъ случаѣ, я не жалѣю тысячи луидоровъ. До свиданья, друзья.

Когда Гекторъ остался одинъ, онъ началъ раздумывать и спрашивать себя: въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ сильно любитъ Жуану?

— Нѣтъ, это одинъ капризъ. Что за глупость жениться на танцовщицѣ! Лучше заплатить тысячу луидоровъ и перенести насмѣшки товарищей.

Въ этотъ вечеръ Жуана была лучше обыкновеннаго и танцовала подъ дождемъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Всѣ были въ восторгѣ. Гекторъ, внѣ себя, побѣжалъ поздравить ее, но его не допустили въ уборную. Тогда онъ вынулъ свою записную книжку и написалъ два слова: «вашу руку». Онъ хотѣлъ уже послать этотъ листочекъ Жуанѣ, но подумалъ, что это будетъ непростительная глупость, и пошелъ къ своимъ друзьямъ, которые ждали его ужинать.

Ужинъ прошелъ, разумѣется, весело, потому-что молодые люди пили, не считая бутылокъ. За десертомъ очистили большое блюдо и высыпали туда тысячу луидоровъ Гектора и тысячу его противниковъ, все самою новою золотою монетою. Это было ослѣпительное блюдо.

— Теперь послушайте, друзья мои, сказалъ графъ Лафрене:—пора подумать и о дѣлѣ, пока вы еще въ состояніи понимать. Гекторъ, кому принадлежатъ эти деньги?

— Мнѣ... если я хочу.

— Если хочешь — это что-то неясно. Объяснись, мы слушаемъ тебя.

— Я обѣщалъ вамъ открыть тайну Жуаны и узнать кто она, откуда явилась и кого любитъ...

— Это правда. Теперь отвѣчай, кто Жуана?

— Теперь она танцорка, какъ вы всѣ знаете; прежде она была швеей и называлась Генріеттой.

— Второй вопросъ: откуда она?

— Она прыгнула на сцену Оперы съ чердака улицы Сенъ-Жанъ-Латранъ, побывъ немного времени въ маленькомъ магазинѣ улицы Бакъ.

— Ты отвѣчаешь прекрасно, замѣтилъ поручикъ д'Ормель:—и я начинаю бояться за наши деньги .. Но послѣдній вопросъ довольно труденъ, а ты долженъ отвѣчать на него. Кого любитъ Жуана?

— Никого.

— Никого! Вотъ новости! Вотъ небылица! Признайся лучше, любезный, что ты проигралъ.

— Разумѣется, проигралъ, сказалъ Монлюссакъ, смѣясь. Что Жуана была гризетка—это вѣроятно; но чтобъ у ней не было обожателя—это сказка, да еще фантастическая. Но чтобъ выиграть наши деньги, бѣдный Гекторъ! надобно было отыскать ей обожателя, представить его ей, заставить ихъ полюбить другъ друга, или самому взять эту роль, а ты хочешь просто отговориться. Помилуй, да всякій полицейскій сержантъ могъ бы намъ сказать то же самое за два экю, а ты хочешь взять за свои свѣдѣнія двѣ тысячи луидоровъ, то есть сорокъ восемь тысячъ ливровъ. Бѣдный Верфонтенъ! Я жалѣю тебя.

Эти насмѣшки оживили всѣхъ повѣсъ. Всѣ подняли стэканы и закричали:

— За здоровье графа Гектора Верфонтена и его тысячи луидоровъ!

— Если вы думаете, что я проигралъ, отвѣчалъ Гекторъ:—я и не спорю...

— Онъ признается—браво! Признавайся заодно, Гекторъ, что ты былъ пьянъ, когда держалъ такое огромное пари.

— Любопытнѣе же всего, говорилъ одинъ офицеръ:—что нашъ бѣдный другъ влюбленъ безъ памяти въ восхитительную Жуану.

— А еще смѣшнѣе то, замѣтилъ другой:— что онъ старается понапрасну.

— Было для чего Гектору пріѣзжать изъ Германіи и за пустое слово проиграть полугодовые доходы!

— Къ чему послужили его храбрость и раны, когда онъ не могъ побѣдить прыгунью?

— Ты не смѣешь больше хвастать твоими побѣдами.

— Всякій въ отвѣтъ скажетъ тебѣ: Жуана.

Гекторъ поблѣднѣлъ отъ досады и униженія.

— Позвольте, господа, сказалъ онъ, требуя молчанія:—вы очень рано обрадовались:—я выигралъ пари и докажу вамъ это. Завтра я увезу Жуану.

— Завтра!

— Увозишь Жуану!

— О! о! о!

Всѣ были поражены этою неожиданностью.

— Браво Гекторъ, закричалъ Лафрене.—Ты хорошо отыгрываешься. Что же это за тайна? Зачѣмъ ты сейчасъ признавался, что проигралъ пари?

— Вы вывели меня изъ терпѣнія.

— Онъ увезетъ Жуану! говорили съ удивленіемъ повѣсы.—Вотъ новость!

— Да какъ ты дошелъ до этого, любезный? спросилъ Монлюссакъ.

— Это мнѣ ничего не стоило, я только сейчасъ вздумалъ похитить ее.

— Надобно, однако, знать, согласится ли Жуана слѣдовать за тобою.

— Вѣроятно не согласится, потому-что она даже не предувѣдомлена.

Послѣ минутнаго удивленія, всѣ молодые люди захохотали.

— Ты хотѣлъ испугать насъ.

— Полно отговариваться, любезный. Ужь рѣшено, что ты проигралъ.

— Нѣтъ, я выигралъ, закричалъ Гекторъ:—потому-что завтра же увезу Жуану.

— А если она не захочетъ?..

— Тогда...

— Тогда ты проигрываешь вдвое—согласенъ?

— Я женюсь на ней.

— Онъ опять смѣется надъ нами!

— А мы такъ глупы, что слушаемъ его сказки.

— За здоровье будущей графини Верфонтенъ, сказалъ Гекторъ, подымая бокалъ.—Клянусь честью, я говорю правду.

— То есть ты хочешь выиграть пари во что бы ни стало. Ты готовъ на непростительную глупость—на женитьбу съ танцоркой только для того, чтобъ не признаться, что проигралъ.

— Бѣдный Гекторъ, если ты и выиграешь за эту цѣну, то я не завидую тебѣ.

— Ты женишься на танцоркѣ и жена твоя хороша—это мы всѣ знаемъ; но знаешь ли ты, что она принесетъ тебѣ въ приданое?

— Пируэты.

— Розовое трико.

— Бумажныя крылья.

— Завянувшіе вѣнки.

— Нѣтъ, господа, перебилъ Гекторъ:—у Жуаны есть приданое въ сорокъ восемь тысячъ ливровъ.

— Сорокъ восемь тысячъ ливровъ у гризетки, которая только шесть мѣсяцевъ на сценѣ! Кажется, это воображаемое приданое никогда не попадется въ твои руки.

— Приданое это такъ вѣрно, отвѣчалъ Гекторъ, что я беру его тотчасъ же и кладу въ карманъ.

И онъ подвинулъ къ себѣ блюдо съ луидорами и началъ пересыпать ихъ въ карманы своего лакея.

— Однако надобно бы узнать, согласится ли Жуана сдѣлаться графинею, замѣтилъ кто-то?

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, друзья мои. Я приглашаю васъ всѣхъ подписать свадебный контрактъ.

— Поздравляемъ, поздравляемъ любезный, и обѣщаемъ еще больше аплодировать графинѣ Верфонтенъ въ костюмѣ Данаи. Этотъ титулъ еще больше возвыситъ ея славу.

— Вы ошиблись въ вашихъ разсчетахъ, господа, сказалъ Гекторъ. —Сегодня вечеромъ вы въ послѣдній разъ видѣли Жуану на сценѣ.

— Она оставитъ оперу?

— Разумѣется... Я не оставлю ее на театрѣ.

XI.

Гекторъ спалъ дурно эту ночь. Увлеченный самолюбіемъ и разгоряченный виномъ и насмѣшками, онъ сдѣлалъ совершенно противное тому, что долженъ былъ сдѣлать; и теперь, когда остался одинъ и вспомнилъ всѣ колкости и замѣчанія друзей, выигранное пари показалось ему очень тяжело и онъ съ радостью готовъ былъ отъ него отказаться.

И чѣмъ еще все это кончится? Надобно какъ можно скорѣе увидѣться съ Генріеттою и рѣшить это дѣло, которое его такъ мучило. Не было еще десяти часовъ, когда Гекторъ постучался въ дверь танцорки въ улицѣ Буле.

Никто не отвѣчалъ.

«Не пошла ли она въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ», подумалъ молодой человѣкъ и хотѣлъ уже сбѣжать съ лѣстницы, какъ услышалъ шумъ за дверью.

— Отворите ради Бога, сказалъ онъ, это я, графъ Верфонтенъ.

— Что вамъ угодно графъ, такъ рано? спросила Генріетта за дверью.

— Мнѣ необходимо видѣть васъ сію минуту. Не отказывайте мнѣ. Если вы не одѣты, я подожду.

Но Генріетта, по старой привычкѣ, вставала рано, и потому комната ея была давно убрана; сама она была одѣта въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ кружевною сѣткою на головѣ, и читала, сидя у камина, когда Гекторъ постучался. Голосъ молодаго человѣка выражалъ столько чувства и волненія, что она рѣшилась отворить.

— Войдите графъ, сказала она:—и объясните причину вашего ранняго визита.

Гекторъ никогда не былъ въ ея комнаткѣ улицы Буле, и потому осмотрѣлся съ удивленіемъ и подозрѣніемъ.

Генріетта улыбнулась и сказала:

— Здѣсь никого нѣтъ, графъ, увѣряю васъ и вы можете открывать мнѣ самыя важныя тайны не опасаясь, что кто-нибудь можетъ васъ услышать.

И она сѣла, показавъ своему гостю другой стулъ.

— Генріетта, началъ Гекторъ:—мой визитъ удивилъ васъ, мои слова могутъ васъ обидѣть, но я все-таки прошу васъ выслушать меня до конца.

— Я васъ слушаю, графъ.

— Согласитесь ли вы оставить на время сцену?

— Я вамъ сказала, что готова оставить театръ навсегда безъ всякаго сожалѣнія.

— Вы знаете, что я давно люблю васъ...

— Извините г. Верфонтенъ, я позволила вамъ видѣться со мною только съ условіемъ, что вы не будете мнѣ говорить о любви—не забывайте же этого, или...

— Выслушайте меня. Я васъ люблю, я богатъ и хочу увезти васъ.

— Что вы говорите! закричала Генріетта, блѣднѣя и отодвигаясь отъ него.

— Да, продолжалъ Гекторъ съ рѣшимостью:—вы молоды, прекрасны и должны жить въ роскоши и удовольствіяхъ. Я кладу къ вашимъ ногамъ все мое состояніе.

И онъ положилъ на каминъ мѣшокъ съ золотомъ и бумажникъ.

— Графъ, сказала Генріетта съ достоинствомъ:—я не думала, что вы такъ скоро заставите меня раскаяться въ томъ, что для васъ я отступила отъ моихъ правилъ. Вы одни изъ всѣхъ молодыхъ людей бывали у меня и знаете кто я. Я не должна была бы дѣлать исключеній, но вы застали меня въ такую минуту, когда я страдала, когда одиночество дѣлалось для меня тяжелымъ и я думала, что найду въ васъ честь и дружбу. Я ошиблась, графъ. Я не нуждаюсь въ богатствѣ, потому-что прежде васъ отвергла уже много блистательныхъ предложеній. Ваши слова и намѣренія оскорбили меня и я надѣюсь, что вы избавите меня впредь отъ такихъ низкихъ предложеній.

— Не выгоняйте меня, Генріетта. Я виноватъ, что смѣлъ судить о васъ какъ о другихъ женщинахъ; но любовь развѣ преступленіе? Те-

перь я чувствую, что люблю васъ больше прежняго и не могу забыть васъ.

— Послушайте меня, графъ, я привыкла выслушивать хладнокровно всевозможныя изъясненія въ любви, и потому обѣщаю забыть вашу обиду. Предупреждаю васъ только, что всѣ ваши клятвы и жертвы не могутъ увѣрить меня, что вы любите истинно. Вы хорошо описываете вашу страсть, но дурно чувствуете.

— Генріетта, вы меня пугаете; ваши слова доказываютъ горькую опытность или жестокость. Въ ваши лѣта невозможно, чтобъ вы много перечувствовали и еще больше страдали отъ любви.

— Вы напрасно находите вездѣ тайны, какихъ нѣтъ. Я только говорю, что выучилась понимать мужчинъ и не вѣрю имъ.

Гекторъ задумался на минуту и потомъ сказалъ:

— Я прошу руки вашей.

— Вы, графъ?

— Да, Генріетта, будьте моею женою.

— Вы смѣетесь!

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ. . я вамъ отказываю.

— Отказываете!.. Но не дальше, какъ вчера вы сами сказали...

— Это было вчера. Послушайте же, графъ, что́ я вамъ скажу сегодня. Вы хотите жениться на мнѣ, потому–что я иначе не хочу слышать о любви. Вы хотите похитить меня потому, что держали пари въ тысячу луидоровъ, чтобъ побѣдить танцорку, которая устояла противъ самыхъ выгодныхъ предложеній — вы видите, я все знаю... и послѣ этого вы говорите, что любите меня! Вы думаете, что меня прельститъ ваше богатство, вашъ титулъ? Но вы сами, въ минуту горячности, упрекнете меня, что я согласилась исполнить ваше желаніе. Нѣтъ, я не хочу быть графиней за такую дорогую цѣну; я лучше останусь танцоркой, и вмѣсто того, чтобъ быть обязанной вамъ и унижаться передъ вами, буду имѣть удовольствіе видѣть васъ у моихъ ногъ вмѣстѣ съ вашими друзьями. Еще разъ повторяю вамъ, что я не продаю себя ни за деньги, ни за имя. Теперь прощайте, графъ. Я сказала все. Надѣюсь, и вы тоже.

Гекторъ машинально вышелъ, не понимая, что́ съ нимъ сдѣлалось, что́ онъ чувствовалъ.

Онъ любилъ Генріетту страстно и искренно. Съ друзьями за ужиномъ онъ казался повѣсою, но въ ея комнаткѣ—это былъ другой человѣкъ. Его вѣтреность, легкомысліе исчезали передъ однимъ свѣтлымъ взглядомъ прекрасной дѣвушки.

Чрезъ четверть часа онъ опять взошелъ на лѣстницу и отворилъ дверь Генріетты.

— Вы, вѣрно, пришли за вашими деньгами? сказала она холодно.

— Я даже забылъ о нихъ.

— Зачѣмъ же вы вернулись?

— Чтобъ опять умолять васъ. Послушайте: у меня нѣтъ родныхъ и никто не имѣетъ права осуждать мои поступки. Всѣ мои желанія исполнялись потому, что я молодъ, богатъ и смѣлъ; но эта жизнь приключеній мнѣ надоѣла. Я хочу быть счастливымъ. Я васъ люблю, Генріетта. Вчера, даже сегодня утромъ вы могли не вѣрить мнѣ, въ эту же минуту я говорю то, что чувствую, и отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть счастіе моей жизни. Хотите ли бы быть моею женою?

Генріеттѣ пришла въ голову свѣтлая мысль.

— Я тоже въ это время передумала о многомъ, г. Верфонтенъ. Я рѣшительно оставляю театръ, который мнѣ не нравится, и ѣду въ провинцію къ старушкѣ, которая меня воспитала, потому-что и у меня тоже нѣтъ родныхъ. Тамъ я буду работать и забуду о Парижѣ, какъ онъ меня забудетъ. Васъ же, графъ, я прошу проводить меня, это недалеко...

— И потомъ вы согласитесь быть моею женою?

— Соглашаюсь, потому-что теперь вѣрю вамъ. Вы не были обязаны связывать вашу блестящую судьбу съ моею.

— Вы одни можете составить мое счастіе, Генріетта.

— Въ такомъ случаѣ, располагайте мною, графъ. Мы поѣдемъ, когда вамъ будетъ угодно, и я буду вашею женою, когда прикажете.

— Мы поѣдемъ сегодня вечеромъ, и вы уже будете моею женою

Генріетта подала Гектору руку, онъ поцѣловалъ ее и ушелъ, довольный и счастливый.

Она осталась одна въ сильномъ волненіи. Она думала объ Оливье, котораго любила такъ сильно. Когда же узнала, что невозможно встрѣтиться съ нимъ въ Парижѣ, она хотѣла ѣхать въ Анжу, чтобъ еще разъ увидѣться съ нимъ; она была увѣрена, что и онъ не забылъ ее и что, при первой встрѣчѣ, упадетъ въ ея объятія... Но зачѣмъ возобновлять связь, которую разорвали съ такимъ трудомъ? Зачѣмъ ссорить отца съ сыномъ? Нѣтъ, надобно отказаться отъ всѣхъ сладкихъ надеждъ, надобно поставить вѣчную преграду между нею и Оливье, чтобъ не возмущать его семейнаго спокойствія и будущности, словомъ: надобно, чтобъ у ней былъ защитникъ и мужъ.

Притомъ же, Гекторъ Верфонтенъ такъ добръ, нѣженъ и благороденъ. Онъ стоитъ любви ея; и хотя это будетъ не та любовь, какую

она чувствовала къ Оливье, но все-таки она можетъ составить счастіе мужа и предохранитъ ее отъ искушенія.

Если же она встрѣтится съ Оливье, если прочтетъ въ его глазахъ ту же любовь — тогда она съумѣетъ скрыть свои чувства и не забудетъ, что обязана уважать имя, которое Гекторъ далъ ей такъ необдуманно.

И въ то время, какъ эти мысли проходили въ ея головѣ, крупныя слезы лились по ея щекамъ, грудь подымалась отъ рыданій, потому-что она прощалась навсегда со своими надеждами и начинала новую жизнь.

Когда Гекторъ вошелъ къ ней, то посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ:

— Вы плачете, Генріетта, когда я такъ счастливъ.

— Простите меня, Гекторъ, отвѣчала она. Но я прощаюсь съ моей одинокой бѣдной жизнью, и хотя буду теперь богата, уважаема и любима, но не могу безъ слезъ разстаться съ моей комнаткой, которую никогда больше не увижу.

XII.

Прошли еще двѣ недѣли въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, потому-что, несмотря на нетерпѣніе Гектора, надобно было исполнить всѣ формальности. Вѣнчанье происходило тихо, въ монастырской капеллѣ, только съ необходимыми свидѣтелями. Гекторъ выхлопоталъ себѣ продолженіе отпуска и увезъ жену въ Анжу, чтобъ показать ей великолѣпное владѣніе Верфонтеновъ.

Генріетта любила мужа изъ благодарности и по долгу. Гекторъ обожалъ жену и не оставлялъ ее ни на минуту.

Но счастье непродолжительно на землѣ. Черезъ мѣсяцъ вся провинція узнала, что графъ женился на танцоркѣ, и всѣ окружные молодые люди собрались навѣстить своего прежняго пріятеля и посмотрѣть на хорошенькую графиню. Разумѣется, что старики и пожилыя дамы вслухъ осуждали поведеніе графа, удивляясь, что начальство Гектора позволило такой неприличный бракъ.

Сначала Гектору не понравились эти визиты, но скоро прежнія привычки взяли верхъ. Притомъ же всѣ восхищались его женою, осы-

пали ее комплиментами—и самолюбіе его торжествовало. Къ этому присоединилась еще зимняя скука и друзья сдѣлались Гектору необходимы.

Генріетта съ своимъ тихимъ и робкимъ характеромъ не могла полюбить эту шумную жизнь замка Верфонтенъ; но послѣ нѣсколькихъ замѣчаній мужу, она увидѣла, что онъ не можетъ обойдтись безъ друзей, и потому перестала его уговаривать, а старалась сама принудить себя къ этимъ развлеченіямъ. Всякій день были новые гости и безпрестанные праздники; и если случалось, что проходилъ день безъ визитовъ, то Гекторъ, хоть и былъ влюбленъ въ жену, но начиналъ скучать.

Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ дней Гекторъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ окно, не занимаясь женою. Ему предстояло обѣдать съ ней одному, чего давно не случалось, и онъ ждалъ, что пріѣдетъ кто-нибудь изъ пріятелей распить бутылку вина и поговорить о новостяхъ.

Но время проходило и дорога къ замку оставалась пустою.

— Что это сегодня никто не ѣдетъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Неужели, мой другъ, тебѣ такъ необходимъ шумъ и друзья, что ты не можешь одного дня обойдтись безъ нихъ? Кажется, ты обѣщалъ мнѣ бросить прежнюю жизнь и жить покойно и уединенно, сказала молодая женщина.

— Начинаются жалобы, Генріетта...

— Нѣтъ, мой другъ, но я надѣялась...

— Послушай, Генріетта, ты знаешь, что я люблю тебя все такъ же сильно и что я счастливъ, когда всѣ тебя хвалятъ и восхищаются тобою.

— Если ты любишь меня, Гекторъ, то я ничего больше не желаю. Ты самъ обманывался, когда думалъ, что можешь жить счастливо въ уединеніи. Трудно пересоздать себя. Ты любишь общество, и я постараюсь полюбить его; только прошу тебя, когда мы переѣдемъ въ Парижъ, позволь мнѣ чаще оставаться дома, чтобъ ждать тебя послѣ пировъ и праздниковъ.

— Ты добра, Генріетта такъ же, какъ хороша, и я люблю тебя каждый день больше.

Въ эту минуту послышался звонъ колокольчика.

— Это звонятъ у калитки парка, сказалъ Гекторъ. — Кто бы могъ это быть?

— Мой другъ, ступай встрѣчать гостей.

Гекторъ побѣжалъ въ паркъ и упалъ въ объятія лучшаго своего друга—Оливье Прелакомба.

— Оливье! другъ мой, тебя ли я вижу!..

— Да, твой Оливье будетъ съ тобой браниться. Какой ты другъ... женился тихонько, пріѣхалъ домой и не увѣдомилъ никого. Мнѣ ужь чужіе сказали, что ты здѣсь, и я тайно уѣхалъ изъ Анжера, повидаться съ тобою.

— Зачѣмъ же тайно?

— Да про твою женитьбу разсказываютъ такія страшныя вещи, что батюшка вѣрно бы не пустилъ меня.

— Я узнаю г. президента. Пойдемъ же, я представлю тебя графинѣ и ты увидишь, извинителенъ ли мой поступокъ.

— Я слышалъ, что жена твоя красавица и поздравляю тебя отъ души.

Друзья подошли къ крыльцу; въ эту же самую минуту пріѣхали еще двое сосѣдей и сошлись въ дверяхъ. Генріетта тоже сошла, чтобъ встрѣтить гостей, но увидѣвъ Оливье, поблѣднѣла и упала бы, еслибы мужъ не поддержалъ ее.

— Что съ тобою? что это значитъ? спрашивалъ графъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, мой другъ... отвѣчала она тихо:—я оступилась... я очень скоро сбѣжала съ лѣстницы.

— Ты тоже Оливье страшно блѣденъ! не боленъ ли ты?

— Нѣтъ... меня испугалъ обморокъ графини... я думалъ, что она сильно ушиблась.

— Ты не ушиблась, Генріетта?

— Нѣтъ, мой другъ, я только испугалась и ты во-время поддержалъ меня. Сведи меня въ мою комнату... Извините, господа, что я оставляю васъ, сказала она гостямъ.

— Мы въ отчаяніи, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей:—что вашъ испугъ, графиня, лишаетъ насъ удовольствія вашего присутствія, но мы надѣемся, что вы скоро поправитесь.

Гекторъ увелъ жену, уложилъ ее на постель, позвалъ горничныхъ и самъ побѣжалъ къ друзьямъ

Тѣ ждали его у парка.

— Что ушибъ графини? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Черезъ часъ она будетъ совершенно здорова. Благодарю, друзья

мои, я еще не успѣлъ и поглядѣть на васъ. Здравствуй Лагранжъ, Люизанъ! какъ я радъ, что вы меня не забыли!

— Какъ чудно хороша твоя жена! сказалъ Люизанъ.—Я согласился бы самъ переломить себѣ ногу, только бы имѣть право поддержать ее, когда ей сдѣлалось дурно. Счастливецъ Гекторъ!

— Да, прибавилъ Лагранжъ:—это самая хорошенькая графиня, какую я знаю. Еслибы судьба послала мнѣ такую же хорошенькую женщину; еслибы даже она была цыганкой, я и тогда бы сдѣлалъ ее баронессой Лагранжъ. Да нѣтъ ли въ твоемъ паркѣ дичи, Гекторъ, прибавилъ онъ:—не худо бы заняться охотой, прежде чѣмъ ты представишь насъ графинѣ.

— Здѣсь пропасть зайцевъ, отвѣчалъ хозяинъ. Мой отецъ былъ старъ, чтобъ охотиться, а я не былъ здѣсь ужь нѣсколько лѣтъ.

— И прекрасно!.. Мы настрѣляемъ дичи къ ужину. Вели подать намъ ружья.

Гекторъ исполнилъ желаніе ихъ, а самъ взялъ Оливье подъ руку и повелъ въ другую сторону парка.

— Поговоримъ, Оливье, сказалъ онъ:—мы такъ давно съ тобой не видались. Хочешь, я разскажу тебѣ мою женитьбу?

— Со всѣми подробностями, прошу тебя.

И Гекторъ началъ. Когда онъ дошелъ до эпизода улицы Сенъ-Жанъ Латранъ, Оливье немного отсталъ отъ него, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Можетъ быть, ты видѣлъ ее тогда, сказалъ Гекторъ. Генріетта жила противъ твоихъ окошекъ.

— Не знаю... не замѣтилъ...

— Ты тоже былъ тогда влюбленъ въ гризетку.

— Да... кажется...

— Ручаюсь, что она не была лучше Генріетты. Знаешь что, воспоминаніе о тебѣ познакомило меня съ этой чудной дѣвушкой, которая почти выгнала меня, когда я началъ говорить ей о любви.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что это была самая необыкновенная танцорка, неприступная и добродѣтельная. Маркизъ Ланже и герцогъ *** потеряли чрезъ нея свою репутацію; всѣ придворные сходили съ ума, весь Парижъ былъ въ удивленіи.

— Для чего жь она пошла на сцену?

— Вотъ этого-то никто не могъ отгадать.

— Можетъ-быть, для того, чтобъ сдѣлаться графиней.

— Нисколько, мой другъ. Ты не повѣришь мнѣ, но она сначала отказала мнѣ и только моя истинная любовь и отчаяніе тронули ея неприступное сердце.

Гекторъ и Оливье, разговаривая, повернули опять къ дому и сошлись съ охотниками, настрѣлявшими множество дичи.

— Гдѣ жь ваши трофеи? спросалъ Люизанъ.

— Я зналъ, что вы набьете и на нашу долю, отвѣчалъ Гекторъ.— Пойдемте теперь узнать о здоровьи графини. Поправьте только вашъ туалетъ.

Генріетта сидѣла на диванѣ, когда вошелъ къ ней мужъ съ гостями.

— Какъ ты чувствуешь себя, мой другъ? спросилъ Гекторъ.

— Мнѣ теперь гораздо лучше, благодарю.

— Позволь представить тебѣ моихъ друзей: г. Люизана, барона Лагранжа и шевалье Прелакомба. Надѣюсь, что ты придешь къ столу, посмотрѣть сколько мы настрѣляли дичи.

— Ваши друзья, графъ, всегда будутъ и моими, отвѣчала Генріетта. Только извините, если я сегодня не выйду къ вамъ: мнѣ еще надобно отдохнуть, а завтра я буду раздѣлять всѣ ваши удовольствія.

Безъ хозяйки ужинъ былъ до того веселъ, что сосѣди Гектора начали вдругъ разсказывать всѣ вмѣстѣ разныя исторіи, а хозяинъ слушалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто понималъ, что они говорили. Одинъ Оливье не могъ пить, потому-что его занимала одна ужасная мысль. Когда онъ увидѣлъ, что никто изъ собесѣдниковъ не можетъ уже встать съ мѣста, онъ тихо вышелъ изъ комнаты и отыскалъ графиню.

Она сидѣла у камина, поддерживая рукою свою блѣдную головку, и когда увидѣла передъ собою Оливье, кровь бросилась ей въ голову, она покраснѣла отъ волненія, а чрезъ минуту поблѣднѣла какъ мертвая.

— Не бойтесь ничего, графиня, сказалъ молодой человѣкъ:—мы одни и я пришелъ васъ успокоить. Гекторъ разсказалъ мнѣ все и спросилъ, знаю ли я васъ, потому-что жилъ съ вами въ одной улицѣ. Я отвѣчалъ, что не видалъ васъ никогда.

— Оливье... проговорила невольно Генріетта, протягивая ему руку.

— Генріетта!... отвѣчалъ онъ, покрывая ея руку слезами.

Послѣ вечера, когда они видѣлись въ первый разъ и признались

въ любви, прошло два года и не проходило дня, чтобъ не вспомнилъ Оливье о Генріеттѣ.

XIII.

Долго они молчали, потому-что не находили словъ высказать, что происходило въ ихъ сердцахъ. Прошло два года съ послѣдняго свиданія, и имъ такъ много надобно было пересказать другъ другу!

— Такъ ли мы должны были встрѣтиться, сказалъ наконецъ Оливье.

— Да, лучше бы намъ совсѣмъ не встрѣчаться, отвѣчала со вздохомъ Генріетта.

— Развѣ вы несчастны, графиня?

— Развѣ вы все забыли, Оливье?

— О нѣтъ, я не могъ забыть нашей прежней любви.

— Прежней... проговорила невольно Генріетта и раскаялась въ своей неосторожности, потому-что Оливье всталъ передъ ней на колѣни и сказалъ съ волненіемъ:

— Одно слово, Генріетта: мы увидѣлись на минуту и разстанемся опять надолго, можетъ быть, навсегда. Будьте откровенны, скажите... Вы любите меня?...

— Зачѣмъ скрываться, Оливье? Если намъ суждено не видѣться болѣе, зачѣмъ терять этотъ часъ? Да, Оливье, я принадлежу другому—и должна позабыть о тебѣ.

— Я уѣхалъ изъ Парижа въ самый день разставанья: я хотѣлъ искать тебя, но меня такъ напугали, что тебя сдѣлаютъ несчастною, что я лучше рѣшился потерять надежду...

— Помнишь нашу комнатку въ улицѣ Сенъ-Жанъ Латранъ?

— Да; изъ которой насъ выгнали. Мы оставили въ нашей комнаткѣ нашу молодость и любовь. О, Генріетта! зачѣмъ ты замужемъ!

— Не забывай этого, мой другъ.

— Боже! я встрѣтилъ дѣвушку прекрасную и невинную, я полюбилъ ее и былъ счастливъ—и отдалъ ее другому!

— Но что было бы, Оливье, еслибъ ты не послушался? Мы были бы счастливы еще нѣсколько дней, можетъ-быть, годъ, а потомъ все-таки должны были разстаться.

— Тогда мы умерли бы вмѣстѣ.

— Прекрасная, но невозможная мечта.

— Но ты любишь меня, а это развѣ не счастіе? Забудь все и смотри на меня, какъ на прежняго друга.

— Но я не могу быть, какъ прежде, швеею. Зачѣмъ ты не пріѣхалъ въ Парижъ, когда я была тонцоркой?

— Мнѣ больно было бы видѣть тебя на сценѣ.

— Какой ты ребенокъ! Вообрази, что ты, ничего не зная, сидишь въ партерѣ. Вдругъ является любимая танцорка. Публика встрѣчаетъ ее аплодисментами и криками, но танцорка увидѣла тебя, она забыла все на свѣтѣ и ждетъ только окончанія спектакля...

— Я бы узналъ тебя, Генріетта, по біенію моего сердца.

— Слушай же дальше. Ты бы отыскалъ мою уборную, ты увидѣлъ бы меня, въ моемъ блестящемъ костюмѣ, прекрасную и взволнованную, и я бы съ восторгомъ упала къ тебѣ на грудь. Вотъ романъ, который я составила, когда пошла на сцену... но ты не пріѣхалъ въ Парижъ... Прощай же, Оливье.. Скоро ночь. Не забывай, что между нами вѣчная преграда.

— До свиданія, сказалъ грустно Оливье.

И онъ подошелъ къ молодой женщинѣ, поцѣловалъ у ней почтительно руку и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ безумный.

Всѣ спали въ замкѣ. Генріетта промечтала всю ночь. Ея любовь, прежде свободная, теперь сдѣлалась преступною. Она не должна обнаруживать ее, чтобъ не погубить себя и мужа, чтобъ не подвергнуть себя нареканіямъ людей, которые и то судятъ ее строго.

Оливье провелъ ночь тоже неочень покойно. Честный и благородный, онъ предвидѣлъ, что любовь его сдѣлается измѣною передъ другомъ дѣтства и не хотѣлъ нарушить его счастія.

Когда начало разсвѣтать, онъ написалъ Гектору письмо, въ которомъ извинялся, что непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ его уѣхать, не простясь съ нимъ, но что онъ скоро навѣститъ его опять.

Сложивъ письмо, онъ оставилъ его на столѣ, а самъ пошелъ въ конюшню, отыскалъ свою лошадь и выѣхалъ на дорогу, незамѣченный ни кѣмъ, кромѣ конюха, который осѣдлалъ ему лошадь и отворилъ ворота.

Во всю дорогу въ сердцѣ молодаго человѣка происходила страшная борьба. Онъ то радовался своей побѣдѣ надъ чувствами, то раскаявался, что самъ отказался отъ своего счастія. Наконецъ онъ рѣшился не оставаться въ Анжерѣ и уѣхать какъ можно дальше отъ Генріетты.

Онъ былъ дома въ десять часовъ пошелъ прямо къ отцу, въ библіотеку, гдѣ тотъ обыкновенно занимался. Президентъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дорожный костюмъ сына.

— Ты, кажется, съ прогулки, Оливье? сказалъ онъ. Что съ тобой случилось, что ты пришелъ ко мнѣ въ необыкновенное время?

— Мнѣ надобно сказать вамъ... что я долженъ сейчасъ ѣхать въ Парижъ.

— Для чего это путешествіе?

— Я вамъ разскажу все, батюшка... Вы слышали, что графъ Верфонтенъ женился.

— И я совѣтовалъ тебѣ не ѣздить къ нему.

— Я былъ у него вчера.

— Прекрасно. Такъ-то нынѣче дѣти уважаютъ совѣты отца?..

— И знаете ли, кто графиня Верфонтенъ? Женщина, которую я любилъ страстно.

— Вы любили танцорку?

— Нѣтъ, тогда она была швеей и насъ разлучила г-жа Дюбельё. Вамъ ничего объ этомъ не сказали, батюшка, но это было причиною, что меня прежде времени заставили уѣхать изъ Парижа. Вчера я узналъ Генріетту въ графинѣ и хочу уѣхать подальше отъ нея.

— Оставайся со мною и забудь эту женщину.

— Невозможно, батюшка: я люблю ее и она любитъ меня.

— Ты ошибаешься. Время излечиваетъ всѣ страсти, а ты ужь давно не былъ въ Парижѣ и, вѣрно, забытъ.

— Нѣтъ, батюшка, мы увидѣлись, говорили и узнали, что чувства наши не перемѣнились. Я такъ боялся за себя, что убѣжалъ изъ замка, какъ преступникъ. Но моя рѣшимость и твердость могутъ не устоятъ противъ любви. Я могу опять вернуться въ Верфонтенъ и погубить Генріетту, себя и друга моего, Гектора.

— Богъ сохранитъ тебя отъ такого несчастія, сынъ мой! Благодарю тебя, что ты довѣрился мнѣ. Поѣзжай въ Парижъ, если это необходимо; только постарайся вылечиться отъ этой страсти и не забывай, что ты одинъ у твоего стараго отца.

Растроганный президентъ обнялъ своего сына, далъ ему свертокъ съ деньгами, благословилъ его и сказалъ:

— Прощай, Оливье. Надѣюсь, что не надолго.

— Постараюсь, батюшка.

Оливье побѣжалъ въ свою комнату, наскоро собралъ чемоданъ

пошелъ привязать его на свою лошадь, но на дворѣ встрѣтился съ сво имъ старымъ слугою Бенуа.

— Вы ѣдете въ Парижъ, шевалье? спросилъ онъ.

— Да, ты видишь, что я тороплюсь.

— И вы не берете меня съ вами?

— Нѣтъ. Въ твои лѣта вредно путешествовать.

Чрезъ полчаса Оливье ѣхалъ по дорогѣ въ Парижъ, а въ замкѣ Верфонтенъ сошлись всѣ къ завтраку.

— Гдѣ же жена? спросилъ Гекторъ.

— Графиня не спала всю ночь, отвѣчала горничная: у ней была лихорадка.

— Лихорадка отъ испуга! что за странность! Я не думалъ, что Генріетта такъ слабонервна. А гдѣ шевалье Прелакомбъ?

— Онъ уѣхалъ и оставилъ вамъ письмо, сказалъ лакей.

— Вотъ еще одинъ дезертёръ! Онъ бѣжитъ, какъ-будто и онъ захворалъ, какъ моя жена. Но дѣлать нечего, друзья мои, мы будемъ завтракать втроемъ, а выпьемъ за четверыхъ. Погодите меня, Лагранжъ и Люизанъ, я только зайду къ графинѣ и тотчасъ же вернусь выпить за ея здоровье.

XIV.

Чрезъ пять дней Оливье пріѣхалъ въ Парижъ и, увлеченный воспоминаніями, побѣжалъ въ улицу Сенъ-Жанъ Латранъ; съ радостью узналъ, что квартира, которую онъ занималъ, два года тому назадъ, пуста и нанялъ ее.

Разумѣется, мудрено было забыть ему свою любовь, когда все напоминало о ней, да и хотѣлъ ли Оливье забыть? Нѣтъ. Влюбленные любятъ свои страданія и стараются оживлять ихъ и увеличивать. Вотъ почему и Оливье проводилъ цѣлые дни у окошка, гляда на противоположную сторону, или ходилъ по улицамъ безъ цѣли. Желая разсѣяться, онъ принялся за книги, но буквы плясали въ его глазахъ какой-то дикій танецъ и составляли все одно имя—Генріетта.

Бѣдный молодой человѣкъ! Эта жизнь безъ надеждъ и ожиданій убивала его. Онъ въ три недѣли постарѣлъ нѣсколькими годами; свѣжесть и живость исчезли и прозрачная блѣдность лица еще болѣе выказывала блескъ его черныхъ глазъ.

Однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его прибытія въ Парижъ,

въ одно свѣтлое апрѣльское утро солнце такъ весело заглянуло въ его комнату, что Оливье всталъ съ какою-то тихою радостью въ сердцѣ. Онъ видѣлъ во снѣ Генріетту швеею и, желая продолжить свой сонъ, закрылъ опять глаза и сказалъ:

«Теперь она отворитъ окошко и запоетъ пѣсню про ласточку».

И вдругъ посреди тишины раздался свѣжій прекрасный голосъ, который запѣлъ знакомую пѣсню.

При первыхъ звукахъ Оливье хотѣлъ вскочить и подбѣжать къ окошку; но, зная, что окно Генріетты пусто и боясь потерять свой сонъ, лежалъ безъ движенія и продолжалъ слушать.

Голосъ продолжалъ пѣть, что любовь похожа на ласточку и улетаетъ послѣ весны.

«О мой сонъ, мой прекрасный сонъ! шепталъ Оливье: продолжайся еще долго, долго... вѣчно».

Пѣсня умолкла.

Оливье, какъ безумный, бросился къ окошку, отворилъ его съ шумомъ и вскрикнулъ, увидѣвъ женщину въ комнатѣ Генріетты. Она тоже обернулась, услыша шумъ и, поблѣднѣвъ, упала на стулъ.

Это была Генріетта.

Оливье все думалъ, что продолжается его сонъ.

— Не сошелъ-ли я съ ума, подумалъ онъ.—Еще этого не доставало!.. Нѣтъ, лучше умереть или удостовѣриться въ истинѣ.

И такъ-какъ у сосѣдки закрылось окошко, онъ сошелъ внизъ и спросилъ у первой попавшейся женщины въ противоположномъ домѣ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, кто живетъ въ маленькой комнаткѣ, въ четвертомъ этажѣ?

— Самая покойная жилица изъ всего дома; она платитъ за квартиру и не живетъ въ ней. Вотъ три мѣсяца какъ она пришла въ первый разъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Мамзель Генріетта; она была швеей.

— У ней... теперь никого нѣтъ.

— Нѣтъ; она всегда одна, бѣдненькая!

Оливье былъ такъ увѣренъ, что Генріетта въ замкѣ Верфонтенъ, что даже отвѣты женщины почиталъ игрою своего разстроеннаго воображенія, и чтобъ вполнѣ убѣдиться въ своемъ сумасшествіи, вошелъ на лѣстницу, отворилъ знакомую дверь и остановился на порогѣ.

Въ углу комнаты сидѣла молодая женщина почти безъ чувствъ и едва могла поднять глаза на вошедшаго Оливье.

Онъ, не говоря ни слова, сѣлъ возлѣ нея, все еще боясь, что призракъ разсѣется и онъ останется одинъ.

Генріетта взяла его за руку. Онъ вздрогнулъ.

— Такъ это ты, мой другъ, ты сама... стало-быть, я еще не сумасшедшій...

— Вы меня пугаете, Оливье. Что съ вами?

— Замокъ Верфонтенъ далеко отсюда.

— Когда ты уѣхалъ отъ насъ и мужъ принесъ мнѣ твое письмо, я въ душѣ благодарила тебя, что ты сжалился надъ бѣдною женщиною. Я хотѣла послѣдовать твоему благородному примѣру, и, боясь встрѣтиться съ тобою, просила графа ѣхать въ Парижъ.

— Это тоже моя исторія, Генріетта.

— Да, мы много страдали, и мученія наши еще не кончились. Зачѣмъ мы узнали другъ друга.

— Что ты говоришь, Генріетта! Развѣ ты раскаяваешься, что любила!

— Вспомни Гектора Верфонтена, продолжала она... онъ мой мужъ... твой другъ, Оливье. Я принадлежу ему. Намъ должно разстаться опять и навсегда, Оливье: этого требуютъ долгъ, законъ, совѣсть—и мы свято исполнимъ завѣтъ ихъ.

— Посмотрите на меня: похожъ ли я на счастливаго человѣка? Я потерялъ здоровье, молодость, силы и съ каждымъ днемъ слабѣю еще болѣе. Любовь убиваетъ меня. Вы напоминаете мнѣ о долгѣ, объ обязанностяхъ; вы правы: мы свято сохранимъ наши обязанности. Я выпрошу позволеніе у отца уѣхать изъ Франціи, но вы позволите мнѣ проститься съ вами.

XV.

Прошло два дня. Оливье, сѣлъ въ почтовую карету и велѣлъ ѣхать къ графу Верфонтенъ.

Гекторъ вышелъ на крыльцо, услышавъ стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Это ты, мой милый Оливье! закричалъ онъ, обнимая его.—Хорошо, что ты хоть въ Парижѣ исполнилъ обѣщаніе, которое далъ въ Верфонтенѣ. Какъ это ты собрался сюда?

— Важныя дѣла заставили меня ѣхать въ Парижъ и я... прямо къ тебѣ, Гекторъ... Какъ здоровье графини?

— Она все такъ же прекрасна, но здоровье ея испортилось. Вотъ два дня, какъ она не встаетъ съ постели.

— Боже мой! Что же съ ней?

— Слабость... разстройство нервовъ. Пойдемъ, я сведу тебя къ ней, а самъ прощусь съ вами: мнѣ надобно ѣхать въ Версаль къ министру.

— Я бы поѣхалъ съ тобою, Гекторъ... но мнѣ надобно отдохнуть послѣ дороги, а я не смѣю тебя удерживать.

— Разумѣется, министръ не будетъ меня ждать.

Гекторъ послалъ спросить жену, можетъ ли она принять ихъ, и послѣ удовлетворительнаго отвѣта, друзья вошли въ спальню графини.

— Я пришелъ проститься съ тобою, моя милая Генріетта, потому-что долженъ ѣхать въ Версаль; а чтобъ тебѣ было не очень скучно, я привелъ моего друга, шевалье Прелакомба, котораго ты видѣла въ Верфонтенѣ.

Генріетта сидѣла въ креслахъ блѣднѣе кружевъ, окружавшихъ ея головку.

— Надѣюсь, что въ этотъ разъ мой другъ не убѣжитъ отъ насъ ночью, продолжалъ графъ, смѣясь:—мы удержимъ его насильно. Постарайся только поскорѣе поправиться, моя милая. Какъ ты теперь чувствуешь себя?

— Лучше, мой другъ. Надѣюсь, что г. Прелакомбъ извинитъ наше печальное гостепріимство. Больные всегда скучны.

— Я долженъ просить извиненія, графиня, что безпокою васъ въ такую минуту, отвѣчалъ Оливье.

— Полно, мой другъ, сказалъ Гекторъ:—завтра жена моя будетъ здорова, я вернусь изъ Версали, и ты останешься у меня. До свиданія же. Я прикажу, чтобъ тебѣ приготовили комнату.

Оставшись одни, молодые люди молчали нѣсколько минутъ, потомъ Генріетта сказала съ упрекомъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь, Оливье?

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, графиня: я навсегда оставлю Францію. Но вы больны...

— Я благодарю Небо за эту болѣзнь. И если бы судьба исполнила мое послѣднее желаніе, я была бы совершенно счастлива.

Оливье понялъ, чего желала Генріетта, и не смѣлъ уговаривать ее. Оба они были благородныхъ и честныхъ правилъ и могли увлечься на минуту; но могли ли они быть счастливы, пренебрегая всѣми обязанностями и святыми чувствами?

Вошелъ докторъ, началъ разспрашивать больную, сказалъ, что лихорадка у ней увеличилась, что надобно употребить сильныя средства, въ точности исполнять его предписанія и не забывать принимать лекарство.

Когда докторъ вышелъ, Оливье просилъ, чтобъ Генріетта исполнила всѣ приказанія его, потому-что ему нельзя дольше оставаться въ ея комнатѣ.

— Небо! пошли мнѣ смерть, шептала она:—Ты видишь мое сердце, Ты знаешь, что лучше умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я хотѣла жить, съ угрызеніями совѣсти, съ вѣчнымъ упрекомъ, что погубила двухъ людей, которые любили меня искренно.

На другой день Оливье вошелъ къ ней такъ рано, какъ только это было возможно. Видно было, что онъ не ложился и не спалъ ни минуты.

— Лучше ли тебѣ, Генріетта? Принимала ли ты лекарство, назначенное докторомъ?

Она показала на пустую стклянку.

Когда докторъ пришелъ, онъ удивился, что болѣзнь усилилась и спросилъ: исполняли ли въ точности всѣ его предписанія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Это странно! Значитъ, болѣзнь сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Какъ жаль, что не скоро еще лѣто: теплый воздухъ и солнце вылечили бы васъ скорѣе всѣхъ докторовъ. Впрочемъ, продолжайте принимать то же самое, и вы, вѣроятно, почувствуете облегченіе.

Оливье проводилъ его до передней; докторъ спросилъ его:

— Вы другъ графа Верфонтена?

— Мы друзья съ дѣтства.

— Въ такомъ случаѣ, совѣтую вамъ предупредить графа: положеніе графини опасно, а мужа ея нѣтъ здѣсь.

— Онъ хотѣлъ сегодня вернуться изъ Версали.

— Напишите же ему сейчасъ, чтобъ онъ бросилъ всѣ дѣла и ѣхалъ въ Парижъ. Разумѣется, я надѣюсь на молодость, на силы больной; но, признаюсь, я не отвѣчаю, проживетъ ли она три дня.

Трудно вообразить, какое впечатлѣніе произвели на Оливье слова доктора. Онъ собралъ послѣднія силы и написалъ Гектору, чтобъ онъ вернулся, потомъ долженъ былъ принять спокойную физіономію, чтобы войдти къ Генріеттѣ; но это было выше силъ его. Лицо его выражало сильное страданіе, слезы дрожали на глазахъ, и больная, посмотрѣвъ на него, тотчасъ поняла приговоръ доктора.

— Что съ тобой, Оливье? сказала она тихо.—Ты, кажется, разстроенъ.

— Нисколько... мой другъ... я, напротивъ, радъ, что докторъ обѣщаетъ скорое выздоровленіе, если только ты будешь слушаться его.

— Я и то слушаюсь... Поговоримъ же, Оливье.

Онъ сѣлъ возлѣ нея молча.

— Послушай, мой другъ, начала она:—не печалься и не плачь оттого, что̀ я тебѣ скажу. Я, какъ больная, хочу фантазировать и предполагать то, чего, можетъ-быть, не случится... я даже вѣрю доктору, что выздоровлю и буду жить, окруженная зеленью, теплотою... буду бѣгать по густой травѣ, отдыхать подъ тѣнью стараго дерева и потомъ усну подъ нимъ сномъ вѣчнымъ.

Оливье задрожалъ и прижалъ къ губамъ руки Генріетты, чтобъ не зарыдать.

— Развѣ смерть такъ страшна? продолжала она, стараясь улыбнуться.—Грустно только тѣмъ, которые остаются послѣ насъ... Богъ милостивъ, что Онъ призываетъ меня.

Оливье не могъ удержать слезъ и рыдалъ какъ ребенокъ.

— Не плачь, говорила она: мнѣ больно видѣть твои слезы. Лучше слушай меня со вниманіемъ. Я тебѣ сказала, что желала бы... спать... подъ тѣнью деревьевъ, гдѣ поютъ птички. Ты знаешь, что я люблю цвѣты. Помнишь мою комнатку въ улицѣ Сенъ-Жанъ-Латранъ и окошко, уставленное цвѣтами. Когда я буду... отдыхать отъ страданій, то хочу, чтобъ меня покрыли зеленью и цвѣтами... не позволяй ставить надо мною чернаго камня: онъ будетъ пугать птичекъ, а я хочу, чтобъ онѣ пѣли надо мной. Вотъ мои послѣднія желанія, Оливье. Обѣщай мнѣ исполнить ихъ—и я счастлива.

— Молчи Генріетта... умоляю тебя... я не могу привыкнуть къ этой ужасной мысли.

— Такъ я угадала, что̀ тебѣ сказалъ докторъ.

— Онъ... не говорилъ... ничего.

— Зачѣмъ обманывать меня, Оливье, когда я сама чувствую, что мнѣ недолго остается жить?... Успокойся только ты и подумай, что это наше... спасеніе.

И утомленная тѣмъ, что говорила такъ много, умирающая упала на подушку.

Оливье хотѣлъ позвонить, чтобъ позвать горничныхъ, но Генріетта удержала его.

— Не зови никого... прошептала она: — еще рано. Принеси мнѣ прежде ящичекъ, который стоитъ на туалетѣ. Надобно распорядиться...

Оливье исполнилъ ея желаніе.

— Ты никогда не отгадаешь, что у меня тутъ хранится, продолжала она, стараясь отворить ящичекъ. Посмотри... это твое письмо... которое ты написалъ мнѣ въ день нашей разлуки... вотъ и кошелекъ, который ты мнѣ подарилъ... Я не хочу, чтобъ послѣ меня онъ достался кому-нибудь .. сожги его съ письмомъ и дай мнѣ деньги. Ты отдашь ихъ въ церковь... Помнишь ли ты, Оливье, одиннадцатое мая?

— Можно ли забыть этотъ счастливый день нашего перваго свиданья!

— А теперь какой мѣсяцъ... да... апрѣль, и я не увижу весны... Прощай же Оливье... прощай... Теперь позвони... и оставь меня...

Оливье позвалъ женщинъ и заперся въ своей комнатѣ.

— Позовите священника сказала Генріетта.

Между-тѣмъ Гекторъ окончилъ дѣла въ Версали и завтракалъ съ своими друзьями, которыхъ находилъ вездѣ. Десертъ былъ роскошный, вина дорогія, веселье блистало на глазахъ, когда посланный подалъ Гектору печальное письмо.

— Что случилось? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Кажется, что графиня очень захворала, отвѣчалъ лакей.

Не дожидаясь кареты, Гекторъ вскочилъ на первую лошадь и поскакалъ въ Парижъ.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ выходящимъ священникомъ и, какъ безумный, бросился въ комнату жены.

Она лежала безъ движенія, съ сложенными руками; прислуга ея стояла на колѣнахъ и молилась, Оливье плакалъ у изголовья; одинъ докторъ былъ хладнокровенъ.

— Неужели это правда? закричалъ Гекторъ.

— Это ты... мой другъ... проговорила она слабымъ голосомъ. Какъ я рада, что могу проститься съ тобою... Я знаю, Гекторъ, что неожиданный ударъ поражаетъ сильнѣе... но ты еще молодъ; въ твои лѣта можно забыть и я не жалуюсь на это... напротивъ, я довольна... счастлива. Ты и то много сдѣлалъ для меня... благодарю, мой другъ... не ропщи же на волю Божію...

— Милая Генріетта!.. сказалъ Гекторъ, рыдая:—ты еще сама утѣшаешь насъ!

И онъ опустился на колѣна и цѣловалъ руку умирающей.

— Я забыла сказать тебѣ... Гекторъ, прошептала она чуть слышно:—я поручила... Оливье, твоему другу, мои послѣднія желанія... исполни ихъ....

— Исполню все... Генріетта...

— Благодарю... друзья мои... Гекторъ...

Ея губы еще шевелились, но она не могла произнести послѣдняго имени; рука, которую держалъ ея мужъ, охолодѣла... Гекторъ вскочилъ въ отчаяніи и посмотрѣлъ вопросительно на доктора.

Тотъ приложилъ руку къ сердцу молодой женщины, потомъ приподнялъ покрывало и закрылъ ей лицо.

— Умерла! закричалъ Гекторъ. Боже мой!..

Докторъ увелъ графа изъ комнаты. Прислуга графини со слезами простилась съ доброй госпожей и вышла хлопотать о печальныхъ приготовленіяхъ. Оливье остался одинъ съ покойницей.

— Генріетта, Генріетта! сказалъ онъ тихо, открывая ей лицо:—моя любовь убила тебя...

ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО ТУРИСТА.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

А. Г. РОТЧЕВА.

—

I.

ГАВАНА И МАТАНЗАСЪ.

Островъ Куба.—Фантастическій очеркъ разныхъ земель, сродный ихъ свойствамъ.—Судьбы Кубы.—Гаванна.—Панорама города.—Улицы и зданія.—Вечеръ въ Гаваннѣ.—Воланты. — Креолки —Почва и населеніе Гаванны.—Произведенія.— Кофе. — Табакъ.—Изготовленіе сигаръ.—Торгъ неграми.—Театръ.—Маскерады и гулянья.—Національныя пляски. — Могила Христофора Колумба.—Мазантасъ и его окрестности.

Между огромнымъ разсадникомъ промышлености, который мы привыкли называть Соединенными Штатами, и вѣчно волнующимися, бурными владѣніями Южной Америки, есть островъ, расцвѣтающій непрерывною весною, на голубой равнинѣ моря, подъ раскаленнымъ небомъ тропиковъ,—островъ, садъ Армиды, сказалъ бы поэтъ. Это — Куба, первый цвѣтокъ земли, первый перлъ океана; самый большой и чис-

тѣйшій алмазъ въ драгоцѣнномъ уборѣ атлантическомъ, который отъ береговъ Ореноко до Флориды съ блескомъ раскинулся при входѣ въ заливъ Мексиканскій. Островъ Куба, по образованію своему похожъ... но здѣсь да позволено мнѣ будетъ держать другую рѣчь на короткое время. По моему мнѣнію, бо́льшая часть областей и мѣстностей на земномъ шарѣ имѣютъ свою физіономію, свой очеркъ, который, будто физіономія человѣка, обрисовываетъ ихъ характеръ и даже будущность ихъ. Посмотрите, на-примѣръ, на картѣ Европы на Скандинавію: головою она вдалась въ Сѣверное море и будто когтями впилась въ Балтійское, а горы образуютъ огромный спинной хребетъ: не узнаете ли вы, взглянувъ на этотъ очеркъ, одного изъ сказочныхъ драконовъ? И въ самомъ дѣлѣ, этотъ драконъ въ древніе годы не метался ли съ своими толпами на земли Европы? А наша Русь, съ необъятными долинами, съ безграничными степями, не похожа ли на океанъ, который могучими волнами своими бьетъ въ берега Пруссіи, Австріи, Азіи, дробитъ утесы Кавказа и хребетъ Алтайскій? А эта Англія, развѣ не похожа на корабль, стоящій на якорѣ и по всему міру разсылающій свои гребныя суда? Взгляните на Италію—это сапогъ, котораго каблукъ уперся въ Адріатическое море—и сколько народовъ, сколько вождей иноплеменныхъ бьются изъ того, какъ бы привинтить рыцарскую шпору къ этому сапогу!

Меня могутъ спросить, куда ведетъ эта рѣчь? На островъ Кубу мм. гг. И такъ, островъ Куба похожъ на рогъ изобилія, увѣнчанный душистыми цвѣтами, полный сладостныхъ плодовъ и жатвъ богатыхъ. Бѣловласая Церера никогда не разливала подобныхъ даровъ подъ небомъ своей любимой Аттики.

Климатъ Кубы, волшебное небо, смягчающіе нравы пролетарія и богатаго плантатора, располагающіе къ мечтательности, спасли этотъ островъ отъ страсти къ цифрѣ, отъ припадковъ золотой горячки, которые сушатъ сердце сѣверо-американца. Но и на Кубѣ есть пароходы, желѣзныя дороги въ достаточныхъ количествахъ и размѣрахъ, для перемѣщенія счастливыхъ жителей отъ пристаней Гаванны до порта Матанзаса; отъ Passeo de Tacon до роскошныхъ долинъ *Гвинеса*. Въ сахарныхъ плантаціяхъ есть много паровыхъ машинъ, которыя доставляютъ большія выгоды владѣльцамъ и облегчаютъ работу негровъ.

Посреди возмущеній, порожденныхъ войною за независимость Соединенныхъ Штатовъ и французскою революціею 1789 года, переброшенною въ заатлантическія страны, Куба осталась неизмѣнно вѣрна знамени, впервые развитому надъ нею Колумбомъ. Она расла въ довольѣ-

ствѣ и покоѣ, а вокругъ нея, у сосѣдей, и торговля и земледѣліе замирали отъ неустройствъ и возмущеній. Куба пользовалась паденіемъ прилегающихъ странъ. Многіе нашли спасеніе подъ ея державнымъ знаменемъ и самъ Санта-Анна пришелъ искать успокоенія вблизи Гаванны отъ своего бурнаго владычества. Куба и теперь, какъ въ древніе годы, управляется властью губернатора и не внимаетъ возгласамъ Лопецовъ, принимающихъ въ ея судьбѣ участіе совершенно некстати: этого участія она отъ нихъ не проситъ.

Говорятъ: ничто не ново подъ луною; но здѣсь это сказаніе какъ-то не подходитъ: не новое ли зрѣлище въ хаотическомъ мірѣ Южной и Центральной Америки представляетъ роскошный край, въ которомъ столица гордится титломъ: la siempre fidellissima ciudad de San Cristoval de la Havana. Край, въ которомъ уважаются и власть, и званіе, и наслѣдственность имени, удивительный край, гдѣ вы можете быть счастливы по-своему, можете спокойно просыпаться въ благоуханное утро, кататься въ неопрокидывающейся volanté съ огромными колесами, или скользить въ шлюпкѣ по зеркальному рейду, наконецъ, такой край, въ которомъ гармоническій хоръ часовъ доводитъ васъ отъ утра до вечера, возвращая постоянно бальзамическій воздухъ и волшебный колоритъ тропическихъ сумерекъ.

Гаванна произвела на меня живое впечатлѣніе: я любовался мягкостью неба, одѣтаго въ пурпуръ восходящаго солнца; меня восхищала тропическая растительность; мнѣ казалось, я ужь ѣлъ ананасы, манго и другіе новые для меня плоды; я даже думалъ не полакомиться ли мнѣ лучшею сигарою въ мірѣ, хотя я отъ-роду не сжегъ ни одной сигары. Благодаря воображенію моему, мнѣ все казалось и живо и ново.

А между-тѣмъ, еслибы я холодно посмотрѣлъ на развивающуюся, при быстромъ ходѣ нашего парохода, панораму, я бы непремѣнно долженъ былъ усмирить нѣсколько мои восторги. Вы входите въ узкой каналъ, на берегахъ котораго стоятъ два укрѣпленія, Моро и Пунталъ, зданія тяжелыя и невеселящія глаза; потомъ обширная гавань съ множествомъ различныхъ судовъ. Городъ съ разноцвѣтными, красными, голубыми, желтыми домами—живописенъ; но онъ стоитъ на ровной низменности, и потому не весь раскрывается взору, и по первому взгляду нельзя повѣрить, чтобъ въ немъ было 200 тыс. жителей. За городомъ рисуются пальмовые оазисы. Но, какъ я сказалъ, все ровная низменность на горизонтѣ; нѣтъ великолѣпныхъ очерковъ, нѣтъ картинъ, создаваемыхъ возвышенностями, горами.

Внутренній видъ Гаванны, какъ и всѣхъ испанскихъ городовъ, ко-

торые я посѣщалъ въ Америкѣ, не привлекателенъ. Улицы узки, грязны, и часто имѣютъ свой *особенный* запахъ; домы, съ рѣшетками въ окнахъ, похожи нѣсколько на тюрьмы; магазины не отличаются вкусомъ и роскошью, нѣтъ этой живописной раскладки (étalage) Парижа, Лондона; мало замѣчательныхъ зданій; театръ Такона замѣчательнѣйшій— вотъ едва-ли не безпристрастный очеркъ столицы Кубы. Какъ на женщину, которая не можетъ похвалиться неукоризненною красотою, я любилъ смотрѣть на Гаванну вечеромъ, въ волшебномъ газовомъ освѣщеніи. При блескѣ газа—подробности, недостатки исчезаютъ, а передъ вами красуется площадь и кофейные домы Гаванны. Прохладный вѣтерокъ, постоянно поднимающійся на закатѣ солнца, вызываетъ васъ на прогулку.

Вечеромъ царица антильская—восхитительная Гаванна, представляется какъ Титанія, окруженная сильфами. Бѣлое и черное народонаселеніе, народъ и господа—все зашевелится. Купецъ принимаетъ посѣтителей и пріятелей. Работникъ, въ бѣлой курткѣ, въ бѣлыхъ брюкахъ, надвинувъ на бровь панамскую sombrero, жжетъ гаванскую сигару и спѣшитъ на свиданіе къ своей (moza) красавицѣ. Пѣсня и гитара раздаются повсюду; а знайте, что на этомъ островѣ ничто не разсказывается, ничто не поется безъ гитары:

Sabed, que los de esto isla,
No podemos duir cosa,
Sin la guitara!

По улицамъ быстро катятся воланты, а на мягкихъ подушкахъ ихъ живописно качаются (nignas) красавицы, одѣтыя въ волны газа и блондъ, и будто птички выглядываютъ онѣ изъ пушистыхъ гнѣздъ своихъ.

Для тропическаго климата нѣтъ экипажа удобнѣе воланты: вы качаетесь въ ней, словно въ койкѣ, и можете совершенно протянуться; снабженная огромными колесами, въ діаметрѣ въ сажень, одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, этотъ кабріолетъ опрокинуться никакъ не можетъ. Обыкновенно онъ запрягается въ одиночку, и на спинѣ лошади сидитъ вожатый негръ (calesero). Какъ легкій челнокъ, она разсѣкаетъ воздухъ. Для выѣзда за городъ запрягаютъ другую лошадь. Воланта въ Гаваннѣ то же, что гондола въ Венеціи, каикъ въ Константинополѣ. Замѣнись этотъ оригинальный и спокойный экипажъ какимъ-нибудь европейскимъ нововведеніемъ и Гаванна лишится мѣстнаго колорита. И гдѣ же удобнѣе можно предаться итальянскому far niente или

турецкому кейфу, какъ не въ волантѣ? И что же удивительнаго, что, при такомъ удобномъ способѣ передвиженія, гаванскія синьориты почти никогда не опускаютъ своихъ маленькихъ ножекъ на мостовыя Гаванны.

Взгляните на эту креолку—что́ за маленькая, стройная ножка! На негритянку, изъ какого-нибудь богатаго дома: она одѣта великолѣпно,—на мулатку: она знаетъ, что не страшенъ черный цвѣтъ ея кожи и припѣваетъ:

Aunque soy morena
No soy de olvidar!
Хоть черна — да не забудешь!

Въ этомъ живомъ, увлекательномъ движеніи города, куда отправится любознательный путешественникъ? На афишкахъ объявленъ великолѣпный маскарадъ въ театрѣ Такона: мы пойдемъ туда. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о положеніи острова Кубы, его климатѣ и производительности.

Куба лежитъ въ 25° 12′ с. ш. и въ 19° 48′ з. д. Длина острова 770 англ. миль, а ширина измѣняется отъ 25 до 90 миль. Съ моря онъ видѣнъ почти за 42 мили. Двѣ трети острова имѣютъ отъ 60 до 80 миль ширины, а его плоскость измѣняется почти 4,000 англійскихъ миль квадратныхъ. Восточная сторона Кубы очень гориста и нѣкоторыя горы достигаютъ отъ 7 до 8,000 фут. вышины. Долины чрезвычайно плодоносны и живописны. Куба открыта въ 1492 г. Колумбомъ. Гаванна основана въ 1519 г. Обработка сахарныхъ плантацій началась въ 1590 г., а чрезъ четыре года послѣ сего открылся ввозъ негровъ. При открытіи Кубы считалось на островѣ 200,000 жителей туземныхъ. Они, большею частью, погибли отъ жестокости европейцевъ. Въ настоящее время въ весьма незначительномъ количествѣ они остались еще въ восточной части острова.

Куба неоднократно подвергалась набѣгамъ и опустошеніямъ французскихъ пиратовъ, а въ 1762 году она была взята англичанами, которые въ 1768 году снова уступили ее Испаніи за другія владѣнія и пріобрѣтенія. Во время осады Кубы англичане потеряли значительное число людей отъ vomito; многіе также были предательски умерщвлены и отравлены жителями Кубы.

Отъ атлантическихъ гаваней, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, переходъ на островъ Кубу не болѣе пяти дней, а отъ Новаго Орлеана два съ половиною дня. Въ настоящее время Гаванна сдѣлалась

первою станціею между Нью-Іоркомъ и С. Франциско. Здѣсь учреждены складочные магазины для каменнаго угля, которымъ снабжаются пароходы, идущіе въ Чаграсъ и San Juan del Norte. На пути въ Калифорнію, Гаванна представляется гостинницею, выстроенною на столбовой дорогѣ океана, какъ-будто нарочно для сѣверо-американцевъ. Вотъ почему, въ ихъ головахъ, мысль о присоединеніи Кубы къ Соединеннымъ Штатамъ все болѣе и болѣе развивается и, быть можетъ, въ непродолжительномъ времени эта мысль получитъ исполненіе.

Говоря языкомъ болѣе поэтическимъ, Гавана представляетъ дворъ золотаго храма, а Панамскій перешеекъ и Никарагуа—два входа въ этотъ храмъ.

Почва вообще очень плодородна и производитъ превосходный сахарный тростникъ. Всѣ плоды и произведенія тропическихъ земель растутъ отлично; здѣсь эта отрасль промышлености можетъ быть развита, покрайней-мѣрѣ, вдесятеро противъ того положенія, въ которомъ она теперь находится, потому-что изъ 24-хъ милльоновъ десятинъ земли, составляющихъ поверхность Кубы, только два милльона обработываются, три съ половиною милльона находятся подъ лугами для паствы скота, 14 мил. въ лѣсныхъ дачахъ, и только $4^1/_2$ мил. земли неудобной. Важнѣйшія произведенія острова: сахарный тростникъ, кофе, патока, медъ, ромъ, табакъ, воскъ, рисъ, какао и хлопчатая бумага.

Въ 1851 году число сахарныхъ плантацій простиралось на Кубѣ до 1238; на нихъ занимались работою до 138,701 чел. среднимъ числомъ до 112 чел. на каждой плантаціи; вывозъ сахарнаго песку простирается до 850,000 ящиковъ, что составляетъ по 650 ящиковъ на каждую плантацію, или 6 ящиковъ на каждаго работника. Каждый ящикъ оплачивается однимъ піастромъ вывозной пошлины. Я принялъ въ соображеніе собственное потребленіе, должно допустить на каждаго работника по 8 ящиковъ.

На Кубѣ каждая десятина хорошей земли даетъ 6,000 фунт. сухаго сахарнаго песку, между-тѣмъ, какъ въ Луизіанѣ только 3,000 фунт.

Кофе производится также въ большомъ количествѣ: однакожъ нынѣ эта статья не даетъ такихъ значительныхъ результатовъ, какъ за 15—20 лѣтъ, когда вывозилось кофе до 50 милльоновъ фунтовъ изъ разныхъ провинцій острова. Нынѣ, при урожайномъ годѣ, вывозится до 35 милльоновъ фунтовъ. Этотъ упадокъ произошелъ отъ пониженія цѣнъ на бразильскій кофе, который на рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ вытѣснилъ кофе, добываемый на Кубѣ.

Самая почва острова удобнѣе для сахарнаго тростника, табаку и другихъ статей, нежели для развода кофе. Знаменитый Мока, свойственный Аравіи и частямъ Африки по берегамъ Краснаго моря, родится и здѣсь на скалистыхъ возвышенностяхъ безъ большаго ухода.

Послѣ кофе важнѣйшая статья табакъ. Роды его различны, смотря по свойству и качествамъ почвы, на которой онъ обработывается.

На Антильскихъ островахъ табакъ родится вездѣ; въ огромныхъ размѣрахъ онъ производится въ Мериландѣ и Виргиніи; въ Эквадорѣ, провинція Эсмеральда снабжаетъ всю Южную Америку сигарами; несмотря на то, всѣ эти мѣстности и самый островъ Куба не могутъ дать такого табаку, какой производитъ маленькій клочокъ земли на сѣверозападъ около тридцати миль отъ Гаванны: Мѣсто это называетса Vuelta de Abajo и на курильщика оно производитъ то же дѣйствіе, какъ шато-лафитъ, клодевужо, іоганнисбергеръ на знатоковъ въ винѣ.

Я не видѣлъ табачныхъ плантацій, но наблюдалъ за превращеніемъ табачнаго листа въ сигару. Наканунѣ дня, въ который табачный листъ принимаетъ эту окончательную форму, онъ погружается въ воду, разведенную каталонскимъ виномъ; другое вино не годится; остальная часть производства та-же, что и вездѣ, съ тою только разницею, что въ Гаваннѣ вертятъ сигары мужчины, а не женщины, какъ это я видалъ въ Европѣ и въ Бразиліи.

Распредѣленіе сигаръ на разряды, primera, secunda, tercera, не дѣлается вслѣдствіе качествъ табаку, какъ полагаютъ обыкновенно, а только по наружному изяществу листа.

Кабаньясъ, вдова Карбахалъ, Партагасъ и другіе торговые домы, пользующіеся извѣстностью, заранѣе скупаютъ жатву полей Vuelta de Abajo. Другимъ достаются остатки, а въ случаѣ надобности, эти господа примѣшиваютъ табакъ марилендскій, виргинскій, и продаютъ за гаванскій. Очень часто приходятъ сюда партіи табаку изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, который превращается потомъ въ гаванскія сигары такъ, что и лучшій знатокъ часто сбивается съ толку. Оттого на чужихъ рынкахъ мы видимъ столько полу-гаванскихъ, четверть-гаванскихъ и даже совсѣмъ негаванскихъ сигаръ. Бельгійскіе, германскіе и сѣверо-американскіе фабриканты ставятъ имя и марку знаменитой фабрики гаванской на своихъ сигарахъ, и даже изъ нихъ есть такіе, которые разными кислотами стараются поддѣлать пятна, иногда встрѣчающіяся на гаванскихъ сигарахъ, а того не знаютъ, что эти пятна есть болѣзнь табачнаго листа, и въ Гаваннѣ такія сигары идутъ въ третій

разрядъ. Охотники усмотрятъ изъ прейсъ-куранта * цѣны сигаръ, разсортированныхъ, какъ я сказалъ, на первый, второй и третій разряды, по болѣе или менѣе изящному виду сигаръ, по ихъ величинѣ а не по качеству. Такимъ образомъ, если вы куните imperiales за 85 піастровъ ** вмѣсто 60, вы можете быть увѣрены, что бросите 25 піастровъ. По вкусу первый сортъ отъ втораго или третьяго отличить не возможно, затѣмъ, что табакъ одинъ.

У Партагасъ и у нѣкоторыхъ другихъ найдете сигары въ 160—170 и 200 піастровъ за тысячу. Эти высокія цѣны взимаются за выборъ листовъ, а также за позолоту сигаръ и отдѣлку ящиковъ.

Куба, какъ я сказалъ, производитъ всѣ тропическіе плоды, пататы, ямъ, арарутъ, маисъ, касторовое масло (ol. ricini) и проч.

Число рогатаго скота считается до 1 мил., лошадей 200 т. и муловъ 50 т. Ежегодный доходъ отъ царства растительнаго и животнаго простирается до 75 милльоновъ піастровъ.

Куба богата минералами; 115 мѣдныхъ рудниковъ открыты на островѣ. Англійская компанія на одномъ изъ нихъ добываетъ отъ 27 до 48 тысячъ тоннъ мѣди въ годъ; также сдѣланы открытія каменнаго угля, желѣза и серебра.

Народонаселеніе Кубы простирается до $1^1/_2$ милльона.

Не желая распространяться о томъ, какія выгоды и невыгоды послѣдуютъ для Соединенныхъ Штатовъ и Кубы, если этотъ перлъ Антильскаго моря перейдетъ въ руки Англо-Саксонцевъ, и доказывать возможность подобнаго явленія, я прошу удовольствоваться краткимъ обозрѣніемъ Кубы, мною начерченнымъ и послѣдовать за мною въ га-

* Tablica de Partagos y Comp. Calle de la Industria № 146.

За тысячу,		1 сортъ.	2 сортъ.	3 сортъ
Imperiales	Piast.	85	60	»
Cazadores		60	50	»
Regalia Bretana		50	40	30
Regalia comun		40	30	20
Dito Londres		34	26	20
Galanes		22	18	14
Millar de Londres		20	16	13
Millar comun		17	13	10
Brevas		20	17	
Cazadores de calidad		28		
Celindradus de Londres		18		
Celindradolve millar		16		
Pnetelas		21	18	14

** Піастръ или 1 р. 43 к. сер.

ванскій театръ. Этотъ театръ, безъ всякаго сомнѣнія, лучшій въ Америкѣ. Архитектура его легка, красива и чрезвычайно приспособлена къ условіямъ тропическаго края. Воздуха много. Внутренность залы блещетъ бѣлизною. Вмѣсто тяжелыхъ украшеній, легкая позолота удивительно гармонируетъ съ изяществомъ и простотою.

Въ маскарадѣ было до 5,000 человѣкъ. Здѣсь я видѣлъ всѣ общества Гаванны. Представительницы аристократіи, безъ масокъ, красовались въ ложахъ и оставались только зрительницами. Между ними я тщетно искалъ красивыхъ лицъ, стройныхъ талій. Молоденькія дѣвицы казались очень слабы; въ глазахъ ихъ нѣтъ огня, а въ улыбкѣ нѣтъ прелести. Пожилыя же барыни отличались дородствомъ, которое, конечно, оцѣнилъ бы турокъ, а не я. Должно ли изъ этого заключить, что природа скудно надѣлила красотою женщинъ Гаванны? На этотъ щекотливый вопросъ утвердительно отвѣчать не хочу, а скажу съ откровенностью наблюдателя, что во все время пребыванія моего въ Гаваннѣ, я не встрѣтилъ ни одной *бѣлой* женщины, замѣчательной по чертамъ лица или по стройности таліи.

Въ маскахъ и костюмахъ красовался простой народъ (Gente de brouce). Здѣсь не интригуютъ въ маскарадахъ; нѣтъ той живости, шутокъ, шумнаго говора, разливающихся въ залахъ театровъ парижскихъ, заимствованныхъ у Венеціи. Танцы не разнообразны. Нѣтъ полекъ, редовъ, адскихъ галоповъ. Оркестръ непрерывно и вѣчно играетъ одну сивайу, похожую на контрдансъ. Креольской лѣни подручны эти мѣрныя выступки, родъ менуэта, утомительныя для европейца.

Какъ французская кадриль изъ области искусства обращается въ канканъ, такъ кубана превращается въ сопимпу. Въ полночь мулатки, отличающіяся отъ бѣлыхъ гибкостью и развязностью тѣла, пляшутъ sopitp'y. Чета охватывается будто въ вальсѣ и исполняетъ разныя увлекательнѣйшія движенія. Посмотрѣть на этотъ танецъ—онъ не труденъ; но не такъ на дѣлѣ: не всякій можетъ выполнить хорошо сопимпу. Иныя пляшутъ ее такъ скромно, что она теряетъ прелесть; другія же, наоборотъ, выходятъ изъ границъ. Искуснѣйшія придерживаются средины, увлекаютъ воображеніе, не производя отвращенія, и славятся искусствомъ своимъ въ Гаваннѣ. Sopitpo, хотя и любимая народная пляска, однако перешла въ аристократическій кругъ. За городомъ, на праздникахъ я видѣлъ не разъ, какъ сеньориты, въ объятіяхъ гаванскихъ щеголей, пляшутъ sopitp'y и въ то время какъ тревожно на нихъ смотрятъ ревнивые мужья и заботливыя матушки.

Въ промежуткахъ маскарада говорили стихи и исполнялись схарак-

терные танцы на возвышеніи, устроенномъ среди залы. Эти представленія отзываются младенчествомъ, по-крайней-мѣрѣ судя по тому, что я видѣлъ. Публика громко хохочетъ и забавляется такимъ спектаклемъ.

Эти маскарады начинаются въ 8 часовъ вечера и оканчиваются въ 4 часа утра. За входъ платятъ піастръ исп.

Въ Гаваннѣ, въ соборной церкви, погребенъ Христоферъ Колумбъ. Возлѣ алтаря простой бюстъ указуетъ его могилу. Этотъ бюстъ сдѣланъ не искусно. Великій человѣкъ, открывшій новый міръ, достоинъ лучшаго памятника. Колумбъ сперва былъ погребенъ въ монастырѣ Сан-Франциско въ Вальядолидѣ; въ 1515 году онъ былъ перенесенъ въ Севиллу; въ 1536 году прахъ его переплылъ океанъ и покоился до 1795 г. въ соборѣ Сан-Доминго; а въ это время, когда Испанія, уступивъ права свои на древнюю Испаньолу Французской республикѣ, драгоцѣнные останки Колумба были перенесены въ Гаванну.

Другой монументъ въ память Колумба возвышается на площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была первая обѣдня на островѣ Кубѣ.

Гулянье (Paſco de Tacon) послѣ обѣда есть сборное мѣсто для волантъ Гаванны. Учредитель его не жалѣлъ піастровъ, чтобъ это мѣсто соперничествовало съ Прадо въ Мадридѣ. Недалеко отсюда есть двѣ прелестныя загородныя виллы (casa de campo) съ очаровательными садами. Одна принадлежитъ графу Фернандино, другая—знаменитому фабриканту гаванскихъ сигаръ, Кабаньясъ.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ окрестностями Гаванны. По желѣзной дорогѣ я поѣхалъ въ Матанзасъ; двѣнадцать испанскихъ миль (сто верстъ) мы ѣхали $8^1/_2$ часовъ! Меньше 12 верстъ въ часъ—вы видите, что по гаванской желѣзной дорогѣ спѣшить нельзя. Но пословицу: * «Time is money», я слыхалъ только въ Калифорніи. Вагоны перваго класса похожи на англійскіе; во вторыхъ и въ третьихъ скамейки безъ спинокъ. Женщины молодыя и старухи, барыни и служанки жгутъ безпрестанно сигары.

По торговлѣ, Матанзасъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Гаванны. Жителей въ немъ 25 тысячъ. Его окрестности очень болотисты, а потому въ городѣ почти всегда живетъ лихорадка. На городской площади каждый вечеръ играетъ военная музыка. По берегу моря великолѣпное pasce (гулянье) кипитъ народомъ; но городъ не оживленъ: онъ слишкомъ широко раскинулся.

День былъ воскресный; я пошелъ посмотрѣть на пѣтушій бой.

* Время—чистыя деньги.

Не бойцы, а зрители были очень интересны: пари, смѣхъ и брань, торжество побѣдителей и уныніе проигравшихъ — все это оживляло картину, точно за игорнымъ столомъ: и въ самомъ дѣлѣ, это азартная игра: въ ней вмѣсто картъ или костей, бьются пѣтухи.

Эта страсть, общая всѣмъ, уравниваетъ зрителей: здѣсь и плантаторы и негры—всѣ вмѣстѣ. Огромная сумма ставится на конъ. Знаменитый диктаторъ мехиканскій, Санта-Анна, оставилъ здѣсь громкое имя между любителями пѣтушьихъ схватокъ. Онъ иногда ставилъ до 40 тысячъ исп. піастровъ и почти всегда выигрывалъ. Женщины этихъ зрѣлищъ не любятъ, но жадно смотрятъ на бой быковъ. Въ театръ ходятъ мало, кромѣ итальянской оперы, которую посѣщаютъ прилежно. Небрежная креолка любитъ сидѣть дома; по вечерамъ вы ее видите у окошка, или въ блузѣ или въ бальномъ платьѣ. Ея комната почти всегда въ потьмахъ—это отъ мошекъ и для прохлады. Окна выходятъ на улицу: пріятели и обожатели останавливаются и ведутъ долгія рѣчи—о чемъ? Да какъ не угадать о чемъ эти рѣчи, подъ чуднымъ тропическимъ небомъ?

Здѣсь мнѣ удалось быть на балу, который давали негры и мулаты. Мужчины почти всѣ были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ брюкахъ. Женщины въ кисейныхъ платьяхъ; на нихъ красовались гирлянды изъ цвѣтовъ и дорогіе уборы. Между ними я видѣлъ много хорошенькихъ и стройныхъ.

Балъ продолжался до часа за полночь; кубана, вальсъ и полька занимали весь вечеръ публику. Но сопимпу я здѣсь не видѣлъ и на вопросъ мой, три хорошенькія мулатки отвѣчали мнѣ: «вѣдь здѣсь не театръ Такона».

За три или четыре версты отъ Матанзаса, есть мѣстечко *Кумбре*. Я отправился и туда; солнце жгло меня нещадно; предо мною разстилалась бѣлая, каменистая почва и бѣдно обработанная, кой-гдѣ стояла хижина, кой-гдѣ расли деревья, небогатыя тѣнью, а только въ сторонѣ Матанзасъ съ гаванью оживлялъ безжизненность этой панорамы. Скоро городъ скрылся за холмами; поднявшись на возвышенность, я увидѣлъ плодоносную долину, усѣянную садами и живописными сельскими домиками: это *Ситьбе*, куда плантаторы собираются отдохнуть и провести время — вкусить villegiatura, какъ говорятъ итальянцы in's grüne sein, какъ говорятъ нѣмцы.

Растительность въ этой долинѣ восхитительна, и тѣмъ болѣе она пріятна глазу, что между городомъ и долиною лежитъ мною очерченная маленькая пустыня.

Время летѣло быстро; надо было проститься съ очаровательнымъ домикомъ, осѣненнымъ пальмами, утопающимъ въ благорастворенiи воздуха, съ этимъ гнѣздомъ жаворонка среди плодоноснаго поля, тихаго, безмятежнаго! Словно рой добрыхъ геніевъ сторожитъ это мѣсто!

Несмотря на то, что мнѣ здѣсь было такъ хорошо, такъ раздольно, я переносился мыслью на Сѣверъ, оставшійся далеко за мною! Я думалъ: «куда бы ты ни пошелъ, гдѣ бы ты ни былъ, ты не забудешь родной земли: тамъ и розы намъ кажутся живѣе и пухъ нѣжнѣе, гдѣ мы провели нашу молодость!» А право, славное житье въ Гаваннѣ, еслибъ не *желтая лихорадка*... но о ней здѣсь говорить не стану, затѣмъ, что страшный разгаръ ея видѣлъ я въ Іаграсѣ, переходя Панамскій перешеекъ.

ТРЕХМѢСЯЧНЫЙ ПЛѢНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ.

Статья вторая и послѣдняя.

—

IV.

Наконецъ племя патагонцевъ, у котораго я былъ въ плѣну, рѣшилось двинуться съ мѣста, быстро перешло довольно большое разстояніе и остановилось около мили отъ Cotey-Inlet. На другое утро нашего новаго кочевья, съ котораго виднѣлся Атлантическій океанъ, я ясно разсмотрѣлъ мачты какого-то корабля, желавшаго войдти въ маленькій рукавъ Cotey-Inlet, о которомъ я уже упомянулъ. Взобравшись на холмъ, съ котораго можно было видѣть еще лучше и дальше, я узналъ, что это былъ американскій бригъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ принялъ этотъ мысъ за находящійся у входа въ Магелланскій проливъ. Я указалъ патагонцамъ на корабль и просилъ, чтобъ они свели меня къ берегу, дабы я могъ, если то будетъ возможно, дать какъ-нибудь о себѣ знать экипажу. Патагонцы долго не рѣшались, но наконецъ согласились исполнить мою просьбу. Мы были ужъ близко берега, когда бригъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ далѣе въ открытое море: вѣроятно, онъ замѣтилъ свою ошибку. Мы поспѣшили добѣжать до берега и взобрались на высокій утесъ, съ котораго я могъ очень ясно разсмотрѣть матросовъ, находившихся на палубѣ корабля.

Вставъ на хребетъ лошади одного изъ патагонцевъ, я началъ махать курткой и употребилъ всѣ зависящія отъ меня средства, чтобъ привлечь на нашу сторону вниманіе людей американскаго корабля, но всѣ мои усилія были тщетны: маленькое судно развернуло всѣ свои паруса и, казалось, желало посмѣяться надъ всѣми моими надеждами. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, обливавшимся кровью, я слѣдилъ за его ходомъ, покуда оно совершенно не скрылось изъ виду, едва чернѣя, какъ маленькая точка въ голубомъ слитомъ пространствѣ неба и моря. Воспоминанія о родинѣ, семейномъ кругѣ, о столькихъ радостяхъ и кроткихъ удовольствіяхъ, утраченныхъ надолго, а можетъ-быть, и навсегда, долгое время тревожили мое сновидѣніе и наполняли горечью даже тѣ грезы, которыя самъ создаетъ для себя человѣкъ бодрствующій. Грезы эти, чаровавшія мое воображеніе, на яву заставляли меня испытывать всегда муки тантала, когда случалось мнѣ замѣчать какой-нибудь парусъ, бѣлѣвшійся на отдаленномъ горизонтѣ.

Впрочемъ, не смотря на всѣ до-тѣхъ-поръ обманутыя надежды и ожиданія, я далъ себѣ слово быть спокойнымъ и безропотно покориться своей участи. Я рѣшился смѣло и хладнокровно смотрѣть на мое несчастіе, не испытывая никакого болѣзненнаго ощущенія, какъ смотритъ хирургъ на члены своего паціента, трепещущіе подъ острымъ его ножомъ. Нѣкоторые люди доходятъ до такой степени стоицизма надъ собою, но они рѣдки и я долженъ гордиться этимъ малымъ исключеніемъ.

Когда я чувствовалъ, что мною начинали овладѣвать слишкомъ мрачныя и грустныя мысли, я тотчасъ-же спѣшилъ ихъ разсѣять всѣми предстоявшими мнѣ развлеченіями. Я выходилъ изъ-подъ кожанаго шалаша, не смотря даже на самый поздній часъ ночи, всѣми лёгкими вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ, смотрѣлъ на звѣзды, если небо не было покрыто тучами и, благодаря Бога, чувствовалъ себя въ состояніи поддержать твердостью воли то нравственное равновѣсіе, котораго продолжительное отсутствіе незамѣтно доводитъ человѣка до состоянія безумія.

Впродолженіе трехъ или четырехъ дней, по нашемъ прибытіи на новое мѣсто и новую временную стоянку, мнѣ начало такъ сильно наскучать наше однообразное существованіе и отвратительная праздность, отвергавшая всякія занятія и прерываемая только игрой въ туземныя патагонскія карты, что я рѣшился участвовать въ первой условленной охотѣ, хоть для того только, чтобъ чѣмъ-нибудь да убить скучное время. Скоро случай къ этому представился. Я выпросилъ у Парозильвера себѣ лошадь, упряталъ ноги въ его большіе патагонскіе сапоги, которые были, разумѣется, гораздо теплѣе башмаковъ и потому удобнѣе

для подобной экспедиціи, и весело послѣдовалъ за многочисленною толпой патагонскихъ охотниковъ.

Мы проѣхали не болѣе пяти или шести миль, какъ я на минуту остановился и сошелъ съ лошади, не обращая повидимому никакого вниманія остальнаго общества, которое продолжало скакать впередъ, не заботясь обернуться и посмотрѣть, что со мной сталось.

Помѣстившись опять на сѣдло, я сильно пришпорилъ лошадь и пустилъ ее въ полный галопъ, чтобъ поскорѣе присоединиться къ исчезавшей толпѣ, когда, по несчастію, лошадь моя споткнулась на всемъ скаку, упала и опрокинула своего злополучнаго всадника черезъ голову шаговъ на двадцать отъ себя на покрытую льдомъ землю. Я сильно повредилъ себѣ оконечность ноги и изранилъ болѣе или менѣе все тѣло. До-сихъ-поръ еще, время отъ времени, ушибъ этотъ отзывается и причиняетъ мнѣ хоть и непродолжительную, но тѣмъ не менѣе мучительную боль, живо приводящую на память, послѣ столькихъ лѣтъ, минуту моего паденія. Мнѣ стоило неимовѣрнаго труда и самыхъ сильныхъ страданій сѣсть опять на сѣдло. Скоро нога моя такъ распухла, что польза и пріятность заемныхъ сапоговъ сдѣлалась очень неудобною, и я-бы Богъ знаетъ чѣмъ не готовъ былъ еще пожертвовать, чтобъ имѣть возможность тотчасъ-же возвратиться въ шалашъ Парозильвера, но, къ несчастію, никакъ не могъ осуществить этой готовности: не смотря на всѣ страданія, мнѣ нужно было слѣдовать за патагонцами на охоту и любоваться какъ подвигами, такъ и полнымъ удовольствіемъ моихъ товарищей. Никогда я не буду въ состояніи позабыть мукъ, перенесенныхъ мною въ тотъ злополучный день. Мы возвратились на мѣсто нашей новой стоянки уже очень поздно вечеромъ; и такъ-какъ охота не посчастливилась, то и легли всѣ спать безъ всякаго ужина. Я кое-какъ вползъ въ шалашъ, освободилъ съ усиліемъ больную ногу отъ огромнаго сапога и увидалъ ее въ самомъ ужасающемъ состояніи, безъ всякой надежды на какую-бы то ни было врачебную помощь.

Едва успѣлъ я разлечься на своей гуанаковой кожѣ, еще дымившейся отъ горячаго лошадинаго пота, потому-что она была моимъ единственнымъ сѣдломъ въ продолженіе цѣлаго дня, какъ одна изъ огромныхъ собакъ, принадлежавшихъ моему хозяину, не сыскавъ себѣ, кажется, лучшаго мѣста для ночлега, упала всею своею тяжестью, какъ-будто нарочно, на расшибенную ногу и вырвала у меня изъ груди самый громкій, самый отчаянный крикъ. Ловкимъ и сильнымъ ударомъ другой ноги, совершенно здоровой, я такъ толкнулъ ее, что она, перелетѣвъ чрезъ огонь очутилась на другомъ концѣ шалаша. Только передъ

утромъ слабый сонъ прекратилъ на нѣсколько времени испытываемыя мною мученія.

Едва только начало заниматься утро, какъ Парозильверъ отдалъ приказаніе сниматься съ мѣста. Патагонцы поспѣшили ломать свои подвижныя жилища; скважы (женщины) завернули въ нихъ все движимое имущество и патагонцы пустились ловить своими *лассо* бродившихъ на свободѣ лошадей. Можно-ли было оставаться мнѣ въ спокойномъ положеніи среди всеобщаго безпримѣрнаго шума и движенія? Боль моя еще болѣе усилилась. Шалашъ Парозильвера былъ снятъ и свернутъ, какъ и прочіе, и мнѣ, чтобъ не остаться совершенно голоднымъ и въ этотъ день, оставалось слѣдовать за новою экспедиціею на охоту. Патагонцы уносятъ съ собою въ своихъ переселеніяхъ не только кожаныя покрышки своихъ виггамовъ, но даже жерди и колья, которые служатъ для ихъ построенія. Что-же касается до движимаго имущества патагонцевъ, то ничто не можетъ быть удобнѣе его при переносѣ, потому-что рѣдко когда оно состоитъ изъ чего-нибудь инаго, кромѣ кожъ гуанако, на которыхъ они спятъ, огнива, помѣщаемаго обыкновенно въ бычачьемъ рогѣ, маленькихъ деревянныхъ заостренныхъ по обоимъ концамъ палокъ, на которыхъ жарится мясо убитыхъ животныхъ, да нѣкотораго рода ведра, сшитаго тоже изъ кожи, для воды и для другихъ домашнихъ потребностей.

Палатки и движимость, о которой я сейчасъ упоминалъ, навьючиваются на лошадей.

Во время странствованій, «папузовъ» или малолѣтнихъ дѣтей, неумѣющихъ еще ходить, привязываютъ также къ спинѣ лошадей въ маленькихъ деревянныхъ коробкахъ, округленныхъ по обѣимъ сторонамъ и похожихъ немного съ виду на санки. Санки эти привязываются очень крѣпко узкими ремнями и маленькіе патагонята помѣщаются въ ихъ тѣсномъ пространствѣ такимъ образомъ, что голова ихъ и ноги находятся гораздо ниже середины туловища, по причинѣ выпуклой формы дна этихъ новаго рода люлекъ; всякій согласится, что такое положеніе не можетъ быть слишкомъ удобно для патагонскихъ младенцевъ, если они сколько-нибудь могутъ быть чувствительны къ физическимъ страданіямъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, потому-что патагонцы пріучаютъ своихъ дѣтей съ самаго перваго дня рожденія къ разнымъ лишеніямъ, бѣдствіямъ и перемѣнамъ температуры. Салазки эти, съ ихъ живымъ грузомъ, помѣщаются наверху прочей поклажи на которой обыкновенно сидитъ мать ребенка, протянувъ ноги къ головѣ лошади и сжимая ими, сколько есть силы, шею бѣднаго животнаго; вмѣсто хлыста у патагонскихъ наѣздницъ бываетъ какой-нибудь заостренный кусокъ дерева, ко-

торымъ онѣ поминутно колятъ лошади бока, что̀ ускоряетъ бѣгъ ея.

Папузы, неочень, повидимому, расположенные къ подобному, удобству и роду перевоза, кричатъ во все горло. Матушки, тетушки и сестрицы вторятъ имъ дикимъ хоромъ въ свою очередь, повторяя слѣдующій напѣвъ:

— Хори! мютти, мютти! Хори! мютти, мютти! Хори!

И это безъ малѣйшихъ варіацій до тысячнаго повторенія, пока у самихъ ихъ не пересохнетъ отъ усталости горло.

Всѣ распоряженія, при перемѣнѣ мѣстожительства, производятъ съ замѣчательною скоростью. Въ какіе–нибудь полчаса, на прежнемъ мѣстѣ не оставалось уже ни одной палатки; все племя, съ его жилищами, съ *мебелью*, уже мной описанною, женами, молодымъ патагонскимъ поколѣніемъ сидѣло на лошадяхъ и нестройная кавалькада, похожая на цыганскій таборъ, пускалась въ дорогу.

На этотъ разъ произошло, впрочемъ, маленькое замедленіе, потому–что необходимо было подкрѣпить, для дальняго пути, силы какою–нибудь пищею. Что было только найдено, то и было тотчасъ уничтожено безъ всякой разборчивости; но, не смотря на все это, закуска была до того скудна, что только раздразнила мой аппетитъ и возбудила непреодолимое желаніе также какъ–нибудь и пообѣдать. Въ тотъ день, по–крайней–мѣрѣ, передъ вечеромъ, общее требованіе увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ: патагонцы добыли много дичи, которою можно было удовлетворить голоду цѣлаго племени. Эта добыча распространила повсюду веселье и общее довольство.

Нужно при этомъ замѣтить, что патагонцы никогда не бываютъ въ затрудненіи для отысканія удобной мѣстности своему новому кочевью. Общее однообразіе страны, хотя и покрытой нисколько несходными между–собою возвышенностями и холмами, и прежнія, даже самыя давнія мѣста ихъ кочевья были имъ, кажется, такъ памятны и до того извѣстны, что въ то время, когда я не могъ различить, по какой–либо особенной примѣтѣ, гдѣ мы находились, патагонцы возвращались къ прежнему своему обиталищу, въ какомъ–бы дальнемъ разстояніи ни находилось оно отъ новаго, всегда самымъ кратчайшимъ путемъ, по прямой линіи, какъ будто–бъ они были птицами и могли сверху обозрѣвать все пространство, для избѣжанія лишнихъ круговъ. По возвращеніи въ тотъ вечеръ съ охоты, я былъ удивленъ тѣмъ, что не замѣчалъ ни малѣйшаго признака, который–бы показывалъ существованіе поблизости воды, что̀ удивительно противорѣчило обычаю патагонцевъ; но вскорѣ я замѣтилъ, что женщины взяли свои кожаныя ведра и выходили, одна за другою, изъ хижинъ. Любопытство подстрекнуло меня слѣдить за ними и,

пройдя небольшое разстояніе, я увидалъ источникъ, изъ котораго они черпали въ эти кожаныя ведра воду, наполнивъ ею предварительно пустые бычачьи рога.

Въ теченіе этого времени я имѣлъ случай изучить многіе еще неизвѣстные мнѣ нравы и обычаи патагонцевъ. Однажды, предъ закатомъ солнца, смотря чрезъ откинутый пологъ нашей хижины на долину, я увидалъ въ разстояніи двухъ-сотъ, не болѣе, шаговъ отъ жилища Парозильвера, необычайное стеченіе туземцевъ. Сборище состояло, по-крайней-мѣрѣ, изъ пятидесяти человѣкъ и предводительствовалось однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ изъ цѣлаго патагонскаго племени. Вся эта толпа шла прямо къ нашей хижинѣ. Изумленный и испуганный этимъ зрѣлищемъ, я поспѣшилъ узнать о происходившемъ отъ стараго Парозильвера. Не отвѣтивъ мнѣ ни слова, онъ пошелъ въ задній конецъ шалаша и сѣлъ на маленькой своей постели, состоявшей, по особенному исключенію изъ общаго правила, изъ лошадиной шкуры. Неподалеку отъ него висѣлъ ножъ его на сучкѣ одной изъ жердей, которыя поддерживали это шаткое строеніе. Онъ снялъ этотъ ножъ, положилъ его къ себѣ на колѣна и, сложивъ на груди руки, продолжалъ безмолвствовать. Изъ этого воинственнаго положенія его я заключилъ, что что-нибудь происходило не такъ, какъ слѣдуетъ, и дѣла приняли дурной оборотъ. Постоянно томимый предчувствіемъ чего-нибудь недобраго и въ предотвращеніе опасностей, которымъ я могъ неожиданно и случайно когда-нибудь подвернуться, я, незадолго до того дня, отыскалъ въ маленькомъ арсеналѣ патагонскаго старшины рукоятку отъ какого-то ножа, и старое заржавленное лезвіе, которое утвердилъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Старый Парозильверъ позволилъ мнѣ носить это оружіе, припрятаннымъ подъ курткой на груди, для охраненія моей личной безопасности, въ случаѣ какого-нибудь одиночнаго нападенія на мою важную особу: всякое другое оружіе мнѣ было воспрещено. Я помѣстился противъ него, опустившись на колѣна болѣе для того, чтобъ удобнѣе говорить съ нимъ и сообщить ему свои мысли, чѣмъ для того, чтобъ внѣшніе враги, которымъ я рѣшился дорого продать жизнь мою, могли меня видѣть въ такомъ умоляющемъ положеніи. Развязка, казалось, была близка и ужасна, потому-что старый старшина принялъ оборонительное положеніе и былъ, такъ сказать, осажденъ въ стѣнахъ собственнаго жилища.

Между-тѣмъ, толпа все болѣе и болѣе стѣснялась вокругъ хижины и увеличивалась новыми пришельцами; нѣкоторые изъ возмутившихся патагонцевъ присѣли на корточкахъ на землю, другіе смотрѣли во внутренность нашей хижины сквозь отверзтіе кожъ; наконецъ, одинъ изъ патагонцевъ началъ говорить съ Парозильверомъ, и они разговаривали

довольно долгое время шопотомъ такъ, что нельзя было ни понять, ни уловить ни одного слова, только одни сильныя и выразительныя тѣлодвиженія показывали, что предметъ разговора былъ очень жарокъ. Толпа, находившаяся передъ входомъ, судя по глухому ропоту и оживленности отдѣльныхъ переговоровъ, была, кажется, также не менѣе воодушевлена и нетерпѣлива. Я приглядывался и прислушивался ко всему, съ понятнымъ для каждаго любопытствомъ и ужасомъ въ то время, какъ старый Парозильверъ повторялъ упорно и съ холоднымъ величіемъ, соединеннымъ съ выраженіемъ гнѣва, одни и тѣ же слова. Ужасъ мой дошелъ до крайняго предѣла; вся надежда моя основывалась на старомъ Парозильверѣ и потому я старался, какъ могъ и какъ зналъ, поощрять его дѣйствовать въ мою пользу; я дружески ударилъ его слегка, раза три или четыре по широкой груди и сказалъ ему, что знаю, какъ онъ добръ и потому тверо увѣренъ, что онъ не допуститъ патагонцевъ сдѣлать мнѣ какое-нибудь зло.

— Иди спать,—отвѣчалъ мнѣ старый Парозильверъ:—ни одинъ изъ патагонцевъ не переступитъ нынѣшнею ночью порога моей хижины.

— Чего-же они желаютъ?—спросилъ я снова Парозильвера:—Что требуютъ отъ тебя твои подчиненные?

Не удостоивъ меня отвѣтомъ, старшина продолжалъ свой таинственный разговоръ съ толпою, находившеюся за дверями нашего жилища. Парозильверъ повторилъ мнѣ приказаніе ложиться; но, разумѣется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ о снѣ нечего было и думать. Никогда еще я не чувствовалъ такого желанія бодрствовать, какъ въ ту минуту; я былъ на сторожкѣ и весь обратился въ зрѣніе и слухъ, сжимая, сколько во мнѣ было силы, мое единственное оборонительное оружіе—ржавый ножъ, припрятанный за рубашку.

Вдругъ старый Парозильверъ обратился, и глаза его встрѣтились съ моими; онъ въ третій разъ, самымъ повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ ложиться. Это приказаніе показалось мнѣ мучительнѣе, чѣмъ еслибъ онъ поставилъ меня на горящіе угли: я видѣлъ, что мнѣ необходимо было прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ. Я бросился къ нему, обнялъ руками его шею, снова началъ тихонько бить его по груди и, уставивъ глаза свои съ умоляющимъ выраженіемъ въ его глаза, просилъ дрожащимъ голосомъ сказать мнѣ, въ чемъ было дѣло.

— Что, развѣ они хотятъ убить меня, что-ли?—проговорилъ я старому Парозильверу.

— Не—бойся,—удостоилъ лишь онъ тогда меня отвѣтомъ:—они не желаютъ тебѣ никакого зла; дѣло идетъ совсѣмъ не о твоей жизни, весь шумъ произошелъ оттого, что одинъ патагонецъ требуетъ себѣ

жену—бѣдный, очень бѣдный патагонецъ, у котораго нѣтъ ни лошадей, ничего, однимъ словомъ: я не далъ ему жены.

Признаюсь, что въ первую минуту я никакъ не могъ повѣрить этому прозаическому объясненію патетической сцены, которая такъ сильно напугала меня. Когда я замѣтилъ, что Парозильверъ немного успокоился и сдѣлался общительнѣе, я сдѣлалъ ему другой вопросъ:

— А что говоритъ на это бѣдный патагонецъ?

— Онъ говоритъ: при первомъ удобномъ случаѣ, онъ наворуетъ столько лошадей, сколько угодно, и что онъ никогда не заставитъ жену свою терпѣть нужду въ жирѣ; онъ утверждаетъ, что онъ хорошій охотникъ и превосходный воръ, — отвѣчалъ мнѣ Парозильверъ.

Эти одни достоинства имѣли въ глазахъ патагонскаго старшины неотъемлемыя права на женитьбу; но онъ добавилъ, что, по его убѣжденію, проситель былъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы быть отличнымъ воромъ, и никогда не добудетъ себѣ лошади. Это мнѣніе высказано было Парозильверомъ и противной сторонѣ.

— Ты очень бѣденъ; ты ни на что не способенъ—вотъ мое послѣднее слово,—отвѣчалъ старшина сватавшемуся патагонцу.

Послѣ многихъ другихъ переговоровъ, требованій, просьбъ и напраснаго волненія, толпа, стоявшая у нашего порога, мало по-малу начала разсѣяваться и наконецъ окончательно разошлась. Какъ-будто освободясь отъ какого-то тяжелаго камня, лежавшаго на моемъ сердцѣ, я немного успокоился и заснулъ.

Препятствія, которыя встрѣтилъ бѣдный патагонецъ въ любви своей, сильно подстрекали мое любопытство; мнѣ хотѣлось узнать поподробнѣе объ условіяхъ патагонскаго брака, и я съ петерпѣніемъ ждалъ случая собрать о нихъ должныя свѣдѣнія отъ моего хозяина. Въ отвѣтъ на всѣ предложенные мною вопросы, Парозильверъ объяснилъ мнѣ, на другой день, что ни одинъ бракъ не совершался въ патагонскомъ племени, безъ разрѣшенія и согласія старшины; а по понятіямъ Парозильвера, только одинъ искусный охотникъ и опытный лошадиный воръ имѣлъ право требовать себѣ жену.

— Но это послѣднее достоинство,—прибавилъ старшина:—зависитъ часто отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, требуетъ иногда долгаго времени, и случается, что бракъ отсрочивается на неопредѣленный срокъ.

Главная обязанность предлагающаго свою руку патагонской красавицѣ состоитъ въ томъ, чтобъ снабжать ее мясомъ и жиромъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не окажется вполнѣ ея достойнымъ и сдѣлается до того достаточенъ, что будетъ въ состояніи содержать ее. Тогда только женихъ

ведетъ невѣсту въ свой виггамъ. Если патагонецъ дорожитъ своею *кури*, какъ всякій изъ нихъ готовъ то высказывать на словахъ, то онъ можетъ скоро соединиться съ нею брачными узами. Обладаніе двумя лошадьми, изъ которыхъ одна должна носить мужа, а другая принадлежать женѣ, почитается, кажется, первымъ и необходимымъ условіемъ для совершенія брака. Безъ этого нельзя отваживаться на сватовство.

Патагонскія женщины имѣютъ въ своемъ характерѣ несчастную наклонность ссориться между собою, и чуть только ихъ бранчивое расположеніе переходитъ въ дѣйствіе, онѣ дерутся, какъ тигрицы. Ревность бываетъ самымъ обыкновеннымъ и всечаснымъ поводомъ къ подобнымъ битвамъ. Когда какая-нибудь патагонская женщина подозрѣваетъ, что ея супругъ и повелитель обратилъ нѣжное свое вниманіе на другую женщину, она старается всѣми хитростями открыть соперницу и бросается на очаровательницу съ яростью дикаго звѣря. Та начинаетъ, съ своей стороны, защищаться съ равною дикостью; удары съ той и съ другой стороны сыпятся какъ градъ; противницы терзаютъ ногтями, рвутъ волосы, кусаютъ и уродуютъ одна другую. Вѣтренный супругъ, если онъ пойманъ въ пылу нѣжныхъ переговоровъ, преспокойно удаляется и въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдитъ за ходомъ побоища, которое почти всегда, вмѣсто того, чтобъ огорчать его и тревожить, напротивъ, льститъ его самолюбію и приводитъ въ самое веселое расположеніе духа. Вмѣсто того, чтобъ разнять ссорящихся, прибѣгающіе на шумъ сосѣди еще подстрекаютъ враждующія стороны и весь виггамъ трещитъ и дрожитъ, какъ корабль среди порывовъ урагана.

Какъ значительно позволеніе старшины на совершеніе брака, такъ ничтоженъ самый обрядъ его. Только-что согласіе старшины изъявлено, женихъ уводитъ невѣсту въ свой виггамъ безъ всякихъ церемоній и увеселеній, въ какомъ-бы *высшемъ кругѣ* патагонскаго общества ни произошло супружеское соединеніе.

Однажды вечеромъ, когда мы, то-есть старый Парозильверъ, четыре жены его, дочери, его внучата и я, сидѣли, по обыкновенію, по разнымъ угламъ хижины и были покрыты еще невиданнымъ мною въ такой степени густымъ дымомъ, я былъ зрителемъ и свидѣтелемъ одного брачнаго случая, который не могу удержаться, чтобъ не разсказать.

Въ то время, когда цѣлое семейство Парозильвера, наподобіе ветчины, коптилось въ удушливой атмосферѣ, а я лежалъ ничкомъ на землѣ, укутавъ голову кускомъ гуанаковой кожи (единственное положеніе, которое, какъ ужъ было сказано, кое-какъ позволяло мнѣ еще дышать), послышался шумъ многихъ шаговъ и неясный шопотъ, и вслѣдъ за этимъ, за дверьми хижины, раздался хриплый голосъ, видимо пред-

назначенный оглушить кого-нибудь изъ находящихся въ нашемъ жильѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ, старый Парозильверъ не преминулъ отвѣчать. Я разслушалъ хотя въ первую пору немного но все-таки довольно для того, чтобъ быть спокойнымъ; разговоръ нисколько не касался меня; поводомъ къ нему служила женщина. По мѣрѣ того, какъ разговоръ все болѣе и болѣе завязывался и оживлялся, спокойное расположеніе старшины, казалось, немного начало возмущаться. Приподнявъ немного кожу, я обвелъ, сквозь дымъ, кругомъ наблюдательный взоръ, чтобъ угадать по лицамъ женскаго состава нашей толпы, которая изъ нихъ должна быть болѣе заинтересована? Одного взгляда было достаточно, чтобъ убѣдиться, что одна изъ дочерей Парозильвера, повидимому вдова, потому-что одно исчадіе, преисполненное самыхъ блестящихъ ожиданій, покоилось на землѣ у ногъ ея, слушала разговоръ съ самымъ пугливымъ вниманіемъ. Близъ вдовы сидѣла мать ея, подпершн рукою подбородокъ, съ лицомъ тоже очень озабоченнымъ. Невидимый ораторъ былъ, казалось, нѣжнымъ вздыхателемъ прелестей дочери Парозильвера; его исканія вѣроятно до-тѣхъ-поръ отвергались, и онъ рѣшился на новую попытку, подкрѣпляемый предстательствомъ и присутствіемъ пріятелей и друзей.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ ему Парозильверъ, какъ отвѣчалъ онъ, недавно предъ этимъ, неимущему патагонцу:—ты очень бѣденъ; ты ни къ чему неспособенъ; у тебя нѣтъ лошадей, и потому ты не достоинъ быть не только моимъ зятемъ, но даже чьимъ бы то ни было зятемъ—вотъ мое послѣднее слово. Удались!

Проситель, которому ясный отвѣтъ этотъ, очень понятно, показался ни лестнымъ, ни удовлетворительнымъ, повторилъ свою просьбу съ возрастающею энергіей.

— Если онъ не имѣетъ лошадей,—возразилъ онъ на отказъ Парозильвера,—то виною этому было только то, что не представлялось благопріятнаго случая для кражи, а нисколько не недостатокъ желанія и опытности, съ которыми онъ можетъ пріобрѣсти не одну, а множество лошадей, чуть только онѣ подвернутся ему подъ-руку и въ счастливый часъ. По его словамъ, никто искуснѣе его не могъ накинуть *лассо* на бѣгущую во весь галопъ лошадь, и никто не былъ такимъ опытнымъ и неутомимымъ охотникомъ.

— Жена моя, — продолжалъ неотступный проситель,—никогда не будетъ нуждаться ни въ мясѣ, ни въ жирѣ.

Не смотря на всѣ эти громкія похвалы самому себѣ и утѣшительныя обѣщанія, старый Парозильверъ оставался непреклоннымъ и, наконецъ, вторично и рѣшительно объявилъ, что онъ даже и слушать не хочетъ о подобныхъ предложеніяхъ.

Истощивъ весь запасъ своего краснорѣчія, нѣжный вздыхатель обратился тогда къ своей красавицѣ, прося, чтобы хоть она оказалась благосклонной къ его страсти. Онъ повторилъ ей тѣ же самыя обѣщанія, въ которыхъ, разумѣется, жиръ занималъ первое мѣсто. Не будучи въ состояніи противиться такой пылкой страсти и такимъ доказательствамъ, молодая патагонка начала просить отца согласиться на ихъ соединеніе; но старый Парозильверъ былъ неумолимъ. Напрасно пробовала также и мать говорить въ пользу молодыхъ людей. Суженый, по словамъ ея, былъ гораздо лучше и достойнѣе молвы, которая ходила о немъ, только старшина не отдавалъ ему полной и должной справедливости. Старуха заключила свое вмѣшательство предсказаніемъ, что современемъ молодой патагонецъ самъ будетъ великимъ начальникомъ, искуснымъ лошадинымъ воромъ, однимъ словомъ: партіею самою выгодною и блестящею для ихъ дочери.

До этихъ поръ патагонскій старшина еще старался кое-какъ воздерживаться отъ неумѣренныхъ порывовъ, но тутъ, ни мало не удовольствовавшись всѣми возможными «быть-можетъ», вмѣшиваемыми въ убѣжденія, онъ вышелъ изъ себя и раздражительность его не имѣла уже болѣе предѣловъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ колыбель *папуза* и яростно выбросилъ вонъ изъ хижины; за колыбелью, безъ всякаго промежутка, вылетѣли туда-же, послѣдовательно, вся движимость и всѣ прочія вещицы, принадлежавшія его дочери. Послѣ этого оригинальнаго перемѣщенія, съ мѣста на мѣсто движимой собственности, старый Парозильверъ приказалъ и дочери послѣдовать туда-же.

Въ эту рѣшительную минуту мнѣ показалось, что на губахъ молодой патагонки мелькнула радостная улыбка; и въ-самомъ-дѣлѣ лицо ея выражало какое-то самодовольствіе, быть можетъ, отрадная мечта объ обѣщанныхъ наслажденіяхъ, мечта о достаточномъ количествѣ жиру и мяса, поддерживала въ эту минуту ея мужество среди такой сильной домашней грозы. Не возражая ни слова и не стараясь нисколько упрашивать стараго Парозильвера, она оставила палатку вмѣстѣ съ своею матерью, которая помогла ей собрать всѣ вещи, и подняла колыбель *папузы*, отброшенную сильной рукой старшины на довольно далекое разстояніе.

Между-тѣмъ старый Парозильверъ опять усѣлся на свою лошадиную шкуру, поджавъ подъ себя ноги, и принялъ такой страшно-смѣшной видъ, что мнѣ одну минуту почудилось, не сидитъ-ли предо мной раздраженная старая обезьяна—такія гримасы подергивали всѣ его черты.

Чрезъ нѣсколько времени и дочь и мать снова возвратились въ хижину и внутри ея тотчасъ-же началась разыгрываться новая семей-

ная сцена. Едва только Парозильверъ замѣтилъ ихъ, какъ звукъ, похожій на смѣшанное хрюканье съ рыканьемъ, и даже болѣе подходящій къ послѣднему, чѣмъ къ первому, вырвавшійся изъ его огромной гортани, возвѣстилъ о новомъ изверженіи патагонскаго волкана. Въ этотъ разъ весь громъ обрушился на одну только жену. Доказательство супружескихъ преимуществъ было совершенно, и старая патагонка не проронила ни одного слова въ цѣлую ночь. Мнѣ кажется, что совѣсть немного мучила Парозильвера, потому-что онъ спалъ очень дурно и пробуждался нѣсколько разъ. Чуть только разсвѣло, онъ пошелъ въ шалашъ новобрачныхъ и имѣлъ съ ними продолжительный разговоръ. Первоначально онъ старался выказаться строгимъ и неумолимымъ въ отношеніи къ молодымъ супругамъ, но потомъ, благодаря ихъ патагонской, тонкой дипломаціи, дѣла приняли болѣе благопріятный оборотъ и въ тотъ-же самый день, къ вечеру, влюбленная чета окончательно переселилась, со всѣмъ своимъ имуществомъ, подъ общій кровъ съ тестемъ.

Вскорѣ патагонцы снова снялись съ мѣста и пошли по направленію къ западу; въ продолженіе пути мы добыли себѣ значительный запасъ дичи.

Я никогда не могъ узнать, обожаютъ-ли патагонцы, какъ прочія дикія американскія племена, Верховное Существо, или имѣютъ-ли покрайней-мѣрѣ, какое-нибудь понятіе о Немъ. Въ единственной изъ ихъ торжественныхъ церемоній, имѣвшей религіозный характеръ, табачная трубка составляла главный предметъ; но я не могу полагать, чтобъ она была для нихъ предметомъ поклоненія. Я передалъ моимъ читателямъ все мною видѣнное и попрошу ихъ, чтобъ они сами судили. Вотъ какъ происходитъ эта церемонія, которую я подмѣтилъ, сколько могъ и сколько позволяла мнѣ осторожность, препятствовавшая предаваться слишкомъ большому любопытству, чтобъ не навлечь на себя мщенія недовѣрчивыхъ и подозрительныхъ дикарей. Церемонія эта еще и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, очень живо сохранилась въ моей памяти.

Человѣкъ двѣнадцать, всегда почти не болѣе, патагонцевъ собираются обыкновенно въ виггамъ, и очень рѣдко на открытомъ воздухѣ, и располагаются тѣснымъ кружкомъ. Посрединѣ этого кружка ставится на землѣ чаша, сдѣланная изъ куска гуанаковой кожи, которой, когда еще кожа сыра, стараются придать, для этой церемоніи, овальную форму и потомъ тщательно высушиваютъ, чтобъ сохранить данный видъ; иногда, вмѣсто чаши, ставятъ на землю бычачій рогъ; эту чашу, или рогъ, наполняютъ водой, потомъ берутъ трубку, сдѣланную изъ какого-нибудь камня, и набиваютъ ее стружками дерева, похожаго на черное

дерево; стружки эти смѣшиваютъ съ рубленымъ табакомъ туземнаго произрастенія. По исполненіи этого первоначальнаго обряда, общество ложится правильнымъ кругомъ ничкомъ на землю, прикрывъ себѣ кожанымъ плащемъ головы, какъ капюшономъ. Пролежавъ такъ нѣкоторое время неподвижно, трубку закуриваютъ. Одинъ изъ патагонцевъ беретъ ее въ ротъ (потому-что порядочныхъ, правильныхъ чубуковъ они еще изобрѣсти не догадались) и втягиваетъ въ себя столько дыму, сколько лёгкія способны поглотить его. Трубка передается потомъ сосѣду и такъ обходитъ цѣлый кругъ съ тою-же самою церемоніей. Чуть только трубка перейдетъ въ руки втораго патагонца, первый затягиваетъ возгласъ, состоящій изъ соединеннаго вопля и какого-то хрюканья, сопровождаемый легкимъ покачиваньемъ головы, и продолжаетъ этотъ родъ арій до-тѣхъ-поръ, пока послѣдняя струя дыма, медленно выходящаго изъ гортани, окончательно не разсѣется въ воздухѣ. Такого рода концертъ дѣлается вскорѣ общимъ и наконецъ обращается въ такой вой, что, кажется, отъ него въ состояніи убѣжать не только люди, но и самыя непугливыя дикія животныя. Шумъ и гулъ этотъ, смотря по тому, какъ выходитъ послѣдняя струя табаку изъ патагонскихъ горлъ, начинаетъ постепенно ослабѣвать и наконецъ стихаетъ окончательно. Послѣ минутнаго глубокаго молчанія, каждый патагонецъ отпиваетъ нѣсколько глотковъ воды. За этимъ удовлетвореніемъ жажды слѣдуетъ новое торжественное молчаніе, среди котораго каждый изъ присутствующихъ погружается въ минутное сосредоточенное размышленіе и наконецъ всѣ медленно расходятся съ самымъ торжественнымъ и озабоченнымъ видомъ.

Какъ должно судить о подобномъ зрѣлищѣ? Если оно наружный религіозный обрядъ особеннаго какого-нибудь служенія, или просто обычное какое-нибудь простое препровожденіе времени, свой родъ развлеченія, въ родѣ нашихъ раутовъ и нашихъ условленныхъ гуляній по бульварамъ и по улицамъ, на которыхъ всѣ собираются, а между-тѣмъ никто не знаетъ другъ друга? Я не могу сказать утвердительно на разныя явленія, сопровождающія это таинственное собраніе; почти опредѣленное число людей, въ немъ участвующихъ, серьёзный видъ ихъ, не смотря на всѣ странныя гримасы, которыми подергиваются черты патагонцевъ въ то время, ихъ простиранія на землю, покачиванье головы и наконецъ самый вой, неимѣющій повидимому смысла—все это и многія другія обстоятельства, которыя мнѣ легче упомнить, чѣмъ описать, заставляютъ меня предполагать, что подобныя собранія заключаютъ въ себѣ какое-нибудь мистическое значеніе. Не смотря на то, что нѣкоторыя странныя явленія, происходящія въ этихъ собраніяхъ, о кото-

рыхъ я сейчасъ упоминалъ, можно объяснить физическимъ одуряющимъ свойствомъ табаку и, можетъ-быть, также какимъ-нибудь особеннымъ свойствомъ деревянныхъ стружекъ, которыя патагонцы съ нимъ смѣшиваютъ,—все остальное было для меня неразрѣшимою загадкой.

Никогда не старался я просить Парозильвера, даже въ самыя благопріятныя минуты, когда онъ бывалъ очень веселъ и ласковъ со мною, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ цѣль и сокровенное значеніе подобныхъ курительныхъ и музыкальныхъ сборищъ. Постигнувъ, хоть и немного, характеръ патагонцевъ, я былъ слишкомъ остороженъ, чтобъ выказывать подобнаго рода любопытство и вступать въ разговоръ о такомъ щекотливомъ предметѣ. Съ моей стороны было бы очень неосторожно проникать подъ завѣсу тѣхъ тайнъ, которыми дикія племена окружаютъ свои религіозныя вѣрованія и, быть-можетъ, накликать тѣмъ себѣ на голову неизбѣжное мщеніе. Я предчувствую, что нѣкоторые изъ читателей осудятъ меня въ этомъ отношеніи и даже нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, удивятся, что я, видя патагонцевъ, погруженныхъ во мракъ паганизма, чтобъ не сказать въ совершенный моральный хаосъ атеизма, не пытался извлечь ихъ изъ заблужденія и вложить въ ихъ душу понятія о существованіи Бога истиннаго, о Его величіи, могуществѣ, щедротахъ и милостяхъ; я могу оправдаться, развѣ, только тѣмъ при этомъ справедливомъ упрекѣ, что я не понималъ достаточно ни испанскаго, ни туземнаго языка, чтобъ, какъ слѣдуетъ, передавать патагонцамъ понятіе о такихъ предметахъ, которые выше ихъ разума и требуютъ глубокаго изученія и сильнѣйшаго краснорѣчія, чѣмъ то, которымъ я могъ и могу похвалиться. Да, ни одно племя изъ всѣхъ мною видѣнныхъ и знаемыхъ, не нуждается такъ въ истинахъ Евангелія, какъ эти черные великаны. Миссіонерамъ предстоитъ великое, славное поприще внесть благотворный свѣтъ христіанскаго ученія въ дикую, печальную страну эту, почти лишенную сообщенія съ остальнымъ существующимъ міромъ; они найдутъ въ ней племя, которому не нужно будетъ бороться съ своими прежними, закоренѣлыми языческими убѣжденіями, чтобъ принять, подобно младенцамъ, на свою, еще пустынную, религіозную почву плодотворное сѣмя Новаго Завѣта и вѣчнаго спасенія. Наконецъ я долженъ привести въ мое оправданіе, относительно этого, и то обстоятельство, что патагонцы слишкомъ глубоко ненавидѣли и подозрѣвали меня, и потому, вѣроятно, слова мои и мои убѣжденія не произвели бы надъ ними никакого вліянія; они бы оставались и глухи и нѣмы.

Патагонскія трубки дѣлаются изъ какого-то красноватаго твердаго камня и выдалбливаются желѣзными, или мѣдными обломками, заостренными на концѣ. Къ верхней оконечности трубки придѣлывается нѣчто въ

родѣ мѣднаго короткаго чубука, котораго отверстіе равняется ширинѣ горлышка трубки; округливъ этотъ металлическій обручъ на палкѣ, патагонцы прикрѣпляютъ его и залѣпливаютъ какою-то смолистою жидкостью, которая тотчасъ же твердѣетъ и дѣлается похожею на коричневатый камень. Кузнечное мастерство находится у патагонцевъ въ самомъ жалкомъ и младенческомъ состояніи. Два твердые и плоскіе камня служатъ имъ и молотомъ и наковальней. Патагонцамъ совершенно неизвѣстно вліяніе огня на металлы, а также и закалка желѣза. Чтобъ сдѣлать себѣ ножъ, они обыкновенно берутъ кусокъ желѣза, подходящій подъ форму желаемаго ножа, и принимаются потомъ пластить его между двумя камнями съ изумительною терпѣливостью, потому-что удары каменнаго ихъ молота очень слабы для того, чтобъ желѣзо приняло въ непродолжительное время тотъ видъ, который нужно ему придать. Выковавъ себѣ, послѣ медленной работы, ножъ, патагонцы заостряютъ его на довольно мягкомъ песчаникѣ и вдѣлываютъ въ деревянную рукоятку. Иногда они вливаютъ въ эту рукоятку свинецъ, чтобъ лучше утвердить лезвіе; но, кажется, что этотъ металлъ у нихъ очень рѣдокъ. Прочія механическія искусства, если только можно назвать этимъ именемъ туземныя произведенія, также не болѣе подвинуты, потому-что во всемъ касающемся до изобрѣтенія и соображенія, всякій шестилѣтній американскій ребенокъ покажется геніемъ противъ этихъ великановъ, и можетъ прослыть у нихъ чудомъ и волшебникомъ. Я никогда не добивался этой чести и всѣми силами старался показать имъ совершенную свою неспособность во всѣхъ ручныхъ производствахъ, изъ опасенія сдѣлаться работникомъ цѣлаго племени, и при всякомъ требованіи очень ловко отказывался отъ всякой услуги. Патагонцы наконецъ оставили меня въ совершенномъ покоѣ, почитая за человѣка самаго безсмысленнаго, удивляясь, какъ бѣлые могли выбрать себѣ такого начальника.

Одежды мужчинъ и женщинъ такъ мало отличаются одѣ отъ другихъ, что усовершенствованіе ихъ никакъ бы не могло имѣть двухъ различныхъ отраслей промышлености и искусства, какъ въ образованныхъ государствахъ. Женщины бываютъ вмѣстѣ и портными и портнихами цѣлаго племени. Плащъ, или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ покрывала, служитъ единственною одеждой патагонцевъ и патагонокъ, и съ плечъ спускается до колѣнъ. Женскіе плащи прикрѣпляются, подъ подбородкомъ, маленькою заостренною палочкой, замѣняющей булавку; мужчины придерживаютъ свои плащи рукою, и только во время охоты прикрѣпляютъ ихъ, крѣпко обвязавъ себѣ талію веревкой.

Для плащей этихъ выбираютъ кожи молодыхъ гуанако, по причинѣ ихъ тонкости и нѣжности шерсти. Для одного патагонскаго плаща та-

кихъ кожъ нужно по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать, потому-что онѣ употребляются при покройкѣ не всѣ, а частями. Выдѣлка кожъ производится слѣдующимъ образомъ: сырыя кожи растягиваютъ предварительно на землѣ, прикрѣпивъ концы деревянными кольями, чтобъ дать имъ, какъ слѣдуетъ, высохнуть. Когда сырость уничтожится, кожи эти начинаютъ чистить острыми камнями, похожими на ружейные кремни, поливая время отъ времени водою, чтобъ облегчить работу. Когда внутренняя поверхность кожъ достаточно сгладится и приведется въ надлежащую толщину, ее начинаютъ натирать ровнымъ камнемъ до-тѣхъ-поръ, пока она не сдѣлается похожею какъ-бы на покрытую самымъ блестящимъ лакомъ, и потомъ снова просушиваютъ на солнцѣ, или на жердяхъ внутри хижинъ, если погода неблагопріятна. Послѣ этой вторичной просушки, кожу гуанако мнутъ въ рукахъ и топчутъ ногами, чтобъ придать ей необходимую мягкость. Что же касается до нитокъ, то я ужъ сказалъ, что патагонцы не знаютъ другихъ нитокъ, кромѣ жилъ и нервовъ своихъ страусовъ. Жилы эти вытягиваютъ на палкахъ, заостряютъ на концахъ между двумя камнями и потомъ сушатъ. Выкроивъ двѣ кожи такъ, чтобъ обѣ половинки могли ровно сходиться между собою, патагонскія женщины прикрѣпляютъ одинъ конецъ ихъ острымъ гвоздемъ, или кускомъ дерева, и потомъ, взявъ другой гвоздь между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки, начинаютъ дѣлать скважины, пропуская въ нихъ тотчасъ-же страусовую жилу, которая находится у нихъ между безъименнымъ пальцемъ и мизинцемъ той-же руки. Работа эта очень похожа на сапожную, и нужно признаться, что швы выходятъ довольно ровно и красиво, что дѣлаетъ не малую честь патагонскимъ мастерицамъ. Къ этимъ двумъ кожамъ пришиваютъ такимъ-же способомъ другую, третью и такъ далѣе, пока не окажется ихъ достаточно для образованія полнаго плаща, и потомъ, намочивъ по швамъ водою, бьютъ по строусовымъ жиламъ камнемъ, чтобъ ихъ сплющить, и наконецъ гладятъ костью. Но такъ-какъ, шерсть оборачивается внутрь, то, разумѣется необходимо бываетъ украсить и наружную сторону плаща. Смѣшавъ для этого достаточное количество глины, животной крови, жиру и древеснаго угля, артистъ, то-есть та же самая патагонская портниха, вооружается маленькою палочкой, расщепленной на концѣ въ видѣ щетки, и начинаетъ производить различныя фигуры, которыя бываютъ почти всегда черныя на красномъ фонѣ. Если художница воспроизвела фигуры человѣческія, то необходимо имѣть самое сильное воображеніе, чтобъ понять рисунокъ и вполнѣ оцѣнить его. Фигуры эти, или, лучше сказать, патагонскіе іероглифы, можно скорѣе принять за привидѣнія какого-нибудь неизвѣстнаго міра, если совершенство рисунка возведено

художницей до совершенства идеала, а въ противномъ случаѣ, за какіе-то уродливые древесные пни съ кудрявою верхушкой и четырьмя суками. Иногда подобныя изображенія очень походятъ на стулъ, поставленный бокомъ или на цыфру 4.

Когда украшенія бываютъ окончены, края плаща обрѣзываются ножомъ и патагонецъ, или патагонка, одѣваются въ эту новую одежду съ такимъ самодовольствіемъ и гордостью, какъ какая-нибудь европейская барышня въ лучшій свой бальный нарядъ.

V.

Покинувъ послѣднюю стоянку, патагонцы остановились на новое кочевье въ глубокой и болотистой долинѣ. Погода стояла холодная и бурная; дождь, снѣгъ, градъ, изморозь падали попеременно, безъ всякаго промежутка въ теченіе многихъ дней. Сильные порывы вѣтра потрясали патагонскіе шалаши, и, кажется, каждую минуту готовы были сорвать ихъ. Нашъ старый виггамъ противился довольно стойко этому непріязненному напору, но за то, по многимъ неисправностямъ своей постройки, и по изъянамъ, причиненнымъ ей временемъ, не могъ противостоять небеснымъ стихіямъ. Къ ночи въ разныхъ мѣстахъ въ хижинѣ нашей оказалась течь и вода била сквозь разныя отверстія ключами. Почти каждую минуту я пробуждался отъ новой, холодной струи, бѣжавшей подъ мою кожаную постель. Ударивъ нѣсколько разъ по покрышкѣ хижины, чтобъ отдѣлить отъ нея напавшій на нее снѣгъ, такъ немилосердо таявшій, и встряхнувъ гуанаковую кожу, я снова бросался на землю, въ надеждѣ не быть уже болѣе тревожимымъ въ моемъ успокоеніи, и принужденъ былъ опять почти тотчасъ-же вскакивать отъ новаго наводненія и опять приниматься за очистку кожаной своей крыши. Я провелъ самую мучительную ночь, продрогъ, промокъ и ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Едва только показался день, какъ я поспѣшилъ выйдти изъ хижины и началъ бѣгать по разнымъ направленіямъ, чтобъ отогрѣть окоченѣвшіе свои члены. Когда я возвратился, семейство моего хозяина и самъ онъ еще спали посреди лужъ такъ спокойно, какъ-будто среди самой теплой и сухой комнаты. Наконецъ проснулись и они, разложили огонь и вся природа приняла для меня какой-то новый, улыбающійся видъ.

Холодъ, довольно ощутительный уже и тогда, когда я сдѣлалъ первый шагъ на эту несчастную землю, сталъ еще сильнѣе, а у меня не было никакихъ средствъ сносить суровость патагонской зимы. Мое непод-

нее платье, жилетъ, панталоны и куртка находились въ самомъ жалкомъ состояніи, и висѣли клочками; одна часть моего платья износилась сама отъ времени, другую я самъ изорвалъ, какъ было уже мною сказано, чтобъ дѣлать напрасные сигналы кораблямъ, замѣчаемымъ на проливѣ. Шейный мой платокъ, равно какъ и носовой, служили украшеніемъ женамъ стараго Парозильвера и сильно возбуждали зависть остальнаго прекраснаго патагонскаго пола. Единственная моя рубашка вся разлѣзлась и приняла такой неопредѣленный цвѣтъ, что все общество прачекъ цѣлой Европы не могло-бы утвердительно опредѣлить, какого цвѣта была она первоначально. Слой грязи и жиру, которыми были покрыты моя куртка и мои панталоны, обратили ихъ изъ суконныхъ въ настоящіе лаковые, или, точнѣе сказать, въ какіе-то какъ-бы стеклянные бутылочнаго цвѣта; башмаки мои тоже были не въ лучшемъ состояніи, и пальцы свободно могли изъ-подъ ихъ покрышки любоваться прелестью патагонскихъ окрестностей. Всѣ, что находилось, при моемъ прибытіи, въ карманахъ моего платья, какъ-то: кошелекъ, ключи, складной ножикъ и другія мелкія вещицы — все это было конфисковано патагонцами, находилось въ различныхъ рукахъ переходило въ игрѣ отъ одного патагонца къ другому, до безконечности. Пара пистолетовъ, которыхъ употребленіе патагонцы не знали, была сломана, чтобъ снять всю находившуюся на нихъ мѣдь и сталь, которую жены Парозильвера навѣсили себѣ на шею и красовались, какъ-будто пріобрѣли себѣ драгоцѣнные камни, или жемчугъ. Однимъ словомъ: первоначальная моя и обыкновенная наружность измѣнилась, и я напрасно придумывалъ, что предпринять мнѣ и какъ оградить себя отъ наступающаго суроваго времени года? Моему воображенію не представлялось ничего, и я видѣлъ, что, волею и неволею, мнѣ нисколько нельзя было заботиться о будущемъ днѣ, ни о чемъ нельзя было думать (разумѣется кромѣ свободы), и потому я разсудилъ лучше не отягощать головы напрасными помыслами. Меня подкрѣпляла еще при этомъ утѣшительная пословица: утро вечера мудренѣе.

Въ началѣ моего плѣна, старшина и многіе другіе патагонцы устремляли на мою одежду жадные взоры, пытались уговорить меня разными хитростями, не прибѣгая, впрочемъ, никогда къ насилію (что не перестаетъ удивлять меня и по сію минуту), чтобъ я сбросилъ съ себя одежду и надѣлъ ихъ спокойный и несвязывающій движенія первобытный костюмъ. Они не понимали, почему бѣлый имѣлъ такую нужду въ подобной искусственной оболочкѣ, тогда-какъ они обходятся безъ нея такъ легко; кожаный плащъ былъ, по ихъ мнѣнію, единственное одѣяніе, которое было необходимо порядочному человѣку. Убѣжде-

нія подобнаго рода продолжались довольно долго, до-тѣхъ-поръ, пока я не объяснилъ имъ, что къ этой одеждѣ я привыкъ съ дѣтства, что она предохраняла мое здоровье отъ всѣхъ неблагопріятныхъ перемѣнъ температуры и что я не могу снять ее, не подвергая опасности мою жизнь и, слѣдовательно, опасности и ихъ самихъ потерять чрезъ это обѣщанный табакъ, ромъ, пшеницу, хлѣбъ, ножи, мѣдь и прочее, имъ такъ щедро обѣщанное, за мою свободу. Это послѣднее обстоятельство, кажется, очень сильно подѣйствовало на патагонцевъ и они съ той поры ужъ никогда не заботились объ улучшеніи и преобразованіи моего наряда.

Ураганъ продолжался два дня и двѣ ночи; небо начало проясняться только на третій день. Около полудня этого дня я замѣтилъ большую толпу патагонцевъ обоего пола, собравшихся въ тѣсный кружокъ и разсуждавшихъ о чемъ-то съ большимъ одушевленіемъ Всякій говорилъ и кричалъ, какъ только могъ больше и громче. Я поспѣшилъ освѣдомиться о причинѣ этого страннаго волненія и узналъ, что будутъ колоть лошадь. Этотъ случай почитается обстоятельствомъ торжественнымъ у патагонцевъ. Мѣсто, избранное для закланія жертвы, назначено было невдалекѣ отъ нашей хижины, и я, отъ нечего дѣлать, пошелъ туда за туземцами. Бѣдная старая кляча, худая, надорванная, едва державшаяся на ногахъ, съ петлею на шеѣ, была окружена женщинами, которыя кричали оглушающимъ голосомъ какую-то погребальную симфонію, которой все содержаніе заключалось въ словахъ: *Иэ! иэ! юнъ! юнъ! ларъ, лапулли, уапулли!*

Этотъ безконечно повторяемый гимнъ такъ раздиралъ мой слухъ, что я поспѣшилъ отойдти подальше на благородное разстояніе.

Переднія ноги лошади были крѣпко связаны и потому нѣсколькими толчками ее опрокинули на землю и однимъ ударомъ ножа прекратили ея существованіе. Патагонцы такъ дорожатъ этими животными, что берегутъ ихъ до самой глубокой старости, и не прежде убиваютъ, какъ удостовѣрясь, что чрезъ нѣсколько дней лошадь должна сама издохнуть. По возвращеніи нашемъ въ вигамъ, намъ тотчасъ же принесли огромную часть лошадинаго мяса, предназначеннаго для торжественнаго обѣда. Нисколько не медля, женщины принялись, по обыкновенію очищать его отъ костей, рѣзать на куски, втыкать на заостренныя палки и познакомивъ конину немного съ огнемъ, бросали каждому собесѣднику дымящіеся, кровавые клочья своими грязными руками. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: или умирать съ голода, или сдѣлать честь этому лакомому блюду. Охота была очень неудачна, стадъ гуанако вблизи не показывалось, страусовъ также, а патагонцы не

были изъ числа тѣхъ охотниковъ, которые бы рѣшились пуститься на удачу за добычей и напрасно томить себя и безпокоить, когда у нихъ подъ рукою находилось все, что годно для ихъ желѣзныхъ челюстей. Я увѣренъ, что читатель извинитъ меня, послѣ этого поясненія въ томъ, что я пересилилъ свое отвращеніе и ѣлъ жесткое мясо съ такимъ аппетитомъ, съ которымъ онъ, конечно, въ иной разъ, не вкушалъ самый сочный и нѣжный ростбифъ.

На другое утро, съ разсвѣтомъ, мы снова сняли свои кожаныя жилища и пустились въ дорогу. Пространствовавъ цѣлыя сутки, патагонцы остановились и поставили свои хижины на мѣстѣ, очень мало отличавшемся своею почвою отъ покинутаго нами утромъ. Вѣрные принятому обыкновенію, тотчасъ же, по устройствѣ жилищъ, патагонцы принялись за игру и за уборку своихъ волосъ, которые, каждый поочередно, чесалъ другъ у друга щеткой, слѣланной изъ высушенныхъ кореньевъ.

Однажды вечеромъ семейство моего хозяина усѣлось кругомъ огня, распространявшаго самые густые клубы дыма, которые, кажется, очень радовали ихъ, потому-что цѣлое общество производило самое сладостное похрюкиванье, между-тѣмъ, какъ я, злополучный европеецъ, долженъ былъ обнимать крѣпко-прекрѣпко грудь общей нашей матери земли. Одна изъ женъ старшины забавлялась, осыпая меня ругательствами; ей вторила время отъ времени другая жена; третья разбивала кости гуанако, вынимала изъ нихъ мозгъ и кормила имъ маленькаго своего сына Коханако, преполненькаго, черномазаго уродца, похожаго больше на орангъ-утанга, чѣмъ на разумное существо, одаренное даромъ слова; четвертая и послѣдняя *сквау*, надсматривала за кускомъ мяса, жарившимся предъ камелемъ и предназначеннымъ на ужинъ.

Двое другихъ сыновей Парозильвера играли въ углу и прерывали свою драку только для того лишь, чтобъ попросить и на свою долю мозгу. Успокоивъ немного этимъ свой аппетитъ, черномордые амуры опять принимались за игру, бить и колотить другъ друга, причемъ часть ударовъ падала и на меня. Вдругъ старый Парозильверъ, безмолвно присутствовавшій при этихъ живыхъ картинахъ, началъ ворчать своимъ глухимъ, гортаннымъ голосомъ, что-то на ухо женѣ, наблюдавшей за приготовленіемъ ужина. Повинуясь словамъ своего милаго супруга и повелителя, *сквау* тотчасъ-же оставила свое кухонное занятіе и поспѣшно вынула изъ мѣшка, въ которомъ сохранялись разные инструменты и оружіе старшины, острый гвоздь, вставленный въ деревянную рукоятку. Въ ту-же минуту старый Парозильверъ распростерся ничкомъ на землѣ и снялъ свой плащъ; я догадался, что должна

будетъ произойдти какая-нибудь хирургическая операція, и не ошибся, и какого рода должна была быть эта операція и отъ какого тѣлеснаго недуга, лопнула-ли, какъ зрѣлый персикъ, кожа стараго Парозильвера отъ изумительной толщины, невиданной мною между патагонцами? Представлялась-ли необходимость перекроить и перешить великана, судя по гвоздю, который употребляли его жены при шитьѣ гуанаковыхъ плащей? Мнѣ было очень любопытно удостовѣриться, и потому, не смотря на сильный дымъ, выѣдавшій мнѣ глаза и заставлявшій невольно плакать, я приподнялся на колѣна и началъ внимательно всматриваться. Жена Парозильвера, принявшая на себя должность хирурга, начала тогда втыкать гвоздь въ спину паціента и продолжала колоть до-тѣхъ-поръ, пока вся спина не покрылась сплошь густою черною кровью. Парозильверъ сносилъ эти проколы такъ терпѣливо и такъ хладнокровно, какъ-будто ему приставили только сотню піявокъ.

По окончаніи операціи, я спросилъ у Парозильвера: что́ заставило его рѣшиться на то, чтобъ такъ рѣшетили его кожу?

— У меня заболѣла поясница, — отвѣчалъ онъ мнѣ:—а это самое лучшее средство противъ всѣхъ болей и ломотъ.

Я поспѣшилъ замѣтить ему тогда, что въ моемъ отечествѣ имѣютъ, въ этихъ случаяхъ, бо́льшее уваженіе къ человѣческой кожѣ, и при подобныхъ недугахъ употребляютъ обыкновенно только одно наружное лекарство, жидкость, именуемую *оподельдокъ*, лекарство самое дѣйствительное, котораго я непремѣнно дамъ ему одну стклянку, какъ только онъ доставитъ меня, на вымѣнъ, въ его «*Голландію*».

Парозильверъ былъ повидимому очень радъ этому обѣщанію, потому-что всегда, когда я напоминалъ ему впослѣдствіи о его словѣ представить меня въ *Голландію* и торопилъ отъѣздомъ, повторялъ мнѣ:

— Хорошо, хорошо! Но только, смотри, прибавь къ рому, табаку, ножамъ, муки, рису, украшеніямъ для моихъ женъ и твоей воды отъ спинной боли.

Нисколько не заботясь объ унятіи крови, старый Парозильверъ всталъ на ноги и оперся объ одинъ изъ деревянныхъ отрубковъ, служившихъ основаніемъ его шалаша. Одна изъ трехъ остальныхъ его женъ сняла съ деревяннаго вертѣла мясо, бросила его полусырое на землю, на которой за минуту предъ этимъ лежалъ больной старшина, и отнявъ у дѣтей ножикъ, которымъ они играли и очищали свои ноги отъ нароста грязи и сажи, раздѣлила кусокъ жаркаго на большіе куски и начала бросать ихъ каждому изъ членовъ семейства, ловившему ихъ на-лету. Я былъ также удостоенъ этого лакомства! Аппетитъ Парозильвера нисколько повидимому не убавился отъ его нездоровья и отъ

того оригинальнаго врачебнаго пособія, которое онъ испытывалъ. Въ одно мгновеніе ока, часть, предназначенная ему—самая львиная доля—исчезла въ его широкой гортани за рядомъ крѣпкихъ, бѣлыхъ и подобныхъ лошадинымъ, зубовъ.

Ревматическія боли очень обыкновенны между патагонцами. Одна изъ женъ Парозильвера страдала также ревматизмомъ и получила пособіе посредствомъ той-же самой операціи, которую я описывалъ. Ей искололи всю руку отъ плеча до кисти. Это врачеваніе повторялось потомъ, и неоднократно, и надъ прочими членами достойнаго семейства моего хозяина.

Мы недолго оставались на этомъ новомъ мѣстѣ и скоро двинулись опять въ путь, если только не ошибаюсь по направленію къ западо-востоко-западу и, уничтожая дорогою множество гуанако и страусовъ, запаслись на продолжительное время съѣстными припасами. Такой тяжелый образъ жизни, чисто животная пища, постоянно все полусырая говядина, безъ иной перемѣны, кромѣ принужденной діэты въ продолженіе двухъ, а иногда даже трехъ и четырехъ дней, сильно подѣйствовали наконецъ на мое здоровье: у меня сильно разстроилось пищевареніе; я, впрочемъ, долженъ былъ ожидать этого и напрасно пріискивалъ медицинскія средства, чтобы возстановить обыкновенныя дѣйствія желудка. Гдѣ можно было найдти мнѣ какое-бы то ни было лекарство, кромѣ, какъ, развѣ, позволить также рѣшетить себѣ животъ, какъ Парозильверъ—спину?

Послѣ двухсуточнаго странствованія, патагонцы остановились близъ рѣки Галлегоса. Между возвышенными берегами этой рѣки струилась чистая, прозрачная вода, теряясь въ болотистой почвѣ. Болѣзнь моя до того усилилась, что я наконецъ началъ думать о приближающемся часѣ преждевременной смерти. Для излеченія недуга мнѣ оставалось только одно средство: перемѣнить образъ жизни и пищу; но какъ можно было мнѣ это сдѣлать и какъ уничтожить губительное зло въ самомъ его началѣ, пока оно не развилось еще болѣе? Къ упадку физическихъ силъ присоединился еще упадокъ моральный—потеря духа и воли. Ни одно существо человѣческое въ этой пустынной землѣ не заботилось о моихъ страданіяхъ; никто даже, кажется, не замѣчалъ ихъ, будто я былъ не болѣе, какъ шелудивая собака. Мысль о смерти тѣмъ болѣе устрашала меня, что къ ней постоянно начало примѣшиваться воспоминаніе о женѣ и о дѣтяхъ, которыхъ я оставилъ на родинѣ, о судьбѣ, которая ожидала ихъ, когда останутся, безъ покровителя и защитника, одинокими сиротами. Посреди этихъ безотрадныхъ соотановокъ, среди этихъ мыслей, уничтожавшихъ послѣднюю мою тверe-

дость, у меня оставался единый, могучій другъ и утѣшитель — несомнѣнная надежда на Провидѣніе.

Не проходило дня, чтобы я по нѣскольку разъ не выползалъ изъ хижины, чтобы полюбоваться солнцемъ и подышать свѣжимъ воздухомъ. Мнѣ пришло однажды на мысль, что мнѣ могутъ быть полезны какія-нибудь растенія и нѣкоторые корни, потому-что, для возстановленія здоровья, мнѣ прежде всего нужно было отстать отъ употребленія полусыраго мяса. Осматривая окрестности, я замѣтилъ одно растеніе изъ породы папоротниковъ, общее всѣмъ американскимъ полосамъ, очень невидное и очень слабое, но почему было—вопросъ—не попробовать его свойства? Въ моемъ положеніи нельзя было быть ни разборчивымъ, ни прихотливымъ, и потому я рѣшился не откладывать далѣе поисковъ къ измѣненію моего обыкновеннаго стола. Собравъ послѣднія оставшіяся силы, я принялся прилежно выкапывать корни этого папоротника и собирать ихъ. Возвратясь въ хижину, я тотчасъ же испекъ ихъ въ горячихъ угольяхъ патагонскаго костра. Вкусъ корней оказался довольно сноснымъ; лекарство было найдно! Каждый день наполнялъ я этими корнями карманы и только ихъ и ѣлъ. Такая перемѣна пищи очень много способствовала къ поправленію моего здоровья: съ каждымъ днемъ я чувствовалъ себя бодрѣе и крѣпче; притомъ, на мое счастіе, погода стояла до того дурная, патагонцы пять дней не снимали своихъ палатокъ и проводили время въ пріятномъ far niente. Не помоги мнѣ это обстоятельство, я бы пропалъ: верхомъ на лошади я сидѣть не могъ; что же касается до того, чтобы слѣдовать за патагонцами пѣшкомъ, то я очень хорошо постигъ ихъ характеръ: они скорей рѣшились бы разбить мнѣ голову, чѣмъ согласились бы отсрочить изъ за меня свои сборы даже на одинъ день; они бы также и не согласились идти медленнѣе.

Чрезъ нѣсколько дней другая лошадь, также старая и никуда негодная, какъ и первая, была убита съ обычною церемоніей. Я не участвовалъ въ уничтоженіи ея остатковъ, потому-что карманы мои наполнены были болѣе здоровою и болѣе привлекательною провизіей; но я очень легко могъ предвидѣть ожидавшую меня участь по участи бѣдной лошади, если-бы мнѣ, какъ и ей, суждено было умереть въ этой пустынѣ отъ истощенія силъ.

Скоро мы снова двинулись въ путь. Въ этотъ разъ направленіе было перемѣнено и мы начали спускаться внизъ по теченію рѣки.

На первомъ роздыхѣ служба моя и обязанности измѣнились и я былъ удостоенъ отъ моего хозяина новаго назначенія. Было около двухъ часовъ пополудни, когда я, пообѣдавъ своими спасительными корнями, по-

шелъ бродить между патагонскими хижинами, чтобы какъ-нибудь убить скучное время и разсѣять мрачныя мысли, которыя, противъ моего желанія, лѣзли мнѣ въ голову и представляли картины самыя безотрадныя. Возвращаясь на свою квартиру, на логовище въ углу, я услышалъ голосъ стараго Парозильвера, который, приподнявъ кожаный пологъ входа, кричалъ мнѣ торопливо:

— Арке, Боней! Арке, Боней!

Поспѣшивъ явиться на призывъ, я увидалъ старшину разговаривающаго съ дочерью, съ той самой, которой бракъ былъ описанъ мной выше; голосъ Парозильвера былъ еще глуше и гортаннѣе, чѣмъ когда-либо. Молодая патагонка шершавила рукой густые волосы своего милаго сынка. Казалось, что она находила какую-то некрасивость въ хохлѣ его прически, и надѣялась на мою помощь для приведенія кудрей въ надлежащій порядокъ. Старый Парозильверъ не далъ мнѣ времени углубляться въ разныя предположенія и тотчасъ приказалъ обстричь нѣкоторую часть вышеупомянутаго хохла. Напрасно отговаривался я, по принятому мною правилу, отъ исполненія этого приказанія неимѣніемъ приличнаго орудія. Топнувъ сердито ногой, мать приказала мнѣ умолкнуть и отрыла гдѣ-то ржавыя ножницы, которыми, казалось мнѣ, не могъ бы никого выстричь самый опытный и искусный парикмахеръ. Чтобы сколько-нибудь выиграть время и отдалить отъ себя противную минуту, я потребовалъ подпилка, чтобы снять покрайней-мѣрѣ ржавчину; къ моему несчастью, нашелся и кое-какой опилокъ; потомъ я взялъ камень и медленно началъ оттачивать концы. Дикари ожидали окончанія моей работы съ большимъ терпѣніемъ; наконецъ я все сдѣлалъ; отговариваться болѣе причинъ въ виду не имѣлось, и, я скрѣпя сердце, приступилъ къ дѣлу. Какіе волосы и какую невообразимо насаленную голову суждено было мнѣ стричь! Какихъ ароматовъ были вмѣстилищемъ тѣ щетинообразныя пряди! Я невольно закрылъ въ первую минуту глаза и сомкнулъ рукой ноздри. Что-же потомъ? спроситъ меня читатель? Потомъ—увы! я исполнилъ съ большимъ вниманіемъ и съ самою веселою улыбкою отвратительное ремесло, къ которому меня принудили, отрѣзалъ, какъ слѣдуетъ, хохолъ со всѣми его обитателями, и поспѣшно вышелъ изъ хижины, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

«Вотъ,—думалъ я про-себя:—вотъ я теперь сдѣлался и парикмахеромъ, противъ моего желанія! Что, если, найдя мою стрижку удовлетворительною, придетъ вдругъ желаніе цѣлому патагонскому племени подставлять мнѣ, для уборки, свои шершавыя головы—что тогда будетъ со мною?»

Благодаря Бога, опасенія мои не сбылись; черные великаны слишкомъ много дорожатъ своими густыми и длинными гривами, такъ точнѣе всего можно назвать патагонское руно. Горькая чаша минула меня!

Въ новомъ переходѣ мы переправились черезъ рѣку Галлегосъ въ бродъ; вода доставала нашимъ лошадямъ только до колѣнъ, но теченіе ея было очень быстро и покрыто осколками льда. На самой серединѣ рѣки, лошадь, на которой я ѣхалъ, чего-то испугалась, поднялась на дыбы и, желая сдѣлать слишкомъ крутой поворотъ, опрокинулась въ воду и придавила меня своею тяжестью. Неохотный нырокъ и ушибъ, какъ неизбѣжное его слѣдствіе, были, конечно, непріятны и мучительны сами по себѣ; но, что еще хуже, къ довершенію моего злополучія во время этого паденія, я разбилъ стекло моихъ карманныхъ часовъ. Сколько ловкости и хитрости должно было мнѣ употребить, чтобъ скрыть часы эти отъ поисковъ черныхъ грабителей! Часы эти оставались для меня послѣднимъ средствомъ забавлять ихъ и сохранять ихъ расположеніе, когда истощатся всѣ прочіе способы развлеченія: когда истощенная память и воображеніе не будутъ болѣе снабжать меня удивительными сказками; когда мои обѣщанія, повторяемыя мною патагонцамъ, каждый день потеряютъ для нихъ свою прелесть, по долгому неисполненію и, наконецъ, когда-то мнимое величіе, которымъ я пользовался въ Америкѣ, какъ мнѣ удалось ихъ увѣрить, начнетъ мало-по-малу лишаться своей обаятельной силы отъ постоянныхъ и все бо́льшихъ и бо́льшихъ униженій, которыя заставляли меня терпѣть патагонцы.

Побарахтавшись нѣкоторое время въ водѣ, совершенно оледенившей меня, мнѣ удалось наконецъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія вмѣстѣ съ старою клячей. Она вскочила на ноги, я поспѣшилъ сдѣлать то же самое, и оба мы, конь и всадникъ, источая воду, достигли, одинъ за другимъ, противоположнаго берега среди громкаго смѣха и презрительнаго чуканья цѣлаго племени. Я снова взобрался кое-какъ на сѣдло, но такъ окоченѣлъ отъ этой неожиданной ванны, что почти тотчасъ-же долженъ былъ спрыгнуть на землю и вести лошадь за поводъ, чтобъ быстрымъ бѣгомъ разогрѣть кровь и возвратить членамъ необходимую имъ животную теплоту. Мы ѣхали внизъ по теченію рѣки по направленію къ Атлантическому океану.

Охота во время этого близкаго перехода была очень неудачна и мы снова раскинули наши палатки безъ всякой надежды имѣть на другой день какую-нибудь пищу, для подкрѣпленія силъ утомленныхъ продолжительною дорогой. Жены Парозильвера развели огонь и я поспѣшилъ приблизиться къ нему, какъ можно ближе, чтобъ просушить по

крытое ледяной корою платье; но надежда и тутъ обманула меня; я успѣлъ высохнуть только вполовину и, дрожа отъ холода, усталый, проголодавшійся, бросился на мою кожаную гуанаковую постель.

Погода на другой день стояла очень бурная, но къ полудню небо немного очистилось, вѣтеръ утихъ, дождь и снѣгъ также уменьшились и патагонцы рѣшились отправиться на охоту, чтобъ запастись кое-какою провизіей.

Единственнымъ моимъ кушаньемъ, для утоленія голода, въ ожиданіи будущихъ благъ отъ удачной охоты, было немного жиру, который остался мнѣ послѣ одной изъ женъ Парозильвера. Читатель не можетъ себѣ представить, съ какою жадностью глоталъ я это вещество, которымъ-бы, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, не рѣшился вымазать старыхъ башмаковъ. Охотники возвратились, хотя не скоро, но зато привезли страусовъ и *зунковъ*. * Парозильверъ получилъ на свою долю одного изъ этихъ четвероногихъ, котораго мясо не могло слишкомъ располагать аппетитъ въ его пользу; но въ этотъ разъ я совершенно позабылъ объ условіяхъ изящнаго вкуса, и обратился въ настоящаго патагонца самой чистой крови.

Въ теченіе трехъ сутокъ, которыя мы провели на нашемъ новомъ притонѣ, карманные часы мои, скрываемые до той поры съ такимъ тщательнымъ искусствомъ и хитростью, были наконецъ открыты, по неожиданному случаю, и появились на патагонскій свѣтъ. Невообразимая неопрятность туземцевъ какъ самихъ, такъ, болѣе, и жилищъ ихъ, расположаютъ насѣкомыхъ. Какія я ни предпринималъ предосторожности, чтобъ спастись отъ нашествія ихъ, все было тщетно! Враги наконецъ овладѣли мной совершенно; меня осыпали цѣлые міріады, и я терпѣлъ неслыханныя мученія отъ этихъ кровопійцъ. Въ первый разъ, во все продолженіе моего плѣна, старый Парозильверъ выказалъ ко мнѣ большое участіе. Видя мои страданія, онъ пожелалъ, чтобъ мое трудное состояніе было освидѣтельствовано, и приказалъ одному изъ патагонскихъ практиковъ избавить меня отъ безпокойныхъ гостей по всѣмъ правиламъ его высокаго искусства.

Когда я сталъ снимать съ себя для этого осмотра свои лохмотья, старшина замѣтилъ на груди моей сокрытое сокровище. Видя, что мнѣ не сохранить часы въ своей собственности, я, безъ всякаго колебанія, подалъ ихъ Парозильверу. Наружность часовъ привела его видимо въ восторгъ, потому-что онъ радостно похрюкивалъ и почмокивалъ; но то-ли еще было

* Капитанъ Борнъ называетъ, кажется, этимъ именемъ животное, принадлежащее къ породѣ грызуновъ, двуутробокъ, издающихъ непріятный запахъ.

съ нимъ, когда я, взявъ ключикъ, завелъ механизмъ и приложилъ часы къ его уху. Никогда дитя, видя какую-нибудь мудреную и блестящую игрушку, не было-бы въ состояніи дойдти до того безумнаго восторга, который выказалъ старый патагонецъ! Я началъ объяснять ему значеніе стрѣлокъ, внутреннее устройство, употребленіе ключика, но онъ показалъ такое презрѣніе ко всему и былъ только занятъ стукомъ колесъ: часовой ходъ казался ему чудомъ, неслыханнымъ и даже во снѣ невиданнымъ никѣмъ изъ смертныхъ, существующихъ на нашей круглой планетѣ. Разсказавъ потомъ Парозильверу случай, въ которомъ разбилось стекло у часовъ, я обѣщалъ ему вставить новое тотчасъ-же, послѣ прибытія нашего въ «Голландію».

— Хорошо, очень хорошо!—отвѣчалъ благосклонно старшина:—доставь мнѣ рому, табаку, ножей, рису, украшеній для моихъ женъ, жидкости отъ спинной боли и стекло, о которомъ говоришь ты, и я тотчасъ-же свезу тебя въ Голландію и передамъ съ рукъ на руки бѣлымъ.

Послѣ осмотра, произведеннаго, по приказанію Парозильвера и въ его присутствіи, оказалось что тѣло мое поражено было накожною болѣзнью. Патагонскій старшина съ хладнокровіемъ и рѣшительнымъ видомъ опытнаго человѣка размѣнялся нѣсколькими словами съ моимъ операторомъ, который, тотчасъ-же, послѣ этого непонятнаго мнѣ разговора, сталъ противъ меня, уставилъ на меня неподвижно свои круглые, черные глаза, разсѣкъ руками нѣсколько разъ воздухъ и принялся рычать такъ, какъ не рычитъ иной самый дикій и лютый звѣрь. Сравненіе это было очень удачно прибрано мною и не было нисколько преувеличено, какъ оказалось впослѣдствіи, потому-что инспекторъ мой, порычавъ нѣсколько минутъ, вдругъ неожиданно прыгнулъ, впился мнѣ въ шею своими острыми зубами и началъ сосать кровь, сопровождая это дѣйствіе тѣмъ-же тигровымъ рычаньемъ.

Въ первую минуту я подумалъ, что послѣдній часъ земнаго существованія наступилъ для меня и что я буду съѣденъ живымъ; но лицо Парозильвера успокоило меня. На чертахъ его отражалось то же самое благосклонное участіе, которое я замѣтилъ уже передъ началомъ медицинскаго осмотра. Я насилу успѣлъ высвободиться изъ объятій моего чудовищнаго врача, который могъ получить привычку къ вкусу моей европейской крови, и наконецъ гдѣ-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ разорвать меня на части для своего канибальскаго завтрака; я убѣдился впослѣдствіи, что подобное высасываніе крови почитается патагонскою ученостью самымъ вѣрнымъ и правильнымъ леченіемъ противъ всѣхъ накожныхъ болѣзней.

Старый Парозильверъ не могъ разстаться съ часами и, не отнимая

ихъ ни на секунду отъ уха, все еще жадно прислушивался къ ходу колесъ. Я тщательно завернулъ волшебное сокровище въ холщевую тряпку оторванную отъ моей рубашки, сверхъ которой намоталъ еще шкуру, снятую съ молодаго жеребенка и, по требованію дѣйствительнаго владѣльца часовъ, повѣсилъ ихъ, между подобными же рѣдкими вещами, на одномъ изъ суковъ той жерди, близъ которой онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать отъ трудныхъ дѣлъ управленія. Впрочемъ, бѣднымъ моимъ часамъ не суждено было оставаться въ покоѣ на предназначенномъ имъ мѣстѣ, потому-что я чрезъ нѣсколько минутъ получилъ новое приказаніе: снять ихъ опять, развернуть двойную обертку и держать подъ ухомъ каждаго новаго посѣтителя, любопытствующаго посмотрѣть на такую невиданную диковину. Почти пятьдесятъ разъ въ день мнѣ нужно было снимать часы и освобождать ихъ изъ футляра. Новая обязанность эта до того мнѣ наскучила и до того утомила, что я отъ всей души желалъ злополучнымъ часамъ ненарушимаго покоя въ глубинѣ океана.

Слушая таинственное біеніе часовъ, патагонцы принимали самыя разнообразныя положенія, вытаращивали глаза и лица ихъ выражали радость и удивленіе, никакимъ перомъ неизобразимыя. Нѣмое удивленіе ихъ смѣнялось потомъ самымъ дикимъ и звѣрскимъ смѣхомъ и воемъ, которые рѣзко отличались отъ ихъ дѣтскаго поведенія и младенческой простоты, выказываемой смѣшными и безсмысленными гримасами Въ этомъ смѣхѣ отражалась вся врожденная дикость и звѣрство этихъ черныхъ великановъ. Повторяю опять, что новая должность дѣлалась для меня несноснѣе съ каждымъ днемъ, но между-тѣмъ я видалъ также очень явно, что въ этомъ маленькомъ часовомъ механизмѣ скрывалось для меня новое, безграничное вліяніе надъ дикарями. Вся моя будущность зависѣла, быть-можетъ, отъ хода часовъ. Я очаровалъ имъ Парозильвера и поразилъ удивленіемъ и почтительнымъ страхомъ цѣлое остальное патагонское племя. Магическая палка волшебника не могла-бы произвести бо́льшаго эффекта. Оставалось только угадать, не обратится-ли это временное огромное вліяніе, которое я успѣлъ поселить въ умахъ патагонцевъ, впослѣдствіи времени въ какое-нибудь неминуемое для меня несчастіе. Я предоставилъ все мое будущее въ руки благаго Провидѣнія и думалъ: пусть будетъ, что́ будетъ, а будетъ то, что́ Богъ дастъ!

Мы опять вскорѣ снялись съ мѣста и направили нашъ поѣздъ по направленію западо-сѣверо-запада. Въ продолженіе этого пути патагонцы не только убили множество гуанаковъ, страусовъ и другихъ животныхъ, но намъ еще, въ добавокъ, представился случай поохотиться за однимъ молодымъ туземнымъ львомъ, котораго патагонцы, какъ я уже сказалъ,

называютъ *кугуаромъ*, то-есть то-же львомъ, хотя онъ имѣетъ съ этимъ животнымъ только то сходство, что принадлежитъ къ одной и той-же кошачьей породѣ. Дикій звѣрь этотъ былъ первымъ живымъ образцомъ, который мнѣ удалось видѣть въ продолженіе всего моего плѣна, хоть многіе изъ патагонцевъ и имѣли у себя въ виггамахъ кожи кугуара и очень часто разсказывали эпизоды изъ охоты за этимъ свирѣпымъ четвероногимъ.

Я ѣхалъ бокъ-о бокъ съ Парозильверомъ по ложбинѣ, покрытой густымъ, но малорослымъ кустарникомъ, когда собаки, спокойно бѣгавшія до-тѣхъ-поръ по разнымъ направленіямъ, громко залаяли, завыли и показали тѣмъ, что напали на слѣдъ необыкновеннаго звѣря, за которымъ привыкли постоянно охотиться патагонцы. Мы тотчасъ же остановились и патагонскій старшина закричалъ собакамъ:

— Шевъ! шевъ! шевъ!

Но и безъ этого крика собаки бросились въ кустарникъ съ самымъ усиленнымъ лаемъ и воемъ и въ самое короткое время принудили звѣря покинуть свое временное логовище. Остальная группа патагонцевъ, остававшаяся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, смекнувъ въ чемъ предстоитъ надобность, присоединилась къ намъ съ новыми стаями собакъ. Охота началась въ одну минуту съ самымъ сильнымъ разгаромъ. Лошади, всадники, собаки, стекаясь со всѣхъ сторонъ, сталкивались между-собою на избранномъ мѣстѣ еще неизвѣстнаго боя съ такими громкими криками, завываньями и лаемъ, которые могли-бъ устрашить, на нѣкоторое время, не только молодаго, но и стараго льва. Одни изъ патагонцевъ принялись скакать во весь галопъ по прямой линіи, чтобъ пересѣчь дорогу кугуару, между-тѣмъ, какъ другіе охотники, съ обнаженными головами, какъ и первые, наклонившись къ сѣдламъ и шпоря лошадей, потрясали своими грозными *бола* и бросали ремни во всю ихъ длину со всею силою, для того лишь, чтобъ пріостановить на минуту разсвирѣпѣвшаго звѣря и заставить его вернуться къ собакамъ, которыя отскакивали отъ него и убѣгали съ визгомъ. Прочія, самыя отважныя изъ стаи, прыгали на спину кугуара и, запустивъ свои острые зубы въ его кожу, висѣли на немъ какъ піявки; но кугуаръ однимъ ударомъ своей лапы отбрасывалъ ихъ отъ себя на далекое разстояніе и принимался прыгать по полю, останавливаясь по временамъ только для того, чтобъ отразить новое нападеніе и погладить снова лапой бока неотвязчивыхъ собакъ.

Между-тѣмъ *бола* продолжали свистать вокругъ убѣгавшаго льва, но его проворныя и гибкія ноги всегда выпутывались изъ обвивавшихъ ихъ путъ; наконецъ патагонцамъ удалось окружить кугуара и опутать своими

бола. Тогда бой сдѣлался еще жесточе. Шевъ! шевъ! кричали патагонцы, подстрѣкая своихъ собакъ, которыя бросились на кугуара съ новою яростью. Послѣ продолжительнаго сопротивленія, кугуаръ палъ и былъ добитъ охотниками.

Во все продолженіе охоты я стоялъ въ почтительномъ разстояніи, и только тогда подошелъ посмотрѣть на патагонскаго льва, когда радостные клики охотниковъ и вой израненныхъ собакъ, ползавшихъ по землѣ, показали мнѣ, что опасности никакой нѣтъ. Убитый кугуаръ былъ еще молодъ и ростомъ равнялся росту шестинедѣльнаго теленка; шерсть его была мягка и гладка грязно-серебрянаго цвѣта, испещренная черными пятнами. Голова его очень походила на кошечью; формы кугуара были красивы и пропорціональны

Полюбовавшись нѣсколько минутъ своею жертвой и поспоривъ о томъ, кому принадлежитъ слава называться истиннымъ побѣдителемъ льва, патагонцы перекинули его чрезъ спину лошади и продолжали обыкновенную охоту.

Чрезъ нѣсколько времени собаки подняли стаю страусовъ и старый Парозильверъ тотчасъ-же пришпорилъ свою лошадь и помчался, какъ стрѣла, потрясая ремнями бола. Плащъ его, перевязанный у пояса, падалъ на спину лошади; его длинные и жесткіе волосы развѣвались по вѣтру и каждый изъ нихъ какъ-будто подымался отдѣльно; отвратительныя линіи, которыми было исписано тѣло его, довершали картину.

Едва только ремень обвивалъ на бѣгу страуса, старый Парозильверъ, вскакивалъ на сѣдлѣ на ноги, издавалъ радостный ревъ и потомъ, спрыгнувъ на землю, свертывалъ птицѣ шею, перекидывалъ потомъ страуса мнѣ и продолжалъ преслѣдовать прочихъ, съ которыми поступалъ точно такъ же; я долженъ былъ связывать птицъ попарно и укладывать ихъ за собою и предъ собою на лошадь; въ этотъ разъ я принялъ на себя обязанность экономa. Прочіе патагонцы принялись преслѣдовать стадо гуанакъ съ равнымъ успѣхомъ и съ подобною же ловкостью. Охота въ тотъ день была самая обильная, какую только мнѣ удавалось видѣть во все время моего пребыванія въ Патагоніи. Передъ вечеромъ мы достигли до высокихъ, густыхъ кустарниковъ и остановились для отдыха; тотчасъ-же разложили костры, чтобъ изжарить на нихъ нѣсколько убитой дичи; остальная часть, равно какъ и остатки отъ нашего ужина, мы привезли въ нашъ таборъ, гдѣ всѣ женщины и дѣти привѣтствовали охотниковъ самыми оглушительными воплями, радуясь необыкновенному успѣху. Я успѣлъ въ первый разъ утащить себѣ частицу страуса и, изжаривъ ее совершенно по-европейски, поужиналъ какъ Лукуллъ. Не смотря на обильную охоту, благодаря прожорливости патагонцевъ, за-

пасы наши держались недолго и, время отъ времени, старый Парозиль веръ, ставъ предъ пологомъ своей хижины, произносилъ къ патагонскимъ охотникамъ разныя краснорѣчивыя воззванія и представлялъ имъ необходимость снова собраться на охоту, чтобъ жены, дочери и дѣти имѣли возможность полакомиться мясомъ и жиромъ. По какому-то странному случаю, при этихъ рѣчахъ Парозильвера, никогда не приходилось мнѣ видѣть слушателей; они были невидимками; и если во время завываній старшины, случилось проходить кому-нибудь изъ патагонцевъ нечаянно, по своей надобности, то онъ тотчасъ же входилъ въ первую ближайшую хижину и оставался въ ней во все время, пока Парозильверъ ораторствовалъ. Но, впрочемъ, этимъ не всегда еще можно было избѣжать рѣчей Парозильвера, потому что онъ обладалъ такими сильными лёгкими, что слова его должны были отзываться не въ одномъ какомъ-нибудь ближнемъ виггамѣ. Что касается до величины этихъ рѣчей, то онѣ никогда не продолжались менѣе часа и, по своимъ вскрикиваньямъ и неровному повышенію и пониженію голоса, очень походили на крики нашихъ разнощиковъ или публичныхъ германскихъ ночныхъ сторожей.

Принявъ какой-нибудь одинъ періодъ, ораторъ на нѣсколько минутъ пріостанавливался и какъ-бы вызывалъ своихъ невидимыхъ слушателей на благородное преніе, или краснорѣчивое состязаніе, повторяя много разъ:

— Комоль! комоль! комоль!

Послѣ этихъ словъ Парозильверъ умолкалъ на минуту, какъ-бы прислушиваясь къ отвѣту или возраженію, о которыхъ никто нисколько не заботился, и потомъ снова продолжалъ свой пѣвучій монологъ.

Однажды послѣ обѣда, когда я, не знаю о чемъ-то сильно размечтавшись, вдругъ началъ скучать отъ долгаго нашего кочевья на одномъ и томъ-же мѣстѣ, какъ-будто догадавшись о чемъ я сожалѣлъ, старый Парозильверъ, вошедшій въ ту минуту въ хижину, объявилъ мнѣ, что мы въ тотъ же день вечеромъ двинемся въ путь на новую стоянку. Въ-самомъ-дѣлѣ, чрезъ нѣсколько часовъ женщины начали ужъ приготовляться къ отъѣзду, когда одна изъ дочерей Парозильвера, вбѣжала къ намъ въ палатку, держа на рукахъ ребенка, который кричалъ во все горло. Причины, изложенныя матерью, пріостановили дорожныя сборы и Парозильверъ тотчасъ-же поспѣшилъ отправить посла къ одному патагонцу, почитавшемуся за великаго знахаря въ дѣлѣ врачеванія, съ приказаніемъ, чтобъ тотъ явился въ ту-же минуту. Докторъ не заставилъ долго ждать себя; онъ явился съ двумя маленькими мѣшечками, въ четверть длиною и вершка три-четыре въ діаметрѣ; мѣшечки эти тщательно завернуты были въ гуанаковую кожу, какъ какое-нибудь самое хрупкое и подверженное порчѣ сокровище. Пройдясь

нѣсколько минутъ взадъ и впередъ съ самымъ торжественнымъ и таинственнымъ видомъ, врачъ бережно положилъ свою ношу на землю и сѣлъ рядомъ съ матерью больнаго патагоненка, котораго она не выпускала изъ рукъ и сжимала его съ заботливостью самою ужасающею за крѣпость его маленькихъ членовъ. Я не зналъ, какого рода недугъ угнеталъ внучка Парозильвера, но только былъ увѣренъ въ одномъ, что лёгкими страдать онъ ужъ никакъ не могъ, потому-что мычалъ такъ сильно, какъ молодой буйволъ. Нѣсколько минутъ прошли въ самомъ глубокомъ молчаніи, въ продолженіе котораго докторъ не переставалъ спускать глазъ своихъ съ глазъ маленькаго пацієнта, какъ-бы желая намагнитизировать его своимъ взглядомъ. Отъ оглушающихъ криковъ Парозильверова отродья, у меня звенѣло въ ушахъ; но вдругъ водворилась совершенная тишина, или потому, что больной въ-самомъ-дѣлѣ почувствовалъ кой-какое облегченіе, или потому, что ужъ усталъ кричать; послѣднее казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Тогда туземный эскулапъ возвысилъ голосъ и важнымъ тономъ приказалъ обложить патагоненка глиной, которую тотчасъ-же принесли и которую мать больнаго принялась мѣсить руками и смачивать своей слюной, чтобъ придать замерзлой глинѣ необходимую мягкость и жидкость. Когда этотъ спасительный врачебный пластырь приведенъ былъ въ надлежащій видъ родительскою заботливостью, патагонка вымазала этимъ наружнымъ средствомъ своего сына съ ногъ до головы, такъ густо, что формы маленькаго уродца измѣнились и эта глиняная масса получила самую смѣшную и оригинальную наружность. Штукатурка эта была повидимому несовсѣмъ по вкусу больному, потому-что онъ снова началъ рычать самымъ сильнымъ голосомъ и, казалось, готовъ былъ каждую минуту надорваться отъ крика.

Между-тѣмъ, туземный докторъ развязалъ свои мѣшечки, въ которыхъ, я полагалъ, заключалась у него походная аптека: какія-нибудь травы и инструменты; но онъ, вмѣсто всего этого, вынулъ мотокъ страусовыхъ жилъ и деревянную вертушку, похожую на тѣ вѣтряныя мельницы, которыя дѣлаютъ себѣ дѣти, утверждая нѣсколько палочекъ крестообразно на горизонтальной палкѣ. Развернувъ страусовыя жилы, докторъ началъ перепутывать ихъ между пальцами и бормотать какія-то слова. Это продолжалось пять или шесть минутъ, по истеченіи которыхъ патагонецъ взялъ вертушку и минуты три-четыре вертѣлъ ее съ удивительною скоростью надъ своей головой. По окончаніи этого таинственнаго для меня упражненія, докторъ опять усѣлся рядомъ съ больнымъ, посмотрѣлъ ему снова нѣкоторое время въ глаза и обернулася съ важнымъ видомъ къ старому Парозильверу, который сидѣлъ и

своей лошадиной кожѣ, поджавъ подъ себя ноги, наклонивъ тѣло впередъ и, сложивъ на груди руки, съ озабоченнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами врачеванія.

Благодѣтельный мудрецъ патагонскій первый прервалъ общее молчаніе:

— Мнѣ кажется, что ребенку лучше, — произнесъ онъ:—какъ ты полагаешь, въ свою очередь?

Старый Парозильверъ кивнулъ головой и проворчалъ благосклонно въ знакъ того, что и онъ подобнаго же мнѣнія. Докторъ обратился потомъ съ тѣмъ-же самымъ вопросомъ къ матери и получилъ тотъ-же удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ этого, эскулапъ предписалъ сдѣлать новую глиняную форму на маленькаго патагоненка; штукатурка сопровождалась тою-же самою оглушительною мелодіею, какъ и первая. Въ продолженіе того времени, какъ мальчишка заключался въ своемъ глиняномъ футлярѣ, докторъ опять наматывалъ себѣ на пальцы страусовыя жилы и вертѣлъ надъ головою вертушку. Задыхаясь отъ крика, ребенокъ наконецъ опять умолкъ и тогда докторъ произнесъ вторично, обращаясь и къ Парозильверу и къ матери:

— Я думаю, что ребенку теперь совершенно хорошо. Какъ вы полагаете?

Оказалось, что старшина и дочь его полагали то же самое, что и докторъ. Парозильверъ досталъ послѣ этого свертокъ табачныхъ листьевъ, отрѣзалъ отъ нихъ кусокъ, достаточный для того, чтобъ набить имъ двѣ трубки, и съ важностью подалъ ихъ доктору, который, казалось, пришелъ въ восхищеніе отъ такого щедраго вознагражденія. Страусовыя жилы были уложены обратно въ мѣшки и вертушка завертѣлась съ изумительною скоростью, въ видѣ финальнаго представленія; какъ изъявленіе благодарности, или какъ торжествованіе побѣды, одержанной надъ болѣзнью,—я не могъ того понять.

Между-тѣмъ, едва только счастливый врачъ успѣлъ переступить черезъ порогъ хижины, какъ мальчишка снова принялся за свое буйволовое мычанье. Я полагалъ, что такіе неблагопріятные симптомы поубавятъ увѣренность дѣдушки и маменьки въ дѣйствительности врачебныхъ средствъ, испытанныхъ надъ больнымъ, но ничуть не бывало: увѣренность ихъ въ искусство доктора была непоколебима! Леченіе его явно употреблялось имъ болѣе для того, чтобъ подѣйствовать на воображеніе зрителей, чѣмъ для физическаго успокоенія больнаго, но тѣмъ не менѣе одобреніе было общее. Сколько больныхъ, между образованными людьми, переносятъ на себѣ еще не такія истязанія, какъ

глиняная обмазка, чтобъ только доктора могли поддержать съ честью свое званіе, думалъ я, почему-жъ дикому патагонцу не пользоваться легковѣріемъ своихъ согражданъ? Ужасный ребенокъ, благодаря Бога, наконецъ успокоился и чрезъ нѣсколько дней былъ совершенно здоровъ.

На другое утро цѣлое племя весело двинулось въ путь очень поспѣшно, чтобъ вознаградить время, потерянное отъ неожиданной остановки. Послѣ суточнаго странствованія, мы пріостановились на одномъ мѣстѣ, которое не отличалось ничѣмъ необыкновеннымъ, чтобъ описывать его физическую обстановку, и провели тамъ ночь. Въ продолженіе этой новой стоянки, я былъ обычнымъ свидѣтелемъ тѣхъ-же самыхъ сценъ кочующей жизни. То мы объѣдались отъ избытка дичи, то постились по нѣскольку дней; за игрою слѣдовали ссоры и даже часто рукопашныя раздѣлки.

Однажды старому Парозильверу какъ-то не поздоровилось и я началъ ему разсказывать, какія средства употребляютъ доктора, чтобъ открыть настоящую причину болѣзни и при этомъ упомянулъ, что первымъ медицинскимъ пріемомъ было ощупываніе у больнаго пульса. Онъ слушалъ разсказъ мой съ видимымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и интересомъ и, казалось, старался понять эту великую медицинскую тайну. Соединивъ этотъ послѣдній разсказъ мой съ моимъ прежнимъ разсказомъ о наружномъ средствѣ противъ ревматизмовъ, которое я назвалъ оподельдокомъ и которое я долженъ былъ ему подарить тотчасъ по прибытіи въ «Голландію» вмѣстѣ съ прочими вещами, старый Парозильверъ вдругъ вообразилъ, что и самъ я долженъ обладать самыми обширными и глубокими медицинскими знаніями. Напрасно старался я разувѣрить его, нисколько не желая принять на свою отвѣтственность такое опасное званіе, чтобъ не подвергнуться, въ неблагопріятномъ результатѣ леченія, строгой отвѣтственности; онъ ничего не хотѣлъ слушать, упрекалъ меня во лжи и въ скрытности и вотъ я явился, противъ воли, врачомъ цѣлаго патагонскаго племени.

Среди этихъ критическихъ оборотовъ, которые приняли мои дѣла, случилось занемочь одной вдовѣ, которой лѣта еще болѣе способствовали къ развитію внезапной ея болѣзни; я не видалъ еще другой такой дряхлой женщины между патагонками. Мужъ этой вдовы былъ убитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ дракѣ другимъ патагонцемъ. Вдова эта имѣла нѣсколько лошадей и, вслѣдствіе такого замѣчательнаго богатства, пользовалась большимъ уваженіемъ между своими соотечественниками. Тотчасъ послѣ перваго припадка, къ старшинѣ присланъ былъ вѣстникъ съ печальнымъ извѣстіемъ о несчастіи, постигшемъ вдову. Старый Парозиль-

веръ приказалъ мнѣ взять съ собою часы и слѣдовать за нимъ. Напрасно сталъ я вторично увѣрять его, что я ничего не смыслю въ медицинѣ: онъ круто прервалъ мои увѣренія, замѣтивъ, что онъ знаетъ что думать о подобныхъ отговоркахъ, и рѣшительно приказалъ мнѣ замолчать и болѣе не отговариваться. Что мнѣ оставалось дѣлать послѣ подобнаго убѣжденія Парозильвера? Скрѣпя сердце и сильно опасаясь за свою безопасность, въ случаѣ неудачнаго леченія, я взялъ часы и послѣдовалъ за старшиной. Приближаясь къ хижинѣ вдовы, уши наши поражены были громкими восклицаніями, которыя сдѣлались для меня невыносимы, когда разстояніе между восклицающими и нами начало уменьшаться. Толпа патагонцевъ обоего пола тѣсно окружала виггамъ, она-то и производила этотъ демонскій концертъ, подобнаго которому я не слыхалъ вторично даже между патагонцами. Толпа, какъ я ужъ сказалъ, была огромная какъ внутри хижины, такъ и около нея снаружи, но ряды разступились, чтобъ дать возможность пройдти старшинѣ и опытному европейскому доктору. Первымъ медицинскимъ моимъ распоряженіемъ было грозное приказаніе прекратить всю вокальную музыку—и что-жъ? Едва только успѣлъ я выговорить это слово, какъ наступило такое могильное молчаніе, что еслибъ въ хижинѣ былъ выстланъ полъ, то можно-бъ было, кажется, услышать паденіе булавки.

Я приблизился къ больной со всею подобающею важностью, которую былъ только способенъ принять на себя, чтобъ хоть наружно поддержать званіе, мною принятое. Вдова лежала на лошадиной кожѣ, менѣе морщиноватой, менѣе сухой и скоробленной, чѣмъ живое существо, закрывавшее ея пространство своимъ тѣломъ. Я всталъ предъ больною на колѣна, вынулъ изъ кармана часы, взялъ ее за руку и принялся ощупывать пульсъ; но, къ моему удивленію, не чувствовалъ ни малѣйшаго біенія.

Ощупывая у больной руку довольно долгое время, я приведенъ былъ къ самому печальному заключенію: я былъ такимъ невѣждой въ врачебной наукѣ, что не могъ отыскать нужной артеріи. Такой новый необыкновенный медицинскій пріемъ, разумѣется, произвелъ пагубное впечатлѣніе надъ больною и сильно испугалъ ее; но я кое-какъ успѣлъ успокоить ея опасенія, а между-тѣмъ, все-таки не могъ отыскать злополучнаго пульса. Побившись еще нѣсколько минутъ въ напрасныхъ попыткахъ, я разсудилъ, что мнѣ даже и не нужно совсѣмъ было добиваться до благопріятнаго результата и что, отыскавъ пульсъ или не отыскавъ его, я все-таки не буду нисколько счастливѣе въ удачѣ врачеванія. Принявъ на себя самый серьёзный и озабоченный видъ, безъ

котораго нельзя, кажется, обойдтись ни одному врачу въ свѣтѣ, я продолжалъ пристально смотрѣть на часы и держать руку больной въ своей рукѣ.

Когда ясно показалось, что впечатлѣніе, произведенное мною надъ зрителями, было удовлетворительно и я удостовѣрился въ томъ совершенно, судя по глубокому молчанію, наблюдаемому посѣтителями, то приступилъ къ прописанію приличнаго медицинскаго пособія. Я не назначилъ глиняной обмазки: это значило бы слѣдовать по протоптанной тропинкѣ и подражать патагонскимъ медикамъ, и притомъ же больная была и безъ этой примазки очень грязна; я не могъ также пользовать ее какими-нибудь травами, потому-что со мной не было никакихъ, и притомъ я не смѣлъ и не рѣшался наполнять желудокъ моей паціентки, корнями и травами, которыхъ дѣйствіе было мнѣ неизвѣстно, а потому, послѣ минутнаго размышленія, рѣшился на самое невинное средство. Я приказалъ нагрѣть воды до степени жара крови, вымыть больную съ головы до ногъ и потомъ тереть ее крѣпко шерстью гуанаковой кожи. Я полагаю, что самый ученый врачъ одобрилъ-бы предписанное мною средство, какъ самое полезное, если не противъ внутренняго недуга, такъ ужъ во всякомъ случаѣ спасительное для наружности вдовы. Не нужно даже и говорить, что при этомъ предписана была мною также и діэта—самое строгое воздержаніе отъ употребленія жира и всѣхъ возможныхъ патагонскихъ лакомыхъ яствъ. Исполнивъ мою докторскую обязанность, я вышелъ изъ хижины медленными шагами, сохраняя тотъ же важный видъ, среди того же почтительнаго безмолвія.

Торжественный видъ, принятый мною, и та самая увѣренность, которую я старался придать себѣ наружно, нисколько не успокоивали меня внутренно. Сердце мое не переставало сильно биться отъ страха и тревожиться предчувствіемъ. Возведенный изъ должности парикмахера въ званіе перваго патагонскаго доктора, я не переставалъ сознавать всю опасность моего новаго величія и власти надъ патагонцами, которое насильно на меня навязали; а между-тѣмъ во сколькихъ образованныхъ государствахъ званіе цирюльника смѣшивается съ званіемъ лекаря и хирурга!

Цѣлую ночь я не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ отъ опасенія и творилъ самыя пламенныя молитвы о здравіи патагонской вдовы. Я былъ твердо увѣренъ, что, въ случаѣ ея смерти, буду подверженъ самой строгой отвѣтственности. Къ утру я заснулъ, но и сновидѣнія не могли успокоить меня: мнѣ все грезились зонды, піявки, катаплазмы, хирургическіе ножи и вся эта медицинская принадлеж-

ность была направлена на мое бѣдное тѣло разъяренными патагонцами, которыми предводительствовала моя допотопная паціентка!

На другое утро сердце мое встрепенулось отъ радости; по какому-то чуду, въ которомъ я нисколько не могъ быть участникомъ, больной сдѣлалось гораздо лучше. Мой рецептъ, противъ моего ожиданія, оказался спасительнымъ! Я торжествовалъ, а между тѣмъ моя больная все-таки не избѣжала того, что было ей написано на роду, и ея дни были сосчитаны!

Однажды ночью, часа въ два съ половиною, или, можетъ-быть, въ три, когда всѣ обитатели хижины Парозильвера, растянувшись на своихъ тонкихъ кожаныхъ перинахъ, вкушали сладость пріятнаго сна на мерзлой землѣ, какой-то великанъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такой страшной наружности, которая испугала бы даже въ иной часъ и природнаго патагонца, ворвался въ наши *апартаменты* и прошепталъ что-то на ухо Парозильверу. Сердце мое невольно ёкнуло, потому-что старый старшина тотчасъ-же поднялся съ своей лошадиной кожи и приготовился идти за пришедшимъ патагонцемъ вонъ изъ хижины. Впрочемъ, Парозильверъ не вышелъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ, они разстались очень, повидимому, довольные другъ другомъ. Принявъ за правило быть постоянно на сторожѣ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя могли касаться, можетъ-быть, меня, я ловко старался выпытать у Парозильвера о чемъ шелъ у нихъ этотъ таинственный разговоръ, который, какъ мнѣ казалось, очень интересовалъ его. Преспокойно и не утаивая ничего, какъ-будто дѣло шло о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ и незаслуживающихъ ни малѣйшаго вниманія, старшина отвѣчалъ мнѣ, что патагонцы рѣшились убить старую вдову, чтобы воспользоваться ея лошадьми и съѣсть ихъ, за неимѣніемъ въ настоящее время иныхъ жизненныхъ припасовъ. Я не сталъ вдаваться въ бо́льшія подробности послѣ подобнаго отвѣта, замѣтивъ, по выраженію его лица и тому самодовольному ударенію, которымъ онъ сопровождалъ каждое свое слово, что онъ далъ полное свое согласіе на этотъ рѣшительный поступокъ, который въ самомъ-дѣлѣ былъ приведенъ въ исполненіе безъ всякаго замедленія со стороны патагонцевъ, подавшихъ прочимъ великанамъ такую счастливую мысль. Я содрогнулся отъ подобнаго извѣстія, я дрожалъ, негодовалъ, готовъ былъ даже летѣть, кажется, на помощь къ беззащитной больной и старой женщинѣ. Но что могъ я сдѣлать?

Мы не долго оставались на мѣстѣ нашей стоянки и скоро снова двинулись въ путь опять по направленію сѣверо-запада. Это направле-

ніе сильно безпокоило меня за скорость моего освобожденія, потому-что, судя по словамъ Парозильвера, его «Голландія» находилась совершенно въ противоположной сторонѣ. Сдѣлавъ, въ продолженіе недолгаго странствованія, огромный запасъ дичи, гуанако и страусовъ, патагонцы остановились въ мѣстѣ до того болотистомъ, низменномъ и лишенномъ всякой растительности, что ни одно наше кочевье, ни прошедшее, ни предстоявшее намъ на будущее время, не могло съ нимъ сравниться неудобствами и отвратительностью мѣстоположенія.

Сильные порывы сѣвернаго вѣтра потрясали непрочныя основанія патагонскихъ палатокъ, и каждую ночь я долженъ былъ пользоваться непрошенною ванной изъ снѣга, смѣшаннаго съ холоднымъ дождемъ, который пробивался сквозь скважины старыхъ гуанаковыхъ кожъ, составлявшихъ кровлю нашей подвижной хижины.

Впрочемъ, на второй день нашего новаго кочевья, случай, столько же ужасный, сколько и неожиданный, далъ мнѣ вполнѣ понять всю важность и всю цѣну того отреченія, которое я постоянно произносилъ, уклоняясь отъ высокихъ почестей оставаться и медикомъ Парозильвера и главнымъ врачомъ всего патагонскаго племени. Полагаю, часовъ въ одиннадцать ночи, когда я досталъ себѣ, съ горемъ пополамъ, мѣсто близъ потухавшихъ угольевъ костра, единственно освѣщавшаго нашу и общую залу, и пріемную, и столовую, и спальную, *пожиралъ* (не могу сказать чтобы ѣлъ—это будетъ очень слабо), томимый голодомъ, кусокъ самаго жесткаго, составленнаго изъ однѣхъ жилъ и хряща, едва обжареннаго мяса, стараясь всѣми силами разорвать его зубами, нежданный отчаянный крикъ, крикъ предсмертный и полный отчаянія, послѣдуемый обычнымъ дикимъ патагонскимъ воплемъ, который всегда раздавался въ томъ случаѣ, когда производилось неожиданное убійство, потрясъ тонкія стѣны нашего жилья. Самъ старый Парозильверъ вздрогнулъ при этомъ свирѣпомъ крикѣ, забился въ самый задній уголъ и обнажилъ свой мѣдный ножъ. Нахмуривъ густыя брови, онъ грозно приказалъ мнѣ потомъ отстраниться отъ потухавшаго костра, который тотчасъ же былъ погашенъ его двумя женами, при общихъ усиліяхъ, между-тѣмъ, какъ остальныя двѣ, подбѣжавъ къ выходу хижины и взглянувъ на то, что происходило извнѣ, принялись выть и голосить такъ, что у меня подымались на головѣ волосы отъ ужаса и отъ неизвѣстности, что бы могъ значить подобный неслыханный мною вой и плачъ? Вой этихъ двухъ женъ Парозильвера нельзя было сравнить ни съ однимъ отчаяннымъ воемъ не только людей, но даже и животныхъ во

всемъ существующемъ физическомъ мірѣ. За пологомъ нашей хижины раздавались подобные же вопли и всѣ патагонскія женщины соединились въ одинъ общій хоръ, производить этотъ полуночный крикъ, между-тѣмъ, какъ ни одинъ изъ мужчинъ патагонскаго племени не рѣшился къ нимъ присоединиться въ продолженіе по-крайней-мѣрѣ цѣлаго битаго часа, чтобъ дополнить *басомъ* гармонію сопрано и дисканта; причемъ я долженъ замѣтить, что послѣдній очень рѣдокъ между женскими патагонскими голосами, исключая развѣ только голоса малолѣтныхъ патагонскихъ дѣвъ. Испугъ, который я чувствовалъ въ тѣ минуты, мнѣ трудно описать: я весь дрожалъ за жизнь свою и ожидалъ каждое мгновеніе, что моя участь будетъ рѣшена. Что происходило внѣ нашего жилища, что было причиной такого общаго воя—рѣшительно, сколько я ни думалъ, ничего не могъ придумать. Наконецъ мы узнали въ чемъ было дѣло. Въ хижину Парозильвера вошелъ какой-то великанъ и объявилъ, что одинъ изъ патагонцевъ убилъ туземнаго врача. Убійца былъ мужемъ женщины, страдавшей продолжительной болѣзнью и надъ которою врачъ напрасно употреблялъ всѣ свои заклинанія и искусство. Огорченный потерею милой супруги, раздраженный вдовецъ ворвался въ хижину доктора и, въ порывѣ неумолимаго мщенія, забилъ до смерти моего несчастнаго собрата по части врачеванія. Я зналъ жертву и удивлялся, какъ такой человѣкъ, какимъ былъ убитый, не могъ справиться съ своимъ противникомъ? Онъ былъ до того огроменъ и тученъ, что долженъ былъ, судя по его наружности, имѣть по-крайней-мѣрѣ до четырехъ-сотъ фунтовъ вѣсу. Убійство осталось безъ всякаго наказанія и чрезъ день о немъ никто даже и не напоминалъ.

Около полудня этого-же самаго дня, патагонцы сняли свои хижины и двинулись на новое пристанище. Къ ночи, не встрѣчая на пути никакой дичи, мы пріѣхали въ одну огромную долину и остановились у ключа чистой и превосходной по вкусу воды.

Чтобъ чѣмъ-нибудь развлекать однообразіе моего быта, я очень часто забавлялся дѣтскими патагонскими играми. Самою любимою и общею игрою бываетъ игра страусовыми лапами, привязанными къ страусовой жилѣ, длиною аршина въ три. Лапы эти связываются попарно и бросаются на воздухъ, между-тѣмъ, какъ другія дѣти стараются перехватить ихъ на-лету, такими-же точно лапами. Едва только патагонята начинаютъ твердо держаться на ногахъ, они уже не разстаются съ этими своими арканами и упражняются въ метаніи своихъ *бола* съ утра до вечера. Въ этой игрѣ они пріобрѣтаютъ необыкно-

венную ловкость, необходимую имъ впослѣдствіи, когда имъ нужно будетъ дѣйствовать на охотѣ настоящими *бола*.

Маленькій Коханако, меньшой сынъ Парозильвера, превосходилъ въ этой игрѣ всѣхъ сверстниковъ своихъ искусствомъ. Не смотря на то, что ему было не болѣе семи или восьми лѣтъ, ребенокъ этотъ былъ очень лукавъ, живъ и задирчивъ; все патагонское племя осыпало его самыми нѣжными ласками. Какъ и всѣ прочія дѣти, Коханако щеголялъ рѣшительно безъ всякой одежды и игралъ до послѣдняго истощенія силъ. Тогда онъ бросался, какъ маленькій тигренокъ, на грудь какой-нибудь изъ многихъ своихъ кормилицъ, подкрѣплялся и принимался снова за игру.

Будучи однажды съ Парозильверомъ на охотѣ, мнѣ удалось быть свидѣтелемъ образца ветеринарнаго искусства у патагонцевъ. Старая лошадь, которую старшина давалъ мнѣ для охоты, вдругъ захромала и сильно безпокоила меня своимъ неправильнымъ ходомъ. Я слѣзъ, осмотрѣлъ внимательно ногу и не нашелъ никакихъ наружныхъ признаковъ поврежденія, кромѣ того, что копыто было очень истерто. Вскочивъ опять на несчастную клячу, я долженъ былъ нещадно бить ее палкой, чтобы догнать стараго Парозильвера, который не соблаговолилъ дожидаться меня, и посовѣтоваться съ нимъ, какъ человѣкомъ, можетъ-быть, опытнымъ, что мнѣ дѣлать съ моимъ конемъ? Освѣдомившись о причинѣ моего замедленія, старшина пришпорилъ свою лошадь и приказалъ мнѣ за нимъ слѣдовать, проговоривъ только:

— Bueno caballo, se campo, campo! (славная лошадь, скачи, скачи!)

Я спѣшилъ исполнить его приказаніе, но моя лошадь, ковыляя все болѣе и болѣе, едва двигалась и была вся покрыта дымящеюся пѣной. Видя, что я далеко отсталъ отъ него, Парозильверъ рѣшился наконецъ пріостановиться и подождать меня. Не безъ труда добрался я до него, видя его призывные знаки, выражавшіе сильное нетерпѣніе. Когда я, наконецъ, присоединился къ нему, Парозильверъ слѣзъ съ лошади, осмотрѣлъ ногу моей лошади и, приказавъ мнѣ дожидаться его, поскакалъ въ наше кочевье; скоро онъ возвратился съ кускомъ гуанаковой кожи, которою тщательно обернулъ больное копыто. Я выразилъ ему свое удивленіе и замѣтилъ, что врядъ-ли лошади будетъ легче отъ подобной ковки.

— Buenos zapatos, славный башмакъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ послѣдствія оправдали его замѣчанія: лошадь моя еще прохромала нѣсколько времени и потомъ перестала. Всю остальную дорогу

я мало отставалъ отъ Парозильвера, хотя, признаться сказать, что палка очень много помогала быстротѣ моего древняго скакуна.

Мы опять скоро двинулись въ дорогу. Женщины, по обыкновенію, принялись снимать съ мѣста хижины и укладывать движимость на лошадиныя спины, вмѣстѣ съ разною домашнею утварью, въ числѣ которой находились и колыбели патагонскихъ дѣтей, между-тѣмъ, какъ мужчины поскакали впередъ, чтобъ запастись какою-нибудь дичью для путеваго продовольствія. Дичь въ послѣднее это время показывалась какъ-то очень рѣдко, однакожъ патагонцамъ все-таки удалось сдѣлать маленькій запасъ. Они убили, кажется, двухъ или трехъ страусовъ, и одного или двухъ зуйковъ—хорошенько не помню. Часть этой дичи была тотчасъ-же изжарена охотниками на мѣстѣ, а съ остальною мы вернулись къ новому мѣсту, гдѣ должны были стоять наши хижины. Женщины едва успѣли окончить свои архитектурныя занятія, потому-что, для утвержденія фундамента, имъ нужно было пробивать въ оледенѣлой землѣ дыры, обломкомъ какого-то желѣзнаго толстаго шкворня, вѣроятно, доставшагося имъ съ какого-нибудь разбитаго у ихъ береговъ корабля. Новое мѣсто жительства нашего находилось на склонѣ одного пригорка, къ которому примыкало глубокое грязное болото, единственно продовольствовавшее насъ такою-же грязною, какъ и оно, водою.

Едва только расположились мы на новыхъ квартирахъ, и я ожидалъ тѣхъ-же самыхъ удовольствій, то-есть: игры, ссоръ и охоты, послѣ суточнаго и двухсуточнаго голоданья, какъ эти ожиданія мои были обмануты случаемъ, совершенно мною неожиданнымъ и поразившимъ меня самымъ сильнымъ ужасомъ. Около виггамовъ начали собираться огромныя толпы патагонцевъ. Туземцы разговаривали шопотомъ; я не могъ разслушать содержанія ихъ разговоровъ, но ихъ свирѣпые взгляды, ихъ рѣзкія тѣлодвиженія выказывали довольно ясно, что ихъ дикія страсти снова были возбуждены какимъ-нибудь значительнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго должно было зависѣть отъ согласія цѣлаго племени. Взгляды эти очень часто переносились на меня и производили новые шумные толки. Я понималъ, что мое присутствіе сильно безпокоитъ ихъ; я сталъ для нихъ предметомъ и обманутыхъ ожиданій и въ то же время предметомъ, возбуждавшимъ въ нихъ самихъ какое-то опасеніе. Ромъ и табакъ не являлись, а между-тѣмъ бѣлые, которыми я угрожалъ имъ, въ случаѣ если они убьютъ меня, очень легко могли явиться съ своими ружьями, пушками, пистолетами, и освободить своего начальника вооруженною силой. Ни обѣщанія, ни лесть, ни даже стукъ

часовъ, таинственный стукъ, который возвысилъ такъ мое достоинство въ ихъ мнѣніи, ни, наконецъ, мое врачебное званіе не могли предохранить меня отъ ихъ злыхъ покушеній. Приливъ патагонскихъ страстей подымался все выше и выше „надъ моею беззащитною головой". Предъ вечеромъ третьяго дня старый Парозильверъ, возвратившійся съ мірской сходки, вызвалъ меня изъ палатки и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Вопросъ: куда онъ ведетъ меня? замеръ на губахъ моихъ и я шелъ за нимъ молча, терзаемый самыми мрачными предчувствіями. Въ этотъ разъ, какъ и въ первый, старшина отвелъ меня на далекое разстояніе отъ хижинъ и толкнулъ въ кружокъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати патагонцевъ, самыхъ свирѣпыхъ и самыхъ безпокойныхъ изъ цѣлаго племени. Они сидѣли на землѣ и что-то глухо бормотали. Предчувствіе не обмануло меня: роковой кружокъ этотъ снова предрекалъ мнѣ печальную участь. Первый разъ мнѣ посчастливилось избѣжать ее; удастся-ли мнѣ избѣгнуть вторично отъ смерти? спрашивалъ я, содрогаясь, самого себя, и все будто отвѣчало мнѣ: нѣтъ! отбрось всякую напрасную надежду. Впрочемъ, вступивъ въ гибельное собраніе это, я почувствовалъ въ себѣ какую-то энергію, какое-то мужество сверхчеловѣческое, внушаемое только отчаяніемъ; къ нимъ примѣшивалась еще нѣкоторая надежда на заступничество Парозильвера.

Я сѣлъ рядомъ съ старшиною, и совѣщаніе началось. Со всѣхъ сторонъ посыпались на меня самыя сильныя угрозы и выраженія глубокой ненависти. Туземцы еще настоятельнѣе, чѣмъ въ первый разъ, требовали моей смерти; но старый Парозильверъ и въ этотъ разъ объявилъ, что слѣдовало подождать, пока я исполню свои обѣщанія. Это мнѣніе могло бы быть утѣшительно для меня, еслибъ я не былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, что власть его и приказанія не всегда исполняются безусловно. Могъ-ли одинъ онъ противиться страстямъ дикарей? Могъ-ли одинъ онъ своею грудью, защитить меня противъ патагонскихъ десятковъ и сотенъ?

Вручивъ судьбу свою въ руки Божіи, я началъ говорить въ свою очередь и привелъ почтенному собранію прежнія доказательства тѣхъ выгодъ, которыя они могутъ получить, представивъ меня въ Голландію, или куда, будетъ имъ угодно, и потомъ снова тѣ опасности, которымъ они непремѣнно подвергнутся, когда поступятъ со мною жестоко. Въ этомъ засѣданіи я еще болѣе увеличилъ и число пушекъ и число кораблей, вооруженныхъ армій. Изобразивъ всю дурную сторону, я еще полнѣе и подробнѣе представилъ хорошую, и мнѣ кажется, что къ рому,

табаку, ножамъ, я прибавилъ еще столько брильянтовъ, описавъ всю ихъ прелесть, что самъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ не могъ бы представить за себя такого цѣннаго выкупа. Я увѣренъ, что самый краснорѣчивый адвокатъ въ цѣлой Америкѣ не могъ бы такъ краснорѣчиво и такъ убѣдительно защищать мое дѣло, какъ защищалъ я его самъ. А между-тѣмъ, роковое собраніе оставалось въ нерѣшимости и, кажется, сомнѣвалось въ истинѣ моихъ словъ и въ возможности получить такіе подарки; со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы, въ которыхъ довольно ясно проглядывало недовѣріе къ тому мнимому высокому званію, которымъ я самовольно надѣлилъ себя.

Парозильверъ рѣшилъ наконецъ, чтобъ приговоръ о моей участи зависѣлъ отъ большинства голосовъ. Результатъ былъ счастливѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Послѣ продолжительныхъ споровъ и возраженій, было почти единогласно рѣшено, чтобъ подождать еще немного и сперва получить за меня обѣщанный выкупъ и потомъ ужъ исполнить давно задуманную казнь. Расчетливые дикари желали выжать изъ меня, какъ изъ лимона, весь сокъ и потомъ ужъ распоряжаться никуда негодною кожею по своему произволу. Я и за то, впрочемъ, былъ имъ благодаренъ въ настоящую минуту. Опасность, грозившая мнѣ, миновалась во второй разъ, и я отдѣлался однимъ страхомъ, который хотя и не лишилъ меня жизни, но стоилъ, какъ я полагаю, нѣсколькихъ лѣтъ моего земнаго существованія.

Потерявъ всякую надежду научиться когда-либо говорить по-патагонски, я, между-тѣмъ, все-таки старался прислушиваться къ разговорамъ дикарей, чтобъ запомнить хоть нѣкоторыя слова и быть въ состояніи понимать ихъ и даже разговаривать кое-какъ самому, вмѣшивая въ патагонскія изрѣченія множество исковерканныхъ испанскихъ словъ, которыми сами патагонцы пестрятъ свои бесѣды и совѣщанія. Съ моей стороны было приложено самое сильное стараніе научить дикарей, особенно молодыхъ, говорить и понимать по-англійски, какъ только позволяла имъ ихъ память и умственное развитіе ихъ мозга; особенно я старался научить ихъ исчисленію и вразумить о значеніи количества и величины. Къ моему несчастію, всѣ патагонцы, какъ малые, такъ и большіе, были очень лѣнивы для какого бы то ни было ученья. Впрочемъ, попытки эти были не безполезны для меня. Стараясь объ образованіи патагонцевъ, я имѣлъ возможность короче съ ними сблизаться и изучить ихъ характеръ, наклонности и обыкновенный образъ ихъ мыслей. Всѣмъ этимъ я умѣлъ пользоваться для своей безопасности и, предчув-

ствуя или видя какой-нибудь непріятный случай, всегда умѣлъ уничтожить его развитіе въ самомъ зародышѣ. Нужно признаться передъ читателемъ, что я трусливъ отъ природы, и всякая самая малая видимая опасность можетъ напугать меня, а между-тѣмъ я всегда умѣлъ владѣть собой и прикрывать недостатокъ храбрости личиною самой хладнокровной неустрашимости, которая очень часто помогала мнѣ выпутываться изъ самаго затруднительнаго положенія. Не одинъ разъ, когда кто-нибудь изъ дикихъ великановъ обнажалъ свой ножъ и грозилъ проколоть меня, я неустрашимо смотрѣлъ врагу въ глаза и обезоруживалъ самымъ презрительнымъ смѣхомъ, хоть сердце въ ту минуту всегда билось у меня очень, очень сильно.

Что же касается до Парозильвера, то онъ болѣе всѣхъ прочихъ былъ увѣренъ въ моей храбрости и хладнокровномъ презрѣніи къ жизни, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я началъ самъ точить ножъ, пробовать лѣзвіе пальцемъ и хвалить доброту стали того самаго оружія, которымъ онъ хотѣлъ устрашить меня. Читатель, вѣроятно, не забылъ этого обстоятельства, о которомъ я имѣлъ уже честь повѣствовать ему въ свое время и въ приличномъ мѣстѣ моего разсказа.

Мнѣ удалось выучить Парозильвера кое-какъ англійскому языку, такъ-что онъ могъ кое-что понимать съ горемъ пополамъ. Одно изъ англійскихъ названій, которое болѣе прочихъ пріятно щекотило его слухъ, было названіе Old-Boy (старый-малый), которое я далъ ему почти чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ удостоился высокой чести мокнуть, гнить и коченѣть въ одномъ изъ угловъ его переноснаго шалаша. Старый Парозильверъ былъ въ восторгѣ отъ этого названія и такъ имъ гордился, что, вѣроятно, не предпочелъ бы ему другаго названія. Но обратимся къ прерванному разсказу о результатѣ патагонскаго совѣта, собравшагося для рѣшенія моей участи. Сверхъ моего ожиданія, роковой кружокъ патагонскихъ политиковъ разорвался, дикари начали, одинъ за другимъ, подыматься съ мерзлой земли и уходили, не говоря ни слова съ другими. Мы скоро возвратились съ Парозильверомъ въ нашу хижину, поужинали (впрочемъ, виноватъ, я не могу произносить этого глагола во множественномъ числѣ, потому-что, отъ страха, аппетитъ мой исчезъ) и старшина очень благосклонно предложилъ мнѣ быть въ его жилищѣ безъ церемоніи, какъ у себя дома; короче: онъ въ двухъ словахъ повелѣлъ мнѣ броситься на мой клочокъ гуанаковой кожи и спать. Какою пламенною молитвою благодарилъ я Господа, что благость Его вторично избавила меня отъ опасности лишиться жизни и, можетъ-быть, не въ одно мгновеніе, и по-

слѣ продолжительныхъ и невыносимыхъ страданій! Я былъ увѣренъ, что патагонцы прибѣгли бы ко всей своей изобрѣтательности, чтобъ проводить меня, какъ слѣдуетъ по-своему, изъ этого земнаго временнаго міра.

Не стану говорить о томъ, какъ я провелъ остатки ночи послѣ подобнаго засѣданія; сонъ нисколько не могъ подкрѣпить меня, потому-что я не переставалъ дрожать и думать грустно о будущемъ и о настоящемъ, сравнивая съ ними все мое прошедшее. Ни одна утѣшительная надежда, не смотря на всю благосклонность воображенія, не мелькала предо мною! Я не могъ послѣ этого дня ручаться не только за будущій день, но даже и за будущую минуту. Парозильверъ два раза спасалъ меня изъ своихъ личныхъ расчетовъ; удастся-ли ему защитить меня еще разъ, если патагонцы утомятся ожидать табаку, рому и прочихъ вещей—вотъ вопросъ, который я напрасно старался разрѣшить до самаго появленія новой зари, быть-можетъ, послѣдней, которую суждено было мнѣ видѣть. Блѣдный, ослабѣвшій отъ испытанныхъ опасностей въ прошедшій вечеръ, я всталъ на другое утро въ какомъ-то помѣшательствѣ и тихонько вышелъ посмотрѣть, не собираются-ли опять гдѣ-нибудь патагонскія толпы? Но все было, слава Богу, спокойно. Около нашихъ хижинъ бродили только собаки; ихъ я, правда, также боялся, но не такъ, какъ моихъ говорящихъ звѣрей-патагонцевъ.

VII.

Мы опять скоро оставили наше послѣднее кочевье и двинулись по направленію сѣверо-запада. Дичь стала попадаться гораздо чаще и въ достаточномъ количествѣ для продовольствія цѣлаго племени. Въ числѣ прочихъ, обыкновенныхъ животныхъ, патагонцамъ удалось затравить одно животное, похожее съ виду на лисицу, первое, которое я въ тотъ разъ и въ послѣдній видѣлъ въ продолженіе всего плѣна. Мѣсто, выбранное патагонцами для временнаго жилья, было самое печальное и неудобное изъ всѣхъ мѣстностей Патагоніи. То было болото, окруженное песчаными холмами, лишенными всякаго слѣда какой бы то ни было растительности. Патагонцы пустили лошадей отыскивать себѣ корму, гдѣ онѣ знаютъ, ни сколько не заботясь будутъ-ли ихъ травоядные таварищи сколько-нибудь счастливы, чтобы найдти въ окрестности хоть подобіе травы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, кажется, съ самаго сотворенія

міра земля ничѣмъ болѣе не украшалась, кромѣ ила и крупнаго сѣроватаго песку. Разбивъ хижины, женщины приготовили намъ къ ужину одного дунка и ногу страуса. Послѣ минувшаго дня, проведеннаго нами безъ всякой пищи, этотъ скудный ужинъ, раздѣленный на многочисленное семейство, показалось мнѣ чуть-ли не изящнымъ столомъ, приготовленнымъ самымъ лучшимъ европейскимъ поваромъ.

Въ этомъ новомъ нашемъ мѣстопребываніи ожидали меня новыя мученія и новыя непріятности. Я зналъ, что ненависть, которую питало ко мнѣ цѣлое патагонское племя, нисколько не уменьшалась; и отсрочивъ на нѣкоторое время, свои замыслы на мою личность, патагонцы ни на минуту не переставали враждовать противъ меня словами и разными непріязненными предположеніями. Не смотря на то, что эти предположенія и не приводились пока еще въ дѣйствіе, все-таки они очень пугали меня. До-спхъ-поръ разговоры, въ которыхъ разсуждалось обо мнѣ, происходили за глазами; въ этотъ разъ, вѣроятно, полагая, что я не понимаю нисколько ихъ дикое нарѣчіе, кровавые замыслы на мою жизнь начали строиться въ моемъ присутствіи, и, что̀ еще хуже, самими членами семейства Парозильвера. Однажды вечеромъ послѣ ужина когда я былъ уже готовъ ложиться спать, жены старшины начали осыпать меня ругательствами и совѣтоваться, что̀ лучше со мною сдѣлать? Эти враждебные толки меня мало пугали, потому что я убѣдился, какъ мало имѣло женское мнѣніе вліянія на общественныя патагонскія дѣла, и только прислушивался, къ чему присуждаетъ меня этотъ дамскій ареопагъ. Двѣ изъ четырехъ женъ старшины осуждали меня, безъ всякаго состраданія, на мучительную смерть. Не знаю, почему эти патагонки такъ ненавидѣли меня? потому-ли, что я пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ ихъ милаго супруга? потому-ли, что я лишалъ ихъ счастія раздѣлять единственно досугъ его, постоянно бывая съ нимъ вмѣстѣ и занимая его своими разсказами?—мнѣ было трудно опредѣлить; но только онѣ не стали уже, какъ прежде, довольствоваться собственнымъ своимъ приговоромъ, а начали приглашать въ свои засѣданія посторонннхъ совѣтниковъ, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, что они, не приступая къ исполненію женскаго приговора на дѣлѣ, ободряли на словахъ всѣ роды мученія, которые изобрѣтало воображеніе женъ Парозильвера. Я понималъ, почти слово до слова, весь смыслъ этихъ разговоровъ, а между-тѣмъ принималъ самый безсмысленный видъ, оставался наружно очень спокойнымъ, какъ-будто дѣло шло о человѣкѣ, для меня совершенно постороннемъ, и только удвоивалъ въ эти минуты мое уваженіе и мои нѣжныя ласки къ старшинѣ. Я начиналъ посту-

кивать его слегка рукою по широкой груди, говорилъ ему, что у него подъ прекрасно разрисованною кожею бьется добродѣтельное и благородное сердце великаго вождя; называлъ его попеременно то Old-Boy, то моимъ *compadre* (сотоварищемъ), а себя признавалъ его *piconine*, его *muchaco* (слугой, мальчишкой). Конечно, такое препровожденіе времени было очень унизительно и роняло мое достоинство; но что оставалось мнѣ дѣлать лучшаго въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ? Женскія совѣщанія продолжались въ тотъ вечеръ очень долго, и я провелъ самую безпокойную ночь, которая казалась мнѣ нескончаемою; я наспу могъ дождаться дневнаго разсвѣта и привѣтствовалъ первый лучъ его, какъ божеское благословеніе.

Я всталъ и вышелъ въ долину, чтобы согрѣть себя быстрымъ бѣгомъ до той поры, когда проспутся мои хозяева и разведутъ огонь, который-бы могъ оживить меня. День провелъ я очень грустно, а вечеръ былъ для меня еще скучнѣе и несчастнѣе минувшаго вчера. Послѣ ужина начались между женами Парозильвера обыкновенныя ихъ разсужденія на мой счетъ. Самыя старшія изъ женъ моего хозяина не переставали выражать пришедшимъ къ нимъ въ гости патагонцамъ пламенное желаніе видѣть меня растерзаннымъ на мелкіе куски. Не зная, чѣмъ могъ я заслужить такую непримиримую ненависть этихъ двухъ патагонскихъ furій, я наконецъ потерялъ всякое терпѣніе и вышелъ изъ себя. Всѣ страсти, которыя я до-сихъ-поръ затаивалъ въ груди, вся злоба, отъ которой удерживало меня благоразуміе, вырвались у меня наружу. Я вскочилъ съ своей кожи, сбросилъ съ громкимъ возгласомъ съ головы фуражку, такъ-что она покатилась подъ ноги къ старымъ мегерамъ, затопалъ ногою, заскрежеталъ зубами, а изъ губъ моихъ посыпались неумолкаемыя проклятія на патагонскій женскій полъ вообще и на двухъ женъ Парозильвера въ особенности. Позабывъ объ опасности, которой я могъ подвергнуться, и ножахъ, которыми были вооружены патагонцы, я не въ силахъ былъ удержать себя и, сжавъ кулаки, началъ угрожать ими моимъ двумъ врагамъ, которыя своими безпрестанными словами и нашептываньями, безъ всякаго сомнѣнія, могли наконецъ вооружить противъ меня даже и самого Парозильвера.

Крайне удивленный такимъ неожиданнымъ порывомъ, старшина устремилъ на меня неподвижный взглядъ; брови его начали все болѣе и болѣе нахмуриваться и на лицѣ показалось выраженіе самаго сильнаго гнѣва, отъ котораго недалеко было и до удара мѣднымъ ножомъ. Къ счастію моему еще, что моя безумная злоба до того увлекла меня, что я

позабывъ о томъ, что ни старшина, ни жены его, ни прочіе посѣтители не понимаютъ по-англійски, я произносилъ угрозы на самомъ чистомъ саксонскомъ нарѣчіи и только развѣ одно выраженіе лица могло обличать смыслъ произносимыхъ мною рѣчей. Я скоро, впрочемъ, образумился и вопросъ: что я сдѣлалъ? куда дѣвался мой разсудокъ? тотчасъ мелькнулъ въ умѣ моемъ. Нужно было какъ-нибудь выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое я самъ себя поставилъ, и потомъ, не дожидаясь вопроса Парозильвера, я самъ поспѣшно подошелъ къ нему съ самымъ страждущимъ видомъ и, показывая на голову, сказалъ, что разсудокъ мой потерялся и я не знаю самъ, что со мной дѣлается. Чтобы больше убѣдить старшину въ истинѣ моихъ словъ, я крѣпко стиснулъ лобъ одной рукою, между-тѣмъ, какъ другой колотилъ себя по затылку. *Old-Boy*, видя такую перемѣну, спросилъ меня, неужели я до того страдалъ помѣшательствомъ, что осмѣлился угрожать его женамъ?

— Можешь-ли ты это думать, возразилъ я:—чтобы я сдѣлалъ какой-нибудь невѣжливый поступокъ противъ такихъ достойныхъ дамъ? Я угрожалъ самому себѣ, и виною всему моя глупая голова, моя безумная «kabeza».

— Old-Boy вполнѣ удовольствовался этимъ объясненіемъ и благосклонно передалъ изумленнымъ посѣтителямъ новость о моемъ помѣшательствѣ. Не знаю, повѣрили-ли патагонскія мегеры этой вѣсти?

На слѣдующее утро мы опять двинулись въ путь по направленію къ сѣверу и патагонцы расположились на кочевье мили за полторы отъ береговъ рѣки Санта-Круцъ, которая въ томъ мѣстѣ описываетъ своимъ изгибомъ крутое полукружіе. Рѣка была не широка, но очень быстра и глубока. Патагонцы полагали, что, слѣдуя по ея теченію, можно прямо достигнуть имъ Голландіи, но мнѣ уже перестало вѣриться въ существованіи этой Батавской области на почвѣ Южной Америки. Впрочемъ, я снова началъ просить ихъ поспѣшить и моимъ размѣномъ въ этой благословенной колоніи; но они, неизвѣстно почему, нисколько не думали торопиться, хотя мое присутствіе между ними не приносило имъ никакой пользы. Нѣсколько разъ они упрекали меня въ совершенной неспособности ни къ какому подвигу, и только однажды удостоили чести предложить воровать вмѣстѣ съ ними лошадей. Патагонцы впередъ уже разсчитывали на нѣсколько сотенъ; на мою долю приходилось только всего двѣ лошади. Я увѣрилъ ихъ, что я сдѣлаюсь, для ихъ удовольствія, самымъ отважнымъ воромъ. Парозильверъ остался этимъ очень доволенъ

и повторилъ, что скоро мы прибудемъ къ рѣкѣ Ріо-Негро, гдѣ я буду имѣть случай показать свою ловкость. Послѣ трехдневнаго роздыха, мы двинулись внизъ по теченію рѣки и въ полдень начали переправляться на другой берегъ, на плотахъ патагонскаго изобрѣтенія. Плоты эти состояли изъ тростниковъ, связанныхъ страусовыми жилами и покрытыхъ кожами. Я получилъ приказаніе находиться при движимости, и потому помѣстился съ женами Парозильвера на одномъ изъ такихъ плотовъ. Одинъ конецъ этого плавательнаго снаряда былъ привязанъ ремнемъ къ хвосту лошади, на которой помѣщался старшина. Жены его, во время переправы, затянули арію, которая не умолкала. Она состояла изъ слѣзъ: Іекъ, уахъ, юри мити! за которыми слѣдовалъ припѣвъ: Іахъ, іахъ, уахъ! повторяемый цѣлымъ хоромъ. Едва только успѣли мы переправиться на другой берегъ, какъ нѣкоторая часть патагонцевъ пришла въ какое-то непонятное для меня движеніе. Одни вскакивали стремительно на лошадей, другіе, напротивъ, соскакивали и бѣжали обратно къ берегу. Я побѣжалъ вслѣдъ за патагонцами, чтобъ узнать, что́ случилось. Одинъ изъ плотовъ, отвязался отъ лошадинаго хвоста и быстро скользилъ внизъ по теченію; на плоту этомъ, кромѣ разнаго имущества, находился еще ребенокъ. Жены Парозильвера начали отчаянно кричать и обвиняли, кажется, меня въ такомъ неожиданномъ несчастіи. Къ голосамъ ихъ присоединились скоро вопли многихъ другихъ женщинъ. Чувствуя, что мое положеніе очень затруднительно, я сказалъ Джону (такъ перекрестилъ я одного изъ патагонцевъ), чтобъ онъ не отходилъ отъ меня и защищалъ, если хочетъ получить табаку и рому. Въ надеждѣ напиться на мой счетъ, Джонъ предложилъ мнѣ войдти въ его хижину, которая была уже поставлена, а самъ сталъ у входа, обнаживъ свой ножъ. Между-тѣмъ вопли все усиливались и скоро въ хижину Джона ворвалось столько патагонцевъ, что я долженъ былъ прижаться въ самый задній уголъ, имѣя оградою отъ свирѣпой толпы только громадное туловище Джона. Онъ не спрашивалъ товарищей своихъ, что́ имъ нужно, потому-что нельзя было не угадать ихъ намѣренія, но только стыдилъ тѣмъ, что они напрасно обвиняютъ меня въ потерѣ плота и ребенка, который можетъ-быть еще и не утонулъ. Джонъ совѣтовалъ имъ немного подождать и сперва увѣриться произошло-ли какое-нибудь несчастіе. Патагонцы удалились, обѣщаясь вернуться. Къ моему счастію, потонулъ только одинъ плотъ, ребенокъ же былъ спасенъ. Къ вечеру переправа черезъ рѣку была пріостановлена и самъ Парозильверъ переплылъ на другую сторону, чтобъ наблюсти за оставшимся имуществомъ и лошадьми. Я опять долженъ былъ съ нимъ разлучиться, что́ очень безпокоило меня за мою

безопасность, хотя онъ и отдалъ приказаніе не принимать противъ меня никакихъ насильственныхъ мѣръ.

Мысль о побѣгѣ снова начала бродить въ головѣ моей и я намѣревался воспользоваться ночью однимъ изъ плотовъ и пуститься на немъ внизъ по теченію. Но точно-ли рѣка эта была Санта-Круцъ? Въ какомъ разстояніи находится она отъ моря?—представился мнѣ потомъ вопросъ. Я никогда не слыхалъ существуютъ-ли поблизости этой рѣки какія-нибудь европейскія поселенія. Я очень легко могъ быть унесенъ на моемъ кожаномъ кораблѣ въ открытое море, и притомъ никакъ не могъ управлять весломъ, потому-что патагонцы очень чутки. Все мнѣ не благопріятствовало; но я уже рѣшился.

Я тихонько выползъ изъ хижины и скоро достигъ до берега, но—увы! въ моемъ поспѣшно составленномъ планѣ я позабылъ о своихъ четвероногихъ стражахъ. На меня кинулась цѣлая стая собакъ и огласила ночное молчаніе самымъ пронзительнымъ лаемъ. Я снова долженъ былъ возвратиться въ хижину.

На другой день переправа возобновилась и въ этотъ разъ, по милости Божіей, безъ всякихъ приключеній путь нашъ пошелъ къ западу, и это направленіе привело меня снова въ отчаяніе, потому-что мы, стало-быть, опять начали удаляться отъ той Голландіи, о которой говорилъ Парозильверъ. Дня черезъ два патагонцы остановились около двухъ маленькихъ озеръ. Одно изъ нихъ было до того мелко, что въ немъ разгуливали страусы. Патагонцы бросились за ними и всѣхъ ихъ перебили.

Однажды, осматривая внимательно колоссальныя формы Парозильвера, я замѣтилъ на ногѣ его широкій шрамъ; рана, повидимому, была старая. Приявъ видъ самаго искренняго участія, я спросилъ у старшины, гдѣ онъ получилъ ее? Парозильверъ отвѣчалъ, что рану эту получилъ въ сраженіи противъ аланагросовъ, племени, жившаго на сѣверѣ Патагоніи. Судя по словамъ его, племя это во многихъ отношеніяхъ выше патагонцевъ. Аланагросы вооружаются длинными ножами и очень богаты лошадьми и табакомъ. Вѣроятно, аланагросы эти происходятъ отъ первоначальныхъ испанцевъ, смѣшавшихся съ туземцами. Сраженіе, въ которомъ Old-Boy былъ раненъ, происходило по случаю лошадиной кражи. Парозильверъ разсказывалъ объ успѣхахъ этой экспедиціи съ большимъ одушевленіемъ.

Во время нашего роздыха близъ этихъ озеръ ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что желудокъ мой опять разстроился отъ страусоваго жира. Въ этотъ разъ самъ Парозильверъ сдѣлался моимъ док-

торомъ и прописалъ мнѣ рвотное, въ главный составъ котораго входилъ обрывокъ отъ лошадиной узды.

VIII.

Путь, который постоянно держали патагонцы, все шелъ по направленію къ западу, и время отъ времени попадались намъ новыя породы птицъ и, между-прочимъ, одна огромная черная птица, безпощадно нападавшая на индѣекъ. Около прудовъ и береговъ рѣкъ я замѣтилъ также множество водяныхъ птицъ, похожихъ на дикихъ гусей, но Парозильверъ замѣтилъ мнѣ, что мясо ихъ очень невкусно. Проѣзжая мимо одного кустарника, мы замѣтили стадо птицъ, кружившихся все на одномъ мѣстѣ. Старшина въѣхалъ въ кустарникъ и мы увидѣли остовъ гуанако котораго, послѣднее мясо дорывали хищныя птицы.

Надежда моя снова возобновилась: мы перемѣнили направленіе къ югу. Взъѣхавъ на одинъ высокій холмъ, Парозильверъ протянулъ руку и объявилъ мнѣ, указывая на юго-востокъ, что тамъ находится его Голландія; но я напрасно напрягалъ зрѣніе и смотрѣлъ во всѣ стороны: на концахъ горизонта не было замѣтно никакихъ признаковъ жилищъ.

Вечеромъ караванъ нашъ остановился у одного замерзшаго болота и я, чтобъ чѣмъ-нибудь подвинуть патагонцевъ къ ихъ Голландіи, началъ имъ описывать и словами и тѣлодвиженіями всю прелесть опьяненія. Патагонцы слушали меня очень внимательно и ихъ громкій смѣхъ показалъ мнѣ, что они очень остались довольны моимъ представленіемъ. Въ этотъ самый вечеръ я былъ потребованъ въ большой патагонскій совѣтъ, котораго результатовъ я не могъ опасаться. Всѣ члены собранія были безъ ножей и исполнены самыхъ миролюбивыхъ намѣреній. Я долженъ былъ подтвердить свои обѣщанія о ромѣ, табакѣ и о прочемъ и Парозильверъ рѣшилъ везти меня въ Голландію безъ отлагательства.

Въ продолженіе того времени, которое мы провели у этого болота, я замѣтилъ нѣсколько устричныхъ раковинъ—то были первыя, которыя я встрѣтилъ въ Патагоніи. Я спросилъ у Парозильвера: есть ли устрицы въ окрестности? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ, и уклонился отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, говоря, что ни одно индійское племя не употребляетъ ихъ въ пищу. По разговорамъ Парозильвера, я увѣрился, что, кромѣ нашего племени, существовали въ этой странѣ и другія племена;

и однажды, проѣзжая мимо одной долины, замѣтилъ я признаки только-что потухшихъ костровъ. Не одинъ Парозильверъ носилъ на своемъ тѣлѣ слѣды ранъ: у многихъ патагонцевъ были изуродованы груди и лица. По справкамъ оказалось, что раны эти нанесены племенемъ ямашонеровъ, вооруженныхъ стрѣлами. По описаніямъ наружности этого племени, я принималъ его за одно изъ племенъ, живущихъ въ Огненной-Землѣ; но впослѣдствіи узналъ, что дикіе этой страны такъ сильно напитываютъ стрѣлы свои ядомъ, что люди, пораженные ими, уже не имѣютъ возможности разсказывать о своихъ подвигахъ.

Однажды я поѣхалъ съ Парозильверомъ на охоту. Взъѣхавъ на одинъ холмъ, хозяинъ мой пріостановилъ лошадь и, казалось, что-то замѣтилъ особенное. Я спросилъ его, что онъ видитъ, но Парозильверъ сдѣлалъ мнѣ только знакъ слѣдить за направленіемъ его глазъ: чрезъ минуту показалась лошадь безъ сѣдока.

— Это дикая лошадь,—проговорилъ старшина и пустился скакать, приказавъ мнѣ за нимъ слѣдовать; на пути присоединились къ намъ еще двое патагонцевъ. Испуганная лошадь бросилась въ кусты вмѣстѣ съ двумя жеребятами, которымъ могло быть года по два. Парозильверъ распустилъ свой *лассо*, ремень свиснулъ въ воздухѣ и животное, опутанное имъ кругомъ шеи, задыхаясь, упало на землю. Жеребятъ постигла та же участь.

По окончаніи совѣта, о которомъ я говорилъ, Парозильверъ протолковалъ со мною бо́льшую часть ночи. Онъ мнѣ признался, что его очень много удерживаетъ мысль: не будутъ-ли европейцы мстить за смерть капитана Этона? Я поспѣшилъ уничтожить его опасеніе увѣривъ, что пока я буду съ патагонцами, имъ нечего опасаться, и что никто не осмѣлится поднять даже мизинца на моихъ добрыхъ друзей. Потомъ Парозильверъ нѣсколько разъ заставлялъ меня повторять, что́ я буду говорить бѣлымъ въ его пользу, и наконецъ заснулъ.

На другой день Парозильверъ всталъ очень рано и какъ-то особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ. Поглодавъ наскоро коекакія кости и уничтоживъ остатки жира, чтобъ не имѣть пустаго желудка, старшина сталъ предъ своею хижиной и произнесъ рѣчь къ цѣлому племени, въ которой описывалъ всѣ выгоды моего отвоза въ Голландію. По его мнѣнію, сопровождать меня въ нее слѣдовало очень немногимъ патагонцамъ. Эту мысль внушилъ ему я, увѣряя, что многочисленность его свиты и богатырскій ростъ патагонцевъ испугаютъ бѣ-

лыхъ и затруднятъ размѣнъ. Противъ обыкновенія, рѣчь эта имѣла многихъ видимыхъ слушателей и произвела сильное впечатлѣніе. Было единогласно рѣшено, что Парозильверъ и еще четыре патагонца, съ ихъ женами, будутъ составлять весь передовой отрядъ; остальное племя должно слѣдовать въ нѣкоторомъ отдаленіи. Къ нашему отряду присоединилась еще одна старуха. Лошадь моя совершенно охромѣла; мнѣ дали новую. Путевыя приготовленія были непродолжительны.

Въ минуту моего отъѣзда, патагонскія женщины окружили мою лошадь и, одна за другою, подносили своихъ грязныхъ дѣтенышей, прося не позабыть и ихъ при распредѣленіи подарковъ. Мнѣ оставалось разыграть послѣдній актъ комедіи, которую я игралъ столько времени, и я обѣщалъ все съ самымъ положительнымъ видомъ. Взглянувъ нечаянно въ сторону, я примѣтилъ бѣлую собаку, которая крала мою обѣденную порцію и которой-бы я съ удовольствіемъ раздробилъ голову, я и той обѣщалъ прислать какую-нибудь подачку.

Наконецъ мы двинулись. Прощай Патагонія! думалъ я про-себя, шпоря изъ всѣхъ силъ свою лошадь; но не успѣли мы отъѣхать миль семь или восемь, какъ Парозильверъ поворотилъ своего коня и приказалъ ѣхать обратно въ таборъ. Всѣ мои просьбы, всѣ увѣщанія были напрасны и я опять очутился на своей гуанаковой кожѣ, въ своемъ грязномъ углу. Не объясняя по какимъ причинамъ путешествіе было отложено, патагонцы пустили лошадей въ поле и принялись за игру. Я упрашивалъ Парозильвера объяснить мнѣ такую немилость; онъ утѣшилъ меня только тѣмъ, что обѣщалъ доставить въ скоромъ времени и потомъ, видя, что я предался самому сильному отчаянію, вывелъ меня изъ палатки и, показывая на другую сторону, лежавшую за отдаленною рѣкой проговорилъ:

— Тамъ теперь нехорошо, ночью будетъ лучше, нехорошо рѣка.

Почему опасался Парозильверъ узкаго и неглубокаго рукава Санта-Круцъ—я не могъ никакъ понять. Парозильверъ упоминалъ о ночи; но ночей предстояло много въ будущемъ, и потому, въ которую именно ночь угодно будетъ ему исполнить свое обѣщаніе, этого Парозильверъ мнѣ не объявилъ. День самый мучительный наконецъ прошелъ и, къ моему удивленію, маленькій мой конвой въ-самомъ-дѣлѣ собрался въ дорогу и переправился въ бродъ чрезъ Санта-Круцъ. Единственною защитой отъ холоднаго вѣтра былъ намъ мелкій кустарникъ, среди котораго лежалъ намъ путь.

Проѣхавъ мили двѣ, мы остановились; сердце мое сильно сжалось при мысли: не опять ли вздумалось патагонцамъ вернуться? но, къ сча-

стію, опасеніе было напрасно: отрядъ остановился для ночлега на покрытой снѣгомъ землѣ. На другой день, проѣхавъ мили три, мы снова остановились отдыхать; въ продолженіе завтрака я опять долженъ былъ повторять мои обѣщанія и повторять нѣсколько разъ предъ патагонцами ту рѣчь, которую долженъ былъ произнести, въ похвалу ихъ, бѣлымъ. Мы ѣхали все по берегу Санта-Круцъ и наконецъ, поднявшись на одинъ пригорокъ, патагонцы, показывая на одинъ отдаленный рукавъ этой рѣки, начали кричать:

— Вонъ Голландія, тамъ, тамъ! Esta Holland, sarvey! muchas casas, muho, muho hombres, tene muho aquidcente, muho travae, yerucu, arenar, aruse! Болтовня эта означала, что въ этой Голландіи много людей, табаку, рому, чаю и хлѣба.

Я началъ всматриваться и увидалъ маленькій островокъ, на которомъ чернѣлись едва примѣтныя хижины. Эти норы могли-ли быть жилищами образованныхъ людей—я сильно сомнѣвался. Проѣхавъ еще мили двѣ, Парозильверъ остановился, чтобъ подождать остальную толпу патагонцевъ и собрать окончательный совѣтъ, какъ распорядиться, чтобъ вести переговоры о моемъ выкупѣ. Было рѣшено, что я подойду къ берегу и буду ходить по немъ, чтобъ привлечь вниманіе островитянъ; но едва отдалится отъ острова какая-нибудь лодка, я долженъ буду тотчасъ удалиться. Я понялъ изъ этого, что патагонцы несовсѣмъ вѣрили моимъ обѣщаніямъ остаться съ ними, какъ я увѣрялъ ихъ во все время нашего послѣдняго пути.

Парозильверъ привелъ меня на берегъ, далъ мнѣ въ руки флагъ, сорванный ими съ несчастнаго брига Авона, чтобъ я могъ дѣлать имъ знаки, и я началъ свое прохаживаніе. Ни одна лодка не отдѣлилась отъ острова; цѣлый почти день провелъ я въ напрасномъ ожиданіи и сердце мое начало сильно трепетать, когда патагонцы начали поговаривать о возвращеніи въ свое кочевье. Островитяне не могли не замѣтить моего присутствія, потому-что островъ находился отъ берега мили на полторы, не болѣе, еслибъ не мѣшала снѣжная мятель. Бросивъ флагъ, я взялъ горячую головню и началъ махать ею. Парозильверъ, спрятавшись въ кустъ, внимательно глядѣль въ даль и наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ мнѣ, что видитъ плывущую лодку. Я едва могъ вѣрить глазамъ моимъ, увидавъ самъ въ-самомъ-дѣлѣ лодку съ четырьмя людьми. Подъѣхавъ саженъ на триста къ нашему берегу, гребцы опустили весла и лодка остановилась. Патагонцы приказали мнѣ тогда присоединиться къ нимъ, но, не слушая словъ ихъ, я бросился со всѣхъ ногъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла лодка. Патагонцы пустились за мною въ погоню, но остатки моихъ башмаковъ давали мнѣ преимущество

предъ ними. На мѣстѣ, усѣянномъ острыми кремнями, Парозильверъ рычалъ какъ звѣрь; но увѣряя его, что я хотѣлъ только переговорить поближе, съ бѣлыми, я продолжалъ бѣжать какъ только позволяли мнѣ мои тощія ноги. Человѣкъ, правившій рулемъ, окликнулъ меня и спросилъ къ какому племени принадлежали преслѣдовавшіе меня дикари, сколько ихъ и какъ я попалъ въ ихъ среду? Я отвѣчалъ какъ можно короче, что нѣсколько патагонцевъ желаютъ переправиться на островъ, чтобъ получить за меня выкупъ. Спрашивавшій меня отрицательно покачалъ головою и замѣтилъ, что онъ не можетъ довѣрять такимъ людямъ, какъ патагонцы, и ни одного не пуститъ на бортъ.

— А меня, одного меня, закричалъ, я отчаяннымъ голосомъ, видя, что патагонцы, которые почему-то пріостановились, скоро настигнутъ меня.

— Хорошо! послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

Я обернулся; патагонцы были отъ меня въ нѣсколькихъ саженяхъ. Чтобъ чѣмъ-нибудь пріостановить ихъ, я вынулъ изъ кармана часы, которые везъ съ собою по приказанію Парозильвера, чтобъ вставить стекло, и бросилъ ихъ въ кустарникъ и потомъ кинулся головою въ рѣку; платье и башмаки затрудняли мое плаваніе, сильный вѣтеръ вздымалъ огромныя волны, но надежда на свободу придавала мнѣ силы. Подплывъ къ челноку, прежде всего увидалъ я ружейные стволы, которые были направлены на патагонцевъ, въ случаѣ, еслибъ они отважились преслѣдовать меня вплавь; тутъ только почувствовалъ я, что руки мои опускаются и я не могу ими дѣйствовать! Замѣтивъ, что я иду ко дну, человѣкъ, стоявшій у руля протянулъ мнѣ ружье, за которое я судорожно схватился. Двое другихъ людей приподняли меня за воротникъ и я почти безъ чувствъ упалъ на дно лодки. Мнѣ предложили перемѣнить платье, но я просилъ только объ одномъ, чтобъ гребцы удалились поспѣшнѣе прочь отъ берега. Меня не стали томить никакими разспросами и тотчасъ-же подали рому, который былъ взятъ для моего выкупа; я не заставлялъ просить себя и жадно глоталъ напитокъ, распространявшій теплоту въ моихъ окоченѣвшихъ членахъ, прислушиваясь къ дикому вою великановъ. Нашли-ли они часы? Напоминаютъ-ли они про меня Парозильверу и его женамъ — благодаря Бога, вопросъ этотъ остался для меня неразрѣшимымъ.

Я съ чувствомъ пожалъ руку г. Галлу (такъ назывался англичанинъ, правившій рулемъ) и, со слезами на глазахъ, благодарилъ Бога за мое чудесное освобожденіе. Мнѣ тотчасъ-же отвели особенную хижину и развели огонь.

— Теперь, господа,—сказалъ г. Галлъ,—поздравимъ нашего гостя торжественнымъ залпомъ:—пали!

Раздался дружный залпъ карабиновъ, на который отозвались патагонцы едва слышнымъ воемъ.

Меня схватили перваго мая, на островъ прибылъ я седьмаго августа, слѣдовательно я пробылъ у патагонцевъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

КУБЕГУЛЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ АБХАЗСКИХЪ НРАВОВЪ,

В. И. САВИНОВА.

Посвящается Е. П. Павлу Михайловичу Новосильскому.

—

I.

Богата и роскошна природа Абхазіи въ своихъ картинныхъ видахъ, въ ея то голыхъ, обрывистыхъ холмахъ, то въ мрачныхъ скалахъ, поросшихъ самшитомъ и сосною. Не оторвешься жаднымъ взглядомъ отъ ея великановъ-лѣсовъ, отъ ея темныхъ и полныхъ ужаса ущелій! Кому судьба и обстоятельства, такъ какъ мнѣ, дали возможность приглядѣться къ этой природѣ, не для всѣхъ доступной, тотъ долженъ сотню разъ обмирать отъ наслажденія. Видѣлъ я горы Абхазіи и ея роскошныя долины; не разъ томился зноемъ подъ ея небомъ, не разъ подъ вой шакала, самъ, какъ звѣрь, прятался въ лѣсныхъ трущобахъ и, дрожа отъ холода ночи, все-таки не могъ оторваться отъ картинъ пустыни, облитыхъ блѣднымъ свѣтомъ луны, при которой по кремню

скалъ, какъ змѣи, ползутъ и серебрятся едва замѣтныя тропинки, выбѣгающія на отвѣсный утесъ, или прячущіяся за камень. А кругомъ молчаніе ужасающее; кругомъ сонъ исполиновъ: боишься шелохнуть одеждой, боишься вздохнуть свободно, какъ-будто бы ждешь, что отъ твоего движенія проснется вся эта величественная тишина. Хороши горы и долины Кавказа, очень хороши, когда надъ ними сіяетъ день, когда надъ ними плыветъ луна въ прохладную ночь; но ничто не заключало въ себѣ столько поэзіи, какъ долины Дзыбни, тамъ, гдѣ Бзыбь, дойдя до аула, отъ котораго получила свое названіе, круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ и съ ужасающею быстротою бѣжитъ на западъ. На прибрежныхъ скалахъ, какъ орлиныя гнѣзда, раскинулись бѣдныя сакли горцевъ; у подошвы горъ, нетронутыхъ рукою цивилизаціи, смѣло, въ прихотливыхъ кудряхъ вьется и ползетъ виноградникъ; мелкій яворъ опушилъ подножіе этихъ горъ, и между нимъ всталъ густой самшитъ. По обширному ковру полевыхъ цвѣтовъ весело бѣгутъ ручьи; за тремя серебристыми полосами ихъ встала роща, изумительно странная по своему виду. Въ первое мгновеніе, когда только вырисуется она на горизонтѣ, усталый путникъ пораженъ ея видомъ: въ этой дикой пустынѣ, въ едва проходимыхъ скалахъ и трущобахъ, онъ видитъ городъ съ его восточною обстановкою, съ его куполами мечетей, съ его кипарисами, минаретами и плоскими кровлями домовъ—до того обманчивъ рисунокъ этой рощи! Но и несовсѣмъ разочарованъ въ своихъ надеждахъ бѣдный странникъ, когда достигнетъ этого fata morgana абхазской пустыни... Густая зелень въ знойный полдень даетъ ему прохладную тѣнь, свѣжая вода тутъ же, дикіе плоды къ его услугамъ.

Былъ полдень. Іюнское солнце жгло невыносимо; казалось, отъ его лучей густой смрадный паръ гари цѣлыми клубами вился надъ тропинками и надъ рѣкою, когда, измученный усталостью и голодомъ, я, во время моего бѣгства изъ плѣна, завидѣлъ берега Бзыби. Никакой звукъ не нарушалъ тягостнаго молчанія раскаленной солнцемъ пустыни. Въ другой странѣ страдалецъ, избѣгающій встрѣчи съ своими преслѣдователями, или врагами, только въ минуту общаго усыпленія, пользуясь темнотою ночи, находитъ возможность безопасно и безъ страха сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ; въ горахъ обратно: вечеръ и ночь часъ дѣятельности, день же—время общаго бездѣйствія; и можно смѣло быть увѣреннымъ, что никакой голодный зверекъ не оставитъ своей норы для того, чтобъ встрѣтить добычу въ полдневный жаръ. Въ рубищѣ, вооруженный винтовкою, съ запасомъ двухъ, микроскопической мѣры, патроновъ, которые мнѣ удалось отнять у моего сторожа Юсе-

фа, въ аулѣ «Дозари»*, я проходилъ дзыбскою пустынею, жаждя встрѣчи съ фазаномъ или горною козою... Тотъ и другой не ушли бы теперь съ моего прицѣла... Но прошелъ часъ, наконецъ и другой, ожиданія мои не сбывались... Я спустился по крутому берегу къ Дзыби и, утоливъ жажду, готовъ былъ, въ изнеможеніи, упасть при первомъ шагѣ на поляну, какъ видъ цвѣтущаго города, опушеннаго стройнымъ рядомъ тополей, поразилъ меня своимъ появленіемъ. До него я не могъ считать болѣе двухъ верстъ по прямой дорогѣ. Силы мои возрасли въ одно мгновеніе. «Городъ! въ горахъ? думалъ я... Ужь вѣрно не Ахмедъ-Аминъ выстроилъ его!» Отъ этой мысли, я перешелъ къ другой, которою старался разрѣшить невольно заданный себѣ вопросъ: «Гдѣ я и куда пришелъ?» Я зналъ, что въ горахъ, по разсказамъ бывалыхъ, и сколько самому случалось встрѣчать среди трущобъ Абхазіи, нерѣдко попадаются развалины большихъ селеній—но развалины! Теперь же передо мною открывался видъ города, повидимому оживленнаго... Вотъ кажется, передъ нимъ бродитъ стадо барановъ; надъ нимъ вьются стаи птицъ. Я удвоилъ шаги. Чѣмъ ближе подвигался я къ моему обѣтованному оазису, тѣмъ болѣе росло мое недоумѣніе... Невысокая, зигзагомъ раскинутая городская стѣна какъ-будто бы превращалась въ зелень орѣшника; за нею, передовые минареты и домы мало-по-малу теряли свою сѣроватую ровность стѣнъ, дѣлая, съ каждымъ моимъ шагомъ впередъ, шероховатѣе; наконецъ я разглядѣлъ ясно купы яблонь, явора, самшита и чинары, такъ оригинально и прихотливо подстриженныя, выровненныя и разбросанныя природой. Чтобы достичь этого фантастическаго города, который обѣщалъ мнѣ вкусный обѣдъ послѣ двухдневнаго поста, я долженъ былъ перебраться за ручей довольно быстрый и глубокій. Не рискуя броситься вплавь, потому-что силы мои были истощены дальнимъ переходомъ, голодомъ и зноемъ, я набрелъ на днище давно брошенной арбы, сложилъ на него мои лохмотья, винтовку и пару патроновъ, тщательно завязанныхъ въ лоскутъ, который замѣнялъ мнѣ сорочку, и пустился въ походъ. У берега теченіе было не очень быстро, что дало мнѣ возможность сообразить, какъ далеко снесетъ меня, и какъ я долженъ буду дѣйствовать. Переправа кончилась, можно сказать, благополучно, если не считать встрѣчи рогатаго корня ивы, около котораго мнутъ пять меня повертѣло порядочно. Въ этой дрянной встрѣчѣ не столько боялся я запутаться въ рогахъ ивы, сколько долженъ былъ истощать всю свою силу, смѣлость и сноровку, чтобъ не перевернулся

* Достовѣрные разсказы объ Абхазіи (Записки офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ) «Пантеонъ» 1850 г. № 2. и «Современникъ»— «Три мѣсяца въ плѣну у горцевъ 1848 г. № 8. Смѣсь». В. С.

мой плотъ, на которомъ находились мои рыцарскіе доспѣхи. Однако теченіе вынесло меня къ берегу... Блаженная минута моего кейфа была близка; но прежде слѣдовало изготовить винтовку и осмотрѣться, на случай какой-нибудь непріятельской встрѣчи... За рѣдкою грядою тополей открывался небольшой аулъ, раскинутый по предгорью; сакли были затворены и ни одной бороды, ни однаго башлыка не мелькало на ихъ порогахъ. Во всякомъ случаѣ, осторожный, какъ лисица, я, можно сказать, нырнулъ въ густой орѣшникъ и, добравшись до яблони, принялся опустошать ее. Въ эту минуту мнѣ послышалось какъ-будто бы въ оврагѣ, шаговъ за десять отъ меня, раздался шорохъ. При этомъ недоѣденный плодъ едва не всталъ у меня въ горлѣ; я бросилъ на землю десятокъ яблоковъ и приложился изъ винтовки, прямо по направленію къ закраинѣ оврага; въ ту же минуту, при лучахъ солнца, пробивавшагося сквозь тополь, сверкнулъ стволъ турецкаго ружья и его дуло какъ тутъ сыскало мое переносье... Я быстро прилегъ въ можжевельникъ; незнакомецъ повторилъ тотъ же маневръ. Въ немъ, въ этомъ встрѣчномъ, я легко могъ разглядѣть громаднаго, тощаго великана, котораго природа наградила невесьма привлекательною наружностью... Огромные черные глаза, ввалившись въ желтыя орбиты, по сторонамъ носа, передъ которымъ даже и носъ почтеннаго Хаджи-Юсуфа могъ бы назваться бородавкой, смотрѣли на меня такъ страшно, какъ-будто завидовали моимъ лохмотьямъ; баранья шапка, прикрывая порядочную копну черныхъ курчавыхъ волосъ, была надѣта на затылокъ; за плечами синяго бешмета моталась огромная котомка и чахолъ винтовки. Пристально смотря другъ другу въ глаза, мы не рѣшались на выстрѣлъ: вѣрному удару пули мѣшала неровность мѣста и два, три куста орѣшника, раздѣлявшихъ насъ. Нельзя же было цѣлый вѣкъ оставаться въ такомъ сомнительномъ положеніи. Я снялъ съ курка палецъ и поползъ впередъ. Страшный врагъ мой сдѣлалъ то же, но только такъ, какъ дѣлаютъ это раки.

— Если этотъ разбойникъ не запрашиваетъ меня въ засаду, подумалъ я, такъ онъ врагъ не опасный. «Кто ты?» спросилъ я, поабазински, стараясь голову спрятать за дерево, а винтовку положить на голый сукъ яблони, и на прицѣлъ. Отвѣта не было и только глаза незнакомца, еще болѣе увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, остановились на мнѣ съ выраженіемъ недоумѣнія. Я повторилъ свой вопросъ.

— Брось винтовку, скажу... я не врагъ твой... я тебя знаю! отвѣчалъ онъ, довольно чисто порусски.

— Знаешь! повторилъ я съ невольнымъ страхомъ и также невольно исполняя его желаніе.

— Знаю, кунакъ, знаю! Ты бѣжалъ изъ аула Дозари, тому назадъ дней шесть.

— Но кто же ты?

— Армянинъ, коробочникъ.

Весьма немногіе знаютъ, что̀ такое коробочникъ. Это особенный, самобытный типъ людей, часто встрѣчающихся въ горахъ Кавказа; это мелочные торговцы, которые, съ котомкою за плечами, надѣясь на гостепріимство горцевъ, бродятъ въ скалахъ и трущобахъ Кавказа, подвергая жизнь свою, изъ-за ничтожнаго барыша, опасности на каждомъ шагу. Такихъ туристовъ-торговцовъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ чисто-русскіе крестьяне, народъ бойкій, смѣлый и смышленый, бродятъ въ окрестностяхъ Тифлиса, на границѣ Персіи, въ Мингреліи, Имеретіи и Кахетіи, рѣдко вдаваясь въ горы; другіе, болѣе—знакомые съ дикарями, евреи и армяне, смѣло проходятъ трущобы Черныхъ горъ, Сванетію, Горную Кабарду, Чечну, Абхазію, Абазію и даже иногда являются въ аулахъ шапсуговъ, убыховъ и натухайцевъ. Это люди, которые съ грузомъ позумента, снурковъ, пуговицъ, петель и петелекъ всѣхъ родовъ, съ грузомъ пестрыхъ матерій, ситцевъ и небольшаго количества платья, за лишній абазъ готовы на встрѣчу съ хищниками и горскими абреками. Въ теченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ такой коробочникъ, вынося бездну лишеній, каждую минуту опасаясь за цѣлость своего богатства и своей головы, обойдетъ верстъ тысячу, навѣстить своихъ старыхъ кунаковъ и побываетъ, нерѣдко, тамъ, куда трудно добраться и цѣлой экспедиціи... Воспоминаніе путевыхъ впечатлѣній и приключеній каждаго изъ нихъ могли бы составить весьма интересный романъ, который иной фельетонистъ школы Теккерея и Диккенса непремѣнно назоветъ сказкою. Мой встрѣчный незнакомецъ принадлежалъ къ послѣднему роду коробочниковъ.

Послѣ перваго нашего объясненія мы не имѣли нужды ни въ подозрѣніяхъ, ни даже въ винтовкахъ. Въ армянинѣ я точно узналъ странствующаго коробочника, котораго, за день до моего бѣгства изъ Дозари, мелькомъ видѣлъ у княжеской сакли. Въ свою очередь, онъ не солгалъ, что знаетъ меня. Весьма нерѣдко коробочники, обходя аулы, горы и ущелья, кромѣ торга, занимаются еще и другимъ ремесломъ, довольно для нихъ прибыльнымъ. Плѣнникъ, ясырь, перепроданный въ десятыя руки, часто находитъ въ нихъ своего избавителя. Возвращаясь на слѣдующій годъ въ горы, коробочникъ приноситъ ему радостную вѣсть о родныхъ, друзьяхъ, а иногда и выкупъ. Въ этомъ случаѣ обѣ стороны, какъ плѣнникъ, такъ и его владѣлецъ, разумѣется, остаются благодарны странствующему торговцу. Для моего новаго знакомца, Іосана, рас-

продажа скарба, заключавшагося въ его котомкѣ, служила только невиннымъ предлогомъ къ свободному посѣщенію горскихъ ауловъ, и все, что́ носилъ онъ за плечами, не давало ему такого богатаго барыша, какъ розыски о мѣстѣ заключенія плѣнныхъ и ихъ выкупъ.

Обрадованный такою встрѣчею, я вышелъ изъ моей засады и расположился въ оврагѣ рядомъ съ почтеннымъ Іосаномъ. По разбросаннымъ на травѣ объѣдкамъ шамаи, недоварёной кукурузы и сухарямъ, я легко могъ догадаться, что армянинъ былъ встревоженъ моимъ нежданнымъ появленіемъ въ ту же самую минуту, какъ и я, т. е. въ минуту отрадную для голоднаго странника. Онъ наслаждался своимъ обѣдомъ. Не отвѣчая на сотню сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ, я прежде всего съ ожесточеніемъ напалъ на съѣдомое богатство армянина и уничтожилъ его кукурузу дочиста. Іосанъ глубокомысленно покачалъ головой, улыбнулся и выкинулъ мнѣ изъ котомки пару шамаекъ.

— Вѣрно, давно не ѣлъ? спросилъ онъ.

— Два дня.

— Ничего?

— Ни корешка, ни крошки.

— А прежде?

— Подстрѣлилъ какую-то пеструю пташку, половину съѣлъ, половину оставилъ про запасъ...

— Гм... Гдѣ же она?

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю, гдѣ она... Должно быть, шакалка украла ночью.

— Куда же пробираешься теперь?

— До перваго мирнаго аула, на береговую линію...

Іосанъ надвинулъ папахъ на брови, снова стянулъ его на затылокъ и проворчалъ что-то на своемъ родномъ нарѣчіи.

— Не скоро же ты доберешься до своихъ, сказалъ онъ. — Уходя изъ Дазари, ты вѣрно бросился въ лѣсъ?

— Да...

— Потомъ въ бродъ перешелъ рѣчку.

— Да.

— Такъ; отъ того-то ты и очутился тамъ, гдѣ тебѣ ни слѣдъ, ни дорога. Послушай, кунакъ, продолжалъ онъ: есть у тебя родные?..

— Есть.

— Съ деньгами?

— Ну, такихъ нѣтъ. А что?

— Если бы мнѣ заплатили, такъ и быть, я бы тебя вывелъ изъ этого омута. Самому же тебѣ здѣсь побродить, походить, да и остаться.

Такая откровенность со стороны коробочника заморозила кровь въ моихъ жилахъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и новымъ моимъ шагомъ впередъ я мечталъ о скоромъ своемъ избавленіи отъ всѣхъ лишеній и страданій; а теперь изъ словъ армянина хорошо понималъ, что мнѣ придется или умереть отъ голода и лишеній на распутьи, или снова отдаться въ руки моихъ враговъ.

— Послушай, сказалъ я: если ты сдѣлаешь доброе дѣло и поможешь мнѣ добраться до своихъ, то не будешь въ накладѣ.

— А какъ это случится?

— У меня есть друзья, которые...

— Друзья? Хе! Какъ-будто бы они у тебя могутъ быть? съ усмѣшкою замѣтилъ Іосанъ, разглядывая мои печальныя лохмотья... Жалкая надежда на некормленнаго коня! Друзья твои вѣрно ужь давно не видали у тебя даже вытертаго абаза...

— Правда, правда! прошепталъ я, грустно задумываясь надъ истиною словъ коробочника.

— Но однако, назови кого-нибудь, сказалъ онъ, быть можетъ, я и знаю...

Я назвалъ поручика Б., моего товарища по службѣ и по воспитанію, человѣка, съ которымъ насъ связывало многое: общность характера, понятій и обстоятельствъ жизни при искренней другъ къ другу привязанности.

— Знаю, знаю! быстро подхватилъ армянинъ:—хорошій человѣкъ, съ деньгами человѣкъ, добрый баринъ; знаю: онъ теперь въ Псізоопѣ. Пойдемъ! Теперь пойдемъ!

Съ этими словами Іосанъ отстегнулъ крючки, смыкавшіе крышку его кожаной котомки, вынулъ черкеску верблюжьей шерсти, папахъ и пару сафьянныхъ чириковъ.

— Надѣвай, сказалъ онъ: послѣ заплатишь.

Семь мѣсяцевъ не видя на себѣ порядочнаго лоскута, я съ восторгомъ ребенка бросился къ подарку моего добраго армянина. Тщательно осмотрѣвъ меня въ новомъ костюмѣ, Іосанъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ долженъ былъ я вести себя въ предстоящемъ пути и въ его обществѣ. Онъ мнѣ открылъ, что на берегахъ Бзыби самъ является только первый разъ; что странствованіе наше продолжится, быть можетъ мѣсяцъ, а легко случится, что и два. Іосанъ отыскивалъ въ горахъ, плѣннаго мингрела Джгали, богатаго человѣка, захваченнаго абазехами въ минувшую осень. Слѣдъ Джгали былъ уже открытъ: перепроданный въ четвертыя руки, онъ, по разсказамъ кунака Іосанова, Арсланая, мелкаго цебельдинскаго князька, находился теперь въ Бзыби.

II.

Смеркалось, когда на предгорьи и у порога саклей, вдоль неправильной тропинки, замѣнявшей для аула площадь, мы замѣтили особенное движеніе.

Дѣти и женщины съ глиняными кувшинами толпою сходились у общаго водоема; старые горцы тщательно разметали грязь и пыль передъ порогомъ своихъ мазанокъ въ то время, какъ молодежь, въ праздничныхъ чухахъ, съ почтеніемъ подходила къ старымъ наѣздникамъ и молча, съ какимъ-то благоговѣніемъ, окружала ихъ саклю.

— Смотри, случалось ли тебѣ видѣть, спросилъ Іосанъ: какъ ловко и безстрашно умѣютъ цѣпляться горцы по скаламъ, на которыхъ не удержится и муха? Съ этими словами онъ указалъ на четырехъ абазеховъ, взбиравшихся на крутизны скалъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ страха и изумленія видѣть этихъ акробатовъ, опоясанныхъ въ нѣсколько рядовъ веревкою и вооруженныхъ желѣзнымъ крюкомъ, имѣвшимъ форму кочерги. Съ изумительною ловкостью горцы, пронзительно перекликаясь, прыгали надъ обвалами и, сдержавшись на вѣсу за какой-нибудь ненадежный кустъ можжевельника, быстро закидывали крюкъ въ трещины скалы и снова, то выползая на груди, то перебѣгая едва замѣтныя для глаза стежки, подымались все выше и выше. Наконецъ они остановились, звонко откликнулись другъ другу и сбросили къ нижнимъ площадкамъ свои веревки. Въ ту же минуту привязанныя къ этимъ веревкамъ четыре насмоленыя корзины были подняты на скалы и вздѣты на палки. Въ теченіе получаса полсотни такихъ корзинокъ были разставлены по дугѣ скалъ, окружавшихъ аулъ.

— Что это значитъ? спросилъ я Іосана.

— А то, что мы пришли къ Дзыбцамъ въ благопріятное для насъ время. Сегодня они празднуютъ ночь Созереша * и считаютъ для себя счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ это время нечаянно появится въ аулъ странникъ. Пойдемъ, сказалъ армянинъ: опасаться нечего. Отправляясь въ путь, мы условились, что, въ случаѣ любопытства горцевъ, мнѣ должно назваться мингреломъ, также странствующимъ коробочникомъ и помощникомъ Іосана. Оставивъ рощу, мы направились къ аулу, держась обрывомъ и стараясь незамѣченными добраться до первой сакли. Товарищъ мой владѣлъ необыкновеннымъ умѣньемъ карабкаться по неровной крутизнѣ и находить часто тамъ удобныя тропинки для пѣшехода, гдѣ, казалось, не проберется и дикая коза. При помощи

* Богъ обилія и домашняго благоденствія.

его находчивости, мы благополучно и скоро добрались до аула, который раскидывался на площадкѣ въ два ряда правильно расположенныхъ саклей. Вмѣсто того, чтобъ идти въ *асасайру*, передовую или глиняную мазанку, Іосанъ попалъ вмѣстѣ со мною въ семейную саклю, называемую *амхарою*. Визгъ и крикъ женщинъ, которыхъ мы застали въ минуту ихъ туалета, остановилъ насъ при первомъ шагѣ за порогъ мазанки. Испуганный армянинъ совершенно растерялся и не двигался съ мѣста; раздѣляя его неудачу, я только старался спрятаться за котомкою Іосана въ то время, какъ чадры, чирики (башмаки) и шапочки вмѣстѣ съ шальварами летѣли намъ въ голову.

— Ахъ! асхей-асханы! (отцы отцовъ моихъ!) Да это гяуры! Безсовѣстные бродяги-абреки! Вонъ ихъ! Вонъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Іосанъ успѣлъ прійти въ себя отъ неожиданной встрѣчи и невыгоднаго пріема... Онъ уже почтительно приподнялъ свой папахъ, готовый высказать длинную рѣчь въ похвалу добродѣтелей, красоты, снисхожденія прекрасныхъ горянокъ, и, разумѣется, въ свое оправданіе, какъ изъ толпы отдѣлились двѣ красивыя дѣвушки, быстро бросились къ моему вожатому, обвернули ему голову какой-то тряпкой и вытолкали насъ за порогъ сакли. Громкій и рѣзвый смѣхъ слышался за дверью мазанки, когда я бросился на помощь къ бѣдному коробочнику, желая распутать лоскутъ чадры, обвивавшій его голову, но въ ту же минуту сильная рука схватила меня за воротъ и оттолкнула шаговъ на пять отъ почтеннаго Іосана, такъ, что я едва не разстался съ нимъ и съ жизнью, съ трудомъ удержавшись на закраинѣ обрыва. Дѣло очевидно принимало для насъ весьма дурной оборотъ. Однакожъ нашъ промахъ, благодаря высокому понятію горцевъ о гостепріимствѣ, кончился для насъ благополучно. Старый горецъ Албей, старшина семейства, къ которому мы явились незванными гостями, подоспѣвшій на крикъ женщинъ, послѣ короткаго объясненія съ Іосаномъ, разразился громкимъ смѣхомъ, когда узналъ, что мы были встрѣчены цѣлымъ залпомъ башмаковъ и шальваровъ. Извиняя отъ души нашу ошибку и весьма довольный, что въ ночь Созереша странники пришли именно къ его саклѣ, онъ прежде всего протянулъ мнѣ руку, прося не помнить обиды и неосторожнаго толчка.

— Если ты хочешь плясать сегодня на нашемъ праздникѣ, странникъ, сказалъ онъ: то моя дочь, красавица Кубегуля, до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ послѣдняя корзина на нашихъ скалахъ, будетъ твоею подругою... Прости меня! Домъ мой—твой домъ, и дѣти мои да будутъ твоими братьями, кто бы ты ни былъ!..

Между тѣмъ, какъ совершалась эта патріархальная сцена, толпа молодыхъ и сѣдыхъ наѣздниковъ сдвинула около насъ тѣсный кружокъ.

—«Га! кунаки! гости Созерема! братья! раздавалось со всѣхъ сторонъ... Ко мнѣ, ко мнѣ! Моя сакля просторна и богата; мои бурки мягки, какъ пѣна Бзыби! Ни у кого нѣтъ такихъ жирныхъ барановъ, какъ у меня!» кричали гостепріимные абазехи и сотня рукъ тащили насъ въ разныя стороны. Въ избыткѣ похвальнаго радушія наѣздники вѣрно растащили бы насъ, какъ говорится, на щепокъ по клочьямъ, еслибъ Албей, возвысивъ голосъ, не объявилъ, что мы уже его гости и просили пріюта въ его саклѣ. Когда споръ былъ рѣшенъ предъявленными на насъ правами стараго Албея, вниманіе наѣздниковъ обратилось къ котомкѣ Іосана. Нельзя передать ихъ восторга, съ которымъ они бросились на мелочь: колечки, пуговки, тесемки и мишурные снурки армянина. Въ одну минуту было раскуплено до нѣсколько сотенъ мелочныхъ предметовъ. Вещи, особенно пригодныя для подарка дѣвушкамъ и женщинамъ, имѣли огромный и выгодный сбытъ. Іосанъ торжествовалъ и радовался въ душѣ за пріемъ, намъ оказанный.

Между тѣмъ ночь раскидывалась надъ скалами. Въ сѣроватомъ полусвѣтѣ вечера—картина бзыбскихъ ландшафтовъ измѣнилась совершенно. Прозрачный, струйчатый туманъ легкимъ дымчатымъ ковромъ опоясалъ предгорья и раскинулся въ ущельяхъ; въ немъ исчезла далекая окрестность и самая Бзыбь, и только подъ скалою рисовался во всѣхъ своихъ фантастическихъ формахъ далекій лѣсъ. Кругомъ тянулись непроницаемыя для взгляда пустыни, молчаливыя и безмолвныя. Ни вскрикъ птицы, ни визгъ ея размашистаго крыла, ни даже шумъ и шорохъ пролетнаго вѣтра не нарушали молчанія воздуха... Казалось, все замерло, все уснуло непробуднымъ сномъ въ эту минуту и на одномъ только уступѣ скалы, въ сумракѣ вечера, рисовались толпы статныхъ горцевъ, да ихъ размашистыя тѣлодвиженія при бойкомъ и громкомъ словѣ наѣздниковъ... Но вотъ на площадкѣ показались группы стройныхъ горянокъ, и затѣмъ въ концѣ аула, по восточную его сторону, раздались три выстрѣла; въ ту же минуту на скалахъ, съ трескомъ зажглись и запылали корзины, бросивъ въ небо яркое зарево... Картина была чудная! Первая въ отсвѣтѣ огня блеснула передъ нашими глазами *Бзыбь*, за нею—фантастическая роща. Мрачная въ своихъ оврагахъ и переходахъ, она облилась по вершинамъ деревьевъ такимъ дивнымъ фіолетовымъ огнемъ, котораго не перенесла бы на полотно никакая животворная кисть; сакли аула казались тлѣющимъ углемъ въ то время, какъ безпрерывное дыханіе воздуха и вѣтра поддерживаетъ его яркій пылъ:.. За выстрѣлами, мужчины и женщины раздѣлились посемейно, и въ нѣ-

момъ, благоговѣйномъ молчаніи, каждая семья разошлась къ саклѣ своего старшины. Я и Іосанъ послѣдовали за Албеемъ и, какъ гости, пользовались почетнымъ правомъ идти впереди всѣхъ сейчасъ же за старшиною. Все это торжественное шествіе, нѣмое молчаніе горцевъ и особенно горянокъ, которыя, сказать кстати, всегда и во всякое время заговорятъ первую провинціальную кумушку, мѣрная походка наѣздниковъ, ихъ скромность и безмолвіе заставили меня нѣсколько оглянуться. Зная подвижной, энергическій характеръ горныхъ абазеховъ, я удивляся ихъ тишинѣ, ихъ, можно сказать, несмѣлой поступи: какъ-будто бы эта семья вся шла на костеръ—такъ были мрачны и угрюмы лица меня окружавшихъ. Мы перешли площадку аула и поднялись на скалу, надъ обрывомъ которой раскидывался амбаръ Албея.

—«Созерешъ, прости насъ, если мы неумѣренно поѣдали плоды съ деревъ нашихъ; прости намъ за лишне съѣденнаго барана!.. Созерешъ, дай намъ увидѣть тебя!» благоговѣйно и простодушно шептали горцы и горянки.

Албей торжественно оглянулся на толпу, за нимъ слѣдовавшую, далъ знакъ остановиться и приблизился къ дверямъ амбара.

Въ эту минуту, какъ изъ земли выросъ маленькій, толстый и, сказать по правдѣ, чрезвычайно отвратительной наружности турокъ. Нигдѣ и никогда еще зеленый цвѣтъ съ пунцовымъ, не гармонировалъ такъ невыгодно, какъ зеленая чалма солиднаго правовѣрнаго, съ его ноздреватою, покрытою прыщами и ярко-фіолетовою физіономіею. Съ перваго взгляда легко можно было заключить, что почтенная отрасль Могамета, несовсѣмъ слѣдовала его завѣту и не прочь была отъ кахетинскаго.

— Вотъ нашъ врагъ! Надо его сжить съ рукъ! шепнулъ мнѣ Іоасанъ... Поддерживай меня... не то мы пропали: у этого звѣря зоркій глазъ и, повѣрь, для него тебѣ не быть мингреломъ.

— Дай дорогу! Прочь! крикнулъ армянинъ.

Сотня голосовъ повторила то же самое.

Въ первое мгновеніе зеленая чалма сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ; но, вѣроятно, не желая потерять власти, какою пользуются его собраты-выходцы надъ умами жалкихъ дикарей, онъ сталъ въ позу драматическаго героя и, раскинувъ руки, остановился передъ Албеемъ.

— Что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ.

— Не жалѣй языка! шепнулъ мнѣ Іосанъ.

— Съ дороги его, съ дороги! подхватилъ я, совершенно не понимая, чѣмъ бы могъ повредить мнѣ этотъ невзрачный карликъ, котораго толщина пропорціонально равнялась его росту.

— Съ дороги, съ дороги! подхватили горцы.

— Правовѣрные! Такъ-то вы помните слова Корана? началъ было зеленый турокъ.

— Съ дороги! съ дороги! повторяли горцы.

— Мудрый и благородный Албей, швырни его со скалы, онъ смѣется надъ обрядами и завѣтами отцовъ твоихъ! подсказалъ Іосанъ.

— Со скалы его! со скалы въ джехенемъ! крикнула молодежь, положивъ руку на кинжалы и выступая впередъ.

—«Да будетъ! Во имя Созереша!» громко сказалъ Албей, ухвативъ за воротъ турка.

— Во имя Созереша, во имя Созереша погибаетъ тотъ, кто смѣется надъ завѣтами отцовъ нашихъ! отозвались мужчины и женщины.

— Во имя Созереша! сказалъ Албей—и зеленая чалма закрутилась внизъ по косогору.

Признаюсь, отъ этой короткой и скорой расправы у меня потемнѣло въ глазахъ: бѣдный турокъ, кубаремъ прокатившись саженъ шесть внизъ по косогору, со стономъ приподнялся на ноги, снова упалъ и поползъ въ кусты явора. Изъ этого я легко заключилъ, что турки, постоянные враги русскихъ, проповѣдуя вѣчную въ горахъ вражду къ намъ, небольшимъ почетомъ пользуются и у абазеховъ.

Изъ толпы горцевъ никто даже не удостоилъ оглянуться на сброшеннаго. Все вниманіе горцевъ было сосредоточено на растворенныхъ дверяхъ амбара, въ который, нашептывая какую-то молитву, медленно вступилъ старшина. При яркомъ свѣтѣ огней, пылавшихъ на скалахъ, мы видѣли, какъ Албей принялся разрывать уголъ амбара, заваленный хламомъ. Пыльныя ветошки, старыя попоны и войлоки вмѣстѣ съ обломками арбяныхъ колесъ летѣли по сторонамъ, выбрасываемые нетерпѣливою рукою старшины. Наконецъ онъ дорылся до чего-то, и находка его была встрѣчена крикомъ: «Созерешъ! Созерешъ!» Дѣйствительно Созерешъ былъ вытащенъ изъ своего годичнаго заключенія и поставленъ на срединѣ амбара. Въ богѣ обилія и домашняго благоденствія мы увидѣли огромный уродливый и грязный чурбанъ съ семью сучьями, къ которымъ тотчасъ же одна изъ дѣвушекъ прилѣпила по свѣчкѣ и зажгла ихъ. * Горцы вступили въ амбаръ безъ шапокъ и окружили рогатое изображеніе Созереша. Церемонія продолжалась недолго. Общество усердныхъ чтителей чурбана, взявшись за руки, составило около него кругъ, и старшина прочелъ воззваніе, въ родѣ

* Подобный обрядъ праздника «Созереша» разсказалъ въ соч. «Подражаніе Кавказа». Часть 2, стр. 258.

слѣдующаго: «Созерешъ! благодаримъ тебя за урожай нынѣшняго лѣта; просимъ тебя даиросто намъ и въ будущемъ обильную жатву; просимъ тебя, Созерешъ, охранять наши хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара!» «Просимъ тебя, Созерешъ, просимъ!» повторяли горцы и обрубокъ былъ вынесенъ на порогъ амбара. Тотчасъ разостлались ковры, бурки, попоны, цыновки, плетеныя изъ камыша и началась попойка во славу Созереша.

Абазехи любятъ пожить весело: для нихъ праздникъ — пиръ горой, впрочемъ, не потому, чтобы цѣль этого праздника ограничивалась попойкой и пляской. Праздничная попойка для нихъ часто результатъ предпріятій цѣлаго аула... Умы разгорячены виномъ, энергія—бойкимъ разсказомъ о минувшей удали; сердце на распашку; мнѣнія откровенны, и вотъ почему для нихъ каждый пиръ тотъ же импровизированный *хасъ* (*совѣтъ*). Тутъ иногда рѣшаются свадьбы, сочиняется умная пѣсня и интересный разсказъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ веселья я долженъ былъ отказаться отъ завиднаго права плясать цѣлый вечеръ съ хорошенькою Кубегулею, дочерью Аблея. Рѣшиться на такой подвигъ, значило осрамить себя на весь аулъ; я былъ увѣренъ, что даже и старый конь моего хозяина далеко лучше меня плясалъ лезгинку. Во всякомъ случаѣ, надо же было чѣмъ нибудь вознаградить себя за такую грустную потерю... Не желая оставаться равнодушнымъ и безмолвнымъ гостемъ, я подсѣлъ къ обществу стариковъ. Послѣдніе на этотъ разъ, противу своего обыкновенія, забыли споры о достоинствѣ своихъ шашекъ и снова обратились къ котомкѣ Іосана. Между множествомъ дешевыхъ мелочей, Албей въ сокровищницѣ армянина нашелъ колоду картъ.

— Картинки! картинки! крикнуло нѣсколько голосовъ, и десятки рукъ потянулись къ картамъ. Слово «картинки» въ минуту сообщилось отъ одной тотпы къ другой, и скоро все населеніе аула, забывъ и бурдюки съ кахетинскимъ и пляску, мужчины и женщины, старики и молодые стеклись поглядѣть на диковинку. Назначеніе находки Албеи немногимъ было извѣстно; но нѣкоторые изъ стариковъ, а въ томъ числѣ и нашъ хозяинъ, знали употребленіе картъ, при помощи которыхъ, въ трефоваго джигита умѣли проиграть не одну чуху съ плечъ и не одинъ абазъ во время своихъ странствованій въ Нижней Абазіи и Кабардѣ. Горцы большіе хвастуны, и потому тотчасъ же между стариками нашлось человѣка три, которые съ особенною важностью и съ большимъ педантизмомъ принялись наперерывъ объяснять новичкамъ процесъ игры. Въ этомъ случаѣ понятія молодежи не были тупы, и двадцать охотниковъ вызвались на состязаніе. Но Албей перебилъ и перекричалъ

всѣхъ. Завладѣвъ *колодою*, онъ предложилъ Іосану сыграть съ нимъ въ трефоваго Джигита, * на мотокъ позумента, и отвѣчая съ своей стороны баранами. Игра началась. Мотокъ позументовъ былъ оцѣненъ обществомъ сѣдыхъ бородъ въ десять абазовъ (2 р. сер.), баранъ—въ четыре абаза. Армянинъ былъ знатокъ своего дѣла и работалъ хладнокровно, разсчитано, даже несовсѣмъ чисто; горецъ, можно сказать, не умѣлъ играть и былъ запальчивъ, какъ горцы. Мнѣ стало жаль бѣднаго Албея, когда онъ, проигравъ своихъ почти единственныхъ трехъ барановъ, на два абаза поставилъ коверъ, на которомъ мы сидѣли—и коверъ перешелъ въ руки счастливаго Іосана.

— Ну, такъ отыграюсь же я! вскричалъ побагровѣвшій отъ досады старикъ, готовый свернуть голову трефовому джигиту.

— А что поставишь? равнодушно спросилъ Іосанъ, играя картами.

— Дочь! Кубегулю!

Я взглянулъ на дѣвушку. Блѣдная, но безъ всякаго тревожнаго выраженія въ прекрасныхъ глазахъ, молодая горянка взглянула на отца, потомъ на его противника и, перекинувъ на грудь прядь своихъ черныхъ косичекъ, принялась играть ими съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто отецъ проигрывалъ свои старые *чирики*.

— А сколько? съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ Іосанъ въ то время, какъ въ его рукахъ каждая карта уже знала свое мѣсто.—Четыре раза *курушки-обезе*, отвѣчалъ Албей. ** Хорошо, продолжалъ армянинъ, чтобъ покончить дѣло разомъ, не пытая души, я ставлю всю мою котомку.

— Ставь!.. кидай карту! мрачно отозвался Албей.

Мнѣ стало грустно за будущее бѣдной дѣвушки. Спасти ее не предвидѣлось средствъ: для Іосана выигрышъ былъ вѣренъ. Помѣшать ему значило потерять свою свободу... Но Кубегуля была такъ хороша, въ ея блѣдномъ лицѣ просвѣчивалось теперь столько сильной грусти, что, казалось, дочь Албея не выдержитъ своей пытки и зарыдаетъ... Картина вообще была поразительна. Албей посинѣлъ отъ роковаго ожиданія. Кругомъ стоявшія женщины въ молчаніи наклонили свои красивыя головки, какъ-бы сознавая свое безсиліе и ничтожество; старые и молодые горцы, сдвинувъ шапки на густыя брови, сверкающимъ взглядомъ слѣдили каждую выпавшую карту. Еще два, три движенія ловкой руки игрока—и Кубегулю выигралъ-бы армянинъ. Не знаю, вслѣдствіе какого

* Игра, стоющая европейскихъ штосовъ; въ ней первенствуетъ трефовый валетъ. Смот. «Достопные разсказы объ Абазии, записки плѣннаго офицера.» «Пантеонъ» 1850 г.

** *Курушки*—сорокъ.

увлеченія и порыва, но я рѣшился лучше измѣнить Іосану, чѣмъ хорошенькимъ глазамъ горянки, которыя въ эту минуту выразили сильное отчаяніе...

Быстрымъ движеніемъ, придавая, впрочемъ, этому движенію видъ неловкости, я такъ мѣтко швырнулъ отъ себя пустой азерпешъ, что остатокъ картъ вмѣстѣ съ трефовымъ джигитомъ далеко вылетѣлъ за коверъ изъ рукъ Іосана.

Въ одно мгновеніе началась общая суматоха. Одни бросились подбирать карты, другіе вступили въ жаркій споръ, о томъ на чью сторону палъ бы трефовый джигитъ. Однимъ словомъ главный виновникъ этой исторіи остался никѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ Кубегули... Зардѣвшись яркимъ румянцемъ, она взглянула на меня такъ ласково, съ такою теплою благодарностью, что я рѣшительно готовъ былъ сейчасъ же и армянина и его предательскую котомку спустить въ Дзыбь.

Взглядъ Кубегули влилъ въ меня бездну отваги и храбрости. Я рѣшился довершить мой славный подвигъ.

— Снова! снова перекинуть карты! кричали одни.

— Вздоръ! подхватили другіе... Я, и я, и я видѣлъ какъ трефовый джигитъ шелъ къ джигиту Албею.

— Не правда, не правда! повторяли немногіе, которыхъ не всегда Кубегуля удостоивала ласковымъ взглядомъ.

— Постойте! постойте храбрые и славные наѣздники! перебилъ я, крѣпко опасаясь, что, для развязки спора, рано или поздно, доберутся и до меня, а хорошенькая Кубегуля все-таки достанется костлявому Іосану.

— Слушайте! слушайте, что́ онъ скажетъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Между тѣмъ я успѣлъ завладѣть колодою и спустить трефоваго джигита за рукавъ черкески.

— Кто говоритъ, спросилъ я, что трефовый джигитъ палъ на сторону Албея?

— Я говорилъ, я и я! отозвались старики.

— Ну, а кто увѣряетъ, что онъ палъ къ Іосану?

— Мы, мы! крикнули нѣкоторые изъ молодежи, непріязненно взглянувъ на Кубегулю, какъ бы говоря этимъ: «Ага! и на нашей улицѣ праздникъ!»

— Храбрые и благородные джигиты, отвѣчалъ я: всѣ вы говорите неправду: трефоваго джигита уже давно нѣтъ въ игрѣ...

— Какъ! Покажи-ка... покажи!

Болѣе всѣхъ изумленъ былъ Іосанъ. И въ то время, какъ сотня

рукъ принялась разбирать карты, валетъ перепрыгнулъ въ карманъ къ моему сосѣду Кубей-сыну, самому рѣяному спорщику изъ всей почтенной толпы.

Пользуясь общимъ изумленіемъ и первымъ впечатлѣніемъ ко всему воспріимчивыхъ горцевъ, я далъ себѣ слово искусно и съ торжествомъ доиграть роль поглевана. Для этого мнѣ стоило припомнить всѣ классическіе карточные фокусы, которые я пріобрѣлъ еще на школьной скамьѣ цѣною пяти сахарныхъ булокъ и, кажется, двухъ ковришекъ, и которые незнакомы развѣ только двухлѣтнему ребенку.

— Такъ нѣтъ трефоваго джигита? спросилъ я.

— Нѣтъ!... нигдѣ нѣтъ! отвѣчали озадаченные горцы.

— Видите, стало-быть, игра ни чья... Да постойте, кунаки, такъ ли еще карты шутятъ! Вотъ, глядите, *баланъ?* спросилъ я, показывая всѣму обществу бубноваго туза.

— Баланъ, баланъ! отозвались всѣ.

— А ну-ка, продолжалъ я: дунь Іосанъ. — Армянинъ дунулъ и предъ глазами зрителей явился *тшашты* (старшина, бубновый король), ага! тютю! Гдѣ жь онъ?

— Въ толпѣ послышались восклицанія въ родѣ неизбѣжныхъ: «пхе! гей! гай! ухъ!» на всѣхъ лицахъ выразилось крайнее изумленіе. По желанію стариковъ и молодыхъ, карты исчезали и являлись въ моихъ рукахъ, наконецъ я пошелъ дальше и, по извѣстному порядку, предложилъ угадывать задуманныя карты... Это ужь было вершиною моего искусства и торжества. Горцы обступили меня, разглядывали, поворачивали, казалось, даже готовы были выворотѝть — такъ ихъ озадачило мое рукодѣлье.

— Въ немъ сидитъ шайтанъ... непремѣнно самъ шайтанъ! шептали старики.

Вдругъ, къ общему удовольствію, а къ моему въ особенности, тому изъ горцевъ, къ которому въ карманъ я опустилъ валета, вздумалось спросить:

— Отгадай же теперь, кунакъ, куда запропастился трефовый джигитъ? Ну-ка! добавилъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: теперь посмотримъ, какъ тутъ умудришься!

— Да, да, отгадай! укажи! найди! подхватили прочіе зрители.

— Извольте... хоть это и трудно, но ужь для васъ, для вашего гостепріимства, кунаки, я готовъ....

— Грязью кормитъ! порошитъ глаза пылью лжи и обмана! сказало нѣсколько невѣрующихъ.

— Ну, ну! мы ждемъ, мы смотримъ! замѣтили другіе.

Съ комическою важностью, нахмуривъ брови, я выступилъ впередъ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ молчаливую толпу, торжественно положилъ мою руку на плечо Кубей-сына. Я слышалъ, какъ изумленный горецъ дрогнулъ отъ моего прикосновенія, будто на его плечѣ лопнула граната.

— Храбрый и честный Кубей-сынъ, по моей волѣ, трефовый джигитъ перешелъ въ твой карманъ! мѣрно и важно сказалъ я.

Горецъ вывороталъ карманы своихъ шальваръ и, при цѣломъ взрывѣ восклицаній и топанья ногъ (горское средство выражать восторгъ), трефовый джигитъ упалъ на коверъ.

Тутъ только Іосанъ подарилъ меня взглядомъ, какимъ не подаритъ и отецъ родного сына послѣ долгой съ нимъ разлуки.

Я понялъ этотъ взглядъ, или, лучше сказать, понялъ и армянинъ, что съ такимъ товарищемъ онъ будетъ кушать некупленный шашлыкъ въ горахъ.

— Да гдѣ же ты наглотался такой мудрости? вскричалъ Албей.

— Эге! отвѣчалъ за меня Іосанъ, онъ, кунаки, довольно погостилъ у русскихъ.

— У русскихъ! Тамъ... за нашими горами! повторила въ одинъ голосъ толпа, и мнѣ кажется не одинъ цыганъ-барышникъ не въ состояніи обревизовать покупаемаго коня такъ, какъ любопытные дикари и хорошенькія горянки принялись снова разсматривать меня. Если бы я свалился къ нимъ на голову прямо съ луны, то и тогда не былъ бы предметомъ такого вниманія и удивленія.

— У руссыновъ! ай, ай! повторяли мужчины и женщины.

— Сердиты руссыны? Холодно у нихъ? Что они ѣдятъ? Какъ ихъ зовутъ—Иванъ? да?... Марушка-да?! Тысяча вопросовъ сыпались со всѣхъ сторонъ; я едва успѣвалъ отвѣчать.

— Тс! стойте! стойте! вскричалъ Албей: — разспросимъ его по порядку, все разспросимъ до оконечности ногтей русскихъ. Садись, кунакъ! Садитесь, кунаки!.. Кубегуля налей ему азерпешъ вина, развяжи ему языкъ.

Азерпешъ былъ осушенъ.

— А еще? съ особенною нѣжностью спросила дѣвушка.

— Благодарю, прекрасная Кубегуля, отвѣчалъ я: больше не могу...

— Тс! слушайте! слушайте! сказали мужчины.

— Тс! слушайте: онъ будетъ говорить. Слушайте! повторяли женщины,

— Ну!

— Ну!

— Говори! говори!

— Позвольте кунаки, съ чего же я начну...

— Да ты скажи намъ прежде, началъ Алебей:—куда они тебя спрятали — въ ледники, въ снѣгъ закопали?

— Какъ въ снѣгъ? спросилъ я.

— Да; съ особенною увѣренностью сказалъ одинъ изъ старшинъ.— Нашъ турокъ разсказывалъ, что они всѣхъ нашихъ въ *сибуръ* закапываютъ, гдѣ, говоритъ, ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ нѣтъ, а всегда темно такъ, какъ въ моемъ карманѣ.

— Солгалъ разбойникъ! солгалъ, отозвался я... Да знаете ли вы, почтенные джигиты, что нѣтъ краше земли русской: тепло, сыто, привольно, весело...

— Гей! эге!

— Да.

— Ну, ну! А, что на медвѣдяхъ, кунакъ, спокойно ѣздить? а? рысисты русскіе медвѣди...

— Ужь не это ли вамъ сказывалъ турокъ, что русскіе на медвѣдяхъ ѣздятъ?

— Онъ! онъ!

— Самъ онъ медвѣдь—трапезондскій. Потѣшается, кунаки, надъ вашею простотою. Ну, умные вы люди, посудите, какъ можно осѣдлать медвѣдя? Да и зачѣмъ русскимъ медвѣди для верховой ѣзды, когда у нихъ такіе вихри, что всякаго вашего карабахца на скаку затопчатъ...

— Вотъ неправда! Нѣтъ, пылью бросилъ въ глаза! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Именно такъ!... Турокъ сказывалъ, что у нихъ если и есть лошади, то это наши, да и тѣ съ изъяномъ; у всѣхъ жилки турками подрѣзаны...

— Какъ подрѣзаны?... для чего же?

— А для того, говоритъ турокъ, когда мы во имя его Магомета, въ котораго скоро увѣруемъ, бросимся пощипать русскаго мяса, да если на уходъ пойдемъ, ужь русскія только стой... не догонятъ.

Вооружась всѣмъ краснорѣчіемъ, какое дозволяло мнѣ плохое знаніе мѣстнаго языка, я уже готовъ былъ разъяснить всѣ злыя басни и сказки, какія разсѣваются въ горахъ на счетъ русскихъ ихъ вѣчными и тайными здѣсь врагами, какъ нетерпѣливое любопытство женщинъ лишило моихъ слушателей одного, быть можетъ, изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ моего разсказа.

— А жены красивы у русскихъ? спросила Кубегуля.

— Есть такія же хорошенькія, какъ ты, есть и некрасивыя.

— А, какъ онѣ говорятъ съ мужьями?

— Здравствуй, я тебя люблю: дай денегъ... прощай!

— Что это значитъ?

Я перевелъ, и по желанію дѣвушекъ всю фразу долженъ былъ повторить разъ десять; казалось, всѣ онѣ усердно, какъ попугаи, заучивали эту фразу.

— Какъ же одѣваются русскія женщины? спросилъ Албей.

— Шальваръ не носятъ, началъ я... какъ вдругъ общій взрывъ самаго задушевнаго смѣха оглушилъ меня.

— Какъ! безъ шальваръ! Кубей-сынъ, слышишь, безъ шалваръ!... Да какъ же это? Ну, ну!

— Такъ, совсѣмъ безъ нихъ? серьёзно и тараща глаза, спросилъ одинъ изъ горцевъ.

— Совсѣмъ.

— Да... постой! возразилъ онъ, однакожь:—вѣдь онѣ показываются между мужчинами?

— Да.

— Ну... и безъ шальваръ?... Да что ты, кунакъ...

Тутъ ужь я долженъ былъ нарисовать полный нарядъ русскихъ женщинъ, щадя возмущенное цѣломудріе невсегда цѣломудренныхъ горцевъ.

— И все это странно! Какъ это?... Неловко! покачавъ головой, глубокомысленно замѣтилъ Албей. Исправны жены русскихъ? спросилъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Исправны.

— А! И хорошо чистятъ лошадей мужьямъ?

— Это не въ обычаѣ русскихъ, отвѣчалъ я; у нихъ всѣ трудныя, всѣ тяжелыя и черныя работы взяли на себя мужчины.

— Какъ! и кукурузы съ полей не возятъ? и саклей въ день Тлепса или Шибли (*) не обмазываютъ глиной! вскричали горцы.

— И за водой не ходятъ къ колодцу? подхватили женщины.

— Нѣтъ.

Но, несмотря на всѣ мои убѣжденія и доводы, въ послѣднемъ случаѣ мнѣ не повѣрили абазехи; это было совершенно внѣ ихъ понятій.

Затѣмъ мнѣ пришлось спѣть нѣсколько русскихъ пѣсенъ, которыя чрезвычайно понравились горцамъ.

А между тѣмъ корзины, раскиданныя по скаламъ, догорали сверкая, и вспыхивая углями, и не смотря на то, что нашъ разговоръ былъ

(*) *Тлепсъ* — богъ огня; *Шибли* — гром. а

интересенъ для всѣхъ, многіе изъ славныхъ джигитовъ такъ насосались своего чихиря и кахетинскаго, что уже давно спали.

Праздникъ кончился; горцы стали расходиться по домамъ. Я, Іосанъ и Кубегуля, отправились въ кунакскую саклю Албея.

По обычаю абазеховъ, жена, или дочь, должна прислуживать гостямъ, странникамъ; и дѣйствительно, едва мы переступили порогъ, какъ Кубегуля съ граціозною улыбкою отобрала наше вооруженіе и развѣсила его по стѣнамъ сакли. Затѣмъ ея нѣжныя руки раскинули намъ на полу пару войлоковъ и пару бурокъ.

— *Здравствай*, сказала она по-русски, окончивъ свою работу и обращаясь ко мнѣ .. *Я любитъ тебя... прощай! дай деньги...* И эта шалунья, лзыбская коза, звонко смѣясь, выпорхнула за двери.

Албея уже давно не было. Мы остались съ Іосаномъ.

— Ну, братъ, товарищъ! началъ Іосанъ:—ты такъ взбѣсилъ меня сегодня, что если бы не твое мастерство, я бы на вѣсь аулъ (добавилъ онъ шопотомъ) рявкнулъ: возьмите, черти, этого дьявола... онъ русскій, сейчасъ бѣжалъ изъ Дазари!

— Помилуй, Іосанъ, за что же?

— Эге! какъ-будто я не замѣтилъ, что Кубегуля своими глазами съѣла у тебя полсердца. Знаю, все-знаю!... Тебѣ жаль стало дѣвчонки, ты и швырнулъ мнѣ въ руку своимъ проклятымъ ковшомъ, пусть черпаетъ онъ слезы и кровь!

— Виноватъ, Іосанъ, покорно отвѣчалъ я... Прости, это было сдѣлано съ умысломъ.

— То-то, прости! И у меня былъ свой умыселъ. Скажи, голубчикъ: на кой мнѣ прахъ бараны, глина, всѣ дочки Албея?.. Ну, что я съ ними буду дѣлать, шляясь въ горахъ за добычей, которая подороже какой-нибудь жидконогой Кубегули?

— Такъ чего же ты добивался?

— Мнѣ нуженъ былъ самъ Албей... Самъ, понимаешь: проигравъ все, онъ и себя бы поставилъ на трефоваго джигита—повѣрь что такъ. Я знаю горцевъ...

— Ну, а потомъ что, когда бы ты его выигралъ?

— А потомъ онъ былъ бы мой. Разумѣется, выиграть его я совсѣмъ не могъ, да однакожь былъ бы хозяиномъ его головы и винтовки дня на три — съ меня и довольно.

— Все-таки не понимаю зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ.

— Затѣмъ, чтобъ указать того, кого я ищу, и проводить до мѣста. На этомъ условіи я ему возвратилъ бы все назадъ... Ну, теперь раскусилъ орѣхъ, вотъ пожуй-ка зерно.

Я молчалъ, не находя приличнаго отвѣта на слова моего разсчетливаго друга.

— То-то, продолжалъ Іосанъ:—вотъ что ты накутилъ! теперь прійдется къ выигрышнымъ баранамъ приплатить еще десятокъ абазовъ.

— Но завтра день великъ, возразилъ я:—и если ты хочешь обыграть старика только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ послужилъ тебѣ дня три, такъ, мнѣ кажется, пріятеля недолго вызвать на бой.

— И то правда... Еще безъ свидѣтелей дѣло и вѣрнѣе и скорѣе.

Съ этими словами Іосанъ завернулся въ бурку, вытянулся, какъ заснувшая минога, и захрапѣлъ.

Мнѣ не спалось. Перемѣна положенія моихъ обстоятельствъ на лучшее, надежда на близкое свиданіе съ родными и друзьями, хорошенькія глазки Кубегули, сцены минувшаго вечера—все это исчезало и снова рисовалось въ моемъ воображеніи... Особенно Кубегуля... мнѣ вотъ такъ и казалось, при слабомъ свѣтѣ плошки, въ которой тлѣлъ рыбій жиръ, что бѣлое, полное личико дѣвушки смотрится въ рѣшетчатое окно сакли; по временамъ ея ручка мелькала въ дверяхъ и мнѣ слышалось: «Здравствай, я любитъ тебя... Прощай! Дай деньги!» и потомъ звонкій, рѣзкій смѣхъ и дрожаніе ветхаго потолка отъ удара быстро затворенной двери. Какъ бы въ самомъ дѣлѣ ожидая ея появленія, я нѣсколько разъ безсознательно останавливалъ взглядъ свой на окнѣ сакли... Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то въ самомъ дѣлѣ глядитъ въ окно. Я протеръ глаза, приподнялся и... не хочу таить грѣха, струсилъ... Между рѣшеткою сверкала пара глазъ и бѣлѣлась пара усовъ. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣрно, кто-нибудь изъ честныхъ джигитовъ, прельщенный котомкою Іосана, рѣшился перерѣзать насъ и завладѣть добромъ армянина.

— Что́ бы это значило? подумалъ я... Неужели хищникъ? Но я еще не кончилъ послѣдней фразы, какъ дверь тихо отворилась и предо мною предсталъ нашъ хозяинъ, Албей. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься къ Іосану. Горецъ схватилъ меня за руку и, съ видомъ укора, покачалъ головою.

— Что ты дѣлаешь? ласково сказалъ онъ. Неужели кунакъ могъ подумать, чтобъ старый Албей взялъ вѣчный позоръ на свою голову, что онъ готовъ обидѣть гостя? Развѣ ты не знаешь обычая нашихъ горъ? Гость—наша святыня, и за его жизнь, спокойствіе, за обиду, нанесенную ему, хозяинъ отвѣчаетъ головою, и весь родъ его ни честью, ни подвигомъ, никакимъ добрымъ дѣломъ не загладитъ этого грѣха.

— Что же тебѣ надо, честный джигитъ? спросилъ я, успокоенный нѣсколько словами горца.

— Ничего. Я пришелъ съ тобою побесѣдовать, и онъ опустился рядомъ со мною на бурку.

Я молчалъ; горецъ видимо затруднялся начать разговоръ; онъ поводилъ глазами по саклѣ, растягивалъ по своимъ впалымъ щекамъ усы и, наконецъ, пыхнувъ раза два, сказалъ:

— Кунакъ, хороша ли моя Кубегуля?

— Очень, очень хороша, Албей! простодушно отвѣчалъ я.

— О! ну и хорошо... А ты любишь хорошихъ женщинъ?

— Да кто же ихъ не любитъ?..

— И то правда. Знаешь что... Купи у меня Кубегулю... Право дешево отдамъ и еще барана дамъ... и еще... черкеску дамъ, вотъ и бурку дамъ...

— Помилуй, Албей, куда же мнѣ столько сокровищъ? Да сказать тебѣ по правдѣ: у меня и денегъ нѣтъ...

— Ненадо мнѣ денегъ; самъ тебѣ дамъ три абаза.

— Вотъ тебѣ разъ! почти съ хохотомъ отвѣчалъ я... Да сдѣлай милость скажи: какое ты подглядѣлъ у меня сокровище?

— Ухъ, кунакъ! купи Кубегулю...

— И радъ бы, другъ мой, да куда же я съ нею дѣнусь?.. У меня вѣдь есть жена...

— Теперь будетъ двѣ... А Кубегуля вѣдь хорошенькая...ну купи Джингази, другую дочь; та помоложе...

— Однако, позволь, почтенный Албей, перебилъ я, не предвидя конца этой загадочной торговли:—скажи мнѣ, за какую же баснословную цѣну ты предлагаешь мнѣ все это?

— Сказать?

— Да ужь надо сказать, если началъ.

— Изволь... А купишь?

— Право не знаю, чего ты отъ меня потребуешь.

— Да купишь ли?

— Ну, куплю! рѣшительно отвѣчалъ я.

Горецъ отъ удовольствія почти подпрыгнулъ на буркѣ.

— Научи меня, кунакъ, чтобъ и у меня такъ же пропадали карты, какъ у тебя!.. Прошу тебя ради праха твоихъ отцовъ... Ухъ, какъ бы зажилъ тогда Албей!.. Научи, кунакъ, научи! проговорилъ онъ, останавливая на мнѣ умоляющій взглядъ.

— Только-то! вскричалъ я.

— А что же? вытаращивъ глаза, спросилъ старикъ, и, казалось, затаивъ дыханіе, ждалъ моего отвѣта.

— Ну, добрый мой Албей, это ты можешь купить дешевле.

— Говори! говори! все сдѣлаю.

Я разбудилъ Іосана и мы вдвоемъ объяснили горцу наши требованія.

Албей отъ восторга замахалъ руками и тутъ же поклялся провалиться сквозь землю, если не обдѣлаетъ всего дѣла.

— Вы говорите, вскричалъ онъ: на три дня быть вашимъ проводникомъ!.. Клянусь не сходить для васъ съ коня сто дней... Ну, учи меня!

И курсъ начался. Ученикъ былъ внимателенъ, понятливъ, сметливъ; мы не разъ удивлялись хитрости его; онъ безпрестанно вѣшался ко мнѣ на шею, если что удавалось ему изъ этихъ невинныхъ и дѣтскихъ фокусовъ. Чрезъ часъ, обладая фокусами и картами, Албей оставилъ насъ, обѣщая намъ даже коней для дальняго странствованія.

— Такъ не купишь Кубегули? спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— И радъ бы, да не могу! отвѣчалъ я, удивляясь настойчивости купца.

— Жаль! сказалъ онъ; а Джингази съ Кубегулею чуть-чуть не подрались изъ за тебя сегодня.

— Спасибо за ласку! Нашли красавца!

Солнце высоко стояло надъ горами, когда я и Іосанъ оставили саклю. Первая встрѣча сдѣлана была намъ Кубегулею. Дѣвушка осѣдлала нашихъ коней.

— *Прощай, здравствай. Я тебя любить; дай деньги!* пролепеталъ мой хорошенькій попугай.

— Здравствуй, Кубегуля.. И я тебя люблю, только за это не спрошу денегъ... Послушай Кубегуля, продолжалъ я, желая пошутить съ горянкою: хочешь я пришлю за тебя калымъ?

Она подняла свою головку, пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и, ударяя мѣдною уздечкою о скребницу, сказала:

— Пришли... Скоро пришлешь?

— Скоро.

— А если не пришлешь?

— Ну такъ пришлетъ кто нибудь-другой.

— Прощай! Я тебя не люблю! добавила она по-абазински... И Кубегуля, бросивъ съ видимою досадою скребницу, пустилась по косогору къ толпѣ женщинъ, собравшихся у колодца.

Между тѣмъ другая толпа горцевъ, окружавшая кого-то съ частыми и энергически восклицаніями, привлекла наше вниманіе. Но я еще прежде догадался о причинѣ сходбища горцевъ; догадка эта оправдалась на самомъ

дѣлѣ. Мой умница-ученикъ практиковался въ своемъ искусствѣ предъ почтенными зрителями. Большаго труда стоило намъ упросить Албея, чтобъ онъ разстался на-время со своею славою. Накормленные шашлыкомъ и сыскилемъ, мы уже готовы были отправиться въ путь. Напрасно я, прыгнувъ на сѣдло, искалъ взглядомъ по окрестнымъ скаламъ и тропинкамъ рѣзвой Кубегули: ея не было. Мнѣ даже стало скучно.

— Ну, помогай Мезитха (богъ путниковъ) въ дорогу! сказалъ Албей, и мы тронулись. Въ эту же самую минуту звучный и серебряный голосокъ крикнулъ изъ сакли: *Прощай! Я тебя любить! Прощай!..*

На третьи сутки, ночью, мы остановились въ аулѣ Джама, у кунака Албеева, славнаго старика, говоруна и питуха, какого врядъ повстрѣчаешь и между грузинами. Едва только мы улеглись, едва только первый сонъ слетѣлъ къ намъ, какъ въ аулѣ раздалась тревога. Выстрѣлы, удары шашекъ, стоны, вопли и крики ясно доказывали, что въ аулѣ рѣзня, и въ этомъ хаосѣ безпрестанно слышались: «цевкейцы! цевкейцы! * Руби ихъ!»

— А, голодные шакалы! вскричалъ нашъ хозяинъ, наскоро вооружаясь: это цевкейцы отплачиваютъ нашъ наѣздъ... вотъ мы ихъ! Кунаки! пойдемъ ѣсть вражеское мясо! и горецъ оставилъ саклю; за нимъ бросился и Албей.

— Пойдемте, пойдемте! повторилъ послѣдній.

— Спасибо! отозвался Іосанъ; а какъ меня пришлёпнутъ,—кому останется котомка?

— И то правда, подхватилъ я; въ чужомъ пиру похмѣлье — невесело!

— Уберемся-ка по добру, по здорову, да отсидимся гдѣ-нибудь.

Мы вышли подъ выстрѣлами сражающихся, однако, не натыкаясь ни на одного изъ ночныхъ рыцарей, добрались задами саклей на исходъ аула... Тутъ царствовалъ совершенный мракъ, который и былъ причиною моей вѣчной разлуки съ Іосаномъ: котомка перетянула бѣдняка и Богъ вѣдаетъ куда укатился Іосанъ съ его благими предпріятіями.

Нѣсколько разъ окликнувъ его, я не получилъ отвѣта, и, избѣгая той же участи, поворотилъ въ противоположную сторону... Въ эту минуту запылалъ аулъ и вся ватага горцевъ, изъ которыхъ одна толпа гнала другую кинжалами, двинулась прямо на меня. Надо было уходить, что я благополучно и сдѣлалъ. Утро другаго дня застало меня верстъ

* Цевки—аулъ сосѣдній и враждебный аулу Джама.

за двѣнадцать отъ Джама, который, при первыхъ лучахъ солнца, еще дымился, какъ камчатская сопка.

Спустя три недѣли, если не болѣе, послѣ долгихъ лишеній и страданій, я достигъ благополучно Вельяминовскаго форта...

III.

МАДАМЪ ПИСАРША.

Спустя годъ послѣ разсказанныхъ обстоятельствъ, слу́чай привелъ меня въ Г*** укрѣпленіе, Пріятно послѣ долгой разлуки встрѣтиться съ друзьями; весело и отрадно тогда скоротать съ ними часъ, другой. Небольшое наше общество помѣщалось у окна, обращеннаго къ крѣпостному валу, мѣсту гульбища всего населенія этого крошечнаго муравейника. Вечеръ былъ чудный. Солнце давно утонуло въ морѣ, какъ говорятъ романисты, и прохладный вѣтерокъ, дувшій съ моря, тихо качалъ стройный тополь. Валъ пестрѣлъ гуляющими. Меня особенно изумило множество женщинъ, такой классической, очаровательной красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ прозаическихъ нарядахъ, что я невольно попросилъ объяснить мнѣ это явленіе, небывалое въ укрѣпленіяхъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря.

— А это, изволите видѣть, отозвался старый артиллеристъ: это, съ вашего позволенія, все привозныя.

— Какъ, съ моего позволенія? откуда же? Семенъ Ѳедотычъ, я не разрѣшалъ подобнаго привоза ..

— Ну, такъ извините, мы безъ васъ сдѣлали.

— Однако, безъ шутокъ?

— Эхъ, братецъ! вскричалъ прапорщикъ: неужели ты новичокъ, не знаешь порядковъ?.. Не въ первый разъ... это призовая .. Турки везли изъ Абазіи въ Батумъ, кажется, а впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, куда! — дѣвчонокъ; ну, а нашъ крейсеръ и цапъ-царапъ турку, да и запризовалъ товаръ, а начальство приказало раздать ихъ въ услугу по укрѣпленіямъ женатымъ офицерамъ... Ну, и къ намъ привезли штукъ пятнадцать... Кажется такъ? Вѣдь ты считалъ Семенъ Ѳедотычъ...

— Да, да! отвѣчалъ артиллеристъ: пятнадцать, шестнадцатая хромаетъ...

— Эва! у него кто немножко ковыльнулъ—и за человѣка не считаетъ...Смотри пожалуй! Ну вотъ, продолжалъ острякъ: наши фельдфебеля, писаря, да фельдшера—все почитатели горской красоты... люди, со вкусомъ... и переженились на нихъ... Да, вѣдь какой народъ, ес-

либъ ты зналъ!.. Представь, вчера одна бестія говоритъ мнѣ: «Я, говоритъ, капуданшей буду.»—«Это какъ, сударыня?» спрашиваю я. «Да, говоритъ, наши мужья такъ часто и счастливо бьютъ нашихъ братьевъ, что выслужиться недолго...» Вотъ ты и поди съ ними!.. Пойдемъ, хочешь, покажу, хоть въ шеренгу выстроить можно... Народъ отборный, послушный.

— Только одному не могу научить—ходить въ ногу.

Мы отправились на валъ.

Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть прекрасныхъ, невольно залюбовались мы русскимъ транспортомъ, который подъ всѣми парусами, какъ статный лебедь, купался въ морѣ.

Вдругъ кто-то меня дернулъ за рукавъ сюртука и въ то же время мнѣ послышалось давно знакомое и давно забытое:

— Здравствуй... Я тебя любитъ!

Я оглянулся. Милосердый Боже! Моя Кубегуля стояла передо мною въ рогатомъ чепцѣ съ яркими лентами, въ красномъ платкѣ и—просто за просто въ смиренномъ коленкоровомъ платьицѣ.

— Кубегуля!.. Какъ ты сюда попала? вскричалъ я.

— Отецъ продалъ какому-то жиду, жидъ — туркамъ, а русскіе турокъ перебили: не увози дѣвушекъ!

— Ахъ, Кубегуля, Кубегуля! думалъ ли я тебя здѣсь встрѣтить...

— Я ужь не Кубегуля, граціозно присѣдая, отвѣчала горянка... Я Марушка...

— А! Вѣрно Марья Ивановна?..

— Да...

— Марья Ивановна! раздалось за нами... Куда стречка дала!.. Ну! маршъ, рысью! Все это проговорилъ скороговоркою и басомъ какой-то писарь...

— Это мой мужъ! съ удовольствіемъ сказала Кубегуля.

— Марья Ивановна! повторилъ ревнивецъ.

— *Прощай!* съ неизмѣннымъ своимъ акцентомъ сказала горянка, и побѣжала на встрѣчу мужу.

Прощай Кубегуля, прощай! думалъ я, слѣдя удалявшуюся отъ меня юную чету!..

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузіи.—Литовскія легенды (1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса. 2. Сливочная княжна).—«Ленора» Бюргера на португальскомъ языкѣ.— Основаніе Бухареста (*легенда*). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ**: Очерки зоологической географіи. — Могутъ-ли кометы столкнуться съ землею? — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Томасъ Стотгердъ.—**МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ**: Нарядъ супруги — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы. — Вечеръ въ Дамаскѣ. — Вашингтонъ-Ирвингъ.— Музыка и библіотека въ среднихъ вѣкахъ. — Турецкая сабля (*сѣвероамериканскій разсказъ*).—Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*).—Картина Босфора.

—

I. ЛИТЕРАТУРА.

Народныя пѣсни въ Андалузіи. Хотя въ Испаніи и не такъ любятъ пѣніе, какъ вообще полагаютъ, но въ южныхъ провинціяхъ, и именно въ Андалузіи, еще много поютъ и играютъ на гитарѣ. Если вы вечеркомъ ѣдете на пароходѣ вдоль морскаго берега, то на кормѣ всегда соберется труппа слушателей около веселаго *махо*, который изо всей силы царапаетъ по гитарѣ и импровизируетъ пѣсни изъ народнаго быта. Содержаніе ихъ невсегда безукоризненно, но зрители хохочутъ, а этого только и нужно. Если вы ѣдете въ дилижансѣ или въ кабріолетѣ подлѣ *маіорала*, то можете быть увѣрены, что у него есть гитара и что онъ будетъ пѣть всю дорогу. Цырюльникъ, ожидающій у своей лавочки посѣтителя, брянчитъ на гитарѣ. Погонщикъ муловъ беретъ съ со-

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Génève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Litterary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

бою гитару и распѣваетъ во время своего путешествія по пустыннымъ горамъ. Гуляя пѣшкомъ по полямъ, засѣяннымъ пшеномъ, вы навѣрное встрѣтите у колодца бесѣду молодыхъ людей и дѣвушекъ, собравшихся тутъ для фанданго, съ кастаньетами и гитарою. Андалузскія пѣсни—наслѣдство древнихъ Мавровъ, и вы еще теперь услышите тѣ же напѣвы въ Африкѣ между бедуинами. Впрочемъ, испанцы импровизируютъ и новыя пѣсни, приправляя ихъ плохими остротами.

Ввечеру, возвращаясь съ Аламеды, встрѣтите вы влюбленнаго, дающаго своей любезной серенаду. Онъ поетъ одинъ, или съ цѣлымъ хоромъ молодыхъ людей. Этотъ обычай болѣе всего сохранился въ провинціальныхъ городахъ. Наконецъ и ночные стражи распѣваютъ во время своей прогулки то же самое, что́ распѣвали при Карлѣ V.

Вотъ образчики народной андалузской поэзіи. Изъ нихъ видно, что народъ этотъ сохранилъ еще много поэтическаго чувства.

1.

Любовь—злой червякъ.
Онъ прокрадывается сперва намъ въ глаза,
А потомъ заползаетъ и въ сердце,
Гдѣ производитъ мучительную боль.

2.

Привяжи меня однимъ волосомъ
Къ креслу моей возлюбленной.
Если тонкій волосъ и порвется,
То я все-таки не отойду отъ нея.

3.

Эти кудрявые, бѣлокурые волосы,
Вьющіеся по плечамъ твоимъ,
Чрезвычайно похожи на колокольчики,
Заманивающіе всѣхъ, чтобъ любоваться тобою.

4.

Матушка украшаетъ меня розами,
Говоря, что это возвышаетъ мою красоту.
Увы! роза на другой же день
Увядаетъ, и лепестки ея облетаютъ.

5.

Прелестныя ямки твоихъ щекъ
Желалъ бы я превратить въ могилы:
Тогда бы смерть была для меня сладостна
И я бы спокойно лежалъ въ этой могилѣ.

6.

Неблагодарная, вѣроломная!
Чтобъ мнѣ привелось тебя видѣть мертвую,
Окруженную погребальными свѣчами.
Но нѣтъ! Ты моя жизнь,
Я дышу твоимъ взглядомъ,
И однакожь другіе
Тебѣ нравятся больше меня.
Пусть я страдаю,
Если ты этого хочешь;
Пусть любовь моя
Никогда не измѣнится.

7.

Я бы отдалъ Мавру одну руку,
Чтобъ навѣрное узнать:
Точно-ли любовь твоя ко мнѣ
Чистосердечна и искренна.
Другую руку отдалъ бы англичанину,
Чтобъ вывѣдать,
Какія мысли кружатся
Въ молодой твоей головкѣ.

8.

Твоя постель изъ жасминовъ,
Твое одѣяло изъ фіалокъ,
Твоя подушка изъ розмарина,
А ты сама—роза, когда покоишься на ней.

9.

Все, что̀ я имѣю, и самого себя
Съ радостью я бы отдалъ,
Еслибъ могъ съ тобою наговориться
Вечеркомъ у садовой рѣшетки.
Я такъ люблю тебя, моя красавица!
Еслибъ я узналъ, что солнце тебѣ не нравится
Я и съ тѣмъ бы вступилъ въ единоборство,
Хотя и зналъ бы навѣрно, что потеряю жизнь.

10.

Истинная любовь бываетъ только первая любовь;
Всякая другая любовь—мнимая
Потому-что первая страсть, выходя изъ сердца,
Разрываетъ его навсегда.

*

Литовскія легенды. *1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса.* Между Тильзитомъ и Рагнитомъ, на крутомъ берегу Нѣмана, возвышается Ромбиносская гора, на вершинѣ которой древніе литовцы приносили жертвы своимъ идоламъ. Тогда эта гора была еще покрыта лѣсомъ и на вершинѣ была луговина, гдѣ расли цѣлебныя травы и цвѣты, за что жители и прозвали ее *цѣлебнымъ цвѣтникомъ*. Здѣсь, по словамъ древняго преданія, цвѣлъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ цвѣтокъ, котораго никто еще не находилъ въ другомъ мѣстѣ, и который только въ продолженіе одного часа цвѣлъ, распространяя удивительное благоуханіе. Многіе видѣли его, но никто не срывалъ.

Одинъ собиратель травъ, нечаянно увидѣлъ этотъ цвѣтокъ и хотѣлъ поближе разсмотрѣть его, но вдругъ молнія ударила передъ нимъ въ землю—и цвѣтокъ исчезъ; вмѣсто него лежалъ пергаментный свитокъ, на которымъ красными литовскими буквами было написано:

Смертный, съ чистою душою,
Приходи, когда цвѣту;
Награжденъ ты будешь мною,
За невинность, чистоту.

Съ-тѣхъ-поръ, многіе смѣльчаки рѣшались наканунѣ иванова дня пробираться въ Ромбиносскій цвѣтникъ и искали чуднаго цвѣтка; но всѣ труды ихъ были напрасны.

Въ то давноминувшее время жилъ въ Рагнитѣ богатый купецъ, у котораго единственная дочь, Маргарита, блистала красотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ была чрезвычайно горда. Она слышала преданіе объ этомъ цвѣткѣ—и въ сердцѣ ея зажглась страсть овладѣть имъ. Когда наступилъ канунъ иванова дня, она отправилась въ Ромбиносскій цвѣтникъ. Одиннадцать часовъ ночи пробило ужь, когда она пришла туда; на вершинѣ горы встрѣтило ее удивительное благоуханіе. Еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ вдали заблисталъ чудный, удивительный цвѣтокъ. Смѣло и радостно подошла къ нему Маргарита и уже протянула свою руку, уже пальцы ея обвили стройный стебелекъ цвѣтка... вдругъ яркая молнія разсѣкла воздухъ, ударилъ громъ и Маргарита безъ чувствъ упала на землю.

Только поутру пришла она въ себя, но въ какомъ положеніи! Вся половина тѣла ея, бывшая ближе къ цвѣтку, почернѣла; она не могла пошевельнуться ни однимъ членомъ; молодость и красота исчезли. Такъ пролежала она до вечера. Посланные отца нашли ее тутъ и снесли домой; чрезъ нѣсколько дней она умерла.

Прошло послѣ этого еще пятьдесятъ лѣтъ. Одинъ добрякъ, литовскій башмачникъ, нанималъ въ городѣ каморку на чердачкѣ и питался работою съ женою и единственною дочерью, Иною. Эта добрая и милая дѣвушка всѣми силами помогала родителямъ въ трудной ихъ работѣ. Часто, когда они, утомленные, покоились ночью, Ина сидѣла у ночника и шила.

Однажды—это было наканунѣ иванова дня—Ина пошла навѣстить въ ближайшую деревню пріятельницу. Путь ея шелъ мимо Ромбиносской горы. Ей вздумалось нарвать красивыхъ цвѣтовъ и полезныхъ травъ для этой пріятельницы. Ина взошла на вершину горы; тутъ, собравъ и связавъ себѣ превосходный букетъ, сѣла она отдохнуть подъ тѣнь, чтобъ собраться съ силами, и уснула.

Бой городскихъ часовъ пробудилъ ее. Съ изумленіемъ открыла она глаза и увидѣла надъ-собою какую-то радугу, а вокругъ чудное благоуханіе наполняло воздухъ. Передъ нею росъ удивительной красоты цвѣтокъ, сіявшій пурпуромъ и золотомъ.

Долго смотрѣла на него Ина неподвижно, не понимая, что̀ съ нею дѣлается и не зная, что̀ ей начать. Вдругъ цвѣтокъ заколыхался и невидимый, едва слышный голосъ прошепталъ ей:

Счастлива твоя судьба,
Ина, ты сорви меня,
Я разцвѣлъ здѣсь для тебя.

Смѣло встала Ина, схватила стебель цвѣтка, потянула его и вырвала съ корнемъ. Отъ корня посыпались золотыя монеты и драгоцѣнные камни. Ина спрятала цвѣтокъ за корсетъ, а золото и драгоцѣнные камни въ свою корзинку и въ передникъ. Быстро пошла дѣвушка домой. Темная ночь не останавливала ее, потому-что цвѣтокъ сіялъ, какъ звѣзда, на груди ея.

Когда она добѣжала до дому, ударила полночь. Она спѣшила разбудить родителей, но съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати часовъ цвѣтокъ исчезъ. Осталось золото и драгоцѣнные камни, составившіе огромное богатство, съ которымъ все семейство счастливо провело свой вѣкъ.

2. *Сливочная княжна.* Литовское преданіе говоритъ, что въ древности жилъ на горѣ Вильмантина исполинъ, у котораго дочь тоже звали Вильмантиною. Она еще была молода и, изъ шалости, таскала съ полей лошадей и коровъ, которыхъ цѣлыми стадами прятала въ свои карманы и приносила домой, какъ игрушки. Но отецъ растолковалъ ей, что она дѣлаетъ большой вредъ людямъ, которымъ эти животныя полезны. Съ этой минуты она сама стала заниматься скотоводствомъ, а особливо разведеніемъ лошадей, которыя и прославились въ Литвѣ.

Придумала также Вильмантина приготовлять сливочные сыры, какихъ никто не умѣлъ составлять. Эти сыры раздавала она въ праздникъ окрестнымъ жителямъ, которыхъ любила, но никому не открывала секрета своего приготовленія; другіе завидовали этому дарованію Вильмантины и прозвали ее *Сливочною княжною.*

Прозвище это дошло до ушей великанши: она обидѣлась этимъ и рѣшилась отплатить за это оскорбленіе. Когда наступилъ праздникъ, она пригласила къ себѣ на гору всѣхъ жителей и приказала спрашивать у всѣхъ являющихся гостей: «къ кому они идутъ въ гости?» Тѣхъ, которые будутъ отвѣчать: къ княжнѣ Вильмантинѣ, она велѣла отво-

дить во дворецъ и тамъ угощать ихъ; тѣхъ же, которые скажутъ: «къ сливочной княжнѣ» приглашать въ садъ».

Послѣднихъ оказалось довольно. Она пришла къ нимъ въ садъ и принесла въ передникѣ нѣсколько сотъ круговъ сыру, а подъ-мышкою огромную бочку съ виномъ. Посадивъ ихъ за столъ, раздала она имъ сыры, велѣла ѣсть сколько душѣ угодно, и потомъ ушла, сказавъ, что скоро воротится.

Гости, аппетитно покушавъ сыру, захотѣли выпить и окружили бочку. Но какъ достать изъ нея вина? Одинъ за другимъ пробовали они взлѣзть по обручамъ до крана, но самые смѣлые и искусные не доходили далѣе перваго обруча.

Наконецъ они вздумали собрать свои круги сыра и составить изъ нихъ лѣстницу. Дѣйствительно, выдумка эта удалась.

Всѣ полѣзли на бочку, но вдругъ сыры обрушились—и гости полетѣли внизъ и больно ушиблись.

Въ эту минуту явилась княжна, расхохоталась и, повернувшись, пяткою сдѣлала углубленіе въ землѣ, въ которое усадила всѣхъ гостей, и пустила на нихъ вино изъ бочки, открывъ кранъ. Сперва-было они съ удовольствіемъ принялись хлебать пріятный напитокъ, но вскорѣ начали захлебываться и жалобно просили помилованія.

Вильмантина провела пальцемъ по горѣ, и въ этотъ жолобъ вылилось вино изъ сдѣланнаго углубленія, изъ котораго гости, выбравшись, бросились бѣгомъ домой, забывъ взять съ собою подаренные имъ сыры.

Вильмантина разсердилась и стала бросать имъ вслѣдъ сыры, и горе тому, въ кого она попадала.

Съ-тѣхъ-поръ сыры эти окаменѣли, и около Вильмантиновой горы до-сихъ-поръ разбросано чрезвычайно много круглыхъ камней, похожихъ на сыръ.

—

Ленора Бюргера на португальскомъ языкѣ. Въ Лиссабонѣ изданы недавно стихотворенія Геркулано, такого же дѣятельнаго естествоиспытателя, какъ отличнаго поэта. Въ числѣ переводныхъ стихотвореній есть сочиненія Мильвуа, Делавиня и *Ленора* Бюргера. Послѣдній переводъ очень замѣчателенъ. Для филологовъ представляемъ отрывки буквальнаго перевода португальскихъ стиховъ сравнительно съ Бюргеромъ, и самые португальскіе стихи.

ЛЕНОРА.

Бюргера.

Lenore fuhr um's Morgenroth
Empor aus schweren Träumen:
«Bist untreu, Wilhelm, oder todt?
Wie lange willst du säümen?..

Геркулано.

Измученная дурными сновидѣніями, проснулась Ленора.
Восточное небо было озарено блѣднымъ мерцаніемъ утра.

Er war mit König Fridrichs Macht
Gezogen in die Prager schlacht
Und hatte nicht geschrieben
Ob er gesund geblieben.

Und aussen, hart gings trap, trap, trap!
Als wie von Rosses Hufen;
Und klirrend stieg ein Reiter ab
In des Geländers Stufen:
Und horch, und horch! den Pfortenring
Ganz leise, leise klingklingkling!
Dann kamen durch die Pforte
Vernehmlich diese Worte:

Hollah! hollah! thu'auf, mein Kind!
Schläfst, Liebchen, oder wachst du?
Wie bist non gegen mich gesinnt
Und weinest, oder lachst du?..
Ach, Wilhelm! du? Sospät bei Nacht?
Geweinet hab ich und gewacht...
Ach! grosses Leid erlitten...
Wo kömmst du hergeritten?

Schön Liehchen schürzte, sprang und schwang
Sich auf das Ross behende;
Wohl um den trauten Reiter schlang
Sie ihre Lilien hände,
Und hurre, hurre! hop, hop, hop!
Gings fort in sausendem Galop,
Dass Ross und Reiter schnoben,
Und Kies und Funken stoben.
Wie flogen rechts, wie flogen links
Gebirge, Bäum und Hecken!
Wie flogen links und rechts und links
Die Dörfer, Städt'und Flecken.
Graut Liebchen auch? Der Mondscheint hell!
Hurrah! Die Todten reiten schnell?
Graut, Liebchen, auch vor Todten?
Ach! Lass sie ruhn, die Todten.

«Умеръ ли ты, Вильгельмъ, вскричала она, или измѣнилъ мнѣ, бѣдной?
Если живъ, то зачѣмъ ты медлишь?
Зачѣмъ не возвращаешься ко мнѣ?
Съ войсками Фридриха давно ужь онъ выступилъ
На прагскую битву
И съ тѣхъ поръ не было отъ него писемъ.

Но что вдругъ слышно!
Тамъ слышатся звуки скачущихъ копытъ.
И на ступеняхъ лѣстницы
Раздается звукъ шпаги и шпоръ.
Послушай! стучатъ въ кольцо;
Стукъ этотъ звучитъ рѣзко,
И сквозь двери слышны
Явственно эти слова:

Oh la, querida, abre a porta!
Dormes? Estas acordada?
Folgas em riso? Pranteas?
De mim es inda lembrada?
Guil hehme, tu, Na alta noite?
Tenho velado e gemido;
Quanto padeci! Mas, donde
Ate qui tens tu corrido?

Набросивъ на себя платье, красавица вскочила на коня,
И около своего вѣрнаго рыцаря обвила бѣлыя руки.
Смотрите, какъ они понеслись въ галопъ;
Смотрите, какъ летятъ, какъ сильно дышутъ и конь и всадникъ,
Какъ летятъ искры и каменья.
Como a dextra eesquerda fogem
Montes, bosques, matagaes!
Como a dextra e esquerda fogem
Cidades, villas, casaes.
— Tremes, cara? A lua e pura
Depressao morto usa andar.
Temes os mortos, querida?
— Ai, deixa os la repousar.

Основаніе Бухареста *(легенда)*.— Это было уже очень давно, въ незапамятныя времена, жилъ въ одной булгарской гавани богатый купецъ Букаръ, извѣстный своими огромными помѣстьями, домами, драгоцѣнными камнями, а всего болѣе чудною красавицею, дочерью своею Гуслою. Гусла была звѣзда между дѣвушками, и изо всѣхъ странъ пріѣзжали женихи свататься на ней. Преданіе говоритъ, что одинъ турецкій принцъ соглашался принять христіанство, лишь-бы получить руку Гуслы; но какъ въ то время исламизмъ еще не существовалъ, то послѣднее обстоятельство довольно сомнительно.

Отецъ Гуслы часто говорилъ ей о женихахъ знатныхъ и богатыхъ, но Гусла отказывала всѣмъ. Женихи начали даже было подозрѣвать, что отецъ не хочетъ разстаться со своими богатствами и потому не выдаетъ дочь замужъ.

Настоящая причина состояла въ томъ, что Гусла хотѣла сама себѣ выбрать супруга; и однажды, въ темную ночь, когда завыванія бури нельзя было отличить отъ лая сторожевыхъ собакъ, Гусла уѣхала съ молодымъ товарищемъ своего дѣтства, Севериномъ.

Поутру, узнавъ о своемъ несчастіи, Букаръ впалъ въ глубокую печаль, упрекая себя въ томъ, что онъ раньше не видѣлъ, не узналъ склонности дочери. Первою его мыслью было преслѣдовать бѣжавшихъ, и въ крови похитителя омыть свой стыдъ.

Но куда они поѣхали? Куда за ними гнаться? этого никакъ не могъ онъ развѣдать. Оставалось пуститься на-удачу.

Сидя у окна въ прискорбіи, задумчиво смотрѣлъ онъ въ окно... вдругъ послышалось ему ржаніе молодаго жеребенка. Какъ быстрая молнія мелькнула въ головѣ его мысль, и онъ вскричалъ: «они найдены!»

Молодой жеребенокъ Кебиръ, знаменитой арабской породы, былъ рожденъ кобылицею Зарою, неимѣвшею себѣ равной по быстротѣ на всемъ Востокѣ. Гусла ежедневно ѣздила верхомъ на Зарѣ, и на ней же уѣхала съ Севериномъ.

«Я спокоенъ, вскричалъ Букаръ: оставленный сынъ поможетъ мнѣ сыскать бѣжавшую дочь.»

Букаръ позвалъ вѣрнаго своего домоправителя, ввѣрилъ ему управленіе своими торговыми дѣлами, захватилъ туго набитый кошелекъ и вскочилъ на коня, который въ быстротѣ почти не уступалъ Зарѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ онъ вывести изъ конюшни осиротѣвшаго Кебира. Очутившись на свободѣ, онъ весело запрыгалъ, потомъ, побѣгавъ около конюшень и обнюхавъ всѣ лошадиные слѣды, вдругъ встрепенулся, брыкнулъ и стрѣлою полетѣлъ по дорогѣ къ сѣверу.

Букаръ поскакалъ за нимъ вслѣдъ. Сперва онъ отсталъ отъ него далеко, но, не теряя его изъ виду, догналъ и потомъ слѣдовалъ за нимъ.

Пять дней сряду продолжалась эта погоня, и Кебиръ останавливался только, чтобъ отдохнуть на нѣсколько часовъ подъ деревьями и напиться въ источникѣ. Но, къ удивленію, Букаръ ни разу не замѣ-

тилъ, чтобъ Кебиръ съѣлъ хоть горсть травы. Питавшись до-тѣхъ-поръ молокомъ матери, онъ гнушался всякою другою пищею.

Наконецъ силы жеребенка истощились. Онъ сталъ отставать и печально посматривать въ глаза Букара, который его ласкалъ. На шестой день Кебиръ не могъ уже идти и со вздохомъ легъ на траву, чтобъ умереть. Напрасно Букаръ подносилъ ему травы, хлѣба, вина, Кебиръ печально смотрѣлъ на все и ничего не хотѣлъ ѣсть. Букаръ пошелъ за водою къ ближайшему источнику, чтобъ почерпнуть тамъ воды для жеребенка. . вдругъ любопытное зрѣлище поразило глаза его.

Стадо дикихъ лошадей неслось по пустынѣ и, увидѣвъ Кебира, внезапно остановилось. Одна кобылица подошла къ жеребенку, и обнюхала его и тотчасъ дала ему сосать свое молоко. Кебиръ съ удовольствіемъ принялъ эту пищу и съ жадностью насосался. Послѣ чего кобылица и все стадо быстро полетѣли опять по степи.

Подкрѣпленный пищею и освѣженный водою, которую Букаръ принесъ ему, Кебиръ всталъ и весело поскакалъ опять впередъ.

Наконецъ прибыли они къ берегамъ Дуная. Здѣсь Кебиръ легъ на берегу и протянулъ шею, глядя на отдаленный противоположный берегъ; а какъ наступилъ вечеръ, то Букаръ и пошелъ по берегу отыскивать пещеру, или дупло, чтобъ переночевать.

Поутру, проснувшись, съ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что Кебиръ исчезъ.

Это былъ послѣдній ударъ для огорченнаго отца. Послѣдній вожатый его скрылся и путь къ дочери былъ закрытъ. Тщательно осмотрѣлъ онъ берега: нигдѣ не было и слѣда жеребенка. Всего вѣроятнѣе показалось ему, что, увлеченный неопытностью, Кебиръ пустился вплавь черезъ рѣку и, разумѣется, погибъ, потому-что Дунай былъ тутъ такъ широкъ, что противоположный берегъ едва былъ видѣнъ.

Но нельзя же было Букару отказаться отъ отысканія своей Гуслы. Покуда Кебиръ былъ его путеводителемъ, отецъ питалъ надежды мщенія; теперь же, когда онъ лишился послѣдней возможности найдти ее, онъ-бы радъ былъ все простить, лишь-бы обнять дочь.

Съ грустью сидѣлъ онъ на берегу Дуная и смотрѣлъ на волны, катившіяся мимо него; вдругъ подъѣхалъ къ нему рыбакъ и спросилъ его о причинѣ печали. Букаръ разсказалъ ему свою исторію, которую тотъ со вниманіемъ и видимымъ участіемъ выслушалъ. Послѣ чего предложилъ ему перевезти его на ту сторону рѣки, чтобъ тамъ продолжать свои поиски.

Когда они переѣхали на ту сторону Дуная, Букаръ убѣдилъ рыбака быть его провожатымъ, и тотъ согласился.

Страна была удивительно плодородна и прекрасна, но жителей нигдѣ не было видно. Букару казалось, что онъ открылъ новый свѣтъ. Особливо былъ онъ въ восхищеніи, достигнувъ какой-то рѣки, окруженной прелестнѣйшею панорамою горъ, лѣсовъ и долинъ.

— Какъ называется эта рѣка? спросилъ онъ у рыбака.

— Думбровца, отвѣчалъ вожатый.

Вдругъ Букаръ увидѣлъ хижину и предложилъ рыбаку остано-

виться въ ней для отдохновенія. Оба пошли къ ней; но близь нея зашумѣли сучья одного кустарника и оттуда выскочили Зара и Кебиръ.

Букаръ вскрикнулъ отъ радости и удивленія: онъ былъ у цѣли своихъ поисковъ. Гусла и Северинъ должны были тоже находиться поблизости. А какъ Зара и Кебиръ прибѣжали не со стороны хижины, то и надобно было искать бѣглецовъ въ той сторонѣ лѣса, откуда явились лошади.

Букаръ попросилъ рыбака подождать его въ хижинѣ, а самъ пошелъ въ лѣсъ по тропинкѣ. Но безполезно проискавъ въ лѣсу, онъ наконецъ заблудился и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Бросясь на траву, горько заплакалъ онъ. Вдругъ вблизи послышались шаги, а вскорѣ и голоса.

— Отдохнемъ здѣсь, моя милая, сказалъ мужской голосъ.—Рыбакъ сказалъ, что путникъ ѣдетъ съ юга и ищетъ дочери. Если это онъ— мы погибли...

— О! если это онъ, отвѣчалъ женскій голосъ...

— Онъ убьетъ насъ.

— А можетъ-быть и проститъ.

— Онъ вспыльчивъ и раздражителенъ.

— Но онъ любитъ меня.

— Такъ вернемся въ хижину...

— Нѣтъ, боюсь!.. можетъ-быть, онъ и не проститъ.

— Такъ убѣжимъ...

При этихъ словахъ Букаръ вскочилъ и бросился къ разговаривавшимъ. Тѣ остолбенѣли, вскрикнули... но увлекаемая чувствомъ, дочь съ воплемъ бросилась въ объятія отца.

Сладко встрѣтить прощеніе, но еще пріятнѣе прощать. Все было забыто—и радостный отецъ благословилъ дѣтей своихъ.

Нѣсколько дней прожилъ онъ съ ними въ этой хижинѣ и прекрасная страна эта такъ ему понравилась, что онъ рѣшился употребить всѣ свои богатства, чтобъ основать туть городъ.

По имени его городъ и названъ былъ *Букарь-Аске* (городъ Букара). Это имя впослѣдствіи измѣнилось въ произношеніи — на *Букарестъ*.

—

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Очерки зоологической географіи. Сколько ни бранятъ XIX-й вѣкъ за его эгоизмъ и холодную разсчетливость, онъ однакожь будетъ ярко сіять въ лѣтописяхъ просвѣщенія. Прошло только полстолѣтія, а сколько важныхъ открытій сдѣлало въ это время человѣчество! Какъ быстро оно шагнуло на поприщѣ наукъ! Какъ велика фаланга знаменитыхъ именъ, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи и прославившихъ собою эту

замѣчательную эпоху! Гершели, Араго, Гиндъ, Генке, Леверье, Галей, Струве, Медлеръ раздвинули область человѣческихъ познаній до столь отдаленныхъ звѣздныхъ предѣловъ, что воображеніе наше ужасается огромныхъ цифръ пространства и времени. Физика и химія открыли человѣку тысячи тайнъ природы, которыя до-тѣхъ-поръ были для него скрыты. Геологія стала на степень положительной науки. Однимъ словомъ: человѣчество идетъ теперь быстрыми и смѣлыми шагами по пути усовершенствованія и образованности. Улучшенія придутъ сами собою. Ничѣмъ нельзя потушить огня познаній — этого божественнаго пламени, одушевляющаго человѣчество. Но почему не всѣ ученые очищаютъ поприще наукъ? Отчего не всѣ стараются общими силами пересоздать старинную форму передачи познаній? Какая скука соединена еще во многихъ мѣстахъ съ словами: *географія, исторія!* Всякая наука, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ умомъ, пріятна, потому-что развиваетъ психическія способности; но гдѣ все дѣло основано на одномъ механизмѣ памяти, къ тому нельзя пристраститься. А давно ли въ наукѣ бо́льшая часть предметовъ основывалась на *памяти*? Что̀ могло быть суше и скучнѣе преподаванія хоть, напримѣръ, этихъ двухъ предметовъ: *исторія и географія*? А въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ можетъ быть занимательнѣе ихъ? Подъ словомъ географія привыкли въ старыя годы понимать одно исчисленіе государствъ, городовъ, рѣкъ, горъ—и ученикъ твердилъ эту науку самымъ машинальнымъ образомъ, то смотря на карту, то затверживая наизустъ названія.

И между-тѣмъ нѣтъ ни одной науки ни сухой, ни скучной; всякая занимательна, всякая расширяетъ образъ человѣческихъ познаній. Возьмемъ, напримѣръ, эту самую географію. Какъ она обширна въ своихъ подраздѣленіяхъ, какъ занимательна въ важнѣйшихъ частяхъ! Начните съ *астрономической* географіи: что̀ можетъ быть возвышеннѣе этой науки, открывающей намъ положеніе той планеты, на которой мы обитаемъ. Самолюбіе наше очень удивилось, узнавъ ничтожность не только нашей земли, но и всей солнечной системы съ ея тысячами кометъ. Зато человѣкъ чувствуетъ все свое величіе, проникая въ эти отдаленные предѣлы небесъ, гдѣ земныя понятія о пространствѣ и времени такъ непостижимо-малы; зато онъ мыслью и душою постигаетъ всю мудрость, благость и всемогущество того Существа, Которое однимъ словомъ создало всю эту громаду міровъ. Уже это одно чувство составляетъ самое высокое торжество *науки*. Только невѣжество и недоучки могутъ породить невѣріе и атеизмъ. Чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ онъ высшее, совершеннѣйшее имѣетъ понятіе о Творцѣ міровъ. Ньютонъ, создавшій *науку* астрономіи, всякій разъ при словѣ Богъ—снималъ шляпу и преклонялъ голову.

Математическая географія, придумавшая, для раздѣленія земнаго шара и для терминологіи этой науки, мысленные круги, линіи, точки—тоже весьма занимательная часть географіи, благодаря открытіямъ XIX-го вѣка. Кромѣ прежнихъ линій и круговъ, есть у насъ теперь магнитные полюсы и меридіаны, періодическое передвиженіе ихъ, есть линіи вѣчныхъ снѣговъ, есть изомерическія и изотермическія ли-

ніи, обозначающія среднюю температуру каждаго мѣста, и множество другихъ любопытныхъ отдѣловъ. И то, что прежде было сухою номенклатурою геометрическихъ фигуръ, сдѣлалось теперь занимательно, поучительно, пріятно.

Физическая географія еще болѣе разнообразна и любопытна. Оболочка нашей планеты, состоя изъ твердой коры и влажной массы, представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій и изученій; а верхняя оболочка нашего шара, эта огромная масса атмосферы—какой глубокій предметъ для науки! Эти законы давленія воздуха, это распредѣленіе теплоты и влажности, эта громада таинственной матеріи, которую мы называемъ *электричествомъ*—всѣ эти явленія, воздушныя и подземныя, составляютъ одну изъ самыхъ высокихъ и занимательныхъ наукъ, до которой человѣческій умъ могъ дойти, такъ-что изученіе *географіи*, во всѣхъ ея частяхъ, дѣлается уже не учебнымъ предметомъ, преподаваемымъ десятилѣтнимъ мальчикамъ, для изощренія ихъ памяти, а обширною наукою, которой изученіе должно продолжаться во всю жизнь, потому-что всякій новый фактъ есть уже новый параграфъ науки.

Чтобы дать понятіе о важности и занимательности географіи, возьмемъ одинъ отдѣлъ ея — *зоологическую географію*, которая еще въ самое недавнее время получила право гражданства между науками.

Теперь, когда планета наша успокоилась, когда большіе перевороты повидимому кончились, и только мѣстныя вспышки и прорывы подземнаго огня пугаютъ по временамъ жителей, земля остановилась на одной точкѣ средней температуры, которая со временъ историческихъ не измѣнялась. На обоихъ концахъ шара царствуетъ вѣчный холодъ, въ средней полосѣ—всегдашній жаръ, и по этой-то разности въ температурѣ жизненныя формы земли чрезвычайно разнообразны. Высочайшее развитіе жизненныхъ силъ находится между тропиками, и, по мѣрѣ удаленія къ полюсамъ, эти силы ослабѣваютъ. Въ жаркихъ климатахъ животныя выше ростомъ и сильнѣе. Слонъ, носорогъ, верблюдъ, гиппопотамъ, левъ, тигръ, жирафъ, страусъ, казуаръ, удавъ, черепокожныя, насѣкомыя и моллюски — всѣ огромнѣе и разнообразнѣе своихъ однородныхъ созданій, живущихъ въ другихъ климатахъ. Въ умѣренномъ поясѣ гигантами творенія медвѣди, волки, гуси, лебеди, индѣйки и другіе. Даже насѣкомыя наши меньше тропическихъ. Этотъ законъ уменьшенія жизненныхъ формъ очень ясенъ. Свѣтъ и теплота составляютъ главные агенты жизни. Одни и тѣ же растенія и животныя совершенно перерождаются, если ихъ переселить изъ одного климата въ другой; другіе же и совсѣмъ не могутъ существовать иначе, какъ въ своемъ климатѣ. Лапландскіе олени погибнутъ въ жаркомъ поясѣ. Сахарный тростникъ и бананъ не будутъ расти на Сѣверѣ. Только человѣкъ нарушаетъ эти законы природы; но, заставляя въ теплицахъ своихъ расти экзотическія деревья, онъ не можетъ ихъ принудить вырастать какъ въ ихъ климатѣ.

Разсмотримъ, какъ распредѣлены теперь животныя на земномъ шарѣ,

по пяти главнымъ центрамъ этого распредѣленія: то-есть, по Азіи, Африкѣ, Океаніи, Америкѣ и Австраліи.

Каждый изъ этихъ центровъ представляетъ разительное отличіе въ числѣ, характерѣ и ростѣ животныхъ породъ. Бюффонъ первый замѣтилъ, что обширность мѣстности развиваетъ и ростъ. Обширныя площади Азіи и Африки питаютъ животныхъ самыхъ высокихъ изъ своихъ породъ. Слонъ, носорогъ, гиппопотамъ, верблюдъ, левъ, тигръ, страусъ, казуаръ, удавъ, крокодилъ, составляютъ принадлежность этихъ обширныхъ пустынь. Въ Америкѣ ростъ ихъ уже второстепенный. Не имѣя первыхъ трехъ породъ, она вмѣсто верблюда представляетъ ламу, вмѣсто льва—пуму, вмѣсто тигра—ягуара. Въ Новой Голландіи нѣтъ млекопитающихъ выше кангуру. На Мадагаскарѣ формы еще менѣе. Тотъ же законъ распространяется и на водныхъ животныхъ: рыбы морскія гораздо огромнѣе рѣчныхъ, а послѣднія больше тѣхъ, которыя живутъ въ ручьяхъ. Примѣромъ этого закона могутъ служить корсиканскія и оркадскія лошади. Бараны острововъ Феррое гораздо меньше нежели на обширныхъ материкахъ. Даже возьмите для опыта зародышъ лягушки, положите его въ стаканъ: онъ разовьется не далѣе перваго своего превращенія, то-есть, съ одними задними ногами. Пустите-же его въ обширный прудъ, онъ разовьется совершенной лягушкою.

Азія должна имѣть первые типы всѣхъ животныхъ. Разнообразіе климатовъ ея рѣзко, такъ же, какъ и породы созданій. Европа должна считаться вѣтвью азіатскаго материка. Она изъ Азіи получила всѣхъ своихъ животныхъ, которыя по климату могли туда перейдти, и тамъ уже переродились съ вѣками. Африка безплоднѣе Азіи; и если въ первой ростъ животныхъ выше, то число породъ и многоплодность гораздо бѣднѣе. Южная часть Африки очень схожа съ Остъ-Индіею, и вездѣ, гдѣ есть большія рѣки, тамъ и животныхъ больше. Впрочемъ, птицы и насѣкомыя Африки красивы и многочисленны.

Мадагаскаръ кажется отдѣльнымъ центромъ животныхъ формъ, потому-что онѣ похожи на Остъ-Индскія, хотя этотъ островъ и далеко отстоитъ отъ нея; его формы мало имѣютъ сходства съ формами Африки, хотя онъ близокъ отъ этого материка и имѣетъ, сверхъ того, типы животныхъ, какихъ нѣтъ въ другихъ земляхъ.

Океанія составляетъ архипелагъ, оторванный отъ Азіи; на немъ животныя формы имѣютъ отдѣльные типы, особливо на Новой Гвинеѣ, гдѣ зоологическія породы напоминаютъ Новую Голландію, такъ-что эта полоса составляетъ какъ-бы переходъ отъ Азіи къ Австраліи. Тамошнія двуутробки и вообще вся геологическая система связываютъ эту гряду острововъ съ древнимъ материкомъ, да и растительность ихъ составляетъ переходъ отъ тропической Азіи къ Австраліи. Это какъ-бы мостъ, переброшенный съ новѣйшихъ материковъ на прежде осушившійся.

Америка раздѣлена на двѣ рѣзко отличныя части. Геологическія системы ихъ совершенно различны. Южная часть имѣетъ свой спеціальный характеръ. Животныя, хотя большихъ размѣровъ противу азіатскихъ, но напоминаютъ одни общіе типы. И тамъ, гдѣ обширныя рѣки создали по берегамъ своимъ роскошную растительность, населеніе жи-

вотныхъ многочисленно. Въ особенности порода четверорукихъ (обезьянъ) преобладаетъ тамъ, изъ числа которыхъ всего больше длиннохвостыхъ. Изъ птицъ же попугаи составляютъ самое многочисленное населеніе; прочія же, какъ то: колибри, туканы, аракарисы свойственны одной этой части Свѣта и великолѣпіемъ своихъ перьевъ служатъ новымъ доказательствомъ, какое вліяніе имѣетъ солнце и теплота на развитіе животныхъ силъ. Сѣверная Америка имѣетъ много сходства съ нашими умѣренными поясами: типы тѣ же, но породы различны.

Новая Голландія составляетъ самое послѣднее произведеніе земныхъ переворотовъ. Она до-сихъ-поръ еще подвержена частымъ внутреннимъ наводненіямъ. По всему видно, что она недавно еще вышла изъ воды. Флора ея совершенно мѣстная, печальная, сѣроватая; фауна ея тоже принадлежитъ ей одной. Изъ животныхъ, двуутробки составляютъ главное населеніе. Одно изъ нихъ, орниторинксъ, представляетъ млекопитающее съ птичьимъ клювомъ. Ехидна и кангуру дѣлаютъ зоологію этой части свѣта совершенно отдѣльною отъ прочихъ. И птицы имѣютъ здѣсь много отличныхъ породъ, какихъ нигдѣ больше нѣтъ. Откуда взялись всѣ эти животныя при позднемъ образованіи этого материка? Не приплыли-же они сами съ острововъ Океаніи, чтобъ населить его? Да и тамъ нѣтъ нигдѣ многихъ породъ ново-голландскихъ животныхъ.

Различные центры животныхъ формъ измѣнились отъ разности температуры, происшедшей на нашей планетѣ. Жгучій климатъ экватора способствуетъ жизни животныхъ сильныхъ, быстрыхъ, малосочныхъ. Самая порода людская приняла тамъ цвѣтъ чернокожій съ раздражительными нервами и пламеннымъ темпераментомъ. Если раскаленная эта почва орошена рѣками, то-есть, если съ теплотою соединяется влажность, то жизненная дѣятельность обнаруживается во всей силѣ. Слоны, носороги, большіе плотоядные звѣри, огромныя птицы, чудовищные змѣи, избрали себѣ этотъ климатъ отечествомъ, и не могутъ жить въ другомъ. По мѣрѣ измѣненія климата, измѣняются и формы животныхъ. Природа уменьшается въ своихъ размѣрахъ и становится какъбы правильнѣе, спокойнѣе, цвѣта блѣднѣютъ, дѣятельность убавляется.

Холодные климаты, лишенные свѣта и теплоты, не имѣютъ уже ни роскошной флоры, ни богатой фауны. Деревья умѣренныхъ поясовъ превращаются тамъ въ кустарники, зерновыя растенія исчезаютъ, трава дѣлается мохомъ. Породы животныхъ бѣднѣютъ и чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ ихъ меньше; наконецъ въ царствѣ вѣчнаго льда одно море, котораго температура равнѣе и теплѣе, питаетъ морскихъ млекопитающихъ и зоофитовъ. Слѣдственно, начиная съ экватора, жизненная дѣятельность уменьшается къ обоимъ полюсамъ; число животныхъ мало-по-малу убавляется и наконецъ исчезаетъ. Вліяніе температуры явно измѣняетъ породы животныхъ и растеній. Даже въ жаркихъ климатахъ, имѣющихъ цѣпи высокихъ горъ, произведенія царства природы слѣдуютъ постепенно возвышенію горъ. И подъ экваторомъ, на высотѣ вѣчныхъ горныхъ снѣговъ, путешественники видятъ себя въ такой же пустынѣ, какъ и у полюсовъ.

Всякая порода животныхъ живетъ въ мѣстахъ, сообразныхъ съ ея организмомъ. Птица проводитъ большую часть жизни въ воздухѣ, рыба въ водѣ, четвероногіе на сушѣ. Одинъ человѣкъ умомъ своимъ покорилъ и воду и воздухъ, чтобъ быть по волѣ своей обитателемъ обѣихъ этихъ жидкостей, хоть организмъ природы и осудилъ его оставаться постоянно на сушѣ. Въ нынѣшнемъ состояніи наукъ, онъ только дошелъ до опытовъ; но кто знаетъ къ чему приведутъ они?

Море, покрывая большую часть земнаго шара, представляетъ и главное вмѣстилище животныхъ. Человѣкъ, живя на сушѣ, воображаетъ, что на ней сосредоточена вся жизненная дѣятельность природы. Это ошибка. Земныя животныя не составляютъ десятой части всего творенія. Жители моря самые многочисленные. Начиная съ инфузорій и проходя всѣ породы нижнихъ созданій, надобно изумляться безчисленному множеству водныхъ животныхъ. Совершеннѣйшій организмъ принадлежитъ, конечно, сушѣ, но разнообразіе и количество—морю. Даже въ птицахъ, млекопитающихъ, есть множество породъ, принадлежащихъ къ водянымъ.

Такимъ образомъ природа каждому созданію назначила постоянное жилище, которое оно не можетъ перемѣнить. Человѣкъ, дѣлая многихъ звѣрей и птицъ ручными, измѣняетъ первобытный видъ ихъ; но это водоизмѣненіе всегда носитъ на себѣ признаки первоначальнаго типа. Курица, индѣйка не дѣлаются водяными, а утки и гуси не живутъ безъ воды. Обиталища животныхъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1. *Море*, самое обширное изъ всѣхъ жилищъ. Оно раститъ и питаетъ всѣ породы рыбъ, моллюсковъ, полиповъ, улитокъ, морскихъ нанелидовъ и тысячи другихъ породъ, которыхъ мы еще и не знаемъ.

2. *Берега моря* служатъ обиталищемъ всѣхъ земноводныхъ животныхъ.

3. *Прѣсныя воды* имѣютъ свои особенныя породы животныхъ.

4. *Стоячія и болотистыя воды* болѣе обитаемы аннелидами, улитками, лягушками и инфузоріями.

5. *Берега прѣсныхъ водъ*. Здѣсь вьютъ гнѣзда птицы, питающіяся насѣкомыми и червями, обитающими въ этихъ водахъ. И насѣкомыя, обитающія на сушѣ, привлекаются сюда растеніями, произрастающими у береговъ, для складки яицъ и образованія личинокъ.

6. Наконецъ, самая *суша*, и преимущественно *лѣса*, которые всегда служили любимымъ обиталищемъ всѣхъ породъ четвероногихъ, птицъ и насѣкомыхъ.

Разсмотримъ теперь породы животныхъ, существующихъ на землѣ. Въ тѣсной рамѣ журнала, мы можемъ представить только классификацію и число видовъ въ каждой породѣ. Начавъ съ низшаго организма, мы дойдемъ до высшаго, то-есть до человѣка, этого вѣнца творенія.

Губчатыя животныя. Тамъ, гдѣ органы растительнаго царства начинаютъ колебаться и приближаться къ организму живыхъ созданій, имѣющихъ движеніе и волю, находятся губчатыя животныя. Изученіе ихъ чрезвычайно любопытно и заставляетъ натуралистовъ часто со-

мнѣваться, къ которому царству они принадлежатъ. Ихъ знаютъ до 300 породъ, изъ которыхъ 200 уже описаны и изслѣдованы. Въ Европѣ 35 породъ, въ Африкѣ до 10, на Мадагаскарѣ одна, въ Америкѣ 26, въ Австраліи 50.

Инфузоріи. Еслибъ можно было исчислить эти созданія, то цифра исчисленія превзошла-бы, вѣроятно, всякую человѣческую терминологію. Впрочемъ, породы ихъ довольно хорошо распредѣлены. Ихъ всего считаютъ до 500 породъ. Сочиненія Эренберга и Дюжардена болѣе всего пролили свѣтъ на этотъ классъ созданій.

Полипы. Ихъ знаютъ до 500 породъ; но морское дно, вѣроятно, скрываетъ отъ насъ еще многихъ. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этихъ животныхъ представляются огромные острова, составленные изъ нихъ. Если развитіе ихъ будетъ продолжаться въ такой-же степени, какъ теперь, то черезъ нѣсколько тысячелѣтій они покроютъ все пространство Океана.

Акалефы (безголовыя, жгучія животныя). Эти морскія животныя еще мало изучены натуралистами. Въ азіатскихъ и американскихъ моряхъ мы знаемъ еще только 27 породъ, а въ европейскихъ 163. Но иногда скопляется ихъ такое огромное количество на одномъ пространствѣ, что исчисленіе ихъ представляетъ изумительныя цифры. Скорезби нашелъ ихъ въ одномъ мѣстѣ Зеленаго моря по 64 на одномъ квадратномъ дюймѣ; а какъ пространство, которое они покрывали, составляло нѣсколько морскихъ миль, то каждая квадратная миля должна была заключать въ себѣ 23,880 билліоновъ.

Эхинодермы (колючія лучистыя животныя). Эти маленькія животныя живутъ на днѣ моря и имѣютъ самые слабые двигательные органы. Ихъ знаютъ теперь только до 250 породъ.

Аскидіи (плащеносныя животныя), тоже морскія животныя, то приросшія къ другимъ, то плавающія по волѣ волнъ и вѣтровъ. Они еще мало изучены, и не болѣе 23 породъ описано. Они представляютъ единственную аномалію въ природѣ тѣмъ, что въ сѣверныхъ моряхъ ростъ ихъ больше, нежели въ тропическихъ.

Моллюски. Этимъ животнымъ мудрено назначить географическія обиталища, потому-что, не имѣя собственнаго произвольнаго движенія, они теченіями волнъ переносятся часто въ мѣста, гдѣ развитіе ихъ сомнительно. Такимъ образомъ въ Европѣ найдено учеными болѣе породъ моллюсковъ, а вѣроятно, они принесены туда волнами изъ другихъ морей.

Цефалаподы (головоногіе моллюски). Большая часть этихъ животныхъ находится въ числѣ ископаемыхъ допотопныхъ. Теперь извѣстны только три главныя породы, подраздѣляющіяся на нѣсколько видовъ. Они болѣе принадлежатъ американскимъ и африканскимъ морямъ.

Гельминты (глистоподобныя). Эти животныя принадлежатъ внутренностямъ другихъ животныхъ и тѣсно связаны съ ихъ существованіемъ. Болѣе 800 породъ извѣстны и описаны. Каждая порода животныхъ имѣетъ свои типы и изъ 18 породъ, живущихъ въ человѣкѣ, восемь

свойственны обезьянамъ; только самое малое число породъ живетъ на волѣ, въ водѣ, въ дождевыхъ лужахъ, во мхахъ и образуется въ разныхъ настояхъ жидкостей.

Аннелиды (кольчатые черви). Изъ нихъ піявки самая примѣчательная порода; ихъ знаютъ до 282 породъ, разумѣется, болѣе всего тѣхъ, которыя обитаютъ въ Европѣ.

Циррипеды (волосоногія животныя). Породы ихъ немногочисленны; они вездѣ водятся въ моряхъ, прицѣпляясь ко всѣмъ плывущимъ тѣламъ.

Черепокожныя—до 1200 породъ, морскихъ, рѣчныхъ и земныхъ, и чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ размѣры ихъ больше, а цвѣта череповъ ярче и красивѣе.

Арахниды (пауковидные) до 1500 породъ. Нѣкоторыя изъ нихъ микроскопическія и живутъ на тѣлахъ млекопитающихъ, птицъ и даже насѣкомыхъ; другія-же огромны ростомъ, особливо въ тропическихъ странахъ.

Міріаподы (тысяченожки). Эти животныя имѣютъ пять типическихъ породъ и болѣе принадлежатъ Европѣ.

Насѣкомыя. Это самый многочисленный классъ обитателей земнаго шара. Они вездѣ живутъ; но въ тропическихъ климатахъ они больше ростомъ и количествомъ. Ихъ до 300,000 породъ.

Рыбы. Ихтіологія не сдѣлалась еще полною наукою. Мы даже не знаемъ долговѣчности рыбъ, а географическое распредѣленіе ихъ едвали возможно, потому-что, снабженныя сильнымъ плавательнымъ органомъ, онѣ переплываютъ огромныя пространства изъ одного климата въ другой; притомъ же температура воды не претерпѣваетъ такихъ измѣненій, какъ воздухъ, оттого-то полярныя рыбы заходятъ къ тропикамъ, а рыбы океана—въ рѣки. Извѣстно, что иныя рыбы переходятъ съ мѣста на мѣсто огромными обществами, другія ведутъ жизнь отдѣльную. Главныя породы ихъ: a) *Хондроптеригіи* (хрящевато-жаберныя) какъ-то: миноги, скатъ, осетръ и др.; b) *Раздѣльно-жаберныя* (Lophobranchii), маленькія рыбы очень странной формы. Морской конекъ (Hippocampe) принадлежитъ европейскимъ морямъ, а трубчатки (Solenostome) и пегассы—Индійскому океану; c) *Мягкоперыя* (Malacopterygii), напримѣръ: щуки, плосконы ошибни и др.; d) *Колючеперыя* (Acanthopterygii), самая многочисленная порода рыбъ, принадлежащая наиболѣе индійскимъ морямъ.

Пресмыкающіяся. Этотъ классъ животныхъ раздѣляется на четыре разныя групы: лягушекъ, змѣй, ящеръ и черепахъ.

Птицы. Позвоночныя животныя съ теплою кровью, составляющія множество разнообразныхъ породъ, которыя разнятся какъ образомъ, такъ и мѣстомъ жизни, хотя общее устройство этихъ твореній и назначаетъ кругомъ ихъ дѣйствія воздухъ; ихъ можно раздѣлить на три постепенные разряда. Къ 1-му принадлежатъ всѣ породы утокъ, гусей и прочихъ водныхъ птицъ; ко 2-му всѣ вообще птицы, бы-

стролетающія въ воздухѣ, а къ 3-му страусы и всѣ тяжелокрылыя, могущія только бѣгать. Одно изъ странныхъ свойствъ птицъ состоитъ въ ежегодной эмиграціи весною къ сѣверу, а осенью—къ югу, такъ-что долго спорили о томъ: гдѣ-же ихъ настоящее отечество? Птицъ вообще считаютъ до 6000 породъ, подраздѣляющихся на слѣдующіе классы: a) *Воробьиная порода* (Passeres), которой виды самые многочисленные и всюду разсѣянные; ихъ считаютъ до 3000 видовъ; b) *Лапчатая* (palmipedes), составляющая водныхъ птицъ, живущихъ рыбами, моллюсками и водными насѣкомыми; c) *Голенастая*, прибрежныя птицы, наиболѣе свойственныя умѣренному поясу, какъ-то: аисты, журавли, бекасы и др.; d) *Куриная порода* (gallinaceae) довольно извѣстна по домашнему употребленію; e) *Голубиная*, разсѣянная по всему земному шару; f) *Соединенно-пальія* (syndactiles), болѣе свойственныя жаркому климату, какъ-то: попуги, сороки, кукушки и проч; g) *Хищныя птицы*—орлы, соколы, ястребы и т. п.

Млекопитающія. До водворенія человѣка на землѣ, это были совершеннѣйшія животныя земнаго шара по своему организму. Классъ этотъ самый сложный и изящный. Физическія качества всѣ есть въ животныхъ; моральныхъ очень мало и тѣ пріобрѣтены въ сообществѣ съ человѣкомъ. Будучи одарены движеніемъ, они не могутъ, однакожь, переходить изъ своего отечества въ другое; рѣки, горы и разность климата не допускаютъ ихъ до переселеній. Между ними остались теперь гиганты всего творенія. Человѣкъ великъ и силенъ только умомъ. Формы организма этихъ животныхъ соотвѣтствуютъ мѣстамъ, въ которыхъ они обитаютъ. Вотъ породы ихъ: a) *Китовая порода*. b) *Жвачко-жующія*. Центръ происхожденія ихъ—средняя Азія; Африка и Океанія. Олени и быки принадлежатъ Азіи; антилопы — Африкѣ. Козы, бараны и быки есть вездѣ, кромѣ Австраліи, гдѣ нѣтъ ни одной жвачко-жующей породы. c) *Толстокожія* (pachydermates). Это самыя огромныя четвероногія земнаго шара, и главныя породы ихъ принадлежатъ теплымъ странамъ: слонъ, носорогъ — Азіи и Африкѣ, тапиръ — Южной Америкѣ, вепрь—Европѣ; d) *Беззубыя*, наиболѣе принадлежатъ Америкѣ, какъ лѣнивцы, тріодонты и проч. e) *Грызуны*—самая маленькая порода млекопитающихъ. Она разсѣяна по всѣмъ странамъ земнаго шара. Векша, крыса и заяцъ составляютъ самые многочисленные виды этой породы. f) *Двуутробка*, наиболѣе принадлежитъ Новой Голландіи. g) *Плотоядныя*. Жаркій климатъ болѣе всего изобилуетъ этими звѣрьми кошачей породы. На сѣверѣ медвѣдь и волкъ представители плотоядныхъ. h) *Насѣкомоядныя*. Эта порода немногочисленна. Землеройки, кроты, составляютъ главные ихъ виды. i) *Ногокрылыя* (cheiropterygii), какъ-то: летучія мыши, вампиры и т. п. k) *Четверорукіе*. Эта порода, наиболѣе сходствующая съ человѣкомъ, принадлежитъ жаркимъ климатамъ. Ихъ три главные вида. Первый принадлежитъ Азіи, Океаніи и Африкѣ, вторый Южной Америкѣ, третій Мадагаскару. На Суматрѣ, Борнео и Явѣ обитаютъ самые великорослые орангутанги.

Человѣкъ. Онъ стоитъ въ главѣ всѣхъ созданій; но, не смотря на видимое единство первороднаго типа, подраздѣляется на многія породы, которыя разнятся между собою во многомъ. Отличительною чертою человѣка—космополитизмъ. Онъ не связанъ ни климатомъ, ни горами, ни морями. Вся земля принадлежитъ ему. Параллель между нимъ и животными очень незатруднительна. Послѣднія имѣютъ врожденный инстинктъ для сохраненія себя и питанія. Вседневныя ихъ занятія одни и тѣ же. Муравьи, пчелы, бобры, какъ умнѣйшія изъ животныхъ, дѣлаютъ то же самое теперь, что̀ дѣлали тысячу лѣтъ назадъ. Законы, по которымъ они живутъ, не измѣняются. Человѣкъ же все стремится къ лучшему. Животныя останутся все тѣ же. Если общественныя условія человѣка не вездѣ еще одинаковы, то въ будущемъ, вѣроятно, достигнетъ онъ лучшаго, потому-что теперь дошелъ уже до большаго усовершенствованія во всемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было за двѣ тысячи лѣтъ, и даже гораздо ближе. Человѣкъ созданъ для общества; одинокимъ онъ жить не можетъ. Связь семейства, столь ничтожная у прочихъ животныхъ, у человѣка чрезвычайно важна. Она первая породила законы патріархальной власти. Брачные союзы соединили людей въ нѣсколько семействъ и произвели первое гражданское общество. Чтобъ управлять имъ, явились начальники и законы. Составились народы, языки, правленіе. Займемся разсмотрѣніемъ разныхъ человѣческихъ породъ, разсѣянныхъ по землѣ; ихъ три: *черная, желтая* и *бѣлая.*

Это три видоизмѣненія первобытнаго типа. Изслѣдованія анатомиковъ доказали, что есть въ этихъ трехъ людскихъ породахъ различіе. Въ черной породѣ, напримѣръ, мозговая масса меньше, нервы толще при своемъ началѣ, цвѣтъ крови темнѣе; даже въ плодотворительной жидкости есть черноцвѣтное начало. Паразиты чернокожаго тѣла тоже другаго свойства, отчего происходитъ особый запахъ отъ негровъ. Что касается до *желтой* породы, то хотя различіе ея съ бѣлою и не такъ рѣзко, но въ частяхъ таза, или брюшной полости, какъ равно и въ гармоніи прочихъ членовъ, есть видимая разность.

Низшую породу составляетъ черная. Волосы ея курчавы, шерстообразны голова мала и сжата; понятливость тупа; физическія побужденія сильны; общественный порядокъ этого племени основанъ на силѣ; промышленость ихъ ничтожна, и везлѣ, гдѣ они смѣшаны съ бѣлыми, послѣдніе владычествуютъ надъ ними. Женщина у нихъ не подруга, а самка: многоженство дозволено. Религія—грубый фетишизмъ, порожденный страхомъ; жрецы—каста колдуновъ и обманщиковъ. Нѣкоторыя лица этого племени сдѣлались знамениты, но изъ подражанія бѣлымъ. Собственной изобрѣтательности у нихъ нѣтъ. Изъ негра можно сдѣлать хорошаго воина, дипломата, художника, ремесленника, но ученаго—никогда. Языки ихъ также бѣдны, какъ идеи. Письменныхъ памятниковъ у нихъ нѣтъ. Исторія ихъ неизвѣстна. Типъ этой породы занимаетъ западный берегъ Африки; самые жалкіе по берегамъ Сенегала, Гамбіи, въ об-

ластяхъ Конго, Лоанго, Бенгуэлы. Негры Восточной Африки уже не такъ черны и съ плоскими волосами, вѣроятно, отъ смѣшенія съ индійскимъ племенемъ. На югѣ Кафры и Готтентоты представляютъ двѣ различныя породы: первые—облагороженные негры; послѣдніе на низшей степени человѣчества. Далѣе, черная порода перешла на острова Молуккскіе и далѣе, но ужь смѣшанная съ туземцами. Папуасы населяютъ Ново-Гебридскіе острова, Новую Коледонію, Новую Голландію, и т. д. Въ Новой Гвинеѣ находятъ еще негровъ, но ужь смѣшанныхъ съ малайскимъ племенемъ. Итакъ полоса между тропиками заключаетъ въ себѣ типъ черной породы, которой развѣтвленіе далеко простирается.

Желтая порода имѣетъ главнымъ обиталищемъ Восточную Азію до Ганга. Къ ней принадлежатъ китайцы, японцы, корейцы, монголы, бирманы, сіамцы и другіе, до сѣверныхъ предѣловъ этого материка, то есть отъ 152 до 75 градуса сѣверной широты. Цвѣтъ кожи этой породы желтый со всѣми оттѣнками и измѣненіями отъ мѣстностей и смѣшенія между собою. Лицо плоское, скулы выдавшіяся, носъ широкій, глаза узки, волосы черные, борода рѣдкая. Понятливость этихъ народовъ доказываетъ только древность ихъ существованія. На какой точкѣ она была тысячу лѣтъ тому назадъ, на той и теперь.

Это племя бросило свои вѣтви въ Европу и въ Америку. Въ первой оно обитаетъ на сѣверовостокѣ, а во второй составило породу эскимосовъ.

Краснокожее племя Америки должно происходить отъ желтой азіатской породы. Такъ по-крайней-мѣрѣ заключаютъ ученые по теперешнему состоянію науки. Письменной исторіи нѣтъ у американцевъ, а сохраняются только преданія и даже есть памятники о существованіи когда-то между ними народа образованнаго и многочисленнаго.

Бѣлое племя принадлежитъ Европѣ и Западной Азіи, начиная съ береговъ Аральскаго моря. Это совершеннѣйшій типъ людской породы. Гармонія формъ и организма соединена съ развитіемъ понятливости. Цвѣтъ кожи бѣлый, глаза большіе, открытые, волосы длинные, мягкіе, лобъ высокъ. Этотъ типъ подраздѣляется на два племени: одно съ голубыми глазами и свѣтлорусыми волосами, другое съ черными глазами и темными волосами. Понятливость первыхъ выше и быстрѣе развивается; но чѣмъ болѣе они мѣшаются съ другими, тѣмъ болѣе качества ихъ упадаютъ. Бѣлое племя мало-по-малу вторгается въ другія и, вѣроятно, заставитъ переродиться всѣ прочія. Европейское общество еще молодо, но сдѣлало уже такіе быстрые успѣхи во всемъ, касающемся того племени до общежитія, что, вѣроятно, будущее усовершенствованіе рода человѣческаго произойдетъ отъ усилій. Языки его ясны и чисты. Во всѣхъ есть письменные памятники, которые перейдутъ въ потомство. Женщина у него—подруга и имѣетъ весьма важное вліяніе на нравственное образованіе человѣчества. Дѣти принадлежатъ уже не одному своему семейству, но и государству. Каждое лицо, каждая собственность ограждены законами, и по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе распространяется на низшіе классы общества, улучшаются и кодексы, соотвѣтственно потребностямъ каждаго.

Подраздѣлительные виды кавказскаго племени состоятъ изъ индійскаго, аравійскаго и малайскаго. Но индійское племя, хотя имѣющее тысячелѣтія древности, далеко отстало во всѣхъ отношеніяхъ отъ чистобѣлаго. Раздѣлъ на касты остановилъ въ самомъ началѣ всякое стремленіе, всякую возможность къ успѣхамъ. Бѣлое европейское племя, далеко оставя за собою всѣ прочія породы, готовитъ себѣ владычество ума и просвѣщенія надъ ними.

—

Могутъ ли кометы столкнуться съ Землею? — Гиндъ въ Лондонѣ и Медлеръ въ Дерптѣ издали недавно популярныя сочиненія о кометахъ. О возможности столкновенія этихъ блуждающихъ тѣлъ съ Землею они пишутъ слѣдующее:

Кометы, обтекающія пространство мірозданія по всѣмъ направленіямъ, могутъ, конечно, сойдтись съ Землею; но, по исчисленіямъ Араго, возможность подобнаго столкновенія представляетъ пропорцію 1,250 милліоновъ; слѣдственно, считая восемь кометъ въ годъ, окажется *одинъ* возможный случай въ тридцать одинъ милліонъ лѣтъ.

Съ двумя кометами въ послѣднихъ столѣтіяхъ, а именно: съ кометою 1680 года и съ кометою Бѣлы, Земля сходилась близко, потому-что орбиты ихъ пресѣкаютъ эклиптику. Но въ оба раза Земля отстояла въ минуту пресеченія отъ эклиптики на нѣсколько милльоновъ миль отъ угрожаемаго пункта.

Комета 1770 года ближе всѣхъ подходила къ Землѣ. Перваго іюля того года подходила она къ ней на разстояніи 363 земныхъ радіусовъ, то-есть на 311,940 миль, въ шесть разъ дальше луны.

Большія кометы 837 года, 1402 и 1472 должны были тоже близко подходить къ Землѣ, а маленькая комета, которую въ 1826 году наблюдалъ Флогергъ, угрожала тоже близкимъ сосѣдствомъ.

Но Лиднеръ пишетъ, что при самомъ столкновеніи подобныхъ тѣлъ, все зависитъ отъ вещества, составляющаго ихъ. Землю нашу мы знаемъ. Еслибъ съ ней столкнулось тѣло равной величины и плотности, то послѣдствія были бы, разумѣется, самыя ужасныя. Но составъ кометъ самый незначительный, почти газообразный и потому самыя послѣдствія столкновенія совершенно безопасны.

Гораздо вѣроятнѣе столкновеніе съ хвостами кометъ, простирающимися иногда на огромное разстояніе отъ ядра ихъ. Напримѣръ 26 іюня 1819 года Земля прошла сквозь оконечность хвоста кометы, находившейся между нею и солнцемъ, пробывъ нѣсколько часовъ въ этомъ хвостѣ; но въ это время, во весь годъ не было на землѣ никакой ощутительной перемѣны въ атмосферическомъ и другихъ отношеніяхъ, такъ-что, кромѣ астрономовъ, никто и не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ.

—

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Томасъ Стотгердъ. — Имя живописца Стотгерда едва извѣстно за предѣлами Англіи; даже въ своемъ отечествѣ толпа его не знаетъ, а помнятъ только истинные художники. И, однакожь, онъ замѣчательный артистъ, одаренный поэтическимъ дарованіемъ въ высокой степени. Всѣ прелестнѣйшіе рисунки въ кипсекахъ, альманахахъ, принадлежатъ Стотгерду. Послѣдователи его и подражатели Карбольдъ, Вестелль, Челонъ, Рейтъ, Стиркъ, были гораздо популярнѣе его, имѣя менѣе дарованія.

Эта историческая несправедливость объясняется числомъ и годами: Стотгердъ родился въ 1755 г., умеръ въ 1834; то-есть скончался тогда, какъ начиналъ развиваться всеобщій вкусъ къ подобнымъ произведеніямъ, пробужденный его же успѣхами и талантомъ. Еслибъ слава его началась двадцатью годами ранѣе, онъ бы въ двадцать разъ ріобрѣлъ болѣе извѣстности.

Отецъ его былъ трактирщикомъ въ Іоркшейрѣ, въ Лондонѣ. При рожденіи единственнаго сына, положилъ онъ въ государственные фонды 1200 фунтовъ стерлинговъ на имя ребенка, и матери для полученія пожизненнаго дохода.

Когда ребенку минуло пять лѣтъ, его отдали на воспитаніе къ старой теткѣ, гдѣ онъ со скуки принялся срисовывать картины, висѣвшія на стѣнѣ. Отецъ его, узнавъ объ этомъ, послалъ ему ящикъ съ красками, но ребенокъ не зналъ что̀ съ нимъ дѣлать.

Когда отецъ его умеръ, Стотгердъ былъ уже четырнадцати лѣтъ. За годъ передъ тѣмъ помѣстилъ его отецъ въ школу, откуда мать взяла его и отдала въ ученье къ одному рисовальщику набойныхъ матерій. Тогда (въ 1770 году) была въ модѣ парча, и для нея истощали рисовщики все свое искусство. Но, по счастью, Стотгердъ отданъ былъ на семь лѣтъ въ ученье, а черезъ пять перестали носить парчу.

Со скуки, молодой живописецъ сталъ тогда заниматься эскизами изъ Гомера, и *Королевы фей* Спенсера, и вдова учителя его вставляла ихъ въ рамки и вѣшала въ своемъ магазинѣ. Этотъ незначущій случай рѣшилъ судьбу Статгерда.

Однажды два посѣтителя пришли въ магазинъ что-то заказывать, и покуда одинъ объяснялъ въ чемъ дѣло, другой разглядывалъ, отъ нечего дѣлать, рисунки по стѣнамъ. Эскизы Стотгерда поразили его. Онъ подозвалъ товарища: тотъ тоже одобрилъ ихъ. Позвали Стотгерда и заказали ему одинъ рисунокъ, давъ напередъ полгинеи. Это былъ издатель Novelist-Magazin Гаррисонъ.

Съ этой минуты началось художническое поприще Стотгерда. По гинеѣ рисунокъ, сдѣлалъ онъ сто-сорокъ-восемь виньетокъ для этого журнала. По семи шиллинговъ платили ему за виньетки театральныхъ пьесъ (обыкновенно портретъ главнаго дѣйствующаго лица), и по шести за раскрашенныя буквы и разные орнаменты.

Эта легкая работа не оставляла, однакожь, дальнѣйшаго развитія его таланта. Въ Society ap Artists выставилъ онъ масляными красками *Святое Семейство*, и за это допущенъ былъ въ Королевское общество живописи ученикомъ; ему отвели тамъ и квартиру.

Тутъ онъ пользовался совѣтами пейзажнаго живописца Вильсона и пристрастился къ произведеніямъ Альберта Дюрера. Лѣтомъ, когда академія закрывалась, онъ отправился одинъ писать съ натуры ландшафты, и этимъ путешествіямъ обязаны мы появленіемъ *Сельскаго праздника*, *Декамерона* и иллюстраціи *Робинсона Крюзое*.

Однажды, возвратясь домой, увидѣлъ онъ, что ирландка, бывшая у него въ услуженіи, употребила на растопки ужь половину рисунковъ его изъ картона. Сперва это его поразило, но потомъ, видя, что этого воротить нельзя, онъ спокойно сказалъ ей;

«Женщина! знаешь ли, что ты сожгла десять замковъ, пять деревень и два города?»

Во время одной изъ прогулокъ съ двумя товарищами-артистами взяли ихъ всѣхъ подъ стражу, подозрѣвая, что они французскіе шпіоны. Дѣло вскорѣ потомъ объяснилось; но Стотгердъ написалъ на этотъ случай очень милую картину.

Вскорѣ онъ женился, и по любви. Бракъ былъ счастливъ во всю жизнь художника. У него было одиннадцать дѣтей, но въ живыхъ осталось четыре.

Въ 1791 году извѣстность его возрасла до того, что онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи. Въ это время онъ пристрастился къ Рафаэлю, и всѣ его тогдашнія работы отзываются этою склонностью. *Сонъ Іакова, св. Іоаннъ, проповѣдующій въ пустынѣ, Руѳь и Воозъ*, и рисунки *потерянный рай* обнаруживаютъ вліяніе великаго итальянскаго мастера.

Съ 1799 по 1803 расписывалъ онъ лѣстницу въ великолѣпномъ замкѣ маркиза Эксетера и получилъ за это 1300 фунтовъ стер. (7800 руб. сер.); онъ производилъ эту работу лѣтомъ, а зимою весь принадлежалъ издателямъ-книгопродавцамъ.

Въ 1794 году избрала его Королевская Академія членомъ, и картина, которую онъ представилъ при пріемѣ, изображала *Милосердіе*. Послѣ того написалъ онъ *Побѣду*.

Въ 1815 году отправился онъ во Францію, посмотрѣть въ Луврѣ на всѣ чудеса искусствъ, собранныхъ Наполеономъ. Онъ былъ въ совершенномъ упоеніи, и итальянская школа опять отразилась въ его произведеніяхъ. Однако-же, образуя въ это время одного изъ своихъ сыновей и уча его живописи, онъ заставлялъ его изучать готическіе памятники въ Европѣ, и молодой этотъ человѣкъ издалъ замѣчательное въ своемъ родѣ сочиненіе о древнихъ памятникахъ Англіи. (Monumental Effigies of Great Britain).

Отличительною чертою таланта Стотгерда было то, что онъ во всемъ искалъ истины и природы. Портреты, пейзажи и проч. нравились ему только тогда, когда онъ находилъ въ нихъ натуру.

Въ это время слава Стотгерда достигла до апогея—двумя извѣстными картинами: *Боадицея, британская королева* и *Кантерберійскіе пилигримы*. Въ первой Боадицея изображена на колесницѣ, одушевляющая свое войско на предстоящую битву съ римлянами. Около нея надежнѣйшіе ея герои. Вдали видны длинныя линіи римскихъ войскъ. Картина достойна эпопеи: величіе, созданіе, колоритъ—все превосходно.

Еще болѣе имѣла успѣха другая картина, обогатившая Кромека, который у него купилъ ее за 60 фунт. стер.

Въ 1814 году, когда союзные монархи съѣхались въ Англію, Стотгердъ писалъ для нихъ разныя декораціонныя картины.

Вскорѣ потомъ лондонское купечество рѣшило поднести герцогу Веллингтону серебряный щитъ—и Стотгердъ побѣдилъ на конкурсѣ всѣхъ своихъ соперниковъ. Щитъ былъ сдѣланъ по его рисункамъ и даже по его моделямъ.

Въ 1817 году былъ онъ сдѣланъ библіотекаремъ академіи. Въ 1821 расписалъ потолокъ эдинбургской библіотеки, и въ томъ же году выставилъ въ Соммерсетъ-Гаузѣ картину: *собираніе винограда*, въ которой весьма удачно соединилъ прелесть Тиціана съ богатствомъ колорита Рубенса.

Въ 1825 (Стотгерду было уже семьдесятъ лѣтъ) составилъ онъ иллюстраціи къ сочиненіямъ Самуила Роджерса и къ новому изданію Шекспира.

Послѣднія его работы были въ букингамскомъ дворцѣ. Сюжеты этихъ картинъ взяты изъ исторіи междоусобій Двухъ Розъ—и вотъ собственноручный счетъ его суммамъ, которыя онъ получилъ за эту работу:

За четырехъ амуровъ	63	ф. стер.
— четыре времени года	63	—
— четыре картины въ главной залѣ	147	—
— Аполлона и Музъ въ южной залѣ	31	—
— Аполлона и поэтовъ	31	—
— — и дѣтей.	15	—
— дѣтей и зелень.	63	—
Всего	434	—

Что теперь сказать объ общемъ характерѣ его таланта? Во всѣхъ его картинахъ видна нѣкоторая аффектація, хотя вездѣ видно то же высокое искусство, прелесть и естественность. Только на двухъ картинахъ коснулся онъ чисто-драматическихъ предметовъ, а именно: Сонъ Ричарда III наканунѣ Босвортской битвы, гдѣ, у изголовья, изображены всѣ его жертвы. Другая картина: *Юніовы ночи*, гдѣ онъ изобразилъ *Разгульную бесѣду*. Тутъ одинъ гость опрокидываетъ столъ и пьяныхъ своихъ товарищей, одною рукою поднимаетъ чашу съ пылающим

пуншемъ, а другою душитъ послѣдняго собутыльника. Кто-же этотъ ужасный гость? Вглядитесь хорошенько—и вы узнаете *Смерть* въ одеждѣ *невоздержности*. Если сравнить Стотгерда съ Гогартомъ, то послѣдній побѣждаетъ своею смѣлостью, а первый—тонкостью насмѣшки. Въ семейной жизни своей Стотгердъ на старости лѣтъ испыталъ много несчастій: три сына его умерли раньше его, а въ 1825 потерялъ онъ и жену. Печаленъ разсказъ о смерти одного изъ сыновей, который былъ нечаянно убитъ другимъ маленькимъ, игравшимъ съ нимъ и спустившимъ курокъ ружья, о которомъ не зналъ, что оно заряжено.

Въ этотъ день отпросился этотъ ребенокъ у отца поиграть съ товарищемъ, и Стотгердъ, отпустивъ его, пошелъ къ женѣ своей, которая одѣвалась идти гулять съ мужемъ. Она стояла передъ зеркаломъ, повернувшись спиною къ мужу и разговаривала съ нимъ о платьѣ, котораго ей не принесли. Вдругъ она вскричала:

— Что ты тутъ дѣлаешь, Томъ?.. Сбѣгай лучше внизъ, да посмотри, не принесли-ли мое платье?

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Стотгердъ вокругъ себя и сказалъ женѣ, что Томъ отпущенъ въ гости.

— Но я его сейчасъ видѣла тутъ, въ зеркалѣ... у кровати... онъ какъ-будто хотѣлъ ко мнѣ броситься...

Оба супруга съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга и замолчали. Въ эту минуту у внѣшнихъ дверей раздался стукъ. Вошли два человѣка и требовали позволенія поговорить съ г. Стотгердомъ наединѣ.

— Это о Томѣ! вскричала мать.—Съ нимъ вѣрно что-нибудь случилось.

Дѣйствительно, эти люди объявили, что ребенокъ убитъ.

Послѣ смерти своихъ сыновей, Стотгердъ началъ самъ видимо склоняться къ могилѣ безъ всякой болѣзни, кромѣ глухоты.

Осенью 1833 года наѣхала на него разъ на улицѣ карета, и хотя онъ поправился отъ полученнаго удара, но вскорѣ почувствовалъ, что силы его уже истощились.

Въ это время сынъ его, Альфредъ, бывшій граверомъ, дѣлалъ рисунокъ для палаты Вестминстерской Центральной Національной школы. Отецъ хотѣлъ поправить положеніе фигуры на рисункѣ, карандашъ уже не слушался его.

Жизнь его протянулась однакожь до весны 1834 года. Онъ не страдалъ, но угасалъ помаленьку; наконецъ слегъ въ постель и чрезъ двѣ недѣли умеръ на рукахъ сына своего, Альфреда.

Британскій музей собралъ *четыре тысячи* гравюръ, по рисункамъ Стотгерда: это самая многочисленная коллекція, какая существуетъ, и она еще неполная.

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Нарядъ супруги делійскаго султана.—Мистрисъ Макензи имѣла случай, во время пребыванія своего въ Остъ-Индіи, въ 1850 году, видѣть *генану* (гаремъ) делійскаго владѣтеля и ей дозволено было списать портретъ супруга его. Мистрисъ Макензи была приведена во дворецъ, въ комнаты султана. Онъ былъ старъ, худощавъ и слабъ, но съ пріятнымъ и добродушнымъ лицомъ. Вовсе не заботясь о приходѣ англичанки, онъ сидѣлъ у кровати съ серебряными ножками, курилъ гуку, и около него суетилась толпа женщинъ для прислугъ; одна старуха терла ему ноги.

Когда ему напомнили о присутствіи англичанки, онъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ, что желаетъ имѣть портретъ султанши *Цинатъ-Мегуль Бегумъ* (украшеніе дворца). Мистриссъ Макензи тотчасъ-же изъявила готовность исполнить волю султана, но султанша очень долго не выходила по причинѣ продолжительнаго туалета. И что за туалетъ! Въ ушахъ ея висѣло пять паръ серегъ, на шеѣ множество цѣпочекъ, въ носу блистало кольцо, привязанное къ ушамъ посредствомъ жемчужныхъ нитокъ, голова была закрыта множествомъ украшеній, пальцы едва были видны отъ множества перстней. Платье все было изъ красной кисеи съ золотымъ шитьемъ. Въ рукѣ держала она гуку (трубку); позади креселъ ея стояли двѣ прислужницы съ большими опахалами. Она была очень дородна съ полусонными, безжизненными глазами, но ротъ ея былъ красивъ; волосы, какъ у всѣхъ дамъ ея свиты, зачесаны кверху, по-китайски.

—

Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Общество пенсильванской желѣзной дороги имѣетъ сорокъ два локомотива, дѣлающіе по 80 англійскихъ миль (120 верстъ) въ часъ, съ пассажирами или товаромъ. У общества бальтиморской и огіоской дорогъ сто сорокъ двѣ машины, и, въ числѣ ихъ, нѣкоторыя извѣстны по особенному устройству и чрезвычайной скорости, а именно: по $1^1/_3$ англійской мили въ минуту (тоже 80 миль въ часъ).

—

Странная игра природы. — Въ Брестѣ, въ большомъ кофейномъ домѣ есть столъ чернаго мрамора, котораго жилы составляютъ въ срединѣ изображеніе человѣческой головы, имѣющей разительное сходство съ Людовикомъ XVI, а глядя съ противоположной стороны, голова похожа на женскую. Хотя, вѣроятно, какой-нибудь живописецъ слегка и дополнилъ направленіе марморныхъ жилъ, но не менѣе того игра природы удивительная.

Въ Швейцаріи есть также гора, которой очерки представляютъ колоссальную фигуру Наполеона. По-крайней-мѣрѣ всѣ путешественники ходятъ смотрѣть на эту игру природы и увѣрены въ сходствѣ.

—

Вечеръ въ Дамаскѣ. — Нѣкто Габибъ Рискъ-Лилахъ Эффенди родился въ Ливанскихъ горахъ и былъ секретаремъ владѣтеля этой области; потомъ онъ вступилъ въ турецкую службу; но здѣсь, по подозрѣнію Ибрагима-паши, назначившаго цѣну за его голову, принужденъ былъ бѣжать къ англичанамъ, которымъ оказалъ нѣкоторыя услуги и которые взяли его въ свое покровительство. Теперь онъ въ Лондонѣ занимаетъ второстепенную дипломатическую должность. Онъ написалъ книгу, въ которой изображаетъ нравы дамасскихъ жителей.

Тамъ не зовутъ въ гости; но если ввечеру въ которомъ-нибудь домѣ слышны звуки музыки, всѣ сосѣди и знакомые идутъ туда и принимаются съ величайшимъ радушіемъ. Мужчины являются въ длинной шелковой одеждѣ, а женщины въ бѣлыхъ *изарахъ* (покрывалахъ). По приглашенію хозяйки, покрывала снимаются, и все общество начинаетъ заниматься вокальною и инструментальною музыкою.

По окончаніи концерта, встаютъ нѣсколько мужчинъ и начинаютъ сирійскіе танцы. Другіе производятъ бедуинскій танецъ съ саблями. Женщины долго не рѣшаются принимать участіе въ танцахъ, но наконецъ выступаютъ и онѣ. Музыка болѣе и болѣе одушевляетъ ихъ, и онѣ употребляютъ все свое искусство, чтобъ обратить на себя вниманіе общества. Танцы женщинъ болѣе состоятъ изъ позъ, въ которыхъ онѣ обнаруживаютъ всю свою прелесть. Вмѣсто аплодисментовъ, зрители опрыскиваютъ танцовщицъ розовою водою и осыпаютъ апельсинными цвѣтами.

Когда танцы утомятъ всѣхъ, начинаются игры въ фанты и всеобщая веселость еще болѣе увеличивается. Особенно занимательна игра: *тутунъ, тутунъ, нинъ тутунъ*. Каждый гость получаетъ имя птицы, дерева, или цвѣтка. Потомъ одинъ избранный гость обходитъ всѣхъ

и отбираетъ у каждаго какую-нибудь вещь. Собравъ ихъ въ платокъ, беретъ онъ оттуда одну и, приступивъ къ кому-нибудь, спрашиваетъ: *что это?* Тотъ долженъ отвѣчать: птица, дерево или цвѣтокъ. Если онъ не угадаетъ, то получаетъ по рукѣ три удара жгутомъ.

Послѣ этихъ игръ начинаются разсказы, или чтенія поэзіи. Въ описанный авторомъ вечеръ читали элегію. Вотъ буквальный переводъ ея:

«Ахъ! возможно-ли, чтобъ моя возлюбленная, съ розовыми щеками, подруга души моей, лежала обернутая въ саванъ? Этотъ языкъ, знавшій столько языковъ, теперь онѣмѣлъ! Напрасно я жду и смотрю, мнѣ страшно ея молчаніе.

«Она увяла какъ листокъ цвѣтка! Прелестное лицо ея подернулось блѣдностью смерти. Цвѣтокъ этотъ похищенъ могилою! Она навсегда для меня потеряна, и я горячо плачу объ этой потерѣ.

Разумѣется, всѣ гости, мужчины и женщины, курятъ все это время. Только молодыя дѣвушки не курятъ въ обществахъ; но онѣ закуриваютъ *наргили* для знатнѣйшихъ гостей и при этомъ сами затягиваются табачнымъ дымомъ.

—

Вашингтонъ Ирвингъ.—Г-жа Фредерика Бремеръ, имѣвшая случай познакомиться съ Вашингтонъ-Ирвингомъ, описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Въ трактирѣ, за общимъ столомъ, сидѣлъ старикъ шестидесяти лѣтъ съ прекрасными глазами, пріятнымъ лицомъ, привлекательною улыбкою и со всегдашнимъ веселымъ расположеніемъ духа—это былъ Вашингтонъ Ирвингъ; онъ, должно быть, одаренъ чрезвычайно-счастливымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Около него была толпа молодыхъ племянницъ, которыхъ онъ воспитываетъ и которыя его душевно любятъ. Онъ говоритъ, что природа наградила его самымъ счастливымъ качествомъ—любить все окружающее. Домъ его, или дача, стоитъ на берегахъ Гудсона и напоминаетъ идиллію. Густой плющъ покрываетъ бѣлыя стѣны дома до самой крыши, гдѣ извивается гирляндами; передъ окнами, на лугу, пасутся жирныя коровы. Вездѣ видно счастіе и спокойствіе.

Хотя Вашингтонъ Ирвингъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, но въ немъ есть какая-то нервическая робость. Его поэтическое расположеніе духа

часто сталкивается съ прозаическими подробностями жизни и возбуждаетъ въ душѣ его какую-то горечь.

Въ комнатѣ у него виситъ портретъ его, снятый въ молодости. Онъ нарисованъ самымъ красивымъ мужчиною; можетъ-быть, онъ и былъ таковъ. Однажды былъ онъ обрученъ съ прекрасною молодою дѣвушкою, которую страстно любилъ. Она умерла до брака, и съ тѣхъпоръ Вашингтонъ Ирвингъ не искалъ ужъ ни любви, ни невѣсты; онъ ограничился любовью къ литературѣ и природѣ. Теперь онъ можетъ назваться мудрецомъ, хотя на лицѣ его нѣтъ морщинъ, а на головѣ сѣдинъ.

—

Музыка и библіотека въ среднихъ вѣкахъ. — Филиппъ Добрый, Карлъ Смѣлый и Маргарита австрійская были въ свое время большими покровителями музыки. Въ продолженіе XV и XVI столѣтій сдѣлала она большіе успѣхи въ Бельгіи, и не только первые музыканты Франціи были бельгійцы, но и въ Италіи музыка была усовершенствована бельгійскими учителями; имена этихъ артистовъ дошли и до насъ. Жакенъ де Пре, Оберъ, Окергонъ, Жанъ Ле-Тентюрье (основавшій въ Неаполѣ музыкальную школу), Симонъ фанъ деръ Эйкенъ (капельмейстеръ Миланскаго собора), Кипріанъ Роръ, Орландъ де-Летръ, котораго почитали первымъ современнымъ музыкантомъ—всѣ были бельгійцы.

Замѣчательно также состояніе библіотекъ до изобрѣтенія книгопечатанія.

Библіотека Филиппа Добраго была богатѣйшею; и тогдашній лѣтописецъ говоритъ, что «хоть онъ и имѣлъ лучшую въ Европѣ библіотеку, но употреблялъ, однакожь, всѣ старанія для увеличенія ея и содержалъ во всѣхъ земляхъ ученыхъ, переводчиковъ и переписчиковъ, которые безпрестанно были этимъ заняты. Тогда многіе владѣтели почитали себя богатыми, если имѣли *восемь* книгъ. У Іоанна III, графа намюрскаго, продавалась съ публичнаго торга библіотека, въ которой были слѣдующія книги:

Карманный молитвенникъ (продано за 12 кронъ); романъ Розы на пергаментѣ (за 3 кроны); часть французской хроники (за 1 крону); институтъ (за 1 крону); власть князей (за 3 кроны); о судебномъ

порядкѣ (за 2 кроны); о религіи (за 4 кроны). — Это составляло всю княжескую библіотеку.

—

Турецкая сабля. (*Сѣверо-американскій разсказъ*).—Въ Американскихъ газетахъ безпрестанно являются такъ называемыя *утки*. *Янкамъ* ничего не стóитъ воскресить давно умершаго человѣка и заставить его издавать свою біографію. У нихъ поминутно являются претенденты на всѣ великія имена Европы и разсказываютъ о себѣ самыя удивительныя вещи. Вотъ одна изъ самыхъ странныхъ и новыхъ *утокъ*.

Нѣкто французъ, маіоръ Графиньи, бывшій во всѣхъ Наполеоновскихъ походахъ, получилъ отставку и пенсію, и какъ во Франціи всѣ его предпріятія не удавались, онъ отправился въ Америку, искать счастія.

Здѣсь увидѣлъ онъ, что лихорадочная дѣятельность жителей представляетъ непреодолимое соперничество новопріѣзжему во всѣхъ занятіяхъ. Онъ рѣшился удалиться къ крайнимъ предѣламъ цивилизаціи, и, послѣ величайшихъ трудностей и опасностей достигъ береговъ Миссури. Тамъ, въ Сальто-риверской долинѣ (которая тогда еще составляла крайнюю точку границъ Соединенныхъ Штатовъ), гдѣ онъ хотѣлъ поселиться, встрѣтили его ружейными выстрѣлами, потому-что онъ вздумалъ отдохнуть на пнѣ, сваленномъ недавно другимъ переселенцемъ.

Наконецъ узналъ онъ, что недалеко оттуда живетъ одинъ старый французъ, устроившій себѣ домъ въ родѣ блокгауза и охотно принимающій къ себѣ всѣхъ соотечественниковъ. Маіоръ Графиньи отправился къ нему.

Тотъ лежалъ больной въ постели. Во всемъ домѣ никого не было: очевидно, что несчастный долженъ былъ умереть, не имѣя никакой помощи и попеченій. Онъ чрезвычайно обрадовался, услышавъ шаги живаго существа, приближавшагося къ нему:

— Возможно-ли! — вскричалъ больной старикъ. — это солдатскіе шаги. Кто идетъ?

— Соотечественникъ и другъ! отвѣчалъ Графиньи и, подойдя къ кровати, съ чувствомъ состраданія посмотрѣлъ на черты старика, боровшагося со смертью.

— Какое счастіе!—сказалъ онъ: — еще разъ въ жизни слышу я звуки роднаго языка. Вы были солдатомъ?

— Во времена Имперіи...

— Въ какихъ сраженіяхъ были вы?

— Во всѣхъ: въ Италіи, Египтѣ, Германіи, Россіи.

— И я тоже!—сказалъ старикъ.—Въ какомъ корпусѣ, въ какомъ полку служили вы?

— Въ старой гвардіи?.. Послѣднимъ нашимъ дѣломъ было Ватерлоо.

— Дайте мнѣ вашу руку. И я былъ вездѣ, кромѣ послѣдней битвы... О! еслибъ я тамъ былъ, кто знаетъ, не иначе ли кончилось бы это сраженіе... А были ли вы при пирамидахъ?

— Какже! я тамъ былъ раненъ и служилъ въ дивизіи Дезе.

— А! помню. Вы были окружены со всѣхъ сторонъ кавалеріею. Я видѣлъ, что вамъ приходилось худо...

— Да! мы обязаны были своимъ спасеніемъ храброму Мюрату. Никогда не забуду атаки, которою онъ опрокинулъ непріятеля въ Нилъ. Со времени рыцаря Баярда не было такого храбреца.

— О! сколько событій приводите вы мнѣ на память... Какое сладостное чувство согрѣваетъ мое сердце... Сегодня поутру думалъ я, что не переживу этого дня. Теперь чувствую, что приходъ вашъ, а еще болѣе военныя воспоминанія разогрѣли меня, оживили...

Дѣйствительно, съ этой минуты старикъ, Пьеръ Лаверди, поправился, благодаря попеченіямъ маіора Графиньи, всталъ съ постели и могъ выходить. Но это была послѣдняя вспышка жизни, воскресшей при воспоминаніяхъ прошедшаго. Вскорѣ онъ опять слегъ, и на этотъ разъ понялъ, что ему ужь не встать. Онъ послалъ за ближайшимъ мирнымъ судьею, составилъ завѣщаніе, оставилъ все свое имущество маіору Графиньи; и когда они остались одни, то подозвалъ его къ постели и сказалъ ему слѣдующее:

— Вы еще не знаете, любезный маіоръ, кто я. Пьеръ Лаверди не настоящее мое имя. Истиннаго я не могу вамъ открыть, потому-что далъ клятву не открывать его. По завѣщанію моему, должны вы будете съѣздить въ Европу и вручить одному лицу вещь, которую вы у меня найдете. Тогда откроется кто я. Всякое преждевременное открытіе стоило-бы жизни тому, кто меня спасъ. Знайте, что весь свѣтъ почитаетъ меня ужь двадцать лѣтъ умершимъ. По стеченію самыхъ печальныхъ обстоятельствъ, былъ я въ 1815 году приговоренъ судомъ къ казни. Она должна была совершиться ночью. По прочтеніи мнѣ приговора, отвели меня въ тюрьму, гдѣ я долженъ былъ пробыть до той минуты, какъ меня вызовутъ на смерть... Вдругъ

услышалъ я, что дверь моей темницы отворяется; кто-то, въ военномъ плащѣ, вошелъ ко мнѣ. Не давъ времени сказать мнѣ слова, онъ сталъ передо мною на колѣни, поцаловалъ мою руку и сказалъ:

— Я служилъ и сражался подъ вашимъ начальствомъ. Подъ Смоленскомъ спасли вы мнѣ жизнь. Я хочу теперь спасти васъ, или умереть вмѣстѣ съ вами. Я караульный сержантъ; моему взводу назначено разстрѣлять васъ. Какъ скоро послѣдуютъ выстрѣлы, упадите ничкомъ и лежите безъ малѣйшаго движенія. Прочее предоставьте мнѣ.

Сказавъ это, онъ ушелъ. Вскорѣ раздался глухой звонъ колокола. За мною пришли и повели меня на площадку, гдѣ, у шеста, повѣшенъ былъ фонарь. Глубокая темнота препятствовала мнѣ разсмотрѣть окружающія меня лица; меня привели къ шесту и поставили. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ взводъ солдатъ. Имъ скомандовали; раздались выстрѣлы—и я упалъ. Кто-то приказалъ принести приготовленный для меня гробъ и похоронить мое тѣло.

Площадка опустѣла. Ко мнѣ быстро подошелъ кто-то, и знакомый голосъ шепнулъ:

— Поскорѣе вставайте. Ружья были заряжены холостыми зарядами. Сейчасъ принесутъ гробъ и похоронятъ въ немъ кирасира, котораго вчера разстрѣляли. Мы его отрыли и положимъ на ваше мѣсто. Бѣгите. Вотъ узелокъ съ платьемъ и деньгами. Бѣгите въ Америку, но и тамъ—дайте мнѣ честное слово, что до кончины своей не откроете никому своего имени.

Я далъ ему руку и скрылся. Счастливо пробрался я къ морскому берегу и, въ одеждѣ простаго матроса, успѣлъ попасть на американское судно, которое привезло меня сюда. Здѣсь я помѣстился въ самомъ отдаленномъ краю и провелъ въ неизвѣстности двадцать лѣтъ. Судьба послала мнѣ *васъ*, любезный Графиньи: вы усладили послѣдніе дни моей жизни; вамъ отдаю я все, что у меня есть.... но вотъ мое условіе и приказаніе умирающаго: когда вы меня похороните, то въ комодѣ моемъ, въ нижнемъ ящикѣ, найдете свертокъ, который передайте... тому кто... когда-нибудь будетъ играть политическую роль въ нашемъ семействѣ... скажите ему...

Тутъ голосъ старика прервался. Маіоръ думалъ, что больной усталъ и хочетъ отдохнуть... онъ былъ уже мертвъ.

Похоронивъ тѣло его, Графиньи собралъ все его имущество и отправился въ Европу съ порученнымъ ему сверткомъ.

Въ 1848 году явился Графиньи къ президенту Французской республики и поднесъ ему этотъ свертокъ.

Въ немъ была турецкая сабля съ надписью:

«*Наполеонъ, своему Іоахиму Мюрату;*

Аустерлицъ, 20 декабря 1805 года.

—

Новости парижской жизни. (*Письмо изъ Парижа*). Скажемъ нѣсколько словъ объ Итальянскомъ театрѣ, который открылся въ самомъ великолѣпномъ видѣ. Туалеты были самые роскошные, какія только могла придумать мода. Итальянскіе пѣвцы дебютировали *Ченерентолою* съ г-жею Альбони, Тамбурини, Гардони и tutti quelli ama il publico. Зала была полна; мѣста всѣ раскуплены за нѣсколько дней до представленія, такъ-что въ этотъ день невозможно было за тысячу франковъ достать никакого билета. Голосъ г-жи Альбони, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, но сохранилъ всю свою прелесть и нѣжность; онъ выходитъ прямо изъ души, и потому его слушаютъ не одними ушами, но и сердцемъ, и чувствуютъ волненіе, которое пѣвица хочетъ передать публикѣ. Корти, бывшій директоръ Оперы не хотѣлъ управлять ею еще годъ, безъ сильной поддержки со стороны правительства, и отказался отъ дирекціи, что̀ должно было предвидѣть. Кто же занялъ теперь его мѣсто? Старый полковникъ Рагани, имѣющій всего состоянія только шестьдесятъ тысячъ франковъ. Одна Альбони будетъ получать двѣ тысячи франковъ за спектакль; и если другіе артисты цѣнятъ себя такъ же дорого, то расходы легко могутъ превышать доходы, несмотря на полный театръ и двойныя цѣны. Все-таки, отчего же не надѣяться на успѣхъ... можетъ-быть. Итальянскій театръ опять подымется... Нѣтъ ничего невозможнаго!

Про музыку Ченерентолы уже сказано все, что̀ можно было сказать, Это одна изъ тѣхъ оперъ, которыя поддерживаютъ всѣ театры съ незапамятныхъ временъ и которыя все еще нравятся. Это алмазъ, непортящійся отъ времени. Въ нынѣшнемъ году Ченерентола явилась въ новомъ, блестящемъ видѣ и, вѣроятно, долго останется на репертуарѣ.

Г-жа Крувель, потерявшая свой германизмъ на итальянской сценѣ и назвавшаяся Крувелли, вступаетъ въ большую Французскую Оперу съ

незначащимъ жалованьемъ—во сто тысячъ франковъ, не считая бенефисовъ и четырехъ мѣсяцевъ отпуска. Это значитъ, что она будетъ получать двѣсти тысячъ франковъ дохода съ капитала въ четыре милльона—не дурно! Гдѣ вы, прежнія знаменитости, получавшія такъ мало вознагражденія? Одинъ мѣсяцъ жалованья вашихъ внучекъ превышаетъ вашъ годовой доходъ; а за сумму, которую нынѣшніе артисты получаютъ въ годъ, прежніе работали цѣлую жизнь. И еще жалуются на нашъ вѣкъ, когда онъ такъ великодушно платилъ за фокусы голосомъ и ногами! Гдѣ такой капиталистъ, который можетъ дать за своею дочерью приданое, какое наживаютъ артистки? Прекрасный голосъ, правильная дикція—вотъ лучшій доходъ въ наше время; спросите Рашель, Дюпре и другихъ богатыхъ владѣльцевъ улицы Тронше, вымѣнявшихъ свои таланты на банковые билеты.

Талія и Эвтерпа, не однѣ изъ музъ наживаютъ большія богатства; Терпсихора тоже не отстаетъ отъ своихъ сестеръ и г-жа Розати, новая танцовщица, взялась доказать это. Она вышла на сцену въ хорошенькомъ балетѣ *Жовита*, написанномъ для нея г. Лабаромъ, который одаренъ большимъ талантомъ, но лѣнивъ, какъ лацарони, и послѣ каждаго произведенія отдыхаетъ очень долго. Г. Лабаръ составилъ балетъ *Возстаніе въ Сералѣ*, имѣвшій большой успѣхъ, и теперь Жовита тоже понравилась, благодаря постановкѣ г. Мазилье и танцамъ г-жи Розати. Жовита, молодая дѣвушка, веселая и умная, окружена толпою обожателей; она выбираетъ поручика Альтаминаро и обѣщаетъ ему свою руку. Дѣйствіе происходитъ въ Мехикѣ, и вицекороль этой жаркой страны обѣщаетъ двѣсти унцій золота тому, кто избавитъ его отъ Цубильяга, начальника буканьеровъ, который разбойничаетъ съ своею шайкою по окрестностямъ. Альтаминаро обѣщаетъ поймать бандита и принести назначенную награду къ ногамъ невѣсты; но Цубильяга хитрѣе молодаго поручика и беретъ его самого въ плѣнъ. Тогда Жовита берется спасти жениха и Мехику, и смѣло идетъ къ буканьерамъ. Разбойники радуются такой добычѣ и начинаютъ ссориться, кому обладать молоденькою мехиканкою; но та замѣтила боченокъ съ порохомъ и въ то время, какъ бандиты начали драться и забыли о своихъ плѣнникахъ, Жовита освободила поручика и выбѣжала съ нимъ, бросивъ горящій фитиль въ порохъ. Картина взрыва, разбойники погибаютъ и на развалинахъ ихъ убѣжища Альтаминаро получаетъ окончательно руку Жовиты, золото вицекороля и все кончается пируэтами, антраша, академическими позами и проч., и проч.

Балетъ имѣлъ большой успѣхъ, чему способствовали костюмы, де

корацiи и музыка. Замѣчательнѣе всего была сама г-жа Розати. Парижъ никогда не обѣднѣетъ талантами: одинъ исчезаетъ, другой возникаетъ и заставляетъ забыть первыхъ. Не надобно быть, однакоже, неблагодарнымъ, и прежде всего нужно каждому отдать справедливость. Г-жа Розати не только граціозная танцовщица, но умная актриса, и жесты ея объясняютъ дѣйствіе въ балетѣ ни сколько не хуже словъ. Зато букеты сыпались на нее со всѣхъ сторонъ и доказывали восторгъ публики.

Что касается г. Лабара, всѣ надѣются, что успѣхъ заставитъ его скорѣе приняться за работу. Прочіе артисты и артистки тоже были недурны; г-жи Бессонъ, Эмери и Каролина заслужили рукоплесканія; гг. Боше и Пети были очень недурны; особенно послѣдній, не смотря на свое маленькое имя, игралъ такъ хорошо, что, можетъ-быть, и про него впослѣдствіи будутъ говорить: *великій талантъ Пети.*

Императоръ и императрица присутствовали при первомъ представленіи Жовиты и оставались до конца, что говоритъ тоже въ пользу балета. Что касается до меня, хотя я не люблю балетовъ, но этотъ просмотрѣлъ съ удовольствіемъ, потому-что онъ составленъ и выполненъ превосходно. Музыка въ немъ также хороша.

Кстати о музыкѣ. Я чуть-было не забылъ сказать нѣсколько словъ о драматическомъ концертѣ г. Шелара, написавшаго превосходную симфонію подъ названіемъ: *Орлы.* Жаль только, что для этой симфоніи зала Герца была мала. Въ залѣ Оперы она бы произвела больше эффекта.

Имя Планара еще недавно сдѣлалось извѣстнымъ по многимъ лирическимъ произведеніямъ, и онъ ужъ умеръ, оплаканный всѣми своими друзьями. Я провожалъ до послѣдняго жилища этого человѣка, отличавшагося высокимъ талантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми рѣдкими качествами: простотою, добродушіемъ, благородствомъ. Всѣ его произведенія доказываютъ тихую жизнь и чистоту нравовъ. Онъ не гонялся за эффектами, за запутанностью сюжетовъ; у него все просто, натурально, безъ натянутости и преувеличенія: *Le Pré aux clercs, Marie, La double échelle* и нѣкоторыя другія оперы, въ томъ же родѣ, подверждаютъ наше мнѣніе. Планаръ не любилъ убивать своихъ героевъ, потому-что не хотѣлъ внушать зрителямъ ужаса: онъ и кромѣ этого средства умѣлъ производить впечатлѣніе.

Французскій театръ что-то очень несчастливъ въ послѣднее время. Онъ отвергаетъ хорошія пьесы и принимаетъ дурныя. Не говорю, чтобъ

драма г. Фуссье, *День Агриппы д'Обиньи* была совершенно дурная пьеса—нѣтъ; въ ней есть эффектныя сцены и хорошіе стихи; но изъ однихъ риѳмъ нельзя составить драмы; надобны еще интрига, дѣйствіе, вѣроятность и немного исторіи, если въ ней участвуютъ историческія лица. Пора бы Французской Комедіи поставить порядочную пьесу и доказать, что она не отвыкла отъ успѣховъ.

Театръ Разнообразія далъ *Родственника*—водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ соч. гг. Лорансена и Ламарта. Этотъ родственникъ родъ Фигаро, который живетъ, брѣя подбородки, и вдругъ неожиданно находитъ важныхъ родственниковъ, которые обогащаютъ его. Фигаро дѣлается знатнымъ бариномъ, и скучая отъ бездѣйствія, брѣетъ людей отъ нечего дѣлать. Вельможи не признаютъ новаго товарища и онъ, не найдя въ своемъ новомъ положеніи никакого удовольствія, и, возвратясь въ прежнюю жизнь, женится на молоденькой гризеткѣ, которую прежде любилъ.

Дезе дебютировалъ въ этой пьесѣ и обнаружилъ рѣдкій комическій талантъ.

Приготовляется много другихъ драматическихъ новостей. Программы концертовъ тоже готовы, и балы будутъ великолѣпные. Сколько удовольствія, сколько счастія! Кто же будетъ несчастливъ въ эту зиму? Одни бѣдные, у которыхъ нѣтъ ни хлѣба, ни дровъ. Напрасно богатые жители и артисты жертвуютъ въ пользу бѣдныхъ огромныя суммы, напрасно даютъ въ ихъ пользу балы, концерты, благотворительныя лотереи: бѣдность все-таки не уменьшается въ Парижѣ; кромѣ этого, тысячи рукъ раздаютъ милостыню у церквей, на улицахъ, на дому, и, не смотря на всѣ усилія филантропіи, нищихъ все еще много; не доказываетъ-ли это, что мы не умѣемъ благотворить какъ должно? Мы обязаны не минутно облечать несчастныхъ, но давать имъ средства къ жизни, не позволять доходить до крайности. Но легко ли это сдѣлать? возможно-ли? Это важные вопросы, о которыхъ мы не беремся судить. Четырехфунтовой хлѣбъ стоитъ теперь въ Парижѣ 80 сантимовъ, а за чертою города—одинъ франкъ пятнадцать сантимовъ, потомучто правительство платитъ булочникамъ, чтобъ они не возвышали цѣны.

Кареты къ коронаціи уже приготовлены. На нихъ не пожалѣли золота, хотя форма осталась прежняя. Вѣдь нельзя-же придумать новую форму для экипажа.

Журналы много толкуютъ о новой системѣ судовъ для навигаціи,

изобрѣтенной Планавергомъ, подъ названіемъ *гидро-локомотивъ*. Главное преимущество его: — чрезвычайная скорость и безопасность ѣзды; а это самое главное въ нашъ вѣкъ. Всѣ мы торопимся—неизвѣстно только куда....

—

Картина Босфора. — (*Изъ записокъ путешественника*). Названіе Босфора происходитъ отъ греческаго βοῦς (быкъ или корова) и πορος (проходъ). Древніе называли Ѳракійскимъ Босфоромъ проливъ, который теперь называется Константинопольскимъ; самое-же названіе Босфора одни приписываютъ въ миѳологіи бѣгству нимфы Іо, превращенной въ корову, а другіе вообще думаютъ, что этимъ именемъ назывались всѣ узкіе проливы, черезъ которые могъ переплыть быкъ.

Босфоръ соединяетъ Черное море съ Мраморнымъ, которое, посредствомъ Дарданельскаго пролива, соединяется съ Греческимъ архипелагомъ или Эгейскимъ моремъ.

Разсматривая возвышенные берега Босфора, семь изгибовъ этого пролива, направленіе и быстроту теченія, мы узнаемъ, какимъ образомъ произошелъ онъ въ до-историческія времена. Азія и Европа явно соприкасались въ этомъ пунктѣ. Между Эвксинскимъ понтомъ и Эгейскимъ моремъ возвышались крутыя горы. Черное море составляло тогда большое озеро, въ которое изливалось множество многоводныхъ рѣкъ. Наконецъ воды эти до такой степени наполнили бассейнъ, что подъ давленіемъ теченія съ сѣвера къ югу, прорвали перешеекъ и составили новый бассейнъ-Пропонтиду, или Мраморное море. Когда же и оно переполнилось, воды прорвались въ Геллеспонтъ, или Дарданеллы и соединились съ Архипелагомъ.

Протяженіе Босфора составляетъ около двадцати восьми верстъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между двумя генуэзскими замками, менѣе версты ширины. Онъ величественно извивается между крутыми берегами, окаймленными зеленѣющимися горами, бѣлыми домами, красивыми деревнями и прелестными садами. Все это образуетъ удивительные ландшафты.

Много здѣсь воспоминаній глубокой древности. Вотъ на азіятскомъ

берегу Амурейскій мысъ съ маяками. Вотъ Кіаневскія скалы при входѣ въ Черное море. Теперь они неподвижны; но, по преданіямъ древности, плавали съ мѣста на мѣсто. Вотъ эрійскій замокъ, гдѣ былъ храмъ Зевса. Это мѣсто и нынѣшними греками называется Іερόν. Вотъ Исполинская гора, самая возвышенная точка на обоихъ берегахъ; вотъ, наконецъ, Скутари древній *Золотоградъ* (Хрисополисъ) съ прекрасными садами, наполненными надгробными памятниками. Здѣсь безпрестанно переѣзжаютъ лодки изъ шумной столицы въ эти молчаливыя предмѣстья. Здѣсь обыкновенно хоронятъ турокъ. Первый пунктъ завѣщаній ихъ состоитъ въ томъ, чтобы прахъ ихъ зарывали именно въ этомъ мѣстѣ. Они хотятъ, чтобы гробъ ихъ былъ въ Азіи—это ихъ отчизна: они знаютъ, что въ Европѣ только временной станъ ихъ.

На европейскомъ берегу Босфора видѣнъ *маякъ воротъ*, на древнемъ мысѣ Паніумъ. Вотъ развалины древней генуэзской крѣпости близь рѣки, въ древности называемой Хризоррасомъ; вотъ прелестная долина *Калосъ-Аγιосъ*; вотъ Румели-Гиссанъ, построенный на Гермейскомъ мысѣ. Отсюда Дарій смотрѣлъ на переправу своей арміи. Здѣсь, позже, переправлялись и крестоносцы, шедшіе освобождать Іерусалимъ. Вотъ мысъ *Теферъ-даръ-Бурунъ* (древній Клидіонъ — *ключъ*) и деревня Беши-Крашъ, откуда Язонъ отправился на завоеваніе золотаго руна. Наконецъ въ самомъ концѣ пролива выдвигается Золотой Рогъ — и Константинополь.

Посреди всей этой массы морской воды путешественникъ съ изумленіемъ спрашиваетъ себя: *что же пьютъ жители* Константинополя? Но вотъ въ глубинѣ гавани изливаются двѣ рѣки, извѣстныя въ древности подъ названіемъ: *Кидаρисъ* и *Барбизесъ*, а теперь прозванныя турками *Кіаджидъ-хане-Суйу* и *Али-Бей-Кейу-Суйу* (*Кіаджидъ-хане* значитъ бумажная фабрика; теперь ее уже нѣтъ). Между обѣими рѣками простирается равнина, называемая *Равниною Еверопейскихъ Пръсныхъ водъ*. Вдоль Барбизеса на двѣ версты берега обдѣланы камнемъ, обсажены дикими смоковницами, кипарисами, тополями, вязами. Тутъ въ 1724 году построенъ султаномъ Ахметомъ III великолѣпный дворецъ. Русло рѣки заграждено здѣсь шлюзами изъ бѣлаго мрамора, и вода падаетъ каскадами на раковеры. Другой бассейнъ украшенъ древними вазами и тремя переплетшимися бронзовыми змѣями. Онъ омываетъ гаремъ султана. На самомъ шлюзѣ устроены три кіоска бѣлаго же мрамора съ мѣдно-позолоченною крышею. Въ эту рѣку впадаетъ Кида-

рисъ въ двухъ верстахъ ниже дворца; они изливаются оба въ море у Золотаго Рога.

На эту равнину выпускаютъ лѣтомъ султанскихъ лошадей на подножный кормъ, и на это зрѣлище всегда собирается много народа.

Когда султанъ пріѣзжаетъ въ этотъ дворецъ, публика уже не впускается за ограду. Но онъ никогда долѣе трехъ недѣль въ маѣ мѣсяцѣ не проводитъ въ этомъ мѣстѣ. Во время его пребыванія, *кадыни* его гулютъ часто по этой равнинѣ, но тогда Бостанджи строго надзираютъ за любопытными.

Азіятскія прѣсныя воды, или Геюкъ-су, не такъ часто посѣщаются путешественниками, хотя прогулка тамъ пріятнѣе европейскихъ. Онѣ находятся близъ азіятскаго замка *Анадолу-Гисари* на берегахъ Босфора, гдѣ Ксерксъ навелъ мостъ для переправы своей арміи во Оракію.

На азіятскомъ же берегу противъ лѣтняго *Бетикъ-Татскаго дворца* построенъ новый дворецъ султаномъ Махмудомъ, въ древнегреческомъ стилѣ. Шесть колоннъ коринѳскаго ордена поддерживаютъ великолѣпный фронтонъ средняго входа; лѣвый флигель назначенъ для гарема; первый—для должностныхъ лицъ. Противъ дворца устроена гранитная набережная, и окружающіе его древніе турецкіе дворцы, кажется, удивляются новому своему сопернику въ европейскомъ вкусѣ.

Чѣмъ ближе путешественникъ подъѣзжаетъ къ Черному морю, тѣмъ рѣже виднѣются домы на берегу; холмы болѣе и болѣе возвышаются и вдругъ какъ-бы обрываются въ Черное море. Проѣхавъ деревню Буюкдере, цвѣтъ босфорскихъ водъ становится темнѣе, а русло пролива глубже.

Противъ этой деревни, на азіятскомъ берету возвышается холмъ, называемый мусульманами *Юта-Даго* (Исполинская гора). Съ вершины ея (въ 90 саженъ) открывается прекрасный ландшафтъ: съ одной стороны видѣнъ весь Константинополь, съ другой—Черное море. Турки думаютъ, что подъ этимъ холмомъ погребенъ огромный великанъ, который, когда садился на горѣ, то ноги его касались моря. Древніе называли этотъ холмъ *Спиною Геркулеса*. Теперь на вершинѣ живутъ два дервиша съ своими женами; они служатъ вмѣсто *чичероне* для путешественниковъ.

Турки приписываютъ деревьямъ этого холма силу излеченія отъ бо-

лѣзней. Страдающіе лихорадкою приходятъ туда, привязываютъ узломъ къ дереву какое нибудь бѣлье, которое они носили, и увѣрены, что лихорадка перейдетъ отъ нихъ къ дереву.

Въ одной изъ красивыхъ бухтъ Босфора, близъ *Румили-Гиссарійскаго* замка, на европейскомъ берегу стоитъ красивая деревня *Бебекъ*. Здѣсь построенъ уединенный кіоскъ, куда султанъ удаляется иногда, чтобъ заниматься важными дѣлами.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Сочиненіе полковника *Милютина*. С.-Петербургъ, 1853. Въ типографіи штаба военно-учебныхъ заведеній. Томы IV и V-й, заключающіе въ себѣ части VI, VII и VIII-ю. Въ 8-ю д. л. 460 и 512 стран., съ рисункомъ, картами и планами *.

Важное, высоко-замѣчательное и обширное твореніе это, чрезвычайно любопытное и назидательное, какъ въ собственно-военномъ, такъ и вообще-историческомъ значеніи, по всей справедливости, возбудило живѣйшій интересъ просвѣщенной публики и усерднѣйшее вниманіе критики. Журналы наши привѣтствовали книгу эту старательными и объемистыми статьями, при появленіи сперва первыхъ трехъ томовъ ея и при выходѣ потомъ остальныхъ. Такъ, напримѣръ, началу сочиненія «Москвитянинъ» посвятилъ 54 страницы, а послѣднимъ томамъ — «Отечественныя Записки» 19, «Современникъ» 47 стран. мелкой печати. Рецензенты наши, казалось, соревновали превзойти другъ друга въ отчетливомъ изложеніи содержанія разсматриваемой исторіи достопамятной войны, въ систематическомъ извлеченіи главнѣйшаго, въ искусной, ловкой, терпѣливой выборкѣ изъ книги наиболѣе существеннаго, или, по-

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова. За всѣ пять томовъ 10 руб., съ пересылкою 13 руб.; за первые три отдѣльно 6, съ перес. 8 р.; за послѣдніе два тома, отдѣльно же — 4 р., съ пересылкою 5 руб. сер.

крайней-мѣрѣ, рельефнѣйшаго... Но, при всемъ желаніи и способности ихъ, цѣль не была и не могла быть вполнѣ достигнута, именно по причинѣ обширности и многосложности повѣствованія. Оно неизбѣжно дробилось между описаніемъ военныхъ происшествій, почти одновременно происходившихъ на морѣ и на сушѣ, въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи, и необходимымъ изображеніемъ политическихъ или дипломатическихъ отношеній, съ которыми тѣсно связывался самый ходъ войны, ея обороты и результаты. Все, что могли сдѣлать критики—это лишь намекнуть на интересъ, богатство, разнообразіе сочиненія, обнимающаго собою почти всю исторію Европы въ одинъ изъ самыхъ грозныхъ, драматическихъ моментовъ исхода XVIII столѣтія, и заключающаго въ себѣ около трехъ тысячъ страницъ; могли только, болѣе или менѣе, коснуться нѣкоторыхъ сторонъ книги, невольно опуская въ ней многое, хотя и второстепенное, но все-таки весьма замѣчательное. «Пантеонъ», разумѣется, не былъ счастливѣе другихъ журналовъ, ограничивъ начальную статью свою какими-нибудь тринадцатью страницами, въ которыхъ надлежало представить характеръ событій, изложенныхъ въ первыхъ трехъ томахъ (см. февральскую книжку журнала нашего), и, конечно, не будетъ счастливѣе, обращаясь теперь къ послѣднимъ двумъ томамъ...

Читатель помнитъ, что первая половина сочиненія г. Милютина изображаетъ главнѣйше борьбу русскихъ и австрійцевъ съ французами въ *Италіи*, тяжелую борьбу Суворова съ барономъ Тугутомъ и гофкригсратомъ, интригами и происками кабинетными, и рядъ блистательныхъ побѣдъ, въ короткій срокъ одержанныхъ геніальнымъ вождемъ. Какъ сказано уже въ первой статьѣ нашей, «выступленіемъ Суворова изъ Италіи къ снѣговымъ горамъ и бездоннымъ пропастямъ Гельвеціи», оканчивается третій томъ; а въ двухъ остальныхъ мы преимущественно должны видѣть лавроноснаго старца, изнемогающаго подъ бременемъ горчайшихъ испытаній, суждennыхъ ему въ концѣ военнаго и жизненнаго его поприща...

Послѣ громкихъ торжествъ своихъ надъ республиканскими арміями въ Италіи, Суворовъ основательно начиналъ мечтать о водруженіи союзныхъ знаменъ въ стѣнахъ Ліона и Парижа; но то были обманчивыя, хотя и правдоподобныя мечты—всѣ плоды побѣдъ его долженствовали погибнуть, въ-слѣдствіе странной, двусмысленной тогда политики вѣнскаго и лондонскаго дворовъ. Опасались-ли дальнѣйшихъ успѣховъ оружія русскаго, ошибались-ли въ планѣ и разсчетахъ кампаніи—но рѣшено было Тугутомъ и гофкригсратомъ, чтобъ Суворовъ, почти одинъ, съ слабыми силами, дѣйствовалъ въ Швейцаріи, между-тѣмъ, какъ эрцгер-

цогъ Карлъ двинется оттуда на Рейнъ, Меласъ будетъ охранять отнятую у французовъ Италію, а Римскій-Корсаковъ, безпомощно оставленный на берегахъ Лиммата до прихода Суворова, съ 18,000 русскихъ, выдерживать натискъ осьмидесяти-четырехъ-тысячной арміи, предводимой Массеной, которому Директорія предписала не допускать соединенія страшнаго для нея героя нашего съ Корсаковымъ и Готце.

Суворовъ, въ свою очередь, не медлилъ, быстро шелъ къ Швейцаріи, избравъ самый трудный, опасный, но кратчайшій путь—чрезъ Сенъ-Готардъ. Къ сожалѣнію, фельдмаршалъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о силахъ непріятельскихъ, ни о мѣстности новаго театра войны, принужденный въ томъ и въ другомъ положиться на австрійцевъ, не воображая ужасныхъ преградъ, предстоявшихъ ему на избранномъ имъ пути. Одинъ изъ офицеровъ австрійскаго Генеральнаго Штаба, знакомыхъ съ топографіей страны, «полковникъ Вейротеръ, получившій впослѣдствіи такую извѣстность своими неудачными стратегическими планами, пользовался довѣренностью фельдмаршала: онъ составлялъ, впродолженіе швейцарскаго похода, всѣ диспозиціи и проэкты; онъ велъ военную переписку; онъ же, сколько извѣстно, присовѣтовалъ и выборъ пути чрезъ Сенъ-Готардъ». Совѣтъ одобрили и спрошенные Суворовымъ австрійскіе генералы. «Никто, однакожъ, не обратилъ вниманія фельдмаршала на то, что дорога, по которой предполагалъ онъ наступать вдоль Верхней Рейссы, не могла никуда вести его далѣе озера Луцернскаго. Ужели (остроумно прибавляетъ авторъ) австрійцы могли добродушно надѣяться, что на этомъ озерѣ заготовлены будутъ французами суда для русскихъ воиновъ?» (Стран. 17 четвертаго тома.)

Многіе военные критики находятъ, что удивительный, безпримѣрный переходъ Суворова черезъ Сенъ-Готардъ, оказавшійся безполезнымъ, не должно было предпочитать другимъ путямъ, хотя и отдаленнѣйшимъ, но менѣе затруднительнымъ, и г. Милютинъ говоритъ: «съ перваго взгляда видно, что войскамъ русскимъ, наступавшимъ со стороны Италіи, предстояла задача чрезвычайно трудная», и «самый планъ похода не предвѣщалъ ужъ счастливой развязки» (стран. 20, 22).

«10-го сентября, въ пасмурное, ненастное утро, двинулись русскія войска къ подошвамъ С.-Готарда... Въ то время не была еще проложена чрезъ С.-Готардъ та великолѣпная дорога, которая нынѣ открываетъ удобное сообщеніе изъ Италіи въ Швейцарію. Повозки не могли тогда идти далѣе Таверны; отсюда поднималась на хребетъ Монте-Ченере узкая, извилистая тропинка, доступная только для вьюковъ. Спустившись къ Беллинцонѣ, дорога ведетъ ровною и открытою мѣстностью въ долину рѣки Тичино; тутъ она пролегаетъ сначала между садами и

виноградниками; скаты горъ съ обѣихъ сторонъ одѣты густою зеленью; отдаленныя снѣговыя вершины прячутся за живописными предгорьями. Далѣе постепенно долина съуживается, зелень рѣдѣетъ, высовываются мѣстати обнаженныя, темныя ребра горъ; дорога безпрерывно вьется около рѣки, то по одному берегу, то по другому; наконецъ, близъ Айроло, ужъ прямо надъ дорогою высится самая вершина С.-Готарда.

«Корпусъ Дерфельдена, выступивъ изъ Таверны рано утромъ 10 числа, прошелъ въ тотъ день только 13 верстъ до Белинцоны. Въ головѣ слѣдовалъ авангардъ князя Багратіона; за нимъ дивизіи Швейковскаго и Фёрстера, въ хвостѣ тянулся вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ казачьихъ полковъ. На второй день похода, колонна эта продолжала движеніе вверхъ по долинѣ Тичино и дошла до Джорнино, въ 26 верстахъ отъ Белинцоны. Въ то же время австрійская бригада Штрауха подвинулась къ Фандо, составляя авангардъ лѣвой колонны.

«Во всѣ дни дождь лилъ ливмя; рѣзкій вѣтеръ съ горъ прохватывалъ насквозь; особенно въ холодныя и сырыя ночи, войска дрогли отъ стужи на бивакахъ. По обыкновенію Суворова, колонны выступали всегда до разсвѣта, часу въ четвертомъ. При авангардѣ князя Багратіона постоянно находился Великій Князь Константинъ Павловичъ, переносившій терпѣливо всѣ непріятности и лишенія утомительнаго похода въ ненастную осеннюю погоду. Самъ фельдмаршалъ ѣхалъ бодро, на казачьей лошади, въ обыкновенной легкой одеждѣ своей: на немъ былъ мундиръ, надѣтый на бѣлый камзолъ; нижнее платье также бѣлое; на ногахъ нитяные носки и полуботфорты; сверхъ всего накинутъ тонкій ветхій плащъ, ничѣмъ не подбитый и слывшій подъ именемъ *«родительскаго»*. Перчатокъ Суворовъ никогда не носилъ. Возлѣ фельдмаршала тащился на казачьей лошади старичекъ, котораго Суворовъ взялъ съ собою изъ Таверны: это былъ Антоніо Гамма, хозяинъ того дома, гдѣ останавливался Суворовъ. Старикъ понравился фельдмаршалу и самъ пришелъ въ такое восхищеніе отъ Суворова, что, позабывъ и лѣта свои, и семейство, далъ обѣщаніе слѣдовать неотлучно за нашимъ полководцемъ въ Альпы. Несмотря на слезы и увѣщанія семьи, Антоніо сдержалъ свое слово: въ продолженіе всего похода швейцарскаго ѣхалъ онъ возлѣ фельдмаршала, служилъ войскамъ проводникомъ и не разъ былъ полезенъ нашей арміи» (стран. 30—32).

Предоставляемъ читателю въ подлинномъ описаніи г. Милютина постепенно прослѣдить всѣ подробности труднаго шествія русскихъ войскъ къ С.-Готарду, всѣ преодолѣнныя ими преграды и опасности, особенно правою колонною, генерала Розенберга, постояннаго сподвижника Суво-

рова въ италійскомъ и швейцарскомъ походахъ. Среди проливнаго дождя, медленно двигалась она, затрудняемая на каждомъ шагу скользкою дорогою вдоль тѣснаго ущелья Бленьо, которая то поднимается по косогору, то спускается къ рѣкѣ и безпрерывно перебѣгаетъ съ одного берега на другой... Главная колонна, Ребиндера, съ 11-го на 12-е число расположилась на ночлегъ у деревеньки Казакчіа, близъ самаго перевала чрезъ снѣговой хребетъ. «Въ этой странѣ, суровой и пустынной, на высотѣ 8000 футовъ надъ поверхностью океана, въ холодную и бурную ночь, войска не имѣли даже хворосту, чтобъ обогрѣться у бивачныхъ костровъ. Вьюки отстали и тянулись длинною нитью по узкой дорогѣ. Съ разсвѣтомъ 12 числа колонна начала взбираться по крутому подъему на снѣговой гребень» (33)... Затруднительною горною дорогой въ три дня войска Розенберга прошло около 75 верстъ.— «Несмотря на то, отсталыхъ почти не было. Если кто изъ молодыхъ солдатъ начиналъ выбиваться изъ силъ, товарищи подхватывали его ношу, чтобъ дать ему оправиться. Многіе изъ офицеровъ вовсе не имѣли вьюковъ, ни верховыхъ лошадей: скатавъ шинель чрезъ плечо, они несли сами въ узелкѣ насущное пропитаніе и все походное свое имущество» (34). Достигнувшимъ безъ отдыха Товечи, войскамъ Розенберга 13 числа предстояло идти далѣе, къ деревнѣ Унзернъ, и на пути атаковать непріятеля, чтобъ тѣмъ главной колоннѣ, при которой находился Суворовъ, открыть дорогу чрезъ С.-Готардъ, охраняемый французами. Силы ихъ здѣсь были незначительны, но онѣ удвоивались оборонительными удобствами мѣстности.

«Со стороны Италіи, позиція на С.-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки Соречіа и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины, и снова взбиралась въ гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури, или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился странноприимный домъ—Госписъ (Hospice, Ospizio), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь... Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ въ Швейцарію свою малочисленную армію» (35—36).

Атака С.-Готарда назначена была на 13-е число. Рано утромъ

войска двинулись отъ Дачіо къ Айроло... князь Багратіонъ перешелъ на лѣвый берегъ рѣки.—«Послѣ бурной и ненастной ночи, дождь прекратился, но погода была сырая и пасмурная; густыя, темныя облака носились по долинѣ и лѣпились къ вершинамъ горъ. Около двухъ часовъ пополудни передовыя войска князя Багратіона встрѣтили въ полуверстѣ отъ Айроло посты непріятельскіе, которые, послѣ слабаго сопротивленія, начали отступать по большой дорогѣ». Отрядивъ за ними храбраго поручика Лутовикова, Багратіонъ свернулъ вправо на Мадроно, Валле, и началъ взбираться на крутыя горы, возвышающіяся позади Айроло. Здѣсь, за каменьями и скалами, засѣло до тысячи французовъ. Горячо преслѣдуя отступавшіе посты ихъ, Лутовиновъ съ горстью стрѣлковъ пошелъ прямо въ атаку на сильную позицію непріятельскую; но одна изъ первыхъ пуль сразила его. Полковникъ графъ Шуваловъ, только-что прибывшій къ передовому отряду и смѣнившій Лутовикова, также немедленно былъ раненъ и сдалъ начальство подполковнику графу Цукато. Упорный бой завязался у самой подошвы горъ. Подкрѣпивъ нѣсколькими ротами передовой отрядъ, Багратіонъ продолжалъ движеніе по горамъ къ Боско, въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, а генералъ-маіоръ Барановскій, съ двумя полками, еще правѣе, взбирался на самыя недоступныя скалы. Два австрійскіе батальона и русскій полкъ Велецкаго, перейдя на лѣвую сторону Тичино, также подосиѣли къ мѣсту, гдѣ егеря наши начали лихое дѣло. Французы отступили за рѣчку Соречіа...

«Между-тѣмъ остальныя войска Швейковскаго, назначенныя по диспозиціи въ правую колонну, остались на главной дорогѣ. Вѣроятно, Суворовъ, увидѣвъ собственными глазами страшныя крутизны С.-Готарда, счелъ излишнимъ посылать въ обходъ столь значительныя силы. Дивизіи Швейковскаго и Фёрстера, слѣдуя вмѣстѣ по большой дорогѣ чрезъ Айроло, атаковали съ фронта вторую позицію непріятельскую», занятую у того мѣста, гдѣ дорога, спустившись въ тѣсную долину Валь-Тремола, два раза переходитъ съ одного берега рѣчки на другой... «Французы оборонялись упорно; скрытые за скалами и оврагами, они мѣткимъ огнемъ наносили сильный вредъ нашимъ колоннамъ. Обходное движеніе князя Багратіона и Барановскаго къ верховьямъ рѣчки Соречіа заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однакожъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливаясь на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы.

«Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе и самыя ужасныя преграды мѣстности. Бригада Гюдена, уже подкрѣпленная ближайшими войсками Луазона, заняла сильную по-

зицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однакожъ войска Фёрстера и Швейковскаго отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленныя присутствіемъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью—и снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго: уже до 1200 человѣкъ выбыло изъ строя.

«Однакожъ, упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился, во чтобы то ни стало, выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивленіе французовъ на С.-Готардѣ, фельдмаршалъ опасался за колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никакихъ извѣстій. Время было дорого; день уже приближался къ вечеру; а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра С.-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками; даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосягаемыя высп. Войска были уже утомлены до крайности; гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ-будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду» (стран. 38—41).

Извѣстенъ анекдотъ, разсказываемой обыкновенно при этомъ случаѣ, будто-бы русскія войска, устрашенныя громадными горами, остановились, начали роптать, не хотѣли идти далѣе, и будто-бы Суворовъ, приказывая рыть для него яму, сказалъ солдатамъ: «вы болѣе не дѣти мои, я не отецъ вамъ; ничего не остается мнѣ, какъ только умереть; здѣсь похороните меня!» Услышавъ такія слова и зная рѣшительность полководца, солдаты, будто-бы, прослезились, бросились къ Суворову, цѣловали ему ноги и кричали съ раскаяніемъ: «Веди, веди, отецъ нашъ!»

Помѣстивъ анекдотъ въ примѣчаніи, г. Милютинъ прибавляетъ: «разсказъ этотъ не только подверженъ сомнѣнію, но даже опровергается многими, вполнѣ уважительными свидѣтельствами. Надобно отнести его къ числу многихъ другихъ вымышленныхъ анекдотовъ, распущенныхъ о Суворовѣ. Смѣло можно сказать, что во весь походъ швейцарскій русскія войска ни разу не измѣнили, даже на одно мгновеніе, заслуженной своей славѣ» (стран. 40).

«Было уже 4 часа пополудни (продолжаетъ авторъ), когда Суво-

ровъ въ третій разъ повелъ атаку на С.-Готардъ. Въ то-же время и князь Багратіонъ появился наконецъ на снѣжной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С.-Готардъ.

«Утомленныя до изнеможенія, войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между-тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель (пріоръ), семидесятилѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войдти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. — «Нѣтъ, святой отецъ», сказалъ ему Суворовъ, «какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а за тѣмъ и въ трапезу» .. Усердно молился русскій полководецъ на вершинѣ Сен-Готарда. Послѣ молебствія вошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и горохомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настоятелемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги отшельниковъ и благодарилъ ихъ за гостепріимство. Образованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и начитанности русскаго генерала. Они разстались, весьма довольные другъ другомъ. Суворовъ, напутствуемый благословеніями капуциновъ, отправился къ войскамъ» (стран. 41—42).

Перевернувъ двадцать страницъ, заключающихъ въ себѣ дальнѣйшія подробности первыхъ дней швейцарскаго похода, читаете: «16 числа, въ 5 часовъ утра, авангардъ князя Багратіона тронулся отъ деревни Бюргленъ и началъ подниматься на гору. Постепенно тропинка дѣлалась все круче и уже, а мѣстами и вовсе исчезала на скалахъ. Войска должны были взбираться поодиночкѣ то по голымъ каменьямъ, то по скользкой глинѣ; въ иныхъ мѣстахъ приходилось карабкаться какъ-бы по ступенямъ, на которыхъ не умѣщалась и подошва ноги, въ другихъ мелкіе шиферные камешки осыпались отъ каждаго шага; далѣе приходилось вязнуть въ рыхломъ снѣгѣ, которымъ одѣта вершина хребта. Тяжело было и пѣшимъ взбираться на такую гору; но чего же стоило провести лошадей и муловъ, навьюченныхъ орудіями, зарядами и патронами! Бѣдныя животныя едва передвигали ноги; нерѣдко обрывались съ узкой тропинки, летѣли стремглавъ съ кручи и разбивались о камни. Случалось, что лошади увлекали съ собою и людей; каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни. Часто темныя облака, проносясь по скатамъ горы, охватывали колонну густымъ туманомъ, обдавали холодною влагой до того, что войска были измочены, какъ проливнымъ дождемъ.

Погруженныя въ сырую мглу, они продожаютъ лѣзть ощупью, не видя ничего ни сверху, ни снизу. Выбившись изъ силъ, на время пріостановятся, отдохнутъ,—и снова начинаютъ карабкаться. У бо́льшей части солдатъ и офицеровъ избилась и послѣдняя обувь. Сухарные мѣшки ужъ совсѣмъ опустѣли, такъ-что нечѣмъ было и подкрѣпить истощенныя силы. Несмотря на крайнее утомленіе, полубосыя, голодныя, войска русскія все еще не теряютъ духа; въ тяжкія минуты ободряетъ ихъ присутствіе царскаго сына, который дѣлилъ съ ними всѣ труды и опасности. На всемъ этомъ переходѣ Великій Князь Константинъ Павловичъ шелъ пѣшкомъ съ авангардомъ князя Багратіона... Было уже далеко за полночь, когда голова колонны добралась до вершины хребта. Спускъ съ него былъ неменѣе труденъ, чѣмъ подъемъ: отъ бывшихъ предъ тѣмъ дождей, грунтъ сдѣлался до того вязкимъ и скользкимъ, что во многихъ мѣстахъ приходилось сползать по крутымъ скаламъ. Кому случалось неосторожно поскользнуться или оступиться, тотъ летѣлъ стремглавъ съ кручи» (63—64). Такія трудности должно было преодолѣвать отряду Багратіона, пока онъ достигъ спуска въ узкое ущелье, открывающее свободный входъ въ долину Муттенскую.

Но въ этихъ двадцати страницахъ, которыя вы такъ неосторожно пропустили, найдете, между прочимъ, описаніе перехода русскихъ черезъ Урнерское подземелье и знаменитый Чортовъ мостъ, изображенный на рисункѣ, приложенномъ къ четвертому тому. Съ разсвѣтомъ 14 сентября ни одного француза не было уже въ Урзернской долинѣ. Суворовъ не медлилъ, и въ 6 часовъ утра выступивъ изъ Госпиталя, спокойно соединился съ Розенбергомъ у деревни Урзернъ. — «Въ тотъ день (говоритъ авторъ) предстояло всей колоннѣ пройдти чрезъ такую тѣснину, гдѣ, казалось, сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно-ли нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ войскъ». Громадные, по правому берегу Рейссы, утесы отвѣсно врѣзываются въ самое русло рѣки. Сквозь эту натуральную стѣну пробито узкое, низкое отверстіе, такъ называемая *Урнерская дыра* (Urner-Loch), имѣвшее около 80 шаговъ въ длину и едва достаточное для свободнаго прохода человѣка съ вьюкомъ. Выходя изъ темнаго подземелья, дорога карнизомъ обгибаетъ гору и крутизною спускается къ страшному Чортову мосту.—«Отъ входа въ Урнерскую пещеру до моста разстояніе не болѣе 400 шаговъ: на этомъ пространствѣ рѣка Рейсса прорывается какъ-бы чрезъ трещину, между высокими, нависшими горами; низвергаясь нѣсколькими водопадами съ высоты 200 футовъ, неистовый потокъ, весь въ пѣнѣ, мечется съ утеса на утесъ; гулъ его слышенъ на дальнее разстояніе. Отвѣсные утесы, спирающіе съ обѣихъ сторонъ величественный водопадъ, до то-

го сближаются между собою, что одна смѣлая арка перекинута черезъ потокъ, на высотѣ 75 футовъ надъ бездною (нынѣшній мостъ построенъ еще 25-ю футами выше прежняго; но старая арка существуетъ и теперь подъ новымъ мостомъ). Не смотря на эту вышину, брызги водопада летятъ еще выше. Прямо съ моста дорога упирается въ отвѣсную скалу лѣваго берега и, поворотивъ круто направо, спускается, по искусственной каменной аппарели, къ другому мостику, по которому снова переходитъ на правый берегъ Рейссы. Обойдя въ этомъ мѣстѣ крутую скалу противоположнаго берега, дорога сейчасъ-же перебѣгаетъ на лѣвую сторону и наконецъ, передъ самою деревнею Гешенъ, достигаетъ выхода изъ этого мрачнаго ущелья. Все разстояніе отъ входа въ Урнерскій проходъ до деревни Гешенъ около двухъ верстъ съ половиною. Въ подобномъ мѣстоположеніи, казалось, достаточно было горсти стрѣлковъ непріятельскихъ, чтобъ остановить цѣлую армію. Французы легко могли-бы взорвать арку Чортова моста; но они надѣялись и безъ того остановить Суворова въ Урнерскомъ проходѣ. Небольшой передовой отрядъ защищалъ это подземелье; противъ выхода изъ него поставлена была пушка, а два баталіона (38-й полубригады) расположились позади Чортова моста, подъ начальствомъ полковника Дома (Daumas)» (стран. 51—52). — Читая эти строки, разсмотрите внимательно помянутый рисунокъ, изображающій переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ, и припомните изъ оды Державина слѣдующую строфу:

А тамъ, невидимой рукою,
Простертое съ холма на холмъ,
Чудовище, какъ мостъ длиною,
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ;
А тамъ — пещера чорна спитъ
И смертнымъ мракомъ взоры кростъ;
Какъ бурею, гортанью воетъ:
Предъ ней Отчаянье сидитъ. *

* Ода эта, подъ заглавіемъ: «На переходъ Альпійскихъ горъ», состоящая изъ 32 хъ строфъ, написана Державинымъ въ Гатчинѣ, гдѣ, въ день празднованія бракосочетанія великихъ княженъ Александры и Елены Павловенъ, получено было извѣстіе о подвигахъ русскихъ въ Швейцаріи, и гдѣ Державинъ, будучи тогда сенаторомъ, находился взятѣ съ прочими. Стихи были въ то-же время напечатаны на особыхъ листкахъ съ эпиграфомъ изъ Ломоносова:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Простушатъ тамъ полки орлины.

Лишь только голова русской колонны успѣла войдти въ подземелье, ее встрѣтили ядра и пули республиканцевъ. Подъ градомъ этихъ выстрѣловъ невозможно было пробиться сквозь ужасное отверстіе: не малозначительная потеря ознаменовала первую попытку неустрашимыхъ храбрецовъ. Послали въ обходъ два отряда. Они мужественно взобрались на отвѣсные, неприступные, повидимому, утесы, и неожиданнымъ появленіемъ своимъ на этихъ громадахъ ошеломили французовъ, авангардъ которыхъ немедленно оставилъ позицію у выхода изъ пещеры, между-тѣмъ какъ находившіяся въ тылу войска ихъ бросились ломать мостъ.... переходный спускъ разрушенъ, образовался провалъ.... множество непріятельскихъ стрѣлковъ разсыпалось по лѣвому берегу рѣки за камнями, скалами, вдоль дороги, по вершинамъ горъ, внизу у Рейссы. Со всѣхъ сторонъ свистѣли смертоносныя пули, но не могли надолго остановить русскихъ, которые вскорѣ начали обходить непріятеля и заставили его удалиться отъ моста послѣ боя, обѣимъ сторонамъ стоившаго многихъ жертвъ. Испорченный мостъ солдаты наши стали сплачивать бревнами; офицеры перевязывали бревна своими шарфами. Содѣйствіе австрійскихъ піонеровъ, приступившихъ было къ исправленію моста, генералу Ребиндеру показалось медленнымъ: онъ велѣлъ своимъ молодцамъ натаскать еще бревенъ, досокъ, хворосту. Такимъ образомъ къ 4-мъ часамъ мостъ кое-какъ былъ починенъ; колонна наша опять пошла впередъ, не переставая бороться съ непріятелемъ и затрудненіями мѣстности.

На другой день русскіе достигли Альторфа. По пи взятіе С.-Готарда, ни переходъ черезъ Чортовъ мостъ, подвиги неимовѣрной рѣшимости и чудныхъ, геройски исполненныхъ усилій, не могли привесть къ послѣдствіямъ, какія долженствовали-бы увѣнчать подобную доблесть. Дальнѣйшій путь преграждало Луцернское озеро; горы совершенно прерывали сообщеніе по восточному берегу, а Суворову надобно во-время поспѣть въ Швицъ, гдѣ онъ надѣялся найдти продовольствіе, вступить въ сношеніе съ Линденомъ, Елашичемъ, Готце и Корсаковымъ, объ участи которыхъ носились уже въ Альторфѣ неблагопріятные слухи. Не раздумывая, не колеблясь, не давая даже войскамъ отдыха, вождь нашъ, чрезъ непроходимый дотолѣ хребетъ Росштокъ, смѣло спускается въ Муттенскую долину (трудности этого пути изображены выше, при разсказѣ о слѣдованіи Багратіона отъ деревни Бюрглена). Быстротою внезапнаго натиска, войска наши истребляютъ передовой отрядъ французовъ; часть ихъ сдается, другая переколота пиками и штыками....

«Страшный слѣдъ арміи обозначался множествомъ тѣлъ людей, лошадей и муловъ, разбросанныхъ по всему протяженію пути. Зато пе-

реходъ русскихъ чрезъ эти горы до-сихъ-поръ живетъ въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ преданіе полубаснословное; показывая на эту тропинку, едва замѣтную на скалахъ и снѣжныхъ пустыняхъ, швейцарецъ говоритъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: «Здѣсь проходилъ Суворовъ». На картахъ Швейцаріи тропинка эта обозначается простою подписью: *Путь Суворова въ 1799 году»* (*стрвн. 66*)

Напрасны были попытки непріятеля отрѣзать, или уничтожить, хотя малую часть войскъ нашихъ въ-продолженіе изумительнаго слѣдованія ихъ къ Муттену: неоднократно отбитые съ урономъ, французы не дерзали вновь нападать на сѣверныхъ героевъ, совершавшихъ подвиги почти невѣроятные, но, къ сожалѣнію, безплодные. Въ Муттенѣ Суворовъ узналъ о неудачѣ Корсакова подъ Цюрихомъ и пораженіи Готце на Линтѣ, подробно и безпристрастно описанныхъ въ главахъ LX и LXI. Елашичъ и Линкенъ, также разбитые французами, поспѣшно отступили за Рейнъ. Къ 15 сентября Суворовъ, покинутый союзниками, оставался въ Швейцаріи одинъ съ своею малочисленною, истомленною страшными переходами арміею, точнѣе — слабымъ корпусомъ, противъ котораго, въ превосходныхъ силахъ, устремлялся торжествующій Массена. Вполнѣ достигнувъ своей цѣли, разобщивъ союзниковъ и не допустивъ соединенія Суворова съ Корсаковымъ, ретировавшимся къ Шафгаузену, республиканскій полководецъ намѣревался запереть русскимъ выходъ изъ Муттенской долины. Но если австрійскіе генералы не могли успѣшно бороться съ Сультомъ и Молиторомъ, Массенѣ доставался иной противникъ, и онъ слишкомъ самонадѣянно хвасталъ, обѣщая «плѣннымъ русскимъ офицерамъ привести къ нимъ чрезъ нѣсколько дней самого фельдмаршала и Великаго Князя Константина Павловича» (стр. 124).

Тѣмъ не менѣе, по точнымъ словамъ историка нашего, «положеніе русскихъ войскъ въ Муттенской долинѣ было ужасно». 18-ти тысячный отрядъ, въ тѣсномъ ущельѣ, среди неприступныхъ горъ, со всѣхъ сторонъ окружалъ многочисленный непріятель. Войска наши, «изнуренныя неимовѣрнымъ походомъ, почти босыя, безъ всякой теплой одежды, нѣсколько дней ужъ нуждались въ продовольствіи. Изъ запасовъ, которые везлись за отрядомъ, много потеряно на пути; сохранившіеся вьюки еще тянулись черезъ снѣговой хребетъ, у солдатъ не оставалось ни одного сухаря. Счастливыми считали себя тѣ, которымъ удавалось добыть нѣсколько картофелинъ. Офицеры и генералы съ радостью платили червонцами за каждый кусокъ хлѣба или сыра; однакожъ, несмотря на столь бѣдственное положеніе, русскія войска не тронули ничего у жителей деревеньки Муттенъ. Великій Князь Кон-

стантинъ Павловичъ приказалъ на свои собственныя деньги скупить все, что было у нихъ съѣстнаго и раздать солдатамъ: эта щедрость Великаго Князя облегчила хотя на одинъ день тяжкое положеніе войска; а жители, пріученные республиканцами къ насильственнымъ поборамъ, были удивлены до крайности великодушію русскихъ»... При такихъ обстоятельствахъ, Суворову, лишенному «послѣднихъ надеждъ на помощь отъ австрійскихъ войскъ, оставалось только думать о спасеніи собственной своей малочисленной арміи. Но гдѣ-же былъ выходъ изъ этого страшнаго положенія? отступить-ли назадъ въ Шахенскую долину? продолжать-ли наступленіе къ Швицу, или обратиться чрезъ гору Брагель къ Гларису въ долину Линты?.. Со всѣхъ сторонъ непріятель стерегъ выходы изъ Муттенской долины.

«По увѣренію иностранныхъ писателей (говоритъ г. Милютинъ), Суворовъ пришелъ будто-бы въ такое бѣшенство, что хотѣлъ броситься впередъ къ Швицу, сбить стоявшія тамъ войска французскія, выйдти въ тылъ непріятельской арміи, и только настоятельныя просьбы нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ фельдмаршала отклонили его отъ такого отчаяннаго намѣренія. Но показаніе это опровергается всѣми русскими источниками: напротивъ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ очевидцевъ, движеніе на Швицъ къ Эйнзидельну было предлагаемо австрійскими офицерами генеральнаго штаба и отвергнуто фельдмаршаломъ. 18-го же числа Суворовъ собралъ у себя военный совѣтъ, на который приглашены были Великій Князь Константинъ Павловичъ, всѣ русскіе генералы и нѣкоторые изъ штабъ офицеровъ; только австрійскій генералъ Ауфенбергъ приглашенъ не былъ».

Изображеніе этого совѣщанія, основанное на удостовѣреніи одного изъ участниковъ достопамятнаго похода, полковника Якова Ивановича Старкова, неоднократно слышавшаго разсказъ изъ устъ самого князя Багратіона, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ, живыхъ и даже драматическихъ страницъ разсматриваемой книги. Видно, что великій старецъ, впервые, въ-теченіе продолжительнаго и блистательнаго военнаго поприща своего, очутившійся въ критическомъ, опасномъ положеніи, дѣйствительно разстроенъ былъ нѣсколько духомъ, глубоко огорченъ, томимъ сомнѣніемъ и безпокойствомъ. Самое то обстоятельство, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ военному совѣту, въ другое время, слѣдуя всегда внушеніямъ собственнаго, порывистаго генія, уже показываетъ нѣкоторое, очень, впрочемъ понятное и неизбѣжное смятеніе его. Свѣжіе лавры трепетали на его обнаженномъ челѣ; его личная слава, любовь къ славѣ отечества и блеску оружія русскаго, въ эти

испытательные дни, не могли не исполнить благородною тревогою его высокой и чистой души...

Получивъ приглашеніе на военный совѣтъ, князь Багратіонъ пришелъ первый къ Суворову и засталъ его въ сильномъ волненіи. Въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, ходилъ онъ скорыми шагами по комнатѣ и, не замѣчая прихода Багратіона, отрывисто говорилъ про-себя, произнося короткія, несвязныя, несовсѣмъ понятныя фразы... между-прочимъ, сказалъ онъ: «нужнѣе-то знать вести войну... знать мѣстность... умѣть разсчесть... не дать себя въ обманъ... умѣть бить... А битому быть—не мудрено!.. погубить столько тысячъ!.. и какихъ!.. въ одинъ день!.. помилуй Господи!» (Вѣроятно, слова эти относились къ Корсакову.) Не смѣя присутствіемъ своимъ нарушать печальныя сѣтованія стараго, любимаго вождя, Багратіонъ временно удалился, оставивъ фельдмаршала въ тревожномъ раздумьѣ... (Стран. 124—127). «Нѣсколько времени спустя, начали собираться приглашенные на совѣтъ; пришелъ и Великій Князь. Всѣ вмѣстѣ вошли къ фельдмаршалу. Суворовъ остановился, сдѣлалъ поклонъ, потомъ зажмурилъ глаза и, казалось, собиралъ свои мысли. Послѣ минутнаго молчанія, вдругъ окинулъ всѣхъ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ и началъ говорить торжественно, сильно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ? Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Елашичъ и Линкенъ ушли! весь планъ нашъ разстроенъ!...» Приписывая этотъ несчастный оборотъ дѣла винѣ вѣнскаго кабинета, фельдмаршалъ перечислилъ въ сжатыхъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ, всѣ непріятности и происки, которые терпѣлъ онъ отъ австрійцевъ съ самаго прибытія своего въ Италію; въ доказательство коварной политики барона Тугута, приводилъ старанія его удалить русскихъ изъ Италіи и преждевременное выступленіе эрцгерцога Карла изъ Швейцаріи, имѣвшее неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пораженіе Римскаго-Корсакова. Наконецъ и бѣдственное положеніе собственной своей арміи Суворовъ приписывалъ винѣ австрійцевъ: «еслибъ (говорилъ онъ) не потеряны были пять дней въ Таверонѣ, то случившіяся несчастія были-бы предупреждены, и Массенѣ не удалось-бы одержать побѣдъ, подготовленныхъ коварною политикою союзнаго кабинета.

«Чѣмъ долѣе говорилъ Суворовъ, тѣмъ болѣе приходилъ въ одушевленіе, тѣмъ сильнѣе выражалось взволнованное состояніе души его. Поступки австрійскаго министра называлъ онъ прямо вѣроломствомъ и предательствомъ. Фельдмаршалъ припомнилъ измѣну, которая нѣкогда поставила въ опасность Петра Великаго на Прутѣ; съ-тѣхъ-поръ, го-

ворилъ Суворовъ, русскія войска не были въ подобномъ безвыходномъ положеніи... «Теперь мы, среди горъ, окружены непріятелемъ, пре-«восходнымъ въ силахъ. Что предпринять намъ? Идти назадъ—постыд-«но; никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу—невозмож-«но: у Массены сзыше *шестидесяти* тысячъ; у насъ же нѣтъ и «двадцати; къ-тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ ар-«тиллеріи... Помощи намъ ждать не отъ кого... мы на краю гибе-ли!»...

«Произнося эти тяжкія слова, Суворовъ едва могъ сдерживать по-рывъ своего негодованія, горести и волненія. Онъ былъ убитъ, раз-терзанъ. Скорбь фельдмаршала отозвалась во всѣхъ слушавшихъ его; у каждаго сжималось сердце.—«Теперь»—прибавилъ Суворовъ,—«одна «остается надежда: на всемогущество Бога, да на храбрость и на са-«моотверженіе моихъ войскъ! Мы русскіе! съ нами Богъ!»..

«Какъ-будто искра электрическая пробѣжала во всѣхъ присутство-вавшихъ. Придя въ какое то восторженное состояніе, Суворовъ продол-жалъ: «Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Им-ператора!»... Съ этими словами бросился онъ къ ногамъ Великаго Кня-зя и облился слезами. Константинъ Павловичъ, въ смущеніи, подни-малъ старика, обнималъ его, цѣловалъ и, рыдая, не могъ произнести ни одного слова. Всѣ окружавшіе приведены были въ непъзъяснимое вол-неніе; никому еще не случалось видѣть Суворова въ такомъ разстроен-номъ и встревоженномъ состояніи. Семидесятилѣтній полководецъ, ис-пытанный въ тысячѣ опасностей, непреклонный до упрямства, всегда изумлявшій своею желѣзною сплою воли—теперь плакалъ отъ горя...

«Генералъ Дерфельденъ первый заговорилъ отъ имени всѣхъ рус-скихъ начальниковъ; онъ ручался за непзмѣнную храбрость и безпреко-словное самоотверженіе войска, готоваго безропотно идти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. Слова эти были истиннымъ услажденіемъ для Суворова: выслушавъ Дерфельдена, фельдмаршалъ оживился; глаза его снова заблистали. «Да», сказалъ онъ съ увѣренностью; «мы рус-скіе, съ помощью Божіей мы все одолѣемъ!»

«Тогда начались совѣщанія о томъ, что предстояло предпринять: идти ли впередъ къ Швицу, или обратиться къ Гларису? По свидѣтель-ству Комаровскаго, Великій Князь Константинъ Павловичъ принялъ жи-вое участіе въ совѣщаніяхъ и убѣдительно опровергалъ предложенное австрійскими офицерами движеніе къ Швицу. «Еслибъ даже и удалось «намъ это движеніе (говорилъ Великій Князь), еслибъ даже дѣйстви-«тельно вышли мы въ тылъ арміи непріятельской, то какія-же будутъ «отъ того выгоды?—Мы еще болѣе отдалимся отъ главной нашей цѣли,

«то-есть отъ соединенія со всѣми частями союзныхъ силъ. Напротивъ того, «если пойдемъ къ Гларису и пробьемся чрезъ непріятельскія войска, «преграждающія намъ дорогу къ Линтѣ, то немедленно-же соединимся «съ Линкеномъ, получимъ чрезъ него нѣкоторыя средства продоволь- «ствія, и умноживъ силы свои, можемъ легче предпринять всякое даль- «нѣйшее движеніе для соединенія съ прочими частями арміи»... Соображенія эти были такъ основательны, что заслужили полное одобреніе фельдмаршала; всѣ присутствовавшіе въ совѣтѣ согласились съ мнѣніемъ Великаго Князя» (стран. 127—130).

Прочитайте всю главу: «Муттенталь и Кленталь», изъ начала которой заимствованы эти страницы, и убѣдитесь, въ какой мѣрѣ счастливо, съ какимъ блистательнымъ успѣхомъ приведены были въ исполненіе рѣшенія, принятыя въ описанномъ военномъ совѣтѣ. Бодро и мужественно идутъ опять колонны русскія чрезъ новыя стремнины и пропасти. Массена, Молиторъ, Лекурбъ мало-по-малу теряютъ свою самонадѣянность и внутренно сознаются въ преждевременной хвастливости. Стѣсненный, но непобѣдимый, неуступающій, подобно льву, гордо и смѣло, Суворовъ не только отражаетъ дружныя и, въ свою очередь, ловкія нападенія втрое превосходнѣйшаго численностью непріятеля, но и бьётъ его чуть не на каждомъ шагу. Послѣдній, истинно-героическій періодъ изумительнаго шестнадцати-дневнаго швейцарскаго похода явилъ новую, безпримѣрную доблесть слабаго числомъ, но несокрушимаго въ силѣ корпуса русскихъ, побѣждавшихъ скалистую природу и врага живаго, одновременно боровшихся и съ упорными республиканцами и со всею суровостью осенне-зимняго ненастья, съ голодомъ и холодомъ....

Ихъ велъ Суворовъ по горамъ —
И горы чудно уступали;
Ихъ велъ на полчища къ врагамъ,
И тѣ предъ горстію бѣжали...

Къ сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ указать на многія любопытныя подробности, какъ въ упомянутой главѣ: «Муттенталь и Кленталь», такъ и въ слѣдующей: «Выступленіе Суворова изъ Швейцаріи». Ограничиваемся выпискою изъ нихъ только двухъ мѣстъ, которыя дадутъ хотя приблизительное понятіе объ остальномъ...

Съ самаго утра 19 сентября австрійская бригада Ауфенберга была въ схваткѣ съ непріятелемъ, и Молиторъ, пользуясь слабостью австрійцевъ, выслалъ къ нимъ парламентера, требуя, чтобъ они положили оружіе. Къ счастью подоспѣлъ авангардъ Багратіона, и пока его «отрядъ строился въ боевой порядокъ, нѣкоторые изъ австрійскихъ офице-

ровъ генеральнаго штаба сочли нужнымъ предупредить Великаго Князя Константина Павловича о томъ, что войска союзныя могутъ быть поставлены въ опасное положеніе, и уговаривали Его Высочество отъѣхать назадъ; но Великій Князь съ негодованіемъ отвѣчалъ, что присутствіе его именно въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть въ особенности полезно,—и, немедленно же подъѣхавъ къ боевой линіи, одушевилъ войска краткимъ привѣтствіемъ. «Мы со всѣхъ сторонъ окружены (сказалъ онъ); но вспомните, что завтра день радостный для цѣлой Россіи—день рожденія нашего Государя и моего родителя; мы должны прославить этотъ день побѣдою, или умереть со славою!»... Восторженные клики раздались въ рядахъ доблестнаго войска, непотерявшаго среди тяжкихъ испытаній той отваги воинской, которою одушевлено было на поляхъ Треббіи и Нови. Весь отрядъ смѣло двинулся впередъ... Ауфенбергъ, ободренный приближеніемъ русскихъ, прервалъ переговоры съ непріятелемъ и началъ отводить свою бригаду назадъ. Тогда Молиторъ снова устремился на австрійцевъ, какъ на вѣрную добычу. Но князь Багратіонъ уже пробрался скрытно съ полкомъ своимъ по болотистому лѣсу, и давъ французамъ продвинуться вперед, внезапно ударилъ имъ во флангъ съ крикомъ ура! Въ то же время загремѣлъ барабанъ, и русскіе гренадеры, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, ударили въ штыки прямо съ фронта. Неожиданно атакованные съ двухъ сторонъ, республиканцы остановились, начали отстрѣливаться и отступать. Не давая имъ опомниться, князь Багратіонъ атаковалъ ихъ и преслѣдовалъ до самаго озера. Здѣсь французскія войска стѣснились въ узкой дорогѣ, между берегомъ и отвѣсными горами. Чтобъ не дать имъ времени втянуться въ тѣснину, князь Багратіонъ въ третій разъ атаковалъ республиканцевъ. При этомъ страшномъ столпленіи, до 200 французовъ потонуло въ озерѣ; болѣе 70 человѣкъ переколото штыками; 162 человѣка, при трехъ офицерахъ, захвачены въ плѣнъ» (стран. 133—134).

Вотъ предпослѣдняя ночь швейцарскаго похода, за деревнею Маттъ. То была «ночь темная и ненастная; снѣгъ падалъ хлопьями; не было даже дровъ, чтобъ разложить огни. Пользуясь темнотою, французы приблизились на ружейный выстрѣлъ къ русскимъ войскамъ и расположились во всю ширину долины по обѣимъ сторонамъ рѣки; лѣвое крыло заняло крутыя, утесистыя горы, съ которыхъ республиканцы стрѣляли въ русскій лагерь, и даже покушались нѣсколько разъ спускаться въ долину. Всю ночь русскія войска ожидали нападенія; въ каждомъ батальонѣ дозволено было только нѣкоторой части людей поочередно отдыхать, а прочіе стояли въ ружьѣ... Около двухъ часовъ

пополуночи, 25 числа, русскія войска снова выступили въ походъ и утѣли отойти уже довольно далеко, когда, на разсвѣтѣ, непріятель замѣтилъ ихъ отступленіе. Французы снова напали на русскій арьергардъ; но, видя противъ себя одни казачьи посты, не рѣшились преслѣдовать ихъ далѣе въ узкое ущелье. Путь, предстоявшій русскимъ войскамъ, былъ еще труднѣе, чѣмъ всѣ прежніе переходы: въ разстояніи верстъ пяти отъ Эльма, начинается крутой и продолжительный подъемъ на высокій снѣговой хребетъ; узкая дорога, по которой можно идти лишь поодиночкѣ, пролегала большею-частью по косогору, или по краямъ отвѣсной кручи, спускалась въ глубокія промоины, пересѣкала быстрые потоки и снова взбиралась на гору. Дорога эта, трудная сама по себѣ, сдѣлалась совсѣмъ непроходимою отъ продолжительнаго ненастья. При началѣ подъема, войска вязли въ грязи, едва вытаскивали ноги, спотыкались и даже обрывались въ бездны. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ круче и труднѣе становился подъемъ, а выпавшій въ ночь свѣжій снѣгъ совсѣмъ занесъ дорогу. Густыя облака одѣвали всю поверхность горы, такъ-что русскіе карабкались на-обумъ, ничего не видя передъ собою. Проводники разбѣжались и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь въ снѣжные сугробы; вьюга-же немедленно сметала всѣ слѣды и каждый солдатъ долженъ былъ пробивать себѣ новый путь. Съ высоты горъ слышались на днѣ долины глухіе раскаты грома; по временамъ сквозь густой, непроницаемый туманъ, сверкала молнія. Огромные каменья, срываемые бурей, съ грохотомъ катились въ бездны. Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскія войска на этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ, безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни: если кому случалось оступиться или поскользнуться, то не было уже спасенія. Одинъ офицеръ, ѣхавшій верхомъ, сорвался съ кручи и полетѣлъ стремглавъ вмѣстѣ съ лошадью. Еще труднѣе было вести лошадей и муловъ. До 300 вьюковъ погибло въ пропастяхъ; всѣ орудія пришлось побросать въ бездны... Цѣлый день безостановочно колонна тянулась чрезъ хребетъ, и только авангардъ Милорадовича съ частью вьюковъ успѣлъ засвѣтло спуститься къ деревенькѣ Паниксъ; остальныя-же войска едва дошли и до вершины хребта. Вся колонна остановилась въ томъ положеніи, въ какомъ застигнута была ночною темнотой: не имѣя никакой возможности идти далѣе, выбившись совершенно изъ силъ, солдаты сами пріютились гдѣ попало, на голомъ снѣгу, на каменьяхъ, или прислонившись къ скалѣ, и такъ провели цѣлую ночь, въ ожиданіи разсвѣта. Къ довершенію бѣдствія, въ-продолженіе ночи сдѣлалась такая стужа,

что многіе солдаты замерзли на вершинѣ горы, а дорога стала чрезвычайно скользкою; чрезъ это спускъ съ хребта сдѣлался до крайности труднымъ... Къ полудню (26 числа) всѣ войска собрались у деревни Паниксъ, и послѣ небольшаго привала, въ тотъ-же день дошли до города Иланца. Здѣсь остатки Суворовской арміи вышли наконецъ изъ всякой опасности: высокій снѣговой хребетъ прикрылъ ихъ отъ непріятеля. . Въ Иланцѣ русскія войска спокойно отдохнули одну ночь: получили дровъ, обогрѣлись около бивачныхъ костровъ, а 27-го сентября пришли въ Куръ, гдѣ нашли изобильные запасы продовольствія. Мгновенно весь русскій лагерь оживился; горе и утомленіе забыты. Солдаты принялись чинить обувь, справлять амуницію; уже шутили надъ минувшими страданіями, и подъ-часъ распѣвали веселыя пѣсни» (158 161).

Вотъ малый отрывокъ изъ русской Иліады; одна лишь суворовская глава. Таковъ былъ солдатъ нашъ изстари, такимъ видимъ его и нынѣ, по прошествіи болѣе полувѣка, въ началѣ котораго русскіе, хотя ужъ и съ не старикомъ Суворовымъ, все-таки два раза добрались до Парижа.

Правда, цѣль знаменитаго швейцарскаго похода не была достигнута, потому-что союзники, въ-слѣдствіе недостаточнаго соглашенія и несовокупности ихъ дѣйствій, принуждены были покинуть Гельвецію, однакожь, по справедливому выводу г. Милютина, «неудачная эта кампанія принесла русскому войску болѣе чести, чѣмъ самая блистательная побѣда. Нѣсколько тысячъ русскихъ, заброшенныхъ въ самую недоступную часть альповъ», впродолженіе слишкомъ двухъ недѣль, «боролись безпрерывно со всѣми препятствіями суровой природы... Чрезвычайныя затрудненія, свойственныя вообще горной странѣ, особенно въ позднее время года, должны были-бы казаться неодолимыми для русскаго солдата, привыкшаго къ простору родимыхъ долинъ, къ раздолью необозримыхъ степей»; но «грозные великаны альповъ, съ своими снѣжными вершинами, съ отвѣсными ребрами, съ мрачными ущельями, не испугали нашихъ войскъ: смѣло проходили они съ артиллеріею и вьюками тамъ, гдѣ ступали до нихъ только привычные охотники. Въ одномъ мѣстѣ на пути русской арміи попалась надпись на скалѣ: *Здѣсь прошелъ пустынникъ*» (162—163). Неизмѣнно сохраняя въ виду арміи спокойную наружность, Суворовъ умѣлъ ободрять войско и поддерживать его мужественный духъ. Однажды, на походѣ, замѣтивъ, что солдаты выбились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ громко затянулъ пѣсню: «*Что дѣвушкѣ сдѣлалось! Что красной случилось?*» — Общій хохотъ раздался въ колоннѣ, и солда-

ты весело пошли далѣе (см. стран. 165—166). Въ разсматриваемой книгѣ найдете не мало подобныхъ анекдотовъ, свидѣтельствующихъ и о геніальной находчивости престарѣлаго вождя, и о самоотверженіи его доблестной дружины.

Изъ двадцати тысячъ русскихъ, вступившихъ въ Швейцарію, послѣ многихъ, почти безпрерывныхъ битвъ и стычекъ въ продолженіе 16 дней, Суворовъ невредимо, однакожъ, довелъ до Иланца около пятнадцати тысячъ. «Болѣе 1600 человѣкъ убиты, упали въ пропасти, замерзли и пропали безъ вѣсти; раненыхъ было свыше 3500 человѣкъ... Непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ не меньшій уронъ. Русскіе вывели съ собою изъ Швейцаріи до 1400 плѣнныхъ французовъ, которыхъ передали въ Курѣ въ руки австрійцевъ» (162).

Въ остальныхъ трехъ главахъ четвертаго тома (LXIV, LXV и LXVI) обстоятельно изображены, между-прочимъ, «послѣднія дѣйствія русскихъ въ Швейцаріи», то-есть положеніе корпуса Римскаго-Корсакова послѣ цюрихскаго сраженія, присоединеніе войскъ принца Конде, сраженія при Шлатѣ и Констанцѣ и обратный переходъ русскихъ на правую сторону Рейна, потомъ «удаленіе Суворова съ театра войны», въ-слѣдствіе несбывшихся предположеній о новыхъ наступательныхъ движеніяхъ и недоразумѣній, происшедшихъ между нашимъ фельдмаршаломъ и эрцгерцогомъ Карломъ, наконецъ «разрывъ между обоими императорами», причемъ, со всею достовѣрностью и точностью пояснены: политика тогдашняго вѣнскаго двора, тайныя сношенія его съ Франціею, дѣла сардинскія и прочее соприкосновенное съ современными событіями или отношеніями. Въ этихъ главахъ столько любопытнаго и, несмотря на отдаленіе времени, животрепещущаго, что еслибъ мы вздумали указывать и на одно лишь самое замѣчательное, то все-таки пришлось-бы выписать половину этихъ главъ. Виды союзниковъ, которые желали распространенія своихъ владѣній и домогались собственныхъ выгодъ, при общей сумятицѣ въ Европѣ, когда, напротивъ, Императоръ Павелъ имѣлъ безкорыстною цѣлью возстановленіе прежняго, до-революціоннаго порядка вещей, были причиною, что коалиція разрушилась, послѣ многихъ пожертвованій, непринесшихъ плода, оставшихся безъ результатовъ, казавшихся несомнѣнными въ періодъ побѣдъ Суворова въ Италіи. Полководецъ нашъ уклонился отъ свиданія, которое предлагалъ ему эрцгерцогъ для совѣщанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Искушенный въ сношеніяхъ съ союзниками, испытанный бѣдствіями въ Швейцаріи, князь Александръ Васильевичъ не довѣрялъ уже ничему и никому. Можетъ-статься, простирая опасенія свои до излишества, герой Треббіи и Нови говорилъ: «юный генералъ эрцгер-

цогъ Карлъ хочетъ меня обволшебить своимъ демосѳенствомъ» (стран. 194). Иностранные писатели несогласіе это относили къ «раздраженному самолюбію Суворова, который будто-бы обидѣлся замѣчаніями эрцгерцога и счелъ унизительнымъ для себя принять уроки отъ молодаго соперника. Разсказываютъ даже, что когда эрцгерцогъ прислалъ къ Суворову своего адъютанта, для личныхъ объясненій по предмету предстоявшихъ дѣйствій, то русскій полководецъ не захотѣлъ войдти съ нимъ ни въ какіе разговоры, и въ пылу досады, будто-бы отвѣчалъ ему: «Скажите Его Высочеству, что я не знаю обороны; умѣю только атаковать; двинусь впередъ, когда признаю удобнымъ, и тогда не остановлюсь въ Швейцаріи, а пойду прямо во Франшъ-Контэ. Скажите ему, что въ Вѣнѣ я буду у ногъ Его Высочества; а здѣсь я по меньшей мѣрѣ равенъ съ нимъ; онъ фельдмаршалъ — и я также; онъ служитъ великому императору—и я также; но онъ молодъ еще, я старъ; я пріобрѣлъ опытность въ побѣдахъ и не приму ни отъ кого совѣтовъ или уроковъ» (стран. 184).

Монархъ русскій, наградившій Суворова, за подвиги и спасеніе арміи въ Швейцаріи, высокимъ званіемъ генералиссимуса, удостоившій его лестнѣйшихъ привѣтствій и ласкъ въ рескриптахъ, одобрилъ уклоненіе князя италійскаго отъ новаго сближенія съ ненадежными союзниками, и русскія войска получили повелѣніе возвратиться въ отечество. Во время пребыванія въ Прагѣ, Суворовъ помолвилъ сына своего (Аркадія Александровича) съ герцогинею саганскою, дочерью бывшаго герцога курляндскаго. Русскій полководецъ былъ тогда предметомъ общаго вниманія цѣлой Европы; владѣтельныя особы осыпали его знаками уваженія и новыми почестями. Курфирстъ саксонскій поручилъ придворному живописцу Миллеру снять съ Суворова портретъ для дрезденской галереи; Нельсонъ писалъ къ нему: «Нѣтъ въ Европѣ человѣка, который любилъ-бы васъ болѣе меня», и выражалъ радость, что похожъ лицомъ на Суворова. — «Милости царскія (говоритъ г. Милютинъ), знаки общаго почтенія, любовь арміи и цѣлой Россіи, казалось, могли-бы разсѣять самыя глубокія огорченія. Но душевныя раны Суворова были неизлечимы. Ничто не могло истребить той мысли, что онъ уходитъ съ театра войны, не довершивъ начатаго дѣла, не исполнивъ того подвига, который могъ-бы служить вѣнцомъ его славѣ... Онъ представлялся веселымъ и беззаботнымъ для того только, чтобъ скрыть истинное расположеніе души своей. Во всѣхъ замѣткахъ, писанныхъ Суворовымъ въ Прагѣ, выражается какое-то грустное разочарованіе. Онъ чувствовалъ, что поприще его кончено!» (стран. 211, т. V).

Въ Краковѣ Суворовъ сдалъ начальство надъ арміей генералу Розенберу, «и, простившись съ войсками трогательнымъ приказомъ, отправился въ Петербургъ. Императоръ Павелъ ждалъ нетерпѣливо пріѣзда великаго полководца и готовилъ ему торжественный пріемъ. Для него отведены были комнаты въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ долженъ былъ встрѣтить его флигель-адъютантъ съ рескриптомъ Государя. Графъ Ростопчинъ писалъ Суворову: «мы всѣ ждемъ васъ; дай Богъ, чтобъ здоровы пожаловали съ героями, спасшимися отъ злодѣевъ, холода, голода и трудовъ... Я боленъ нетерпѣніемъ видѣть васъ и поцѣловать вашу руку»...—«Но Суворовъ уже въ Краковѣ почувствовалъ начало болѣзни, называемой *фликтеною*: сыпь и пузыри постепенно покрыли все тѣло его; кашель и страданія до того усилились въ дорогѣ, что Суворовъ уже не въ силахъ былъ продолжать путешествія и остановился въ имѣніи своемъ, Кобринѣ. Долго Суворовъ боролся съ болѣзнію, но принужденъ былъ наконецъ слечь въ постель. Князь Багратіонъ, находившійся до того времени неотлучно при своемъ благодѣтелѣ, отправился поспѣшно въ Петербургъ съ донесеніемъ о болѣзни генералиссимуса. Съ живымъ участіемъ принялъ Императоръ печальное извѣстіе: «Молю Бога, да возвратитъ мнѣ героя Суворова (писалъ ему Государь). По пріѣздѣ вашемъ въ столицу, узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, никогда не сравняется съ вашими великими заслугами, оказанными мнѣ и государству». Потомъ, получая донесенія, что болѣзнь Суворова усиливалась, Императоръ отправилъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта... Сынъ генералиссимуса также получилъ отъ Государя приказаніе отправиться въ Кобринъ. Новыя милости царскія оживили духъ Суворова и способствовали облегченію его страданій, болѣе чѣмъ пособія медицины. Онъ всталъ уже съ постели, и, по случаю великаго поста, ежедневно ходилъ въ церковь, пѣлъ на крылосѣ, читалъ громко Апостолъ, молился въ землю и соблюдалъ всѣ обряды церковные. Вейкартъ никакъ не могъ отговорить его отъ постной пищи и часто ссорился съ больнымъ. Суворовъ ненавидѣлъ лекарства. — «Мнѣ надобна деревенская изба, молитва, баня, кашица, да квасъ», говорилъ онъ медику... Суворовъ охотно заводилъ разговоръ о торжественномъ пріемѣ, приготовленномъ ему въ Петербургѣ, восхищался новыми знаками благоволенія царскаго и прибавилъ: «Вотъ это вылечитъ меня лучше, чѣмъ Иванъ Ивановичъ Вейкартъ». По-временамъ припоминалъ онъ свои боевые подвиги, диктовалъ замѣтки о послѣдней кампаніи (помѣщенныя въ приложеніяхъ), мечталъ о будущей войнѣ и средствахъ успокоенія Европы. Но когда изнуренныя силы тѣлесныя напоминали старику преклонныя его лѣта, тогда

уныло говорилъ онъ: «нѣтъ, старъ я сталъ; поѣду въ Петербургъ, увижу Государя, и потомъ умирать—въ деревню»... Суворовъ разсчитывалъ пріѣхать въ свое село Кончанское къ Петрову-дню и задать тамъ праздникъ; собирался построить каменный домъ съ церковью; дѣлалъ разныя хозяйственныя распоряженія... Наконецъ медики объявили Суворову, что можетъ онъ отправиться въ путь, съ тѣмъ однакоже, чтобъ ѣхалъ тихо, не болѣе 25-ти верстъ въ сутки. Суворовъ уже не могъ путешествовать по-прежнему, въ простой кибиткѣ: онъ ѣхалъ въ дормезѣ, лежа на перинѣ. Въ Петербургѣ обрадовались выздоровленію генералиссимуса. Графъ Ростопчинъ писалъ ему: «желалъ-бы я весьма, чтобъ ваше сіятельство были сами очевиднымъ свидѣтелемъ радости нашей, при полученіи извѣстія о выздоровленіи вашемъ». Самъ Императоръ, въ знакъ своего удовольствія, наградилъ чиномъ доктора Кернисона, которому Суворовъ преимущественно считалъ себя обязаннымъ излеченіемъ. Государь отдалъ уже всѣ приказанія относительно встрѣчи генералиссимуса: придворныя кареты ожидали его отъ самой Нарвы; войска, выстроенныя по обѣимъ сторонамъ дороги, за заставой и въ улицахъ, должны были привѣтствовать героя барабаннымъ боемъ, крикомъ ура, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Къ вечеру приготовлена была во всемъ городѣ иллюминація.»

«Но Суворову (продолжаетъ г. Милютинъ,)—не суждено было насладиться такимъ торжественнымъ выраженіемъ признательности царской. Болѣзнь его возобновилась сильнѣе прежняго. Не въ силахъ будучи продолжать пути, онъ остановился въ первой литовской деревушкѣ, по близости Вильны. Тутъ, въ бѣдной крестьянской хатѣ, лежалъ знаменитый полководецъ, на простой лавкѣ, покрытой полотномъ. Выраженіе лица его совершенно измѣнилось; убитый духомъ, Суворовъ не могъ уже преодолѣть страданій тѣлесныхъ: онъ молился, стоналъ и по временамъ вырывались изъ груди больнаго тяжкія восклицанія: «Боже, за что страдаю!.. Зачѣмъ не умеръ я въ Италіи!».. Однакожъ, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, Суворовъ опять сѣлъ въ карету и продолжалъ путь. Вездѣ, гдѣ останавливался онъ, народъ толпился у кареты; каждому хотѣлось взглянуть на великаго полководца. Въ Ригѣ Суворовъ остановился отдохнуть; онъ чувствовалъ себя лучше и въ первый день Св. Пасхи, собравъ послѣднія силы, надѣлъ мундиръ, былъ у обѣдни и разгавливался у генералъ-губернатора. Отъ Риги продолжалъ онъ путь почти шагомъ, такъ-что ѣхалъ до Петербурга еще цѣлыя двѣ недѣли. Наконецъ 20 апрѣля прибылъ онъ въ столицу. Въ Стрѣльнѣ встрѣтили его нѣкоторые изъ родныхъ и знако-

мыхъ; но всѣ торжества и почести были отмѣнены. Больной, изнеможенный, едва шевелясь на перинѣ, въѣхалъ Суворовъ въ Петербургъ въ десять часовъ вечера. Карета его тихо проѣхала по пустыннымъ улицамъ въ Коломну, гдѣ Суворовъ остановился у своего племянника графа Д. И. Хвостова *. Императоръ Павелъ, узнавъ объ отчаянномъ положеніи Суворова, хотѣлъ успокоить его знаками своего участія: любимецъ полководца, князь Багратіонъ, посланъ былъ Государемъ спросить о здоровьѣ генералиссимуса. Вотъ, что въ-послѣдствіи самъ онъ разсказывалъ объ этомъ: «Я засталъ Александра Васильевича въ по-«стелѣ; онъ былъ очень слабъ; впадалъ въ обморокъ; терли ему вис-«ки спиртомъ и давали нюхать. Пришедши въ память, онъ взглянулъ «на меня; но въ геніальныхъ глазахъ его уже не блестѣлъ прежній «огонь. Долго смотрѣлъ онъ, какъ-будто стараясь узнать меня; по-«томъ сказалъ: «а! это ты, Петръ; здравствуй!» — и замолчалъ.— «Минуту спустя, онъ опять взглянулъ на меня, и я донесъ ему все, «что Государь повелѣлъ.—Александръ Васильевичъ, казалось, оживил-«ся; но съ трудомъ проговорилъ: «поклонъ мой... въ ноги... Царю... «сдѣлай... Петръ!.. ухъ... больно!»... — и застоналъ, и впалъ въ «бредъ...— Я донесъ Государю Императору обо всемъ и пробылъ при «Его Величествѣ за полночь. Всякій часъ доносили Государю объ «Александрѣ Васильевичѣ. Между многими рѣчами, Его Величество «сказать изволилъ: «жаль его! Россія и Я со смертію его потеряемъ «много, много, а Европа — все»... Графъ Ростопчинъ, показывавшій всегда столько дружбы и преданности къ Суворову, испросилъ соизволеніе Государя посѣтить умиравшаго и вручить ему ордена св. Лазаря и Богородицы кармелитской, присланные генералиссимусу отъ короля Людовика XVIII. Суворовъ обрадовался посѣщенію графа Ростопчина. Жизнь героя угасала медленно, какъ-будто не рѣшаясь покинуть великаго человѣка. Съ каждымъ днемъ болѣе терялъ онъ память и впадалъ чаще въ бредъ. Уже позабывалъ онъ названія мѣстъ, гдѣ одержалъ въ послѣднюю кампанію самыя блистательныя побѣды; но по-временамъ еще вспоминалъ Измаилъ, Очаковъ, Прагу. Были минуты, когда умиравшій, какъ будто усиливаясь вернуться къ жизни, приказывалъ приподнять себя съ постели, посадить въ кресла: но скоро опускалъ голову и забывался. Замѣчая безнадежное положеніе больнаго, родственники уговорили его пріобщиться Св. Тайнъ: онъ исполнилъ послѣдній долгъ христіанина, простился со всѣми окружавшими и потомъ впалъ въ совершенное без-

* Домъ, въ которомъ остановился Суворовъ, находится на Крюковомъ каналѣ, за Торговымъ мостомъ, противъ Никольскаго-рынка, и принадлежитъ нынѣ г-жѣ Лобановой.

памятство. Всю ночь томился онъ въ предсмертномъ бреду; невнятные звуки вырывались изъ груди умиравшаго; но видно было, что онъ еще грезилъ о битвахъ, о войнѣ, отдавалъ приказанія... Къ утру онъ успокоился и наконецъ умолкъ навсегда: 6-го мая, въ день Іова многострадальнаго, Суворовъ перешелъ въ вѣчность. Кончина великаго полководца произвела сильное впечатлѣніе въ столицѣ, въ арміи, во всей Россіи. Такъ недавно еще гремѣла слава его побѣдъ, такъ свѣжи еще были въ памяти каждаго подвиги Суворова!—и вотъ бездыханный прахъ его лежитъ на столѣ; погребальныя свѣчи тускло освѣщаютъ блѣдное лицо его; комната обтянута чернымъ сукномъ; вокругъ лежатъ безчисленные ордена, шпаги, жезлы фельдмаршальскіе. Толпы народа стекаются ко гробу, поклониться покойнику... Императоръ Павелъ глубоко огорчился смертью полководца, и повелѣлъ воздать праху Суворова тѣ-же самыя почести, которыя были соблюдены при погребеніи фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго. 9-го мая печальное шествіе двинулось отъ Коломны къ Александро-Невской Лаврѣ. Вдоль всего пути тѣснились несмѣтныя толпы народа; за гробомъ шли всѣ значительнѣйшіе сановники; множество военныхъ со слезами провожали тѣло боготворимаго вождя. Самъ Императоръ стоялъ на Невскомъ-проспектѣ у Публичной библіотеки, и, снявъ шляпу, поклонился праху Суворова. Государь былъ такъ растроганъ, что не могъ удержаться отъ слезъ» (стр. 214—222). Митрополитъ Амвросій совершалъ обрядъ погребенія.

Лира Державина скорбно откликнулась на смерть Суворова. У пѣвца Фелицы висѣлъ въ клѣткѣ снигирь, выученный пѣть одно колѣно военнаго марша. Въ день погребенія Суворова, Державинъ сопровождалъ печальное шествіе и, возвратясь въ домъ свой, услышалъ, что птичка поетъ военную пѣснь. Гавріилъ Романовичъ схватилъ перо и немедленно написалъ извѣстное стихотвореніе, начинающееся такъ:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіенну?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ...

Изъ V-го тома, не менѣе первыхъ четырехъ занимательнаго и разнообразнаго, мы заимствовали только чрезвычайно любопытныя, какъ видѣлъ читатель, подробности о болѣзни и кончинѣ Суворова, героя сочиненія, не касаясь всего остальнаго, какъ, напримѣръ, экспедиціи въ Голландію, въ которой, благодаря своекорыстію англичанъ и оплошности

герцога іоркскаго, потерпѣлъ неудачи Германъ, ни превосходныхъ дѣйствій Ушакова въ Средиземномъ-морѣ. Короче, въ обѣихъ статьяхъ нашихъ, посвященныхъ классическому труду полковника Милютина, по ограниченности ихъ объема, мы принуждены были оставить множество пробѣловъ, допустить пропуски многаго и многаго, весьма замѣчательнаго, открывающаго новыя воззрѣнія, проливающаго новый свѣтъ на событія—съ чѣмъ непосредственно и ближайше ознакомится самъ читатель. Повторяемъ, что частью лишь разсмотрѣнное нами сочиненіе это—исторія Европы на рубежѣ двухъ столѣтій. Оно отличается образцовою полнотою и оконченностью. Книгу началъ покойный генералъ Михайловскій-Данилевскій, мастерскимъ изображеніемъ политическаго состоянія Европы передъ началомъ войны 1799 года, продолжалъ достойно г. Милютинъ, заключивъ искуснымъ обозрѣніемъ событій при кончинѣ Императора Павла и воцареніи Александра I-го. Въ послѣднихъ главахъ выступаетъ на сцену первый консулъ Бонапарте. Приложенія ко всѣмъ пяти томамъ — истинная драгоцѣнность въ военномъ, дипломатическомъ и политическомъ отношеніяхъ; и еслибъ мы вздумали извлекать даже одно занимательнѣйшее или важнѣйшее, то сами написали-бы цѣлый томъ...

—

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ. — Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ. — Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности.—Деревянные геніи, или занятіе отъ нечего дѣлать.—Львица сезона съ ея изображеніями и львы съ чужими зубами и шерстью. —Метаморфоза. —Некрологъ.—Зимній садъ и зимнія литературныя новости.

Наконецъ, послѣ продолжительной и свое нравной осени, дождались мы глубокаго снѣга и трескучаго мороза: безъ нихъ зима намъ не въ зиму: въ шубѣ жарко, а въ бекешѣ холодновато, на дрожкахъ тряско, а въ саняхъ валко. Нельзя ручаться, что, покамѣстъ эти строки явятся въ печати, метеорологическая обсерваторія не скажетъ иное: легко можетъ приключиться внезапная оттепель. Какъ-бы то ни было, молодость обоего пола

съ нетерпѣніемъ ждетъ перваго зимняго маскарада, какъ старость— послѣдняго счастья, прощальной улыбки красоты. 6 декабря много бываетъ именинниковъ, но многіе именинники вечеръ этого дня и часть слѣдующей за нимъ ночи проводятъ въ обширной залѣ Большаго театра, гдѣ тогда не танцуетъ Луиза Флёри или Роза Гиро, не поетъ Лагранжъ, но зато черныя домино увиваются около парадныхъ мундировъ, а ловкіе франты сладко напѣваютъ въ полузакрытые уши таинственныхъ «интриганокъ». Мы еще не получили достовѣрныхъ извѣстій: но нѣтъ сомнѣнія, что въ первый минувшій маскарадъ, котораго не беремся описывать въ подробности, началось нѣсколько маленькихъ романовъ, достойныхъ остроумнаго пера нашихъ фельетонистовъ и плодовитаго воображенія нашихъ повѣствователей, умѣющихъ дополнить живымъ вымысломъ то, чему догадливая наглядность представляетъ болѣе или менѣе существенное основаніе; а воображеніе такъ легко разыгрывается подъ звуки маскарадныхъ оркестровъ, провожающіе дружескія пары и одинокихъ мечтателей....

Музыка звучитъ еще въ настроенномъ слухѣ, когда выходишь изъ маскарадной залы, и потомъ, закутавшись въ енотъ, медленно тащишься домой на смуромъ ванькѣ, способномъ, впрочемъ, привесть въ забвеніе самую восхитительную изъ замаскированныхъ «Меланій». Но когда музыка не услаждаетъ петербургскаго жителя? Изъ-за нея лѣтомъ, въ воксальныхъ долинахъ и садахъ загородья, не слышишь ароматическаго дыханія зефировъ; осенью, вдохновляя оперныхъ и водевильныхъ пѣвцовъ и, наполняя собою междодѣйствія, она перебирается въ театры; передъ весною, въ теченіе пяти недѣль, разражается неумолкаемымъ громомъ безсмѣнныхъ концертовъ, а въ промежутки зимы вдается въ исторію и классицизмъ, не пропускаетъ утра, стережетъ вашъ вечеръ, званый и незваный, досужій и несвободный.

Такъ въ исходѣ ноября и въ первой половинѣ декабря даваемы были еженедѣльно, по четвергамъ, извѣстнымъ фортепіонистомъ, г. Мортье-де-Фонтеномъ, *историческіе концерты*, старинныя, даже очень старинныя пьесы, относящіяся бо́льшей-частью ко второй половинѣ XVII вѣка; между прочимъ, г-жа де-Фонтенъ пѣла арію Лулли изъ оперы *Роландъ*, представленной въ Парижѣ въ 1685 году, и арію изъ оперы «Mitrane», сочиненной въ 1686 г. Франциском Росси; г. Всеволодъ Мауеръ разыгрывалъ на скрипкѣ отрывокъ изъ сонаты Іосифа Тартини, которая, вѣроятно, принадлежитъ уже слѣдующему столѣтію, потому-что Тартини родился въ 1692 году; самъ же учредитель концертовъ (происходившихъ въ залѣ П. И. Мятлевой) исполнилъ на фортепіано хроматическую фантазію и фугу Себастіана Баха, и т. д.

Такъ (для красоты слога, мы этимъ словомъ намѣрены начать четыре періода къ-ряду), такъ выше уже названный г. Всеволодъ Мауреръ, оставаясь вѣрнымъ обычаю прежнихъ лѣтъ, то-есть зимъ, возобновилъ и въ нынѣшнюю свои *четыре квартетные сеанса*, между 29-мъ ноября и 27-мъ декабря, съ Моцартомъ, Гайдномъ, Мендельсономъ, Бетговеномъ—классическими мужами музыки, при пособіи своего отца и брата и участіи г. Рубинштейна...

Такъ, по примѣру-же прошлыхъ годовъ, еще съ 25-го октября, начались и продолжаются каждое воскресенье музыкальныя упражненія или утра (всего десять) въ здѣшнемъ университетѣ, свидѣтельствующія, что гг. студенты, отдавая должное наукѣ, не забываютъ и искусство, пробуждающее въ душѣ ощущенія нѣжныя, трогательныя и граціозныя.

Такъ, наконецъ, и загородье, среди невозмутимой зимней тишины въ его окрестностяхъ, иногда и кое-гдѣ оживляется симфоніями, эхо которыхъ далеко разносится по снѣжнымъ равнинамъ и между пустынными деревьями, убѣленными инеемъ. Любители прогулокъ на тройкахъ, въ розвальняхъ, весело мчатся, въ нѣкоторые вечера, къ екатерингофскому воксалу, гдѣ, если вѣрить печатнымъ объявленіямъ, играетъ, подъ управленіемъ г. Мейера, бывшій оркестръ Іосифа Гунгля. Вѣроятно, бо́льшую часть членовъ этихъ отдаленныхъ музыкальныхъ собраній составляютъ жители смежныхъ съ Екатерингофомъ кварталовъ, потому-что надобно много имѣть свободнаго времени и рѣшимости, чтобы охотно отправиться туда, въ стужу, зная навѣрное, что тамъ не услышишь ни покойнаго Паганини, ни помолодѣвшаго Рубини...

Однакожъ, все-таки въ нынѣшнюю зиму, по-крайней-мѣрѣ до-сихъ поръ, музыки въ Петербургѣ менѣе, нежели въ прошлую, когда она, между-прочимъ, почти ежедневно раздавалась и въ концертной залѣ Пассажа, теперь умолкшей и мрачной, какъ воспоминаніе любителей цыганскаго пѣнія, оглашавшаго ея изящные своды. Вообще Пассажъ какъ-то опустѣлъ, присмотрѣлся петербургцамъ въ послѣднюю пору. Не стало въ немъ ни прежнихъ праздничныхъ «концертовъ-прогулокъ» съ китайскими иллюминаціями, ни «полнаго газоваго освѣщенія», ни карликовъ и великановъ, ни какихъ зрѣлищъ и увеселеній, которыя, впрочемъ, приманчивы были для класса публики, неслишкомъ взыскательнаго, не общаго съ публикою Большаго и Михайловскаго театровъ. Только въ нижней галереѣ этого великолѣпнаго зданія г-жа Гебгардтъ поддерживаетъ нѣсколько быстро-пролетѣвшую, померкшую его славу. Заботясь о невинныхъ удовольствіяхъ дѣтей, она устроила для нихъ премиленькій механическій театрикъ съ хорошенькими декораціями, авто-

матами и движущимися фигурками, съ «большою охотою или облавой» и разными другими затѣями, привлекательными для дѣтскаго возраста. Одна изъ декорацій, которыя намъ случайно привелось видѣть, изображаетъ какую-то живописную мѣстность, окруженную горами и скалами, съ красивымъ городкомъ подъ лазуревымъ небомъ... уточки мирно плаваютъ въ тихой водѣ... на берегу куклы дѣйствуютъ какъ живые люди... Другая декорація представляетъ морскую бурю... «разъяренная» пучина взбрасываетъ и ломаетъ картонныя суда... громъ гремитъ за кулисами, огненныя молніи озаряютъ на мгновеніе черныя тучи... «валы» шумятъ и «вѣтръ порывисто свиститъ и завываетъ»... малютки въ восхищеніи, плачутъ отъ радости и немножко отъ страха, который маменьки и тётеньки немедленно успокоиваютъ леденцами. Все это удовольствіе, вмѣстѣ съ леденцами, стоитъ менѣе 30 коп. сер., потому-что за дѣтей собственно платится только половина этой суммы. Во время «представленія» играетъ какая-то очень негромкая гармонія, въ которой, по замѣчанію одного глубокомысленнаго посѣтителя, при насъ случившагося, нѣтъ будто-бы никакой идеи...

Мимоходомъ, щеславно и важно брошенныя слова эти заставили насъ задуматься на минуту... Идея? — Музыкантъ, писатель, строитель—всѣ толкуютъ объ идеѣ, морочатъ себя и другихъ.—«Я, говоритъ первый, хочу, напримѣръ, показать передъ вами развитіе комнатной музыки отъ перваго выраженія фортепіано, при Франсискѣ Куперенѣ, до Бетговена, а въ дѣлѣ драматической музыки начну съ лирическихъ трагедій Лулли и кончу Веберомъ...»—«Я, продолжаетъ онъ, или другой, покажу вамъ все величіе и достоинство классическаго стиля музыки передъ пестротою и неправильностью романтизма—увидите всю разницу между Моцартомъ и Верди... знатоки и чтители истиннаго искусства поймутъ и оцѣнятъ — вотъ наша *идея!..*»—«Я, прерываетъ писатель, докажу въ моей книгѣ, что въ ней, отъ первой до послѣдней страницы, проведена идея, какъ электричество по проволокѣ телеграфа...»—«Я, довершаетъ строитель, «воздвигая» этотъ домъ, имѣлъ въ виду слѣдующую *идею*, основанную на мѣстныхъ и климатическихъ условіяхъ» и т. п... Короче, вы заслушаетесь, придете въ восторгъ, когда они станутъ пояснять вамъ свои дѣйствительныя или мнимыя идеи, умалчивая о существенно-побудительной, такой естественной и простой. А вѣдь точно очень просто: музыканту нужны слушатели въ возможно-бо́льшемъ числѣ, писателю или журналисту—подписчики, строителю—достаточный доходъ, справедливое вознагражденіе за труды каждаго. Вотъ настоящая, «капитальная», вѣсомая идея, которая, впрочемъ, не мѣшаетъ моральной или отвлеченной!..

Эти «идеи» машинально мелькнули въ головѣ нашей, когда мы выходили изъ механическаго театра, и не станемъ защищать ихъ парадоксальности, если «таковая» въ нихъ вкралась...

Та-же г-жа Гебгардтъ, въ другомъ нумерѣ той же нижней галереи Пассажа, устроила и другую забаву — «механическій самострѣлъ», съ виду похожій на ружье, но заряжаемый не пулей, не дробью, не порохомъ, а какою-то шелковистою мякотью... вы прицѣливаетесь, спускаете курокъ—раздается выстрѣлъ... виноваты!.. мы увлеклись описательною прозою... ничего не раздается, ни малѣйшаго звука; но если зарядъ попадаетъ въ центръ круга или цѣли, то изъ картоновъ по сторонамъ ея выскакиваютъ какія-то фигуры. Не правда-ли, забавно,—и притомъ не дорого — каждый выстрѣлъ стоитъ лишь пятачекъ? Картина, служащая вывѣскою нумера, весьма занимательна: нарисована какая-то стройная амазонка, граціозно прицѣливающаяся; за нею любопытствующая, нетерпѣливая толпа. А войдешь въ нумеръ — пусто! Вѣрь послѣ этого вывѣскамъ и заглавіямъ! Выходитъ, что и точно, безъ парадокса, «идея» всегда ниже существенности, хотя и претендуетъ на выспренность Только искусные практики попадаютъ въ средину круга; идеалисты, бо́льшей-частью, даютъ промахи.

Однакожъ, какъ ни пуста повидимому игрушка-самострѣлъ, бываютъ порою и у взрослыхъ забавы, обладающія небо́льшимъ смысломъ.—Вы давно ужь знаете, изъ газетъ и журналовъ, и сами по себѣ или по молвѣ, что Петербургъ еще съ прошлой зимы занимался, между-прочимъ, пресловутымъ столокруженіемъ. Объ этомъ явленіи столько было писано и у насъ, и за-границей, учеными и неучеными, людьми серьёзными и юмористами, что мы, конечно, не вдадимся въ новыя изслѣдованія по этому курьёзному предмету, который имѣетъ уже свою исторію, исходную точку и финалъ, хотя собственно и составляетъ плохую комедію, фарсъ, вовсе незабавный. Для полноты нашей постоянной хроники, записывающей на страницахъ своихъ все, болѣе или менѣе замѣчательное въ чередовомъ движеніи общественной жизни столицы, мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ фазисѣ «столоманіи», этого новѣйшаго открытія въ изобрѣтательный и тонкій вѣкъ нашъ...

Сначала въ «ходу» были обыкновенные комнатные столики и даже увѣсистые столы, вертѣвшіеся отъ наложенія на нихъ многихъ рукъ, которыя произвольно и непроизвольно давали толчокъ бѣдной мебели, безжизненному дереву, прихотливо вызванному на арену дѣйствованія. Но скоро взрослымъ игрушка эта прискучила, потому-что въ ней была одна лишь привлекательная сторона, а именно, когда усталая рука

ваша сладостно трепетала, касаясь мягкой, нѣжной, горячей ручки прекрасной сосѣдки и между обѣими пробѣгало дѣйствительное электричество, называемое врожденнымъ и взаимнымъ влеченіемъ, отчего собственно столъ и начиналъ прыгать, одновременно съ ускореннымъ біеніемъ вашего сердца и усиленнымъ дрожаніемъ руки...

Комнатные столы и столики, отлично исполнивъ кратковременную свою роль, покорно и уступчиво заплативъ легкую дань всесильной модѣ, которой нипочёмъ двигать дерево, потому-что она не однажды нарушала и равновѣсіе головъ человѣческихъ, заставляя ихъ, напримѣръ, кутаться въ тяжелые парики —комнатные столы, покуралесивъ нѣсколько мѣсяцевъ, чинно стали на свое обычное мѣсто, и съ-тѣхъ-поръ не двигаются, исключая, развѣ, когда прислуга слишкомъ ретиво стираетъ съ нихъ пыль, или какой-нибудь неловкой гость неосторожно задѣнетъ за нихъ своею смущенною персоной...

Столы ни съ мѣста, говоръ о нихъ затихъ; но кому-то, отъ нечего дѣлать, вздумалось продолжить шутку, потому-что немногіе повѣрили отдаленной возможности и удобству полезныхъ практическихъ примѣненій мнимаго открытія, хотя одинъ проказникъ, смѣясь себѣ въ кулакъ, утверждалъ, что, пожалуй, и Обуховскій мостъ не устоитъ, если наложить на него сотню, другую магнитическихъ рукъ... это, по-крайней-мѣрѣ, была остроумная насмѣшка надъ минутнымъ дурачествомъ, пустымъ препровожденіемъ времени, которое можно употреблять и полезнѣе, и пріятнѣе. Говоръ о движущихся столахъ, повторяемъ, мало-помалу затихалъ, когда кому-то взбрело на умъ, вслѣдъ за способностью ихъ движенія, сообщить имъ и дивный талантъ собственнаго говора. Нельзя было дать дереву языка, даровать органъ слова— придумали пальму или осину обратить въ «писателей», какъ будто-бы на бѣломъ свѣтѣ и безъ того недостатокъ въ безталантныхъ бумагомарателяхъ, или людяхъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ: «дерево, просто дерево!»... Взяли дѣтскіе игрушечные столики, одну въ нихъ ножку замѣнили очиненнымъ карандашомъ и пустили ихъ писать по чистымъ листамъ, положеннымъ на большихъ столахъ, которые сами недавно были дѣйствующими лицами, а теперь стали безмолвнымъ и неподвижнымъ подножіемъ. По желанію затѣйщиковъ, столики, водимые, разумѣется, человѣческою рукою, давали письменные отвѣты на предлагаемые вопросы—какое раздолье остроумію, шуткѣ и проказамъ! Изустно и печатно разсказывали, по поводу этого, множество анекдотовъ, болѣе или менѣе интересныхъ; прибавляли даже, будто-бы нѣкоторые изъ производившихъ продолжительно эти опыты и домогавшихся добиться «письменъ» непосредственно отъ самихъ столичковъ, все-

конечно, тупыхъ и безграмотныхъ, почувствовали напослѣдокъ нѣкоторое умственное разстройство — бѣдненькія, слабенькія головы! Умные люди иногда замысловато поддерживали мистификацію, не желая спорить о пустякахъ и серьёзно опровергать то, что̀ опровергается очевидностью и здравымъ смысломъ, и находя въ невинной шалости этой случай сказать остроту, сарказмъ, немного потѣшиться надъ легковѣрными.—«Что вы думаете о говорящихъ или пишущихъ столикахъ?» спросили одного степеннаго джентльмена, который страшно зѣвалъ, видя, что гдѣ-то цѣлый вечеръ убивали на эту ничтожную и, право, незанимательную забаву. — «Думаю, что они сами говорятъ за себя», отвѣчалъ тотъ: «по-этому вы напрасно трудитесь подсказывать, и направлять карандашъ такъ, чтобъ онъ, вмѣсто свойственныхъ ему каракуль, чертилъ желаемыя вами буквы». И, дѣйствительно, зачѣмъ важныя опроверженія тамъ, гдѣ эпиграмма останавливаетъ нелѣпыя возраженія! Такимъ-образомъ мнимо-пишущіе столики поступили наконецъ обратно къ дѣтямъ, изъ которыхъ разумнѣйшія говорили: «папенька, купите намъ другую игрушку—эта ужасно скучная!»

И у насъ, и въ иностранныхъ листкахъ, болѣе или менѣе ловко, издѣвались надъ описанной аатѣей. Между-прочимъ, въ статьѣ Амедея Ашара встрѣчаемъ нѣсколько довольно-остроумныхъ мѣстъ.—«По какому особенному праву», шутливо говоритъ онъ: «именно столы пользуются такою монополіей, въ ущербъ комодамъ, буфетамъ, шкапамъ, кроватямъ? Развѣ столы совершили какой-нибудь знаменитый подвигъ, а мебель иная сработана не изъ такого же дерева и хуже ихъ отдѣлана?.. Подъ столы падаютъ иногда упившіеся, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ здравый, трезвый смыслъ падалъ предъ столами (мы переводимъ не буквально, сохраняя только главное значеніе фразъ). Комоды прочнѣе, осанистѣе. Уже замѣчено было движеніе табуретовъ, шляпъ и даже дерзкихъ лоханокъ, которыя, какъ пираты, хотѣли похитить власть столовъ, сохранявшихъ ее однако преимущественно, потому-что они ближе подъ рукою... Прежде писали на столахъ, теперь столы пишутъ... Это-бы еще ничего; но вотъ досадно, всѣ вмѣстѣ, управляемые столькими головами, въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они не придумали ни одной хорошенькой, граціозной шутки, ни одного истинно-остроумнаго отвѣта, ни одного порядочнаго стиха,—однимъ словомъ, ничего такого, что̀ стоило-бы запомнить... Пишутъ и рисуютъ!! Я самъ не видѣлъ, но меня увѣряютъ, хотя никто не показывалъ мнѣ ни ихъ живописи, ни басни, которая пристыдила-бы Лафонтена своею неправдоподобною баснею... Импровизируютъ? Но развѣ это симфонія Бетговена, мелодія Шуберта, вальсъ Штрауса —

что-нибудь новенькое и хорошенькое? Оно, можетъ-быть, и ново, да хорошаго нисколько!.. И хоть-бы, за недостаткомъ творчества, они придумали что-нибудь просто полезное или пріятное,—напримѣръ, усовершенствованіе въ фотографіи, или, по-крайней-мѣрѣ, новый способъ приготовлять форели?.. И какая ловкая манера отвѣчать!.. По удару на букву! Самый маленькій отвѣтъ требуетъ одной или двухъ дюжинъ натисковъ столика. Для небольшаго разговора необходимы сотни каракуль! Неужели не могли изобрѣсть чего-нибудь поумнѣе, и надъ чѣмъ не смѣялись-бы толковые школьники?.. Говорятъ, что въ Комартенской-улицѣ отыскался-было столъ, превосходно рисовавшій. Вставьте ему карандашъ въ ножку, и онъ тотчасъ-же набросаетъ, что̀ вамъ угодно. Разъ попросили его снять портретъ съ молодой дѣвушки, находившейся при опытѣ. Столъ немедленно приводитъ въ движеніе карандашъ и смѣло начкаетъ бумагу. По окончаніи работы, ее внимательно разсматриваютъ, и, послѣ долгихъ изысканій, сознаются, что рисунокъ, можетъ быть, представляетъ грубо начертанный силуэтъ вѣтряной мельницы или слона съ хоботомъ... Это еще былъ удачнѣйшій изъ опытовъ!»...

Для разнообразія, столики иногда устранялись отъ опытовъ, и за нихъ принимались люди. Операція совершалась такъ: пріятель бралъ вашу руку, просилъ васъ загадать что-нибудь про себя, всматривался въ вашу физіономію, стараясь угадать, по ея движенію, ваши сокровенныя мысли, между тѣмъ какъ правая рука его, будто-бы машинально, чертила что-то, бо̀льшей-частью односложныя, двусмысленныя, неопредѣленныя слова, значеніе которыхъ могло быть такъ и сякъ толкуемо, служить приблизительнымъ, косвеннымъ отвѣтомъ, напримѣръ: «статься можетъ... вѣроятно... конечно... современемъ... никогда... все случается.. едва-ли... сомнительно... вздоръ!» Это называлось «симпатическимъ вдохновеніемъ»!

Послѣдняго рода опыты, еслибъ роль Сибиллъ занимали хорошенькія женщины, могли-бы еще быть занимательны, и нашлось-бы немало охотниковъ довѣрять руку свою рукѣ снисходительной красавицы-гадальщицы....

Какъ-бы то ни было, столописаніемъ занимались лишь въ промежутокъ между лѣтнимъ и зимнимъ сезонами, покамѣстъ афиши не извѣстили о прибытіи Рашели и не начались ея представленія... тогда столики умолкли и все заговорило о живой Пиѳіи, прорицательницѣ классическихъ монологовъ и тирадъ Расина или Корнеля.... Газеты и журналы наводнились статьями о ней. Уступая общему интересу, «Пантеонъ» также внесъ свою лепту въ сосудъ, къ переполненнымъ краямъ

котораго жадно прикасаются воспламененныя уста публики. Всѣ роли, въ которыхъ доселѣ являлась у насъ Рашель, оцѣнены, переоцѣнены, обсуждены, растолкованы, перетолкованы. Только и разговоровъ, что̀ о ней: она стала и есть истинной, величественной львицей настоящаго сезона, какъ были нѣкогда у насъ, поочередно, Марія Таліони, Фанни Эльслеръ, Джулія Гризи, Плесси, Вольнисъ, какъ недавно еще былъ у насъ львомъ Маріо. Рашель воспѣваютъ въ прозѣ и стихахъ. Г. Бенедиктовъ, изрѣдка нынѣ настроивающій свою, любимую публикою, лиру, не выдержалъ, и въ одной петербургской газетѣ напечаталъ прекрасный диѳирамбъ въ честь знаменитой актрисы, въ которомъ особенно удачна послѣдняя строфа, посвященная воспоминанію о нашемъ, рано сошедшемъ въ могилу, великомъ трагикѣ:

И при захваченныхъ дыханьяхъ
Театра, полнаго огнемъ,
При громовыхъ рукоплесканьяхъ,
Всего, что̀ жизнью дышитъ въ немъ,
Зашевелился міръ могильный,
Отверзлась гробовая сѣнь...
Рашель, твоей игрой всесильной
Мнѣ зрится вызванная тѣнь;
Нашъ трагикъ, раннею кончиной
Отъ насъ оторванный, возсталъ,
И, устремивъ свой взоръ орлиный
На твой тріумфъ, вострепеталъ.
Онъ близъ тебя замѣтилъ мѣсто,
Гдѣ-бъ ты могла узрѣть его
Въ лицѣ Тезея иль Ореста,
Иль Ипполита твоего...

Художественные магазины наполнились портретами, статуэтками, бюстиками, медальонами Рашели, болѣе или менѣе похожими. Кондитеръ Рабонъ продаетъ bonbons Rachel....

Вѣнки лавровые, букеты,
Молва, и слава, и конфеты,
И гулъ восторженныхъ похвалъ,
Земнаго счастья идеалъ!

Изъ Петербурга, говорятъ, Рашель поѣдетъ въ Москву—тамъ новые тріумфы, которые докажутъ міру, что

Сѣверъ нашъ, гдѣ мразъ и вьюга,
Не хуще Запада и Юга,
Искусство смыслитъ оцѣнять,
Талантамъ дани воздавать!

Что Петербургу и Москвѣ ничто притомъ не въ диковинку, и обѣ столицы наши, пресыщенныя заѣзжими знаменитостями всякаго рода, не восторгаются ими безотчетно, безусловно и безъисходно: зима, много двѣ, и мы требуемъ новыхъ фаворитовъ и фаворитокъ, для разнообразнаго удовлетворенія нашей эстетической любознательности....

Что̀ касается нашихъ обыкновенныхъ львовъ, также смѣняемыхъ годами, въ нынѣшнемъ—они, слѣдуя уставу моды, измѣнили нѣсколько свой верхній зимній нарядъ. Широкое пальто уступило чему-то, напоминающему прежніе бекеши, и доказывающему, что мода — кругъ, временемъ возвращающійся къ своей незамѣтной исходной точкѣ. Талія длинная, даже слишкомъ длинная: но бобровые воротники неизмѣнно сохраняютъ свои права, а подбой бекеша не подлежитъ, кажется, строгому условію: соболь, хорёкъ или просто вата, на шелковой, разумѣется, подкладкѣ.... Львы, смѣняемые годами, сказано выше — но въ столицахъ завзятые франты долго противятся вліянію лѣтъ или отцвѣтшаго возраста. Какъ мы уже однажды имѣли случай замѣтить, прежде всего у насъ страдаютъ волосы и зубы: но искусные парикмахеры и дантисты на каждомъ шагу, такъ-что почти не представляется необходимости затрудняться въ выборѣ. Не думайте, чтобъ мы имѣли въ виду разсказать веселенькій анекдотъ — нѣтъ, право, «истинное происшествіе», какъ встарину прибавляли въ скобкахъ при заглавіяхъ повѣстей, когда хотѣли вымыслъ выдать за истину.... Осенью, въ октябрѣ, или ноябрѣ—не помнимъ хорошенько, довелось намъ проходить, около полудня, по Большой-Морской, къ Невскому. На тротуарѣ, у дома Барбе, столкнулись мы съ двумя какими-то джентльменами. Одинъ изъ нихъ чему-то громко смѣялся, и при этомъ не́-хотя обнаруживалъ рѣшительное отсутствіе двухъ, трехъ переднихъ зубовъ. У воротъ сказаннаго дома джентльмены разстались. Одинъ пошелъ далѣе; другой, беззубый, вошелъ въ ворота. Часа черезъ два возвращаемся тѣмъ же путемъ, и, какъ нарочно, изъ того-же дома Барбе выходитъ тотъ-же знакомый-незнакомецъ, самодовольно улыбаясь: пустота во рту у него прикрылась настоящими жемчужинами, перлами. Взглядываемъ на вывѣски, и на одной изъ нихъ читаемъ: «Александръ Валленштейнъ» (сынъ извѣстнаго зубнаго врача)... Овидіево превращеніе!

Неизвѣстно намъ, когда вы будете читать эти строки, на праздникахъ, или послѣ праздниковъ. Послѣднее, едва-ли не вѣроятнѣе, по-

тому-что и теперь, передъ праздниками, когда мы оканчиваемъ статью, большинству не до чтенія. Всѣ хлопочутъ, суетятся, придумываютъ и покупаютъ подарки, всѣ, кромѣ немногихъ, которые, по возрасту, роду жизни или характеру, никогда не суетятся, во всякое время одинаково сохраняютъ спокойствіе и безмятежность, необходимыя для серьёзныхъ дѣлъ и занятій. Хорошій санный путь благопріятствуетъ передъ-праздничнымъ и праздничнымъ поѣздкамъ по городу. Удовольствій предстоитъ безъ числа, и, въ числѣ ихъ, даже *зимній садъ*, устраиваемый во дворѣ извѣстной, въ Большой Морской, гостиницы—Hotel de Princes, гдѣ, въ двадцать градусовъ мороза, вы будете наслаждаться тропическою теплотою, видомъ тропическихъ растеній, благоуханіемъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, звуками музыки и дарами гастрономіи... Увидимъ, разскажемъ. Веселитесь-же, кто любитъ, умѣетъ и можетъ веселиться, когда нѣтъ лихой скорби на сердцѣ о какой-нибудь близкой, семейной утратѣ! Мы не хотѣли-бы кончать некрологомъ; но смерть такое обыкновенное явленіе въ жизни, что въ большихъ городахъ видишь его ежедневно. 12-го декабря скоропостижно скончался извѣстный актеръ-пенсіонеръ императорскихъ театровъ, Василій Антоновичъ Шемаевъ, не въ преклонныхъ еще лѣтахъ. Когда-то онъ пѣлъ въ Робертѣ и удачно исполнялъ главныя партіи въ русскихъ операхъ. Лишившись голоса, перешелъ на драматическую сцену и былъ очень хорошъ и забавенъ въ роляхъ простачковъ: г-на Марковецкаго можно назвать его ученикомъ и счастливымъ подражателемъ. Старое поколѣніе артистовъ нашихъ исчезаетъ мало-по-малу — такова череда жизни. Въ нынѣшнемъ году не стало Каратыгина, Брянскаго, Гусевой, и теперь Шемаева, нѣсколько лѣтъ тому оставившаго сцену.... Но молодое поколѣніе не дремлетъ на сценѣ и въ литературѣ.... Нѣсколько новыхъ книгъ лежатъ передъ нами: *Рыбаки*, г. Григоровича; *Слобожане*, г. Данилевскаго; *Игорь, князь Сѣверскій*, г. Гербеля, и, какъ нельзя болѣе кстати, по времени, *Святки*, разсказъ г. Михайлова. Обо всемъ этомъ въ *новомъ году*, съ которымъ, между-тѣмъ, беремъ смѣлость поздравить нашихъ благосклонныхъ и снисходительныхъ читателей, желая имъ отъ души и «новаго счастья», въ дополненіе къ старому, прекрасному какъ воспоминаніе....

—

Новѣйшія дамскіе наряды нынѣшней зимы, какъ говорится, солидны, богаты и разорительны. Платья шьются изъ тяжелыхъ шелковыхъ матерій моаръ-антика, бракателя, дама и затканныхъ помпадуровъ. На черныя платья выбирается преимущественно гро-де-туръ, или тяжелый

моаръ. Корсажи носятъ высокіе, спереди, по-большей-части, открытые, кофты почти всегда съ фалдочками. Величайшую роскошь расточаютъ на шемизетки, рукавчики, носовые платки, вообще на кружево и шитье. Зато, на этихъ платьяхъ почти совсѣмъ не видно отдѣлокъ, ни волановъ, ни буфовъ, ни гирляндъ. Признаемся, мы этому не мало обрадовались, потому-что глупыя накладки и отдѣлки угрожали совсѣмъ-было обезобразить своими тяжелыми вычурами изящный костюмъ современныхъ дамъ.

Чтобы ближе ознакомить съ модою настоящей минуты, господствующей въ Парижѣ и очищенной нѣсколько строгимъ вкусомъ петербургскихъ дамъ, мы представляемъ здѣсь вѣрное описаніе пяти самыхъ пышныхъ дамскихъ костюмовъ.

1-й костюмъ. Шляпка бархатная, черная, въ видѣ чепца, съ фаншоною и кружевною отдѣлкою. Платье изъ шотландской шелковой матеріи (valencias). Корсажъ высокій, напереди открытый и съ баскинами. Рукава полудлинные, полуширокіе, съ широкими, глухими подрукавниками. Мантилья, à la Маріонъ—Делормъ, черная бархатная съ кардиналкою, кругомъ обшитая чрезвычайно широкимъ чернымъ кружевомъ.

2-й костюмъ. Шляпка—безъ тульи, или безъ полей—какъ вамъ угодно: безъ тульи—потому, что поля, доходя до затылка, прикрываются тамъ ниспадающею бертою, обшитою кружевомъ; безъ полей—потому, что поля и тулья составляютъ одно и то же. Шляпка эта, атласная цвѣтная, отдѣлана бантами изъ бархата, а около полей двѣ обшивки изъ черныхъ и бѣлыхъ кружевъ. Какъ ни страненъ кажется съ перваго раза такой уборъ, но эта—шляпка верхъ изящества. Платье изъ дама, съ длинной, облегающей талію, кофточкою, обшитою кругомъ въ два ряда узкимъ чернымъ кружевомъ. Подрукавники кружевные, открытые.

3-й костюмъ. Шляпка атласная, съ страусовыми перьями на боку; подъ полями, съ боковъ, богато украшена цвѣтами. Платье шелковое съ двумя воланами, обшитыми двуцвѣтною, затканною лентою. Кофточка съ небольшими баскинами, отдѣланная такою-же лентою, съ рукавами недлинными и неширокими, и съ такими-же подрукавниками. Бурну бархатное, съ широкими китайскими рукавами, обшитое кругомъ шотландскимъ плюшемъ, чрезвычайно похожимъ на мѣхъ, сверхъ котораго протянуты въ переплетъ полоски атласной ленты.

4-й костюмъ. Шляпка атласная, съ широкими полями, украшенная сѣткою изъ чернаго бархата, и перомъ, переброшеннымъ черезъ

тулью. Назади бантъ изъ широкой атласной ленты, съ довольно-длинными концами. Подъ полями темные бархатные цвѣты. Платье атласное, затканное полосами, въ видѣ волановъ. Юбка чрезвычайно широкая и назади длинная. Корсажъ открытый, съ полудлинными рукавами. Казакинъ пунцовый бархатный, съ бертою и рукавами, сзади—въ таліи собранный, напереди застегнутый до низу. Берта и низъ казакина обшиты широкими листьями изъ чернаго шелковаго тюля съ бархатною апликаціею. Рукава, съ небольшими разрѣзами, и пе́редъ казакина украшены аграмантомъ изъ узкихъ кружевъ. Богатый кружевной воротникъ. Это самый великолѣпный нарядъ, какой только можно придумать.

5-й костюмъ. Шляпка—смѣсь шелку, бархату, кружевъ и перьевъ. Платье съ затканными, яркими, квадратными полосами, съ открытымъ корсажемъ и очень широкими рукавами. Мантилья, называемая *«московкою»*, черная бархатная, въ нѣсколько рядовъ обшитая мелкимъ аграмантомъ и кругомъ украшенная широкою бахрамою. Она замѣняетъ и мантилью и шаль.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

—

ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ.

Теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, сочиненіе г. *Алара* принятое для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ecole du Violon. Méthode complète et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par D. Alard. (Violin-Schule) цѣна 6 р. сер.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

BERTINI. Frére et soeur. Quatre petits duos à quatre mains liv 1. 2. (Chaque 1 p.)

BEYER. Emelie et Beatrice. Variations brillantes et non difficiles sur un thême de Bellini. (1 p. 43 к.)

DUVERNOY. Duettino sur l'opéra: Elisire d'amore. (72 к.) Petite fantaisie sur la cavatine favorite de l'opéra: Niobe. (85 к.)

GORIA. Caprice–Nocturne. Op. 6. (75 к.)

HUNTEN. Rondoletto sur un thême du Barbier. (1 p. 15 к.)

MARKS. Souvenir de la Russie. Transcriptions en forme de fantaisies sur des airs russes № 1. Боже царя храни. (60 к.) № 2. Вѣтка (60 к.) № 3. Назарѣ ты ея небуди (75 к.) № 4. Соловей. (60 к.) № 5. Вотъ па пути село большое (60 к.) № 6. Коса. (60 к).

MAYER. Elisa—Polka. (60 к.)

MEYER. L. DE. Ты не повѣришъ какъ ты мила (60 к.)

MOSCHELES. Traisiéme grande sonate. Op. 121. (3 p. 72 к.)

OSBORNE. Duo brillant sur opéra: Barbier de Seville. Op. 83. (1 p. 72 к.)

PATPOURRI. Sur l'opéra: Fidelio de Beethoven (2 p. 85 к.)

SCHULHOFF. Grande Valse brillante. Op. 6. (1 p. 40 к.) Chant du Berger. Op. 23. (60 к.) Chanson des Paysans de Bohême. (85 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Грусть дѣвушки. (40 к.) Гдѣ вы дни мои, дни весенніе (40 к.) Съ радости веселья. (40 к.) Нескажу ни кому. (40 к.)

ВИЛЬБОА. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) Моряки. Нелюдимо наше море. Дуэтъ. (1 р. 15 к.) Взошелъ на небо мѣсяцъ ясный. (70 к.) Отрадный мракъ волшебной ночи. Дуэтъ. (1 р. 15 к.)

ГУРИЛЕВЪ. Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.) Долголи же будешь, сердце ты томиться. (50 к.)

ДАРГОМЫЖСКІЙ Я все еще его люблю! Романсъ пѣтый съ большимъ успѣхомъ г-жею Віардо Гарціей (новое изданіе) (50 к.) Мечты мечты гдѣ ваша сладость. (75 к.) Богъ помочь вамъ! (50 к.)

ДЮРЪ. Пѣсня Вероники: О милый другъ, изъ-за могилы. (55 к.)

КОПЬЕВЪ. Не говори ни да ни нѣтъ! (40 к.)

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ. № 13. Садомъ садомъ кумасенка. (40 к.) № 14. Матушка голубушка. (30 к.) № 15. Мнѣ моркотно молоденкѣ (30 к.) № 16. Крамбамбули (30 к.) № 17. Тебяль забыть (30 к.) № 18. За Ураломъ за рѣкой (новое изданіе). (30 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

МОРКОВЪ. Торжественный маршъ изъ оперы: Осада Гента. (40 к.) Каватина (La mia letizia) изъ оперы: Ломбардцы. (40 к.)

ПЕТРОВЪ. Арія знаменитаго пѣвца Страделла. (70 к.)

САРЕНКО. Пѣсенка (La donna e mobile) изъ оперы: Риголетто. (40 к.) Cavatina de l'opéra: Maria di Rohan de Donizetti. (40 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ **Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.**

въ Большой-Морской, въ домѣ Лауффферта.

Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы какъ для пѣнія такъ и для всѣхъ инструментовъ въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ были бы они ни изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА,

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Ѳедоровымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ МОШКИНЪ чиновникъ. . . .	*Г. Самойловъ*
ПѢТУХОВЪ, маіоръ	
ПЕЛАГЕЯ ИВАНОВНА КОРИЦЫНА, старушка-вдова .	*Г-жа Самойлова.*
СОНИЧКА, ея племянница	

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Корицыной, въ С. Петербургѣ.

Небольшая, бѣдно-убранная комната. Налѣво, на первомъ планѣ, машинка для воды, на второмъ—дверь. Направо, на первомъ планѣ—столъ, на второмъ—печь. Въ глубинѣ, налѣво, шкафъ; близь шкафа, на полу, дамскій шляпный картонъ; въ срединѣ дверь. Направо, окно, сквозь стекла котораго виднѣнъ конецъ лѣстницы, приставленной снаружи къ стѣнѣ.

Сумерки, которыя постепенно къ концу пьесы переходятъ въ ночь.

—

I.

КОРИЦЫНА одна.

Г-ЖА КОРИЦЫНА (*съ сухарницей въ одной рукѣ и съ молочникомъ въ другой, отворивъ среднюю дверь, говоритъ за кулисами*). Да что́ вы привязались?.. Нельзя, говорю я вамъ... Я не принимаю къ себѣ мужчинъ, особенно такихъ молодыхъ, какъ вы! Что́?.. вы булочникъ?.. Да не все ли равно, кто бы вы ни были... вы всѣ на одну стать: всѣ волокиты? Что́-съ? Вы не съѣдите меня?.. Знаю, что меня-то не съѣдите... да у меня здѣсь молодая племянница... нѣтъ, вы меня не надуете: вы не за деньгами пришли, а хотите поглазѣть на Соничку. Экая надобность пришла, подумаешь, въ какомъ-нибудь цѣлковомъ!.. Хорошо-же, впередъ я не буду у васъ брать въ долгъ, да и совсѣмъ не буду брать булокъ... Не входите сюда... говорятъ вамъ!.. останьтесь въ кухнѣ: я сію минуту вынесу вамъ деньги за ваши черствые сухари... (*захлопываетъ дверь, замыкаетъ ее и, поставя на столъ сухарницу и молочникъ, уходитъ въ дверь направо*).

II.

МОШКИНЪ одинъ.

МОШКИНЪ (*отворивъ окно и показываясь на лѣстницѣ*). Ни здѣсь, ни на улицѣ ни души!.. (*влѣзаетъ въ окно и крадется на цыпочкахъ на авансцену*). Пользуясь сумерками и лѣстницей, которую оставилъ у этого окна красильщикъ, я, наконецъ, достигъ цѣли

моихъ желаній... (*подходя къ авансцен и раскланиваясь*). Имѣю честь рекомендоваться. Петръ Петровичъ Мошкинъ... Формуляръ мой не блестящъ... званіе—неважный чиновникъ!.. состоянія никакого... Лучшая статья его: двадцать пять лѣтъ отъ-роду!.. Отличительная черта характера—доброта и твердость! Сердечныя наклонности—страстная любовь къ обитательницѣ этихъ чертоговъ — милой, очаровательной Соничкѣ... Позвольте ужь кстати рекомендовать вамъ и предметъ моей страсти... Она... какъ вамъ сказать... сиротка, дѣвушка — и больше ничего... но это ничего составляетъ все... ей только семнадцать лѣтъ... личико ея прелесть прелестей... талія — стройная пальма... а ножки и ручки... ножки и ручки такія чудныя, что, просто, цѣловалъ-бы ихъ и день и ночь... Къ несчастью, или, быть-можетъ, и къ счастью, если взять въ соображеніе вообще нынѣшніе нравы мужескаго поколѣнія, Соничка моя живетъ здѣсь съ своей теткой, такой строгой, такой неприступной теткой, словомъ: съ такой мегерой теткой, которая не только неприступна на знакомства, но даже сквозь стекла не дозволяетъ любоваться на свою красавицу-племянницу... Надобно вамъ сказать, что я живу напротивъ ихъ квартиры и привыкъ-было любоваться на мою Соничку въ окно... но старая мегера лишила меня и этого наслажденія... Вотъ ужь третій день, какъ моя Соничка ни разу не подходила къ окну!.. Положеніе мое было ужасно!.. Дверь ихъ была для меня заперта... сойтись со старухой не было никакихъ средствъ... и вдругъ я узнаю, что наша мегера уѣхала куда-то изъ Петербурга... раздумывать было нечего... я увидѣлъ лѣстницу у окна... счастливая мысль блеснула въ головѣ—и вотъ я у нея... у моей прелестной Сончки!.. (*прислушиваясь*). Что это?.. Шумъ въ этой комнатѣ!.. Она, вѣрно, тамъ... посмотримъ въ щелочку... (*подходитъ къ двери и смотритъ въ замочную скважину; но въ это время входитъ Корицына со свѣчкой и Мошкинъ получаетъ ударъ дверью въ лобъ*).

III.

МОШКИНЪ и КОРИЦЫНА.

МОШКИНЪ. А!.. покорнѣйше благодарю!

КОРИЦЫНА (*ставя свѣчу на столъ, всторону*). Здѣсь нашъ сосѣдъ!

МОШКИНЪ (*взглянувъ на Корицыну*). Тетка! Мегера!.. Я пропалъ! Откуда она взялась?..

КОРИЦЫНА. Что́ вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь? Что́ вамъ угодно?

МОШКИНЪ. Что-съ?

КОРИЦЫНА. Я васъ спрашиваю, что́ вамъ угодно?..

МОШКИНЪ (*раскланиваясь*). Мнѣ?.. Какъ ваше здоровье?

КОРИЦЫНА. Тутъ дѣло не въ здоровьи... Я должна васъ предупредить, что мы не принимаемъ никого изъ мужчинъ...

МОШКИНЪ. Почему-же это?

КОРИЦЫНА. Потому-что я знаю ваше намѣреніе: вамъ хочется увидѣть мою племянницу...

МОШКИНЪ. А! если вы ужь это знаете, такъ позвольте мнѣ съ вами откровенно объясниться...

БУЛОЧНИКЪ (*за сценой, стуча въ дверь*). Каспожа Корицынъ.

КОРИЦЫНА. Ахъ, Боже мой! я совсѣмъ забыла объ этомъ булочникѣ!..

МОШКИНЪ. А! это булочникъ!.. (*кричитъ*). Не стучи! подожди немножко, каспадинъ нѣмецъ!

КОРИЦЫНА. Перестаньте, не кричите!..

МОШКИНЪ. Извините, я долженъ съ вами объясниться... (*раскланивается*). Имѣю честь рекомендоваться... Петръ Петровичъ Мошкинъ... чиновникъ... двадцать-пять-лѣтъ отъ роду...

КОРИЦЫНА. Мнѣ какое дѣло, кто вы такой!

МОШКИНЪ. А дѣло, изволите видѣть, такое, что у васъ есть племянница... которая, извините за откровенность, въ тысячу разъ прекраснѣе васъ! Я очень часто встрѣчалъ ее на улицѣ, какъ она носила свою работу... Она мнѣ нравится... очень нравится... я влюбленъ въ нее по уши и успѣлъ уже передать ей изустно чувства моего сердца...

КОРИЦЫНА. Милостивый государь!

МОШКИНЪ. Позвольте, не перебивайте, дайте мнѣ все пересказать. Племянница ваша меня замѣтила — я въ этомъ увѣренъ точно такъ-же, какъ увѣренъ въ томъ, что дважды два—четыре... я смѣю даже предполагать, что она частенько думаетъ обо мнѣ и, вѣроятно, шепчетъ про себя: «ахъ, что́ это за милый молодой человѣкъ, этотъ Мошкинъ!»

КОРИЦЫНА. Извините, вы ошибаетесь!.. Соничка моя никого не замѣчаетъ и не отличаетъ... Она васъ не любитъ!..

МОШКИНЪ. Ну, если не любитъ, такъ я ее люблю за двоихъ— это одно и то же!.. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, я долженъ васъ предупредить, что намѣренія мои чес тны и скромны...

КОРИЦЫНА. Знаю я ваши намѣренія... всѣ вы повѣсы и волокиты!

МОШКИНЪ. Я повѣса?

БУЛОЧНИКЪ (*за сценой*). Каспажа Корицынъ!..

МОШКИНЪ. Молчи, повѣса, можешь и подождать!.. (*Корицыной*). Нѣтъ-съ, я не повѣса!.. Я это докажу вамъ... Я намѣренъ жениться на вашей племянницѣ... Вчерашній день я подалъ даже просьбу въ департаментъ о выдачѣ мнѣ свидѣтельства на женитьбу...

КОРИЦЫНА. Неправда, вчера вы все утро проглядѣли въ свое окно, только понапрасну... Соничка моя ужь не будетъ сидѣть вотъ здѣсь, у окошка...

МОШКИНЪ. Позвольте... я ошибся... я подалъ третьягодня...

КОРИЦЫНА. Опять ложь! Третьягодня былъ праздникъ, стало-быть не было присутствія...

МОШКИНЪ. Да... дѣйствительно!.. Такъ это я ѣздилъ четвертагодня!..

КОРИЦЫНА. И это вздоръ! Четвертаго-дня вы проводили мою Сонич-ку до Литейной; и когда она сказала, что лучше-бы вамъ идти на службу, вы отвѣчали ей, что вы сказываетесь больнымъ и вовсе не ходите въ департаментъ!..

МОШКИНЪ (*всторону*). Какъ это глупо, что она пересказываетъ все своей мегерѣ!

БУЛОЧНИКЪ (*за сценой, стуча въ дверь*). Помилуйте, какъ долго мнѣ дожидать?

МОШКИНЪ (*кричитъ*). Да убирайся ты, если хочешь быть цѣлымъ!

КОРИЦЫНА. Мнѣ кажется, и вамъ-бы пора!

МОШКИНЪ. Мнѣ?.. Никогда!

КОРИЦЫНА. Такъ вы не хотите уйдти?..

МОШКИНЪ (*садясь на столъ*). Смотрите, какъ я ухожу!.. Но это вамъ нисколько не мѣшаетъ самимъ уйдти, куда угодно; я, какъ часовой, буду оберегать вашу племянницу...

КОРИЦЫНА (*взявъ со стола молочникъ*). Слушайте-же... если вы сію минуту не выйдете отъ насъ, такъ я васъ.. (*замахивается молочникомъ*).

МОШКИНЪ. Позвольте, что это у васъ?..

КОРИЦЫНА. Что-бы ни было, но ужь я не пожалѣю...

МОШКИНЪ (*выхвативъ у нея молочникъ*). А! славно!.. Нѣтъ, зачѣмъ-же понапрасно терять добро, я лучше выпью... (*пьетъ изъ молочника*).

КОРИЦЫНА. Вы еще вздумали шутить!.. погоди-же... если вы не выйдете, такъ я...

МОШКИНЪ. Что-съ?

КОРИЦЫНА. Я позову булочника, онъ вотъ тутъ, за дверью...

МОШКИНЪ. Не думаю... вы слышали, какъ я его пугнулъ... а вѣдь нѣмцы трусоваты...

КОРИЦЫНА. Хорошо-же!.. Вы думаете, что я женщина, такъ не справлюсь съ вами... но у меня есть руки...

МОШКИНЪ. Неприлично, вовсе неприлично, особѣ прекраснаго пола давать волю своимъ рукамъ...

КОРИЦЫНА. У меня есть щетка, кочерга...

МОШКИНЪ. Стало, будетъ беззащитный бой!.. я безъ оружія!.. Ну, нечего дѣлать...

Для рыцарей моей отчизны
Всего дороже въ свѣтѣ честь!..
Хотябъ-то стóило и жизни...

А я ужь не уйду...

КОРИЦЫНА (*внѣ себя*). Ну, такъ я рѣшусь на послѣднее средство: я васъ расцѣлую... (*приближается къ нему съ отверстыми объятіями*).

МОШКИНЪ (*отскакивая отъ нея*). Прощайте, сударыня!

КОРИЦЫНА. Слава Богу!

МОШКИНЪ (*подбѣжавъ къ срéдней двери, отмыкаетъ ее и, вынувъ ключъ, всторону*). Дѣло еще не проиграно: ключъ у меня въ рукахъ; мы этимъ воспользуемся ! (*кладетъ ключъ въ карманъ*). Прощайте, беззубая моя красавица! (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

IV.

КОРИЦЫНА одна, потомъ **МОШКИНЪ**.

КОРИЦЫНА. Я беззубая... но Богъ съ нимъ... мнѣ все равно... я очень рада, что избавилась отъ такого гостя. Пойду теперь пить чай. (*Уходитъ въ комнату направо*).

МОШКИНЪ (*отворивъ среднюю дверь и увидя входящую Корицыну*). Ай!.. (*прячется*).

КОРИЦЫНА (*входя*). Ахъ! я и забыла взять сухари... Я беззубая!.. (*уходитъ въ комнату направо*).

V.

МОШКИНЪ одинъ, выглянувъ въ среднюю дверь и не видя никого, выходитъ на авансцену.

Наконецъ, она убралась отсюда! Теперь она, вѣрно, будетъ пить чай, а потомъ, по обыкновенію, отправится или въ колбасную, или въ лавочку, заготовить что-нибудь къ ужину. Сонечка останется одна, и тогда-то настанетъ для меня блаженнѣйшій часъ въ жизни!..

О, часъ, о, часъ, часъ счастливыхъ мечтаній!..

Однакожь, куда я спрячусь до того времени?.. развѣ въ шкафъ? Нѣтъ, тутъ можетъ случится предурное происшествіе: старуха, пожалуй, уходя изъ дома, замкнетъ шкафъ—и тогда я останусь, какъ волкъ въ западнѣ. Что тутъ еще?.. машинка для воды!.. но она такъ мала, что не закроетъ и ногъ... да тамъ-же и вода, а моя комплекція такъ слаба, что я чуть промочу ноги, тотчасъ сдѣлается насморкъ... Вотъ и картонка тоже ни къ чему не послужитъ...впрочемъ, попробуемъ... (*опускаетъ въ нее ногу*). Ай, ай!.. да тамъ ужь кто-то спрятался! (*вынимая изъ картона женскую тляпку*). Что это я надѣлалъ!.. бѣдняжка! какъ я безчеловѣчно тебя уничтожилъ!.. Къ счастью, на Вознесенской у меня есть знакомая мадамъ, у которой отличный модный магазинъ... она исправитъ это дѣло!.. (*вставляетъ колѣнку въ шляпку и старается ее выправить*). А покуда выправимъ какъ-нибудь,.. Ну! лопнула!.. (*бросаетъ тляпку въ картонъ и закрываетъ его*). Покойся-же тамъ до той поры, пока тебя не исправитъ Шарлотта Густафьевна!.. Но куда-жь я въ-самомъ-дѣлѣ здѣсь спрячусь? Эта квартира расположена самымъ скареднѣйшимъ образомъ, и мебель вся такого рода, что не скроетъ и кончика моего носа.. (*обращаясь къ двери съ правой стороны*). Для чего, спрашиваю я тебя, о старая мегера! стала ты неодолимою преградою между достойнымъ молодымъ человѣкомъ, который страстно любитъ твою племянницу, и между прекрасною твоею племянницею, которая неменѣе страстно можетъ любить такого достойнаго молодаго человѣка?.. Да, для чего, спрашиваю я тебя?.. отвѣчай-же!.. Что?.. ты говоришь, что этого требуютъ приличіе и нравственность... Тебѣ-ли говорить о нравственности! Я вѣдь знаю тебя вдолъ и поперегъ... не даромъ-же я раздавалъ гривенники вашему дворнику!.. Ты хоть и живешь въ этомъ домѣ только пять лѣтъ, но у тебя, четыре года тому назадъ, была старая кухарка, которая жила у тебя съ молодости, она-то, по сердечнымъ наклонностямъ, или другимъ причинамъ, которыхъ я не хочу и знать, передала въ разсказѣ

всѣ твои проказы дворнику Никитѣ... Гривенники развязали его языкъ и я знаю всю твою подноготную, не хуже твоего біографа, еслибъ только удостоили чести составить изъ твоей жизни библіографическій очеркъ для какого-нибудь журнала!... Къ чему, спрашиваю я, назадъ тому лѣтъ тридцать, хаживалъ къ тебѣ длинно-усый и чрезмѣрно длинно-рослый уланскій поручикъ?.. Не преподавалъ ли онъ тебѣ ужь правила нравственности, старая мегера! Да, да, ты старая мегера; нѣтъ Тебѣ другаго названія! (*про себя*). Еслибъ удалось мнѣ познакомиться съ какимъ-нибудь служакой, этакимъ, какъ говорится, древнимъ воиномъ, тотъ бы... (*скача отъ восторга*). Браво! я совсѣмъ позабылъ: у меня есть пріятель совершенно въ такомъ родѣ!.. Я его отыщу сію минуту... онъ явится сюда... представитъ меня этой мегерѣ, какъ своего племянника, или внука... меня пригласятъ пить чай... я останусь пить чай... потомъ оставятъ ужинать... я останусь ужинать!.. Наконецъ... (*танцуя*) Тра, ла, ла... о, необыкновенный умъ!.. о, находчивость!.. о...

КОРОЦИНА (*за сценой*). Кто тамъ?

МОШКИНЪ. Голосъ мегеры!.. Прощай же, старая колдунья, до радостнаго свиданья!.. (*убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

VI.

СОНИЧКА, входя, изъ двери направо.

Кто здѣсь?.. (*осматривая*). Никого! а мнѣ какъ-будто послышался голосъ... Ну, слава Богу, мнѣ удалось его спровадить отсюда, и я теперь могу быть спокойна...

Теперь остатся мнѣ не страшно
И безъ сѣдинъ и безъ чепца,
Теперь могу я безопасно
Стряхнуть лѣтъ тридцать пять съ лица!
Какое бъ было наслажденье,
Когда-бы мы въ одно мгновенье
Могли, по щущьему велѣнью,
И молодѣть
И хорошѣть!
Зато, по мнѣ, безчеловѣчно
Остаться дѣвушкою вѣчно!
Ужь лучше умереть, конечно,
Чѣмъ постарѣть
И подурнѣть!

Старушкой быть мнѣ надоѣло,
Все надо охать, да ворчать!..
Теперь-же, какъ помолодѣла,
Могу я пѣть и хохотать!..
Какое бъ было наслажденье... *и пр.*

(*садится съ работой къ столику*). Скажите пожалуйста, что́ такое сдѣлали бѣдныя дѣвушки этимъ несноснымъ мужчинамъ? За что они ихъ преслѣдуютъ?.. Ни одна хорошенькая дѣвушка въ Петербургѣ не можетъ выдти на улицу безъ того, чтобы не привязался къ ней доро́гой какой-нибудь повѣса!.. Покуда была здѣсь тетушка и провожала меня... все шло прекрасно! взглянутъ, бывало на меня однимъ глазомъ—и улыбнутся... но увидя вдругъ другимъ тетушку—сдѣлаютъ гримасу и пойдутъ своей дорогой! Теперь, съ-тѣхъ-поръ, какъ она уѣхала въ Ладогу... (*вставая*) просто, проходу мнѣ не даютъ... (*подражая разнымъ голосамъ мужчинъ*). «Позвольте васъ просить, сударыня... Скажите, далеко ли вы идете?.. Смѣю спросить, гдѣ вы изволите жить?..» Словомъ-сказать, въ два, три дня я столько натерпѣлась страху, такихъ наслушалась пошлостей и дерзостей, что боялась и на минуту выдти на удицу! Эти гадкіе мужчины такъ напугали меня, что мнѣ пришлось-бы остаться безъ работы и сидѣть голодомъ, безвыходно дома!.. Къ счастью, попался мнѣ въ руки вотъ этотъ старый романъ... (*взявъ со стола книжку*). Я начала, со скуки, читать... и представьте, какое счастіе! это не романъ, а просто сокровище!.. Въ немъ, между-прочимъ, описывается жизнь одной бѣдной дѣвушки, которая, какъ и я, осталась безъ тетки... Ей точно такъ-же, какъ и мнѣ, рѣшительно не давали покоя мужчины... Наконецъ, она изобрѣла чудесное средство: стала одѣваться старухой и въ этомъ видѣ выходила на улицу;—съ-тѣхъ-поръ, какъ рукой сняло: всѣ начали отъ нея отворачиваться... (*положа книгу на столъ*). Я воспользовалась этимъ, и вотъ, слава Богу, теперь совершенно покойна... Выхожу безъ страха изъ дома, никто на меня не глядитъ; а кто и взглянетъ—отвернется да и всторону... даже этотъ молодой человѣкъ, что живетъ напротивъ насъ, и тотъ бѣгаетъ отъ меня!.. (*смѣясь*). Я навожу, просто, страхъ на всѣхъ мужчинъ!... Конечно, мнѣ смѣшно и весело, что они меня не узнаютъ... однакожъ, подъ-часъ... Все-таки мнѣ досадно, что я должна скрывать и мои густые волосы подъ чепцомъ, и мою стройную талію подъ мантильей, и даже быстрые мои глаза должна закрывать очками... Особенно досадно бываетъ, когда встрѣчается мнѣ нашъ сосѣдъ!.. Ахъ!.. еслибъ этотъ повѣса зналъ, что́ онъ сдѣлалъ съ моимъ сердцемъ!.. А что́ прикажете дѣ-

лать?.. Ему нельзя показать и тѣни расположенія... Вотъ онъ, несмотря на мою скромность, осмѣлился даже придти сюда, къ намъ въ квартиру... Хорошо еще, что я была въ это время тетушкой!.. не будь я моей тетушкой... что́ стало-бы съ ея бѣдной племянницей? Ха, ха, ха!.. (*слышенъ стукъ за дверью*). Что́ это? Кто тамъ?

ГОЛОСЪ МУЖЧИНЫ. Я!

СОНИЧКА. Но кто вы?...

ГОЛОСЪ. Я! маіоръ Пѣтуховъ!

СОНИЧКА. Пѣтуховъ? я не знаю никакого Пѣтухова.

ГОЛОСЪ. Мнѣ нужно поговорить.

СОНИЧКА. Съ кѣмъ?

ГОЛОСЪ. Съ госпожею Корицыной...

СОНИЧКА. Съ тетушкой?... Но какое вы имѣете до нея дѣло?...

ГОЛОСЪ. Дѣло очень важное и интересное...

СОНИЧКА. (*всторону*). Важное и интересное дѣло!... (*Смотря въ замочную скважину*). О, да это старикъ!

ГОЛОСЪ. Отворите же мнѣ...

СОНИЧКА. (*всторону*). Отворено ужь и безъ того... Не понимаю, куда дѣвался ключъ... (*вслухъ*) Войдите!...

VII.

СОНИЧКА, МОШКИНЪ Мошкинъ одѣтъ въ старинное партикулярное платье, онъ съ сѣдыми усами; подъ мышкой зонтикъ, на глазахъ очки, на лбу зонтикъ.

МОШКИНЪ (*входя*). Позвольте узнать... Пелагея Ивановна Корицына.

СОНИЧКА. Она живетъ здѣсь... Это моя тетушка...

МОШКИНЪ. А! вы ея племянница?... Очень радъ! очень радъ!... Могу сказать, прекрасная племянница!... У меня самого могла бы быть племянница, но вышло иначе: Богъ даровалъ мнѣ племянника!... Хе, хе, хе!.. Позвольте, однакожь, узнать, Пелагея Ивановна...

СОНИЧКА. Она... А вы хорошо знаете мою тетушку?

МОШКИНЪ. То-есть, какъ вамъ сказать... если признаться откровенно... я... то-есть... я не имѣю чести ее знать... но несмотря на то... собственно для ея интереса... мнѣ надо поговорить съ нею...

СОНИЧКА. Но вы можете сказать мнѣ, что́ нужно — это одно и тоже...

МОШКИНЪ. Ну нѣтъ-съ, не одно и тоже... Есть вещи, которыхъ не должны вовсе знать молодыя особы, какъ, напримѣръ, вы... (*взявъ*

стулъ). Но не безпокойте ее, если она занята... я могу подождать, сколько вамъ угодно...

СОНИЧКА. (*всторону*). Однакожь, это любопытно... Онъ не знаетъ тетушки и хочетъ ей передать какой-то важный секретъ... (*Вслухъ*) Извините... я сейчасъ ей скажу...

МОШКИНЪ. (*взявъ ее за руку*). Ахъ, пожалуйста, не безпокойте ее.

СОНИЧКА. Но вы сами говорите, что имѣете къ ней важное дѣло...

МОШКИНЪ. Очень важное... (*цѣлуя ея руку*) но все-таки не безпокойте ее...

СОНИЧКА. Но если это такъ для нея интересно...

МОШКИНЪ. Чрезвычайно интересно... (*цѣлуя ей снова руку*). Однакожъ, не безпокойте ее...

СОНИЧКА. (*всторону*). Какой странный этотъ старичокъ!... А любопытно очень узнать... (*Идя къ двери направо*): Тетушка! тетушка! васъ спрашиваютъ!... Она сію минуту къ вамъ явится... (*Уходитъ*).

VIII.

МОШКИНЪ, одинъ, бросая въ дверь свою шляпу.

МОШКИНЪ. Браво! браво! начало удалось!... О, еслибъ только не эти сѣдые волосы!... Они рѣшительно запрещаютъ мнѣ выказать весь пламень, пожирающій мое сердце... а то бы, не знаю даже что́ бы я ей наговорилъ!... особенно когда была въ моихъ рукахъ, у моихъ горячихъ губъ ея маленькая, пухленькая ручка!... Но тише! вооружись терпѣніемъ, шалунъ! будь разсудителенъ и скрой до времени свои страстныя чувства подъ сѣдымъ парикомъ маіора Пѣтухова!... Да! я, наконецъ опять у нея... и зато, ужь если явился сюда по собственному пламенному желанію, такъ и выпроводятъ меня отсюда развѣ только силою огнестрѣльнаго оружія, котораго, признаться, я терпѣть не могу!.. (*Размышляетъ*) Но что́ жь я буду врать этой старой мегерѣ?... Она увидитъ вдругъ человѣка, котораго никогда не видала... судя по этому, ей очень трудно будетъ и узнать ту особу, который она вовсе не знала!... Оно, конечно, неестественно, невѣроятно, не въ порядкѣ вещей, но потому-то именно и можетъ быть удачно!... Не робѣй же, Мошкинъ.

Держи востре́е только ухо!
Будь дерзокъ такъ, какъ свѣтскій фатъ,
Болтливъ, какъ сплетница старуха,
И смѣлъ, какъ на войнѣ солдатъ!

Будь остороженъ, какъ любовникъ,
Самоувѣренъ, какъ дантистъ,
И позабудь, что ты чиновникъ:
Ты здѣсь сценическій артистъ.

Вотъ она! (*Кашляя*). Гумъ! Гумъ!.. Буду непремѣнно кашлять: эти паузы дадутъ мнѣ возможность избѣгать запятыхъ въ разговорахъ...

IX.

МОШКИНЪ, СОНИЧКА, старухой, выходитъ изъ дверей направо.

МОШКИНЪ (*кашляя*), Гумъ! Гумъ!

СОНИЧКА (*всторону*). Мнѣ не пришло въ голову, что всѣ старые люди кашляютъ... примусь же и я кашлять... (*кашляя*). Гумъ! Гумъ!

МОШКИНЪ (*всторону*). Ну, и у нея кашель!.. Постараюсь же я кашлять посильнѣе... (*раскланиваясь и кашляя сильнѣе*). Имѣю честь... Гумъ! Гумъ!..

СОНИЧКА (*всторону*). Нѣтъ, я кашляю не такъ натурально, какъ онъ... Попробуемъ...

ОБА (*кашляя вмѣстѣ*). Гумъ, гумъ, гумъ!

МОШКИНЪ (*всторону*). Пора, однакожь, кончить этотъ концертъ... (*Соничкѣ*) Какой у васъ сильный кашель, сударыня; не угодно ли вамъ этихъ пастилекъ... (*вынимаетъ папиросницу и тотчасъ-же ее прячетъ*). Не то вынулъ!., это папиросница.

СОНИЧКА. Покорнѣйше благодарю. Теперь мнѣ лучше...

МОШКИНЪ. Лучше?.. ну, тѣмъ лучше!.. (*всторону*). Странно, языкъ мой что-то прилипаетъ...

СОНИЧКА. Мнѣ сказала племянница, что вамъ нужно поговорить со мною, по какому-то дѣлу...

МОШКИНЪ. Это дѣло, какъ нельзя лучше, можетъ объяснить вамъ моя наружность...

СОНИЧКА. Ваша наружность?

МОШКИНЪ. Да-съ!.. Поглядите-ка на меня хорошенько: неужели вы меня не узнаете?.. (*всторону*). Ну! задалъ задачу! пустилъ бомбу!

СОНИЧКА (*всторону*). Такъ онъ солгалъ давеча: тетушка его вѣрно знаетъ... (*вслухъ*). Право... я смотрю на васъ... на...

МОШКИНЪ. И вы не узнаете повѣсу... шалуна Пѣтухова? (*всторону*). Еще пущена бомба!

СОНИЧКА (*какъ-бы припоминая*). Пѣтухова?.. (*всторону*). Если тетушка его знаетъ, такъ, мнѣ кажется, и я могу смѣло узнать его. (*вслухъ*). Позвольте... позвольте... Пѣтуховъ...

МОШКИНЪ. Ну, помните... брюнетъ... съ черными усиками... въ уланской шапкѣ... который еще когда-то...

СОНИЧКА. Ахъ, Боже мой... ужь это очень давно...

МОШКИНЪ. Именно очень давно!.. Наконецъ вы припомнили... да какъ вамъ и не припомнить повѣсу Пѣтухова!

СОНИЧКА. Да, да... да... да...

МОШКИНЪ (*всторону*). Наконецъ она меня узнала!.. (*вслухъ*). Правда! я ужь теперь не тотъ... немножко измѣнился... постарѣлъ... подурнѣлъ!.. А вы... вы все тѣ же!.. Какъ вы это, право, умѣли сохранить эти глазки, этотъ носикъ, этотъ ротикъ? какимъ это способомъ?.. Ужь не отрыли-ли вы гдѣ-нибудь источникъ живой воды?.. (*всторону*). Экъ я ее бомбардирую... теперь ужь она у меня не устоитъ!..

СОНИЧКА (*всторону*). Вѣрно я и въ видѣ тетушки несовсѣмъ еще дурна... (*вслухъ*). Ахъ, какъ вы мнѣ льстите!..

МОШКИНЪ. Нѣтъ, клянусь честью... Хе, хе, хе!.. странно, право, послѣ такого долгаго времени... согласитесь, вѣдь ужь очень много времени...

СОНИЧКА. Да... ужь очень много времени!.. но все это, однакожь, не объясняетъ мнѣ дѣла, по которому вы...

МОШКИНЪ. Сію минуту я буду имѣть честь объяснить вамъ все, что̀ слѣдуетъ... (*всторону*). Если только придумаю что̀-нибудь... (*вслухъ*). Но прежде не мѣшало-бы намъ присѣсть, потому-что въ наши лѣта и когда предстоитъ довольно-длинный разговоръ... (*кладетъ возлѣ себя шляпу и зонтикъ*).

СОНИЧКА (*всторону*). Что́-жъ это хочетъ онъ сказать тетушкѣ?.. (*Садится. Вслухъ*). Я васъ слушаю...

МОШКИНЪ (*сидя и взявъ ее за руку*). По пріѣздѣ въ Петербургъ, первою мыслью моею было увидать поскорѣе мою безцѣнную Полину!..

СОНИЧКА. Полину?

МОШКИНЪ. Да-съ! Развѣ вы уже забыли свое прежнее имя?..

СОНИЧКА (*всторону*). Какова тетушка! Называлась, вмѣсто Пелагеи, Полиной!

МОШКИНЪ. Скажите, зачѣмъ вы измѣнили это имя?

СОНИЧКА. Ахъ... на это были причины.

МОШКИНЪ. Причины?.. но я скроменъ... не спрашиваю васъ о нихъ...

СОНИЧКА (*всторону*). И хорошо дѣлаешь!

МОШКИНЪ (*всторону*). Она во всемъ соглашается со мною... Кажется, предобрѣйшая женщина!

СОНИЧКА. Но, позвольте, это дѣло...

МОШКИНЪ. Какъ теперь помню... это было передъ турецкимъ походомъ...

СОНИЧКА. Такъ это дѣло относится къ турецкому походу?..

МОШКИНЪ. Нѣтъ... я говорю собственно о себѣ... Я припомнилъ, что видѣлъ васъ въ послѣдній разъ передъ турецкимъ походомъ... Боже мой! какія вы были тогда модница и кокетка!..

СОНИЧКА (*жеманясь*). Ахъ, мало-ли что было!..

МОШКИНЪ (*всторону*). Каковъ я!.. И тутъ навѣрнякъ пустилъ бомбу!

СОНИЧКА (*всторону*). Нѣтъ, какова моя тетушка!.. Сама модничала и кокетничала, а мнѣ запрещаетъ!

МОШКИНЪ. Какъ теперь гляжу на васъ... вы изъ первыхъ начали танцовать французскій кадриль... Боже ты мой! Какъ вы танцовали... Это не то, какъ танцуютъ теперь барышни... ходятъ, словно на гуляньи — нѣтъ; вы выдѣлывали самыя труднѣйшія па, не хуже г-жи Истоминой!... Я еще, бывало, смотрю и вспомню стихи Пушкина:

Одной ногой касаясь пола,
Другою въ воздухѣ кружитъ,
И вдругъ прыжокъ... и вдругъ летитъ...
Летитъ, какъ пухъ...

(*Всторону*). Еще бомба!..

СОНИЧКА (*кокетничая*). Хе, хе, хе!.. (*всторону*). Какова тетушка! А мнѣ запрещаетъ танцовать!

МОШКИНЪ. А какой голосъ былъ у васъ!.. рѣшительно Каталани!.. Еще вы пѣли... удивительно, какъ пѣли... очаровательно пѣли: «По всей деревнѣ, Катенька!..» Ахъ, Алина! Алина! сколько сладкихъ воспоминаній!..

СОНИЧКА. Какъ, Алина!.. Вы сейчасъ говорили, что я называлась Полиной?

МОШКИНЪ. Да... ты... ты — Полина!

СОНИЧКА (*всторону*). Скажите пожалуйста, да ужь онъ говоритъ мнѣ ты!

МОШКИНЪ. Я теперь говорю о другой... Ну, вотъ объ этой Алинѣ... вы хорошо знаете... неужели вы забыли?..

СОНИЧКА. Нѣтъ, нѣтъ... теперь я вспомнила!

МОШКИНЪ (*всторону*). Какова находчивость!.. Она знаетъ даже и Алину!.. (*вслухъ*). Помните еще... Алина было хотѣла отбить у васъ этого генерала...

СОНИЧА. Какого генерала?..

МОШКИНЪ (*всторону*). Спрашиваетъ еще: какого генерала!.. Видно, у нея былъ не одинъ!.. (*вслухъ*). Ну, знаете... этого... вотъ еще который былъ такъ ревнивъ!

СОНИЧКА. Ахъ да... да!..

МОШКИНЪ. Еще помните, въ одно прекрасное утро онъ явился къ вамъ... кажется, въ гусарскомъ... или въ драгунскомъ мундирѣ?.. Нѣтъ, въ гусарскомъ... или въ драгунскомъ... да помогите мнѣ припомнить...

СОНИЧКА. Но я, право, не помню...

МОШКИНЪ. Вы не помните?

СОНИЧКА. Нѣтъ!

МОШКИНЪ (*взглянувъ на нее пристально и вставая*). О, такъ вы меня обманули!.. Вы не госпожа Корицына.

СОНИЧКА (*вставъ поспѣшно*).. Неправда! я Корицына!

МОШКИНЪ. Ну, если вы Алина... то-есть Полина... то-есть понынѣшнему Пелагея Ивановна Корицына, такъ скажите мнѣ, какъ звали этого генерала...

СОНИЧКА (*поспѣшно*). Постойте... Я теперь точно припоминаю... онъ былъ въ драгунскомъ... или нѣтъ... въ гусарскомъ мундирѣ... Да... я теперь очень хорошо помню!

МОШКИНЪ. Ну, видите! Я не солгалъ... я никогда не лгу!.. (*всторону*). Это удивительно, какъ бомбы мои мѣтко падаютъ!.. (*вслухъ*). Я совершенно сохранилъ свою память... если хотите, я могу даже разсказать вамъ всѣ ваши любовныя проказы!..

Вотъ формуляръ всѣхъ вашихъ штучекъ:
Сперва васъ прапорщикъ плѣнилъ,
За нимъ, по рангамъ, подпоручикъ,
Потомъ поручикъ побѣдилъ;
Потомъ нанесть вамъ въ сердце рану
Штабсъ-капитану удалось,
Потомъ, въ порядкѣ, капитану,
А тамъ маіору привелось.
За подполковникомъ—мѣстечко
Полковникъ въ вашемъ сердцѣ взялъ,
А въ заключеніе, сердечко
Вамъ оконтузилъ генералъ!
За нимъ была-ль какая свита —
Не знаю: мы ушли въ походъ...
И какъ затѣмъ все въ мракѣ скрыто
То счетъ мой далѣе нейдетъ!..

СОНИЧКА (*всторону*). Ай, да тетушка!.. (*увидя, что Мошкинъ идетъ къ двери направо*). Что̀ это, куда онъ идетъ?.. Послушайте, куда вы?.. Скажете-ли вы, наконецъ, по какому дѣлу вы ко мнѣ пожаловали?..

МОШКИНЪ. Какъ по какому дѣлу?.. Кажется, я ужь вамъ много наговорилъ дѣльнаго... Впрочемъ, если угодно, я начну снова... у меня много свободнаго времени...

СОНИЧКА. Но мнѣ-то некогда... и я хочу знать...

МОШКИНЪ (*всторону*) Что̀ жь я еще буду ей болтать?..

СОНИЧКА (*взявъ шляпу и зонтикъ, подаетъ ихъ Мошкину*). Меня ждетъ племянница... и потому ..

МОШКИНЪ (*взявъ шляпу и зонтикъ, поспѣшно*). Племянница?.. Позвольте... вотъ оно... вотъ настоящее-то дѣло, по которому я имѣлъ честь явиться къ вамъ...

СОНИЧКА. Моя племянница?.. Софья?..

МОШКИНЪ (*забывшись*). Чудная, восхитительная дѣвушка!.. Прелесть-прелестей!.. красота изъ красотъ!..

СОНИЧКА (*забывшись также*). Полноте... вы ужь черезчуръ мнѣ льстите!

МОШКИНЪ. Вамъ?

СОНИЧКА (*спохватясь*). Нѣтъ!.. то-есть... вы понимаете.. Я люблю ее, какъ дочь!.. и потому...

МОШКИНЪ (*всторону*). Какъ дочь!.. Ну, такъ это не тетка ея?.. (*съ удареніемъ*). Я готовъ пари держать, что она не тетка ея!

СОНИЧКА. Что̀ вы говорите!

МОШКИНЪ (*всторону*). Во что̀ бы то ни стало, а ужь я заставлю ее сознаться!.. (*кладетъ шляпу въ машинку, которая безъ крышки, а зонтикъ ставитъ подлѣ нея*).

СОНИЧКА. Что̀-жъ вы замолчали?

МОШКИНЪ (*всторону*). Послушайте, милѣйшая моя Пелагея Ивановна!.. (*движеніе Сонички*). Вы, повидимому, очень удивились, что я съ такимъ жаромъ разхваливаю вашу племянницу... Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда вы все узнаете... Скажите, вѣдь вашей Соничкѣ теперь девятнадцать лѣтъ?

СОНИЧКА. Да, девятнадцать!

МОШКИНЪ. О, Боже!

СОНИЧКА. Что̀ съ вами?

МОШКИНЪ Девятнадцать лѣтъ!.. А двадцать лѣтъ тому назадъ...

СОНИЧКА. Что̀-же было двадцать лѣтъ тому назадъ?

МОШКИНЪ. И вы забыли!.. Вспомните-ка...

СОНИЧКА. Да что́ такое?.. (*всторону*). Что́ онъ хочетъ, чтобъ я вспомнила?

МОШКИНЪ. И вы еще спрашиваете, что́ такое, тогда-какъ ваши воспоминанія должны совершенно гармонировать съ моими!.. Вы...

СОНИЧКА. Я...

МОШКИНЪ (*съ крикомъ*). А! наконецъ вы вспомнили!.. Вы сознаетесь!.. Нѣтъ болѣе сомнѣнія...

СОНИЧКА. Да что́ такое?

МОШКИНЪ (*съ энтузіазмомъ*). Гдѣ она? Гдѣ моя дочь?.. Дайте мнѣ мою дочь!.. Я хочу благословить мою дочь!..

СОНИЧКА (*съ удивленіемъ*). Ваша дочь!.. Вы говорите, что моя племянница...

МОШКИНЪ. Ваша племянница можетъ быть для цѣлаго свѣта вашей племянницей— прекрасно!.. Я не осуждаю васъ за это!.. Но для меня... для ея отца...

СОНИЧКА. Вы, отецъ!., о, нежели!..

МОШКИНЪ (*всторону*). Видите, я сказалъ, что она сознается...

СОНИЧКА. Ради Бога, не обманывайте меня!

МОШКИНЪ (*съ жаромъ*). Васъ обманывать... васъ Алина... то-есть Полина!.. когда самыя воспоминанія ваши говорятъ вамъ...

СОНИЧКА (*всторону*). Я не могу придти въ себя!.. Я, племянница тетушки... я дочь...

МОШКИНЪ. Гдѣ моя дочь?.. (*хочетъ идти въ комнату направо*). Дочь моя!..

СОНИЧКА. Постойте, я сію минуту пришлю ее къ вамъ!

МОШКИНЪ. Боже мой!.. Какъ я ее расцѣлую!..

СОНИЧКА. Вы...

МОШКИНЪ. Расцѣлую ее самымъ отеческимъ образомъ... (*всторону*). и другимъ... (*вслухъ*). Бѣгите же, Полина... бѣгите... и если вамъ не совсѣмъ ловко будетъ явиться ко мнѣ вмѣстѣ съ моею дочерью...

СОНИЧКА. Да... дѣйствительно, мнѣ несовсѣмъ будетъ ловко...

МОШКИНЪ. Такъ и не безпокойтесь!.. (*всторону*). Ты мнѣ вовсе не нужна, старая колдунья!.. (*вслухъ*). Не безпокойтесь, я увольняю васъ отъ этого свиданія!

СОНИЧКА (*всторону, уходя*). Онъ... онъ былъ... а тетушка не была... то-есть была... Боже мой! голова кругомъ идетъ!.. Сама не знаю, что́ говорю!..

(*Уходитъ въ комнату направо*).

X.

МОШКИНЪ одинъ.

МОШКИНЪ (*смѣясь*). Удивительная женщина... необыкновенная старуха!.. Такая старуха, что только-бы ее живую поставить въ рамку... Но какъ живыхъ у насъ не ставятъ въ рамку, то я... чего-бы ужь это не стоило, хоть пришлось-бы взять денегъ въ долгъ безъ отдачи... закажу дагерротипный ея портретъ у Левицкаго и вставлю въ хорошую рамку, самаго новѣйшаго фасона а ля рококо или, а ля... чертъ знаетъ что!.. Все идетъ у меня, какъ по маслу, съ этой... ум!.. А я еще прозвалъ ее мегерой!.. Теперь даже стыдно, что я такую добрѣйшую душу называлъ мегерой: во всемъ соглашается со мною... И Пѣтухова знаетъ... и какую-то Алину... и генерала... и вѣритъ мнѣ во всемъ на слово, безъ подписокъ, безъ документовъ... вѣритъ, что я и Пѣтуховъ и отецъ... Да... одно только... если она, въ-самомъ-дѣлѣ такъ перемѣнчива была въ сердечныхъ наклонностяхъ, какъ я ее увѣрялъ— а она согласилась со мною — то, признаюсь, не совсѣмъ-то пріятная репутація у нея!.. Примѣръ заразителенъ... вѣдь этакъ, пожалуй, и племянница... О, что я говорю!.. Можетъ ли быть, чтобъ моя Соничка... прелесть-прелестей, красота изъ красотъ, типъ скромности девятнадцатаго столѣтія... походила хоть сколько-нибудь на кокетку!.. Да и кто мнѣ мѣшаетъ, когда я женюсь, проводить эту тетушку куда-нибудь въ глушь, въ Саратовъ!..

Кути, валяй голова!
Мнѣ теперь все трынъ-трава!
Что ни будетъ, все равно...
У меня въ умѣ одно,
Чтобъ жениться поскорѣй
Мнѣ на Соничкѣ моей!
А какъ только я женюсь,
Теткѣ низко поклонюсь.
Не угодно-ли, молъ, вамъ
Къ старымъ, миленькимъ дружкамъ...
Къ Пѣтуховымъ и другимъ
Обожателямъ своимъ!
И тогда-то ужь вдвоемъ
Мы на славу заживемъ!
Хоть безъ денегъ и связей,
Но зато и безъ друзей!
О, судьба, судьба моя!
На тебя надѣюсь я...
Не сули мнѣ журавлей,
Дай синицу поскорѣй...

Поскорѣй жену доставь,
А отъ тетушки избавь!
Кути, валяй голова!
Мнѣ теперь все трынъ-трава!..
(*Вертится, скачетъ и проч.*)

СОНИЧКА (*за кулисами*). Сейчасъ иду, тетушка...

МОШКИНЪ. Голосъ Сонички!.. Исправимъ скорѣй парикъ и очки...

СОНИЧКА (*также голосомъ Корицыной*). Смотри-же, будь почтительна, мой дружокъ!..

МОШКИНЪ. Вотъ голосъ и нашей милой тетушки!.. Примемся-же опять за кашель... Гумъ, гумъ, гумъ!..

XI.

МОШКИНЪ, СОНИЧКА, въ своемъ видѣ.

СОНИЧКА (*выходя изъ комнаты направо, встрону*). Я еще не могу придти въ себя, послѣ того, что́ слышала...

МОШКИНЪ. Подойдите, подойдите сюда, мое безцѣнное дитя... позвольте мнѣ... (*цѣлуетъ ее*). Не конфузьтесь... мы ужь условились по этому предмету съ вашей тетушкой!

СОНИЧКА. Да-съ, я знаю... (*встрону*). Боже мой!.. какъ онъ мнѣ объявитъ?..

МОШКИНЪ. Еще, еще разъ... (*цѣлуетъ*). Мы ужь условились по этому предмету съ вашей тетушкой... Дайте другую щечку... мы ужь условились... (*цѣлуетъ ее въ другую щеку*).

СОНИЧКА (*встрону*). Что́ это, какъ онъ меня цѣлуетъ!.. Однакожь, это очень натурально...

МОШКИНЪ. Ну-съ... Ну, что́ ваша тетушка?.. Что́ она вамъ сказала?..

СОНИЧКА. Она сказала, что почтенный мужчина... очень почтенный...

МОШКИНЪ. Да, да!..

СОНИЧКА. Желаетъ меня видѣть и поцѣловать...

МОШКИНЪ. Да, да!.. (*цѣлуетъ*). Ну-съ, только она вамъ и сказала?

СОНИЧКА. Да-съ, только...

МОШКИНЪ. И рѣшительно больше ничего?..

СОНИЧКА. Больше ничего!

МОШКИНЪ. А гдѣ-жь теперь... гдѣ ваша почтенная, добрѣйшая тетушка?

СОНИЧКА. Она тамъ... въ комнатѣ, подлѣ кухни... довольно-далеко... такъ-что трудно услышать ея голосъ...

МОШКИНЪ (*всторону*). Превосходно! Если мнѣ трудно услышать ея голосъ... такъ и ей также трудно услышать мой... стану-же сочинять варіаціи на мою тему... (*вслухъ*). И такъ... я могу, наконецъ, открыть вамъ причину, которая привела меня къ вамъ... Я долженъ вамъ сказать, что у меня... у меня есть дитя...

СОНИЧКА (*всторону*). Ахъ, я сама не своя!.. Сію минуту онъ назоветъ меня дочерью!

МОШКИНЪ. У меня... у меня есть сынъ!

СОНИЧКА (*поспѣшно*). Что-съ?

МОШКИНЪ. Прекрасный молодой человѣкъ... съ отличными достоинствами... съ чудной душой!.. Этотъ молодой человѣкъ любитъ васъ... что я говорю любитъ—обожаетъ!..

СОНИЧКА. Меня?.. (*всторону*). Странно! онъ теперь говоритъ совсѣмъ другое!..

МОШКИНЪ. И я явился, безъ церемоній, сватомъ къ вашей тетушкѣ...

СОНИЧКА. Вы...

МОШКИНЪ. Да-съ!.. Сію минуту я просилъ у нея вашу руку для моего сына!..

СОНИЧКА. У тетушки?..

МОШКИНЪ. Развѣ она вамъ не сказала этого?..

СОНИЧКА. Мнѣ?.. нѣтъ!..

МОШКИНЪ. Ахъ, старая вѣтренница!.. Я ее узнаю по этому!.. Дайте-же мнѣ вашу руку и отправимся къ моему сыну... Мы ужь условились по этому предмету съ вашей тетушкой... (*Хочетъ ее вести*).

СОНИЧКА. Нѣтъ, нѣтъ... я не могу... (*всторону*). Боже мой! ужь не мошенникъ ли это какой!

МОШКИНЪ (*нѣжно*). Пойдемте, ради Бога, пойдемте!.. Мой добрый сынъ ожидаетъ васъ!

СОНИЧКА (*со страхомъ*). Боже мой! какъ вы на меня странно глядите... И вовсе не въ очки... а просто...

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ лучше разсмотрѣть васъ!.. (*старается ее обнять*).

СОНИЧКА (*увертываясь*). Зачѣмъ вы хотите меня обнять?..

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ поддержать васъ... вамъ легче будетъ идти...

СОНИЧКА. Странно... Вы такъ стары... а у васъ такіе чудесные зубы...

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ съѣсть васъ, моя прелесть!

СОНИЧКА. Ай!.. (*отбѣгая отъ него и крича*). Вы не старикъ! вовсе не старикъ!

МОШКИНЪ. А! если такъ... Если я не старикъ, такъ къ черту парикъ!.. (*Бросая въ воздухъ парикъ*).

СОНИЧКА. Что́ я вижу -- нашъ сосѣдъ!

МОШКИНЪ. Я окунулся въ живой водѣ... и выхожу молодымъ и и прекраснымъ, для того, чтобъ отдать въ вѣчное твое владѣніе всѣ сокровища моихъ прелестей!

СОНИЧКА (*всторону*). Боже мой! еслибъ онъ зналъ, что я одна дома!.. (*кричитъ*). Тетушка!..

МОШКИНЪ. Тсъ!

СОНИЧКА. Тетушка!

МОШКИНЪ. Тсъ!.. тише!.. не кричи, не зови ее!.. Повѣрь мнѣ, если я обманывалъ тебя, то для того только, чтобъ доказать тебѣ, какъ много, какъ безумно я люблю тебя!..

СОНИЧКА. Прошу васъ, не будьте тамъ фамильярны... не говорите мнѣ «ты»!

МОШКИНЪ. Я хотѣлъ удалить тебя отъ твоей безнравственной тетки, которая могла служить тебѣ весьма дурнымъ примѣромъ...

СОНИЧКА. Вы осмѣлились бранить мою тетушку!.. (*кричитъ*). Тетушка!

МОШКИНЪ. Тсъ!.. Я не хочу лгать тебѣ... Я бѣденъ... у меня весьма скромненькая квартирка... три стула, столъ и подержанная кровать... но это все будетъ принадлежать тебѣ... Пойдемъ же.. (*хочетъ увлечь ее*).

СОНИЧКА (*кричитъ*). Тетушка! тетушка!... Спасайтесь же скорѣе! развѣ вы не слышите, что я зову тетушку?

МОШКИНЪ. Ты не хочешь идти со мною?.. Хорошо же... Я остаюсь здѣсь и буду смѣло ожидать твою тетку!

СОНИЧКА. Но она тамъ... она сію минуту придетъ сюда...

МОШКИНЪ. Пускай придетъ... пускай попробуетъ выпроводить меня отсюда... (*вынувъ изъ кармана ключъ, замыкаетъ дверь*).

СОНИЧКА. Скажите пожалуйста... ключъ былъ у него въ карманѣ... Что вы дѣлаете?..

МОШКИНЪ (*вынувъ изъ кармана ключъ*). Ты видишь этотъ ключъ... Гляди же теперь, куда онъ отправится!.. Маршъ! (*бросаетъ ключъ въ окно. Слышенъ звукъ разбитаго стекла*).

СОНИЧКА (*вскрикивая*). Ай!..

МОШКИНЪ (*холодно*). Браво! прямо попалъ въ свое окно!

СОНИЧКА. Берегитесь же... я сію минуту приведу сюда тетушку... (*отворивъ дверь направо*). Она тамъ... слышите ли, она тамъ...

МОШКИНЪ. Постой!.. (*слышенъ стукъ въ среднюю дверь*). Кто-то стучится!..

СОНИЧКА. Тсъ!..

МОШКИНЪ. Тсъ!..

СОНИЧКА (*всторону*). Ахъ, еслибъ это была...

МОШКИНЪ. Тсъ!

ГОЛОСЪ СТАРУХИ (*за сценой*). Отвори! Это я!..

СОНИЧКА (*въ радости*). Это она!.. я спасена!

МОШКИНЪ (*тихо*). Постойте!.. (*вслухъ женскимъ голосомъ*). Кто вы?..

СОНИЧКА (*тихо*). Молчите, ради Бога!

ГОЛОСЪ (*за сценой*). Какъ кто?.. Твоя тетка!.. Я сію минуту только изъ Ладоги!

МОШКИНЪ. А, вотъ что!.. только сію минуту...

СОНИЧКА (*тихо*). Да замолчите ли вы?

ГОЛОСЪ. Развѣ ты не одна?..

СОНИЧКА. Нѣтъ...

МОШКИНЪ (*подражая ея голосу*). Нѣтъ, мы однѣ!.. (*всторону*). Какова!... Ея тетушка только сію минуту возвратилась изъ Ладоги!.. Ха, ха, ха!..

СОНИЧКА. Да замолчите ли вы!

ГОЛОСЪ (*за сценой*). Отопрешь ли ты!

СОНИЧКА (*тихо*). Боже мой! что мнѣ дѣлать?.. Гдѣ я возьму теперь ключь?..

МОШКИНЪ (*тихо*). Погодите!.. (*вслухъ, женскимъ голосомъ*). Но точно ли вы увѣрены, что вы мнѣ тетушка?..

ГОЛОСЪ. Что?

СОНИЧКА. Перестаньте...

МОШКИНЪ (*также*). Здѣсь ужь и безъ васъ есть у меня тетушка...

ГОЛОСЪ. Да ты никакъ съума сошла!.. отвори скорѣе!..

МОШКИНЪ (*также*). Нѣтъ никакой возможности отворить... замокъ испорченъ.

ГОЛОСЪ. Боже мой! что за несчастіе... постой, я сбѣгаю за слесаремъ!..

XII.

МОШКИНЪ, СОНИЧКА.

МОШКИНЪ. Ушла!. Браво!.. (*слышенъ стукъ чего-то падающаго*). Чу! свалилась никакъ съ лѣстницы!.. Брависсимо!

СОНИЧКА (*всторону*). Все пропало!

МОШКИНЪ (*весело*). Теперь примемся за другую тетушку!.. Я требую тетку нумеръ второй!.. (*подходя къ двери направо и подражая голосу Сонички*) Тетушка! тетушка!.. помогите!.. здѣсь молодой человѣкъ... повѣса... шалунъ... ха, ха, ха!.. (*обернувшись, видитъ передъ собой Соничку. Она подаетъ ему раскрытую книжку, ту самую, которую читала въ шестой сценѣ*). Это что такое?

СОНИЧКА. Прочтите вотъ эти строчки...

МОШКИНЪ (*слѣдуя за ея пальцемъ глазами*). Что это?.. что я вижу?., Неужели... возможно-ли?.. и вы... и ты...

СОНИЧКА (*закрывая книгу*). Теперь вы знаете все!..

МОШКИНЪ (*падая передъ ней на колѣна*). О, знаю все... и люблю тебя въ милліонъ тысячъ разъ болѣе!.. О, моя весталка!.. о, моя Лукреція... еслибъ у меня были десять тысячъ цѣлковыхъ, я сію минуту заказалъ бы золотой вѣнецъ... велѣлъ-бы брилліантовыми буквами выложить надпись: «чудной дѣвушкѣ девятнадцатаго вѣка»... и потомъ возложилъ бы этотъ вѣнецъ на твою прелестную голову!

СОНИЧКА. Да!.. а между-тѣмъ, что будетъ со мною?..

МОШКИНЪ. Что-жь такое?..

СОНИЧКА. И вы еще спрашиваете... Сейчасъ возвратится тетушка... отворитъ дверь—и что-же, какой сюпризъ... она увидитъ меня одну... одну съ молодымъ человѣкомъ...

МОШКИНЪ. Да... но прибавь къ этому: съ будущимъ твоимъ мужемъ!..

СОНИЧКА (*въ радости*) Ахъ, неужели?..

МОШКИНЪ. Да! ты меня отлично обманула, и потому вполнѣ достойна быть моей женой.

СОНИЧКА. Ахъ, еслибъ я это прежде знала!..

МОШКИНЪ. Да развѣ могло быть иначе?.. Неужели ты считала меня такимъ подлецомъ!.. И такъ... предлагаю тебѣ, безцѣнный другъ, мою руку и богатства, которыхъ пока еще у меня нѣтъ...

СОНИЧКА. А я развѣ богаче васъ... всѣ мои сокровища заключаются въ трехъ платьицахъ, въ демикатоновомъ бурнусѣ, въ однѣхъ серьгахъ, въ старой шляпкѣ... а главное въ рукахъ, которыя, до-сихъ-поръ кормили меня и тетушку!..

МОШКИНЪ. Развѣ этого мало?.. Нѣтъ, ты милліонерка... нѣтъ, богаче милліонерки, потому-что ты прекрасная, честная дѣвушка и что у тебя добрѣйшая душа!.. Говори-же, согласна-ли ты быть моей женой?

СОНИЧКА. О, да... но я боюсь, что тетушка не повѣритъ... и если она застанетъ васъ здѣсь...

МОШКИНЪ. Не безпокойся, я явлюсь завтра съ формальнымъ предложеніемъ!

СОНИЧКА (*поспѣшно*). Тсъ! вотъ и тетушка!..

МОШКИНЪ (*прислушиваясь*). И, кажется, съ слесаремъ... слышишь... отпираютъ замокъ!

СОНИЧКА. Гдѣ-жь вы спрячетесь?.. Выйдти нѣтъ никакой возможности...

МОШКИНЪ (*отворивъ окно*). А эта лѣстница?.. Смотри...

СОНИЧКА. Что я вижу!..

МОШКИНЪ. Иногда и лѣстница красильщика можетъ намъ пригодиться!.. (*выпрыгая въ окно*). Любовь до гроба!

СОНИЧКА. Навѣкъ!..

ГОЛОСЪ СТАРУХИ (*за сценой*). Кажется, идетъ на ладъ.. ну, еще... еще...

МОШКИНЪ (*за окномъ, на лѣстницѣ*).
Прощай!

СОНИЧКА (*у окна, возлѣ него*).
Прощайте, до свиданья!

МОШКИНЪ.
А что-жь залогъ мнѣ на прощанье?

СОНИЧКА (*подставляя ему щеку*).
Вотъ вамъ...

МОШКИНЪ (*цѣлуя ее нѣсколько разъ*).
Чудеснѣйшій залогъ!
Прощай, мой другъ...

СОНИЧКА.
Храни васъ Богъ!

МОШКИНЪ.
Какъ грустно это разставанье!

СОНИЧКА.
За то, какъ радостно свиданье!

МОШКИНЪ.
Иди одинъ въ окно теперь...

СОНИЧКА.
Зато войдете завтра въ дверь!

МОШКИНЪ.
А тамъ...

СОНИЧКА.

А тамъ.

МОШКИНЪ.

Всю жизнь съ тобой!
Я назову тебя женой...

СОНИЧКА.

А я васъ мужемъ назову!

МОШКИНЪ.

Тогда-то я ужь заживу!

СОНИЧКА (*показывая на среднюю дверь*).

Пора!

МОШКИНЪ.

Пора!

СОНИЧКА.

Такъ до свиданья!

МОШКИНЪ.

Еще дай щечку на прощанье...

СОНИЧКА (*подставляя щеку*).

Ну, вотъ...

МОШКИНЪ (*цѣлуя ее*).

Какъ вкусно!

СОНИЧКА.

Ахъ, ступай!

МОШКИНЪ.

Прощай!

СОНИЧКА.

Прощай!

МОШКИНЪ (*цалуя ея руки*).

Прощай!

СОНИЧКА.

Прощай!

(Соничка отскакиваетъ отъ него. Мошкинъ скрывается за окномъ; въ эту минуту отворяется средняя дверь).

Инв 10448

ОГЛАВЛЕНІЕ XII ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОМПАНЬОНКА. Повѣсть Евгенія Лунскаго. (*С. К.*) (Кн. 11).
СТИХОТВОРЕНІЯ. *А. Г. Ротчева.* Вечеръ на морѣ.
Тропическая ночь.
Всегда, вездѣ одинъ.
До свиданія. (Кн. 11).
ВТОРАЯ ЖЕНА. Повѣсть. *Г. Корженевскаго.* (Кн. 12).
РУБЕНСОВА ГОЛОВКА. Разсказъ *В. В. Толбина.* (Кн. 12).
СТИХОТВОРЕНІЯ. *Н. П. Грекова.* (Кн. 12).

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

РАШЕЛЬ И КЛАСИЦИЗМЪ. *В. Р. Зотова.* (Кн. 11).
ПУССЕНЪ. (Кн. 11).
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ. (Кн. 12).
МЕЙЕРБЕРЪ И ЕГО ВЛІЯНІЕ. (Кн. 12).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Говорить о томъ, что всегда одно и тоже? — Общее содержаніе комедій, пословицъ и водевилей Александринскаго театра.—Замѣчательнѣйшія явленія на русской сценѣ. — Максимовъ 1, въ «Гамлетѣ» Шекспира. — Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, а кажется имъ такимъ легкимъ.—Ошибочное мнѣніе Байрона о Кинѣ и Кемблѣ. Первое появленіе Гамлета въ европейскихъ переводахъ. — Первый русскій переводъ.—Прежніе и современные намъ актеры въ роли Гамлета.—Мочаловъ и Каратыгинъ. Датская легенда объ Амлетѣ, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ. — Гамлетъ несумасшедшій, неслабодушный и нерѣшительный, словомъ не водевильный герой.—Мнѣніе Гёте о Гамлетѣ.—Г. Максимовъ 1.—Новый шагъ въ русскомъ искусствѣ на сценѣ.—Школа натурализма въ трагедіи.—
Плохой переводъ Гамлета г. Полеваго и его плохія послѣдствія.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Пріѣздъ Рашели.—Послѣдняя знаменитость.—Ожиданія и надежды Петербурга.—Федра-Рашель.— *Ипполитъ* Эврипида.—*Ипполитъ* Сенеки.—Разборъ Федры.—Завистники Расина.— *Федра* Прадона.—Мнѣнія о ней Лагарпа и Вольтера.—*Федра* Расина.—Прекрасные стихи и неестественные характеры.—Любовь Ипполита и Аристи.—Сцена признанія и древности.—Труппа Рашели.—*Готье, Рафаэль, Шери, Кронье, Дина.*— Сестры Рашели. — Вліяніе ея на свою труппу. — Историческая вѣрность и пластика. — *Марія Стюартъ* Лебрюна и Шиллера. — Класицизмъ и нѣмецкая драма. — Рашель въ роли Маріи Стюартъ.— *Андромаха.* — Расинъ и требованія его вѣка.—Мнѣніе Корнеля. — Мысль пьесы.—Андромаха Эврипида. — Цѣль ея. — Герміона въ *Андромахѣ* и *Орестѣ* Эврипида. — Герміона Расина. — Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера.—Значеніе пьесы и критика Лагарпа.— Разборъ трагедіи.—Пирръ.—Любовь à la française.—Неумѣстная иронія Герміоны.— Положеніе Андромахи. — Орестъ. — Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедіи.—Враги Андромахи.—Эпиграммы Расина.— *Адріенна Лекувреръ.*—Ея исторія.—Драма Скриба.—Разборъ ея. — Герцогиня Бульонъ. — Шазель. — Появленіе Рашели. — Два голубя.—Двѣ стороны таланта Рашели.—Энергія и нѣжность. — Любовь Адріенны.—Сцена соперницъ.—Монологъ изъ *Федры.*—Пятый актъ.— Смерть Адріенны.—Какъ умираютъ отъ яда.—Рашель въ современной драмѣ и трагедіяхъ. (Кн. 11 и 12).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Осень.—Минувшее и настоящее.—Умѣнье раздувать афиши. — Театръ въ Курскѣ и Рыбинскѣ. (Кн. 11).

СМѢСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ. Статья третья и послѣдняя. *В. И. Перекрестова.* (Кн. 11).

ПЕТЕРБУРГСКІЕ САВОЯРЫ. Уличный типъ. *В. В. Толбина.* (Кн. 11).

ТРЕХМѢСЯЧНЫЙ ПЛѢНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ. Статья первая. (Кн. 11). Статья вторая. (Кн. 12).

ШЕСТОЙ КОНТИНЕНТЪ. *И. М. Новосильскаго.* (Кн. 11).

ДЖАКЪ ЛУННЫЙ СВѢТЪ. Повѣсть *Эллена-Поэ.* (Кн. 11).

НОВОСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССІИ. (Кн. 11).

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ТАНЦОРКИ ВРЕМЕНЪ ЛЮДОВИКА XV. Разсказъ *А. Барте.* (Кн. 12).

ВОСПОМИНАНІЕ ТУРИСТА. Гавáнна и Матанзасъ. Изъ путешествій *А. Г. Ротчева.* (Кн. 12).

КУБЕГУЛЯ. Разсказъ изъ Абхазскихъ нравовъ. *В. И. Савинова.* (Кн. 12).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женахъ Аттилы.— **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Жизнь и произведеніи Рембрандта (*статья Густава Планша*). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.**— Послѣднія изслѣдованія историческаго значенія миѳологіи древнихъ народовъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Что̀ можетъ утѣшить въ жизни? (*разсказъ*).— Острова Уаланъ, Сандвичевы и Таити (*изъ путевыхъ записокъ Журьена де-ла-Гравьера*). — Новости парижской жизни. (*Письмо изъ Парижа*). (Кн. 11).

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузіи. — Литовскія легенды (1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса. 2. Сливочная княжна).—«Ленора» Бюргера на португальскомъ языкѣ.—Основаніе Бухареста (*легенда*).— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ:** Очерки зоологической географіи.—Могутъ-ли кометы столкнуться съ землею?—**ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Томасъ Стотгердъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Нарядъ супруги делійскаго султана. — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы.—Вечеръ въ Дамаскѣ.—Вашингтонъ-Ирвингъ.—Музыка и библіотеки въ среднихъ вѣкахъ.—Турецкая сабля (*сѣверо-американскій разсказъ*).— Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*). — Картина Босфора. (Кн. 12).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ: «Этюды изъ женской жизни». Соч. *А. П. С-на.*— «Крымскіе цыгане». *А. Котляревскаго.* — «Миссъ Анна». Романъ *Фенимора Купера.* Переводъ съ англійскаго *А. В Горковенко.*— **II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Еще выдержки изъ дневника одного мѣстнаго джентльмена. — Наружность Петербурга лѣтомъ и зимою. — Какъ проводятъ у насъ день съ осени до весны.—Театры, клубы, собранія, кондитерскія, кафе-рестораны, гостинницы съ ихъ публикою.—Хлыщи.— Уличные зѣваки съ своими наблюденіями. Живопись и скульптура, замѣненные обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной поэзіи изъ камня.—Замѣчательный по части свѣтописи художникъ.—Серебряная лотерея.—Моды. (Кн. 11).

I. **НОВЫЯ КНИГИ**: «Исторія войны Россіи съ Франціей» въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I, сочиненіе полковника *Милютина*. II. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ.—Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ. — Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности. — Деревянные геніи, или занятіе отъ нечего дѣлать. — Львица сезона съ ея изображеніемъ и львы съ чужими зубами и шерстью.—Метаморфоза. — Такса для наема экипажей. — Некрологъ. — Зимній садъ и зимнія литературныя новости. (Кн. 12).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОКИТЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Н. Крестовскаго*. (Кн. 11).

СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*.

12254.
7066

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неаккуратности или ошибки въ доставкѣ; немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непремѣнно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

—

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, *у Черныша моста, въ домѣ Лыткина.*»